Институт языкознания Российской академии наук

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 4 (47)

МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ГОРДОСТЬ ИЛИ ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ?

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

ВЫПУСК № 4 (47)

МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ГОРДОСТЬ ИЛИ ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ?

Материалы Круглого стола

**Московский государственный
лингвистический университет**

29 октября 2021 года

Москва – Тамбов
2021

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.
Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г.
Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2021 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н. Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Демьянков В. З., доктор филологических наук, профессор;
Ирисханова О. К., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор выпуска);
Бабина Л. В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С. Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л. В., доктор филологических наук;
Фурс Л. А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А. Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Киосе М. И., доктор филологических наук, доцент (отв. редактор выпуска);
Карпенко Е. И., кандидат филологических наук, доцент (редактор выпуска);
Томская М. В., кандидат филологических наук, доцент (редактор выпуска);
Козлова Е. А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Моск. гос. лингв. ун-т, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008– .

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 4 (47) : Методы когнитивной лингвистики: гордость или предубеждение? : материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 29 октября 2021 года / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. – 628 с.

ISBN 978-5-00078-496-9

В настоящем сборнике отражены актуальные направления исследований в области методологии когнитивной лингвистики. Разделы сборника включают темы и вопросы, обсуждаемые в ходе Круглого стола «Методы когнитивной лингвистики: гордость или предубеждение?». Ответы на них представляют известные отечественные когнитологи, ведущие исследования в области когнитивного конструирования, когнитивно-дискурсивной лингвистики, когнитивной прагматики, социосемиотики. Среди поднимаемых тем – трансфер идей когнитивных классиков в 21 век и появление новых теорий и гипотез, обсуждение преимуществ и недостатков теорий ментальной репрезентации и телесного опыта коммуникации, ключевые направления корпусной и дискурсивной парадигм когнитивной лингвистики, применение методик статистического анализа, а также возможности когнитивной лингвистики в решении проблем социального характера. Сборник адресован широкому кругу специалистов по когнитивной, полимодальной и дискурсивной лингвистике, а также гуманитариям в целом.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-00078-496-9 (Вып. № 4 (47))
ISBN 978-5-89016-442-1

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2021
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2021

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY
TAMBOV STATE UNIVERSITY NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

Cognitive Studies of Language

VOLUME # 4(47)

METHODS OF COGNITIVE LINGUISTICS: PRIDE OR PREJUDICE?

Papers of the Round Table

Moscow State Linguistic University

October 29th, 2021

Moscow – Tambov
2021

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.
Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Comminications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-52638.
The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2021. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N. N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);
Demyankov V. Z., Doctor of Philology, Professor;
Iriskhanova O. K., Doctor of Philology, Professor (volume editor-in-chief);
Babina L. V., Doctor of Philology, Professor;
Vinogradova S. G., Doctor of Philology;
Panasenko L. V., Doctor of Philology;
Furs L. A., Doctor of Philology, Professor;
Sharandin A. L., Doctor of Philology, Professor;
Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);
Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);
Kiose M. I., Doctor of Philology, Associate Professor (volume executive editor);
Karpenko E. I., Candidate of Philology, Associate Professor (volume editor);
Tomskaya M. V., Candidate of Philology, Associate Professor (volume editor);
Kozlova E. A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary).

Cognitive studies of language / editor-in-chief N. N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Moscow Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences ; Tambov : Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2008– .

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 4 (47) : Methods of Cognitive Linguistics: Pride or Prejudice? : Papers of the Round Table. October 29th, 2021, Moscow State Linguistic University / Volume's editor-in-chief O. K. Iriskhanova. – Tambov : Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2021. – 628 p.

ISBN 978-5-00078-496-9

The volume advances the topics relevant to the contemporary methodology of Cognitive Linguistics. It is built around the questions initiated at the Round table "Methods of Cognitive Linguistics: Pride or Prejudice?" and answered by well-known scholars who specialize in cognitive construal theories, cognitive discourse studies, multimodal linguistics, cognitive pragmatics, and social semiotics. These topics provide an in-depth view into the classical ideas of cognitive linguistics brought into the 21st century, consider the benefits and drawbacks of mental representations and embodiment studies, explore the directions of corpus, discourse and statistical studies in cognitive linguistics, and feature its welcoming input into social studies and technology.

The collection of papers is intended for a wide range of researchers interested in Humanities, and, more specifically, in cognitive, multimodal and discourse linguistics.

ISBN 978-5-00078-496-9 (Vol. # 4 (47))
ISBN 978-5-89016-442-1

© FSBEI HE «Tambov State University named after G.R. Derzhavin», 2021
© The Russian Cognitive Linguists Association, 2021

МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ГОРДОСТЬ ИЛИ ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ?

Посвящается памяти
профессора Елены Самойловны Кубряковой

Москва – Тамбов
2021

METHODS OF COGNITIVE LINGUISTICS: PRIDE OR PREJUDICE?

In memory
of Professor Elena S. Kubryakova

Moscow – Tambov
2021

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРОЕКЦИИ ИДЕЙ КОГНИТИВНЫХ «КЛАССИКОВ» В 21 ВЕК

Беляевская Е. Г. Фрейм? Фрейм… Фрейм! 17
Беседина Н. А. Методы когнитивной лингвистики: путь к гордости 25
Болдырев Н. Н. Вторичные проекции научных идей в контексте деривационных процессов 32
Галич Г. Г. Structures manifest functions 39
Демьянков В. З. О статистической гордости предубеждения 46
Песина С. А. Г. Риккерт и когнитивный подход к формированию понятия 55
Попова Г. Е. Теория релевантности: гордость и предубеждения. 61
Постовалова В. И. «Мыслящий тростник»: эвристические идеи и акцентуации когнитивного подхода в представлении ментального мира человека (эпистемологические заметки) 68
Турбина О. А. Лингвистическое наследие Г. Гийома: первый и величайший из когнитивистов 76

II. ГИПОТЕЗЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Германова Н. Н. Тест на завершение дискурса в контексте когнитивной лингвопрагматики 84
Гришаева Л. И. Когда прецедентные феномены предпочтительнее первичных номинативных средств? 91
Дроздова Т. В. Гипотезы и доказательства в когнитивных исследованиях вербальных средств репрезентации научного нелингвистического знания: Роль метакогниции в решении поставленной проблемы 100
Заботкина В. И. Ментальные и языковые пространства перевода: новые измерения 107
Карасик В. И. Лингвокультурные векторы оценки и самооценки личности 113
Краева И. А. Особенности изучения категории градуальности в современной лингвистике 121
Манерко Л. А., Суханова А. С. Понимание соотношения концептуальной области и дискурса. 127
Новодранова В. Ф. Теоретические основы направления в когнитивной лингвистике «Язык для специальных целей» 133
Ржешевская А. А. Модификации дискурса в речи респондентов: алгоритм оценки (на примере драматургического дискурса) 137
Цурикова Л. В. Эксперимент в когнитивном анализе культурно обусловленного дискурсивного поведения 148
Чекулай И. В., Прохорова О. Н. Композиционная семантика: современное состояние и возможные перспективы развития 155

III. ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ОГРАНИЧЕНИЯ

Баландина И. Д., Юздова Л. П. Механизмы топонимизации как отражение принципов мышления человека 162
Берзина Г. П. Когнитивный подход при анализе дискурсивных практик 167
Вашунина И. В., Зимина М. В. Опыт экспериментальных исследований ментальных репрезентаций 174
Вдовиченко А. В. О различии когнитивного и семиотического (знакового) процессов: экспериментальный аргумент 181
Жук Н. А., Робустова В. В. Когнитивно-матричный анализ немецких фитонимов 193
Куликова В. А. Метафтонимические процессы при антропонимах в лингвокогнитивных моделях сравнения в современном немецком языке 199
Озерова Е. Г. Когнитивные факторы апперцептивной номинации 206
Стефанович М. В., Кшеновская У. Л., Стародубцева А. В. Когнитивные основания наречий на -ly зрительного восприятия 213
Фурс Л. А., Кошелева В. П. Конструирование каузации убывания свойств объекта в английском языке 220
Яковенко Е. Б. Помощник или соперник? О месте концептуального анализа в диахронических исследованиях 226

IV. EMBODIMENT. ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕСТОВ С РЕЧЬЮ

Ирисханова О. К., Аврамова Ю. С. Нечеткая референция при решении метаязыковых задач как полимодальный феномен 233
Карпенко Е. И., Герус С. К. Номинации жестовых кинем в немецкоязычной художественной литературе 245
Киосе М. И. Оркестры речи и жеста в кинокадре. Аргументативный и описательный дискурс 255
Леонтьева А. В., Агафонова О. В., Петров А. А. Особенности использования дейктических жестов при синхронном переводе 270
Логинова Е. Г. Полисемиотическое дискурсивное пространство как «особый формат знания» и методы его анализа 279
Томская М. В. Речевые затруднения при когнитивной нагрузке в синхронном переводе 291
Цибуля Н. Б. Корреляция движения бровей и интонации как маркер когнитивных процессов 297

V. КОРПУСНЫЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Баландина Е. С. Возможности корпусного подхода в многоаспектном изучении концепта 305
Глинская Н. П. Семантические отношения в тезаурусе психологических терминов: что показывает описательная статистика когнитивному лингвисту? 312
Голубкова Е. Е., Трубочкин А. В. Когнитивная семантика и корпусные исследования: Good chemistry 320
Калинин О. И. Количественный анализ метафор как способ выявления когнитивно-речевого воздействия 327
Калинникова Е. Д., Анисимов В. Е. Корреляционный анализ как метод верификации исследования номинативного поля концепта 334
Нильсен Е. А., Малиновская М. Н. Корпусные исследования номинаций судов в английском языке 342
Нильсен Е. А., Малышева Е. А. Отражение концепта HAPPINESS в текстах СМИ (на материале корпусных данных) 348
Передриенко Т. Ю. Когнитивно-корпусный подход к изучению синонимии в терминологии 355
Петрухина Е. В., Де Пой М. Э. Глагольные неологизмы в неформальной коммуникации пользователей Рунета: корпусный, количественный и концептуальный анализ 361
Плисов Е. В., Оладышкина А. А. Концептуализация феномена глобализации в современном немецкоязычном медийном дискурсе (на материале корпусных данных) 370
Позднякова Е. М., Суворина Е. В. Корпусный анализ коллокаций adj+Britain, adj+England, adj+America 377
Рябцева Н. К. Переводческие парадоксы и их когнитивная интерпретация . . . 383
Янко Т. Е. Просодии дискурсивных жанров: концептуальный метод разработки корпуса 390

VI. «СЛУЖЕНИЕ ОБЩЕСТВУ»: КАКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ РЕШАЮТ КОГНИТОЛОГИ?

Азарова Н. М. Когнитивные основания перевода поэтических заглавий 397
Беляева И. В., Беляев А. А. Значение социокультурных когнитивных доминант при переводе (на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом) 404
Бочавер С. Ю. Когнитивные аспекты романского билингвизма в современном поэтическом дискурсе 410

Гасымова Г.М., Нелюбова Н.Ю., Финская Т.Е. Репрезентация концептов PAIX и GUERRE в языковом сознании представителей современного французского общества: лингвоаксиологический аспект 417
Дрейзис Ю.А. Языковые механизмы концептуализации письменного знака в системе с морфосиллабическим типом письма 424
Коваленко А.С. Использование когнитивного механизма «профиль-база» в формировании терминов с ономастическим компонентом в клинических нейронауках 430
Кошкарова Н.Н., Солопова О.А. Когнитивная лингвистика на службе общества: Как и почему важно изучать медиаобраз региона?. . . . 436
Попова М.В., Филимонова А.А. Преодоление результата фонетической интерференции как фактор успешной интеграции русских иммигрантов в немецкое мультикультурное сообщество 442
Раевский А.В. Японская ономатопея как объект когнитивных исследований 452
Ушакова А.П., Патиева М.М., Шишкина С.А. Лингвокультурные особенности прецедентных имен как составляющая языковой личности писателя-билингва 459
Шкуран О.В., Карпинская Н.В. Когнитивные факторы процессов сакрализации и профанизации языковой семантики фразеологизмов с соматизмом ГОЛОВА в русском языке 465

VII. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Букина А.В. Методы когнитивной лингвистики в изучении агитационного мультимодального дискурса 472
Имбер С.Ю. Комментарии в социальных сетях как результат «конструирования мира». 479
Маслова Ж.Н. Актуализация когнитивных исследований языка в эпоху технологических вызовов 486
Нефедова Л.А. Языковая реализация концепта НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ в актуальных дискурсивных практиках немецкоязычных СМИ. 493
Опарина О.И. Модификации в концептуальном поле ЗНАНИЕ на примере медиа дискурса и хештегов. 500
Степанян К.А. Импликации инстаграм публикации: лингво-когнитивные свойства и функционирование в дискурсе 506
Taymour M.P. Multimodal creativity in first generation American Internet demotivators 513
Трощенкова Е.В. «Гонка вооружений» в общественно-политическом дискурсе: диалог новых медиа и их аудитории в когнитивном аспекте и роль исследователя 520

VIII. ЭМПИРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Антонова Е. Н., Ершов В. И. Суггестивные свойства интертекстем: эмпирический анализ поэтического дискурса 528
Дубровская О. Г. Когнитивно-дискурсивная интерпретанта как прием анализа социокультурной специфики дискурса 535
Зыкова И. В. Лудические новации в кинодискурсе с позиции параметрического подхода к изучению лингвокреативности 542
Косиченко Е. Ф. Ирония как маркер когнитивного диссонанса (на материале художественной прозы) 550
Куликова О. В. Категория интенциональности в условиях спонтанного речевого взаимодействия (на материале дебатов в британском парламенте). 557
Левицкий А. Э., Никульшина Т. Н. Оттеночные цветообозначения сквозь призму прототипической семантики (на материале русского и английского сказочных дискурсов). 565
Ломакина О. В., Моклецова И. В., Уразаева К. Б. Анализ художественного текста в свете когнитивной лингвистики. 571
Макарова А. С. Концептуальная оппозиция РАЙ – АД в секулярном и православном медиадискурсе: функционально-когнитивный анализ 578
Миньяр-Белоручева А. П. Дискурсивные практики конструирования исторического прошлого. 585
Панкратова С. А. Роль образности в эвристических практиках (на примере дискурса киногероев научно-фантастического фильма «Робот по имени Чаппи») 592
Раевская О. В. Эго-метатекст во французском историографическом дискурсе 599
Соколова О. В., Захаркив Е. В. Неузуальное функционирование дискурсивных слов со значением неопределенности в современной поэзии 606
Фомин А. Г., Карачева Н. С. Лингвокогнитивная трансформация значения понятия Вавилон 614
Шарапкова А. А. Эксперимент с мифом в английской культуре: креативность или предсказуемость? 620

CONTENTS

I. 21 CENTURY AND CLASSICAL IDEAS OF COGNITIVE LINGUISTICS

Belyaevskaya E. G. Frame? Frame… Frame! 17
Besedina N. A. Methods of cognitive linguistics: way to pride 25
Boldyrev N. N. Secondary projections of scientific ideas within the context of derivational processes 32
Galich G. G. Structures manifest functions 39
Demyankov V. Z. On statistical pride of prejudices 46
Pesina S. A. G. Rickert and the cognitive approach to the formation of concept 55
Popova G. E. Linguistic and cognitive mechanisms of political deliberation in the light of Relevance Theory 61
Postovalova V. I. "The thinking reed": Heuristic ideas and accentuations of cognitive approach in mental world representations (from epistemological perspective) 68
Turbina O. A. The linguistic heritage of G. Guillaume: first and greatest of cognitivists 76

II. HYPOTHESES AND PROOF IN COGNITIVE LINGUISTICS

Guermanova N. N. Discourse completion test in cognitive pragmatics perspective 84
Grishaeva L. I. When are culturally significant phenomena preferable to primary nominative means? 91
Drozdova T. V. Hypotheses and proof in cognitive research of verbal means of scientific non-linguistic knowledge representation: The role of metacognition in achieving goals 100
Zabotkina V. I. Mental and language spaces of translation / interpreting: New dimensions 107
Karasik V. I. Linguistic and cultural vectors of person's evaluation and self-evaluation 113
Kraeva I. A. Specific features of studying the category of graduality in modern linguistics 121
Manerko L. A., Sukhanova A. S. Defining conceptual domain and discourse 127
Novodranova V. F. Theoretical foundations of the direction in cognitive linguistics "Language for special purposes" 133
Rzheshevskaya A. A. Featuring drama discourse: An algorithm of the assessment of discourse modifications in speech 137

Tsurikova L. V. Experimental method in cognitive analysis of culturally framed discourse behaviours 148
Chekulai I. V., Prokhorova O. N. Compositional semantics: the modern state and the perspectives of possible development 155

III. STUDIES OF MENTAL REPRESENTATIONS: BENEFITS AND DRAWBACKS

Balandina I. D., Yuzdova L. P. Mechanisms of toponimization as a reflection of the principles of human thinking 162
Berzina G. P. Cognitive approach in analysis of discursive practices 167
Vashunina I. V., Zimina M. V. Experimental studies of mental representations . . . 174
Vdovichenko A. V. On the difference of cognitive and semiotic (sign) processes: an experimental argument 181
Zhuk N. A., Robustova V. V. Cognitive-matrix analysis of German phytonyms 193
Kulikova V. A. Metaphtonymic processes in linguo-cognitive comparative models with anthroponyms in modern German language 199
Ozerova E. G. Cognitive factors of apperception nomination 206
Stefanovich M. V., Kshenovskaya U. L., Starodubtseva A. V. Cognitive basis of visual perception adverbs with *-ly* 213
Furs L. A., Kosheleva V. P. Construction of the causation of object properties decrease in English 220
Yakovenko Ye. B. Assistant or rival? On the use of conceptual analysis in diachronic studies 226

IV. EMBODIMENT. CO-SPEECH GESTURE STUDIES

Iriskhanova O. K., Avramova J. S. Vague reference in metalinguistic problem solving as a multimodal phenomenon 233
Karpenko E. I., Gerus S. K. The nominations of gesture's kinemes in modern German literature 245
Kiose M. I. Orchestrations of speech and gesture in cinematic shots. Discourse of argumentation and description 255
Leonteva A. V., Agafonova O. V., Petrov A. A. The specifics of using deictic gestures in simultaneous interpreting. 270
Loginova E. G. Polysemiotic discursive space as "a special format of knowledge" and methods of its analysis. 279
Tomskaya M. V. Speech dysfluencies under cognitive load in simultaneous interpretation 291
Tsibulya N. B. Correlation of eyebrow movement and intonation as a marker of cognitive processes. 297

V. CORPUS AND STATISTICAL STUDIES IN COGNITIVE LINGUISTICS: DYNAMICS AND TRENDS

Balandina E. S. Application of the corpus approach to the concept analysis . . . 305
Glinskaya N. P. Semantic relationships in the thesaurus of psychological terms: What do descriptive statistics reveal to a cognitive linguist? 312
Golubkova E. E., Trubochkin A. V. Cognitive semantics and corpus approach: Good chemistry 320
Kalinin O. I. Metaphor power as a method for detecting cognitive speech impact 327
Kalinnikova E. D., Anisimov V. E. Correlation analysis as a verification method for studying the concepts nominative field 334
Nilsen E. A., Malinovskaya M. N. Corpora studies of English ship nominations. 342
Nilsen E. A., Malysheva E. A. HAPPINESS concept in Media texts (based on corpus data) 348
Peredrienko T. Yu. Cognitive corpus approach to synonymy in terminology . . . 355
Petrukhina E. V., DePoy M. E. Verbal neologisms in informal communication of RuNet users: corpus, quantitative and conceptual analysis 361
Plisov E. V., Oladyshkina A. A. Conceptualization of the globalization phenomenon in modern German Media discourse (based on corpus data) 370
Pozdnyakova E. M., Suvorina E. V. Corpus analysis of collocations adj+Britain, adj+England, adj+America 377
Riabtseva N. K. Translation paradoxes and their cognitive interpretation 383
Yanko T. E. The prosody of spoken genres: the method of preparing the working corpora 390

VI. MEETING SOCIAL NEEDS: HOW DOES COGNITIVE LINGUISTICS HELP COMMUNITY?

Azarova N. M. Cognitive basis for translation of poetry titles 397
Beliaeva I. V., Beliaev A. A. The importance of sociocultural cognitive dominants in translation (based on phrasemes with zoonyms) 404
Bochaver S. Yu. Cognitive aspects of Romance bilingualism in contemporary poetry discourse 410
Gasymova G. M., Neliubova N. Yu., Finskaya T. Ye. The representation of the concepts PEACE and WAR in the linguistic consciousness of modern French society's representatives: Linguo-axiological aspect 417
Dreyzis Yu. A. Linguistic mechanisms of written sign conceptualization in a language with a morphosyllabic type of writing. 424

Kovalenko A. S. The use of the cognitive mechanism "profile-base" in the formation of terms with onomastic component in clinical neurosciences 430
Koshkarova N. N., Solopova O. A. Cognitive linguistics on the payroll of society: Why and how is it important to study region's media image? 436
Popova M. V., Filimonova A. A. Overcoming the result of phonetic interference as a factor of successful integration of Russian immigrants into German multicultural society 442
Raevsky A. V. Japanese onomatopoeia as an object of cognitive studies 452
Ushakova A. P., Patieva M. M., Shishkina S. A. Linguistic and cultural features of precedent names as a component of the language personality of bilingual author 459
Shkuran O. V., Karpinskaya N. V. Cognitive factors of sacralization and profanization of phraseologisms with the somatism *golova* in the Russian language 465

VII. COGNITIVE LINGUISTICS AND TECHNOLOGICAL ADVANCES

Bukina A. V. Cognitive methods in studying multimodal propaganda discourse 472
Imber S. Yu. Social networks' comments as the result of world construal 479
Maslova Zh. N. Mainstreaming cognitive linguistics research in the era of technological challenges 486
Nefedova L. A. Language realization of NEW NORMALITY concept in modern discursive practices of German-speaking media 493
Oparina O. I. Modifications in conceptual field KNOWLEDGE based on media discourse and hashtag study 500
Stepanyan K. A. Implications of an Instagram post: Linguistic and cognitive features and their functioning in discourse 506
Таймур М. П. Мультимодальная креативность в американских интернет-демотиваторах первого поколения 513
Troschenkova E. V. "Arms race" in sociopolitical discourse: Dialogue between new media and their audiences in a cognitive aspect and role of the scholar 520

VIII. DISCOURSE PRACTICES IN VARIOUS CULTURES. EMPIRICAL METHODS

Antonova E. N., Ershov V. I. Suggestive properties of intertextemes: An empirical analysis of poetic discourse 528
Dubrovskaya O. G. Cognitive-discursive interpretant as a method of sociocultural discourse analysis 535

Zykova I. V. Ludic innovations in cinematic discourse from the perspective of a parametric approach to the study of linguistic creativity 542
Kosichenko E. F. Irony as a marker of cognitive dissonance (an analysis of English prose) 550
Kulikova O. V. The category of intentionality in spontaneous speech interaction (featuring the debates in British Parliament) 557
Levitsky A. E., Nikulshina T. N. Shades of colour designation viewed through the prism of prototype semantics in Russian and English fairy tale discourse 565
Lomakina O. V., Mokletsova I. V., Urazaeva K. B. Analysis of artistic text in the perspective of cognitive linguistics 571
Makarova A. S. Conceptual opposition HEAVEN – HELL in secular and Orthodox media discourse: functional-cognitive analysis 578
Minyar-Beloroucheva A. P. Discursive practices of constructing the historical past 585
Pankratova S. A. The role of imagery in heuristic practices (based on the example of heroes' discourse of the sci-fi film "Chappie") 592
Raevskaya O. V. Ego-metatext in the French historiography 599
Sokolova O. V., Zakharkiv E. V. Unusual functioning of ambiguity discourse markers in contemporary poetry 606
Fomin A. G., Karacheva N. S. Cognitive linguistic transformation of Babylon . . . 614
Sharapkova A. A. Experiment with myth in English culture: Creative or predictable? 620

I. ПРОЕКЦИИ ИДЕЙ КОГНИТИВНЫХ «КЛАССИКОВ» В 21 ВЕК

Е. Г. Беляевская *(Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
bellgeorgelena@gmail.com

ФРЕЙМ? ФРЕЙМ… ФРЕЙМ!

Потенциал фрейма как одного из основных понятий когнитивной лингвистики используется к настоящему моменту далеко не полностью из-за тенденции считать фреймы аналогами семантических и тематических полей, которые активно изучались в структурной лингвистике. Первоначально фреймы рассматривались как своеобразные ментальные матрицы, репрезентирующие знания и позволяющие создать методологические основания для изучения сложных процессов вербализации. Возвращение к такому пониманию фрейма представляется перспективным при изучении проблем конструирования и интерпретации текста, при выявлении моделей манипуляции общественным сознанием и моделировании речевой деятельности.

Ключевые слова: фрейм, ментальные модели, вербализация, конструирование текста, когнитивные основания текстоформирования, интерпретация текста, механизмы манипуляции общественным сознанием в прессе.

Современная наука существенно отличается от науки XIX и XX веков, прежде всего, характером коммуникации, когда результаты исследования становятся известными научному сообществу в максимально сжатые сроки благодаря интернету и быстро публикуемой научной периодике. Однако такой интенсивный обмен научными идеями имеет и обратную сторону – быстро меняющуюся научную «моду». Большинство лингвистов в настоящее время признают когнитивистику магистральным направлением лингвистических исследований, однако, при этом чаще, чем раньше, стала происходить смена научных интересов, причем в большинстве случаев за счет так называемых «междисциплинарных исследований», где собственно лингвистика занимает достаточно скромное место. В результате то, с чего собственно и начиналась когнитивная лингвистика,

многим в настоящее время кажется малоинтересным, архаичным, недостойным внимания, или просто «пройденным этапом». Возможно, это объективная реальность и поступательное развитие лингвистической науки, однако обращает на себя внимание тот факт, что многие глобальные проблемы, которые ставила перед собой когнитивная лингвистика на раннем этапе своего развития, по-прежнему так же далеки от своего решения, как и раньше.

Прежде всего, сказанное касается понятия *фрейма*, обращение к которому фактически и ознаменовало собой переход к когнитивной парадигме лингвистического знания.

Оговоримся сразу, что нам неизвестны случаи отрицания значимости фреймового подхода к анализу языковых явлений. Так же нельзя утверждать, что фреймовые семантики не фигурируют в настоящее время в самых разных научных исследованиях. Однако, когда представление о фрейме вошло в научный обиход в лингвистике, казалось, что от этого исследовательского приема можно ожидать гораздо большего.

Проследить эволюцию понимания *фрейма* мы постараемся на материале известной работы [Croft & Cruse 2007], которая ставила своей целью провести обзор имеющихся достижений когнитивной лингвистики и подвести промежуточные итоги, что подтверждают и сами авторы: «Самой известной версией фреймового подхода в когнитивной лингвистике является модель фреймовых семантик, разработанная Филлмором. В этом разделе мы рассмотрим теорию Филлмора и его аргументацию, а в последующих разделах обратимся к дальнейшему развитию идей Филлмора в работах других лингвистов по когнитивной лингвистике» [Croft & Cruse 2007: 8] (здесь и далее перевод наш – *Е. Б.*)

Таким образом, Крофт и Круз считают отправной точкой в становлении теории фреймов подход Филлмора, хотя, как известно, само понятие фрейма пришло в лингвистику из информатики, где оно считалось одним из шагов в направлении создания искусственного интеллекта. Фрейм при этом рассматривался как своеобразная ментальная матрица, содержащая в структурированном виде информацию об определенном фрагменте действительности [Minsky 1974]. Предполагалось, что структура подобной матрицы или ментальной модели связана с языковой системой, поскольку содержащуюся там информацию необходимо далее вербализовать в процессе коммуникации. Поэтому на тот момент чаще говорили о *фреймах ситуаций* или о *ситуационных фреймах*. Интересно отметить, что Крофт и Круз не ссылаются на Минского и не включают его в библиографию, однако свое объяснение того, что следует по-

нимать под фреймом, они начинают с примера ситуационного фрейма RESTAURANT [Croft & Cruse 2007: 7].

Мы полагаем, что, разрабатывая свою теорию фреймов, Филлмор следовал именно тому подходу к фреймам, который был описан выше. Об этом свидетельствует то, что, рассматривая различия в принятых терминах, он помещает *фрейм* в ряд таких понятий когнитивной лингвистики, как *сцена*, *схема*, *сценарий* и *модель* [Филлмор 1983: 110–111], т. е. в ряд всех тех понятий, которые родственны *ситуационному фрейму*. Однако, имея в виду процесс вербализации, когнитивным основанием которого признавался фрейм, Филлмор обратился к решению сложнейшей лингвистической проблемы – проблемы выбора лексических единиц в ходе порождения высказывания. Эта проблема также решается посредством конструирования фреймов, и отсюда следующее определение фрейма по Филлмору: «под термином «фрейм» я понимаю любую систему концептов, соотнесенных между собой таким образом, что для того чтобы понимать какой-либо из этих концептов, необходимо понимать всю систему, в которую этот концепт входит» [Fillmore 1982: 111]. Это определение является весьма продуктивным при решении проблем лексической семантики, в частности, при рассмотрении полисемии, синонимии, антонимии, гиперо-гипонимии и др., однако совершенно не используется (да и вряд ли может быть использовано) при рассмотрении высказываний и текстов, что отражено в обзорах, представленных в [Croft & Cruse 2007].

Но если вернуться к начальным этапам развития когнитивной лингвистики, то становится очевидным, что центральным направлением при становлении этой научной парадигмы было ***изучение когнитивных оснований речетворческого процесса***, а также изучение того, каким образом осуществляется понимание текста и взаимопонимание в процессе коммуникации. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что, несмотря на необычную и во многом непривычную терминологию и формулировку решаемых проблем и исследовательских задач, когнитивная лингвистика просто предложила новый методологический аппарат для дальнейшего изучения проблемы соотношения и взаимодействия языка и мышления. Как известно, это проблема отнюдь не новая, она уже не первое тысячелетие находится в центре внимания всех тех, кто в той или иной мере занимается исследованием языка и языков. При всем уважении к проблемам лексической семантики, а также к проблемам организации лексической подсистемы языка и так называемого «ментального лексикона», следует признать, что когда когнитивная лингвистика только намечала пути своего дальнейшего развития, исследователи в основном

анализировали высказывания и тексты (см. [Dijk & Kintsch 1983]), а не отдельные слова. Причина заключалась в том, что именно высказывания и тексты являются основными носителями смысла в процессе передачи информации в вербальной форме.

Обращение к фреймам позволяет определить смысл высказывания. Например, высказывание “May I see your ticket, please” будет иметь разный смысл в зависимости от той ситуации, в которой оно реализуется. Это может быть и просьба контроллера билетов на транспорте, и вопрос в полицейском участке, куда посетитель приходит для того чтобы проверить законность выписанного штрафа за парковку. Но насколько фреймовый подход применим именно к *текстам*? И какими должны быть методологические основания фреймового анализа текста?

Ван Дейк считал, что контексты в дискурсе и тексте базируются на фреймах, которые делают эти контексты структурированными, причем эти иерархически организованные структуры обеспечивают понимание [Дейк 1989: 21–24]. Это самое общее положение и с ним трудно спорить, однако оно не раскрывает деталей методологии последующего анализа.

Рассуждая логически, следует заключить, что фрейм как структура данных, репрезентирующих некоторую ситуацию или некоторый фрагмент реального или придуманного мира, составляет когнитивное основание последующей вербализации и превращения мыслительного содержания в письменный текст. Таким образом, реализуя фреймовый подход при анализе письменного текста, исследователь в результате проведенного анализа может восстановить исходный фрейм. Однако, понимание передаваемого текстом смысла, которое является необходимым условием коммуникации, предполагает, что этот исходный фрейм легко восстанавливает любой читатель. В этом случае, что именно может добавить к фреймовому анализу текста лингвист? Чтобы ответить на этот вопрос, ***следует изучить закономерности взаимодействия фреймов (или конфигурации фреймов), которые выступают в качестве когнитивного основания вербализации, и конечного продукта этой вербализации – текста***.

При этом совершенно очевидно, что сравнивать можно только разные варианты вербализации одного и того же фрейма, иначе сравнение становится непродуктивным. В художественной литературе такие случаи найти очень трудно, и поэтому мы обратились к новостному дискурсу, где одно и то же медиасобытие ежедневно описывается и анализируется разными информационными агентствами. Результаты проведенного нами исследования мы продемонстрируем на примере новостного сообщения о встрече Большой Семерки (G7) в Корнуолле в июне 2021 года, переданного 11 июня

2021 года агентствами BBC (Великобритания) [https://www.BBC.com], CNN (США) [https://www.CNN.com], агентством Reuters [https://www.Reuters.com], и китайским агентством Xinhua (Синьхуа) [https:// www.Xinhua.com].

Встреча G7 продолжалась три дня (11–13 июня 2021), поэтому все информационные материалы всех источников фиксируют такие фактические составляющие события, формирующие исходный фрейм, как (1) участники встречи, (2) повестка дня.

Первый терминал исходного фрейма (участники встречи) вербализуется во всех текстах одинаковым образом. Исключение составляет текст CNN, где базовые данные о составе G7 вообще отсутствуют, так же как и информация о приглашенных странах и формах их участия (Индия участвовала в удаленном режиме), зато здесь в центре внимания находится президент США Дж. Байден. Его имя упоминается 6 раз на протяжении 10 коротких абзацев. Показательны и соответствующие контексты:

> leaders … welcoming President Biden; Biden was seen in friendly conversation with President Emmanuel Macron of France and Prime Minister Justin Trudeau of Canada as he walked to the platform; Biden walked arm-in-arm with Macron; German Chancellor Angela Merkel said Friday that she is "very happy" to have Biden at the summit; "I am, of course, happy that the American President is present here".

Соответственно, в тексте CNN меняется и фокусировка исходного фрейма – создается впечатление, что лидеры G7 собрались, прежде всего, для того чтобы приветствовать президента Байдена и подчеркнуть его роль во встрече.

Что касается второго обязательного терминала – проблем, которые предполагалось обсудить на встрече, то здесь при общей единой направленности смыслового содержания наблюдается значительная вариативность, которая фактически указывает на присутствие в когнитивном основании формирования текстов классификационного фрейма НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД СОВРЕМЕННЫМ МИРОМ:

> BBC: a stronger global health system that can protect us all from future pandemics; climate change and trade;
>
> CNN: pledge to donate 1 billion Covid vaccine doses; unity after four years of fractured alliances under then-President Trump; support of multilateralism and also for values based on multilateralism;
>
> Reuters: economic resilience; foreign policy; climate and nature;
>
> Xinhua: to tackle inequality and build back better from the coronavirus pandemic; economic recovery; COVID-19 vaccine sharing; climate change.

Интересно отметить, что в тексте Xinhua повестка дня и стоящие перед G7 задачи подаются в трактовке премьер-министра Великобритании, который описывает их как обязательства, которые должно взять на себя западное сообщество, некоторые обещания, которые еще только предстоит исполнить. Эту же идею, но уже прямо, автор медиа сообщения повторяет в конце текста, ссылаясь при этом на мнение протестующих демонстрантов:

> The summit was held as multiple protests were carried out in the area, accusing the club of the rich countries of making "empty promises" and failed to properly tackle such issues as climate change and ecological emergency. In Falmouth, one of the four designated areas for protests, demonstrators held high banners like "Liar", "No Empty Promises" and "Resist G7".

Мы рассмотрели структуру исходного фрейма, однако, во всех текстах фреймовая конфигурация, лежащая в основе семантической структуры текста, носит более сложный характер, чем тот, который был описан выше, и включает в себя и другие фреймы. В частности, в тексте BBC дается краткая история предыдущих встреч G7, пространное объяснение того, почему местом встречи избран британский Корнуолл; описание тех проблем, которые решались на предыдущих встречах. Кроме того, рассматриваются принятые меры безопасности и реакция протестующих. Данные о протестах представлены также в тексте Xinhua, но отсутствуют в других источниках.

Все перечисленные темы, по сути, следует рассматривать как неосновные терминалы исходного фрейма, которые в процессе текстоформирования могут разворачиваться в самостоятельные фреймы. Такие фреймы должны трактоваться как *родственные* исходному фрейму, поскольку они конструируются на основе инференции и содержат информацию, дополняющую исходную ситуацию. Следует отметить, что степень близости к стержневому фрейму у таких дополнительных фреймов может быть различной, что устанавливается операциями естественного вывода. Так, наименьшей связью с основной темой, подлежащей вербализации, характеризуются фреймы КОРНУОЛЛ и ПРОТЕСТЫ ДЕМОНСТРАНТОВ.

Совершенно очевидно, что родственные фреймы влияют на фокусировку исходного фрейма, однако, как показало проведенное нами исследование, ***наиболее эффективным инструментом в плане изменения фокусировки и, соответственно, смысла новостного текста является подключение к исходному или стержневому фрейму неродственного фрейма***.

На первый взгляд, кажется, что такая когнитивная операция вряд ли возможна при формировании таких, достаточно коротких текстов. Тем не менее, подобная модель присутствует в тексте Reuters, озаглавленном Factbox: What is on the G7 summit agenda? (And what is on the dinner menu?) (Фактические данные: Что на повестке дня встречи в верхах G7? (И что там в обеденном меню?)

Данный заголовок можно было бы считать метафорой, намеком на то, что помимо официальных обсуждений, некоторые вопросы можно было бы решать на деловых завтраках, обедах и ужинах. Но заголовок буквально соответствует содержанию сообщения, поскольку в тексте Reuters воспроизводится программа трех дней работы G7 и к каждому пункту сделано дополнение о том, что будут подавать участникам после заседания, например:

> Saturday: Second discussion session – Economic resilience. Third discussion session – Foreign Policy. Fourth discussion session – Health. Melinda French Gates and UK Chief Scientific Adviser Patrick Vallance will address leaders virtually at the meeting. Leaders and guests have a barbecue on the beach, including steak and lobster, followed by hot buttered rum and toasted marshmallows.

Неродственный фрейм ЕДА, введенный в когнитивное основание семантики конструируемого текста, превращается в квазиродственный, поскольку участники подобных встреч, действительно, должны есть и пить, просто ввиду важности события для международной политики на это не обращают особого внимания. В результате эта дополнительная информация полностью перетягивает на себя внимание читателей, а политическая повестка дня отходит на второй план и начинает казаться чем-то малозначительным.

Таким образом, фреймовый подход может позволить ответить на вопрос о том, как формировался анализируемый текст и какие неявные идеи (помимо очевидных и явных) автор текста в него заложил для достижения определенного прагматического эффекта. Однако для адекватного фреймового анализа смыслового содержания текста необходима соответствующая методика, и на основании проведенного нами исследования здесь можно дать следующие рекомендации.

Во-первых, следует учитывать тот факт, что фрейм (или комбинация фреймов) как когнитивное основание семантики текста представляет собой двухмерную структуру, где к упорядоченному ситуационному фрейму (фрейму по М. Минскому) подключаются классификационные фреймы (фреймы по Ч. Филлмору), позволяющие определить принципы выбора

языковых средств при вербализации и, следовательно, зафиксировать фокусировку фреймовой конфигурации.

Во-вторых, важным этапом анализа является определение взаимосвязи и взаимодействия фреймов в общей конструкции когнитивного основания, поскольку в нее могут входить как родственные, так и неродственные (или квазиродственные) фреймы. В последнем случае введенный во фреймовую конфигурацию неродственный фрейм, которому необходимо адаптироваться к общему когнитивному основанию текста для сохранения тождества темы, существенно влияет на структуру стержневого фрейма, что делает этот когнитивный механизм удобным инструментом для манипуляции общественным сознанием.

Литература

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Сб. работ. М.: Прогресс, 1989.

Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике: прикладная лингвистика. Вып. XII. М.: Радуга, 1983. С. 74–122.

Croft W. & Cruse D. Alan. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Dijk T.A. van & Kintsch W. Strategies of discourse comprehension. New York: Academic Press, 1983.

Fillmore Ch. Frame semantics. *Linguistics in the morning calm* / ed. The Linguistic Society of Korea. Seoul: Hanshin, 1982. P. 111–137.

Minsky M. A Framework for Representing Knowledge / A. I. Memo 306. Massachusetts Institute of Technology Artificial Intelligence Laboratory, 1974.

E. G. Belyaevskaya *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

FRAME? FRAME … FRAME!

The scope of application of frames in cognitive linguistic research is narrowed by a tendency to treat frames as an analogous form of semantic and / or thematic fields well studied in structural linguistics. Initially frames were viewed as mental matrixes structuring knowledge and helping to account for intricacies of verbalization. Going back to basics frames might turn a fine methodological point of departure to study text construal, mechanisms of ideological manipulation in the press and cognitive structures underlying speech production.

Key words: frame, mental models, verbalization, text construal, cognitive basis of text formation, text interpretation, mechanisms of ideological manipulation in the press.

Н. А. Беседина *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
NBesedina@bsu.edu.ru

МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ПУТЬ К ГОРДОСТИ

В статье проводится ретроспективный анализ формирования и становления методов когнитивного анализа языка в отечественной лингвистике. Предлагается практика применения ряда методов, а также анализируются тенденции в развитии методов и приемов, обеспечивающих исследование когнитивной функции языка в тесном взаимодействии с другими основными функциями: коммуникативной и интерпретирующей.

Ключевые слова: метод, когнитивная лингвистика, концептуальный анализ, когнитивное моделирование.

Один из важных признаков, характеризующих самостоятельность любого научного направления, – наличие своих собственных методов исследования. На начальных этапах становления отечественной когнитивной лингвистики оппоненты высказывали претензии именно в отношении методов исследования, а точнее – их отсутствия, рассматривая когнитивную лингвистику начального периода как «совокупность индивидуальных исследовательских программ менее, чем десятка широко известных авторов» [Паршин 1996: 30]. Возможность существования такого и подобных ему мнений была обусловлена, с точки зрения Е. Г. Беляевской, тем, что в тот период каждый из исследователей предлагал свою модель объяснения того или иного языкового явления на основе выделения концептуальных структур, лежащих в основе семантики и функционирования языковых сущностей, которая оказывалась неприложимой к новому языковому материалу [Беляевская 2005: 5]. Действительно, методы, использовавшиеся и разработанные на заре когнитивной лингвистики в России, были ориентированы первоначально на работу с определенным языковым материалом с акцентом на когнитивную составляющую, либо на изучение собственно семантики языковых единиц.

Развитие и формирование новых теорий: концептуализации, категоризации, репрезентации, многоуровневой теории значения, послуживших в последующем основанием для формирования когнитивной теории языка (см. [Болдырев 2018]), имело своим неизбежным последствием

разработку и внедрение в исследовательскую практику методов, которые отвечают запросам этих теорий и позволяют анализировать материал с более широких позиций, с учетом когнитивной функции языка, а точнее – с учетом взаимодействия мыслительных и языковых единиц в процессе порождения смысла.

Разработке отдельных приемов и принципов когнитивных методов исследования языка посвящены работы Е. Г. Беляевской. В частности, в соответствии с основными положениями многоуровневой теории значения, ею предложена когнитивная модель многозначного слова, объединяющая все значения полисеманта в единое целое. Разработанная методика выявления концептуального основания семантики многозначного слова представляет собой один из вариантов процедуры концептуального анализа (см. подробнее [Беляевская 2005; 2008]).

Одна из первых попыток обобщения основных тенденций в формировании собственных методов и приемов когнитивного анализа языка была сделана в вышедшем в 2008 году сборнике научных трудов «Принципы и методы когнитивных исследований языка». В работах, включенных в данный сборник, были представлены, наряду с новыми направлениями когнитивного анализа языка, принципы и методы организации таких исследований (см. [Принципы… 2008]). Наиболее детальному анализу в нем, а также в вышедшем годом ранее сборнике «Концептуальный анализ языка: современные направления исследования» [Концептуальный…2007], был подвергнут метод концептуального анализа, осуществляемый во множестве различных приемов (см. подробнее, например, [Кубрякова 2007]). Напомним, что концептуальный анализ предполагает выделение и изучение той единицы знания (определенного концепта), «которая репрезентирована конкретной языковой единицей», и «представляет собой систему приемов, направленных на выделение конкретных структурных и содержательных характеристик» [Болдырев 2008: 24] такого концепта. Соответственно объектом концептуального анализа становятся «смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми пропозициями и их реализация в виде конкретных высказываний, а также отдельными текстами и даже целыми произведениями» [Болдырев 2004: 26]. По мнению Н. Н. Болдырева, такая особенность концептуального анализа позволяет применять его название «в качестве родового термина в отношении любых когнитивных приемов анализа знаний на концептуальном уровне их репрезентации» [Болдырев 2008: 24].

Видимо, именно эта особенность и определила тот факт, что достаточно длительное время лингвистам не удавалось прийти к единому

пониманию самого концептуального анализа, что приводило к появлению достаточно большого количества исследований и публикаций по их результатам, в которых не определялись ни конкретные цели концептуального анализа, ни методика его осуществления. Эта тенденция была в свое время подвергнута глубокому критическому анализу (см., например, [Кубрякова 2007; Болдырев 2011; 2018] и др.)

Исследуя основные тенденции в развитии концептуального анализа, Е. С. Кубрякова отмечала прежде всего отличия по целям и методике его проведения в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в отечественной лингвистике от собственно когнитивного (семантического) анализа, применяемого в исследованиях зарубежных лингвистов, например. Р. Джекендоффа, Р. Лэнекера и др. Основное отличие, по мнению ученого, связано с тем, что они проводятся на разном уровне обобщения (абстракции). Концептуальный анализ, разрабатываемый в отечественной версии когнитивной лингвистики, направлен на «установление концептуальной структуры, которая стоит за рассматриваемой языковой формой» [Кубрякова 2007: 13], что приобретает особую значимость для адекватного описания и объяснения целого ряда языковых форм в языке (например, частей речи, противопоставления абстрактных имен конкретным и т. д.), для определения норм сочетаемости единиц и выведения правил композиционной семантики, анализа пространственной категоризации мира, словообразования и терминоведения. Одновременно с выявлением тенденций в становлении концептуального анализа, Е. С. Кубрякова отмечает преемственность в его развитии, особо подчеркивая, что концептуальный анализ позволяет представить законченное описание семантики языковой формы на самых абстрактных уровнях ее бытия, не пренебрегая при этом результатами компонентного и дефиниционного анализа как исследовательских процедур более низкого уровня (см. подр. [Кубрякова 2007]).

На обращенность концептуального анализа к языковому творчеству обращает внимание О. К. Ирисханова, отмечая, что применение концептуального анализа в когнитивной семантике позволяет выявить противонаправленные процессы и явления, на которые опирается языковое конструирование мира (см., например, [Ирисханова 2007]).

Наряду с концептуальным анализом, широкое распространение в исследовательской практике конца 90-х годов XX века и первого десятилетия XXI века получили методы фреймового и прототипического анализа. Их активное применение, тем не менее, позволило выявить и ограничения в сферах их использования. В частности, фреймовый анализ (фреймовая семантика) ограничивается стереотипным знанием, организованным

в иерархическую структуру элементов уровневого характера или в виде пропозиции. Прототипический анализ (прототипическая семантика) предполагает выявление прототипических характеристик для той или иной категории посредством анализа концептуальных характеристик прототипа, которые служат основой формирования значений языковых форм. Как следствие, область его применения ограничена исследованием языкового знания второго типа. Уточним, что этот тип языкового знания в классификации Н. Н. Болдырева предполагает знание собственно языковых форм, их значений и категорий, отражающих специфику языковой организации, а также специфику представления знания о мире в языке (см. классификацию языкового знания, предложенную Н. Н. Болдыревым [Болдырев 2008; 2018]).

Одновременно с развитием указанных методов на смену собственно лингвистическому моделированию приходят методы когнитивного моделирования знаний, репрезентируемых языковыми единицами различного уровня, в виде фреймов и других концептуальных структур, таксономий и категорий. Когнитивное моделирование становится одним из центральных методов исследований, так как практически в любой работе, выполненной в когнитивном русле, исследователи осуществляют моделирование тех процессов, которые обеспечивают взаимодействие когнитивных и языковых структур, активизацию когнитивных и языковых механизмов в процессе порождения смысла (см., например, анализ проблемы в [Беляевская 2017]). Когнитивное моделирование нашло свое дальнейшее развитие в формах метакогнитивного моделирования (применительно к изучению поэтического текста и сложного предложения как формата знания) и концептуального пространственно-временного моделирования, а также в разработке технологий моделирования различных процессов. В частности, процессов непрямого наименования в тексте [Киосе 2015].

Широкое применение рассмотренных выше методов к изучению различных типов знания и различных языковых единиц позволяет сегодня говорить о их сформированности, что и дало основание Н. Н. Болдыреву в своей фундаментальной монографии, обобщившей опыт создания когнитивной теории языка, отнести их уже к традиционным методам исследования языка в когнитивном аспекте [Болдырев 2018]. Наряду с ними в отечественной лингвистике были разработаны и успешно применяются так называемые специфические методы когнитивного анализа, представленные в исследованиях, в частности Тамбовской научной школы. К числу таких относят концептуально-таксономический анализ, когнитивно-матричный анализ, категориальный анализ, анализ

когнитивно-дискурсивной интерпретанты. Перечисленные методы позволяют изучать специфические форматы знания, не поддающиеся схематизации и описанию в терминах элементарных компонентов (см. подробный анализ в [Болдырев 2018: 381–421]).

В отдельную группу следует выделить так называемые частные (специальные) методы, разработанные в теоретических исследованиях последних двадцати лет, позволяющие изучать различные аспекты взаимоотношения когнитивных и языковых структур разного уровня: метод скетч-фреймов, концептуально-конфигуративный анализ, анализ когнитивной доминанты, модусного форматирования и др. В эту же группу следует отнести и метод концептуально-репрезентативного анализа [Беседина 2008], позволяющий теоретически осмыслить и систематизировать данные о способах и принципах концептуализации и репрезентации с помощью морфологических категорий и форм, а также выявить морфологически передаваемые концепты в их двоякой функции – как оперативных единиц сознания, и как неких идеальных единиц, объективированных в языковых (морфологических) формах и категориях. Именно при такой систематизации выявленные в системе языка морфологические категории и формы группируются в соответствии с их местом и ролью в репрезентации категориальной части концептуального содержания. С учетом взаимодействия двух ключевых процессов – концептуализации и репрезентации – оказывается возможным более глубокий анализ морфологии языка, фиксирующей наиболее существенные и важные когнитивные структуры, без которых человек не мог бы мыслить о мире и сформировать его определенный образ, или картину мира. Более того, концептуально-репрезентативный метод позволяет установить, как соотносятся между собой языковая и ментальная репрезентации, дифференцируемые в когнитивной лингвистике. О практике применения данного метода см. подробнее в [Беседина 2008; 2017].

Современный период в развитии методов когнитивного анализа семантических проблем характеризуется интегрированной методологией, предполагающей, например, интеграцию корпусных исследований в процесс когнитивного анализа семантики слова. Попытка представления возможностей компьютерно-корпусного подхода была сделана, в частности в коллективной монографии, подготовленной авторским коллективом под руководством В. И. Заботкиной [Методы… 2015]. Использование когнитивно-корпусных технологий представлено также в ряде работ Н. Б. Гвишиани (см., в частности, [Гвишиани 2015]). В поиске новых объяснений для установленных аспектов взаимодействия языка и мышления

когнитивные лингвисты все чаще обращаются к анализу невербальных семиотических систем – визуальных и жестовых, что, в частности, получило название жестового поворота и мультимодальной коммуникации (см. работы Ирисхановой О. К., Ченки А. и др.) [Iriskhanova, Cienki 2018].

Завершая ограниченный по объему анализ становления и развития методов когнитивных исследований языка, применяемых в отечественной лингвистике, следует отметить, что они прошли путь от индивидуальных исследовательских приемов к вполне сложившейся системе, включающей в себя традиционные, специфические и частные (специальные) методы. Именно совокупность таких методов и позволяет находить новые объяснения языковым фактам и их реализации в процессе коммуникации, выявлять новые тенденции в развитии дискурсивных практик, глубже проникать во взаимодействие мыслительных и языковых структур, иными словами, получать результаты, которыми стоит гордиться. Представленный ретроспективный анализ, тем не менее, позволяет заключить, что когнитивная лингвистика как современное научное направление преодолела все сомнения и предубеждения и более чем за 30 лет непростого пути смогла доказать свою состоятельность и эффективность. А потому на вопрос, предложенный организаторами Круглого стола, можно с уверенностью ответить, что методы когнитивной лингвистики являются предметом ее гордости.

Литература

Беляевская Е. Г. Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 5–14.

Беляевская Е. Г. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях (традиционный подход VS когнитивный подход) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов, 2008. С. 98–110.

Беляевская Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 82–157.

Беседина Н. А. Метод концептуально-репрезентативного анализа в когнитивных исследованиях языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 61–72.

Беседина Н. А. Морфологические категории в аспекте языковой интерпретации // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 311–327.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 11–29.

Болдырев Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: *концепт как единица знания* // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 23–32.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Гвишиани Н. Б. Когнитивно-корпусные технологии в исследовании семантики и структуры слова (на материале английских фразовых глаголов) // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXIII. С. 81–90.

Ирисханова О. К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М. – Калуга: Эйдос, 2007. С. 69–80.

Киосе М. И. Технологии моделирования процесса непрямого наименования в тексте // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXIII. С. 106–116.

Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М. – Калуга: Эйдос, 2007.

Кубрякова Е. С. Предисловие // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М. – Калуга: Эйдос, 2007. С. 7–18.

Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 19–42.

Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008.

Iriskhanova O. K., Cienki A. The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contribution and Challenges // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 25–36.

N. A. Besedina *(Belgorod, Russia)*
Belgorod State University

METHODS OF COGNITIVE LINGUISTICS: WAY TO PRIDE

The paper presents retrospective analysis which shows the way the cognitive linguistics methods developed in Russian linguistic tradition. The application of some of them is also mentioned. Tendencies in further development of cognitive methods are understudy. They give the opportunity for thorough studying of cognitive function in interaction with both communicative and interpretive functions of the language.

Key words: method, cognitive linguistics, conceptual analysis, cognitive modelling.

Н. Н. Болдырев *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru

ВТОРИЧНЫЕ ПРОЕКЦИИ НАУЧНЫХ ИДЕЙ В КОНТЕКСТЕ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ[1]

В статье рассматриваются процессы развития научных теорий и понятийно-терминологического аппарата двух типов: на концептуальном уровне (концептуальная деривация в процессах получения нового научного знания) и на уровне их языковой репрезентации – языковая деривация в сфере создания новых научных формулировок и терминологического аппарата. Автор также выделяет критерии эффективности таких деривационных процессов концептуального и языкового характера.

Ключевые слова: деривация, вторичность, наука, теории, понятийно-терминологический аппарат.

Более тридцати лет назад Е. С. Кубрякова в коллективной монографии «Гипотеза в современной лингвистике», посвященной формам развития самой науки, акцентировала внимание на «динамизме языка», который, по ее мнению, связан с выбором языковых средств из указанного арсенала, в их организации и комбинаторике с целью построения осмысленных текстов» [Кубрякова 1980: 230]. Эта проблема и по сей день актуальна, особенно в отношении научных текстов (и потому в первую очередь для лингвистики), которые передают научные знания о мире в их статике и динамике как определенную их систему – научную картину мира, и осмысленность языковой репрезентации которых поэтому имеет чрезвычайно важное значение. На необходимость ясности мысли и ясности ее языкового выражения обращал внимание и Л. Витгенштейн, заключая: «То, о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием» [Витгенштейн 2018: 4].

Развитие системы научных знаний и научной картины мира в целом можно рассматривать с точки зрения деривационных процессов в их приложении к научным понятиям и терминам. Эти процессы параллельно осуществляются **на двух уровнях**: концептуальном

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

и языковом. В первом случае речь идет о развитии и порождении новых научных понятий на базе существующих (концептуальная деривация) в рамках исходных теорий и подходов или о появлении новых теорий и подходов в результате выхода за рамки исходных представлений. Во втором – о появлении новых формулировок, определений, отдельных терминов и терминологических систем в языке (языковая деривация).

Концептуальная деривация в области научных знаний может быть обусловлена разными факторами: развитием технологий и научных методов познания мира, появлением новых материальных и духовных объектов, изменением точек зрения на объект исследования. Применительно к лингвистике это преимущественно связано с появлением новых подходов и способов осмысления языковых фактов, гораздо реже – с обнаружением новых языковых явлений. Как следует из рассуждений Л. Витгенштейна о фактах и языке в упомянутой выше работе, прогресс любой науки заключается не в самих фактах, а в новых способах говорения о фактах [Витгенштейн 2018].

Перечисленные факторы позволяют предположить, что процессы **концептуальной деривации в научной области неоднородны и включают разные содержательные типы** формирования нового научного знания на основе исходного. К таким типам можно отнести: 1) развитие исходной идеи в пределах той же области применения, 2) расширение ее применения в пределах той же области, 3) проекцию тех или иных научных идей в другие концептуальные области.

Первый тип концептуальной деривации предполагает углубление, уточнение, расширение, сужение, переконфигурирование, динамическое, процессуальное (в отличие от статического) осмысление содержания исходного научного понятия в конкретных аспектах с целью получения и передачи нового научного знания о структурах вторичного характера. В частности, на базе лингвистического понятия предикативности (предикации) было разработано понятие вторичной предикативности (предикации), характеризующее специфику определенных синтаксических структур. На языковом уровне это отразилось в появлении специального термина для их обозначения – *вторично-предикативные структуры,* такие, как например в следующем предложении: *На кровном аргамаке,* ***крытом*** *царским вальтрапом с вензелями,* ***поднимая*** *аргамака на дыбы,* ***сияя*** *улыбкой, в треуголке,* ***заломленной*** *с поля, с белым султаном, лысоватый и* ***сверкающий*** *Александр вылетал перед артиллеристами* (М. А. Булгаков). Аналогичные деривационные процессы связаны и с появлением следующих терминов и понятий:

концептуализация – вторичная концептуализация, категоризация – вторичная категоризация, перекатегоризация, субкатегоризация, функциональная категоризация, *репрезентация – вторичная репрезентация, интерпретация – первичная / вторичная интерпретация, фразеологизация – дефразеологизация, лексикализация – делексикализация*, *грамматикализация* и т. д.

Примером **второго типа** может служить распространение научных понятий и терминов на другие сферы той же концептуальной области («горизонтальные» деривационные процессы), например: *модусная, оценочная концептуализация, модусная, оценочная категоризация*, *модусная / оценочная интерпретация, модусные (оценочные) концепты и категории*. К этому же типу относится расширение сфер применения научных терминов и понятий в том числе за счет обращения к другим уровням представления научных знаний (суперординатному или субординатному в сравнении с базовым): *семантическая деривация – морфологическая, синтаксическая, концептуальная деривация*, *языковые схемы и модели – когнитивные схемы и модели, языковое моделирование – когнитивное моделирование, концепт – метаконцепт, дискурс – метадискурс, репрезентация – метарепрезентация*.

Третий тип концептуальной деривации связан с выходом за границы определенной концептуальной области (например, конкретной науки или определенной теории) в другую область (другую науку или ее область): *картина мира – научная картина мира – языковая картина мира*. К этому типу можно также отнести перенос теории оппозиций, разработанной Н. С. Трубецким, из фонологии в область семантики и грамматики (Р. О. Якобсон), а также ее дальнейшее развитие применительно к этим областям науки, или перенос теории прототипов, уровней категоризации, базовых категорий естественных объектов и принципов их формирования (Э. Рош) в область языка и языковых категорий.

Иллюстрацией данного типа деривационных процессов в научном познании может также служить дискуссия в философии, психологии и лингвистике относительно дихотомии «язык как система – речь» и первичности того или иного элемента этой дихотомии, а также развитие аргументации в пользу конкретной точки зрения. Например, современные представления о том, что любая единица языка, как и ее семантика, с генетической точки зрения порождается в речи [Михайлов 1992: 99] и что процесс номинации неразрывно связан с предикацией [Колшанский 1977; Кубрякова 1984; Павлов 1985 и др.]

являются естественным логическим развитием соответствующих концепций В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни. «В действительности речь строится не из предшествующих ей слов, – утверждал В. фон Гумбольдт, – а наоборот, слова возникают из речи…» [Гумбольдт 1984: 90]. В аналогичном смысле высказывался и А. А. Потебня: создание слова и «есть лишь первый случай употребления» [Потебня 1958: 41]. Эти представления развивались далее на основе идей Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Дж. Остина о том, что «значение слова есть его употребление в языке» [Wittgenstein 1953: 20]. Употребление первично, подчеркивал Б. Рассел, значение же извлекается из него [Russel 1956: 300].

Определенной неоднородностью отличаются и деривационные процессы языкового характера в научном познании. Эта неоднородность на языковом уровне проявляется в трех основных типах: 1) уточнение, расширение, сужение содержания терминов, формирование новых формулировок, определений, толкований, терминов, основанные на соответствующих процессах концептуальной деривации, 2) расширение сферы применения терминов в пределах одной и той же области, 3) выход за рамки исходной области и распространение сферы их применения на другую область. Примеры такой неоднородности всех трех типов приведены выше при обсуждении типов концептуальной деривации в научном познании.

Оправданность тех или иных деривационных процессов концептуального или языкового характера в научном познании определяется их эффективностью с точки зрения получения нового знания и степени его аргументированности. К числу основных критериев такой эффективности деривационных процессов в сфере получения нового научного знания можно отнести следующие показатели:

1) прозрачность деривационных связей, соотнесенность производной концептуальной или языковой единицы с базовым научным знанием (понятиями) и базовой терминологической системой, выступающими в качестве когнитивных доминант (о доминантном принципе организации языка, языкового сознания и языковых познавательных процессов см. подробнее: [Болдырев 2020] и другие главы той же коллективной монографии),

2) появление нового научного знания о мире (языке), представленного в производном понятии и соответствующем термине / формулировке / определении, в том числе в одном из компонентов структуры терминологического значения,

3) коллективный уровень стандартизации нового научного и соответствующего языкового знания (прямая или косвенная содержательная соотнесенность с коллективным знанием, встроенность в структуру коллективного знания),

4) денотативно-референтная соотнесенность новых научных понятий и терминов с миром объектов, в том числе языковых, подтверждающая их оправданную необходимость и новизну представления на данном уровне: базовом, суперординатном (обобщение), субординатном (конкретизация) в вертикальном (выход на разные уровни) или горизонтальном (в пределах одного уровня) аспектах,

5) конкретность «добавленного» к исходному нового знания в плане его определения и верификации, отсутствие чрезмерной абстрактности и умозрительности.

Первый критерий предполагает четкость в установлении структурных и содержательных связей между исходными, с одной стороны, и производными, с другой стороны, научными понятиями и терминами, которое проявляется также в наследовании производной концептуальной или языковой единицей части исходного содержания. По определению, научное познание должно носить всегда осознанный характер, что означает, по мнению С. Л. Рубинштейна, осознание того или иного положения «в системе связей, которые делают его обоснованным» [Рубинштейн 2002: 24]. Обратное – неосознанное научное познание (со всеми вытекающими из этого последствиями: неструктурированное сознание, отсутствие когнитивных доминант в виде базового научного знания и знания базовых понятий и терминов, когнитивные и языковые искажения) обусловлено механическим усвоением и производством новых (научных ли?) знаний вне этих связей. С. Л. Рубинштейн также подчеркивал: «не осознано не само по себе положение, которое мы знаем, а обосновывающие его связи» [Там же].

В результате мы получаем вторичные формулировки и термины, основанные на сомнительного (с точки зрения их научности) свойства деривационных процессах, типа: *психолингвистический эксперимент – лингвистический эксперимент*, но: *–?семантический эксперимент* (*??смысловой, прагматический, морфологический, фразеологический, синтаксический* и т. д.). Или: *Пропозиционализация фрейма осуществляется за счет* ***предикатизма****; Если проводить аналогию между фреймом и таксономией* (параллельно напрашивается вопрос: а зачем, с какой целью?!)*, то определенному её классу соответствует слот фрейма, под которым можно понимать* ***ячейку с закрепленной за ней семой***;

когнитивные основания концептуализации фрейма; *денотат процесса говорения* и т. д. и т. п. (из статей и диссертаций). Особенно этим «грешат» современные теории управления и инноваций: *точка кипения, территория смысла, студенческий научный баттл* (вместо конференции), *центр научно-образовательных коллабораций, посчитать и улучшить свои компетенции, управление по развитию персонала.*

Во всех приведенных примерах с «красивыми» формулировками практически невозможно выделить элементы нового научного знания (критерий 2), предлагаемого авторами, если вообще его можно назвать знанием при отсутствии ясности его содержания, не говоря уже о коллективном уровне его стандартизации (критерий 3). Уместно еще раз процитировать ту же работу С. Л. Рубинштейна, в которой он специально подчеркивал, что «знание, представленное в сознании индивида, является единством объективного и субъективного» [Рубинштейн 2002: 21], сделав акцент на коллективном (объективном) компоненте знания. Не соответствуют они и критериям 4 и 5: денотативно-референтной соотнесенности с миром науки и языка (что такое *компетенция* и чем она отличается от *компетентности*?) и конкретности научного знания (*центр коллабораций, точка кипения*). Налицо явное стремление к манипулированию абстрактными (надуманными, умозрительными, оторванными от реального научного познания) понятиями и формулировками суперординатного уровня, связь которых с базовым уровнем никак не прослеживается, с целью имитации бурной научной деятельности, а также значимости ее результатов, имитации их научности.

Достаточно иллюстративным примером сказанного (несоответствие вышеназванным критериям эффективности) может также служить попытка заместителя министра просвещения РФ «разъяснить» в процессе обсуждения в Общественной палате РФ содержание Постановления правительства РФ, регулирующего просветительскую деятельность (скрипт видео): *Это Постановление правительства… э… регулирует… э… как образовательные, научные организации… образовательной, научной… э… образовательной… э… сфер…организации в сфере культуры… э… осущ… осуществить… на своей… на своей… инфраструктуре… для обучающих, …школьников, студентов… м-м… как… м-м… как… ос… как провести мероприятие просветительской направленности. Еще раз повторю: у себя на своей инфраструктуре для своих студентов, школьников… э… сотрудников… э… и в рамках одной организации.* [URL: https://www.youtube.com/watch?v=9cDKiRzDh2M].

В качестве заключения следует еще раз подчеркнуть, что процессы научного познания и репрезентации полученных результатов (новых научных знаний) в языковой форме во многом основаны на деривационных процессах концептуального и языкового характера, которые отличаются содержательной неоднородностью. Некоторые процессы такого рода в силу их недостаточной осознанности и стандартизации в контексте связей с коллективным (базовым) научным знанием не отвечают критериям научно-теоретической или практической значимости и новизны и, следовательно, в качестве вторичных проекций других теорий не могут служить целям развития науки и научной картины мира.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные доминанты языкового сознания: коллективная монография. Тамбов: Принт-Сервис, 2020. С. 21–79.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2018.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация: (Общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 99–146.

Кубрякова Е. С. Динамическое представление синхронной системы языка // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 217–261.

Кубрякова Е. С. О номинативном компоненте речевой деятельности // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 13–22.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Михайлов В. А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992.

Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л.: Наука, 1985.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.

Russell B. Logic and Knowledge. N. Y.: MacMillan, 1956.

Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford: Basil Blackwell, 1953.

N. N. Boldyrev *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

SECONDARY PROJECTIONS OF SCIENTIFIC IDEAS WITHIN THE CONTEXT OF DERIVATIONAL PROCESSES

The article examines the processes of development of scientific theories and conceptual and terminological apparatus of two types: at the conceptual level (conceptual derivation in the processes of obtaining new scientific knowledge) and at the level of their linguistic re-presentation – language derivation in the creation of new scientific formulations and terminological apparatus. The author also outlines the criteria of effectiveness of these derivational processes of conceptual and linguistic types in the domain of scientific research.

Key words: derivation, secondary, science, theories, conceptual and terminological apparatus.

Г. Г. Галич *(Омск, Россия)*
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
gggalich.2014@mail.ru

STRUCTURES MANIFEST FUNCTIONS

Статья затрагивает некоторые вопросы теории языка. Ее объектом является язык в целом с его когнитивно-прагматическими функциями и структурами, воплощающими эти функции. Автор утверждает, что «интегративная лингвистика» включает внешнюю и внутреннюю версии. Новой областью является изучение нейронной сети салиентности.

Ключевые слова: интегративная лингвистика, внешняя и внутренняя интегративность, функция, структура, нейронная сеть салиентности.

В название данной статьи вынесены афористичные в своей простоте и краткости слова одного из первых теоретиков когнитивной лингвистики – Рональда Лангакера (Ленекера) из его фундаментального труда “Foundations of Cognitive Grammar” [Langacker 1986: 95]. “Structures manifest functions” – «структуры манифестируют (ясно показывают, воплощают, демонстрируют) функции» (*перевод наш – Г. Г.*). На фоне рассуждений о революциях в лингвистике эти слова говорят о том, что любые подходы к языку – антропоцентрический, коммуникативный, когнитивный – так

или иначе имеют дело с языковыми структурами. Утверждения о том, что структурные исследования языка ушли в прошлое недооценивают тот факт, что звукобуквенные, и тем более – грамматико-лексические структуры языка, используемые в речи, тексте, дискурсе, – это единственная материя языка, наблюдаемая, чувственно воспринимаемая материальная основа реализации языком его функций, в том числе – глобальных – познания и общения. Универсальным методом анализа этой материи может быть ее когнитивно-прагматическая интерпретация.

Слова Р. Лангакера напоминают нам о том, что объект исследования лингвистики – язык – сам по себе явление многоаспектное и, соответственно, его адекватное описание должно это свойство учитывать. В качестве проекции положения о взаимосвязи функций языка и его структур на передний план в последние десятилетия выходит лингвистический термин «интегративный подход». Подробное описание различных аспектов интегративности приведено еще в работе Е. С. Кубряковой «Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века» [Кубрякова 1995: 207–230], где автор постулирует перспективность этого подхода, а в более поздних трудах приходит к понятию также интегративной когнитивно-дискурсивной парадигмы, объединяющей изучение обеих глобальных функций языка – когнитивной и коммуникативной [Кубрякова 2006: 27].

К сожалению, несколько упрощенно выглядят некоторые современные заявления о том, что интегративная лингвистика – это сочетание лингвистики когнитивной и лингвокультурологии. Конечно, это интегративное сочетание, но почему только двух подходов? И почему именно этих? Не следовало бы стремиться к всестороннему описанию функционирования языка в целом и конкретных актуальных языковых явлений, языковых единиц, в частности?

Анализ существующих работ в области развивающихся смежных с лингвистикой наук позволяет провести внутрисистемную дифференциацию двух парадигмальных видов интегративности: интегративность в широком и узком смыслах, или, по отношению к собственно лингвистике – выделить интегративность внешнюю и внутреннюю [Галич 2021]. Внешняя интегративность характеризует такие смежные, или дефисные науки, как психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, математическая и компьютерная лингвистика, в последнее время – особенно инновационная – нейролингвистика и т. п., которые не только имеют собственную парадигму, но могут при необходимости, диктуемой изучаемым материалом, предоставлять свои методы и подходы для решения общих или отдельных лингвистических задач.

Внутренняя интегративность складывается на базе многоаспектного, опирающегося на опыт лингвистических исследований, комплексного изучения речевого/дискурсивного материала, объектом которого могут быть структуры (прежде всего – грамматико-лексические, контекстные), семантика (в том числе – когнитивная семантика) и прагматика речевых единиц. Подобная лингвистика может учитывать традиции отечественной ономасиологии, на ее основе можно построить ядерные компоненты современного интегративного описания языка в его живом функционировании. К ним по необходимости могут быть присоединены данные стилистики, фразеологии, терминоведения и т. д.

Сказанное выражает позицию автора данной статьи, согласно которой предпочтителен широкий взгляд на формирование современной когнитивной лингвистики, включающей не только сложившуюся парадигму концептологии, но и учение о когнитивных категориях и когнитивных стратегиях, для формирования которого необходимы элементы позитивных традиций ономасиологии и рефлексы контенсивного анализа, фрагменты релевантного знания, теории дискурса и смежных наук.

В качестве примера реализации внутренней интегративности можно привести ссылку на недавнюю статью «Коммуникативная ситуация характеристики и ее категориальные экспоненты», в которой на основе эмпирического контенсивного анализа дискурсивных фрагментов английского, немецкого и русского языков выявляется парадигмальный статус номинаций ментальных категорий качества, свойства и признака, согласно которому две первые категории принадлежат к сфере знания о мире, т. е. онтологии, а категория «признак» – к сфере гносеологии [Богатова, Галич 2021: 296–309]. Согласно положениям авторов, языковые единицы реализуют свой когнитивно-прагматический потенциал в реальном речевом фрагменте. Их дискурсивные функции варьируются в зависимости от внутренней формы, принадлежности к части речи и особенно – предикативной и атрибутивной синтаксической сочетаемости, которая позволяет говорящему реализовать свои речевые интенции в опоре на языковые и внеязыковые знания.

Среди современных зарубежных работ аналогичного плана можно упомянуть труд Л. М. Смита на тему «Внешняя принадлежность и неразделимость синтаксиса и семантики» [Smith 2015]. Автор подвергает ревизии труды теоретика порождающей грамматики Н. Хомского, сторонника резкой дифференциации направлений лингвистики. Его критику вызывают положения не только «Стандартной теории», но и «Минимализма». В работе нет терминов «интегративность» и «ономасиология», но в тексте Л. Смит реализует близкий образ мыслей и приходит к закономерному

выводу, что синтаксис всецело определяется семантикой и прагматикой высказывания и специфически оформляется структурами изучаемых языков. Ключевой термин "undisentanglability" – «неразделимость» представлен уже в названии его работы.

Еще одно обращение к продуктивности интегративных исследований можно найти у авторитетнейшего ученого нашего времени Вячеслава Всеволодовича Иванова. Он рассуждает о прогрессивности смежных исследований в лингвистике, которые не обязательно должны приводить к появлению новых научных дисциплин, но могут принести несомненную пользу за счет взаимного обогащения теорий. Эти контакты, считает он, «представляют примеры того, как в будущем могут начать складываться отношения между научными дисциплинами. Вместо традиционно наследуемых и охраняемых условных границ между ними наступит время исследований по проблемам, а не по установленному условному размежеванию сфер занятий» [Иванов 2004: 157].

Представляется необходимым несколько более подробно остановиться на понятии «контенсивное». Термин широко распространен как название одного из направлений лингвистики – контенсивная типология. Это положение сложилось как раз в ходе дифференциации лингвистических наук, однако узкое употребление термина, как это иногда бывает, устанавливает границу, которая препятствует развитию науки. Анализ более широкого круга лингвистических исследований показывает, что есть термины «контенсивная грамматика» и даже «контенсивная лингвистика», то есть речь идет о более широком подходе. Подход имеет свои традиции, в частности, известны труды английского ученого Джона Руперта Фёрса (30–50 гг. XX века). Однако несправедливо было бы связывать его исключительно с английской грамматикой.

Термин «контенсивное» в более общем значении зарегистрирован в отечественном языкознании еще в 80-е гг. XX века, когда была представлена схема языкового общения, т. е. фактически функционального устройства языка И. П. Сусова. Необходимо отметить, что эта схема, бесспорно, опередила свое время, и решила задачу, которую стали ставить как насущную в когнитивной лингвистике только в 90-е гг. Высшие уровни схемы – прагматика и семантика – были объединены в один уровень – «контенсивный стратум» [Сусов 1988: 11–13]. Естественно, что во всех случаях, и перечисленных выше, и здесь – речь идет о языковом содержании, «контенсивный» – значит содержательный. Разногласия может вызывать понимание того, что есть содержание. Согласно убеждению И. П. Сусова, главное и наиболее прямое содержание речи – это прагма-

тика, прагматическое содержание, и тогда же появилось ранее считавшееся тавтологичным сочетание «семантическое содержание», которое в речи подлежит когнитивной интерпретации. Соответственно, наиболее широкое значение термин «контенсивное» может получить именно в функциональном плане, как объединение двух наиболее общих видов языкового содержания: прагматического и семантического, в процессе функционирования языка, манифестируемого речевыми структурами.

Непосредственную связь терминов «контенсивное» и «когнитивное» устанавливает еще один видный представитель отечественной лингвистики – В.В. Колесов. Он связывает контенсивное с функциональным подходом к грамматике, теорией функциональных полей, и рассматривает контенсивное как один из видов когнитивного [Kolesov 2019]. Такое понимание возможно, если хотеть непременно разделить именуемые дисциплины. Непосредственный анализ эмпирического материала, скорее, тяготеет к интегративности, реализуемой конкретными формальными структурами, контенсивной интерпретации дискурсивных структур, что тесно связано с понятием когнитивно-дискурсивной парадигмы изучения языковых форм.

В последней части статьи хотелось бы вновь обратиться к симбиозу внутренней и внешней интегративности. На этот раз в центр внимания помещается глобальная категория салиентности (значимости для субъекта), иссследование которой получило неожиданный стимул в связи с недавними работами по анатомии естественных нейронных сетей человека.

Значимость для субъекта отличается от не вполне адекватно переведенного термина *valeur* у Ф. де Соссюра, который подчеркивал, что это понятие никак не связано с отношением языка к отражаемому миру. Значимость как салиентность связана именно с познавательным отображением мира. В когнитивной лингвистике термин «значимость» входит в синонимический или кореферентный ряд с известными терминами «релевантность», «релевантное знание» (В.В. Петров), «салиентность» (Е.С. Кубрякова), «выпуклость» и «профилирование» (Р. Лангакер), «фокусирование» (О.К. Ирисханова): в фокус внимания попадает то, что значимо. Близки по содержанию отражающие салиентность сочетания «доминантная значимость» (Н.Н. Болдырев) коммуникативное или прагматическое выдвижение, выделение (порядок слов), а также философский показатель присутствия в мире (М. Хайдеггер) и др.

Предварительно можно определить значимость как психологическое отношение познающей личности к миру, предшествующее познанию или одновременное с ним, мотивирующее либо не мотивирующее к познанию, включению в картину мира и обозначению в языке. Как таковое оно влияет

на выбор стратегии познания, может быть отражено в структуре вербальной коммуникации, но пока еще не имеет в теории языка описания соответствующей лексико-грамматической, понятийной, функциональной или иной категории. Центральной для описания такой категории может стать методика когнитивно-прагматической интерпретации экспонентов концептосфер типа «ВАЖНО» или «ВАЖНЕЕ» во всем многообразии их функциональных и структурных вариантов.

Выявлению системных отношений внутри данной категории препятствуют некоторые работы, которые возводят непреодолимые условные стены между салиентностью и релевантностью. Детальное лингвистическое исследование категории салиентности, или – по-русски, значимости для субъекта, еще предстоит. Вклад в это исследование могут внести полученные американскими учеными новые нейроанатомические данные.

Группе американских авторов с помощью магниторезонансного томографа удалось зафиксировать деятельность головного мозга человека при выполнении творческих заданий, которые вполне можно охарактеризовать как когнитивные. В глобальной нейронной структуре мозга (коннектоме) было выявлено три основных крупномасштабных нейронных сети, одна из которых получила название «сеть салиентности» [Kenett 2018], и это – не случайное совпадение терминов. Видеоданные показали, что эта сеть активируется при необходимости распределения мыслительных усилий, связанных с задействованием двух других сетей – сети низкой и сети высокой творческой активности. Она позволяет осуществить выбор значимых действий, фактически управляет решением задач в соответствии с значимостью поступающих сигналов. Авторы прямо связывают эту деятельность с речевым творчеством субъекта, что позволяет изменить принятые ранее в нейронауках взгляды на невозможность локализовать языковую деятельность в мозге.

Данные нейроанатомии при их соотнесении с речевым материалом (что, конечно же, не просто) демонстрируют вариант внешней интегративности, который может позволить более системно описать языковую значимость для субъекта как глобальную когнитивную категорию, включающую перечисленные выше виды значимости. Доказанным уже является факт ее присутствия в сознании.

Подводя итоги, можно вновь присоединиться к позиции широко мыслящих языковедов прошлого и настоящего, не возводящих условных границ между лингвистическими дисциплинами, но ставящих в центр внимания язык в его живом структурно-когнитивно-прагматическом функционировании, как многоаспектное явление, заслуживающее столь же многоаспектного, комплексного, интегративного описания.

Литература

Богатова С. М., Галич Г. Г. Коммуникативная ситуация характеристики и ее категориальные экспоненты // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 2. С. 296–309.

Галич Г. Г. Цветущий луг и нейронная сеть салиентности // Язык науки и техники в современном мире. Материалы X Международной науч.-практ. конф. (Россия, Омск, 13–15 апреля 2021 г.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2021. С. 13–20.

Иванов В. В. Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Studia filologica).

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М.: РГГУ/ИЯ РАН, 1995. С. 144–238.

Кубрякова Е. С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат. 26–28 сент. 2006 г. Тамбов: ТГУ, 2006. С. 26–31.

Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение. Процессы и единицы. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1988. С. 7–13.

Kenett Y. N., Rosenberg M. D., Silvia P. J. et al. Robust prediction of individual creative ability from brain functional connectivity // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS), January 30, 2018. Vol. 115. No 5. P. 1087–1092.

Kolesov V. V. Cognitive linguistics as a development of formal linguistics // Russian linguistic bulletin. 2019. № 1(17). P. 37–44. URL: http://rulb.org/en/article/kognitivnaya-lingvistika-kak-razvitie-lingvistiki-formalnoj/

Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol.1. Theoretical Prerequisites. Stanford, California, 1986.

Smith L. M. External Possession and the Undisentanglability of Syntax and Semantics. Athens: The University of Georgia, US, 2015.

G. G. Galich *(Omsk, Russia)*
Dostoyevsky Omsk State University

STRUCTURES MANIFEST FUNCTIONS

The article deals with some questions of linguistic theory. Its subject is the language as a whole, with its cognitive and pragmatic functions and material structures manifesting these functions. Basing on a review of literature on the topic, the author argues that the “integrative linguistics” involves external and internal integrity. The most recent development in this sphere is the study of the salience network of the brain.

Key words: integrative linguistics, external and internal integrity, function, structure, neural salience network.

В. З. Демьянков *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
vdemiank@gmail.ru

О СТАТИСТИЧЕСКОЙ ГОРДОСТИ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ[1]

Статистика употребления лексемы *prejudice* «предрассудок, предубеждение, предвзятость» в большом английском корпусе показывает важные семантические и прагматические свойства речи о когнитивной и эмоциональной «вовлеченности» и об эпистемической/эпидемиологической солидарности социума.

Ключевые слова: эпистемическая солидарность, когнитивная археология, статистика корпуса как эвристика когнитивной лингвистики, лексемы класса «предубеждение» в английском корпусе.

1. Блеск и нищета предубеждения

Предрассудки, предубеждения и предвзятость (по-английски все это *prejudices*) состоят и в когнитивной, и в эмоциональной вовлеченности (*involvement*) людей, привычно придерживающихся абсурдных представлений как общеизвестных истин. Это «общеизвестное» выговаривают чаще неопытному, чем мастеру (ср. детсадовскую мудрость: «Не учи ученого…»), чтобы в поголовном «единомыслии» чувствовалась групповая эпистемическая солидарность. Из-за подрыва такого баланса мнений распадаются даже прочные интеллектуальные союзы, см. [Dijk 1984: 1].

Классическое представление, что предубеждение – помеха в жизни и в науке, которую нужно преодолеть и забыть, конкурирует с иным, оценочно нейтральным подходом: *An sich heißt Vorurteil ein Urteil, das vor der endgültigen Prüfung aller sachlich bestimmenden Momente gefällt wird* «Предубеждением в собственном смысле слова называется суждение, высказываемое до окончательной проверки всего непосредственно существенного» [Gadamer 1986: 275]. То есть, само по себе предубеждение не обязательно вредно, вопреки тому, чему нас учат картезианцы-максималисты и просветители, для которых предрассудки –

[1] Разделы 1 и «Заключение» данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделе 2, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

никчемная шелуха и опиум для народа, ср. высказывание Ж.-Ж. Руссо о набожности как одном из предрассудков: *La dévotion* […] *est un opium pour l'âme; elle égaye, anime et soutient quand on en prend peu; une trop forte dose endort, ou rend furieux, ou tue* «Набожность […] – опиум для души; в малых дозах она оживляет, воодушевляет и поддерживает; слишком большая доза усыпляет или приводит в неистовство, или убивает» (Jean-Jacques Rousseau, Julie ou La nouvelle Héloïse). Нейтральный «пред-рассудок» – это как пред-теория, то есть, предварительное мнение об истине [Gadamer 1986: 281], иногда и поучительное. «Когнитивная археология» – анализ предубеждений, накопленных людьми, – реконструирует схемы эволюции познания в их взаимодействии с культурой и с человеческой природой. Научные гипотезы предстают тогда в рамках культур и цивилизаций, а не как неизвестно откуда свалившиеся пропозиции.

Инициатором такой смены вех, по [Fisch 1986: 2], был Ч.С. Пирс, предлагавший сперва приглядеться к тому, как возникают и куда уходят предрассудки, а тогда только и решать, насколько актуально от этих предрассудков отказываться, рискуя получить когнитивные и эмоциональные травмы. Археолог знания и сам не гарантирован от заражения исследуемыми предубеждениями, должен постоянно иммунизироваться и знает, как нелегко быть научно непредвзятым. Оплошность же чревата госпитализацией в родной эпистемической «Коммунарке». Мы помним еще, почему Галилей пошел другим путем, не как Коперник.

При этом академичном понимании предвзято то представление, что любая предвзятость – это плохо. Предубеждение нейтрально, но многое может сказать и о предмете суждения, и о том, кто это суждение имеет или желает знать. Задайте вопрос, и все узнают, кто вы – по вашему интересу к одним частям предмета и равнодушию к другим. Например, городничий, видно, думает, что все ревизоры свирепы, когда спрашивает Осипа: «Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?» (Н.В. Гоголь, Ревизор, 1836). Хлестаков-пофигист – мечта проверяемого – в предрассудках был бы «неправильным» ревизором. А дочь и жена городничего задают наводящие вопросы не про деловые качества, а про внешность и манеру одеваться. Осип же по мере сил адаптирует свой ответ и к своим, и к предполагаемым чужим стереотипным ожиданиям.

В результате повышения по службе («карьеры в качестве понятия» [Ehlich 1998: 11]) более нейтральным синонимом для термина *предубеждение* в социальных и гуманитарных науках стал *стереотип* [Redder 1995].

Критика стереотипов продолжает традицию эпохи Просвещения, но не как «срывание всех и всяческих масок» (В. И. Ленин, Лев Толстой, как зеркало русской революции, 1908) и развенчание предрассудков, а в мягком, обезличенно-нейтральном ключе. Преодолевают предрассудки иммунизацией, нейтрализуя бытующие заблуждения и избегая будущих [Ehlich 1998: 22]. Упрощенность стереотипов хорошо видна тому, кто идет перед когнитивной телегой настоящего. Но для этого с телеги надо слезть и сделать хоть несколько шагов пешком по бездорожью, обогнав лошадь. Так откуда же взяться непредвзятости?

Предубеждения и эпистемичны, и эпидемичны. Кроме собственно «больных» жертв заражения («живой силы», выведенной из строя), есть еще осуществляющий заражение «пропагатор», а есть и «носитель» инфекции. Рассказывая, что дедушка простуду лечил махоркой, нечаянно подрывают авторитет аптекаря и передовой медицины. Не «болея» сам, «носитель» передает «когнитивные вирусы». «Дурной пример заразителен» помимо воли того, кто этот пример подает, и того, кто о нем говорит. Наконец, тело предубеждения – само суждение, предварительно и / или некритично принимаемое на веру. В английском нередко в этом смысле употребляют слово *prejudg(e)ment*.

Должны заинтересовать когнитивного археолога и «истории болезни». Как полагают психоаналитики вслед за З. Фрейдом, в зависимости от типа психической конституции «больного», вовлеченность развивается по разным схемам: по истеричному, или «расистскому» пути (когда доминирует «Оно», для которого все, устроенное «не так», не имеет никакой ценности), по нарциссическому (как у сексистов, у которых доминирует «Эго» и которые даже мысли не допускают, что могут быть люди, устроенные иначе, чем они) и по обсессивному (когда доминирует «Супер-Эго», а «иной» считается конкурентом, обладающим большей удачливостью и смекалкой, но которого не грех устранить, чтобы занять его место) [Young-Bruehl 1996: 33, 201].

2. Контексты речи о предвзятости в английском корпусе текстов

В моем английском разножанровом подкорпусе многоязычной электронной библиотеки текстов (составление которой началось более 20 лет назад) словоформы с основой *prejudic-* (*prejudice*, *prejudicial*, *unprejudiced* и т. п.) встречаются более 40 100 раз, с *prejudge* – 680, с *prejudgment* – 146, с *prejudgement* – 16. То есть, тело предрассудка

упоминают значительно реже, чем остальные слоты фрейма. Приведем список самых типичных контекстов, числом при словосочетании указывая количество предложений с ним, найденных в корпусе; жирным шрифтом выделено суммарное количество примеров конкретного типа.

Правые контексты – словоформа непосредственно справа:

– перед союзом *and* **4766** (*prejudice and* 2263, *prejudices and* 2060, *prejudiced and* 265, *unprejudiced and* 100, *prejudicial and* 41, *race-prejudice and* 4, *prejudicially and* 3, *class-prejudices* and 3, *class-prejudice and 2*, остальные – по одному разу). Предубеждение любят упоминать в паре с еще каким-нибудь изъяном, напр., ср.: *This was due to **racial prejudice and racial distrust** more than anything else* (M. Puzo. The Godfather, 1969), где предрассудок рядоположен болезненному недоверию;

– перед предлогом *against* **4309** (*prejudice against* 2698*, prejudiced against* 1011*, prejudices against* 570*, prejudic'd against* 4*, prejudicially against* 4*, unprejudiced against* 3*, race-prejudice against* 2*,* etc.), помечающим фокус предубеждения, напр.: *If true poetry could be introduced to the big public in such a way as to make it seem NORMAL, as that piece of rubbish I have just listened to presumably seemed normal, then part of the **prejudice against** it might be overcome* (G. Orwell. Fifty Orwell Essays, 1953);

– в самом конце предложения **4051** (*prejudice* 2129, *prejudices* 1397, *prejudiced* 378, *prejudicial* 61, *unprejudiced* 58, *caste-prejudice* 3, *prejudicially* 3, *race-prejudice* 3, *class-prejudice* 3, *class-prejudiced* 2, *class-prejudices* 2, *nonprejudiced* 2, *race-prejudices* 2, etc.), в позиции, по Штирлицу, запоминающейся лучше всего. Напр.: *I wavered and wavered, but nature was stronger than **prejudice*** (P. E. Hopkins. Hagar's Daughter: A Story of Southern Caste Prejudice, 1901–1902);

– перед предлогом *of* **3898** (*prejudices of* 2283, *prejudice of* 1592, *prejudiced of* 9, *unprejudiced of* 4, *caste-prejudices of* 2, *prejudicing of* 2, etc.), помечающим «носителей предубеждения», которые и в ус не дуют из-за своей предвзятости, ср.: *Davis spoke disdainfully of men who seek to build up a political reputation by catering to the **prejudice of** a majority, to exclude the property of the minority* (A. Johnson. Stephen A. Douglas: A Study in American Politics, 1908);

– перед предлогом *to* **2539** (*prejudicial to* 1230, *prejudice to* 945, *prejudices to* 282, *prejudiced to* 39, *prejudicial to* 14, *prejudicially to* 13, *unprejudiced to* 8, *prejudical to* 3, etc.), помечающим, чего хотят избежать в борьбе с предубеждением. Напр.: *Their hobby demands a silent and solitary pursuit of knowledge, and the presence of human beings is **prejudicial to** their success* (C. MacKenzie. The Altar Steps, 1922);

– перед предлогом *in* **1381** (*prejudice in* 737*, prejudiced in* 321*, prejudices in* 283*, prejudicial in* 19*, unprejudiced in* 11*, prejudicing in* 4*, prejudicated in* 2, etc.), «локализующим» предрассудок, иногда «таящийся в (под)сознании», ср.: *The passages he had quoted, and especially Oscar's letters to Lord Alfred Douglas, had created a strong* ***prejudice in*** *the minds of the jury* (F. Harris. Oscar Wilde: His Life and Confessions: Volume 1, 1916);

– перед глаголом *be* 1338, когда в центре внимания – отличительные особенности предрассудка (*prejudice is 357, prejudices are 240, prejudices were 229, prejudice was* 212, etc.). Напр.: *But the* ***prejudice is*** *discernible in every class of society, even in the very highest* (Hilaire Belloc. On Something, 1910).

Еще менее частотны следующие правые контексты: перед *which* 1034, перед определенным артиклем *the* 969, перед союзом *or* 935, перед *that* 644 и т.д.

Особо отметим **правые контексты при прилагательных *prejudiced* и *unprejudiced***. Здесь с сильным отрывом лидирует *unprejudiced:*

– *mind* **179** (*unprejudiced mind* 113*, prejudiced mind* 30*, unprejudiced minds* 22*, prejudiced minds* 14);

– *person* **156** (*unprejudiced person* 90, *prejudiced person* 24, *unprejudiced persons* 22, *prejudiced persons* 20);

– *observer/observation* **106** (*unprejudiced observer* 62*, unprejudiced observers* 16*, prejudiced observer* 10*, prejudiced observers* 9, *unprejudiced observation* 8, *prejudiced observation* 1);

– *eye* **97** (*unprejudiced eyes* 29, *unprejudiced eye* 27, *prejudiced eyes* 25, *prejudiced eye* 16);

– *man/men* **83** (*prejudiced man* 25, *unprejudiced man* 24, *prejudiced men* 17, *unprejudiced men* 17).

Дальше идут: *judge/judg(e)ment* **77**, *reader* **66**, *witness* **48**, *view* **41,** *opinion* **34,** *people* **27**, *critic* **26**, *account* **19,** *one* **18,** *attitude* **16,** *hear/herer/hearing* **16**, *consideration* **13,** *public* **13,** *way* **12,** *reason* **11,** *study* **9,** *student* **8** и т.д.

Левые контексты – словоформа непосредственно слева:

– после определенного артикля *the* **4436** (*the prejudices* 2097*, the prejudice* 2023*, the unprejudiced* 137*, the prejudiced* 128*, the prejudicial* 28*, the color-prejudice* 5*, the prejudicing* 3*, the class-prejudices* 2, etc.);

– после союза *and* **3253** (*and prejudice* 1388, *and prejudices* 1223, *and prejudiced* 289, *and unprejudiced* 238, *and prejudicial* 78, *and prejudicially* 9, *and prejudicing* 7, *and class-prejudices* 2, *and caste-prejudices* 2, *and party-prejudices* 2, *and prejudice's* 2, *and race-prejudice* 2, etc.);

– после личного (напр., посессивного) местоимения **3228** (*his prejudices* 615, *their prejudices* 530, *his prejudice* 317, *her prejudices* 202, *her prejudices* 201, *our prejudices* 170, *your prejudices* 162, *my prejudices* 157, *my prejudice* 142, *her prejudice* 132, *their prejudice* 117, *your prejudice* 91, *our prejudice* 43, *his prejudiced* 23, *he prejudiced* 16, *you prejudiced* 14, *me prejudiced* 13, *her prejudiced* 10, *their prejudiced* 10, *her prejudiced* 10, *his unprejudiced* 9, *my prejudiced* 9, *you prejudice* 6, *him prejudiced* 6, *your unprejudiced* 5, *our prejudiced* 5, *them prejudices* 5, *me prejudice* 5, *her unprejudiced* 4, *their unprejudiced* 4, *her unprejudiced* 4, *them prejudice* 4, *them prejudiced* 4, *them prejudicial* 4, *they prejudice* 4, *my unprejudiced* 3, *I prejudiced* 3, *herself prejudices* 2, *your prejudiced* 2, *you unprejudiced* 2, *him prejudice* 2, *him prejudices* 2, *him prejudicial* 2, *I prejudice* 2, etc.). Видно, что превалирует речь о предрассудках третьих лиц, на втором месте промахи первого лица, на третьем – предвзятость собеседника;

– после предлога *of* **1904** (*of prejudice* 1470, *of prejudices* 269, of *prejudice* 160, of *prejudicing* 48, of *prejudiced* 43, of *unprejudiced* 40, of *race-prejudice* 9, of *prejudicial* 8, of *class-prejudice* 5, of *color-prejudice* 2, of *prejudice and* 2, of *prejudice-related* 2, etc.);

– после глагола *be* **1887** (*be prejudiced* 345, *be prejudicial* 240, *was prejudiced* 206, *are prejudiced* 174, *is prejudiced* 111, *been prejudiced* 110, *is prejudicial* 76, *am prejudiced* 76, *were prejudiced* 75, *is prejudice* 68, *was prejudicial* 52, *being prejudiced* 48, *are prejudicial* 34, *are prejudices* 29, *been prejudicial* 26, *be prejudice* 24, *was prejudice* 22, *being prejudicial* 22, *be unprejudiced* 20, *were prejudicial* 20, *were prejudices* 12, *are unprejudiced* 9, *was unprejudiced* 8, *is unprejudiced* 8, *be prejudicially* 7, *be prejudices* 5, *wasn't prejudiced* 5, *been prejudice* 4, *were unprejudiced* 4, *am unprejudiced* 4, *been prejudicing* 3, *were prejudice* 3, *being unprejudiced* 3, *was prejudicing* 2, *are prejudice* 2, *are prejudicially* 2, *is prejudicing* 2, *were prejudicing* 2, *isn't prejudice* 2, etc.);

– после неопределенного артикля *a/an* **1839** (*a prejudice* 1317, *an unprejudiced* 281, *a prejudiced* 172, *a prejudicial* 54, *a nonprejudiced* 4, *a prejudicating* 4, *a prejudicate* 2, etc.);

– после предлога *without* **1095** (*without prejudice* 1045, *without prejudicing* 26, *without prejudices* 24);

– после отрицательных *no/not/nor* **880** (*no prejudice* 356, *no prejudices* 149, *not prejudice* 134, *not prejudiced* 127, *no unprejudiced* 31, *not prejudicial* 27, *nor prejudice* 22, *no prejudiced* 7, *no prejudicial* 5, *nor prejudices* 5, *not unprejudiced* 4, *not prejudicially* 3, *nor prejudiced* 2, *nor prejudicial* 2, etc.);

– после предлога *to* **824** (*to prejudice* 756, *to prejudices* 41, *to unprejudiced* 17, *to prejudiced* 4, *to race-prejudices* 2, etc.);

– после союза *or* **701** (*or prejudice* 434, *or prejudices* 134, *or prejudiced* 78, *or prejudicial* 40, *or prejudicing* 3, *or prejudiciall* 2, *or prejudicially* 2, *or unprejudiced* 2, etc.);

– после указательных *this/these* **520** (*this prejudice* 334, *these prejudices* 155, *this prejudiced* 12, *these prejudiced* 6, *this prejudices* 3, *this prejudicial* 2, *this unprejudiced* 2, *these prejudice* 2, etc.);

– в самом начале предложения **446** (самым первым словом предложения бывают: *prejudice* 293, *prejudices* 77, *prejudiced* 45, *unprejudiced* 14, *prejudicial* 4, *prejudicially* 3, *prejudicate* 2). Напр.: ***Prejudice*** *or not, confidence is not a bad thing when a conflict is unavoidable* (James Fenimore Cooper, Miles Wallingford: Sequel to Afloat and Ashore, 1863);

– после предлога *by* **403** (*by prejudice* 311, *by prejudices* 62, *by prejudiced* 13, *by unprejudiced* 9, *by color-prejudice* 3, *by prejudicial* 2).

Наиболее ожидаемые **атрибуты** непосредственно слева от *prejudice*:

– *strong* **470** (*strong prejudice* 204, *strong prejudices* 135, *strongly prejudiced* 78, *strongest prejudices* 25, *strongest prejudice* 12, *stronger prejudices* 4, *stronger prejudice* 3, *strongly-rooted prejudices* 3, etc.);

– *race*/*racial* **387** (*race prejudice* 195, *racial prejudice* 121, *racial prejudices* 37, *race prejudices* 31, *racially prejudiced* 3);

– *any* **343** (*any prejudice* 191, *any unprejudiced* 79, *any prejudices* 50, *anything prejudicial* 8, *any prejudicial* 5, *any prejudiced* 4, *anybody's prejudices* 3, etc.);

– *popular* **342** (*popular prejudice* 253, *popular prejudices* 89);

– *religious* **295** (*religious prejudices* 167, *religious prejudice* 125, etc.);

– *vulgar* **184** (*vulgar prejudice* 101, *vulgar prejudices* 79, *vulgar prejudiced* 2, etc.);

– *local* **180** (*local prejudices* 116, *local prejudice* 61, *localities prejudices* 2, etc.);

– *own* **165** (*own prejudices* 120, *own prejudice* 38, *own unprejudiced* 4, *own prejudiced* 2, etc.);

– *social* **122** (*social prejudice* 62, *social prejudices* 60).

Заключение

1. У каждого типа названных левых и правых контекстов имеется два, реже – три статистически главных представителя, а все остальные значительно более редки.

2. Где случайное и где закономерное в этом списке типов?

Самые частые правые контексты лексемы *prejustice* больше говорят о ее смысловой специфике, чем самые частые левые, содержащие, в основном, грамматически обязательный материал (артикли, местоимения и т. п.).

Разнообразие самых частых определений лексемы *prejustice* в корпусе удивительно мало, доминирует *strong prejudice* как активное начало.

Словосочетания, в которых о предрассудке говорится в единственном числе, количественно доминируют по всем названным классам. Исключение среди правых контекстов – *prejudices* перед посессивным предлогом *of,* а в левых контекстах – *prejudices* после определенного артикля, после личных (особенно посессивных) местоимений и в речи о социально наиболее значимых «религиозных», «локальных» и «собственных» предрассудках.

Чаще всего говорят о чужих предрассудках, на втором месте – ошибки первого лица, на третьем – собеседника. В чужом глазу и соринку увидим, а в своем (включая и собеседника) – и бревна (делаем вид, что) не заметим.

Из данных о статистике посессивных местоимений видно также, что о предрассудках женщин говорят значительно реже, чем о мужских или «остальных». Неприятный сюрприз для сексистов – или так и должно быть?

Как и в случае лексем, означающих «невозможно» и «невероятно» в русском и западноевропейских языках [Демьянков 2020], частота прилагательного *unprejudiced* (2741) значительно ниже, чем *prejudiced* и т. п. Однако, если прилагательное играет роль атрибута для непосредственно после него идущего существительного, более обычным бывает отрицательное *unprejudiced.*

3. Идея неуместной «гордости» бытовала и до Джейн Остен (Jane Austen, Pride and Prejudice, 1796–1797, первая публикация 1813), и после нее, ср.: […] *the enterprises of* ***pride and ambition*** *under the disguise of sanctity and of zeal for the interests of religion* (David Hume, The History of England, Volume I, 1776). Сочетания с *and* типа *pride and…* лидируют среди правых контекстов лексемы *pride*, их встречаем 15 202 раз, а *proud and…* – 3804. *Pride and prejustice, гордость и предубеждение* ассоциируются с известным произведением и зарегистрированы больше 464 раз, иногда с вариациями в порядке следования конъюнктов (ср.: *I've watched them closely, willing to detect, / In those past days of* ***prejudice and pride***, Hannah S. Battersby. Home Lyrics, 1875) или с изменением перспективы, в которой эти черты характера рассматриваются (напр.: *With* ***prejudicial pride*** */ She scorned the meek request* (Nannie R. Glass. The Mountain Spring And Other Poems, 1913).

4. Английскому *prejudice* соответствуют в русском как минимум три лексемы, обладающие разной словообразовательной мотивацией:

на 14 807 предложений, содержащих словоформу лексемы *предрассудок* и ее производных, приходится 5773 примера с лексемой *предвзятость* и 5593 – с лексемой *предубеждение* или ее производными. У лексемы *предубеждение* самый частый правый контекст – позиция перед предлогом *против,* с которым значительно реже выступают два других русских эквивалента. Английское словосочетание *prejudice against* – второе по частотности среди правых контекстов лексемы *prejudice*, его опережают только сочетания класса *prejudice and*. По этому параметру фреймового сходства русский перевод «Гордость и предубеждение» ближе к оригиналу, чем «Гордость и предвзятость», «Гордость и предрассудок» и «Гордость и предрассудки» (как назывался в российском прокате фильм 2003 г. по тому же роману).

Итак, можно ли доверять объяснениям языковых явлений, основанным на статистике даже большого корпуса? Предрассудком являются обе крайности: (а) частотность абсолютно случайна и (б) частотность прямо связана с глубинными семантикой и прагматикой. Статистика ждет от нас доверия, а мы всё подозреваем подвох в составлении корпуса.

Употребительность лексем и их контекстов в большом корпусе не более чем эвристика. Но неожиданные отклонения от среднестатистического вызывают когнитивный шок у слабонервных и толкают отъявленных энтузиастов со смелыми гипотезами наперевес на амбразуру рассудка, за которой скептикам видятся капризы разборчивого – гордого и предвзято подобранного – корпуса.

Литература

Демьянков В. З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5–17.

Dijk T. A.v. Prejudice in Discourse: An Analysis of Ethnic Prejudice in Cognition and Conversation. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1984.

Ehlich K. Vorurteile, Vor-Urteile, Wissenstypen, mentale und diskursive Strukturen // Sprachliche und soziale Stereotype / Hg. von Heinemann M. Frankfurt am Main, etc.: Lang, 1998. S. 11–24.

Fisch M. H. Peirce, Semiotic, and Pragmatism: Essays by Max H. Fisch / ed. by K. L. Ketner, Ch. J. W. Kloesel. Bloomington: Indiana Univesity Press, 1986.

Gadamer H.-G. Hermeneutik I: Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 5. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1986.

Redder A. "Stereotyp": Eine sprachwissenschaftliche Kritik // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache, 1995. Bd. 21. München: Iudicium, 1995. S. 311–329.

Young-Bruehl E. The Anatomy of Prejudices. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1996.

V. Z. Demyankov (*Moscow, Russia*)
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences

ON STATISTICAL PRIDE OF PREJUDICES

Corpus-statistical investigation of the English lexical item ‘prejudice’ is an important heuristic means for showing variable relevance of different parts of the frame of prejudice in the ways people talk about sociologically relevant features of cognitive and emotional involvement. Such involvement aiming at *epistemic solidarity* resembles *epidemic spread*. The bulk of prejudices ever observed in the epistemic history supplies cognitive archaeologists with empirical materials for studying epistemic evolution in the cultural context of mankind.

Key words: epistemic solidarity, cognitive archeology, corpus statistics as heuristics of Cognitive Linguistics, corpus study of lexemes of “prejudice” in English.

С. А. Песина *(Магнитогорск, Россия)*
Магнитогорский государственный технический
университет имени Г. И. Носова
spesina@bk.ru

Г. РИККЕРТ И КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ПОНЯТИЯ

В статье рассматривается проблема формирования понятия на примере исследований Г. Риккерта в сопоставлении с современным подходом к явлениям языка и их описанием в когнитивном плане. Поднимается вопрос об объеме знания, стоящего за единичным понятием, и объеме знания, достаточного для эффективной коммуникации.

Ключевые слова: понятие, семантика, когнитивная лингвистика, образ, передний и задний план.

Процесс образования и преобразования понятий происходит в режиме non-stop с использованием двойного механизма, описанного в лингвистике как взаимодействие двух планов [Риккерт 2004, 1903], взаимодействие ближайшего и дальнейшего значений [Потебня 1993: 120–124], формального и содержательного понятий [Кацнельсон 2001], как совмещенное видение двух картин [Гак 1998], сдвоенный денотат [Скляревская 1993], двойное видение явления/двойное восприятие, семантическая двуплано-

вость [Блинова 1983] и др. Во многом современное изучение концептуализации, как важнейшего процесса познавательной деятельности человека, учитывает эти положения. Осмысление поступающей к индивиду информации приводит к образованию концептуальных структур и всей концептуальной системы в его сознании [Кубрякова 1996: 93] как совокупности идеальных, абстрактных единиц, смыслов, которыми человек оперирует в процессе мышления [Болдырев 2000: 23].

В этой связи одна из интереснейших попыток детально и точно выразить семантику формируемого индивидом понятия, предпринятая на рубеже XIX и XX веков, заслуживает самого серьезного внимания. Речь идет о ярком немецком философе, одном из основателей Баденской школы неокантианства Генрихе Риккерте (1863–1936). Известно, что под его влиянием формировалась рационалистическая философия, связывающая все с познанием и культурой. Впоследствии все науки, которые он классифицировал, как науки о духе и культуре станут называться гуманитарными. Но мало кому известен его фундаментальный и глубокий труд в области, которую мы бы назвали сегодня «когнитивная лингвистика».

Представим вкратце его гипотезу и далее определим ее место в современной парадигме исследований. Итак, Г. Риккерт пишет, что формирование любого понятия предполагает взаимодействие двух семантических планов – переднего и заднего [Риккерт 1997]. Задний план, по Г. Риккерту, представляет собой «воззрение с его бесконечным многообразием», это субъективное и детальное значение. В противоположность заднему плану передний включает элементы общего характера. Семантические компоненты или образы этого плана могут соответствовать абрису или схеме, передавая состояние «Я это знаю».

В повседневном использовании значений задний план может отсутствовать и возникать, если имеется необходимость в детальной «проработке» восприятия с максимально отчетливым субъективным представлением. Поскольку удержать оба плана on-line проблематично, побеждает один уровень и часто этим уровнем является передний общий план.

На начальной стадии формирования понятия задний план не отделен от переднего и впечатления недискретны. На следующей стадии начинает превалировать задний план с его детальной образной и семантической конкретикой содержания. «Конкретное упрощает восприятие окружающего мира, но вселяет сомнение и неуверенность, лишний раз доказывая, что любое значение слова зыбко» [Там же: 49]. Одновременно привычность этого впечатления приводит к уверенности, что неопределенности нет.

«Застревание» значений слов на этом обыденном уровне приводит к проблематичности их продвижения на обобщенный или научный уровень, соответствующий следующей, третьей, стадии.

Чтобы перейти на третью стадию «наивное» или «житейское» значение слова должно покинуть задний план, лишившись многочисленных конкретных образов. Оно перемещается на передний план – более продвинутую стадию, которая соответствует логическому понятию, включающему общее содержание. Попытка привести себя в такое состояние предполагает попытку помешать восприятию множественных конкретных образов.

Однако в то время, как индивид пытается представить только абстрактные атрибуты, в его сознании навязчиво возникает и единичное разнообразие. Повторно возникает задний план, и, следовательно, неопределенность значения.

Г. Риккерт полагает, что совершенное понятие можно получить путем замены простых множественных представлений заднего плана на последовательные акты мышления, т.е. несколькими следующими друг за другом суждениями. Тогда образное многообразие не будет помехой, и передний план будет явно отделен от заднего. То есть, логическое понятие не может быть единичным представлением, оно всегда является цепочкой представлений. Понятие или сформированное значение (которое также является обобщением) включает, как правило, последовательность предложений или положений. Со временем понятие может уточняться, однако опять-таки в виде суждений, но не представлений. Неоднократное преобразование представлений в мыслительные акты, соответствующие отдельным суждениям, способны привести к формированию общих значений или логически выверенных понятий [Там же: 49].

В отечественной лингвистике с разницей почти в век А. А. Потебня и С. Д. Кацнельсон представили свои концепции «двух уровней» функционирования значений. Это широко известная концепция «ближайшего и дальнейшего» значения А. А. Потебни [Потебня 1993: 120–124] и гипотеза «формального и содержательного понятия» С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 2001]. Согласно первой, одна и та же языковая сущность может рассматриваться с различной степенью семантической глубины: ближайшее (общеизвестное, личное) значение является «народным», в то время как дальнейшее значение является субъективным (содержит эмоциональные, чувственные, научно-познавательные атрибуты). Можно заметить, что один и тот же план характеризуется слишком

разнопланово. У С. Д. Кацнельсона формальное понятие – это его дефиниция или представление существенных атрибутов, содержательное же понятие представляет собой совокупность всевозможных суждений об объекте.

Большую роль в формировании понятия играет и образность. На начальном этапе образ может быть выражен как неупорядоченное множество, когда объекты объединяются без какого-либо категориального сходства как неоформленное синкретическое сцепление отдельных абрисов. Этот процесс запускается, как только ребенок получает способность физиологически «проникать» в отвлеченную область абстракции. В этот период множество разрозненных объектов, попавших в фокус субъективного восприятия, попадают в один ряд и выводится обобщающее содержание понятия (дерево, заяц, медведь вообще). На этой стадии решения имеют вероятностную природу, поскольку зачастую только собственное восприятие диктует индивиду субъективные классификационные связи. Если бы понятия в этот период не были бы построены по принципу «мягкой сборки» и нечеткой логики, а были жесткими образованиями, то коммуникация была бы проблематичной.

По мере накопления опыта индивид начинает расширять понятийную сферу слова, насыщая его когнитивный и эмоциональный контекст, и придавая значениям, входящих в структуру слова, более широкую социально-культурную значимость. Возникает слово-предпонятие. Так, *дом*, *дерево* или *голова* становятся представителями не только наблюдаемых домов, деревьев и голов людей, но и носителями намеренно неконкретного образа, призванного быть выразителем всех потенциальных объектов, имеющих строение и приблизительную функцию знакомых человеку домов и деревьев. Параллельно происходит осмысление других объектов, которые внешне похожи или «ведет себя» как дерево или как голова: *голова поезда* (как его начало), головное учреждение (как самое главное, которое как бы сверху как голова относительно тела), *головка сыра* (как круглый шар) или *компьютерное дерево* (система со многими отходящими ветвями).

Как это не парадоксально, но формирование понятия идет и с другой стороны, когда недискретные синкретические впечатления о собственных состояниях и действиях начинают обретать конкретность. Формирование значений в этом направлении осуществляется по принципу от высшего к низшему («Принципом образования понятий в языке следует считать вместо принципа абстракции принцип селекции» [Cassirer 2002: 226]. «Мышление также развивается, переходя от рода к виду и к разновидности, а не наоборот» [Выготский 1999: 166]).

Происходит объединение подобных и обобщение отдельных объектов и состояний с установлением причинно-следственных связей между отдельными впечатлениями. Параллельно идут процессы наполнения концептов, категоризация объектов, их сопоставление (образование метафор), ассоциирование, символизация и т. п. Языковое сознание пытается задействовать сложные средства языковой экономии – метонимии и фразеологизмы. В режиме non-stop осуществляется упорядочение и систематизация накопленного индивидуального опыта. При этом индивид использует свои собственные позитивно подкреплённые знания об объектах окружающего его мира: даже если прибегает к помощи окружающих, то формирует свой собственный словарь с собственными «инсайтами» и заблуждениями. Таким образом, корреляция между единичным и общим не прекращается никогда.

В заключение, отметим, что происходит при декодировании понятия в процессе коммуникации. В процессе поиска содержания «выпущенной» материальным декодированием понятия, закрепленного за материальной формой, сознание не обращается сразу ко всему значению, как это принято в семантических описаниях, достаточна активация только самых общих необходимых инвариантных семантических компонентов. Это не противоречит принципу языковой экономии, в соответствии с которым в рамках речевого цейтнота продуцирующее либо воспринимающее сознание не располагает неограниченным временем для осмысления сказанного и соответствующей языковой реакции [Песина 2011; 2020].

Для понимания большинства речевых контекстов вполне достаточен общий «охват» содержания. Это означает, что в условиях речевого цейтнота для понимания контекстуального «преломления» значения в речевом потоке нет необходимости (и времени) актуализировать все семантические компоненты, стоящие за значением и представленные в словарях. Достаточно задействовать минимальный объем компонентов значения, например, один или два признака. Если этого объема недостаточно и понимания контекста не происходит, то происходит обращение ко всему объему значения и лежащему за ним концепту, включая его периферию [Песина 2016].

Также и в случае необходимости акцентировать внимание на семантике отдельных значений (например, в работе с терминами), либо возникшем недопонимании появляется необходимость активизировать весь кластер семантических признаков, стоящих за соответствующей знаковой формой. При этом часто возникает проблема «где остановиться», потому что грань между объективным и субъективным в человеке носит зыбкий характер.

Переходя далее в область качества понятия, можно констатировать, что абсолютная определенность понятий не является необходимой для большинства областей научных исследований. Можно ограничиться только тем, что понятие должно гарантировать надежность его использования в определенных целях. В действительности мы должны уметь придавать понятиям лишь большую определенность по сравнению с психологически усвоенными значениями слов, что не требует абсолютной определенности.

Итак, формирование понятия происходит путем вычленения сущности из всех знаний об объекте или явлении (из концепта) с использованием врожденных механизмов выделения общего и частного значений, концептуализации и категоризации, индуктивного и дедуктивного способов мышления. Процесс их образования включает элементы анализа, синтеза, абстракции, отхода от непосредственного созерцания и обобщения. При этом само по себе заучивание слов и связывание их с предметами и другими понятиями не приводит к образованию понятий, т.к. нужно, чтобы возникла задача, которая не может быть решена иначе, как с помощью понятий. Поэтому процесс формирования понятий носит всегда продуктивный, а не репродуктивный характер и напрямую связан с рефлексией.

Литература

Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии: сб. статей. Новосибирск: НГУ, 1983. С. 3–11.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000.

Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999.

Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте: монография. 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА, 2020.

Песина С.А. Структурирование концепта и концептуальное ядро // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). Рига – Москва. 2011. С. 24–31.

Песина С.А. Философия языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2016.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.
Cassirer E. Philosophie der symbolishen Formen. Berlin: Die Sprache, 1923.
Rikkert G. Der Gegenstand der Erkenntnis: ein Beitrag zum Problem der philosophischen Transcendenz 2nd ed. Tübingen, Leipzig: Paul Siebeck, 1904.

S.A. Pesina *(Magnitogorsk, Russia)*
Nosov Magnitogorsk State Technical University

G. RICKERT AND THE COGNITIVE APPROACH TO THE FORMATION OF CONCEPT

The article deals with the problem of concept formation in G. Rickert's research in comparison with the modern approach to the phenomena of language and their description in cognitive terms. The question is raised about the amount of knowledge behind a single concept and the amount of knowledge sufficient for effective communication.

Key words: concept, semantics, cognitive linguistics, image, foreground and background.

Г.Е. Попова *(Астрахань, Россия)*
Астраханский технический университет
gepopova@mail.ru

ТЕОРИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ: ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ

Одной из самых популярных парадигм в зарубежной прагма-дискурсивной когнитивистике, вызывающей и гордость, и предубеждения в различных научных интерпретациях, является Теория релевантности, зародившаяся в концепциях Д. Спербера и Д. Уилсон уже более 30 лет назад (1986/1995). Возможности развития и инноватики ее эвристик в социолингвистической когнитологии составляют нетривиальную перспективу исследования.

Ключевые слова: когнитивная прагматика, релевантность, делиберация, аргументативность, парламентские дебаты.

I. Гордость. Теория релевантности (ТР) получила широкое распространение и создала практически необъятную «идеологическую сеть», парадигму исследований, выполненных под влиянием её идей и положений. Библиография, так или иначе затрагивающая проблематику ТР, насчитывает на май 2021 года более 5400 работ в зарубежной лингвистике

[Yus – URL]. Основные положения Теории релевантности (ТР) сформулированы в работах Д. Спербера и Д. Уилсон [Sperber, Wilson 1986/1995] (далее – S&W) и их последователей и единомышленников (Д. Блэкмор, Х. Мерсье и мн. др.) и открывают перспективу на **интеракциональное измерение когнитивной лингвистики** (ср. [Алферов, Кустова, Попова 2013; Болдырев, Григорьева 2018; Попова 2019а]).

С опорой на различные источники основные постулаты ТР можно кратко представить в виде следующих тезисов о механизмах ТР:

1) Традиционная модель *кодирования-декодирования* (МК-Д) актуальна **только** на уровне *остенсивного* лингвистического и полимодального (конвенциональные жесты), а также *прото-остенсивного* (мимика, проксемика, движения и проч.) сообщения информации (семантика высказывания) [Sperber, Wilson 2015]; в реальной интеракции механизм К-Д должен взаимодействовать с механизмом импликации-инференции (МИ-И) – извлечения *имплицитной* информации (прагматика), передающей зачастую приоритетное *интенциальное значение говорящего* (косвенный речевой акт). При этом МИ-И распространяется не только на интенционально имплицированную информацию (*импликатура*) – *косвенный речевой акт, намек, аллюзия, метафора, ирония* и т.п., – но и на эксплицитную часть сообщения (*экспликатура*), ставя вопрос не о том, **что** сообщает высказывание (*информативное намерение говорящего*), а о том, **почему** и **зачем** это сказано (*коммуникативное намерение говорящего*), извлекая из этого путем выдвижения гипотез (assumptions) не только логические выводы, но и интуитивно и эмерджентно возникающие из контекста следствия (и последствия), значимые для понимания высказывания в речевом взаимодействии, которое возникает как результат интерпретационного механизма *энталамирования* (*entailment*) – выявления СМЫСЛА как совокупности релевантных экспликатур и импликатур (ср. [Попова 2019а: 132]).

Говорящий в обычной коммуникации (искренность) заинтересован, чтобы оба его намерения были поняты реципиентом, и различными остенсивными средствами (маркерами) подвигает адресата к пониманию его намерений (интенциональности) [Blakemore 2002].

2) Механизм интерпретации состоит в выдвижении интерпретативных гипотез, содержание которых (инференциальная пропозиция) *отражает* некое представление – другую, параллельную виртуальную пропозицию («эхо-теория» [Cepollaro 2017; Sperber, Wilson 1986/1995]), образованную из амальгамы остенсивной и имплицитной информации, интерпретация которой зависит от психо-когнитивных установок, от кон-

текста и энциклопедических знаний, от ориентации на общепринятые нормы – топосы, авторитетные мнения, «здравый смысл» и проч. содержание ментальных моделей реципиента, которые либо согласуются с поступающей пропозицией, либо противоречат ей [Blakemore 2002]. В обоих случаях эти представления (метальные репрезентации) **проявляются** в *общем когнитивном поле* коммуникантов и формируют *обоюдную когнитивную среду* (*mutual cognitive environment*) (далее – ОКС) продуцента и реципиента высказывания [Sperber, Wilson 2015].

ОКС выходит далеко за рамки общепринятого концепта «общие знания» (mutual knowledge) [Schiffer 1972], выдвигая на первый план понятие *обоюдной проявленности* (mutual manifestness) [Sperber, Wilson 2015], или *очевидности* [Попова 2019а]. Такая модель обходит категорию «общие знания» как понятие с неопределенным объемом [Sperber, Wilson 2015], как предметно-статическое представление об основе речевого взаимодействия как челночной «передачи знания» («трансакции» [Йокояма 2005]). Вместо этого ТР предлагает понимание ОКС как взаимодействия не только рефлексивных, осознанных, логических инференций (знаний), но и интуитивных инференций [Mercier, Sperber 2017], подсознательных «инсайтов» – оснований для понимания «общего смысла» происходящей речевой интеракции в ее протекании *hic et nunc*. Интуитивная инференция – результат моментального действия множества когнитивных модулей [Fodor 2001]: рационально-логического, лингвистического (пропозиционального, иллокутивного, аргументативного, дискурсивного [Попова 2019а]) и проч., поставляющих «информацию» в центральную обрабатывающую систему (интегративный модуль высшего уровня), ответственную за интегральный «общий смысл» коммуникативной интеракции [Fodor 2001].

3) Механизм релевантности – есть сочетание когнитивного и коммуникативного принципов интерпретации (ср. [Болдырев 2011]). От (не совпадения получаемой пропозиции с (не)существующими в сознании реципиента ментальными репрезентациями (знаниями, полаганиями, верованиями) зависит степень (не)релевантности поступающей совокупной (остенсивно-импликативной) пропозиции: чем легче она встраивается в ментальную сферу реципиента, **тем больше контекстно-когнитивный эффект** (релевантность) порождаемой и получаемой пропозиции (зависит от мотивации реципиента, его интереса); **чем больше усилия**, с которыми реципиент пытается ассимилировать новую информацию с имеющимися (контекстуальными) представлениями, тем **менее релевантной** представляется новая информация; другой, противоположный, *эффект нерелевантности* – это либо полное отсутствие связи посту-

пающей информации с имеющимися знаниями и интересами реципиента, либо отсутствие новизны (значимости) поступаемой информации [Sperber, Wilson 1995]. Поэтому для успешной интеракции необходима взаимная адаптация «внутренних релевантностей» взаимодействующих коммуникантов [Шюц 2000] – их разделяемая ментальная «аттенциональная салиентность» [Ирисханова 2014б] – *"joint attentional scenes"* [Tomasello 2009]. Коммуникативная гармония (принцип «эпистемического оптимизма» и «двойной эмпатии» – [Grice 2001; Tomasello 2009]) ограничивается когнитивным механизмом «эпистемической бдительности» (*epistemic vigilance*) [Sperber 2013], позволяющим критически оценивать источник и качество информации – идентичность субъекта-продуцента высказывания, его искренность, достоверность информации и проч.

4) Итоговый постулат теории релевантности касается места механизма релевантности в когнитивных процессах сознания. Роль релевантности в мышлении и коммуникации – одна из доминирующих (ср. [Болдырев, Григорьева 2018]), если не сказать определяющая [Mercier, Sperber 2017]. Помимо того, что релевантность является одной из главных категорий информационных поисковых систем [Manning 2008], сам когнитивный механизм релевантности определяет когнитивно-коммуникативные доминанты в деятельности человека: мышление стремится к максимализации релевантности в когнитивно-коммуникативном континууме: *"Achieving maximal relevance involves selecting the best possible context in which to process an assumption: that is, the context enabling the best possible balance of effort against effect to be achieved"* [Sperber, Wilson 1995: 144].

II. Предубеждения. Категория контекста. С критикой ТР выступили многие лингвисты и по разным мотивам (см. [Sperber 2013]). Главными недостатками ТР признаются преувеличение субъективного (психологического) основания для исчисления релевантной контекстной гипотезы и узкий объем речевого материала (высказывание, обмен репликами). Одним из критиков ТР стал теоретик «контекстуальных моделей» Т. ван Дейк. Для него, так же как и для S&W, контекст представляет собой ментальную модель, конструируемую коммуникантами, однако способность к конструированию контекста как совокупности гипотез, с наибольшим эффектом подходящих для интерпретации высказывания, в большей степени ограничено действием глобальной текстовой когерентности и внешними (социокогнитивными) – институциональными и ситуативными факторами: *"…contexts are often reduced to sets of propositions (see also Sperber and Wilson, 1995) and hardly analyzed in their own right beyond obvious parameters such as time, place and shared knowledge (Common Ground) of the participants"* [Dijk 2008: 11].

По мнению Дейка, связь между контекстом и исчисляемым значением не столько процессуальная, как в ТР, сколько лишь условие (возможное/вероятное) для извлечения смысла и его последствий (принятия решений): «например, чувство голода, без сомнения, является важным (хотя и не необходимым) условием для приема пищи, но, к сожалению, для многих миллионов людей в мире такое состояние не имеет "эффекта" (необходимого следствия) приема пищи» [Ibid.: 78–79].

Для определения релевантности Дейк предлагает установить связь между «релевантными условиями» и «релевантными последствиями», между интенциональностью и достигаемыми целями речевой интеракции: *"…context models have intentions as their constituents, namely as "mental" properties of participants – in the same way as being a professor is a social property of a context model when I speak or understand in that role"*. [Ibid.: 82]. Дейк настаивает на необходимости исследовать статическую структуру контекста, не только хронотопно-сеттинговую [Dijk 2009], но и социокогнитивную (*знания – идеологии – групповые аттитюды – модели событий – контекстуальные модели – дискурсивные репрезентации – дискурсная интеракция*) [Dijk 2008: 103].

Тем не менее, сопоставляя обе концепции релевантности, мы приходим к мнению о некоторой предвзятости Т. ван Дейка в подчеркивании различий между его концепцией релевантности и ТР (*"Sperber and Wilson's book on relevance is hardly a "cognitive," but rather an (interesting) formal, philosophical study"* [Dijk 2008: 78]). (см. тж. [Попова 2020б]). Несомненно, обе теории описывают когнитивные процессы, связанные с речевой интеракцией, с двумя подходами – операциональным когнитивно-прагматическим, берущим начало в логических работах Г. П. Грайса, и социокогнитивным, тяготеющим к этнометодологии Э. Гоффмана и Д. Хаймса (модель SPEAKING) [Dijk 2009]. Взаимодополняемость этих концепций можно представить через различение *ингерентной* (мыслительной) и *адгерентной* (социальной) составляющих механизма релевантности. Социокогнитивный аспект дискурсивных исследований сегодня становится особенно актуальным [Болдырев, Дубровская 2015; Ирисханова 2014а], внешние (адгерентные) условия бытия определяют действие механизмов когнитивного процесса понимания и интерпретации, объективность которого могут нарушить всевозможные когнитивные предубеждения (*cognitive biases*) [Haselton, Nettle 2006].

III. Прикладные эвристики ТР. Парламентская делиберация. Заслугой ван Дейка является распространение категории релевантности

на социо-политический дискурс, в частности, парламентскую коммуникацию [Dijk 2009].

Релевантность парламентских дебатов определяется самой природой дискурсивной делиберативности, когда происходит наложение адгерентной релевантности в виде устоявшихся политических пресуппозиций участников дебатов на необходимость организации рационального мышления, обсуждения и понимания проблемы, корректируя свой набор «внутренних релевантностей» с каждым новым высказыванием, репликой – «делиберативной парентезой» [Александрова 2009; Попова 2019а, б], стремящейся к «максимальной релевантности», но подвергающейся анализу «эпистемической бдительности» и получающей в результате свою оценку релевантности как основания для проектирования политики и принятия решения. Таким образом, в речевой интеракции происходит взаимная остенсивно-импликативная адаптация значений продуцента и значений реципиента и их внутренних релевантностей; возникает либо когнитивно-коммуникативный *диссонанс*, либо, напротив, *ассонанс* и даже *резонанс* двух ментальных моделей [Ирисханова 2018; Попова 2020а], задействованных в интерпретации получаемого высказывания, ведущих к релевантности без когнитивных **предубеждений** и излишней **гордости** как источников предвзятости, искажающих как механизм «двойной эмпатии» и обоюдной, синхронизированной «интенциональной салиентности», так и механизм эпистемической бдительности, направленный на выявление субъективно-объективных «иррелевантных» делиберативных ментальных стратегий и тактик в социокультурной коммуникативной интеракции.

Литература

Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Интеракциональное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 2. С. 77–79.

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11–16.

Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.

Болдырев Н. Н. Дубровская О. Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (044). С. 14–25.

Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014а. № 4. С. 5–17.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014б.

Ирисханова О. К. Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 334–344.

Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Попова Г. Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология. Пятигорск: Изд-во «ПГУ», 2019а.

Попова Г. Е. Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской коммуникации // Политическая лингвистика. 2019б. № 1(73). С. 81–89.

Попова Г. Е. Когнитивный резонанс как функция интеракционального энталамирования // Когнитивные исследования языка. 2020а. № 3(42). С. 285–290.

Попова Г. Е. Теория релевантности: две концепции контекста // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020б. Т. 16. № 1(47). С. 60–69.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

Blakemore D. Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discouse Markers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.

Cepollaro B. When Evaluation Changes: An Echoic Account of Appropriation and Variability. Journal of Pragmatics. 2017. № 117. P. 29–40.

Dijk van T. A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Dijk van T. A. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. New York: Cambridge University Press, 2009.

Fodor J. Evolution and the Human Mind: Modularity, Language and Metacognition // The British Journal for the Philosophy of Science. 2001. 52 (3). P. 623–628.

Grice H. P. Aspects of Reason. Oxford: Clarendon Press, 2001.

Haselton M. G., Nettle D. The Paranoid Optimist: An Integrative Evolutionary Model of Cognitive Biases // Personality and Social Psychology Review. 2006. 10 (1). P. 47–66.

Manning C. D. Introduction to Information Retrieval. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Mercier H., Sperber D. The Enigma of Reason. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2017.

Schiffer S. Meaning. Oxford: Clarendon Press, 1972.

Sperber D. Speakers are Honest Because Hearers are Vigilant. Reply to Kourken Michaelian // Episteme. 2013. 10 (1). P. 61–71.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Basil Blackwell, 1986 / 2nd Ed. Oxford; Cambridge: MA, 1995.

Sperber D., Wilson D. Beyond Speaker's Meaning // Croatian Journal of Philosophy. 2015. Vol. XV. No. 44. P. 117–149.

Tomasello M. Why We Cooperate / M. Tomasello, C. Dweck, J. Silk, B. Skryms, E. Spelke. Cambridge, MA: MIT Press, 2009.

Yus F. Relevance Theory. Online Bibliographic Service. (Last modified: 31 May 2021). URL: https://personal.ua.es/ francisco. yus/rt2.html (дата обращения: 21.06.2021).

G. E. Popova *(Astrakhan, Russia)*
Astrakhan State Technical University

LINGUISTIC AND COGNITIVE MECHANISMS OF POLITICAL DELIBERATION IN THE LIGHT OF RELEVANCE THEORY

One of the most popular paradigms in foreign pragma-discursive cognitive science, evoking both pride and prejudice in various scientific interpretations, is the Theory of Relevance, originated in the works by D. Sperber and D. Wilson more than 30 years ago (1986/1995). The subject of this study is the possibilities of its heuristics development and innovation in sociolinguistic cognitive studies.

Key words: cognitive pragmatics, relevance, deliberation, argumentativeness, parliamentary debate.

В. И. Постовалова *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
aroni4@yandex.ru

«МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК»: ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И АКЦЕНТУАЦИИ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МЕНТАЛЬНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА (ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

В статье на материале характеристики логики мировидения человека в двух ее формах – логики мировидения личности и логики общенационального мировидения в отдельных сферах познания и культуры – рассматривается вопрос о возможности использования идей когнитивного подхода для изучения ментальности в современном гуманитарном познании.

Ключевые слова: гуманитарное познание, рефлексия, интегративная модель, ментальность, когнитивный подход, логика мировидения.

> Человек всего лишь тростник, самый слабый в природе; но это мыслящий тростник (Rosseau pensant) <…>. Все наше достоинство состоит <…> в мысли (pensée). Вот откуда нам следует восходить, чтобы двигаться выше…
>
> *Блез Паскаль. Мысли*

1. Идея ментальности в гуманитарном познании XX–XXI вв. В своей неоконченной книге «Научная мысль как планетное явление» В. И. Вернадский, размышляя о движении научной мысли XX в., отмечал в качестве отличительной черты этой эпохи стирание граней между отдельными науками вследствие стремительного роста научного знания, а также появление в ходе данных процессов тенденции к специализации познавательной деятельности человека «не по наукам, а по проблемам» [Вернадский 1997: 54]. Такой подход позволяет, по словам Вернадского, «с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой, – расширять охват его со всех точек зрения» [Там же].

В эпицентре межнаучных проблем, возникающих в русле «антропологического поворота» в современном познании с его переключением внимания с изучения мира на изучение человека в его целостности и в единстве всех сторон его бытия – миросозерцания, познания, культуры и духовной жизни – находится проблема онтологического статуса так называемой «ментальности» как глубинной антропологической реальности и специфики ее постижения в гуманитарном познании (см. об этом в нашей работе: [Постовалова 2021]). Идея ментальности (от лат. mens – ‘ум’, ‘мышление’, ‘образ мыслей’, ‘душевный склад’), получившая широкое распространение в европейской научной мысли под влиянием деятельности французской исторической школы «Анналов», постепенно распространилась и на другие сферы гуманитарного познания, где стала рассматриваться как интегральная характеристика внутреннего (ментального) мира человека, глубинный исток культурно-исторической динамики и «тип национальной речемысли» [Колесов 2002: 334].

Различные гуманитарные науки стали усматривать в ментальности универсальное понятие, с помощью которого возможно в единой системе понятий описывать широкий круг антропологических феноменов, изучаемых в данных дисциплинах, – национальный дух и национальный характер, архетипы сознания и иерархию ценностей, стилистику мышления и многое другое, – исходя из понимания ментальности как целостного образования, единства логического и эмоционального. По определению

А. Я. Гуревича, ментальность и есть «тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания» [Гуревич 1993: 58]. Такое объединение ума и эмоций в ментальности Б. В. Марков предлагает обозначать двуединым термином «разум и сердце», считая ошибочным встречающееся в обыденным представлении разделение человеческого духа на «разумное» и «сердечное» [Марков 1993].

Центральной задачей современного этапа в осмыслении ментальности в рамках гуманитарного познания является разработка ее интегративных моделей. В таких моделях ментальность предстает как многомерное и многоплановое концептуальное образование, содержащее множество слоев, начиная от самого глубинного, сокровенного уровня бессознального и завершая самыми последними, конкретно-жизненными проявлениями этого глубинного начала, изучаемыми в различных научных дисциплинах, включая и когнитивистику, предметом рассмотрения которой являются такие значимые для понимания природы ментальности феномены, как интеллект (разум, ум), знание, мышление, мысль, картина мира, а также процессы категоризации и концептуализации в познавательной деятельности человека.

2. Проекции идей когнитивного подхода при постижении ментальности в современном познании. К числу неявных и трудно поддающихся рефлексивному осмыслению проявлений ментальности человека исследователи относят логику мировидения, или те мыслительные приемы и категории познания, которые применяются человеком при постижении и осмыслении им реальности. При этом речь может идти как о логике мировидения отдельной личности, так и общей логике мировидения, принимаемой в отдельных сферах познания и культуры, например, в научном познании. Примером описания логики мировидения такого типа является работа В. А. Виноградова «О фонологическом мышлении», где Виноградов, опираясь, на опыт описания Г. Вейлем математического способа мышления как «особой формы рассуждения» [Вейль 1989: 6], предпринимает попытку реконструкции фонологического мышления, рассматривая фонологию как своеобразную «алгебру речи» [Виноградов 2019: 360].

2.1. О логике индивидуального мировидения личности и ее генетических истоках. По утверждению А. Ф. Лосева, в каждом человеке, как бы ни была богата его психика, можно заметить «одну общую линию понимания вещей и обращения с ними», которая «свойственна только ему и никому больше» [Лосев 2001: 92]. Эта «общая линия», или логика понимания вещей, формируемая у человека в ходе простейшего, интуитивного

восприятия мира и налагающая свой отпечаток на весь его менталитет, находится обычно вне сферы рефлексивного осмысления. Но иногда, в глубинных актах самосознания она приоткрывается рефлексивно чутким и творчески одаренным личностям.

Таков был П. А. Флоренский, православный священник, ученый и религиозный философ, который в своих «Воспоминаниях прошлых лет» с поразительной проникновенностью запечатлел бытийные истоки своего миропознания. По словам отца Павла, все его позднейшие религиозно-философские убеждения вышли из характера привычного ему горного пейзажа. «На Аджарском шоссе, – пишет он (21.04.1923 г.), – я с детства приучался видеть землю не только с поверхности, а и в разрезе, даже преимущественно в разрезе» [Флоренский 2021]. «Я привык видеть корни вещей», – утверждает он. – И «эта привычка зрения потом проросла все мышление и определила основной характер его – стремление двигаться по вертикали и малую заинтересованность в горизонтали» [Там же].

Испытывая свое теснейшее единение с природой, Флоренский, по его воспоминаниям (10.04.1923 г.), в те ранние годы почти физически ощущал себя «струною или скорее хладниевой пластинкой, по которой природа ведет смычком» [Там же]. Он ощущал, как во всем его организме вибрирует едва уловимый «упругий», «чистый», «экстатический» звук, а в мыслях «складываются схематические образы <…> как символы мировых явлений» [Там же]. И этот экстатический звук, эта вибрация в нем всего внутреннего – все это порождало в его уме схемы, «порядка скорее всего математического», которые и стали его познанием мира [Там же]. Помимо горных пейзажей, на формирование миросозерцания Флоренского, по его словам, оказало свое влияние это постоянное, «ненасытное» и «всегда ненасытимое» созерцание моря. «Вслушиваясь в себя самого, – писал он (01.06.1919), – я открываю в ритме внутренней жизни <…> эти навеки запомнившиеся ритмы волн и знаю, это они ищут во мне своего сознательного выражения чрез схему тех математических понятий» [Там же].

Позже, в математике, поясняет П. А. Флоренский, ему оказывались близкими и внутренне родными «ряды Фурье и другие разложения, представляющие всякий сложный ритм как совокупность, как бесконечную совокупность простых» [Там же]. И впоследствии, когда он услышал «знаменитые ростовские звоны, где сплетаются, накладываясь друг на друга, ритмы, все более частые», ему вспомнилось ритмическое построение морского прибоя и фуги Баха – исконные ритмы его души, ставшие подлинными «категориями» его миропостижения [Там же]. Это мистическое чувство единства мира как целого, знакомое П. А. Флоренскому с детства

и отрочества, послужило опытным основанием его «конкретной метафизики», развивающей идеи философии Всеединства. Как писал об этом сам о. Павел в одном из своих последних писем с Соловков (21.02.1937): «Что я делал всю жизнь? – Рассматривал мир как единое целое, как единую картину и реальность, но в каждый момент или, точнее, на каждом этапе своей жизни, под определенным углом зрения <…> Отсюда – непрестанная диалектичность мышления (смена плоскостей рассмотрения), при постоянстве установки на мир как целое» [Флоренский 1994: 35].

2.2. О логике национального мировидения в отдельных сферах познания и культуры. Одно из направлений рефлексивного осмысления логики мировидения в отдельных сферах познания и культуры – философии, науке, теологии, художественном творчестве – составляет реконструкция логики национального мышления в этих сферах. Занимаясь изучением эвристической силы национальной ментальности, Г. Д. Гачев понимает под национальной логикой воззрения на мир то́, «какой “сеткой координат” данный народ улавливает мир» [Гачев 2008: 16]. И, соответственно – то́, «какой Космос (в древнем смысле слова: как строй мира, миропорядок) выстраивается перед его очами», «реализуется в его стиле существования», «отражается в созданиях искусства и теориях науки» [Там же]. Такую логику, или «склад мышления» Другого (всякой культурной целостности, народа и др.), предопределяющую его миропредставление и картину (образ) мира, Гачев именует «Логосом» в древнегреческом понимании смысла этого слова, подчеркивая, что «мышление, Логос национальный – это не только операция рассудочного связывания понятий и идей по правилам логики, но и воображение, созерцание, медитация» [Там же: 40].

Примером рефлексивного осмысления национального типа мышления в области философии может служить описание русской философской мысли в ранней статье А. Ф. Лосева «Русская философия». Согласно интерпретации Лосева, почти вся русская философия «представляет собой до-логическое, до-систематическое или, лучше сказать, – сверхлогическое, сверх-систематическое образование философских настроений и постижений» [Лосев 2015: 183]. По его словам, самобытная русская философская мысль выражает «непрерывную борьбу между западноевропейским абстрактным Ratio и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом» [Там же: 192]. А также – «продолжающееся, постоянно возрастающее постижение иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом» [Там же]. Русской философии, неразрывно связанной с реальной жизнью, чуждо всякое стремление к «абстрактной, чисто интеллектуальной систематизации своих взглядов»

[Там же: 188]. Она является «чисто внутренним, интуитивным и чисто мистическим познанием сущего, его скрытых глубин», постигаемых не с помощью логических определений, но символически – воображением и «внутренней жизненной динамикой» [Там же].

Примером рефлексивного осмысления национальных типов мышления в области науки может служить сопоставительное описание Ю. С. Степановым трех лингвофилософских школ – англосаксонской, французской и российской, – характеризующихся как избираемыми темами осмысления, так и способами работы с ними [Степанов 1998: 11]. Так, для англосаксонской школы, в видении Степанова, характерно центрирование внимания на проблемах логико-лингвистической формализации языка и речевой деятельности – междисциплинарных исследованиях с привлечением математической теории моделей, логической теории доказательства, а также концепции «возможных миров». Для французской школы – характерно преимущественное внимание к проблемам дискурса и интерсубъективности. Для российской же школы, по Степанову, характерна устремленность к тонкому концептуальному анализу с его расширениями в виде логического анализа языка, а также в виде лингвофилософского анализа и обращение к основаниям последнего – неопатристическому синтезу, русскому символизму и модернизму.

3. Когнитивный подход в трансферологическом пространстве культуры. Как замечает митрополит Анастасий (Грибановский) в своих «Беседах с собственным сердцем»: «Паскаль первый назвал человека “мыслящим тростником”, показав тем и его силу, и его слабость» [Анастасий Грибановский 2002: 150]. С тех пор в отечественной культуре образ «Мыслящего тростника» используется для выражения как интеллектуальной мощи человеческого разума, так и недостаточности той позиции, при которой переоценивается значимость интеллектуальной деятельности человека за счет игнорирования в человеческом бытии аффективно-волевого начала, без чего невозможно никакое жизнетворчество и даже самое это бытие.

К образу «Мыслящего тростника» для характеристики мощи человеческого разума с позиции научного самосознания прибегал в свое время В. И. Вернадский, который в своих «Размышлениях натуралиста» утверждал: «Мыслящий тростник – создатель науки в биосфере <…> сейчас впервые <…> научно понял свое положение в организованности планеты» [Вернадский 1977: 42]. И это положение чрезвычайно значимо. Ведь «появление разума и наиболее точного его выявления – организации науки – есть первостепенный факт в истории планеты, может быть,

по глубине изменений превышающий все нам известное, раньше выявляющееся в биосфере» [Там же: 43].

Но параллельно с этим в мистико-художественном самосознании человека обретает свою жизнь и новый экзистенциальный образ-концепт человека как «Мыслящего тростника», способного не только думать, но также чувствовать и действовать. Данный образ-концепт Ю. С. Степанов в своей книге о «Воображаемой словесности» называет описательно как «и ропщет "Мыслящий тростник"», ссылаясь на тезоименитые строки из стихотворения Тютчева «Певучесть есть в морских волнах…» (1865 г.) [Степанов 2010: 14].

Эти два образа-концепта человека как «Мыслящего тростника» у Блеза Паскаля (XVII в.) и у Ф. Тютчева (XIX в.) в символической форме выражают два пути становления когнитивизма в научном познании XXI в. в двух его версиях – в *радикально-редукционистской* форме, при котором происходит сведение ментального мира человека к интеллекту, и когнитивизма в его более адекватном *радикально-расширительном* понимании, при котором все когнитивные способности человека оказываются в поле зрения представителей «новой когнитивной парадигмы знания», принимаемой в современной отечественной когнитивной лингвистике [Кубрякова 2012: 105].

Такое расширительное понимание когнитивного подхода оказывается глубоко созвучным антирационалистическому, онтологическому пониманию познания в отечественной философской мысли и может рассматриваться как своеобразная проекция идей философии цельного знания. Ведь рационализм, как замечает Н. А. Бердяев, «есть всегда результат рассечения целостной жизни духа, выделение разума, интеллекта в отвлеченное начало, от жизни оторванное» [Бердяев 1989: 35]. Но отвлеченный разум, утверждает он, не может познать бытие, которое «открывается лишь целостной жизни духа, лишь разуму, органически соединенному с волей и чувством» [Там же: 36]. Или, как выражался сторонник идеи цельного знания в русской культуре А. С. Хомяков,– «волящему разуму» и «разумной воле» [Там же].

Литература

Анастасий (Грибановский), митр. Беседы с собственным сердцем. СПб.: Библиополис, 2002.

Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. 3. Типы религиозной мысли в России. Paris: Ymca-Press, 1989.

Вейль Г. Математическое мышление: сб. статей. М.: Наука, 1989. URL: mathedu.ru›…veyl_matematicheskoe_myshlenie_1989 (дата обращения: 26.05.2021).

Вернадский В.И. Размышления натуралиста. В 2-х кн. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977.

Виноградов В.А. Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.

Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.

Лосев А.Ф. На рубеже эпох. Работы 1910-х – начала 1920-х годов. М.: Прогресс-Традиция, 2015.

Марков Б.В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993.

Постовалова В.И. Ментальность как глубинная антропологическая реальность и пути ее постижения в гуманитарном познании (опыт эпистемологического рассмотрения) // Метафизика. Научный журнал. 2021. № 1 (39). М.: РУДН. С. 8–30.

Степанов Ю.С. Язык и Метод: К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.

Степанов Ю.[С.]. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». Калуга: Эйдос, 2010.

Флоренский П., свящ. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Мысль, 1994.

Флоренский П. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. Харьков: Фолио, 2000. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2434 (дата обращения: 26.05.2021).

V.I. Postovalova *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences

“THE THINKING REED”: HEURISTIC IDEAS AND ACCENTUATIONS OF COGNITIVE APPROACH IN MENTAL WORLD REPRESENTATIONS (FROM EPISTEMOLOGICAL PERSPECTIVE)

The article explores the possibility of applying the ideas of cognitive approach to studying mentality in contemporary humanitarian knowledge. The study is based on the analytical outlook on two forms of mentality representations in the world of human beings which are the logic of individual worldview and the logic of national worldview in various spheres of knowledge and culture.

Key words: humanitarian knowledge, reflection, integration model, mentality, cognitive approach, logic of worldview.

О. А. Турбина *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
turbina371@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Г. ГИЙОМА: ПЕРВЫЙ И ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ КОГНИТИВИСТОВ

В статье представлен краткий обзор лингвистического наследия известного французского лингвиста XX в. Г. Гийома, содержащего продуктивные идеи и многочисленные конструктивные подсказки для исследователей, работающих в области различных направлений лингвистики, соприкасающихся с проблемами семиозиса языковых и речевых единиц.

Ключевые слова: психосистематика, система языка, интуитивная механика, антропологические основания в лингвистике.

С момента публикации первых работ Г. Гийома в 2021 г. исполнилось 110 лет. Однако основанное им направление в силу его существенного отличия от традиционных направлений до сих пор оценивается специалистами как оригинальное, в силу использования принципиально нового подхода и методики анализа – как новаторское и в силу богатейшего потенциала разработки его идей в изучении языка – как перспективное. В России по ряду причин оно остается сегодня малоизвестным. А. Мейе в 20-х гг. XX в. писал о Г. Гийоме, своем любимом ученике: «Он слишком умен, а его книги слишком сложны, чтобы лингвисты их поняли». Сложный для того времени метаязык и оригинальный терминологический аппарат способствовали обособлению психосистематики в языковедческой среде.

Г. Гийом построил свою концепцию на идее системной организации мира языка, отражающего и воплощающего системную организацию мира в целом. Г. Гийом писал о системе языка как о системе представления, а о речи – как системе выражения. Он обратился к отражательно-когнитивному аспекту, который он назвал *человеческим*. Рассуждая о природе и функционировании языка, он ввел в рассуждение такие понятия, как *Вселенная и Человек*, *время космическое* и *время оперативное*, *антропоцентрическая* и *мыслетворческая функции языка*, *механизмы рече-языковой деятельности*, *потенциальность системы* и *актуальность ее реализации*, *непрерывность языка* и *прерывность речи* и т.д., сосредоточив тем самым свое внимание на мыслительных процессах, лежащих в основе процессов языковых.

Теоретическое наследие Г. Гийома ценно и тем, что оно изобилует своеобразными конструктивными подсказками для специалистов самого разного профиля: не только лингвистов, но и философов, историков, психологов, антропологов и пр. М. Вильме в 70-х гг. прошлого века утверждал, что за последние десятилетия не появилось теории, которая обладала бы такой же объяснительной силой, какой обладает теория Г. Гийома, что его школа, обогнав американскую дескриптивную лингвистику, заняла верхние ступени экспликативного языкознания, и что когда будут даны все ответы на вопрос *как?*, объяснения наблюдаемым явлениям мы сможем получить только из психомеханики языка, отвечающей на вопрос *почему?* [Wilmet 1972: 131]. Это может случиться через десять, а может и через двести лет [Скрелина 1992: 169–170]: «ожидаемая и вероятная судьба психомеханики представляется в виде порождения новых теорий, которые, базируясь на том, что еще недавно приписывали ментализму, будут соревноваться в построении когнитивной лингвистики (…). Эта лингвистика, которая стремится прежде всего понять природу человеческого разума через его главную деятельность, смогла бы также достичь и другого – не рассматривать более язык с точки зрения информатики, а пересмотреть информатику и искусственный интеллект в свете языка» [Туссен 1992: 4].

Вводную лекцию к курсу теоретической лингвистики, прочитанную в Школе высшего образования в Париже в 1952 г., Г. Гийом начал так: «Наука основана на интуитивном понимании того, что́ видимый мир говорит о скрытых вещах, которые он отражает, но на которые не похож. (…) Цель моей работы состоит в том, чтобы раскрыть систему, каковой является язык, и план ее построения» [Гийом 1992: 7–8]. Именно системный подход к рассмотрению явлений мира явился блестящей находкой Г. Гийома и предопределил судьбу его концепции. Вдумаемся в слова Г. Гийома о системности мироустройства. Он имел в виду прежде всего то, что, несмотря на видимые различия, всё в мире обустроено по единым принципам, и эти принципы подчинены общему порядку. Так, все предметы, объекты и существа внешнего мира различаются по многим параметрам – форме, цвету, консистенции, температуре, плотности, материалу, из которого состоят и т. д. Это и есть их видимость. Такими они нам кажутся. Однако данные науки свидетельствуют о том, что все объекты, предметы и существа состоят из молекул, а те в свою очередь – из атомов, причем из одних и тех же атомов, и принципы организации атомов и молекул в сложные структуры и организмы едины и подчиняются строгим закономерно-

стям. Эти принципы и закономерности, по логике системного порядка, действительны и для более тонких материй, каковыми являются разум и духовный мир человека. Язык, как основной способ, причина и условие существования разума и разумной деятельности в целом, несомненно, тоже подчинен общему миропорядку, поскольку является неотъемлемой частью человеческого мира и, следовательно, общего универсума [Гийом 1992: 12–13].

Помимо наиболее часто используемого термина «психосистематика» у теории Г. Гийома есть и другие названия: *психомеханика*; *векторная лингвистика*; *психосемиология* (термины Г. Гийома); *психолингвистика* (Э. Бенвенист); *структурализм* и *позиционная лингвистика* (М. Леруа, П. Гиро, А. Жакоб и др.); *когнитивная лингвистика* (М. Туссен и др.); *антропологическая лингвистика* (Р. Вален, А. Жакоб, Ю. С. Степанов и др.); *феноменология языка* (Р. Вален, А. Жакоб и др.). А. Жакоб, отмечает, что если сравнить психосистематику со всеми остальными психологическими направлениями, то ее можно именовать диалектической в силу того, что она занимается генезисом систем [Jacob 1980: 514]. Разнообразие терминов, которыми именуют основанное Г. Гийомом лингвистическое направление, показывает широту диапазона его научного поиска, направленного на всестороннее изучение языка как особой теории, сотворенной человеческим разумом, как системы систем, объединяющей различные интра- и экстралингвистические аспекты, как уникальной знаковой системы, в которой закодированы механизмы познания мыслью самой себя, как единого живого организма, в котором господствует антропологическое начало. При этом психосистематика имеет значимое преимущество перед «одноименными» психолингвистикой, феноменологией (разновидность неогумбольтианства), структурализмом и другими направлениями современной лингвистики уже в том, что оказывающиеся в фокусе этих наук проблемы из различных областей лингвистики рассматриваются Г. Гийомом в комплексе, в рамках одной общей теории.

Акты языкового представления, по Г. Гийому, создаются совокупностью глубинных операций, которые в его учении получили название *интуитивной механики* (*mécanique intuitionnelle* = общей языковой способности). Интуитивная механика – это подсознательное использование первичных (врожденных) способностей представления, которые в человеческом мышлении лежат в основе способностей к рассуждению. Они-то и становятся сознательными; и уже на уровне рассуждения появляются науки, в том числе – математика. Углубленное знание

(=понимание) грамматики является высшей степенью понимания того, кàк в человеческом сознании интерпретируется внешний мир, в том числе и в результате бессознательных психических процессов. Именно эти операции предопределяют развитие рассудочности в формировании человека разумного как биологического вида. Выдвинутая Г. Гийомом идея об интуитивной механике, по законам которой разворачивается психический механизм формирования языка, речевой деятельности в целом и актуализации конкретной единицы в речевом акте, в некоторой степени соприкасается (как предвестник) с идеей Н. Хомского о базовых глубинных структурах, однако мысль Г. Гийома намного ближе к идее Ж. Пиаже об «универсальном инстинкте», общем для всего живого, в том числе и для интеллекта как высокоразвитого инстинкта [Piaget 1967]. Принципиальное отличие психосистематики от порождающей грамматики состоит в том, что психосистематика противится «чистому» формализму: язык – система систем – представляется неким своеобразным «хранилищем» не только всего содержательного материала (лексем, граммем, моделей), но и механики (систематики) его построения и актуализации [Guillaume: 220–240].

Г. Гийома, которого Ж. Стефанини назвал последним и величайшим из модистов [Stéfanini 1980: 14] за его акцент на априорности не грамматической структуры языка, а *принципов* ее организации (*principia* у модистов), по праву можно назвать первым и величайшим из когнитивистов, ибо таковым он по сути и является. Ю. С. Степанов отмечал, что Г. Гийом, «значение работ которого только сейчас начинает осознаваться во всей полноте», утверждал в лингвистике антропологический принцип [Степанов 1974: 14–15], а Л. М. Скрелина обращала внимание на то, что «множество новых понятий, разрабатываемых современными направлениями, например, лингвистикой текста и теорией высказывания, и возводимых к Ш. Балли, Б. Малиновскому, Э. Бенвенисту и др., были выдвинуты и раскрыты в ранних публикациях Г. Гийома, начиная с его исследования по артиклю» (1911 г): *актуализация, субъект*, *целевая установка*, *пресуппозиция*, *языковая* и *прагматическая компетенция* и др. [Скрелина 1992: 193]. Заметим, что методологический аппарат психосистематики может быть сегодня успешно применен в разных направлениях, в том числе – в исследованиях по когнитивной дискурсологии [Турбина 2019: 55–56], ибо проблемы, над которыми в настоящее время работают когнитивисты, были решены Г. Гийомом (или подсказаны основные пути их решения) в рамках одной полной и оригинальной лингвистической теории еще в начале XX столетия,

т. е. задолго до появления первых работ «классиков» когнитивной лингвистики.

Г. Гийом утверждает, что само существование человека разумного без языка невозможно: разумность развивается в силу и во взаимосвязи с развитием языка, а ее основы определяются интуитивной механикой, создающей языковые акты представления и, следовательно, возможность человеческого мышления. Сегодня этот факт осознан многими прозорливыми учеными, в том числе – лингвистами, к которым, как справедливо заметил Н. Н. Болдырев, наконец, пришло понимание «того, что единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает только естественный язык» [Болдырев 2020: 56], равно как и то, что «междисциплинарность исследований в любой области должна иметь разумные пределы», и вопрос о разумной междисциплинарности в силу необоснованного увлечения многих исследователей привлечением к анализу явлений языка данных других наук стал сегодня остро актуальным [Болдырев 2020: 57]. В этой связи заметим, что учитывая достижения в области смежных антропологических наук, и даже обращаясь к вопросам, которые решаются сегодня на стыке философии, логики, психологии и языкознания, Г. Гийом не выходит за рамки лингвистики (для многих современных лингвистов – задача почти непосильная), наглядно указывая на тот вклад, который должен внести лингвист, и только лингвист, в изучение природы человеческого мышления.

Однако несмотря на то, что прослеживается некая аналогия во взглядах Г. Гийома и «классиков» современного когнитивного направления, относящих язык к числу наиболее характерных типов когнитивной деятельности [Lakoff 1986: 31], есть между ними и заметные различия. К примеру, сравнив концепцию Т. Винограда с концепцией Г. Гийома, нетрудно заметить, что если взгляд Т. Винограда обращен от языковых структур через речевую ситуацию к концептуальным сущностям различных уровней в мышление [Виноград 1983], то взгляд Г. Гийома устремлен к самим языковым сущностям, из которых складывается концептуальный языковой мир. При этом Г. Гийом с присущей ему точностью определяет конкретную задачу лингвиста, которая состоит в воспроизведении крупных систем языка в том виде, в каком они существуют в глубине мышления [Гийом 1992: 53]. Кроме того, когнитивистам операции языка и мышления зачастую представляются чрезвычайно сложными, что приводит к усложнению и расхождению теорий, становящихся все менее доступными для проверки [Ван Дейк, Кинч 1988: 205]. Г. Гийом же за-

долго до когнитивистов сумел увидеть в них стройную простоту: «базовые операции языка,– пишет он,– являются в основном операциями простыми, чрезвычайно простыми и немногочисленными» [Гийом 1992: 52–43], природу которых обеспечивают (и которыми обеспечиваются) возможности мышления, и именно эти базовые операции служат основами структуры языка [Турбина 2013: 61–63].

Интересно сопоставить с гийомовской гипотезу одного из ярких представителей когнитивного направления Р. Лангакера [Langacker 1987–1988], отталкивающегося в своих рассуждениях о природе языка от идеи о том, что мышление имеет структуру, аналогичную внешнему миру, которая представляется ученым метафорически в виде «модели бильярда», позволяющей, по его мнению, наглядно проиллюстрировать систему отношений и вещей в мире. Р. Лангакер считает очевидным то, что эта модель оказывает влияние на повседневную и на научную мысль, ибо она отражает основные аспекты когнитивной организации, принцип которой лежит в основе концептуального базиса любых грамматических конструкций [Langacker 1987: 1]. Ученый полагает, что физические объекты и их энергетические взаимодействия мыслятся в полярной оппозиции друг к другу, а наши представления о них базируются на элементарных составляющих «модели бильярда», каковыми являются Пространство, Время, Субстанция и Энергия. Г. Гийом, вслед за И. Кантом и Э. Кассирером, рассматривает Пространство и Время как *формы восприятия*, которые вне контекста человеческой культуры не имеют проблемного смысла, но являются антропологическим основанием для формирования языкового представления Пространства и Времени, получающего по мере развития языков репрезентацию в системе языка системами Имени и Глагола. Для сравнения вспомним противоположную точку зрения Р. Лангакера, для которого Пространство и Время экзистенциональны [Langacker 1987: 1–3], что заметно сближает идею Лангакера с идеей Лейбница, для которого эти две сущности являются величинами (формами существования) внешнего мира. Небезынтересно также и то, что Р. Лангакер, резко выступая на словах против механицизма [Langacker 1987: 5], на деле оказывается близок одному из выдающихся механицистов: его «модель бильярда» удивительно напоминает упрощенный вариант «теории монад» Лейбница! О Г. Гийоме можно сказать совершенно противоположное: используя терминологию механицизма и, видимо, по научной скромности считая себя механицистом (*механизм* – любимое слово Г. Гийома), Г. Гийом фактически выходит далеко за пределы механистического мировоз-

зрения, а ученики и последователи Г. Гийома не случайно называют его концепцию антропологическим эквивалентом теории относительности [Jacob 1980: 519–520].

Литература

Болдырев Н. Н. Междисциплинарная доминанта когнитивных лингвистических исследований // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. № 2(41). С. 56–62.

Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып.12. С. 123–171.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992.

Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 153–211.

Скрелина Л. М. Послесловие к книге Г. Гийома «Принципы теоретической лингвистики». М.: Прогресс, 1992. С. 168–200.

Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья / Эмиль Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 8–16.

Турбина О. А. Концепт как объект лингвистической науки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2013. Том 10. № 1. Серия «Лингвистика». С. 59–65.

Турбина О. А. Лингвистическая дискурсология и психосистематика // Человек и его язык: диахрония и синхрония, новые идеи и подходы: материалы XIX Международной научной конференции Школы-семинара имени Л. М. Скрелиной (Петрозаводск, 19–21 сентября 2019 г.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 54–61.

Туссен М. Предисловие к книге Г. Гийома «Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. С. 3–4.

Guillaume G. Psycho-systématique du langage. Essai de mécanique intuitionnelle. Espace de temps en pensée commune et dans les structures de langue. Manuscrit. (Fonds G. Guillaume). P. 220–240.

Jacob A. De la psychomécanique á une antropologie operative // Langage et psychomécanique du langage. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1980. P. 513–524.

Joly A., Roulland D. Pour une approche psychomécanique de l'énonciation // Langage et psychomécanique du langage. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1980. P. 537–581.

Lakoff G. Classifiers as a Reflection of Mind // Noun classes and categorization. Typological Studies in language. V. 7. Amsterdam/Philadelphia, 1986. P. 13–52.

Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. V.1–2. Stanford, 1987–1988.

Piaget J. La psychologie de l'intelligence. P.: Armand Colin, 1967.

Stefanini J. Avant-propos á une histoire de la psychomécanique // Langage et psychomécanique du langage. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1980. P. 3–18.

Wilmet M. Gustave Guillaume et son école linguistique. Paris-Bruxelle, 1972.

O. A. Turbina (*Chelyabinsk, Russia*)
South Ural State University

THE LINGUISTIC HERITAGE OF G. GUILLAUME: FIRST AND GREATEST OF COGNITIVISTS

The article provides a brief overview of the linguistic heritage of famous French linguist of the 20th century G. Guillaume. This heritage contains productive ideas and numerous constructive tips for researchers working in the field of various areas of linguistics, that are in contact with the problems of semiosis of linguistic and speech units.

Key words: psychomechanics, system of language, intuitive mechanics, anthropological foundations in linguistics.

II. ГИПОТЕЗЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Н. Н. Германова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
nata-germanova@yandex.ru

ТЕСТ НА ЗАВЕРШЕНИЕ ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

В статье описывается выработанный в лингвопрагматике тест на завершение дискурса (discourse completion test) как метод сбора и анализа данных о реализации речевых актов в различных этнических и социокультурных контекстах и обсуждается возможность интерпретации полученных результатов с позиций когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвопрагматика, тест на завершение дискурса, фрейм-сценарий, культурная модель.

В последнее время вопрос о связях когнитивной лингвистики с другими науками активно обсуждается в самых различных ракурсах: ставится вопрос о когнитивных исследованиях дискурса, о сходстве и различиях когнитивной лингвистики и культурологии, формируются когнитивная социолингвистика, когнитивная семиотика, когнитивное терминоведение, когнитивная поэтика и другие междисциплинарные области исследования. Причина этого видится в интегративном характере современной науки о языке, для которой нехарактерно прокладывание жестких демаркационных линий между разными областями знания.

В настоящей статье речь пойдет о связях когнитивной лингвистики и лингвопрагматики, которая и сама является областью знаний с ярко выраженным междисциплинарным характером и – как и в случае с когнитивной лингвистикой – достаточно неопределенными границами. Связь когнитивной лингвистики и лингвопрагматики уже была отмечена исследователями. Термин «когнитивная прагматика» достаточно широко используется в англоязычной лингвистике [Explorations in Pragmatics:

Linguistic, Cognitive and Intercultural Aspects 2008, Cognition and Pragmatics 2009, Bara 2010, Cognitive Pragmatics 2012 и др.].

Как отмечает Ханс-Йорг Шмид, словосочетание «когнитивная прагматика» может даже показаться тавтологичным, так как знакомство с теорией импликатур Г.П. Грайса или описание десяти ментальных шагов, которые, по Дж. Серлю, должен сделать слушатель при интерпретации косвенного высказывания, показывают, что когнитивный компонент присутствовал в трудах основоположников лингвопрагматики с самого ее зарождения [Cognitive Pragmatics 2012: 4]. Действительно, если, вслед за Б. Бара, определить сферу когнитивной прагматики как «изучение ментальных состояний людей, которые вовлечены в коммуникацию» [Bara 2010: 1], то становится понятно, сколь широки границы подобного подхода. Наглядным примером перспективности когнитивного подхода к лингвопрагматике принято считать теорию релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон с отчетливо выраженным когнитивным компонентом [Шпербер, Уилсон 1988, Sperber, Wilson 1995].

В задачу настоящей статьи не входит анализ проблематики и достижений когнитивной лингвопрагматики в целом. Ее задача намного скромнее: описать один из способов анализа дискурсивных практик, принятых в лингвопрагматике, и рассмотреть возможность его интерпретации в терминах когнитивной лингвистики.

Речь идет о так называемом тесте на завершение дискурса (discourse completion test, далее DCT), широко применяемым в англоязычной лингвопрагматике. Этот метод сбора и анализа данных о коммуникативной практике представителей различных этнокультур (его точнее было бы назвать не тестом, а видом анкетирования) получил распространение после реализации масштабного международного проекта, нацеленного на изучение таких ликоугрожающих речевых актов, как просьбы и извинения в различных языковых культурах, осуществленного под руководством Ш. Блум-Кулка [Blum-Kulka, Kasper 1989]. По некоторым оценкам, этот проект, известный как Cross-Cultural Speech Act Realization Project (CCSARP), оказался лучшим международным проектом в области контрастивной лингвопрагматики. Именно в ходе этого исследования DCT был апробирован и отшлифован.

В ходе проведения DCT респондентам предлагается заполнить анкету с описанием ситуации (указывается место, социальный статус участников, их пол, возраст, социальная дистанция между ними) и незаконченным диалогом. Задача респондентов – закончить диалог так, как если бы он состоялся в реальной коммуникации. На основании полученных данных

проводится сравнение реакций представителей различных лингвокультур. Собранный материал позволяет учитывать не только этнокультурные особенности речевого поведения, но и ряд социальных переменных, таких как социальная дистанция между говорящими, гендерная принадлежность, возраст, в рамках одной этнокультуры.

Вот типичный пример вопроса из CCSARP:

> Larry, John's room-mate, had a party the night before and left the kitchen in a mess.
>
> John: Larry, Ellen and Tom are coming for dinner tonight and I'll have to start cooking soon;_____
>
> Larry: OK, I'll have a go at it right away.

Единицами лингвопрагматического анализа собранного материала являются части полученных высказываний, выполняющие определенную иллокутивную функцию. Каждая из этих частей получает определенное название (авторы назвали это кодированием частей коммуникативного акта). Именно выделение типовых компонентов высказывания, встречающихся в ответах носителей различных языков, создает метаязык для их сопоставительного изучения.

Среди компонентов коммуникативного акта выделяются основной речевой акт (head act), выражающий иллокутивное намерение говорящего (в случае CCSARP это предложение, содержащее просьбу или извинение).

Направлениями анализа основного речевого акта является, во-первых, установление того, выражается ли иллокутивное намерение прямо или косвенно; во-вторых, какие способы митигации или, напротив, усиления иллокутивной силы (т.н. downgraders / upgraders) использованы; и, в-третьих, ориентировано ли высказывание на говорящего, слушателя, обоих участников коммуникации или информант предпочел безличную конструкцию (ср. разные способы формулировки просьбы: could I do it? / could you do it? / could we do it? / it might not be a bad idea to get it done).

Основной речевой акт может сопровождаться дополнительными. Например, просьба может сопровождаться обращением/некоторым другим способом привлечения внимания: "Pardon me…"? вопросом, направленным на выяснение доступности запрашиваемого действия/предмета: "*Are you going in the direction of the town*? And if so, is it possible to join you?"; попыткой заручиться поддержкой: "*Will you do me a favor?*", обоснованием просьбы (т.н. 'grounder'): "*I missed class yesterday*, could I borrow your notes?"; комплиментом (т.н. 'sweetener'): "*You have beautiful handwriting*, would it be possible to borrow your notes for a few days?"; признанием импо-

зиции (т.н. ‘disarmer’): Excuse me, I hope you don’t think *I’m being forward*, but is there any chance of a lift home?; преуменьшением импозиции (т.н. ‘cost minimizer’) “Pardon me, but could you give me a lift, *if you’re going my way*, as I just missed the bus and there isn’t another one for an hour”.

Разработка принципов лингвопрагматического анализа высказываний с разбиением реплик информантов на мелкие коммуникативные ходы с учетом их иллокутивной направленности и иллокутивной силы и разработка соответствующего метаязыка является большой заслугой участников проекта CCSARP. Многие из употребляемых ими терминов прочно вошли в лингвопрагматику (downgrader, upgrader, disarmer, grounder, cost minimizer и др.).

Очевидно, однако, что разработанная в рамках CCSARP классификация компонентов просьб и извинений ориентирована именно на эти речевые акты. Хотя некоторые из выделенных компонентов (например, grounder) встречаются в различных контекстах, при изучении других речевых актов исследователям необходимо разрабатывать собственную классификацию компонентов того или иного речевого акта, см., к примеру, [Пэй Сянлинь 2021].

За тридцать лет, прошедших после реализации проекта CCSARP, в англоязычной контрастивной лингвопрагматике было выполнено большое число исследований с опорой на DCT. Большинство авторов несколько модифицировали предложенную в CCSARP схему кодирования частей речевого акта, исходя из характера материала и целей исследования, ср., к примеру, [Trosborg 1995]. Однако в любом случае главными направлениями исследования оставались уже намеченные в CCSARP линии: изучение соотношения прямых и косвенных речевых актов, связь косвенных речевых актов с лингвопрагматической категорией вежливости и выяснение того, кто из участников коммуникации попадает в фокус высказывания.

DCT также нашел активное применение в области преподавания иностранного языка при сравнении ответов носителей языка и изучающих его иностранцев, что позволило описать явление лингвопрагматической интерференции. В области преподавания иностранных языков DCT нередко используется как тест, позволяющий выявить степень овладения учащимся иностранным языком.

Несмотря на широкое распространение в лингвопрагматике и лингводидактике, критики нередко высказывают сомнение в достоверности полученных в ходе DCT результатов. Указывая на определенную искусственность условий его проведения, они подчеркивают, что письменные ответы, полученные путем анкетирования, далеко не всегда отражают

реальную устную речевую практику говорящих и, скорее, отражают их стереотипные представления о том, как люди должны вести себя в той или иной ситуации.

Эти опасения были подтверждены рядом исследований, в которых данные, полученные в ходе DCT, сравнивались с результатами ролевых игр или данными непосредственного наблюдения (их обзор см. в [Wojtaszek 2016: 170]). Так, например, сравнение просьб в телефонных разговорах и данных, полученных в ходе DCT, обнаружило, что участники анкетирования прибегали к более прямому способу выражения просьб, предпочитали ориентацию на говорящего и использовали более простые синтаксические и лексические средства [Economidou-Kogetsidis 2013]. Объяснение может крыться в том, что в отсутствие реального партнера по коммуникации говорящие в меньшей степени озабочены возможностью нанести ущерб лицу собеседника, упускают из виду его интересы и недооценивают социальную дистанцию между собой и собеседником.

Однако парадоксальным образом то, что критики DCT рассматривают как недостаток, делают его результаты интересными для культурологии и когнитивной лингвистики. Даже если ответы информантов до определенной степени расходятся с их реальным речевым поведением, они отражают то, что представляет непосредственный интерес для когнитивной лингвистики – знания информантов о некоторой стереотипной ситуации и способах поведения в ней, характерных для определенной культуры.

Ответы информантов фактически представляют собой реализацию определенных фреймов-сценариев, хранящихся в сознании представителей той или иной лингвокультуры. Понятие фрейма-сценария, предложенное еще М. Минским, используется для описания структуры знаний, включающих последовательность действий, совершаемых в некоторой стандартной ситуации. Классический фрейм-сценарий развертывается вокруг определенного события, например, дня рождения ребенка или посещения ресторана.

Представляется, что понятие фрейма-сценария можно распространить и на коммуникативные «события», такие как извинение, просьба, комплимент, угощение, выражение благодарности и т. п. Действия говорящих в этой ситуации не произвольны, а опираются на представления о том, какие коммуникативные ходы ожидаются от говорящего, в какой последовательности они обычно реализуются, как эти речевые действия могут повлиять на отношения между участниками коммуникации и т. п. Их структурными элементами являются субъекты коммуникативного действия (участники коммуникативного акта) и объекты или (чаще) со-

бытия, вокруг которых разворачивается коммуникативный акт (угощение, от которого отказывается информант, проступок, за который он приносит извинение, и т.п.). Как и другие сценарии, фреймы-сценарии коммуникативных событий ситуативны и конвенциональны, в некоторых случаях они в большой мере ритуализированы (например, китайский этикет требует, чтобы гость несколько раз отклонил угощение).

Фреймы-сценарии коммуникативных событий культурно маркированы. В ходе исследований – как в рамках CCSARP, так и в других работах – было выявлено немало различий в реализации одного и того же речевого акта представителями различных этнокультур.

В связи с этим возникает вопрос об объяснении различий в реализации одного и того же речевого акта представителями различных лингвокультур, и это, на наш взгляд, как раз та область, где когнитивная лингвистика может внести свой существенный вклад. Во многих исследованиях, основанных на DCT, этнокультурные различия тщательно фиксируются, но не объясняются. В тех случаях, когда предлагаются объяснения, опирающиеся на концептуальный аппарат лингвопрагматики, акцент делается на различие между культурами позитивной и негативной вежливости, намеченное еще П. Браун и С. Левинсоном [Brown, Levinson 1987: 285]. Однако критерии выделения этих типов культур остаются не до конца проработанными. Так, как справедливо отмечает Е. Огиерман, если следовать логике П. Браун и С. Левинсона, то в эмоционально «теплых» культурах позитивной вежливости говорящие должны уделять мало внимания социальной дистанции и отношениям власти, однако в польской и русской лингвокультурах, которые были отнесены исследователями к культурам позитивной вежливости, эти социокультурные переменные играют существенную роль [Ogiermann 2009: 35].

Представляется, что для объяснения обнаруженных различий перспективным может оказаться привлечение концептуального аппарата когнитивной лингвистики, в частности, понятие культурных моделей. Последние включают в себя знания и модели поведения, опирающиеся на системы ценностей, которые отличают одну культуру от другой. В частности, именно различные системы ценностей объясняют варьирование вводимого П. Браун и С. Левинсоном параметра R (ranking of imposition, т.е. ранжирование импозиций в разных этнокультурах). Представляется, что исследование того, какие ментальные установки и системы ценностей определяют поведение участников коммуникативного акта, поможет выявить глубинную мотивировку выбора говорящими тех или иных коммуникативных стратегий и тактик, конструировать на этом основании

когнитивно обусловленные модели речевого поведения представителей различных этнокультур и уточнить представления о коммуникативной типологии лингвокультур мира.

Литература

Пэй Сянлинь. Выражение негативной оценки как комплексный речевой акт (на материале русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2021 – в печати.

Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 212–233.

Bara B. G. Cognitive Pragmatics: The Mental Processes of Communication. Cambridge et al: MIT Press, 2010.

Blum-Kulka Sh., Kasper G. Cross-cultural Pragmatics: Requests and Apologies. Norwood, New Jersey: Ablex Publishing Corporation, 1989.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Cognition and Pragmatics /ed. by D. Sandra, J. O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009.

Cognitive Pragmatics /ed. by H-J. Schmid. Berlin: Walter de Gruyter, 2012.

Explorations in Pragmatics: Linguistic, Cognitive and Intercultural Aspects / ed. by I. Kecskes, L. R. Horn. Berlin: Walter de Gruyter, 2008.

Ogiermann E. On Apologising in Negative and Positive Politeness Cultures. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2009.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. 2nd ed. Oxford–Cambridge: Blackwell Publishers, 1995.

Trosborg A. Interlanguage Pragmatics. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995.

Wojtaszek A. Thirty Years of Discourse Completion Test in Contrastive Pragmatics Research // Linguistica Silesiana. 2016. № 37. P. 161–173.

N. N. Guermanova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

DISCOURSE COMPLETION TEST IN COGNITIVE PRAGMATICS PERSPECTIVE

The author describes the discourse completion test, which was worked out in pragmatic studies as a method of collecting and analyzing information about the realization of speech acts in different ethnic and sociocultural contexts and analyses the possibility of the interpretation of its results in the perspective of cognitive linguistics.

Key words: cognitive pragmatics, discourse completion test, frame, scenario, cultural model.

Л. И. Гришаева *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru

КОГДА ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ ПЕРВИЧНЫХ НОМИНАТИВНЫХ СРЕДСТВ?

Наблюдения над варьированием способов содержательной, формальной, функциональной организации текстов разного типа в разных языковых культурах свидетельствуют в том числе о расширении и тонкой дифференциации функционального потенциала прецедентных феноменов разного типа. Поэтому в фокусе внимания в статье оказываются причины расширения функционала названных вторичных номинативных средств и прежде всего соотношение их когнитивных и номинативных потенций, обусловливающих их вклад в структурирование информационного потока.

Ключевые слова: прецедентные феномены, парольная функция, вторичные номинативные средства, организация сведений в картине мира, структурирование информационного потока в коммуникации.

Выражение «Нет ничего более практичного, чем хорошая теория», без сомнения, относится к разряду общеизвестных и на первый взгляд аксиоматичных. Аксиоматика этого, по сути, парадоксального утверждения базируется на устоявшейся практике в сообщениях о любом научном исследовании непременно раскрывать прикладной потенциал предлагаемых теоретических конструкций.

С подобным требованием «служения обществу» сталкивались и лингвисты в конце XX века, решившиеся опираться в своих рассуждениях на когнитивные закономерности. Достаточно вспомнить остроту дискуссий об объяснительной силе постулатов когнитивно-дискурсивной парадигмы, разъяснения сторонников последней относительно истоков данной исследовательской парадигмы – и в первую очередь, естественно, многочисленные выступления Е. С. Кубряковой (см. явственные отголоски этих прений, например, в [Кубрякова 2004; Болдырев 2019; Краткий … 1997]). Информативны в этом смысле многие маркеры: разнообразие тематики частных сообщений на первых конференциях по проблемам когнитивной лингвистики, письменные либо устные комментарии к тем или иным позициям в кулуарах заседаний, комплекс вопросов, решаемых в первых кандидатских и докторских диссерта-

циях по проблемам когнитивной лингвистики, последовательность в рассмотрении проблематики названного проблемного поля в серии «Когнитивные исследования языка» или в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» и пр.

На нынешнем этапе развития можно, оглядываясь назад, спросить, как это делают в 2021 году организаторы Круглого стола, посвященного Е.С. Кубряковой: какие социальные задачи решают лингвисты-когнитологи?

Ответ, думается, может последовать в двух формах – лаконичной и развернутой.

Лаконичный ответ на поставленный вопрос примет следующий вид. Лингвисты-когнитологи в состоянии удовлетворительно объяснить, почему столь разные во всех смыслах носители языка и культуры относительно легко устанавливают друг с другом взаимопонимание и способны выстраивать долговременные продуктивные взаимоотношения.

Учитывая те же закономерности, лингвисты-когнитологи могут вразумительно и без малейшей натяжки объяснить и обратное – т.е. как различия в интерпретациях одного и того же набора сведений, воспринимаемых разными субъектами в одних и тех же условиях, так и неумение разных субъектов договориться друг с другом в тех или иных условиях.

Соответствующие объяснения опираются на многократно верифицированное строгими научными приемами междисциплинарное знание о закономерностях объективации, активации и со-активации в коммуникации сведений о мире разнообразными средствами культурных кодов: вербального и невербальных. Значимым с этих позиций является также знание о способах концептуализации и категоризации сведений о мире, а также знание о роли в названных процессах восприятия и обработки воспринимаемых сведений прототипов разнородных ментальных категорий и знаний, разделяемых всеми носителями языка и культуры (ср. эволюцию трактовок соответствующих процессов, например, в [Краткий … 1997; Кубрякова 2004; Голубкова 2002; Ирисханова 2004; Болдырев 2019; и др.]).

Таким образом, ясно, что перечисленные закономерности позволяют заинтересованным лицам опираться на сформулированные лингвистами-когнитологами закономерности при разработке коммуникативных стратегий разного рода, ориентированных как на коллективного субъекта, так и на единичного субъекта с известными характеристиками, например, в ситуации с выборами. Полезными соответствующие обобщения, бесспорно, оказываются и при разработке стратегий противодействия негативным манипулятивным влияниям, например, в ситуациях контрпропаганды и пр.

Развернутый ответ на поставленный выше вопрос нуждается в подробном объяснении не столько собственно исследовательских шагов, сколько мотивов выбора эмпирического материала, через анализ которого можно максимально убедительно доказать правомочность утвердительного ответа на обсуждаемый вопрос.

Стремление дать внятный и убедительный ответ на вопрос об объяснительной силе для социума исследований согласно когнитивно-дискурсивной парадигме целесообразно начать с обсуждения аргументов в пользу выбора прецедентных феноменов в качестве объекта пристального междисциплинарного – когнитивно-психологического, социопсихологического, социокультурного, лингвистического, исторического – анализа.

Во-первых, наблюдения над способами организации сведений в различных форматах коммуникации в разных языковых культурах показывает изменение соотношения первичных и вторичных номинативных средств в пользу последних, а среди них – в пользу прецедентных феноменов (см. подробнее развернутую аргументацию и анализ соответствующих примеров в [Гришаева 1998; 2018; 2020; Стратиенко 2020]). Отмеченный факт трудно признать случайным, и поэтому поиски оснований приводят к выводу, с одной стороны, об изменении в актуальных коммуникативных условиях плотности информационного потока и, с другой стороны, о вкладе прецедентных феноменов в названный процесс в силу своей способности конденсировать информацию в акте взаимодействия между носителями языка и культуры (см. детальный анализ в [Гришаева 1998; 2018; 2020]).

Во-вторых, названная особенность прецедентных феноменов, очевидно, не появляется только сейчас под влиянием изменений в актуальной коммуникативной среде с ее информатизацией, медиатизацией, коммерциализацией, виртуализацией, манипуляцией, гедонизмом и др. Напротив, свойства прецедентных феноменов, имманентные им в силу их общеизвестности в культуре, эмоциональной и рациональной значимости для многочисленных поколений носителей языка и культуры (о критериях для отграничения прецедентных феноменов от других повторяющихся явлений см. в первую очередь в [Караулов 1987]), стали закономерно востребованными именно в такой среде.

Отнюдь не случайной в этой связи представляется также активная апелляция в разных форматах общения к мемам, этим тоже повторяющимся феноменам, однако коммуникативно мимолетным, не живущим – в отличие от прецедентов – долго и, как правило, монофункциональным. Некоторые из мемов, по всей видимости, тем не менее имеют шанс

превратиться в прецеденты, если и когда они приобретут устойчивую и причинную связь с ценностными ориентациями, актуальными и доминантными для культуры (о значимости этого дополнительного критерия для характеристики прецедентных феноменов см. подробнее в [Гришаева 2018]); ср. коммуникативную историю мема «*британские ученые*», например.

В-третьих, богатство и развернутая дифференциация функционального потенциала прецедентных феноменов в художественном тексте (см. соответствующий анализ в [Гришаева 1998; Кремнева 2017]) способствует изменению соотношения «когнитивный фон – когнитивная фигура» в комплексе активизируемых разнородных сведений о мире и/или конкретном субъекте/персонаже художественного произведения. Тем самым апелляция к прецедентному феномену помогает перспективизации активизируемых и со-активированных сведений, их профилированию и в конечном итоге – уплотнению информационного потока,

Последний эффект основывается также на том, что для объективации со-активируемых прецедентным феноменом сведений требуется порой текст со сложной содержательной и формальной организацией, а то и несколько текстов разных типов. Следовательно, в-четвертых, когнитивные и номинативные потенции всех прецедентных феноменов, как бы их ни классифицировать на отдельные группы и подгруппы, существенно превосходят таковые у первичных номинативных средств, служащих для первичной идентификации того или иного элемента внеязыковой действительности. Будучи вторичными семиотическими образованиями (см. обоснование в [Караулов 1987]), прецедентные феномены активизируют и со-активируют – однако не обязательно объективируют в коммуникации – сведения о вторичных, третичных, порой мало востребованных в обычных условиях, признаках того или иного объекта внеязыковой действительности; ср.: *киевский князь Владимир – Владимир Красно Солнышко*. Благодаря этому реципиент имеет дело с прямой или косвенной идентификацией, которые сопровождаются и процессами, присущими аксиологической категоризации соответствующего объекта, так как прецеденты причинно связаны с ценностными ориентациями: ведь они рационально и эмоционально значимы **для всех** носителей языка и культуры на всем периоде своего бытования в культуре; ср. *защитник слабых – Илья Муромец*.

В-пятых, в основе номинативной деятельности по порождению прецедентных феноменов лежат, очевидно, разные когнитивные процессы: концептуальная интеграция, концептуальная метафора, сравне-

ние, аксиологическая категоризация и др. (см. примеры ниже). Поэтому по своей языковой форме прецедентные феномены весьма разнообразны (см. примеры ниже), что ни в коей мере не сказывается на реализации их функционального потенциала. Последний обусловлен однако спецификой коммуникативной стратегии, реализуемой коммуникантами в тех или иных условиях.

По изложенным причинам в качестве источника материала выбран рассказ Б.-Л. Ланге о жизни в ГДР. Данный текст представляет собой не совсем серьезное и не системное воспоминание о целой эпохе немецкой культуры с целью, с одной стороны, ознакомления граждан «старой» ФРГ и молодых граждан объединенной Германии с реалиями экс-ГДР и, с другой стороны, для облегчения адаптации к новым социокультурным условиям граждан, прожившим большую часть своей жизни в экс-ГДР. Поскольку анализируемый текст порождается как людический, в нем богато представлены разнообразные средства конструирования комического: игра слов (*Rostquietsch*), ирония (*Tal der Ahnungslosen*), сарказм (*Rostquietsch*), перефразирование (*das Land mit begrenzten Unmöglichkeiten*), концептуальная метафора (*Pornoshop*), квазицитация (*sozialistische Wartegemeinschaft*), пародия (*Arbeiter-und-Bauern-Volvo*) и мн. др., а в ряде случаев и сочетание различных словообразовательных, стилистических и концептуальных приемов (*Rüsseltraktoristen, der Rucksackbulle, Panzerfett, der VEB Horch und Guck, VEB Gleichschritt*).

Характерно, что сам автор анализируемого текста знает, что используемые им обозначения известны только тем, кто в сознательном возрасте жил в экс-ГДР. Поэтому Б.-Л. Ланге дает ко многим прецедентам комментарий, сопоставляет первичные и вторичные номинативные средства, а в ряде случаев и детализирует объяснения или раскрывает внутреннюю форму соответствующего обозначения: *der Dreifarbenfisch – Grün gefangen, braun geräuchert, schwarz gekauft*. Любопытно отметить, что в ограниченном текстовом пространстве (всего 9 малоформатных страниц) присутствуют 72 прецедентных обозначения из самых разных сфер для разнообразных референтов, в том числе и многих реалий ГДР (см. примеры ниже). Тем самым очевидно, что реципиент может не только получить довольно дифференцированное представление о незнакомой и даже чуждой ему действительности, но и выявить основания для ассоциирования этих сведений с доминирующими в немецкой культуре ценностными ориентациями.

Таким образом, очевидно, что прецедентные феномены реализуют свою парольную функцию, однозначно разделяя реципиентов на «своих» и «чужих». В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с вынужденно до-

вольно грубой классификацией анализируемых прецедентных феноменов по тематическому принципу. Ниже называются первичные номинативные средства элементов действительности, которые сопровождаются прецедентными для экс-ГДР обозначениями тех же явлений, объектов и субъектов и которые маркируются подчеркиванием; в скобках помещается авторский комментарий к прецедентному обозначению:

- продукты питания: *Butter – Kapitalistischer Brotaufstrich*, *Margarine – BBB* (Backen-Braten-Bohnern), *Apfelsine – Jahresendefrucht*, *der Aal – der Dreifarbenfisch* (Grün gefangen, braun geräuchert, schwarz gekauft), *der Kaffee-Mix* (Mischung von Original- und Ersatzkaffee) – *Erichs Krönung, Mokkafuck, bohnenlose Gemeinheit, billige Mettwurst – Panzerfett*;
- средства передвижения и их части: *der morgendliche Städteschnellverkehr der Deutschen Reichsbahn, der Dienstwagen der SED-Funktionäre – Bonzenschleuder, der legendäre Kleinwagen "Trabant" vom VEB Automobilwerk "Sachsenring" – Rennrappe, Babbe, Zwickauer Flüchtlingskoffer, Gehhilfe, Carton de blamage, Sachsenporsche, Arbeiter-und-Bauern-Volvo, Mercedes Krenz, der sowjetische "Moskwitsch" – Rostquietsch, der Lada – Kosakenmercedes, der VW Golf – der Golfstrom, die Transitzüge von der Bundesrepublik nach Westberlin – Zitteraal, Mumienexpress* (weil die Rentner ihre Verwandten besuchen durften), *Hängerkupplung – Hamsterhaken;*
- образ жизни и его разнообразные проявления в разных сферах: *Versorgungsschwierigkeiten – Engpässe, Versorgungslücken* (Sprache der Funktionäre), *die Kaufhalle – Pornoshop* (weil nackte Schaufenster und enblößte Regale), *Schlangen von Kaufwilligen – sozialistische Wartegemeinschaft, Volkswahlen – Zettelfaltveranstaltung, Vorträge zur sozialistischen Ausrichtung – Rotlichtbestrahlung, Lehrgänge zur sozialistischen Ausrichtung – Runderneuerung, der Smog – der sozialistische Industrienebel, die kleine Wohnung im Neubaublock – Arbeiterschließfach, die amerikanische Neutronenbombe – Neutronen-Kaffee: "Der Mensch geht kaputt, die Tasse bleibt heil!";*
- отношения ГДР и ФРГ: *die Stadtgrenze von Westberlin zur DDR – EDV* (Ende der Versorgung), *Dresden und ein Teil des ehemaligen Bezirks – Tal der Ahnungslosen* (weil keine West-Programme im Fernsehen empfangen wurden), *der 10. September 1989 – der Tag der Hinterbliebenen;*
- ГДР как государственное образование и его атрибуты: *die DDR – das Land mit begrenzten Unmöglichkeiten, Engpaß, ein DDR-Bürger – Russe de luxe, die Landeswährung der DDR – Alu-Chips, Spielgeld, die D-Mark – Blaue Fliesen, blaue Kacheln, Bunte, Dürer-Bild;*

- руководящие органы, функционеры и их атрибуты: *besonders eifrige Genossen, die vorzeitig befördert wurden – Frühgurke, Radfahrer mit goldener Klingel, das SED-Abzeichen – Bonbon, Webfehler, Existenzellipse, der Staats- und Parteichef Walter Ulbricht – der Spitzbart, die Fichtelbergziege, Margot Honecker, Ministerin für Volksbildung – Miß Bildung, der Chefkommentator des DDR-Fernsehens Karl-Eduard von Schnitzler – Sudel-Ede, Egon Krenz – Erichs Ziehkind, der älteste Jugendliche der DDR, der Parteifunktionär – Mundwerktätiger, der Sekretär für Agitation und Propaganda – Nebelwerfer, die aufgeblähten Verwaltungen der Großbetriebe – der Wasserkopf in der Faultierfarm, Mitarbeiter in der Verwaltung – die Lackschuhe;*
- органы госбезопасности и ее сотрудники: *die Stasi – die Firma, der Konsum, die Innere Mission, der VEB Horch und Guck, die unauffällig auffälligen Herren – die Sicherheitsnadeln, die Knirpskolonne;*
- служба в армии: *die NVA (Nationale Volksarmee) – die Asche, VEB Gleichschritt, Hoffmanns Trachtengruppe* (weil Heinz Hoffmann Chef der Truppe war), *der Stahlhelm – der Knitterfreie, Angehörige der Panzertruppen – Rüsseltraktoristen*;
- отдельные профессии и их особенности: *Dopingvermutungen – Spitzensportler, der Besamungstechniker – der Rucksackbulle.*

Обобщая, можно сформулировать наиболее существенные для предпринятого анализа тезисы.

Анализ прецедентных феноменов как вторичных семиотических образований дает исследователю в целом существенную информацию о структуре картины мира в целом, о ментальности носителей языка и культуре, о структуре комплекса ценностных ориентаций, свойственных прежде всего коллективному субъекту как носителю языка и культуры.

Применительно к текстам конкретного автора как носителя языка и культуры апелляция к прецедентным феноменам как в случаях их параллельного функционирования с первичными номинативными средствами, так и без них дает исследователю информацию по крайней мере о диалектике общего и единичного, конвенционального и окказионального при структурировании информационного потока в конкретных актах познания и коммуникации.

Возможность присутствия в ограниченном текстовом пространстве столь значительного числа прецедентных феноменов, как это видно из анализа цитируемого источника, показывает, с одной стороны, их общеизвестность в культуре (в тексте отсутствуют детальные пояснения!) и значимость для успеха коммуникации. С другой стороны, очевидной становится их роль в структурировании информационного потока,

а именно в конденсировании информации, происходящей без утраты силы и эффективности воздействия на реципиента соответствующего текста. Напротив, тексты с прецедентными феноменами оказываются для реципиента более яркими, запоминающими, привлекательными, эмоционально более мощными. Конденсация информации осуществляется за счет использования минимума языковых средств (одна лексема/словоформа или же одна группа слов разной структуры) для активизации огромного пласта сведений – целого фрагмента сложно организованных гетерогенных, гетеросубстратных и гетерохронных знаний о мире при максимальном эмоциональном и рациональном воздействии на реципиентов как носителей языка и культуры.

Уже только высокая вариативность обозначений для ряда реалий служит бесспорным подтверждением мощности «коэффициента полезного действия» прецедентных феноменов и их значимости для социума, поскольку многократное обращение со стороны носителей языка к однотипной номинативной задаче (наличие вариантов для номинации одного и того же референта) говорит о когнитивной значимости для коммуникантов соответствующих сведений, т.е. признаков воспринимаемого явления, конфигурируемых в разных актах познания по-разному и в силу этого по-разному именуемых в акте коммуникации.

Сопоставление первичных и вторичных номинативных средств, которыми располагает языковая культура для обозначения одного и того же объекта действительности, позволяет, очевидно, разграничить первичные и вторичные признаки, значимые для носителей языка и культуры в разных коммуникативных условиях. Вместе с тем соответствующие данные предоставляют исследователю довольно надежную информацию о предпочтениях в средствах реализации разных дискурсивных стратегий разных категорий коммуникантов и, что особенно важно, о способах реализации одной и той же коммуникативной и когнитивной задачи в принципиально разных условиях: в официальной и неофициальной коммуникации, среди «своих» и среди «чужих», в серьезных и несерьезных целях.

Существование в языковой культуре прецедентных феноменов как вторичных семиотических образований свидетельствует о поливариантной возможности структурирования всего комплекса гетерогенных, гетеросубстратных и гетерохронных сведений о мире, т.е. картины мира, осознаваемых или не вполне осознаваемых носителями языка в конкретном акте познания и коммуникации. Поэтому ясно, что частотность и степень востребованности апелляции к прецедентным феноменам в качестве номинативных средств можно интерпретировать в качестве

социокультурно и **социолингвистически** релевантных маркеров той или иной эпохи в конкретном культурном пространстве.

Явная специализация прецедентных феноменов на коммуникацию среди «своих» убеждает в том, что прецедентные феномены действительно служат компрессии информации и тем самым – дополнительным эффективным и надежным средством структурирования информационного потока в коммуникации.

Тем самым очевидно, когда и почему прецедентные феномены оказываются более предпочтительными, чем первичные номинативные средства, а также в чем именно заключается «служение обществу» когнитивной лингвистики и какие именно социальные задачи могут решать когнитологи.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Голубкова Е. Е. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). М.: ГЕОС, 2002.

Гришаева Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. Воронеж: ВГУ, 1998.

Гришаева Л. И. Типология прецедентности и культурная континуальность, или К вопросу о культурных скрепах // Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Теория межкультурной коммуникации: Проблемы, подходы, анализ. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. С. 371–388.

Гришаева Л. И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020.

Ирисханова О. К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Изд-во ВТИИ, 2004.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: МГУ, 1997.

Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул: АлтГТУ им. И. И. Ползунова, 2017.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Стратиенко Ю. А. Сказочные прецедентные феномены в англоязычном медиадискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2020.

Lange Bernd-Lutz. Bonzenschleuder und Rennrappe // Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten. Stuttgart–Leipzig: Hohenheim Verlag, 2000. S. 24–32.

L. I. Grishaeva *(Voronezh, Russia*)
Voronezh State University

WHEN ARE CULTURALLY SIGNIFICANT PHENOMENA PREFERABLE TO PRIMARY NOMINATIVE MEANS?

Observations on the variation of the ways of semantic, formal and functional organization of texts of different types in different cultures also indicates the expansion and subtle differentiation of the functional potential of various culturally significant phenomena. Therefore, the article focuses on the reasons for the expansion of the functionality of these secondary nominative means and, above all, the ratio of their cognitive and nominative abilities, which determine their contribution to the structuring of the information flow.

Key words: culturally significant phenomena, password function, secondary nominative means, organization of information in the worldview, structuring the information flow in communication.

Т. В. Дроздова *(Астрахань, Россия)*
Астраханский государственный технический университет
drozdova_astu@mail.ru

ГИПОТЕЗЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНОГО НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: РОЛЬ МЕТАКОГНИЦИИ В РЕШЕНИИ ПОСТАВЛЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается когнитивный подход к вербальным средствам репрезентации научного знания. Отмечается необоснованность предвзятого отношения к выводам, касающимся объективации научного нелингвистического знания. Раскрывается особая роль метакогниции в построении логической цепочки «гипотеза-доказательство».

Ключевые слова: научное знание, гипотеза, доказательство, языковые средства, метакогниция, когнитивные методы.

Обращение к современной когнитивной парадигме лингвистического знания в работах, посвященных репрезентации научного знания в научном дискурсе и научных текстах можно расценивать в аспекте заявленной темы Круглого стола как вызывающие гордость за распространение когнитивного подхода на речемыслительные произведения, реферирующие к особым картинам мира, отличным от той, что сформирована повседневным жизненным опытом индивида. В то же время, выбор научного нелингвистического дискурса и текста в качестве объектов исследования или источников языкового материала при анализе средств вербализации научного знания может вызвать определенную предубежденность относительно достоверности полученных доказательств (выводов) вследствие того, что лингвист вступает в этом случае на «чужую территорию».

Цель данной статьи мы видим в том, чтобы, с одной стороны, показать необоснованность такого предубеждения, а с другой – раскрыть в первом приближении роль метакогниции в построении алгоритма организации познавательного процесса, результатом которого является умозаключение, подтверждающее или опровергающее выдвигаемую исследователем научного нелингвистического произведения гипотезу.

В своих рассуждениях мы исходим из того, что гипотеза трактуется как «форма организации научного знания, обеспечивающая движение к новому знанию, выводящая за рамки наличного (имеющегося) знания и способствующая (в отдельных случаях) реализации новой идеи» [НФС 2001: 248], и «выглядит как положение, которое с логической необходимостью следует из имеющегося знания, но выходит за его пределы (границы) и является переформулировкой обнаруженной и разрешаемой проблемы» [Там же].

Заметим, что сформулированное исследователем предположение о существовании некоего явления или порядка вещей и обозначенное термином «гипотеза» встречается в чистом виде, главным образом, в диссертационных работах. Такое предположение, по-видимому, следует рассматривать как гипотезу-основание, а сформулированные в диссертационном исследовании выносимые на защиту положения – как выводимые из нее «гипотезы-следствия, которые, собственно, и подвергаются процедурам обоснования» [НФС 2001: 249]. Что касается иных жанров научного текста, то в качестве гипотез в них, скорее, выступают некие суждения или утверждения автора о предполагаемом существовании каких-либо явлений, взаимосвязей и т.п., для подтверждения которых автору, как и в указанном выше исследовании, необходимо решить задачу их логического, т.е. теоретического обоснования и получения доказательного подтверждения на основе анализа эмпирического материала.

Теоретическим основанием гипотез, выдвигаемых в когнитивных исследованиях репрезентации научного знания в научном дискурсе и тексте, являются по логике вещей верифицированные положения когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности, и/или полученное и представленное в академическом сообществе в виде теорий знание о взаимосвязи и взаимообусловленности ментальных и языковых единиц и структур, репрезентирующих результаты когниции на уровне индивидуального и коллективного сознания, что обеспечивает успешность коммуникации субъектов в соответствующих экстралингвистических контекстах (т.е. в научной деятельности) [Кубрякова 2004, 2009а].

Материалом для лингвистов могут служить тексты различных (нелингвистических) областей науки, однако объектом исследования для них является не научное содержание анализируемых произведений, не оценка истинности или ложности предлагаемых их авторами идей, традиционности или новизны предлагаемого подхода к излагаемому вопросу, не полнота освещения или глубина раскрытия соответствующей темы и т.п., а именно вербальные средства репрезентации научного знания в разных формах его существования. Таким образом, объект и эмпирический материал исследования принадлежат предметной области лингвистики, а выдвигаемые гипотезы эксплицитно указывают на участие языка в репрезентации содержания концептуальной системы автора исследуемого текста (или имплицируют его), и подтверждаются именно на основе анализа структуры, семантики и логической организации языкового материала, референрующего к когнитивным единицам и структурам хранения/представления научного знания. Этот факт, как мы полагаем, должен снять предубежденность о достоверности выводов в когнитивных исследованиях как отдельных лексических средств, так и научного дискурса и текста в целом.

В формулируемых гипотезах могут содержаться предположения о способности языка объективировать в научном тексте содержание (признаки, параметры) и знание о структуре отдельного концепта/понятия или категории какой-либо научной области, о концептосфере науки в целом, типах взаимосвязи отдельных концептов в ее составе и др. Доказательная база создается исследователем посредством применения к анализируемому материалу комплекса методов, включающих общенаучные, традиционные лингвистические методы и приемы. Однако преобладающими в таком комплексе оказываются разработанные в рамках когнитивной лингвистики собственные методы, такие как фреймовый, прототипический, когнитивно-матричный типы анализа, концептуальное моделирование и др. Поскольку вербальной объективации в научном тексте подлежат, как пра-

вило, абстрактные концепты/понятия, основными методами оказываются, как подчеркивает Е. С. Кубрякова, когнитивный анализ, раскрывающий конкретные значения экстенсионала языковых форм, и концептуальный анализ, который осуществляется в терминах концептов более высокого порядка и дает возможность структурировать вербализованный концепт, выявить в его содержании отдельные элементы, установить его отнесенность к определенному домену знания [Кубрякова 2009].

Отметим, что полученные на основе анализа вербальных средств данные служат одновременно иллюстрации проявления в научном дискурсе и тексте антропоцентрического характера языка, реализации его основных функций, включая интерпретирующую функцию, которая, будучи обусловлена интерпретирующей функцией сознания, обеспечивает индивиду возможность объективировать субъективную интерпретацию объекта научного познания (см. [Болдырев 2011]). Данная функция реализуется на уровне языкового сознания, в частности, через механизм концептуальной метафоры, активацию различных конвенциональных моделей концептуальной / когнитивной метафоры (или конструирование инновационных) и объективацию их содержания разноуровневыми средствами языка с целью представления результатов научного познания, что, в свою очередь, свидетельствует о творческом характере научной деятельности в целом.

Обращение в процессе исследования вербальных средств объективации научного нелингвистического знания к лингвистическим методам анализа языкового материала, включая упомянутые выше методы когнитивной лингвистики, служит, по нашему мнению, дополнительным свидетельством обоснованности выводов, подтверждающих достоверность гипотетических предположений о связи ментальных и языковых явлений, объяснению когнитивных (и дискурсивных) оснований выбора вербальных средств, а значит, и снятию существующей предубежденности.

Нельзя, тем не менее, не учитывать факт необходимости обращения лингвистов к определенным сведениям из той научной области, вербальные средства которой являются объектом или материалом проводимого ими анализа. В объединении различных типов знания, а также в построении логики перехода от гипотезы к поиску доказательств сформулированной посылки важная роль принадлежит, как нам представляется, метакогниции, которая реализуется в виде метакогнитивных процессов, состояний, но в первую очередь – в виде метакогнитивных способностей субъекта. По определению представителей когнитивной психологии и психолингвистики, это способности субъекта осмысливать имеющиеся у него знания и умственную деятельность с ними, ставить ментальные задачи по увели-

чению, переосмыслению, интерпретации наличествующего знания, корректировать эти задачи и т.п. (см., например, [Flavell 1979; Рябцева 2017]).

Участие метакогниции в создании последовательности ментальных действий («ментальной цепочки») перехода от предположений к их подтверждению эксплицируется в приведенном выше определении гипотезы, а также оказывается эксплицитно представлено или имплицироваться формулировкой гипотез (как гипотез-оснований, так и гипотез-следствий), проблем, целей, задач, и др. в каждом конкретном исследовании (научном лингвистическом труде). Не вызывает сомнений, что определенный объем знаний из целого ряда научных областей субъект лингвистического исследования может получить в процессе обучения в учебных заведениях разного уровня. При выборе субъектом для своего исследования текстов нелингвистической области, метакогнитивной задачей становится активация имеющихся у него общих знаний из соответствующей области науки. Тем не менее, для подтверждения выдвинутой гипотезы ему нередко требуются более глубокие сведения об основных понятиях выбранной области, т.е. на уровне метакогниции им осознается недостаточность исходного знания. Образно говоря, метакогниция в этом случае «принуждает» лингвиста получить необходимую информацию/знание из соответствующих специальных источников (учебной литературы, энциклопедий, иных справочных материалов), т.е. актуализировать научное нелингвистическое знание (см. [Дроздова 2016]).

Активация знания содержания методов и приемов анализа языкового материала и конкретной области их приложения, осмысление цели использования определенного метода при выборе наиболее оптимального из известных, как и осознание необходимости комбинаторики общенаучных, лингвистических и иных методов и приемов анализа материала и хода исследования также осуществляется на уровне метакогнитивной деятельности субъекта.

Решение задач реконструкции концептосферы научной области транслируемого знания, определения концептуальных признаков основных понятий науки и т.п., постановки в соответствие ментальных единиц и/или структур и вербальных средств их объективации с целью подтверждения постулируемых предположений обеспечивается метакогнитивными процессами, активирующими когнитивные способности субъекта, и метакогнитивными состояниями последнего. Они также способствуют реализации принципа доминантности во внутреннем дискурсе субъекта, заключающегося в ориентации «человека на собственные знания, их структуру и содержание, индивидуально значимые элементы

и ценности, которые в той или иной степени отражают коллективные знания о мире» [Болдырев 2019: 22], и проявляющегося в организации мыслительной деятельности в рамках определенной научной темы/проблемы, использовании соответствующей терминологии и др.

Следствием решения метакогнитивных задач по поиску подтверждения гипотезы посредством анализа языкового материала является, например, реконструкция действия когнитивных процессов концептуализации и/или категоризации, определение уровней концептуализации (см. [Магировская 2009]) в познавательной деятельности в соответствующей области науки. Устанавливается ядро терминологических единиц, объективирующих доминантные конструкты знания в данной научной области (см. [Болдырев 2018]), определяется взаимодействие различных (не обязательно смежных) областей научного знания и др.

Метакогнитивные установки обеспечивают возможность сличения концептуальных систем автора исследуемого научного текста и лингвиста, исследующего этот текст, определение особенностей языковой личности каждого из этих субъектов научного познания. Свидетельством ментальной активности указанных субъектов на уровне метакогниции служит целый ряд языковых единиц когнитивной семантики (*гипотеза, идея, вывод* и т. п.), включая перформативные глаголы (*доказывать, объяснять* и т. п.) и глаголы физических действий в их переносном значении (*видеть, брать, идти* и т. п.), а также сложные языковые метарепрезентации ментальных репрезентаций (см., например, [Рябцева 2005], [Клепикова 2008] и др.). При этом исследователь-лингвист лишь констатирует факты метакогнитивной и когнитивной деятельности по получению и репрезентации научного знания своего «визави», не углубляясь в суть рассматриваемой в анализируемом тексте гипотезы и ее подтверждения или опровержения, но подтверждая доказательным эмпирическим материалом выдвинутую в собственном исследовании гипотезу и демонстрируя собственную логику ее обоснования и развертывания лингвистического знания с позиций когнитивного подхода. Достоверность же утверждения лингвиста относительно средств объективации научного знания должна подтверждаться его проверяемостью, или принципиальной реализуемостью на ином языковом материале в иных исследованиях.

Завершая рассуждения о роли метакогниции в организации исследовательского процесса, предполагающего логическую последовательность шагов от осмысления состояния дел в определенной области науки (включая когнитивную лингвистику), определения проблемы, формулирования гипотезы, поиску теоретических и практических оснований для выводов,

подтверждающих эту гипотезу, выбора методов исследования, мы считаем возможным утверждать, что метакогниция, определяя алгоритм ментальных действий субъекта, создает такую когнитивную структуру знания об исследовательском или познавательном процессе, как его концептуальная модель. Благодаря институциональному характеру науки эта модель существует как инвариант на уровне коллективного сознания академического сообщества и, по-видимому, представлена в нем термином и одноименным понятием «научный метод». Варианты реализации этой модели будут, очевидно, субъектно-специфичными, т. к., хотя и обусловлены базой коллективного знания, но в определенной степени зависят от наличия индивидуальных элементов знания в концептуальной системе индивида, предполагаемой независимостью его научных суждений, выбранным подходом к исследуемой проблеме, содержанием/формулировкой гипотезы, использованием определенных способов ее подтверждения, интерпретацией полученных выводов и иными субъективными факторами.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 11–16.

Болдырев Н. Н. Доминантные конструкты научного знания // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXV. С. 13–21.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 21–30.

Дроздова Т. В. Что говорит научный текст о метакогнитивных способностях его автора // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 408–415.

Клепикова Т. А. Типология лингвистических метарепрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 5–15.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

Кубрякова Е. С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. I. С. 11–21.

Кубрякова Е. С. О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. V. С. 22–29.

Магировская О. В. Уровни концептуализации в языке // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 78–96.

НФС – Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. Минск: Интерпрессервис: Книжный деятельности Дом, 2001.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

Рябцева Н. К. Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании // Научный диалог. 2017. Вып. № 5. С. 83–95.

Flavell J. H. Metacognition and cognitive monitoring: A new era of cognitive developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34/10. P. 906–911.

T. V. Drozdova *(Astrakhan, Russia)*
Astrakhan State Technical University

HYPOTHESES AND PROOF IN COGNITIVE RESEARCH OF VERBAL MEANS OF SCIENTIFIC NON-LINGUISTIC KNOWLEDGE REPRESENTATION: THE ROLE OF METACOGNITION IN ACHIEVING GOALS

The paper deals with the cognitive approach to verbal means of scientific non-linguistic knowledge representation. The prejudice against the results of such investigations is considered as unjustified. The role of metacognition in constructing the logical chain "hypothesis – proof" is highlighted.

Key words: scientific knowledge, hypothesis, proof, verbal means, metacognition, cognitive methods.

В. И. Заботкина *(Москва, Россия)*
Российский государственный гуманитарный университет
zabotkina@rggu.ru

МЕНТАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРОСТРАНСТВА ПЕРЕВОДА: НОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В статье рассматриваются основные ментальные пространства, принимающие участие в процессе перевода. Мы анализируем динамичное взаимодействие и концептуальное проецирование, происходящее между ментальными и языковыми пространствами, вовлеченными в процесс концептуальной интеграции при переводе. Мы утверждаем, что в результате этого взаимодействия происходят многоаспектная перекатегоризация, переконтекстуализация, что находит выражение в вербальных структурах целевого языка.

Ключевые слова: ментальное пространство, концептуальное проецирование, перекатегоризация, перевод, концептуальная интеграция.

Данная статья является продолжением серии публикаций, посвященных проблеме соотношения культуры, языка и когниции, а также влиянию культуры на процессы концептуализации, категоризации и ословливания мира [Заботкина 2021a, 2021b, 2021c].

Необходимость и оправданность привлечения общего культурного контекста для анализа языкового материала с позиций когнитивного подхода, т.е. сквозь призму познавательных процессов: концептуализации и категоризации, обусловлены пониманием культуры как совокупности концептов и отношений между ними и выделением в ней определенных аспектов [Степанов, 1997], а также аспектуализацией самого языка, выделением в его структуре и повседневном использовании единиц, функций, систем и уровней базового и производного, или вторичного, плана [Болдырев 2021].

Мы ставим вопрос о том, в какой мере ментальные модели и пространства определенной культуры влияют на процесс перевода; каким образом взаимодействуют ментальные пространства двух культур и структурирующие их фреймы в процессе перевода; какие виды концептуального проецирования между ментальными пространствами задействованы в переводе.

Мы утверждаем, что перевод с одного языка на другой предполагает перекатегоризацию, переконцептуализацию, переконтекстуализацию. В процессе перевода происходит взаимодействие между четырьмя ментальными пространствами, а именно: 1) родовое ментальное пространство, в котором представлены универсальные общечеловеческие концепты; 2) ментальное пространство своей культуры; 3) ментальное пространство чужой/другой культуры; 4) интегрированное ментальное пространство, концептуальный бленд.

Из последних работ, затрагивающих концептуальную интеграцию как основную когнитивную операцию, заслуживает внимания работа Т. Оукли и Э. Паскуэль [Oakley, Pascual 2017].

Родовое ментальное пространство является в определенном смысле tertium comparationis для двух взаимодействующих культур. Во всех человеческих культурах существуют общие концепты. Так, по мнению Ю.С. Степанова, очевидно, имеется, например, некий концепт «приветствия», общий для человеческой культуры вообще, по отношению к которому сравниваемые разнокультурные жесты являются различными реализациями, воплощениями [Степанов 1985: 284]. Можно говорить о существовании общечеловеческой культуры, не зависящей от генетических и прочих индивидуальных черт различных культур.

Таким образом, родовое ментальное пространство представляет собой метауровень в структуре взаимодействия четырех ментальных пространств.

На втором уровне находятся два указанных выше ментальных пространства: а) ментальное пространство своей культуры; б) ментальное пространство другой / чужой культуры. На третьем уровне находится интегрированное ментальное межкультурное пространство. Данное пространство наследует роли и свойства исходных ментальных пространств двух взаимодействующих культур, а также свойства родового пространства и представляет собой концептуальный бленд, то есть результат концептуальной интеграции / слияния [Fauconnier 2004]. Именно это пространство коррелирует с определением концепта Ю. С. Степановым как слияния, совершающегося в сознании воспринимателя. Важность этого пространства определяется еще и тем, что оно лежит в основе межкультурного дискурса. Оно структурирует и строит этот дискурс и должно помочь понять другую культуру, инферировать смыслы ментальных моделей и их языковых репрезентаций в каждой из двух культур. В последние годы наблюдается повышенное внимание исследователей к «слиянию», происходящему при контакте двух миров, двух культур [Severi, Hanks 2015]. Каждое из четырех пространств структурируется своим фреймом. Между четырьмя пространствами и их фреймами осуществляется динамическое концептуальное проецирование. Данный процесс происходит на нескольких уровнях: i) на уровне концептуальных и языковых картин мира; ii) на уровне отдельных концептов; iii) на уровне отдельных концептуальных признаков.

Три указанных выше уровня коррелируют со структурой концепта. Как известно, в любом концепте выделяется три уровня: а) высший / универсальный уровень, б) уровень определенной культуры и в) индивидуальный уровень. Речь идет о трихотомии «культурно-универсальное» vs «культурно-специфическое» vs «индивидуальное». Наибольшую сложность при переводе представляют концептуальные признаки культурно-специфического и индивидуального уровней.

В этой связи важно ответить на вопрос о том, должна ли культура / язык переводить себя в термины другой культуры в соответствии со своими собственными представлениями, не учитывая чужую культуру, или же она должна понять другую культуру с учетом как своих базовых ценностей, так и ценностей другой культуры.

Специфичность другой / чужой культуры может быть понята только в том случае, если она проецируется на то, что уже знакомо, т. е. на свою

культуру. В этом случае чужая / другая культура не просто поглощается своей культурой, своим фреймом референции, вместо этого фрейм своей культуры подвергается изменениям, т. к. происходит аккомодация двух культур, двух систем ценностей для того, чтобы принять то, что не является его (фрейма) частью. Такая транспозиция противостоит идее гегемонии одной культуры над другой [Iser 1995].

Помимо указанных выше четырех ментальных пространств в процессе перевода задействовано также ментальное пространство переводчика, которое коррелирует и взаимодействует с указанными выше ментальными пространствами.

При переводе благодаря слову происходит активация в сознании переводчика концептуальных структур / фрейма одной культуры, которые проецируются на фрейм другой культуры (второго ментального пространства). Затем происходит поиск соответствующего слова в целевом языке.

При синхронном переводе происходит одновременная со-активация лингвистических и концептуальных структур двух культур в сознании переводчика. Происходит взаимодействие, если можно так выразиться, в билингвальном, биконцептуальном режиме, в котором участвуют как два ментальных пространства каждой из взаимодействующих культур, так и общее родовое, и интегрированное ментальное пространство. Происходит активация концептуальных структур всех четырех ментальных пространств. В результате возникают новые репрезентации и новые связи между ними, что влечет за собой креативные решения переводчика. Напомним, что в основе креативности лежат новые связи между существующими репрезентациями. Здесь возникает вопрос о том, в какой степени переводчик может быть креативным, что накладывает ограничения на креативность перевода. По нашему мнению, пределы креативности переводчика определяются концептуальными структурами двух культур. Как известно, при переводе происходит приращение новых смыслов, нового знания, вербализованного в другом языке, что сопровождается процессом концептуального расширения или концептуального сужения и другими видами концептуальной деривации.

При переводе часто наблюдается асинхронизация активации структур ментальных пространств, когда слова родного языка и концептуальные структуры, стоящие за ними, активируются быстрее, чем соответствующие концептуальные и языковые структуры иностранного языка [Smith 2017, Заботкина 2021].

В процессе перевода с одного языка на другой переводчик стремится к интерактивному выравниванию (interactive alignment) [Garrod 2004]. Речь идет о выравнивании репрезентаций, лежащих в основе языковых структур, включающих в себя прагматику, семантику и синтактику. Иными словами, интерактивное выравнивание помогает преодолеть проблему непонимания и реализуется в трех измерениях языка: 1) на уровне ситуационных моделей (прагматика); 2) на уровне синтаксических форм; 3) на уровне семантической интерпретации. В результате интерактивного выравнивая / согласования происходят сопутствующие процессы перекатегоризации.

Речь идет о переконцептуализации, перекатегоризации и переконтекстуализации, т.е. своего рода вторичной концептуализации [Болдырев 2021]. При этом можно говорить о нескольких видах перекатегоризации: 1) концептуальной, 2) лексической, 3) грамматической, 4) стилистической, 5) прагматической. Как справедливо указывает В.З. Демьянков, при переводе необходимо учитывать «ситуативную уместность» [Демьянков, 2021]. Кроме того, происходит перекатегоризация на уровне аксиосфер двух культур. Как указывалось в наших предыдущих работах, основой формирования аксиосферы культуры является категория ценности, в рамках которой происходит структурирование событийного опыта социокультурной общности [Заботкина, Коннова 2017]. Аксиологический пласт культуры основывается на мировоззрении, определяющем особенности восприятия действительности коллективным сознанием в определенную эпоху.

Мы считаем, что аксиологическая категоризация и перекатегоризация происходят на трех уровнях, соотносимых с указанными выше тремя уровнями структуры концепта. То, что является ценным и положительным в одной культуре, может подвергаться деаксиологизации (потери ценностей) в другой культуре.

Таким образом, анализ взаимодействия ментальных и языковых пространств в процессе перевода позволяет говорить о динамичном концептуальном проецировании в пределах пяти ментальных пространств. В результате этого взаимодействия происходят многоаспектные перекатегоризация, переконцептуализация и переконтекстуализация. В процессе перевода задействованы такие когнитивные операции, как концептуальное расширение, концептуальное сужение и концептуальная интеграция, что приводит к креативности в переводе. В качестве параметра, накладывающего ограничения на креативность переводчика, выступают концептуальные структуры / системы двух культур, двух языков.

Литература

Болдырев Н. Н. Производность как феномен культуры языка // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Выпуск 3. М.: КДУ: Университетская книга, 2021 С. 10–13.

Демьянков В. З. Об одном и том же в родном и неродном языке // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Выпуск 3. М.: КДУ: Университетская книга, 2021 С. 13–14.

Заботкина В. И. Репрезентация явлений культуры в ментальных моделях и дискурсе // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 102–111.

Заботкина В. И., Коннова М. Н. К вопросу о ценностях и антиценностях в авторской картине мира Б. Л. Пастернака (на материале стихотворения «Быть знаменитым некрасиво») // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 160–171.

Заботкина В. И. Межкультурная коммуникация: ментальные структуры и когнитивные механизмы // Когнитивные исследования языка. 2021(a). № 2 (45). С. 166–171.

Заботкина В. И. В четырехмерном пространстве языка и культуры // Критика и семиотика. 2021 (b). № 1. С. 9–21.

Заботкина В. И. К вопросу о когнитивных основах контакта двух культур // Вестник Московского университета. 2021. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 17–28.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М.: Прогресс, 1985.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.

Fauconnier G. Pragmatics and Cognitive Linguistics // The Handbook of Pragmatics / ed. By L. R. Horn and G. Ward. Oxford: Blackwell, 2004.

Garrod S., Pickering M. Why is conversation so easy? // TRENDS in Cognitive Sciences. 2004. Vol. 8. No.1. P. 8–11.

Iser W. On Translatability: Variables of Interpretation // The European English Messenger. 1995. V. 4(1). P. 30–38.

Oakley T., Pascual E. Introduction: Meaning Construction in Context. Conceptual Blending Theory // The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics / ed. by Barbara Dancygier. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Severi C., Hanks W. Introduction // Translating worlds. The epistemological Space of Translation / ed. by C. Severi, W. F. Hanks. 2015.

Smith M. S. Introducing Language and Cognition: A Map of the Mind / Mike Sharwood Smith. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2017.

V. I. Zabotkina *(Moscow, Russia)*
Russian State University for the Humanities

MENTAL AND LANGUAGE SPACES OF TRANSLATION / INTERPRETING: NEW DIMENSIONS

The article concentrates on the mental spaces involved in the process of translation /interpreting. The emphasis is on the dynamic interaction and conceptual mapping between mental and language spaces participating in conceptual blending in the process of translation. We argue that this multifaceted interaction results in multilevel recategorization which is represented in verbal structures of the target language.

Key words: mental space, conceptual mapping, recategorization, translation/ interpreting, conceptual blending.

В. И. Карасик *(Москва, Россия)*
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
vkarasik@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ВЕКТОРЫ ОЦЕНКИ И САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ

Рассматриваются лингвокультурные концепты, в которых осмысливается оценка субъекта и его самооценка в современном русском языковом сознании (ЧЕСТЬ, РЕПУТАЦИЯ, АМБИЦИЯ, ЧЕСТОЛЮБИЕ, САМОЛЮБИЕ). Показано, что в целом обиходная оценка такого поведения остается неизменной, но существенное изменение наблюдается применительно к концепту АМБИЦИЯ. Это обусловлено повышением состязательности в обществе, вызванном ценностями корпореальной культуры, сориентированной на успех, а не на гармонию, влиянием глобализации на ценностную картину мира современных носителей русского языка, шутливым самопродвижением в молодежном сетевом дискурсе.

Ключевые слова: язык и культура, ценности, концепты, оценка, самооценка.

Лингвокультурные концепты – кванты переживаемого знания – представляют собой меняющиеся во времени смысловые образования. Их изменения обусловлены динамикой социальных условий жизни людей, трансформацией ассоциативных смыслов слов и выражений, влиянием заим-

ствований и многими другими причинами. В данной работе рассматривается ценностный аспект таких изменений. Поскольку ценности представляют собой концентрат культуры, их изучению посвящено необозримое множество исследований философов, социологов, психологов, культурологов и филологов. Классификации ценностей сводятся к их трем основным аспектам: 1) аксиологический статус содержания поведенческих приоритетов (ценности витальные, утилитарные, моральные и терминальные в их бинарном выражении – ценности и антиценности), 2) аксиологический индикатор охвата субъектов (ценности общечеловеческие, цивилизационные, этнические, макрогрупповые, микрогрупповые и индивидуальные), 3) аксиологическая конкретизация квалификации действительности (ценности как концепты, как нормы и как обыкновения, или традиции). По коммуникативной сфере противопоставляются ценности общественно-политические, духовно-религиозные, обиходно-бытовые, профессиональные и др. Заслуживает внимания обоснованное В.В. Дементьевым противопоставление персональности и имперсональности как определяющих факторов русского коммуникативного поведения в описании лингвокультурных ценностей: имеются в виду личностный и социально-ритуальный форматы общения [Дементьев 2013: 83]). При описании динамики ценностей в данной работе учитывались следующие факторы их изменения: смена идеологических ориентиров, мировосприятие в эпоху постмодернизма, глобализация, новые технические возможности общения.

Говоря о динамике лингвокультурных концептов, считаем нужным сформулировать следующие принципы аксиологической лингвистики: 1) изменение ценностной картины мира – это постоянный процесс общественного развития, 2) такое изменение многомерно и осуществляется по-разному в отдельных сферах осмысливаемой реальности, 3) такое изменение можно объективно установить и измерить с помощью специальных методов лингвокультурологического анализа, 4) динамика лингвокультурных концептов фиксируется в текстовых фрагментах, отражающих меняющиеся ситуации, 5) динамика этих смысловых образований имеет дискурсивную и личностную специфику. В семиотическом плане необходимо противопоставлять концепты и концепторы, т.е. ментальные образования и способы их выражения, имеющие как языковой, так и неязыковой характер [Борботько 2012]. В культурологическом плане противопоставляются культурно-специфичные и культурно-релевантные феномены [Добровольский 1997, 1998], т.е. те явления, которые характерны для определенной культуры в сравнении с другими культурами, и те, которые актуальны для данной культуры на определенном этапе

ее развития. В дискурсивном плане выделяются разные форматы актуализации концептов – в виде содержания слов и выражений, сценариев или скриптов коммуникативного поведения, сюжетов и сюжетных мотивов.

Заслуживает внимания динамика лингвокультурных концептов ЧЕСТЬ, РЕПУТАЦИЯ, САМОЛЮБИЕ, ЧЕСТОЛЮБИЕ, АМБИЦИЯ в русском языковом сознании.

В толковых словарях русского языка эти качества характера осмысливаются следующим образом:

Ч е с т ь – внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть, || условное, светское житейское благородство, нередко ложное, мнимое; || высокое званье, сан, чин, должность; || внешнее доказательство отличия; почет, почесть, почтенье, чествование, изъявление уважения, признание чьего превосходства. Р е п у т а ц и я – слава человека, добрая и дурная, как и в чем кто слывет, общее мнение о ком. С а м о л ю б и е – пристрастие к себе, суетность и пристрастие во всем, что касается своей личности; щекотливость и обидчивость, желание, первенства, почета, отличия, преимуществ перед другими (себялюбие более относится к корысти). А м б и ц и я – *франц.* чувство чести, благородства; самолюбие, спесь, чванство; требование внешних знаков уважения, почета. Амбиционный – себялюбивый, тщеславный, жадный до почестей, похвал, поощрений наградами и отличиями (Даль).

Ч е с т ь – 1) почет, уважение || знаки внимания, почтения, уважения, оказываемые кому-нибудь; 2) *Устар.* высокое звание, должность, чин; почесть; 3) то, что дает право на почет, уважение, признание; 4) совокупность высших морально-этических принципов личности || достоинство гражданское, сословное, профессиональное и т. п. || целомудрие, непорочность; 5) тот, кто (или то, что) является гордостью какого-нибудь места, среды и т. п. Р е п у т а ц и я – общественное мнение, сложившееся о ком-, чем-либо. С а м о л ю б и е – чувство собственного достоинства, обычно сочетающееся с повышенной чувствительностью к мнению о себе окружающих. Ч е с т о л ю б и е – стремление к почестям, высоким постам, личной славе. А м б и ц и я – чувство самолюбия, гордости, условной чести; самоуважение (употр. иронически или для обозначения повышенного самолюбия, тщеславии) (ССРЛЯ).

Ч е с т ь – 1) совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т. п.); сохранение собственного достоинства и уважения личного достоинства другого; 2) хорошая, незапятнанная репутация, доброе, честное имя; | целомудрие, непорочность, девственность; 3) почет, уважение; 4) о том, кем или чем

гордятся. Р е п у т а ц и я – создавшееся общее мнение о достоинствах и недостатках кого-, чего-л. С а м о л ю б и е – 1) обостренное чувство собственного достоинства в сочетании с повышенной чувствительностью к мнению о себе окружающих; 2) чувство собственного достоинства, связанное с профессией, занятием. Ч е с т о л ю б и е – стремление добиться высокого, почетного положения; жажда известности, славы. А м б и ц и я – 1) обострённое самолюбие, чрезмерное самомнение; 2) обычно мн. *Неодобр.* Претензии, притязания на что-либо (БТС).

В российских словарях и справочниках по психологии дефинируется только понятие а м б и ц и я : высокое самомнение, высокий уровень притязаний; спесь (БПС). А м б и ц и я – самовлюбленность, надменность, самоуверенность, завышенная самооценка своего «Я». Амбициозное поведение свидетельствует о деформированном самосознании, недооценке других людей [Крысько 2001].

Словарные дефиниции показывают, что рассматриваемые концепты представляют собой диффузное ментальное поле с акцентированным оценочным содержанием. По своей тематике это самооценка индивида и его оценка со стороны других людей, включающая его стремление занять более высокую позицию в обществе с учетом принятых норм достойного поведения, демонстрацию этого стремления и отношение окружающих к такой самооценке и ее проявлению.

Концепты обиходной социальной психологии ЧЕСТЬ, РЕПУТАЦИЯ, САМОЛЮБИЕ, ЧЕСТОЛЮБИЕ и АМБИЦИЯ представляют собой градуальное образование и могут быть представлены в виде нескольких условных шкал, предельные точки на первой обозначают уважительное и неуважительное отношение человека к обществу, на второй – одобрение и неодобрение поведения этого человека со стороны других людей, на третьей – стандартная либо обостренная чувствительность к мнению о себе от окружающих, на четвертой – реальное и мнимое достоинство личности. Основой такой самооценки и оценки является осознание своей чести, одного из фундаментальных достоинств личности.

Как и другие эмоционально маркированные концепты, ЧЕСТЬ осмысливается как интериоризованное проявление отношений к человеку: я уважаю себя, поскольку я веду себя так, как должен, стараюсь уважать других людей и хочу, чтобы другие это видели и понимали. Репутация в этой связи представляет собой оценку поведения человека со стороны других людей и стремление индивида завоевать и сохранить свою положительную репутацию. Репутация в глазах других людей уточняется применительно к самооценке и оценке своих поступков в виде концепта

ЛИЦО: человек может сохранить репутацию, но потерять лицо в собственных глазах, и наоборот – сохранить лицо, но нанести ущерб своей репутации. Честолюбие осмысливается как стремление человека добиться более высокого положения, чем то, которое он занимает и которое занимают окружающие его люди. Считается, что такое стремление не должно быть доминирующим у личности, во-первых, и слишком открыто проявляться, во-вторых. Тем не менее, в определенных границах такое стремление поощряется, это называется «здоровым честолюбием». Чрезмерное честолюбие в русской лингвокультуре ранее оценивалось отрицательно и получило специальное название «амбиция, амбициозность». Считалось (и не без оснований), что амбициозная личность легко нарушает нормы поведения ради достижения своих целей, не уважает других людей и неадекватно оценивает свои возможности. Самолюбие осмысливается как аксиологически амбивалентное понятие: считается, что оно присуще каждому человеку, его отсутствие вызывает обвинение в бесхарактерности и несамостоятельности, однако гипертрофированное самолюбие свойственно конфликтным личностям, с которыми неприятно иметь дело.

Для определения динамики лингвокультурных концептов оценки и самооценки человека в современном русском языковом сознании и коммуникативном поведении мы обратились к ассоциативным словарям, которые, как полагают психолингвисты, отражают живое, а не словарное знание.

В «Ассоциативном словаре употребительной русской лексики» А. В. Рудаковой и И. А. Стернина приводится 100 реакций на стимул «амбиция»:

цель 13; сила, чувства 6; неумеренная потребность 5; гордыня, самомнение 4; желание, сильная, творческая 3; бежать, большая, вредный человек, высокомерный, выступление человека, зависть, загон, запросы, качество, лидер, лишняя, мальчик, мнение о себе, обида, ого-го, оптимизм, пафос, полиция, потребность, претензия, принцип, приоритет, психопат, разная, Рим, твоя, у человека, уверенность, учителя, характер, широкая, я, яркая 1; отказ 20.

Можно заметить, что выделяются три оценки амбиции: положительная (амбиция – это показатель силы), отрицательная (амбиция – это показатель неумеренного самомнения), нейтральная (разные характеристики, включая отказы). Доминирует нейтральная оценка, резко отрицательная оценка содержится в относительном меньшинстве ответов. Данные опроса информантов свидетельствуют о том, что безоговорочная отрицательная оценка этого качества, зафиксированная в словарях и справочниках, не соответствует его современной обиходной квалификации.

Для проверки актуальной значимости ценностей, определяющих «Я-концепцию» наших современников, был проведен опрос респондентов. Им было предложено завершить высказывания:

Человек, который всегда помнит о своей чести, обычно …

бережет ее смолоду и ведет себя достойно при любых обстоятельствах, не совершает недостойных поступков, уважает других людей, помогает слабым, умеет сдерживать свои эмоции.

Человек, который не заботится о своей чести, обычно …

живёт, не обращая внимания на чувства окружающих, плывёт по течению, терпит поражение в жизни, вызывает осуждение.

Человек, который следит за своей репутацией, обычно …

учитывает мнение окружающих о себе и своих поступках, идёт на компромиссы, осторожен в своих действиях, тщательно выбирает круг знакомых, никогда не сплетничает, не дает невыполнимых обещаний, старается хорошо выполнить порученное дело.

Человек, который не думает о своей репутации, обычно …

поступает, как считает нужным в соответствии с ситуацией, даже если это вызывает осуждение окружающих, добивается своего, чего бы ему это не стоило, ведет себя глупо, излишне эмоционален, легко вступает в конфликт.

Человек, у которого большие амбиции, обычно …

их реализует, старается показать, на что он способен, общается с людьми из разных слоёв общества, потому что никогда не знаешь, кто сможет помочь, умеет точно формулировать свои цели, готов к преодолению трудностей, хочет быть начальником, заслуживает уважения, вызывает неприязнь у окружающих, выглядит смешно.

Человек, у которого нет амбиций, обычно …

находится в тени окружающих, остаётся в тени, не привлекает к себе внимания, жалуется на жизнь, боится одиночества, нуждается в защите, терпит там, где нужно постоять за себя.

Человек, которого считают честолюбивым, обычно …

стремится сделать успешную карьеру, выше всего ценит свою карьеру, хочет прославиться, всегда хочет быть первым, эгоистичен, умеет манипулировать и интриговать, его ОООООЧЕНЬ много, все взгляды должны быть направлены на него.

Человек, лишенный честолюбия, обычно …

довольствуется малым, не стремится к вечному вниманию, приятен в общении, умеет ценить простые радости, скромен, является хорошим другом.

Человек, которого считают самолюбивым, обычно …

преследует только свои интересы, *не видит в себе недостатков, не воспринимает критику, не умеет правильно реагировать на критику, боится опозориться, любит позировать.*

Человек, лишенный самолюбия, обычно …

пытается угодить другим, *может провести самоанализ своих действий, видит в себе как плюсы, так и минусы, отказывается от любого риска, больше всего ценит покой.*

Анализ полученных реакций показывает, что отношение к чести как одному из важнейших регуляторов оценки и самооценки остается стабильным, отношение к репутации как относительно объективной квалификации субъекта со стороны других людей не трансформируется, честолюбие в большинстве случаев оценивается отрицательно, при этом многие респонденты не разграничивают честолюбие и тщеславие (возможно, это обусловлено акцентированной публичностью современного успеха), самолюбие получает отрицательную оценку в случае чрезмерной чувствительности к мнению других, при этом некоторые респонденты не разграничивают самолюбие и себялюбие, в то время как люди с большими амбициями оцениваются как положительно[1], так и отрицательно.

Подведем основные итоги.

Лингвокультурные концепты, в которых осмысливается оценка субъекта и его самооценка в современном русском языковом сознании, в целом характеризуются стабильностью. Честь и репутация считаются важными регулятивами поведения. Честолюбие и чрезмерное самолюбие оцениваются отрицательно, и это соответствует традиционным ценностям русского мировосприятия, для которого характерны уважительное отношение к другим и скромное самопозиционирование. Эти оценки соответствуют квалификации соответствующего поведения в лексикографических справочниках, ассоциативных словарях и афористике. Существенное изменение наблюдается применительно к концепту амбиция, одобрение амбициозности стало существенным новым ориентиром в «Я-концепции» многих наших современников. Это обусловлено повышением состязательности в обществе, вызванном ценностями корпореальной культуры, сориентированной на успех, а не на гармонию, влиянием глобализации

[1] Я благодарен О. А. Леонтович за важное уточнение: позитивная оценка амбициозного поведения многими носителями русского языка в определенной мере обусловлена прямым переводом копирайтеров английского ambition (a strong desire to achieve something; determination to be successful, rich, powerful etc.) в современных российских рекламных текстах.

на ценностную картину мира современных носителей русского языка, шутливым самопродвижением в молодежном сетевом дискурсе. Разумеется, требуется уточнение полученных данных с учетом гендерной, возрастной, профессиональной и другой специфики группового мировосприятия.

Литература

Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / научн. ред. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2011.

Большой психологический словарь. 4-е изд., расширенное / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. М.: АСТ, 2009.

Борботько В. Г. Формы концептуализации идей как ценностей культуры в языковом сознании // Жизнь языка в культуре и социуме-3: материалы конференции. М., 20–21 апреля 2012. М.: Эйдос, 2012. С. 5–7.

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013.

Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–48.

Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 48–57.

Крысько В. Г. Социальная психология: словарь-справочник. Минск.: Харвест, М.: АСТ, 2001.

V. I. Karasik *(Moscow, Russia)*
Pushkin State Russian Language Institute

LINGUISTIC AND CULTURAL VECTORS OF PERSON'S EVALUATION AND SELF-EVALUATION

The paper deals with linguistic cultural concepts reflecting evaluation of persons and their self-evaluation in the modern Russian linguistic consciousness (HONOUR, REPUTATION, AMBITION, STATUS SEEKING, EGO). The author argues that on the whole the qualification of such attitudes remains stable, honour and reputation are taken as important regulations of behaviour, and status seeking and ego are criticized. The only radical switch in this sphere is connected with the concept AMBITION, its former negative evaluation has transformed into emphasized positive one due to the following factors: our present life became more competitive, the corporeal culture is oriented to success as the dominant value opposed to harmony, globalization has changed the evaluative world mapping in Russia, and ludic self-promotion turned to be the standard of juvenile network discourse.

Key words: language and culture, values, concepts, evaluation, self-evaluation.

И. А. Краева *(Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
irinakraeva@linguanet.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ГРАДУАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматриваются основные задачи изучения категории градуальности на современном этапе, и, в частности, особенности протекания данного процесса в современном английском языке. Особое внимание уделяется взаимосвязи категории градуальности со смежными лингвистическими категориями – количества и качества, оценки, интенсивности и др.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, градуальность, интенсивность, экспрессивность, оценка.

Один из актуальных теоретических вопросов современной лингвистики – вопрос о взаимоотношении лингвистических категорий, в данном случае – категории градуальности со смежными лингвистическими категориями, такими как интенсивность, квантитативность, мера и степень, экспрессивность. Известно, что градуальность является одной из основных универсальных понятийных категорий и, как и другие онтологические категории – количества, качества, оценки, интенсивности – находится в центре внимания ученых разных областей на протяжении всей истории научной мысли, поскольку все они имеют для мышления человека и его изучения непреходящее значение.

На сегодняшний день в теоретической лингвистической литературе существует большое количество трудов, посвященных проблеме градуальности, выполненных в рамках разных направлений и подходов. Широко известны *классические* работы по данной проблематике Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко, А. И. Смирницкого, Ю. С. Степанова, Г. Г. Галич, А. Э. Левицкого, Э. Сепира, Д. Болинджера и других выдающихся отечественных и зарубежных ученых.

В большинстве монографий и диссертационных исследований обычно содержится либо краткий, либо более полный экскурс в историю исследований градуальности, начиная с трудов Аристотеля, работ лингвистов XIX–XX веков, исследований градуальности Эдварда Сепира и его последователей.

В последние десятилетия категория градуальности изучалась в основном с точки зрения:

– **структурно-семантического подхода**, где ее обычно рассматривали как логико- или лексико-семантическую категорию, лексико-синтаксическую, а также относили к коммуникативно-прагматической категории усиления;

– и **функционально-семантического подхода**, в рамках которого изучалось функционирование разных частей речи в роли градуаторов (в другой терминологии – квантификаторов, кванторов, квалификаторов, градаторов). Мы используем термин *модификатор степени*.

В данный момент можно выделить *наиболее актуальные задачи* современной лингвистики в плане изучения понятийных категорий (в том числе и категории градуальности), а именно:

– определение принципов выделения понятийной категории;

– всестороннее изучение понятийной категории и создание на основе этого обобщенного описания смыслового строя конкретного языка;

– определение места и роли каждой из категорий в выражении количественно-качественных отношений;

– вопрос о соотношении категории градуальности не только с крупными «базовыми» понятийными категориями количества и качества, но и с более узкими категориями, также играющими большую роль в активных градационных процессах, например, с категориями *оценки* и *интенсивности*.

В отношении последнего вопроса следует, на наш взгляд, подчеркнуть, что упомянутые в нем диалектически взаимосвязанные *категории количества и качества* относятся к «базовым» категориям, их онтологическая суть проистекает из особенностей мышления человека, который именно через *оценивание и измерение* воспринимает окружающий мир вокруг себя и себя в этом мире. В реализации этого процесса участвует несколько понятийных категорий, в том числе категория *градуальности*.

Действительно, градуирование происходит в ходе операции *сравнения*, каждый шаг которой сопровождается *оценкой* (признака, действия, состояния) – оценкой количества, оценкой качества. При этом градуирование всегда *предшествует* оцениванию. У ученых не вызывает сомнения тот факт, что градуальность и оценка – понятия смежные, но не равнозначные, так как градуальность указывает на *степень признака*, состояния, действия, а оценка предполагает определенное *суждение* (положительное или отрицательное).

Что касается соотношения понятий *градуальности* и *интенсивности*, мы разделяем мнение тех лингвистов, кто полагает, что интенсивность ***входит*** *в смысловое пространство градуальности*. При этом эти два понятия не тождественны, поскольку градуальность разнообразнее и в смысловом плане, и в плане ее выражения в языке.

Неслучайно, на наш взгляд, в современных исследованиях предпринимаются попытки оперировать новыми терминами, которые призваны уточнить соотношение понятий градуальности и интенсивности. Например, С. В. Десятская в своей кандидатской диссертации, выполненной под руководством профессора М. Я. Блоха в 2018 году, исследуя категорию интенсивности (на материале семантического анализа имен прилагательных) как стилистическую категорию, как средство выразительности в современном английском художественном тексте, ввела термины *градационная интенсивность* и *неградационная интенсивность*: «Неградационная интенсивность выражает максимальное значение интенсивно-маркированного словесного компонента вне градации меры. Градационная интенсивность выражает меньшую или б**о**льшую степень силы (интенсивности) выражения значения интенсивно-маркированного словесного компонента» [Десятская 2018: 7]. При этом градационная интенсивность достигается путем использования степеней сравнения качественных прилагательных, образованных синтетическим или аналитическим способом, и сочетаний имени прилагательного с наречиями степени, что, как мы знаем, типично для эксплицитного выражения градуальности в английском языке.

Немаловажную роль в решении указанных задач по изучению понятийных категории, в том числе градуальности, играют ***способы представления*** языковых категорий, объективирующих в языке соответствующие понятийные категории. На протяжении длительного времени приоритетной *формой представления* категории градуальности остается представление данной категории в виде *функционально-семантического поля.* Несомненно, на сегодняшний день можно констатировать, что благодаря использованию механизмов *профилирования*, *шкалирования,* обеспечивающих горизонтальное членение (*легкий – тяжелый*) и представления категории в виде градуального поля (то есть «скалярно-антонимического комплекса» – в терминологии Н. Д. Арутюновой) достигнуты значимые результаты при исследовании определенных языковых групп, особенно синонимов и антонимов.

Несомненно, изучение градуальности продолжается. Анализ основных работ по градуальности, выполненных за последние 25 лет на мате-

риале разных языков, позволил выявить вопросы, которые в настоящее время волнуют ученых при изучении градуальности.

Стало очевидным, что большинство современных работ по градуальности выполнены в русле *функционального подхода* к исследованию языка, который, как известно, в последние десятилетия активизировался в языкознании, и в русле которого весьма плодотворным и перспективным оказалось выделение *функционально-семантических категорий*, значения которых могут быть выражены единицами разных языковых уровней, и *функционально-семантических полей*. Исследование категории градуальности стало одним из направлений изучения функционально-семантических категорий.

При этом в работах, посвященных изучению данной категории, подчеркивается, что в сферу градуирования «вовлекаются, прежде всего, слова со значением изменяемого и измеряемого признака, а также с качественно-количественным значением» [Колесникова 1998: 49].

Другими словами, в большинстве современных исследований по проблеме градуальности данная категория предстает как функционально-семантическая и актуализируется в языке разноуровневыми средствами, выражающими некий изменяемый признак.

Данные исследования выполнены в основном на материале русского языка. Наиболее значимыми среди них являются докторская диссертация и монографии С. М. Колесниковой, в которых все разноуровневые средства русского языка с градуальной функцией впервые подверглись комплексному системному исследованию [Колесникова 1998, 1999, 2018].

Сегодня можно констатировать, что, несмотря на довольно глубокую проработку ряда вопросов, связанных с изучением концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ, некоторые из них остаются пока не полностью освещенными. Одна из актуальных проблем современной лингвистики – ***языковая репрезентация*** концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ, в этом случае изучается возможность варьировать степень проявления признака / качества объекта или процесса.

Не раз отмечалось, что в качестве средств репрезентации градуальности в языке могут выступать разные морфологические, лексические и синтаксические средства, что представляется логичным, поскольку, как отмечала Е. С. Кубрякова, «чем значимее определенный концепт для человеческого мышления, тем более сложной системой языковых средств и языковых форм он может быть выражен» [Кубрякова 2004: 313].

Как и другие языковые категории, категория градуальности ***развивается***.

На способность концептов изменяться и уточняться указывала в свое время Е. С. Кубрякова: «Концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификации. Концепты представляют собой неанализируемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются» [Кубрякова 1996: 91].

Мысль о возможном усложнении концепта и, как результат, объективации его более сложными языковыми средствами высказывает и Н. Н. Болдырев: «…по мере усложнения выражаемых смыслов возникает необходимость активации дополнительных концептов (знаний) и использования целых словосочетаний и предложений» [Болдырев 2000: 28].

Объяснение причин, по которым изменяются концепты, дал еще в конце прошлого века известный американский когнитивный психолог Лоуренс В. Барсалоу: «Так как люди постоянно познают новые вещи в этом мире и поскольку мир постоянно меняется, человеческое знание должно иметь форму, быстро приспосабливаемую к этим изменениям». А отсюда, как заключает Е. С. Кубрякова, и «основная единица передачи и хранения такого знания должна быть тоже достаточно гибкой и подвижной» [Кубрякова 1996: 91].

В нашем исследовании впервые предпринята попытка рассмотреть ***процесс развития*** категории градуальности. Основные задачи исследования заключались в том, чтобы выявить содержание и особенности данного процесса в современном английском языке.

Материалом исследования послужили наиболее часто употребляемые английские качественные прилагательные, выражающие градуальность эксплицитно или имплицитно (более 1300 единиц), наречия-модификаторы степени (традиционные и новые), а также сочетания наречий и прилагательных (более 10 000 словосочетаний). Материал был отобран из лексикографических и текстовых источников, использовались также корпусные данные.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в современном английском языке категория градуальности продолжает развиваться. Данный процесс характеризуется, с одной стороны, пополнением категории новыми членами, с другой стороны, мы можем наблюдать когнитивное усложнение категории градуальности, данная категория пополняется новыми структурами знаний, что свидетельствует о ее когнитивном усложнении. В настоящее время члены категории градуаль-

ности стали передавать всё более сложные смыслы. Изучаемый процесс имеет свои специфические черты, понять и объяснить которые во многом позволяет изучение концептуальных оснований семантики лексических единиц-членов категории градуальности.

Поскольку доступ к описанию концепта, как известно, обеспечивает язык, можно говорить о том, что развитие и усложнение языковой категории градуальности, связанное с усложнением мира, свидетельствует и об усложнении самого концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2000.

Десятская С. В. Категория интенсивности как средство выразительности в современном английском художественном тексте (на материале семантического анализа имен прилагательных): дис. … канд. филол. наук. М., 2018.

Колесникова С. М. Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке: монография. М.: МПУ, 1998.

Колесникова С. М. Категория градуальности в современном русском языке: дис. … д-ра филол. наук. М., 1999.

Колесникова С. М. Градуальность в системе русского языка: монография. М.: Изд-во «Флинта», 2018.

Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. С. 90–93.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

I. A. Kraeva *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

SPECIFIC FEATURES OF STUDYING THE CATEGORY OF GRADUALITY IN MODERN LINGUISTICS

The article considers the main issues of studying the category of graduality at the present time, and, in particular, specific features of this process in modern English. Special attention is paid to the relationship of the category of graduality with related linguistic categories – those of quantity and quality, evaluation, intensity, etc.

Key words: cognitive linguistics, graduality, intensity, expressiveness, evaluation.

Л. А. Манерко, А. С. Суханова *(Москва, Россия)*
МГУ имени М. В. Ломоносова
wordfnew@mail.ru, angela.su@yandex.ru

ПОНИМАНИЕ СООТНОШЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ И ДИСКУРСА

Статья посвящена разграничению таких понятий, как контекст, дискурс, когнитивный контекст и концептуальная область. В статье продемонстрировано, что в ходе дискурса языковые единицы отсылают к различным концептуальным областям, которые в своей интерпретирующей функции выступают в качестве когнитивных контекстов, и когнитивный контекст может не совпадать с видом дискурса, в котором он проявляется.

Ключевые слова: дискурс, контекст, концептуальная область, когнитивный контекст.

Языковые единицы приобретают смысл во время использования их в контексте, в котором они становятся речевыми единицами. Так, Р. Лэнекер объясняет выделение определенного элемента на общем фоне знаний с помощью «профилирования», используя термины профиль и база [Langacker 1991: 5]. Во фреймовой семантике формирование значения языковой единицы происходит в результате выделения определенного участка в структуре связанного с данным словом фрейма [Филлмор 1988]. Изолированное слово не может реализовать значение в полной мере даже в рамках предложения. Для этого требуется не только языковое выражение, но и контекст ситуации [Malinowski 1935: 11].

В контексте общения в определенной коммуникативной ситуации постоянно происходит «корректировка языкового обозначения», опирающаяся на ряд экстралингвистических факторов, а «понимание участия языковой единицы в коммуникативной деятельности человека, а затем ее представление в рамках определенной картины мира, присутствующей в сознании человека и организующей его внутренний лексикон, а также ее отнесение к определенной категории отражает ценностно-ориентированный выбор человека в соответствии с ее содержательно-прагматическими и функциональными характеристиками» [Манерко 2017: 178]. В зависимости от того, на фоне какого ситуационного контекста выделяется элемент, будет скорректировано и его обозначение и понимание.

Более широкое и объемное, чем контекст, понятие дискурса обозначает «порождаемую в особых условиях речь, связываемую с самими

коммуникативными условиями этого порождения» [Кубрякова 2004: 524]. Он подразумевает оперирование множеством структур знания и опыта при учете «конкретных условий протекания речевого акта и происходящего события» [Манерко 2013: 111]. В дискурсивной деятельности возникает множество контекстов, обеспечивающих коммуникацию. Под дискурсом подразумевается социальная речетворческая деятельность человека, «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1998: 137], и тип дискурса обусловливается темой или сферой общения, которую можно определить в зависимости от сферы деятельности человека. Нам близка точка зрения Е. С. Кубряковой, которая считает, что «тип дискурса детерминируется типом той социальной активности человека, в рамках которой он осуществляется и с целями которой он согласуется <…> сами типы подобной активности исторически обусловлены и напрямую связаны с уровнем развития общества и его культурой» [Кубрякова 2004: 526]. Так, возможно разделение типов дискурса по институциональной деятельности человека: медиа-дискурс, политический дискурс, научный дискурс и так далее. Возможно жанрово-стилистическое разделение, к примеру, художественный и академический типы дискурса. Сравнивая типы дискурса и когнитивные области, мы, прежде всего, говорим о тематически деятельностном аспекте разделения дискурса на виды, поскольку когнитивные области знаний оказываются ближе всего к такому разделению.

Контекст и дискурс имеют языковое воплощение в виде производимых текстов или речевых произведений: «текст существует как результат дискурсивной (речевой и мыслительной) деятельности человека, как сложный знак в единстве его трёх сторон: семантики, прагматики, синтактики» [Манерко 2013: 109].

Концептуальная область является ментальным образованием, содержащим фоновые знания о различных предметах, явлениях и аспектах действительности, ментальном опыте, концептах и концептуальных комплексах. Это определенный «фон» для языковой коммуникации. «Знания о мире представляют собой когнитивный фон языка. Все они взаимодействуют в коммуникативном процессе и существенно влияют на выбор языковых средств» [Новодранова 2007: 138]. Знание о мире человек получает при взаимодействии с ним и воспринимая его, осуществляя практическую и познавательную деятельность, осмысляя свой опыт и закрепляя его в языке для сохранения и дальнейшего обучения этим знаниям.

Концептуальная область знаний формируется в процессе взаимодействия с миром и в дискурсе, складывается в процессе коллективной или индивидуальной деятельности человека. Они содержат предзаданное

знание о мире: «концептуально-тематические области, отражающие различные сферы опыта человека, его взаимодействия с миром, физическую структурированность мира и социальной сферы, структуру различных функций и видов деятельности человека в этом мире и в обществе» [Болдырев 2014: 119].

При этом следует учесть, что «для человека характерен творческий подход в понимании и разработке новых образов мира через разнообразные виды знания» [Манерко 2014: 101], поэтому концептуальные области складываются индивидуально, в зависимости от картины миры, сложившейся в сознании отдельного человека или же, при нивелировании некоторых различий, концептуальные области отражают коллективное знание определенного сообщества.

Из когнитивных областей в зависимости от нужд, выбираются образы, концепты, понятия, которые затем могут быть вербализованы в дискурсе.

Согласно мнению Р. Лэнекера, концептуальные области задают характеристики семантических единиц (“a context for the characterization of a semantic unit”) [Langacker 1987: 147]. Он выделяет «базовые» концептуальные области (basic domains) – когнитивно неразложимые ментальные пространства, обладающие концептуальным потенциалом. Среди таких областей восприятие времени и опыт взаимодействия с трехмерным пространством. Абстрактные области (abstract domains) располагаются выше по уровню, являются более конкретными областями [Langacker 1987: 147].

Когнитивный контекст мы вслед за Н. Н. Болдыревым понимаем как выполнение концептуальной областью своих интерпретирующих функций по отношению к языковой единице: «концептуально-тематические области выполняют определенную интерпретирующую функцию в процессах формирования новых смыслов, выступая как области их определения, то есть как когнитивный контекст» [Болдырев 2014: 119]. Более того, когнитивные контексты несводимы к типам и закономерностям, но их можно выявить в качестве составляющих единой матрицы, а «когнитивная матрица, таким образом, объединяет в себе несколько когнитивных контекстов, на фоне которых происходит формирование и понимание соответствующих языковых значений, проявляется их культурная, в том числе, специфика» [Болдырев, Алпатов 2008: 6].

Являясь явлениями одной когнитивной природы, но разного порядка, концептуальные области, служащие источником смыслов языковых единиц, и дискурс существуют в определенной степени независимо друг от друга, благодаря чему человек может обращаться в дискурсе к разным концептуальным областям при помощи одинаковых языковых единиц.

Продемонстрируем данное положение на основе примеров использования лексемы в контексте, относимом к какому-либо тематически выделенному типу дискурса. К примеру, при обращении к корпусным данным, можно утверждать, что прилагательное "green" возникает в различных видах дискурса: от художественного до академического, которые можно разделить на тематические подвиды. Это слово может быть проинтерпретировано с помощью различных концептуальных областей: знаний о цвете (и шире – искусство), биологии, знаний о человеческой психике (в метафорическом переносе биологических свойств молодого и незрелого растения) и так далее. Концептуальных областей можно выделить множество, при этом некоторые (в нашем примере это перечисленные области) будут иметь более общее значение.

В значении цвета это слово используется в следующем примере: *"Many people like green. They think green is a warm, gentle colour. Mark is not among them. But he does like the plants"* [BNC]. Этот контекст выделен в рамках художественного дискурса, и тематически идет описание личности одного из героев. Областью, выступающей в качестве источника содержания для этого слова, в данном контексте будет знание о цветовом спектре. Та же область становится когнитивным контекстом для интерпретации значения "green" в следующем контексте из книги "Computer applications in geography": *"Cyan is formed by the addition of green and blue, while magenta (pink) is the result of combining red and blue"* [BNC]. Более широкий ближайший контекст описывает создание цвета с помощью программных средств, то есть фиксируется обращение к знаниям о цвете, которое наблюдается в специальном дискурсе в области компьютерных технологий.

В следующем ближайшем контексте "green" черпает свое значение «незрелый, неподготовленный» из концептуальной области знаний о человеческой психологии и развитии: *"Such green speculations are problematic and will not be pursued further; purely human needs are the concern here"* [CEC].

В рекламном дискурсе то же прилагательное отсылает к концептуальной области знаний о биологии и, более конкретно, экологии: *"The canal network put Birmingham at the centre of Britain's transport system in the 1780's, and these lovely waterways still provide green corridors through the city, where people can walk, row or cruise on traditional style narrowboats"* [BNC].

Таким образом, можно наблюдать, что одна и та же лексема функционирует в различных тематических видах дискурса, и при этом тематические концептуальные области с этими видами дискурса не совпадают. То есть в дискурсивной деятельности человек оперирует знаниями из различных

концептуальных областей, выбирая соответствующие языковые средства, которые могут передать их содержание. При этом на «выбор человека тех или иных признаков в окружающем мире влияет система отбора – рациональные намерения и, вероятно, эмоциональные желания, при этом наблюдается последовательная обработка данных сознанием» [Манерко 2014: 94].

Расхождения между дискурсом и когнитивной областью проявляются и на примере абстрактных понятий. К примеру, существительное *environment* имеет источниками своих значений концептуальные области знаний об экологии, психологии, физического пространства, информационных технологий, взаимоотношений между людьми. Для его более точного описания мы можем использовать матрицу (схема 1):

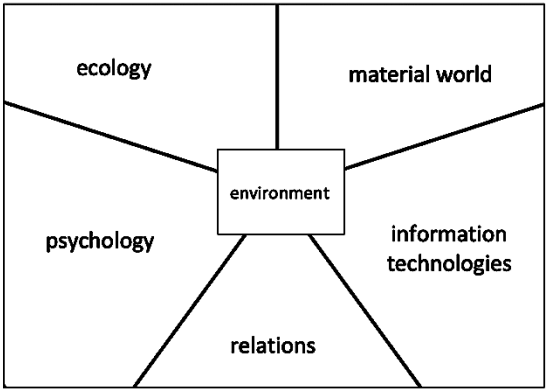


Рис. 1. Частная когнитивная матрица для слова environment

В контексте *"When natural materials are used by man in a dry environment difficulties arise"* [BNC], относящемся к естественнонаучному дискурсу, значение «физическое окружение» происходит из совпадающей с дискурсом концептуальной области знаний о физических свойствах материального мира.

Следующий пример можно охарактеризовать как контекст, принадлежащий медиадискурсу и, в частности, экономической сфере: "*the internal market described itself as 'much concerned' with the transport sector, which it thought would have a greater impact on the environment than any other sector"* [BNC]. Ближайший контекст содержит указатели на различные сектора деятельности государства, что соответствует дискурсу. Однако существительное *environment* отсылает к когнитивной области знаний об экологии.

В примере далее из дискурса, относящегося к описанию физических характеристик пространства, слово *environment* соотносит значение с концептуальной областью знаний о психологии, обозначая как физическое, так и психологическое пространство: *"There is a mistaken notion that building intelligence relates to technological sophistication and energy saving rather than the provision of an optimal comfort environment for the occupants"* [BNC]. В данном случае представлены особенности лексемы *environment*, содержание которой определяется общим значением окружения объекта и влияния на него, и такое влияние одновременно может включать физическое и нематериальное пространство. То есть ее содержание интегрировано путем слияния разных концептуальных областей в единое целое.

Формирование самого дискурса происходит динамично в процессе коммуникации, а ввиду использования различных языковых единиц человек постоянно обращается к различным концептуальным областям. Можно заключить, что определенный тематический вид дискурса может содержать единицы, черпающие свое содержание из различных концептуальных областей, которые могут не совпадать с тематическим типом дискурса.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1998. С. 136–137.

Болдырев Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 118–122.

Болдырев Н. Н., Алпатов В. В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 5–14.

Манерко Л. А. Перспективизация как один из принципов концептуализации семантики в дискурсе // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 57. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 177–186.

Манерко Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 100–118.

Манерко Л. А. «Воплощенность» и схематизация человеческого опыта как основание методологического инструментария когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVII. С. 92–101.

Новодранова В. Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. науч. тр. Вып. 5. М., Рязань: РГУ, 2007. С. 136–140.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 52–92.

BNC – British National Corpus. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/

CEC– Cambridge English Corpus. URL: https://www.cambridge.org/gb/cambridgeenglish/better-learning-insights/corpus

Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar. Cognitive Linguistics Research / Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1991.

Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I: Theoretical Prerequisites. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987.

Malinowski B. Coral Gardens and Their Magic. 1935. URL: http://www.archive.org/stream/coralgardensandt031834mbp/coralgardensandt 031834mbp_djvu.txt

L. A. Manerko, A. S. Sukhanova *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

DEFINING CONCEPTUAL DOMAIN AND DISCOURSE

The article aims to define the differences between context, discourse, cognitive context and conceptual domain. The analysis of texts from language corpora demonstrates that language units refer to different conceptual domains that function as cognitive contexts, which may not correlate with the discourse within which it finds manifestation.

Key words: discourse, cognitive context, conceptual domain, context.

В. Ф. Новодранова *(Москва, Россия)*
Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова
novodranova@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАПРАВЛЕНИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ «ЯЗЫК ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ»

Название «Язык для специальных целей» (Language for Special / Specific Purposes) [Гвишиани 2008: 215] было утверждено на I Европейском симпозиуме по проблемам международного научного общения (Вена, 1977). До этого времени этот язык не имел единого терминологического обозначения. Он назывался: стиль, речь, подъязык, подсистема, язык, терминология. В немецком языке использовался свой термин Fachsprache. В русском и европейских языках использовались две аббревиатуры: ЯСЦ и LSP.

Ключевые слова: расширение границ категории, перекатегоризация, концептуальная интеграция, embodiment (воплощение, оязыковление, объективация в языке, ословление), нейролингвистика.

В 90-х годах прошлого века сформировалось как самостоятельная наука научное направление со своим предметом исследования, категориальным аппаратом, методикой анализа, проблематикой и тенденциями развития [Новодранова 2010: 142–150]. Было дано определение LSP – это язык науки, объективирующий ее когнитивное концептуальное содержание, это такая система лингвистических средств общенационального языка, которая репрезентирует структуры знания (о структурах знания подробнее см. в [Кубрякова 2004b; Заботкина 2012, 2017; Болдырев 2018]), сложившиеся в определенный период развития науки и демонстрирующие достигнутый в этот период уровень развития в конкретной предметной области знания, важный для социума и обеспечивающий его собственное развитие и прогресс[1]. Международным информационным центром терминологии (Вена) было принято решение проводить специальные европейские симпозиумы по различным аспектам языков для специальных целей. С тех пор такие симпозиумы проводятся каждые два года в разных странах. Российские терминологи принимают в них активное участие (Финляндия, Германия, Дания, Великобритания, Италия и другие страны). На XVII Европейском симпозиуме (Орхус, Дания, 2009) приняли участие 12 российских терминоведов, из них четверо приехали со своими аспирантами, которые в рамках симпозиума прошли апробацию своих диссертационных тем по когнитивному терминоведению. Характерно, что в последние 10 лет такие симпозиумы стали проводиться ежегодно благодаря актуальности выдвинутых для обсуждения проблем и идей. В 2021 году проводятся 3 международные конференции по языку для специальных целей (LSP):

I. 28–29 января 2021 г. Москва, кафедра латинского языка и основ терминологии МГМСУ имени А.И. Евдокимова. Тема: «Концептуально-терминологическое пространство медицинского знания». Уже название конференции говорит, что конференция посвящена профессиональному языку медицины в рамках теории когнитивного терминоведения. Конференция была также посвящена 50-летию кафедры латинского языка и основ терминологии МГМСУ, которая возглавляет Российскую научную школу «Когнитивное терминоведение» и его связи с когнитивной наукой и когнитивной лингвистикой. Руководитель школы В.Ф. Новодранова. Обсуждаемые проблемы: теоретические и методологические основы когнитивного терминоведения, формирование медицинского знания, наследие Галена в медицинской терминологии, лингво-когнитивные аспекты научной греко-латинской терминологии, базовые категории клинической терминологии и др.

[1] Подробнее о терминоведении см. в [Лейчик 1986; Татаринов 2006].

II. 18–19 мая 2021 года г. Самара. Кафедра иностранных и латинского языков Самарского гос. мед. университета. Международная научно-практическая конференция «Методические и лингвистические проблемы LSP». Выдвинутые для обсуждения вопросы: основы теории «Языка для специальных целей», предмет и особенности его языковой репрезентации, психолингвистический подход в психиатрии, репрезентация этиологических маркеров в языковой структуре клинических терминов и др.

III. 29 октября 2021 года г. Москва, Круглый стол на базе лингвистического университета, посвященный Е.С. Кубряковой. Предложенная тематика: проекции идей когнитивных классиков в 21 век, гипотезы и доказательства в когнитивной лингвистике, экспериментальные исследования ментальных репрезентаций: преимущества и ограничения, когнитивная лингвистика и современные технологии, эмпирические методы анализа дискурсивных практик в разных культурах и др.

Таким образом, нас ждет интереснейшее чтение и концептуальное обсуждение, осознание наступления биолингвистики и выдвижение нейронной теории языка [Fauconnier 1994; Lakoff 1999; Lakoff, Johnson 1999], о чём Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004а] писала: «в каких бы ипостасях нам ни предстояло изучать язык в будущем, величайшей ценностью останутся для нас сами эмпирические сведения о языках и отдельно взятом языке, а следовательно, и задачи разработки адекватных средств и способов его описания».

Второе десятилетие 21 века (2001–2020) ознаменовалось появлением теоретической разработки новой парадигмы знания – антропоцентризма. Свидетельством тому является издание большого количества научных статей и учебных пособий по этому направлению когнитивной лингвистики: Э.А. Сорокина, Е.С. Закирова [2014], С.В. Гринёв-Гриневич, Э.А. Сорокина, Т.Г. Скопюк [2008], Л.С. Абросимова, М.А. Богданова [2011], Л.С. Абросимова [2015], А.А. Кибрик [2015], В.И. Заботкина [2012, 2017], В.Ф. Новодранова [2008; 2017] и др.

Литература

Абросимова Л.С. Словообразование в языковой категоризации мира: монография. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2015.

Абросимова Л.С., Богданова М.А. Человек телесный и словесный: монография. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2011.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивные теории языка. М.: Языки славянских культур, 2018.

Гвишиани Н.Б. Язык научного общения. Вопросы методологии. М.: URSS, 2008.

Заботкина В.И. Слово и смысл. М.: РГГУ, 2012.

Заботкина В. И. (отв. ред.). Репрезентация событий. Интегрированный подход с позиции когнитивных наук. Коллективная монография. М.: Языки славянской культуры, 2017.

Кибрик А. А. Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004a. № 1. С. 6–17.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004b.

Лейчик В. М. Языки для специальных целей – функциональные разновидности современных развитых национальных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1986.

Новодранова В. Ф. Десять лет когнитивному терминоведению // Терминология и знание: материалы II Международного симпозиума / отв. ред. С. Д. Шелов. М.: Азбуковник, 2010. С. 142–150.

Новодранова В. Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. М.: Языки славянских культур, 2008.

Новодранова В. Ф. Междисциплинарность медицины и ее языковое отражение // Терминология и знание. Материалы V международного симпозиума (Москва, 3–5 июня 2016), 2017. С. 346–351.

Татаринов В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь / Российское терминологическое общество Росс. Терм. М.: Московский Лицей. 2006. С. 255–258.

Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Languages 2-nd ed Cambridge M. A.: MLT Press, 1994.

Lakoff G. Integrating cognitive linguistics and the neural theory of language // Abstracts of the 6th International Cognitive Linguistics Conference 10–16 July 1999, Stockholm, 1999.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. N. Y.: Basic Books, 1999.

***V. F. Novodranova** (Moscow, Russsia)*
Moscow State University of Medicine and Dentistry named after A. I. Evdokimov

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE DIRECTION IN COGNITIVE LINGUISTICS “LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES”

The name “Language for Special Purposes” [Gvishiani 2008: 215] was approved at the First European Symposium on International Scientific Communication (Vienna, 1977). Until that time, this language did not have a single terminological

designation. It was called: style, speech, sublanguage, subsystem, language, terminology. The German language used its own term fachsprache. Two abbreviations were used in Russian and European languages: ЯСЦ and LSP.

Key words: expanding the boundaries of the category, recategorization, conceptual integration, embodiment (linguization, objectification in language, conditionalization), neurolinguistics.

А. А. Ржешевская *(Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
arlen_nastya@rambler.ru

МОДИФИКАЦИИ ДИСКУРСА В РЕЧИ РЕСПОНДЕНТОВ: АЛГОРИТМ ОЦЕНКИ (на примере драматургического дискурса)[1]

Данная статья представляет результаты экспериментального исследования особенностей интердискурсивных переключений, которые позволили разработать алгоритм установления соответствий в исходном и модифицированном типах дискурса в речи респондентов. Для выявления типов модификаций проведено параметрическое аннотирование с учетом двух разработанных систем параметров, включающих параметры конструирования дискурса (участник, событие, перспектива) и параметры модификации дискурса (субъект, объект, действие, характеристика и др.).

Ключевые слова: дискурс, интердискурсивное переключение, параметрическое аннотирование, параметры конструирования, алгоритм.

При проведении экспериментальных исследований, нацеленных на анализ особенностей интерпретации дискурса, одним из процедурных этапов является опрос респондентов с целью установления модификаций исходного дискурса в их речевых реакциях. С необходимостью осуществления такого анализа столкнулся и автор настоящей работы в ходе проведения окулографического эксперимента, тестирующего характер

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20–012–00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.

глазодвигательной нагрузки при интердискурсивных переключениях (подробнее в [Kiose, Rzheshevskaya 2021]). Установлению сопряженности между глазодвигательными реакциями и речевыми интерпретациями интердискурсивных переключений должен был предшествовать анализ модификаций исходного дискурса в ответах респондентов, однако оказалось, что алгоритм такого анализа на настоящий момент отсутствует; при этом в исследованиях по экспериментальной психологии и социологии используются решения в отношении оценки референциальной отнесенности ответов респондентов (см., например, в [Никандров 2002; Giora 2003; Аниськина, Ухова 2015; Шапиро 2017]). В то же время в когнитивно-дискурсивных исследованиях разработаны множественные концепции анализа дискурса в аспекте его интерпретации, например, при установлении стратегий, категорий, механизмов интерпретации [Демьянков 1989; Кубрякова 2008; Ирисханова 2014; Киосе 2020], которые могут составить основу при разработке алгоритма и процедуры оценки модификаций исходного дискурса в речевых реакциях респондентов.

В настоящей работе с опорой на результаты проведенного эксперимента и полученные речевые реакции респондентов предлагается алгоритм оценки модификаций исходного дискурса, в качестве которого использовался драматургический дискурс, осложненный интердискурсивными переключениями с дискурса персонажа на дискурс автора. Эксперимент был проведен с привлечением фрагментов произведений современных российских драматургов, отобранных в результате предварительного параметрического анализа [Ржешевская 2021]. На этапе анализа окулографических данных мы установили сопряженность некоторых параметров конструирования исходного дискурса с показателями глазодвигательных паттернов. На втором этапе потребовался анализ сопряженности параметров конструирования исходного и модифицированного дискурса в речи респондентов, которому и предшествовала разработка алгоритма оценки модификации дискурса.

Реализация **алгоритма оценки модификации дискурса**, предполагающего установление особенностей речевой интерпретации исходного дискурса (драматургического, с включенными интердискурсивными переключениями) в модифицированном дискурсе (дискурсе респондентов – участников окулографического эксперимента), включает ряд этапов.

Этап 1. Установление особенностей конструирования исходного дискурса. Шаги: разработка системы параметров конструирования дискурса; осуществление разметки зон интердискурсивных переключений (с дискурса персонажа на дискурс автора); определение общей активности

групп параметров и единичных параметров; установление сопряженности параметров.

Этап 2. Установление информации, сохранившейся в речи респондентов при интерпретации интердискурсивных переключений. Шаги: осуществление разметки зон интердискурсивных переключений; определение общей активности групп параметров и единичных параметров; установление сопряженности параметров; установление сходств и различий в конструировании исходного и модифицированного типов дискурса.

Этап 3. Установление модификаций информации при интерпретации интердискурсивных переключений. Шаги: разработка системы параметров модификации дискурса; осуществление разметки зон интердискурсивных переключений; определение общей активности групп параметров и единичных параметров; установление сопряженности параметров; оценка типов модификаций при интерпретации интердискурсивных переключений.

В ходе оценки учитывается ряд лингвокогнитивных факторов, которые способны оказать воздействие на характер и тип сохранившейся и модифицированной информации. В настоящем эксперименте учитывался эффект прайминга, который заключается в реакции на определенный стимул благодаря ранее осуществлённому воздействию элемента стимула [Hyönä 1993], а также эффект повторяемости информации, например, неоднократное повторение имени персонажа на протяжении определенного отрывка [Radach, Kennedy 2013; Rayner 1998].

Перейдем к подробному рассмотрению особенностей реализации данных этапов с учетом данных, полученных в ходе эксперимента.

Первый этап – установление особенностей конструирования исходного дискурса – потребовал выполнения следующих шагов:

1. Разработка системы параметров конструирования дискурса. С опорой на решения, предложенные в отношении анализа конструирования дискурсивных событий (изложенные в работах Л. Талми, В.З. Демьянкова, Дж. Пустейовского, О.К. Ирисхановой), систематизированные в [Киосе 2021], применена система, включающая три группы параметров: конструирование участника или объекта, конструирование события, конструирование перспективы (всего 61 параметр).

2. Определение общей активности групп параметров и единичных параметров, установление сопряженности параметров. 4 образца драматургического дискурса, отобранные для окулографического эксперимента (тексты пьес Л. Петрушевской, А. Вампилова, А. Арбузова, Л. Разумовской), насчитывают в общей сложности 24 зоны интердискур-

сивных переключений с дискурса персонажа на дискурс автора (первое предложение после переключения). Каждой из зон присвоена кодовая разметка по 61 параметру. Например, к группе параметров конструирования участников и объектов текста относятся: наличие агентивных участников, реципиента действия, пациенса; наличие участника-человека, референтного участника, абстрактного участника; наличие автора/говорящего, адресата и т.д. Группа конструирования события представлена такими параметрами, как: достоверное/недостоверное событие; перемещение/изменение чего-либо; интерсубъектные/интерактивные события; целостное событие; событие, локализованное/нелокализованное в пространстве; событие, локализованное/нелокализованное во времени и т.д. Параметры конструирования перспективы включают в себя: обзор с позиции внешнего/внутреннего наблюдателя; центральное/менее значимое событие в дискурсе и т.д. Результаты активности и сопряженности параметров описаны в [Ржешевская 2021].

Второй этап – установление информации, сохранившейся в речи респондентов при интерпретации интердискурсивных переключений – требует выполнения следующих шагов:

1. Разметка зон интердискурсивных переключений. Разметка 24 зон при их наличии в репликах участников эксперимента осуществлена с использованием системы параметров конструирования дискурса, разработанных на Этапе 1. В эксперименте приняли участие 18 респондентов, их ответы были записаны и расшифрованы; всем респондентам задавался один и тот же вопрос: «Какую информацию вы извлекли из текста?» Далее анализировалось содержание расшифрованных реплик на предмет наличия / отсутствия информации, содержащейся в 24 зонах исходного текста. Например, момент переключения на речь автора в *Витя открывает дверь…* в большинстве ответов респондентов не присутствует, однако в некоторых случаях обнаруживается, например, в *А…значит, герои сидят у телевизора, стук в дверь, аа…**подходит человек к двери**, заходит Анна Степановна, сухая женщина с передником, поднятым со смены* или *Э… в квартире проживает семья Гавриловых э кто-то звонит в дверь ээ… предполагается, что **открывает Витя, но открывает некая Нина***.

2. Определение общей активности групп параметров и единичных параметров, установление сопряженности параметров. По итогам анализа общая активность параметров в выделенных зонах составляет 3873; с учетом общей активности параметров исходного дискурса (564) и количества участников средний индекс сохраненной информации со-

ставляет 0.38. Далее определена относительная активность параметров и установлены наиболее активные параметры. Среди наиболее активных параметров конструирования участников и объектов назовем наличие агентивного участника (4.1), наличие единичного участника (3.36), наличие участника-человека (4.2). Среди параметров конструирования события наиболее проявленными оказались достоверное событие (4.18), целостное, завершенное событие (4.18), событие, схваченное в момент развертывания (4.18), событие, не локализованное в пространстве (3.6). Среди параметров конструирования перспективы назовем обзор с позиции участника (3.36), введение регулярно появляющегося центрального участника (3.6), введение центрального участника / объекта (3.3). Также была определена степень сходства ответов участников с применением t-критерия Стьюдента. Наибольшее сходство в ответах было обнаружено в использовании следующих параметров (при $p < 0.001$): наличие агентивного участника (92.37), наличие единичного участника (25.57), позиция внутреннего наблюдателя (25.57), регулярно появляющийся участник (32.88), центральное событие в дискурсе (26.62).

3. Установление сходств и различий в конструировании исходного и модифицированного типов дискурса. В целом, исходный и модифицированный дискурсы достаточно схожи, результаты сопоставительного анализа (по относительным показателям) приведены на рисунке 1.

Рис. 1. Оценка сходств и различий
исходного и модифицированного дискурса

В результате проведенного анализа удалось обнаружить различия параметрической активности в двух изучаемых типах дискурса с применением t-критерия Стьюдента. Наибольшее сходство исходный и модифицированный дискурсы обнаруживают в отношении следующих

параметров(при p <0.01): наличие агентивного участника (20.5), наличие единичного участника (550.22), наличие участника-человека (78.83), достоверное событие (139.44), интерсубъектные события (116.36), позиция внешнего наблюдателя (104.28). Наибольшее отличие наблюдается в сохранении следующих параметров (при p <0.01): наличие реципиента (2.93), наличие пациенса (1.56), целый объект/участник (1.16), не персонализированный объект/участник (1.34).

Третий этап – установление модификаций информации при интерпретации интердискурсивных переключений – потребовал выполнения следующих шагов:

1. Разработка системы параметров модификации дискурса и осуществление разметки зон интердискурсивных переключений. Анализ типа модификации содержания реплики респондента (в зоне интердискурсивных переключений) проведен по разработанной системе параметров, включающей в себя несколько групп (отметим, что для удобства исчисления параметры вновь начинаются с кодов 100, хотя это не очень удобно для восприятия в рамках одной статьи).

Так, к группе «субъект» относятся такие параметры, как называние полного имени (код 101), называние неполного имени (102), модификация в имени (103), использование в речи лексемы с более широкой семантикой (104), использование лексемы с узкой семантикой (105), называние другого имени, отличного от настоящего имени персонажа (код 106), называние субъекта по роли в тексте (107), называние другого ракурса субъекта, отличного от ракурса, представленного в пьесе (108).

Группа «объект-участник» включает в себя такие параметры, как называние объекта (код 201), модификации в назывании объекта (код 202), отсутствие упоминания объекта в речи (код 203).

Группа «действие» представлена такими параметрами, как точное называние действия (код 301), неточное или обобщенное называние действия (302), отсутствие упоминания действия в речи (303), употребление в речи дополнительных характеристик действия, не представленных в тексте оригинале (304).

Группа «событие» включает такие параметры, как точное называние события (код 401), неточное или искаженное называние события (402), обобщение информации о событии (403), детализация информации о событии (404), отсутствие называния события в речи (405).

Группа «характеристика» включает в себя такие параметры, как точное называние характеристики (код 501), модификации в назывании характеристики (502), обобщенная характеристика (503), детализирован-

ная характеристика (504), неполная характеристика (505), не называние характеристики (506).

Группа «языковые особенности» в рамках настоящей работы была ограничена (как этого требовало языковое оформление зон переключений) использованием в речи настоящего времени (код 601) и прошедшего времени (602), отражающим время в исходном тексте и вторичном (речи участников). Кроме этого, к языковым особенностям отнесены точные (603) и неточные (604) цитаты.

Группа «время» включает в себя точное называние даты, дня недели, времени года, длительности совершения какого-либо действия (код 701), а также неточное указывание в речи перечисленных характеристик (702).

Группа «место» включает в себя точное (код 801) и неточное (802) называние места.

К группе «перспектива» относятся: субъективация (код 901), объективация (902), интерсубъективация (903).

Обратимся к некоторым примерам. Так, параметрическое аннотирование речи участников позволило установить активность таких параметров группы «субъект», как называние полного имени (101) например, *Кира, Шурочка, Люба, Софья Васильевна, Гавриловы, Евгения, Варя, Михалёв*; называние неполного имени (102): *Анна, Степановна* (вместо полного имени в тексте Анна Степановна), *Софья какая-то* (в тексте – *Софья Васильевна*); модификация в имени (103): *Валерий Евгеньевич* (в тексте – *Владимир Евгеньевич*), *глава семейства* (в тексте – *отец семейства*), *Михалин* (в тексте – *Михалёв*); использование в речи лексемы с более широкой семантикой (104): *мужчина, женщина, персонаж; две девушки, двое мужчин*; использование лексемы с узкой семантикой (105): *жена, хозяйка* (по тексту – *женщина*), называние другого имени, отличного от настоящего имени персонажа (код 106): *Дуняша* (в тексте – *Граня*), *Сонечка* (в тексте – *Софья Васильевна*); называние субъекта по роли в тексте (107): *соседка, мать, дочь*; называние другого ракурса субъекта, отличного от ракурса, представленного в пьесе (108): *ребенок* (в тексте – *девочка*).

2. Определение общей активности групп параметров и единичных параметров, установление сопряженности параметров. Так, наиболее активными оказались параметры модификации субъекта (67), действия (64), грамматических категорий (61), а также перспективы (68). Установление сопряженности активных параметров модификации дискурса осуществлено с применением коэффициента попарных корреляций r-Pearson (для p=0.01). Обнаружен ряд статистически значимых попарных корреляций параметров, например, называние полного

имени субъекта и называние действия (0.2), точное называние действия и неполное называние имени (0.15), называние полного имени неточное называние действия (0.32), точное называние действия и лексема с широкой семантикой (0.3), неточное называние действия и называние роли субъекта по тексту (0.3), точное называние действия и дополнения к действию (0.32), обобщенная характеристика и называние роли субъекта по тексту (0.36), ответ в настоящем времени и лексема с более широкой семантикой (0.47), ответ в настоящем времени и обобщенное указание действия (0.77), субъективация и ответ в настоящем времени (0.29), объективация и ответ в настоящем времени (0.9), объективация и обобщенная характеристика (0.4), объективация и неточное называние действия (0.72).

3. Оценка типов модификаций исходного дискурса проведена с опорой на полученные данные общей активности параметров модификации и их сопряженности. В итоге к основным типам модификаций отнесены те, которые сопровождаются наиболее высокой активностью. Среди них – объективация, использование в речи настоящего времени, неточное или обобщенное называние действия, называние субъекта по роли в тексте. Диаграмма всех обнаруженных модификаций дискурса в речи респондентов приведена на Рисунке 2. Также на Рисунке 3 приведена диаграмма сопряженности параметров модификации дискурса.

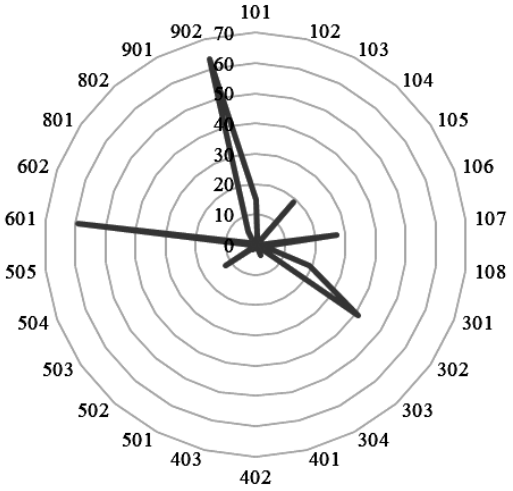


Рис. 2. Типы модификаций дискурса в речи респондентов

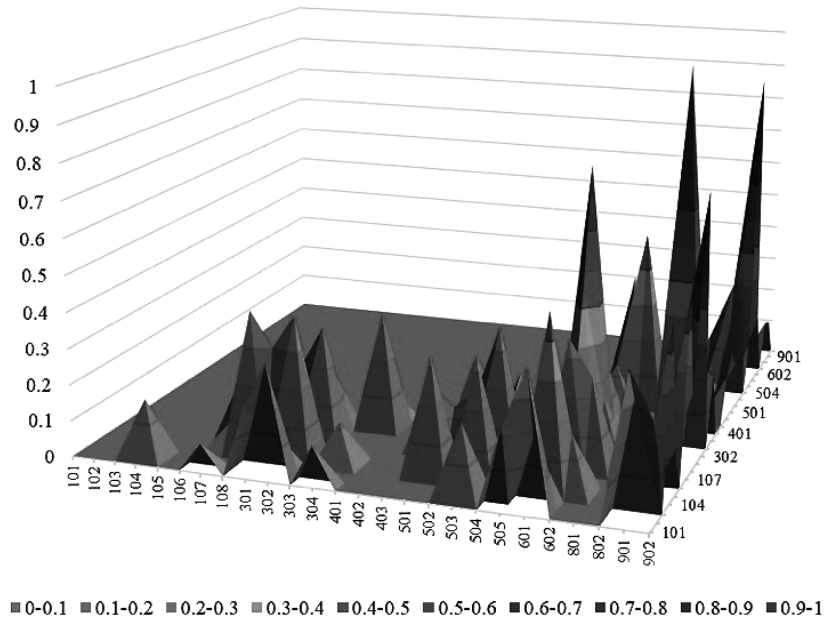


Рис. 3. Сопряженность параметров модификации дискурса в речи респондентов

Рассмотрим в качестве примера зону переключения с дискурса персонажа на дискурс автора из пьесы «Уроки музыки» Л. С. Петрушевской – *Женский голос. <…> Это я. Автор. Нина открывает дверь, долго смотрит, затем впускает соседку Анну Степановну*. – и выдержки из ответов участников окулографического эксперимента, демонстрирующие изменения в модифицированном дискурсе: *Соседка приходит к Гавриловым; Заходит Анна Степановна; открывает некая Нина; её впускает Нина; соседка пришла в семью Гавриловых; приходит соседка к семье; ей открывают; приходит соседка*. Полученные ответы иллюстрируют действие параметров различных групп, как, например, называние полного имени субъекта (*Анна Степановна*), называние роли субъекта по тексту (*соседка*), лексема с более широкой семантикой (*семья*). В целом, модифицированный дискурс показывает наибольшую активность таких групп, как участник, событие, действие.

Обращает на себя внимание также и отсутствие части информации в модифицированном дискурсе, например, отсутствие в речи респон-

дентов упоминания о интердискурсивном переключении с дискурса персонажа на дискурс автора в одном из образцов – реплике персонажа мать из пьесы «Биография» Л. Н. Разумовской: *МАТЬ. <…> Правда, потом я всю жизнь проклинала себя за тогдашнюю свою жалость. Пауза. (С тоской.) Добрый он, хороший <…>*. Кроме этого, анализ интердискурсивных переключений в модифицированном дискурсе обнаружил отсутствие в речи респондентов параметров группы «время», к которой относятся такие параметры, как точное/неточное называние даты, дня недели, времени года.

В целом, проведенное исследование речевых интерпретаций интердискурсивных переключений в рамках драматургического дискурса в результате проведенного окулографического эксперимента позволило: 1) разработать и применить для анализа полученных данных алгоритм оценки модификаций дискурса в речи респондентов; 2) применить две системы параметров с разным набором групп и аспектов для проведения трехэтапного анализа исходного и модифицированного дискурса и определения особенностей параметрической активности в двух видах дискурса; 3) установить (не)представленность части информации исходного дискурса в модифицированном дискурсе в зонах интердискурсивных переключений; 4) уточнить характерные типы изменений исходного дискурса при интерпретации интердискурсивных переключений; 5) верифицировать разработанный алгоритм для установления разных типов модификаций дискурса.

Литература

Аниськина Н. В., Ухова Л. В. Особенности восприятия и интерпретации имплицитной информации рекламного характера: методика психолингвистического эксперимента // Евразийский Союз Ученых. Филологические науки. 2015. № 8 (17). С. 72–75.

Демьянков В. З. Намерение в интерпретации и интерпретация намерений в речи // Текст: Структура и анализ. М.: Институт языкознания АН СССР, 1989. С. 41–46.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Киосе М. И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р-Валент, 2021.

Киосе М. И. Когнитивно-семиотические основания лингвокреативности дискурса: методика анализа // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива (выпуск 29). 2020. № 2. С. 37–47.

Красина Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 91–102.

Кубрякова Е. С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. III. С. 11–24.

Никандров В. В. Вербально-коммуникативные методы в психологии. СПб.: Речь, 2002.

Ржешевская А. А. Оценка вариативности конструирования современного драматургического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2 (844). С. 50–59.

Шапиро М. Г. Классификация методов опроса в социологии // Социальные исследования. 2017. Вып. 2. С. 51–59.

Giora R. On our mind: salience, context and figurative language. Oxford, 2003.

Hyönä J. Effects of thematic and lexical priming on readers' eye movements // Scandinavian Journal of Psychology. 1993. 34. P. 293–304.

Kiose M. I., Rzheshevskaya A. A. Interdiscourse switching in drama text. Eye movement patterns and comprehension check results // Issues in Cognitive Linguistics. 2021 (in press).

Radach R., Kennedy A. Eye-movements in reading: Some theoretical context // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2013. Vol. 66 (3). P. 429–452.

Rayner K. Eye movements in reading and information processing: 20 years of research // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124 (3). P. 372–422.

Talmy L. Attention phenomena // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 264–293.

A. A. Rzheshevskaya *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

FEATURING DRAMA DISCOURSE: AN ALGORITHM OF THE ASSESSMENT OF DISCOURSE MODIFICATIONS IN SPEECH

The article features the results of experimental study of inter-discourse switching which allowed to develop the assessment algorithm of discourse modifications in respondents' speech. To identify the modification types, we applied two elaborated systems of parameters including discourse construal parameters (construal of participant, event, perspective), and discourse modification parameters (subject, object, action, characteristics etc.).

Key words: discourse, inter-discourse switching, parametric annotation, construal parameters, algorithm.

Л. В. Цурикова *(Воронеж, Россия)*
Воронежский государственный университет
lubov.tsurikova@gmail.com

ЭКСПЕРИМЕНТ В КОГНИТИВНОМ АНАЛИЗЕ КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННОГО ДИСКУРСИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается методика осуществления когнитивно-прагматического межкультурного анализа дискурса, основанная на работе с аутентичным и неаутентичным языковым материалом, в центре которой находится эксперимент как инструмент для получения исследовательских данных, позволяющих выявлять и описывать структуры репрезентации различных видов культурно обусловленных коммуникативно релевантных знаний, определяющих стратегии дискурсивного взаимодействия носителей разных языковых культур.

Ключевые слова: дискурсивное событие, когнитивные модели, эксперимент, межкультурное взаимодействие.

В современной лингвистике и в смежных с ней областях знания дискурсивные исследования сегодня переживают настоящий бум. Эти исследования затрагивают самые разные аспекты и сферы коммуникативной деятельности человека, при этом в среде специалистов растет понимание того, что адекватный анализ коммуникативной деятельности предполагает, что помимо изучения собственно лингвистических и внешних условий общения, необходим также анализ их ментальных репрезентаций.

Развивая предложенную Е. С. Кубряковой идею о необходимости изучения языковых явлений в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы [Кубрякова 2000], при анализе процесса дискурсивного взаимодействия мы рассматриваем эту парадигму как *когнитивно-прагматическую*, поскольку такой подход, во-первых, дает возможность описывать дискурсивную деятельность людей как интеракцию, осуществляемую в рамках определенных коммуникативных событий и составляющих их речевых актов, выделяя релевантные для этих актов социопрагматические параметры и выявляя характерные для них языковые формы, а во-вторых, позволяет определять различные виды знания и структуры их репрезентации, которые обусловливают выбор коммуникантами речевых стратегий и языковых форм для реализации этих стратегий в дискурсе.

Изучение дискурсивной деятельности с когнитивных позиций составляет крайне сложную задачу, в решении которой задействованы

различные направления современной когнитивистики, психолингвистики, исследований по созданию искусственного интеллекта. В центре внимания исследований, ведущихся в рамках этих научных направлений, находятся глубинные процессы порождения и восприятия речи, различные структуры репрезентации знаний и информация, представленная в этих структурах, а также способы обработки, хранения и извлечения соответствующих знаний в процессе коммуникативного взаимодействия. Полученные при этом данные позволяют создавать универсальные обобщенные модели когнитивных процессов и механизмов речевой деятельности, однако конкретные дискурсивные действия участников общения в конкретных коммуникативных условиях и сложившиеся в конкретном языковом сообществе конвенции взаимодействия данные модели, как правило, отразить не могут, поскольку не ставят перед собой такой задачи.

Между тем, в разных языковых культурах в одинаковых обстоятельствах общения носители этих культур могут регулярно действовать по-разному специфичным для каждой культуры образом – реализовывать разные сценарии одного и того же коммуникативного события, совершать в их рамках разные речевые акты, осуществлять эти акты при помощи разных по смыслу и значению высказываний. Данный феномен указывает на то, что изучение того, какие структуры знания у носителей разных языковых культур оказываются при этом задействованными и какая информация в них активируется, целесообразно вести в сопоставительном или контрастивном ракурсе.

Как показывает наш опыт, наиболее продуктивным для решения такой задачи оказывается анализ *межкультурного* взаимодействия, когда общение происходит либо между носителями разных культур на родном языке для одного участника и неродном для другого, либо на неродном языке для обоих участников в сопоставлении с аналогичными эпизодами общения носителей языка. Это дает возможность выявлять существующие у носителей разных языковых культур дискурсивные нормы ожидания относительно того, какие коммуникативные действия для них возможны в определенных обстоятельствах общения, и на их основе выстраивать когнитивные модели интерактивной организации целых дискурсивных событий (а не отдельных речевых актов или высказываний), бытующие в данных культурах в рамках сходных дискурсивных практик, поскольку в каждом языковом сообществе имеются собственные ценностные установки и ориентиры, которые определяют характерные для него сценарии, алгоритмы и языковые формы общения. Эти ценностные ориентиры, алгоритмы и сценарии взаимодействия наряду с другими характеристиками,

с одной стороны, объединяют представителей этого коммуникативного сообщества, а с другой стороны – отделяют их от членов других сообществ и от носителей других языковых культур. Такой ракурс изучения внутри- и межкультурного дискурсивного взаимодействия помещает в фокус исследования феномен несовпадения типичных сценариев дискурсивных действий в аналогичных обстоятельствах у представителей разных языковых сообществ, с точки зрения которых коммуникативное поведение носителей другой культуры оказывается не совсем адекватным, то есть нарушает существующую у них «норму ожидания», которая проявляется «тогда, когда сравнивают действительное с ожидавшимся или привычным» [Арутюнова 1999: 69] (ср. также «structures of expectation» [Tannen 1993: 16]). Целью исследования при этом является анализ причин, обусловливающих такие несовпадения.

Следует отметить, что в рамках такого подхода речь не идет об анализе языковых ошибок (errors) или ошибок языкового употребления (mistakes и lapses) [Corder 1974] как ошибок языковой компетентности. Анализируя неадекватное, с точки зрения носителей языка, дискурсивное поведение неносителей этого языка, которое проявляется в том, что они говорят не то, что ожидается, не так, как принято, и не тогда, когда следует, мы ведем речь не о нарушениях системно-языковой нормы, а об отклонениях от существующих у носителей языковой культуры коммуникативных ожиданий и одновременно пытаемся выяснить, в чем именно состоят эти ожидания. Конечная задача такого анализа состоит в том, чтобы определить, чем обусловлены у носителей разных языков (и культур) повторяющиеся несовпадения в выборе стратегий ведения дискурса в сходных ситуациях общения, и когнитивные модели какого рода активируются у них в ходе коммуникативного взаимодействия в определенном дискурсивном событии. Таким образом, в когнитивной перспективе рассматриваются прагматические аспекты дискурсивной деятельности.

Так, например, в одной из наших работ [Цурикова 2002] с когнитивных позиций исследовались особенности дискурсивного поведения носителей британского варианта английского языка и свободно говорящих по-английски носителей русского языка в обычных бытовых ситуациях выражения благодарности, предложения угощения и приветствия. Основной целью этого анализа было выявление «норм ожидания» носителей английского языка в соответствующих дискурсивных событиях, определение прагматических характеристик осуществляемых ими речевых актов в конкретных условиях общения и установление того, насколько прагмалингвистические особенности дискурса русскоязычных

коммуникантов, говорящих по-английски, соответствуют дискурсивным ожиданиям носителей британского варианта английского языка. В рамках этого исследования у носителей двух языков были выявлены разные когнитивные сценарии, которым они следовали при общении в рамках рассматриваемых дискурсивных событий. Именно различиями в этих сценариях был обусловлен выбор ими разных дискурсивных стратегий и форм их реализации в речи. Такой ракурс исследования вызвал необходимость последовательного сопоставления трех корпусов исследовательских данных, которые были получены в сходных коммуникативных условиях, – речь носителей английского языка, речь носителей русского языка и речь носителей русского языка, говорящих по-английски. Две первые группы данных при этом использовались в качестве контрольных, а в фокусе анализа находился англоязычный дискурс.

Исследования такого рода весьма трудоемки, но крайне информативны. Опыт их проведения на примере разных дискурсивных событий как в устном, так и в письменном формате общения (см. [Цурикова 2002, Цурикова 2008, Цурикова, Зайцева 2010, Цурикова, Руденко 2015, Цурикова, Медведева 2018, Цурикова, Кузьменко 2020]) позволил разработать эффективную методику осуществления когнитивно-прагматического кросс-культурного анализа дискурса, основанную на работе с аутентичным и неаутентичным языковым материалом, в центре которой находится эксперимент как инструмент для получения наиболее информативных исследовательских данных. Такое исследование проводится в несколько этапов, позволяющих получить достаточно репрезентативный эмпирический материал для его статистически значимой обработки.

На первом, предварительном, этапе из аутентичных устных или письменных источников методом сплошной выборки собирается корпус примеров находящихся в фокусе исследования дискурсивных событий, которые реализуются носителями сопоставляемых языковых культур в аналогичных коммуникативных обстоятельствах, и проводится их контекстный анализ. В процессе этого анализа выявляются типичные коммуникативные контексты, в которых данные дискурсивные события встречаются в каждой из сопоставляемых культур, речевые акты, составляющие эти события, и конвенциональные языковые способы их реализации. На основании этих данных определяются значимые для этих контекстов социальные и прагматические факторы, делаются выводы о содержании и характере знаний, на основании которых участники общения взаимодействуют друг с другом в ситуациях такого типа, и строятся модели имеющихся у них прототипических сценариев взаимодействия и их вариантов.

Следующий этап исследования предполагает выявление типичных коммуникативных действий (речевых актов), которые носители каждой языковой культуры считают возможным совершать в рассматриваемых дискурсивных событиях, и способов языкового оформления этих действий. Наиболее эффективным способом получения таких данных является социолингвистический эксперимент с носителями каждого языка, проводимый в форме открытой письменной анкеты, которая составляется на основе типизированных контекстов, выделенных в процессе анализа корпуса примеров, собранных на предыдущем этапе исследования. Вопросы такой анкеты не ограничивают для информантов выбор возможных вариантов ответов, поэтому полученные в результате этой процедуры повторяющиеся формы позволяют сделать вывод о том, что, по мнению информантов, они сами или другие люди должны сделать в предложенной ситуации общения. В то же время, такие ответы не означают, что в реальной коммуникации они на самом деле будут действовать именно так, поскольку очень часто носители языка существенно отклоняются от собственных представлений о том, как следует и как должно говорить и действовать в определенных коммуникативных условиях [House 1993; Kasper 2000]. Соответственно, подобный эксперимент дает возможность выявить осознаваемые и неосознаваемые представления информантов о бытующих в их культуре нормах коммуникативного взаимодействия, с которыми они вступают в общение друг с другом в рамках изучаемых дискурсивных событий.

На третьем, ключевом, этапе исследования проводится эксперимент, моделирующий коммуникативное взаимодействие, максимально приближенное к условиям реального устного общения. Этот эксперимент проводится в форме открытой ролевой игры, в которой при изучении устного дискурса участники должны без подготовки, спонтанно вступить в коммуникацию, контекстные и ситуативные условия которой, выявленные на предыдущих этапах исследования, представлены лишь в самом общем виде. При изучении письменного дискурса условия такой ролевой игры формулируются в виде текстовых заданий с четко заданными контекстными параметрами. В нашем случае это были ролевые игры типа «Приход в гости друга» с одинаковым описанием ситуации, общим для обоих участников («Вы друзья. Один из вас приходит в гости к другому. Хозяин помогает гостю снять пальто. Вы проходите в гостиную, и хозяин предлагает выпить чашку чая») и индивидуальными ролевыми карточками для каждого из них («Вы хозяин»; «Вы гость») [Цурикова 2002], в соответствии с которыми они должны были действовать при полной свободе выбора для них дискурсивных стратегий и их языкового оформления. При исследовании

письменного дискурса это были задания типа «Напишите поздравительную открытку хорошему другу в день его рождения», «Напишите благодарственное письмо партнеру по бизнесу» и т. п.

В таком эксперименте, как уже отмечалось выше, задействуются три группы информантов: носители каждой из рассматриваемых языковых культур и участники, говорящие на иностранном для них языке. Сравнение в аналогичных условиях общения коммуникативных действий респондентов, говорящих на родном и иностранном языке, и анализ актуализируемых в их дискурсе когнитивных моделей дискурсивных событий, позволяет, во-первых, определить, насколько выявленные на предыдущем этапе исследования представления носителей языка соответствуют их реальным дискурсивным действиям в сходных коммуникативных условиях и тем самым выделить дополнительные культурно значимые варианты когнитивных моделей, которые сами носители языка могут не осознавать; во-вторых, выявить сходства и различия в схемах и скриптах аналогичных дискурсивных событий в изучаемых культурах; наконец, при анализе дискурсивного поведения неносителей языка идентифицировать механизмы переноса когнитивных моделей дискурсивного поведения и стратегий их реализации из родной культуры в инофонную и связанные с этим последствия. Полученные таким образом сведения являются достаточно валидными и достоверными и могут быть с уверенностью использованы в дальнейших исследованиях культурно обусловленных структур знания, задействованных в рамках социально значимых дискурсивных практик в разных языковых сообществах.

Подводя итог, следует заметить, что изучение с когнитивных позиций дискурсивного взаимодействия в условиях межкультурного общения позволяет выявлять и анализировать различные виды коммуникативно релевантных знаний и структуры их репрезентации, и рассматривать их в качестве когнитивного основания дискурсивной деятельности носителей определенной языковой культуры, которое обусловливает выбор ими характерных для них стратегий ведения дискурса.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. Обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.

Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2002.

Цурикова Л. В. Дискурсивное событие выражения благодарности в английском и русском языках // Kalbų Studijos: Studies about languages. Kaunas, 2008. № 13. С. 60–70.

Цурикова Л. В., Зайцева Е. В. Проблемы перевода фатических текстов (на материале британских и русских поздравительных открыток) // Социокультурные проблемы перевода. 2010. Вып. 9. С. 43–56.

Цурикова Л. В., Руденко С. В. Прагматическая адекватность формата текста "job announcement"/«объявления о работе», созданного в русскоязычной культуре на английском языке // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. Вып. 6. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. С. 254–263.

Цурикова Л. В., Медведева О. М. Культурная специфика документов социального ритуала похвалы (на материале русского и английского языков)// Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. Вып. 7. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. С. 78–91.

Цурикова Л. В., Кузьменко П. Б. Сопоставление содержательного наполнения англоязычных и русскоязычных статей по лингвистике // Культура и текст. Изд-во: Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул), 2020. С. 144–158.

Corder S. P. The significance of learners' errors // Richards J. (ed.) Error Analysis. London: Longman, 1974. P. 161–170.

House J. Toward a model for the analysis of inappropriate responses in native/non-native interactions // Blum-Kulka S. and Kasper G. Interlanguage Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Kasper G. Data Collection in Pragmatics Research // Spencer-Oatey H. (ed.) Culturally Speaking. London and New York: Continuum, 2000. P. 316–341.

Tannen D. Framing in Discourse. New York, Oxford: Oxford University Press, 1993.

L. V. Tsurikova *(Voronezh, Russia)*
Voronezh State University

EXPERIMENTAL METHOD IN COGNITIVE ANALYSIS OF CULTURALLY FRAMED DISCOURSE BEHAVIOURS

This article explores the role of experiment in studying different culturally bound strategies of discourse behaviour used by native and non-native speakers in the same context, and the cognitive structures that underlie their performance. Experimental methods in cross-cultural discourse analysis produce valid data that provide an important insight into the cultural conditioning of discourse behaviours and into the investigation of the cognitive mechanisms of pragmatic transfers in cross-cultural encounters.

Key words: discourse event, cognitive models, cross-cultural interaction, experiment.

И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
chekulai@bsu.edu.ru, prokhorova@bsu.edu.ru

КОМПОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Данная работа посвящена рассмотрению проблем комбинаторной семантики с позиций интеграции когнитивного и традиционного, структурно-функционального подходов к изучению явлений, обладающих спецификой планов содержания и выражения, требующей комплексного решения с позиций внешне противоречивых взглядов на явления языка и речи.

Ключевые слова: композиционная лингвистика, сочетаемость, когнитивная лингвистика, методы когнитивных исследований.

Одной из важнейших внутренних парадигм научного исследования, пришедших с общей когнитивно-дискурсивной парадигмой в мировое лингвистического сообщества, безусловно является композиционная семантика, понимаемая вслед за Е. С. Кубряковой как «особый раздел семантики, в котором главное внимание уделяется закономерностям объединения знаков в единую семантическую структуру и правилам интерпретации этих структур…» [Кубрякова 2002: 4].

Следует отметить особую роль Е. С. Кубряковой как инициатора популяризации идей и постулатов когнитивной лингвистики в целом и композиционной семантики в частности не только в российской федерации, но и на территории всего постсоветского пространства. Казалось бы, основные положения не только композиционной семантики, но и других важных проблемных узлов лингвистической когнитологии были уже сформулированы в концепциях видных зарубежных ученых в том виде, который едва ли доступен для дальнейших научных интерпретаций. Но Елена Самойловна всегда могла найти своего рода «изюминку», некоторое новое качество исследуемых объектов, которое позволяло им заиграть новыми исследовательскими гранями, а их исследователям – получить новый, весьма и весьма интересный материал для дальнейших научных изысканий.

Что касается «западного» понимания основных проблем этой области лингвокогнитивных исследований, то их следует свести к правилам

интерпретации сочетаемости разноуровневых языковых единиц и выяснения условий их адекватной интерпретации реципиентом сообщения даже в случае аномального использования. Так, P. Jacobson описывает случаи аномального с точки зрения грамматики сочетания слов в высказываниях (типа *The men is singing, *Him is singing, *I dislike to lose at poker) [Jacobson 111] и подчеркивает факт того, что даже не носители, а и достаточно компетентно владеющие данным языковым кодом люди правильно понимают то, что хотел сказать говорящий. Тем самым композиционная семантика в понимании её основного направления в работах европейских, американских и иных зарубежных лингвистов сконцентрирована на разработке не столько общих оснований сочетаемости языковых единиц, сколько на выработке достаточно четких, в какой-то мере «математизируемых» правил соединения одноуровневых языковых единиц в потоке речи и в конкретном дискурсивном проявлении, что вполне объяснимо при современном выходе задач прикладного языкознания на первый план, и что, в свою очередь, объясняется тенденцией к своего рода «цифровизации» лингвистических исследований для адаптации корпусов языковых знаний к их дальнейшей компьютерной обработке для составления эффективных архивизаторов и иных компьютерных преобразователей языковой информации.

Е. С. Кубрякова, тем не менее, указывает более важное, по крайней мере, с нашей субъективной точки зрения, направление исследования сочетаемости языковых единиц, которое в определённой мере является продолжением данного в его традиционном, структурно-функциональном фундаментальном понимании, а именно: «По сути дела композиционная семантика занимается содержанием *любых* [курсив наш – *И. Ч., О. П.*] синтагматических последовательностей – цепочек знаков, демонстрирующих собой целостные единства и моделируемых по особым правилам» [Кубрякова 2002: 4]. На наш взгляд, это более последовательный с научной точки зрения подход, поскольку прикладное знание более эффективно, если своим появлением оно обязано не менее тщательному фундаментальному исследованию. Для эффективного решения проблем композиции языковых и речевых структур необходимо изучение различных композиционных моделей и паттернов сочетаемости языковых знаков на всех уровнях языковой иерархии – от фонологического до текстового.

Хотелось бы подчеркнуть ещё один важный момент, имеющий отношение к развитию принципов композиционной семантики в идеях, высказанных Е. С. Кубряковой. В частности, она утверждает следующее положение: «…проблемы организации семантических структур разных единиц

языка исследуются здесь [в рамках общей когнитивно-лингвистической теории – *И. Ч., О. П.*] как проблемы объективации этими единицами разных *структур знания*, как проблемы участия этих единиц в процессах концептуализации и категоризации мира. На первый план здесь выходят задачи объяснения *несводимости* значения целого к значениям его частей и отношений между ними, т.е. в конечном счете – задачи объяснения феномена языка, именуемого "лексикализацией", "идиоматизацией", или же blending, "слиянием", "сплавом"» [Кубрякова 2002: 5–6]. Иными словами, в любом языковом коде многочисленными являются случаи сочетания языковых знаков в моделях языка и в конкретных речевых условиях общения, которые не являются простой «арифметической» суммой составляющих её компонентов, а образуют новое по своим существенным характеристикам образование. Таково, например, словосочетание русского языка «старый Новый год», где уже предпоследний и последний компоненты не являются простым сложением прилагательного «новый» и существительного «год», а подвергаются тому, что Елена Самойловна называет «идиоматизацией», а третий компонент является дополнительной модификацией полученного идиоматического образования.

В принципе, идея отличности общего полученного комбинаторного результата от составляющих компонентов в лингвистике не нова. В «Стилистике английского языка» И. Р. Гальперин высказывает мысль о том, что эффект от использования синтаксического стилистического средства создается именно благодаря тому, что значение синтаксической единицы хотя и складывается из отдельных значений составляющих её слов и словосочетаний, но она не просто «складывает их в штабель», является не просто контейнером для размещения отдельных значений, наполняющих данную синтаксическую структуру вещей, а имеет своё собственное содержание [Гальперин 1981: 193]. Е. С. Кубрякова экстраполирует данное концептуальное положение и на уровни других значимых единиц, что в связи с когнитивным пониманием системы языка как непрерывного континуума [Langacker 1987] позволяет по-новому, с иной, неожиданной позиции взглянуть на проблему сочетаемости языковых единиц.

Более того, в этом отношении представляется релевантным пойти далее и экстраполировать данное положение и на единицы, которые значением как таковым не обладают. На наш взгляд, это касается единиц фонетического уровня (если не пренебрегать установившейся в лингвистике традицией понимания языковой системы как иерархическо-уровневой), а также морфологических единиц. В частности, во многих

языках имеются случаи изменения звучания суммарной композиционной единицы (СКЕ) в зависимости от сочетания в её пределах отдельных фонов. В русском языке, например, являющееся результатом слияния слов в модели адъективно/местоименно – именного словосочетания «сей + час», в просторечии звучит как «щас/щаз», или «сичас», что по формальным признакам соответствует основным положениям композиционной семантики и даёт основания говорить о «композиционной лингвистике». В английском языкознании широко известны контаминированные формы сочетания модальных или вспомогательных глаголов с отрицательной частицей типа can + not = can't, shall + not = shan't или же такие фонетические варианты сочетаний слова-полнозначной единицы языка с предлогом или послелогом, как come + on = c'mon, get out of here = get outa here в просторечном звучании. Более того, в этих случаях такие сочетания звуковых комплексов, морфов или служебных слов приобретают особый род значения – стилистическое, поскольку все они являются маркерами просторечия или иной данности сниженного стилистического употребления.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что проблемы композиционной семантики в их ставшей «классической» западной интерпретации не являются застывшими, «высеченными в камне скрижалями» когнитивно-лингвистической науки, а нуждаются в их дальнейшем развитии, в выдвижении альтернативных теорий и гипотез комбинаторики языковых единиц.

Какое же отношение имеет данная тема к поставленному вопросу, во-первых, о реальном наличии специфических методов когнитивных исследований, а, во-вторых, о степени адекватности этих методов по сравнению с традиционно признаваемыми в лингвистике методами, например, компонентным анализом, контекстуальным анализом, методом оппозиций или непосредственных составляющих и другими?

На первый вопрос можно дать ответ сразу же – безусловно, методы когнитивно-лингвистического исследования не просто реально существуют, а представляют собой научные процедурные механизмы, без которых невозможно обойтись на современном уровне научно-лингвистических исследований. Невозможно представить себе полноту семантического анализа речевого произведения без концептуального анализа семантики слова, метода исследования концептуальной метафоры, метода фреймового моделирования и ряда других специальных методов когнитивно-лингвистического исследования, равно как и комбинированного использования данных методов в органическом переплетении с процедурами

таких общепризнанных методик, как этимологический анализ, полевой метод, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ и другие.

В то же время вопрос, поставленный в тему Круглого стола, как можно предполагать, является несколько категоричным. Возьмём первую из указанных интерпретаций: когнитивные методы являются объектом гордости представителей данной парадигмы научных исследований. Здесь срабатывают рассуждения сугубо морально-этического характера. Поставим вопрос следующим образом: могут ли ученые гордиться достижениями, в том числе методами и методиками, той научной парадигмы, представителями которой они являются? Позиционируют ли они себя как некоторое особое научное сообщество среди равных, но имеющих отличные от них точки зрения на исследуемую и в то же время общую для всех проблему? История показывает, что, если в определённом человеческом социуме, неважно, мировое ли это сообщество или просто дворовая компания, понимание одними себя выше других ведет к разрушению этого социума как такового.

Альтернатива данной точке зрения также представляется некорректной, но с несколько иных позиций. Что могло бы вызвать предубежденность в отношении релевантности когнитивных методов исследования в такой мере, чтобы вопрос был поставлен именно таким образом? Очевидно, приведенный выше тезис о безусловной релевантности собственно когнитивных методов исследования и их сочетания с традиционными методиками нуждается в дополнительных доказательствах. Единственное, что можно отметить в качестве недостатка методической концепции когнитивной лингвистики – это то, что зачастую феноменам, которые не получают адекватного объяснения с позиций основных когнитивных постулатов, отказывается в статусе явлений, которые можно достаточно адекватно исследовать. Возьмём указанный выше случай с ненормативным произношением некоторых слов и словосочетаний русского языка. Произношение «щас» можно объяснить ассимиляционными фонетическими процессами, подобными тем, которые происходят в словах счастье, рассчитать, счетчик, где комбинация аллофонов таких фонем, как [с] и [ч]; его можно объяснить синкопой сочетания гласного [е] и полугласного [j], но ни один из методов, применяемых в фонологии, не может объяснить причину процессов, имеющих место в такой достаточно часто встречающейся реакции на письменное сообщение или видеосюжет в интернет-чатах, как «я ваще пацталом», хотя определенные общие онтологические характеристики обеих единиц не подлежат сомне-

нию. Здесь безусловно необходимы методы когнитивно-семантического и стилистического исследования.

На наш взгляд, момент «когнитивной предубежденности» существует лишь в том отношении, что зачастую в когнитивной лингвистике встречается такое отношение отдельных исследователей, что какая-либо альтернативная когнитивной точка зрения в связи с определённым языковым или речевым феноменом такими исследователями отвергается как абсурдное. В то же время существуют случаи, где с объективной, непредвзятой точки зрения и когнитивное, и «структурное» объяснения некоторого проблемного узла или отдельного явления представляются релевантными в равной мере. Как, например, ставя в качестве основной схемы категоризации знаний о мире выделение базового, суперординатного и субординатного уровней категоризации явлений (в когнитивной лингвистике), объяснить различия между такими безусловно категориальными понятиями, а точнее говоря, категориально-ценностными концептами [Чекулай 2006], как ДОБРО и ЗЛО, возникающими на их противоположении? Если мы различаем лексемы, выраженные словами *испугать* и *запугать*, то на каких когнитивных основаниях мы это делаем? Почему мы видим различие между высказываниями *Испугали ребёнка до смерти* и *Запугали ребёнка до смерти*? И в этом случае наиболее релевантным представляется объяснение на позициях дифференциации данных лексем и соответствующих высказываний как оппозиции признаков «однократное действие («*испугать*»): систематическое, повторяющееся действие («*запугать*»)».

Вместе с тем нетрудно заметить, что в композиционном плане два высказывания внешне представляются идентичными, но в качестве пользователей языком мы видим их композиционно-содержательные различия. Но мы можем продолжить исследование сочетаемостных характеристик этих слов, предлагая различные модели сочетаемости этих лексем опять-таки на оппозитивных принципах и обнаружить указанные категориальные различия уже и в плане выражения. Так, например, можно *испугать неожиданно*, но нельзя **запугать неожиданно*. Таким образом, композиционно-семантические исследования могут быть проводимы и на структурных оппозитивных основаниях.

Все изложенные выше соображения позволяют прийти к следующему выводу. Необходимость объединения исследовательских усилий когнитивных лингвистов и сторонников традиционных взглядов на систему языка является необходимым условием гармонического развития лингвистики – и фундаментальной, и прикладной – как в настоящий момент,

так и в последующие годы. Сторонники как структурно-функционального подхода, так и когнитивно-лингвистических исследований должны встречаться не как соперники, а как союзники, и тогда лингвистическая наука станет не полем сражения, где престиж языкознания как науки медленно, но неуклонно снижается (о чём свидетельствуют суммы, выделяемые на НИОКР в областях естественно-научных, иных гуманитарных и социальных наук и лингвистики в частности), а могучим полигоном научного взаимодействия изучения языка как основного средства существования человеческого социума как явления.

Литература

Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. Учебник. 3-е изд. М.: Высш. школа, 1981.

Кубрякова Е. С. Композиционная семантика: цели и задачи // Когнитивная семантика: материалы третьей Международной шк.-семинара по когнитив. лингвистике, 18–20 сент. 2002 г. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. В 2 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. С. 4–6.

Чекулай И. В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: дис. … д-ра филол. наук. Белгород, 2006.

Jacobson P. Compositional Semantics: An Introduction to the Syntax / Semantics Interface. Oxford: Clarendon Press, 2014.

Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987.

I. V. Chekulai, O. N. Prokhorova *(Belgorod, Russia)*
Belgorod State National Research University

COMPOSITIONAL SEMANTICS: THE MODERN STATE AND THE PERSPECTIVES OF POSSIBLE DEVELOPMENT

This paper is dedicated to the investigation of the combinatorial semantics on the ground of the integrative approach on both cognitive and traditional, structural and functional approaches to the linguistic study of the phenomena that have specific expressive and content planes, this problem demanding its complex solution from the standpoints of outwardly contrary ideas of the language and speech phenomena.

Key words: compositional semantics, compatibility, cognitive linguistics, methods of cognitive linguistics.

III. ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ: ПРЕИМУЩЕСТВА И ОГРАНИЧЕНИЯ

И. Д. Баландина, Л. П. Юздова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
irfrish@mail.ru, uzdovalp@cspu.ru

МЕХАНИЗМЫ ТОПОНИМИЗАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье описаны механизмы топонимизации, благодаря пониманию которых когнитивистика продвинется в понимании принципов мышления человека. Отмечается, что когнитивный аспект исследования топонимов предполагает изучение механизма восприятия, который связан с ассоциативностью мышления человека. Проанализированы современные топонимы, отмечена схожесть, идентичность некоторых топонимов, которые названы топонимическими дублетами.

Ключевые слова: когнитивистика, топонимика, топоним, топонимический дублет, топоним-дублет.

Любая серьезная наука создается не одним поколением людей, она имеет длительную историю. Когнитивистика не является исключением. На современном этапе своего развития она представлена как объемная междисциплинарная научная область, которая исследует процесс мышления человека, осуществляет попытки понять и объяснить механизмы мыслительных процессов. Попытки понять, как осуществляется человеческое мышление, ученые осуществляли на протяжении длительного времени, и в 21 веке продолжают вестись поиски в этой области.

Считаем, что продвинуться в понимании принципов человеческого мышления когнитивистике поможет другая наука – топонимика.

Географические названия способны существовать на протяжении многих веков. Уходят люди, иногда исчезает даже язык, на котором говорили те, кто дал название определенной местности, но остаются,

как отпечатки, следы мыслительных процессов людей. Не вызывает сомнения, что необходимо собирать и исследовать топонимы, тщательно анализируя их, отыскивая в географических названиях ответы на вопросы о человеческом мышлении.

Поняв механизмы топонимизации, когнитивистика, возможно, продвинется в понимании принципов мышления.

Человек с древних времен номинировал места своего обитания. Сначала это были элементарные нарицательные существительные типа «река», «лес», затем по мере освоения окружающего пространства человеку для обозначения местности понадобились имена собственные для того, чтобы выделить единичные объекты местности из множества других однотипных объектов. В качестве топонимов использовались не только слова, но и сочетания, и словосочетания. Процесс топонимизации прошел довольно долгий путь.

Когнитивный аспект исследования топонимов предполагает изучение механизма восприятия, который связан с ассоциативностью мышления человека. Ассоциация – «связывание двух явлений, двух представлений, двух объектов и т. п., обычно стимула и сопровождающей его реакции» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1997: 13].

Анализируя современные топонимы, мы отметили схожесть, иногда идентичность некоторых топонимов, которая прослеживается не только во внешнем облике, но и в определенной мере в принципах номинации. Мы условно номинировали такие названия *топонимическими дублетами*. Отмечает наличие большого количества похожих названий на современных картах и К. Б. Самтакова; ученый считает, что образ жизни народа естественно отражается и на образе мышления, все это фиксируется в номинации местности [Самтакова 2008]. Наличие «территориальных дублетов» отмечает и Л. А. Нефедова [Нефедова 2018].

В качестве объяснения явления дублетности можно назвать различные причины, среди которых – *сходство окружающей действительности и вследствие этого появление идентичных или схожих номинаций местности*. Топонимические дублеты, возникшие по этой причине, можно условно разделить на две категории: дублеты в рамках одной территориальной общности (страны, республики и т. п.), дублеты в рамках разных территориальных общностей (в разных странах, государствах и т. п.). При этом последние могут как иметь сходное звучание в результате сходства языков жителей данных регионов, так и переводиться идентично, имея при этом различный звуковой образ. Считаем, что возникновение топонимических дублетов непосредственно связано с принципами категоризация окружающей действительности, универсального процесса,

свойственного человеку. Соответственно, логично предположить, что при номинации географических объектов человек выстраивает связи и параллели с уже известным ему, обращая внимание на самое актуальное и запоминающееся. Именно поэтому в топонимической системе одного этноса может быть несколько *озер Песчаных* или *сел Глинских*. При нескольких этносах, населяющих одну территорию, у географической локации может быть несколько наименований в зависимости от этноса.

Наиболее интересным примером представляется межъязыковое сходство, когда разные этносы сходным образом категоризируют действительность, в результате возникают акустически разные топонимы, но с одинаковым значением: *Бобровая – Кондузля*, *Елшанка* (рус., елха = ольха) – *Зерикла* (*Ирикла*) (ольховая – башк.). Этот вывод представляется важным. Несмотря на разницу в менталитете и когнитивных процессах, есть некие универсальные мыслительные операции, которые представители разных этносов осуществляют в процессе номинации географических объектов, выделяя для себя как наиболее актуальные одни и те же аспекты.

Ассоциативность является общечеловеческим принципом мышления, она проявляется и в топонимизации. Ассоциативность номинации географических объектов – это начало ассоциативной цепочки, устанавливающей связь между производной и производящей номинативными единицами-топонимами. Ярким примером этого является существование мемориальных топонимов-дублетов. Мемориальный топоним по ассоциации создается на основе топонима, который уже существует для обозначения другого территориального объекта. Это делается с целью сохранения в памяти носителей языка чего-то такого, что связано с фактами, событиями, относящимися к первичному, производящему топониму. Мемориальные топонимы – это названия-памятники. Например, село *Варна* (Челябинская область) получило свое название в память о турецкой крепости Варна, взятой в 1828 году. Село *Берлин* (Челябинская область) основано как поселение войска казаков и получило название в честь взятия Берлина в 1760 году русскими войсками. Село *Париж* (Челябинская область) было названо в честь казаков, которые приняли участие в войне 1812 года. Примеров топонимов-дублетов предостаточно.

Топонимизация – процесс, раскрывающий принципы человеческого мышления, топонимы следует изучать как факт деятельности ментальных структур носителя языка. Номинативная единица в целом понимается как соотнесенность языковых форм с их когнитивными аналогами или как процесс и результат объективированного осмысления действительности

[Кубрякова 2004: 58, 322]. Номинация всего, что окружает человека, является одной из основных функций языка и речи и «предполагает способность языковой системы называть и вычленять фрагменты действительности, формируя понятия о них в виде слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [Телия 2002: 336]. Топонимы-дублеты выполняют функцию отражения, воспроизводя тот или иной факт действительности, в нашем случае исторические факты. Мемориальные топонимы в абсолютном большинстве отражают процесс переноса номинации одного населенного пункта на номинацию другого населенного пункта с целью фиксирования событий, связанных с этим местом. Осуществляется процесс метафоризации, то есть перенос значения с элементом расширения значения: воспринимается и название места, и историческое событие, связанное с этим местом. Таким образом, осуществляется языковая репрезентация историко-культурных фактов. Когнитивный механизм сохраняет в исторической памяти носителя языка определенное событие, связанное с определенным местом. В мемориальном топониме отражается гордость за предков носителя языка. Отметим, что номинации-дублеты, связанные с названиями таких значимых, известных во всем мире городов, как Париж, Варна, их перенос на номинации небольших и неизвестных населенных пунктов Челябинской области имеет эстетическую составляющую. Эти номинации, безусловно, звучат красиво, и места, названные так, должны и выглядеть красиво.

В целом в топонимах-дублетах представлена глубинная мотивированность, не лежащая на поверхности, данная для понимания носителем языка только после лингвокультурологического и исторического осмысления. Этим и интересны с научной точки зрения мемориальные топонимы, в этом, очевидно, и заключена их долговечность, которая объясняется подтекстом, не лежащим полностью на поверхности. Мемориальные топонимы-дублеты работают на фиксацию, хранение и использование информации. Их полноценное, качественное восприятие обусловлено потенциальным стимулом получения исторической информации носителями языка. Этот механизм восприятия связан с ассоциативностью нашего мышления, которая дает первый толчок для их осмысления. Носитель языка, пытаясь связать топонимы-дублеты, первичное, производящее, наименование местности и вторичное, производное, узнает, возможно, неизвестную ему до этого информацию. Таким образом, мемориальные топонимы-дублеты выполняют важную функцию в сохранении исторически важной информации.

Ученые неоднократно осуществляли и осуществляют попытки понять принципы человеческого мышления, в том числе и через призму топони-

мизации. Так, А. В. Барандеев размышляет о причинах появления в языке топонимов-дублетов, предлагает их классификацию [Барандеев 2020].

Мы рассмотрели лишь некоторые механизмы топонимизации, отражение в них принципов мышления человека. Исследование топонимов-дублетов в различных языках впереди.

Литература

Барандеев А. В. Топонимы-дублеты: причины появления и специфика лексикографического описания // Русский язык в школе. 2020. Т. 81. № 3. С. 83–88.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Нефедова Л. А. Диатопическая вариативность немецкого языка как причина лексической полионимии (на материале культурно-маркированной лексики) // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронежский государственный технический университет (Воронеж). 2018. № 3 (39). С. 19–31.

Самтакова К. Б. Сравнительный анализ топонимики монгольского и Южного Алтая в историко-лингвистическом аспекте // Филология и человек. 2008. № 1. С. 146–152.

Телия В. Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.

I. D. Balandina, L. P. Yuzdova *(Chelyabinsk, Russia)*
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

MECHANISMS OF TOPONIMIZATION AS A REFLECTION OF THE PRINCIPLES OF HUMAN THINKING

The article describes the mechanisms of toponymization, thanks to the understanding of which cognitive science will advance in understanding the principles of human thinking. It is noted that the cognitive aspect of the study of toponyms involves the study of the mechanism of perception which is associated with the associativity of human thinking. Modern toponyms are analyzed, the similarity, identity of some toponyms, which are called toponymic doublets, are noted.

Key words: cognitive science, toponymy, toponym, toponymic doublet, toponym-doublet.

***Г. П. Берзина** (Новосибирск, Россия)*
Новосибирский военный институт
имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии РФ
bgp55@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ АНАЛИЗЕ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Методы когнитивного анализа ориентированы на выявление структуры коммуникативной ситуации, основанной на реконструкции по данным языка ментальной структуры знания, что может стать основой для изучения уступительных отношений в языке. В статье показано, что когнитивный анализ с применением образ-схем помогает установить взаимосвязь когнитивных структур с языковыми формами, выражающими уступку.

Ключевые слова: когнитивный анализ, дискурсивная практика, уступительная ситуация, антропоцентризм, языковая форма.

В лингвистическом научном ареале понимание дискурсивной практики базируется на её осмыслении как деятельности и социального опыта, данного в непосредственном наблюдении. Применительно к языку дискурсивная практика задаёт условия осмысления повседневного языка, в понимании Л. Витгенштейна, как *формы жизни* [Витгенштейн 1994]. С метафорической точки зрения, окружающий нас мир – это огромное пространство, которое физически и концептуально делится на множество других пространств, вмещающих различные объекты и события, которые, так или иначе, соотносятся друг с другом, то есть связаны пространственными отношениями. Вступая в мир, человек, как отмечает Н. Н. Болдырев, вступает в разные типы отношений, иерархий, зависимостей, которые метафорически представляются и характеризуются через различные типы пространств и пространственных отношений [Болдырев 2014: 46].

Согласно мнению Е. С. Кубряковой, познание новой реальности языка, «обозначенной термином дискурс, как и познание намеченных в содержании термина отдельных его аспектов, обещает раскрыть нам немало интересных черт в поведении языка и его использовании, а значит, расширить наши представления о его природе и роли для человека» [Кубрякова 2012: 125]. Цель данного исследования – выявить специфику реализации дискурсивной практики уступительной ситуации с применением когнитивного подхода. Методологическую основу исследования

составляет теория дискурс-анализа, а именно понятие дискурсивной практики как вербализованного аналога практики социальной.

Языковым материалом данного исследования послужили данные сплошной выборки из Мангеймского корпуса немецкого языка [COSMAS Corpora]. В работе под *дискурсивной практикой* понимается социально устоявшаяся в речи последовательность речевых поступков по решению коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах межличностного общения.

На первом этапе когнитивного анализа дискурсивных практик уступительных ситуаций, репрезентирующих уступительные отношения *obwohl P, Q*, важно выявление когнитивных структур знаний, имеющих отражение в языковой форме. Когнитивной основой уступительных отношений можно считать схему движения *вперёд / назад,* которая возникает на основе опыта, основанного на физических ощущениях. Перемещение *вперёд / вверх* связано с положительной оценкой, перемещение *назад / вниз*, *отступление* окрашено отрицательной оценкой: nachstehen, zurückstehen; jmdm. unterliegen sein, unter jmdm. stehen / jmdn. um vieles übertreffen, jmdm. in etw. über sein.

(1) Die Franken unterlagen beim Europa-League-Anwärter Mainz sang- und klanglos mit 0: 2 (COSMAS Corpora).

(2) Die Panzerplatten übertrafen bei weitem an Dicke die stärksten Blechplatten, die man bis dahin hergestellt hatte [URL: http://www.dwds.de/].

(3) Die Deutschen wollen ja den Amis in nichts nachstehen, auch nicht bei der Anti-Raucher-Kampagne (COSMAS Corpora). Er steht seinem Freund an Kenntnissen nach.

Морфологический анализ лексем *nachstehen* и *zurückstehen* позволяет выделить основу глаголов *-stehen-* и отделяемые глагольные приставки *nach-* и *zurück-*. Концептуальное содержание отделяемых приставок *nach-* и *zurück-* предназначено для обозначения движения вслед, за кем-то, указывает на отставание, на движение назад (*zurück-),* включает отрицательное коннотативное значение (zurücktreten; mit zwei Toren; zurückliegen, zurücksetzen; zurückweichen; hinter jmdn. in etw. zurückfallen).

(4) Obwohl die jungen Damen den Burschen in der Ausbildung noch in der Praxis nachstehen, schrecken sie vor technischen Berufen immer noch zurück (COSMAS Corpora).

Лексико-семантический вариант глагола nachstehen *zurückstehen* (hinter jmdm.), *zurückgesetzt sein; nicht gleichkommen,* по нашему мнению, связан с перемещением по вертикальной и горизонтальной плоскости пространства, то есть с переменой места субъектом в локусе. В пере-

мещениях данного типа представлено движение, которое направлено к точке, находящейся в верхней части вертикальной оси, либо от этой точки к ориентиру, расположенному на горизонтальном уровне, либо ниже. Переход от одной изолированной части к другой приводит к перемещению в вертикальном пространстве, то есть к подъёму (движение *вверх*) или спуску (движение *вниз*), которое влечёт за собой обязательные изменения, то есть изолированные части пути, участки поверхности становятся разноуровневыми, они расположены на разной высоте, один участок выше, другой ниже (*höchste Stufe, auf niedriger Stufe, bei jeder Stufe, auf derselben Stufe stehen; unter / über jmdm. stehen; jmdm. unterliegen sein*).

Рассмотрим подробнее схему излома прямолинейного пути, которую можно рассматривать как прообраз когнитивной структуры многочисленных уступительных дискурсивных практик, основанных на социальном опыте человека. Так, при восприятии движения наиболее существенными оказываются три параметра: исходный пункт *A*, конечный пункт *D* и путь (*трасса*), траектория движения *ABCD*. Субъект может находиться выше точки *B* или ниже точки *D*, быть на одном уровне *AB* или *CD*. Прохождение пути *AB* происходит на одном уровне, при этом путь *AB* имеет границы своей протяжённости. В определённой точке (*B*) происходит излом, нарушение прямолинейного движения, или обрыв пути *AB*. Движение продолжается ниже (на расстоянии *BC*), из точки *C*, образуя другой ограниченный путь *CD*, который может быть равен *AB* и иметь конечную точку пути *D*.

В наивной картине мира пространство отображается на основе места или положения одного объекта относительно другого. Есть *P*, то есть субъект восприятия и речи, и окружающее пространство, которое воспринимается субъектом речи *P* как *вместилище*. Восприятие, оценка и номинация пространственной структуры в целом часто зависит от направления взгляда субъекта восприятия, наблюдателя. Если субъект *P* находится на отрезке *CD*, а субъект *N* занимает отрезок *AB*, то это значит, что он находится выше субъекта *P* по каким-то характеристикам, качествам, параметрам измерения (auf der höchsten Stufe stehen), это нахождение (верх) имеет положительную оценку (+).

Если же субъект *P* располагается на отрезке *AB*, то субъект *N* находится ниже (auf einer niedrigen Stufe stehen) имеет отрицательную оценку (–). Однако субъект *P* и субъект *N* могут занимать вместе отрезок *AB* или *CD*, в этом случае они равноценны (mit jmdm., etw. auf gleicher oder derselben Stufe stehen). Das stelle sie auf eine Stufe mit rassistischen Verbrechern.

В уступительных высказываниях (1–4) содержится смысл, указывающий на неравное расположение характеристик, качеств, состояний (*выше / ниже*) согласно точке обзора наблюдателя. В содержательном плане градация связана с реализацией в языке понятийной категории качества, с качественным различением в степени проявления одного и того же признака. Когнитивная сущность сравнения (сопоставления) связана с понятиями сравнения, противопоставления, несоответствия с обязательным присутствием мыслительной операции установления сходства или различия определённых свойств, характеристик. В высказываниях, в которых происходит противопоставление качеств, признаков, свойств субъекта или объекта, может появиться уступительный смысл.

(5) Je *kleiner* die Stufe ist, desto *größer* sind wiederum die grundrechtlichen Probleme (COSMAS Corpora).

Употребление антонимов *klein* и *groß* связано с оценкой тех или иных качеств, признаков, свойств как противоположных с определённой точки зрения, отсчёта. Материал для сравнения берётся говорящим из прошлого социального или индивидуального опыта. Ориентационная образ-схема движения *вверх / вниз* содержит опыт, основанный на физических ощущениях. Базовая логика: то, что находится *наверху*, получает положительную характеристику, а то, что находится *внизу*, – отрицательную. Данная схема, как и схема *вперёд / назад,* может пониматься как иерархическая система: an Talent tief unter jmdm. stehen.

В структурной образ-схеме *часть* / *целое* часть предполагает непосредственную включённость, существование в рамках целого. Отдать часть своей собственности (конкретной или абстрактной), *уступить* (отдать из страха или в угоду кому-то, преследуя какую-либо цель) часть целого и тем самым лишиться, потерять что-то с какой-либо целью во благо себе: aus der Hand geben; die Ware überlassen*;* das Eigentum übertreten; Wellness den Privaten überlassen; неотделяемая приставка *über-* указывает на передачу чего-либо кому-либо.

(6) Als Eigentümer der ehemaliger Brüderer-Fabrikliegenschaft an der Bildstockstraße hat er den jungen Triebwerk-Kulturveranstaltern die Räume überlassen (COSMAS Corpora).

(7) Dann würde Piotr Trochowski auf links ausweichen (COSMAS Corpora).

(8) Sie mußten ausweichen, um Unfälle zu vermeiden (COSMAS Corpora).

Нелинейность включает в своё концептуальное содержание концептуальный признак *прерывность*. Лексема *ausweichen* в высказываниях (7–8) указывает на прерывание и изменение прямолинейного

движения в развитии дискурсивного сценария события. В самом общем виде движение – это изменение вообще, всякое взаимодействие материальных объектов, источником движения является внутренний или внешний импульс. Движение, приводящее к перемещению в пространстве, может быть обусловлено различными силами: силы могут быть в самом носителе движения (*цель, желание*) или же воздействовать на него извне (*приказ, правила, угроза жизни*).

Образ-схема *препятствие* в высказываниях (6–8) представляет собой уступообразный путь с изломом прямой линии движения. Точка *B* на прямой *AB* может представлять собой какое-либо природное, искусственное, ментальное, эмоциональное препятствие, которое мешает субъекту продолжить прямолинейный путь. Препятствие указывает на прекращение прямолинейного движения, что свидетельствует о начале изменений. Столкновение с препятствием (преградой) аккумулирует опыт взаимодействия человека с природой, взаимодействия между участниками дискурсивных событий.

Понятие *препятствие* можно определить следующим образом: обстоятельство *A* является препятствием для некоторого события *B*, если добавление A к нормальным достаточным условиям *B* превращает эти условия в недостаточные для *A*. Лексема *ausweichen* в высказываниях (39–40) сигнализирует о начале изменений, источником препятствия выступают движущиеся прямолинейно автомобили. Препятствие выступает как помеха, задерживающая какие-либо действия или развития чего-либо, стоящая на пути осуществления цели. Образ-схема *препятствие* связана с образ-схемой *принуждение*, которая аккумулирует опыт передвижения под влиянием внешних или внутренних сил.

(9) Trotz der schlechten Resultate ist die Stimmung im Team noch immer gut… (COSMAS Corpora).

Предлог trotz сигнализирует о возникшем препятствии для спортивной команды, плохие результаты выступают источником препятствия, сигнализирующем о начале изменений в сценарии события, потому что прекращается прямолинейное движение. Однако, несмотря на то что P (schlechte Resultate), происходит Q (die Stimmung ist noch immer gut).

Таким образом, перемещение в пространстве – это один из видов разнопланового взаимодействия объектов действительности в окружающем материальном мире, включающем в себя несколько вариантов локализации: событийно-динамическую (перемещение объектов), предметно-соотносительную (местонахождение предметов относительно друг друга), на базе которых сформировались онтологические, ориентаци-

онные, структурные образ-схемы концептуального содержания категории уступительности. Трансформация образ-схемы – один из многих типов когнитивных связей, которые могут лежать в основе расширения объёма категории, интерпретации характеристик уступительного концепта.

Концептуальное пространственное значение, как компонент содержания уступительного концепта, в своём становлении прошло несколько этапов, эволюционируя под влиянием разнообразных условий картины мира. Предположительно, что на первом этапе своего формирования уступительный смысл отражал элементарное и обыденное знание о такой ситуации, как перемещение в пространстве, освобождение (*добровольное* или *вынужденное*) места в пространстве / уступить место (перемещения *назад / вперёд / в сторону*; *einräumen*).

(10) Mein Gastfreund hatte mir die nämlichen zwei Zimmer eingeräumt (COSMAS Corpora).

Место в пространстве, которое занимает субъект *A*, переходит другому субъекту *B*, происходит смена (или замена) пространственных позиций, субъект *A* лишается места, части своего пространства. В понятие перемещения обязательно входит значение преодоления некоторого пространства, на базовом уровне категоризации можно выделить концептуальные признаки с различными оттенками смысла (*перемещение, замена, лишение, изменение, излом прямой линии, неравенство*). Понятие места связано с актуализацией признака пространственной определённости объекта, а также с актуализацией признака пространственной упорядоченности вещей.

Наличие места, прикреплённость к месту как признак его обладания получает положительную оценку. Параметр предметного наполнения места связан с актуализацией переносных значений лексем. Концептуальное значение подвижно и интерпретируется человеком постоянно, со временем *смена места, лишение места* происходят не только в конкретном пространстве и в исходном образе, но и в абстрактном, ментальном пространстве (*einen Fehler einräumen, Probleme einräumen, Niederlage einräumen*). В связи со сказанным, уместно напомнить мнение Н. Н. Болдырева о том, что типы и виды пространств, которые конструирует человек в языковой форме на системном и дискурсивном уровнях, представляют собой формы концептуализации и категоризации его опыта взаимодействия с миром живых и не живых объектов, миром вещей и идей, включая их интерпретацию и оценку [Болдырев 2015: 34].

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что интерпретация отношений человека с окружающим миром связана с позна-

вательной активностью языковой личности и реализуется в селективной, референтной, порождающей, идентифицирующей, характеризующей, языковой, классифицирующей и нормативно-оценочной интерпретации.

Антропоцентрический принцип исследования дискурсивных практик на примере пространственных отношений соотносится с точкой зрения говорящего. Выделенная специфика интерпретации пространственных отношений используется сознанием человека как когнитивный механизм для формирования интерпретирующего потенциала уступительного концепта, реализующегося в многочисленных уступительных дискурсивных практиках.

Литература

Болдырев Н. Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIII. С. 42–48.

Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5–12.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

COSMAS Corpora – Мангеймский корпус немецкого языка DeReKo. URL: http://www.cosmas2.ids-mannheim.de/ (дата обращения: 26.03.2020).

G. P. Berzina *(Novosibirsk, Russia)*
Novosibirsk Military Institute
named after General of the Army I. K. Yakovlev
of National Guard Troops of Russian Federation

COGNITIVE APPROACH IN ANALYSIS OF DISCURSIVE PRACTICES

Various methods of cognitive analysis are focused on identifying the structure of a communicative situation based on the reconstruction of the mental structure of knowledge, which can be used as the basis for investigating concessional relations in language. It is demonstrated in the study that cognitive analysis based on image-schemas helps to establish the relationship of cognitive structures with linguistic forms denoting concession.

Key words: cognitive analysis, discursive practice, concessional situation, anthropocentrism, linguistic form.

И. В. Вашунина *(Москва, Россия)*
Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ/
Московский государственный лингвистический университет
vashunina@yandex.ru

М. В. Зимина *(Нижний Новгород, Россия)*
Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина
zimina2312@yandex.ru

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕНТАЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ

В статье представлен обзор проведенных авторами экспериментальных исследований, в ходе которых были получены уникальные научные данные. В то же время существует ряд серьезных проблем, которые необходимо учитывать при организации и проведении экспериментов: выборка испытуемых, субъективность интерпретации и привлечение нелингвистического знания.

Ключевые слова: экспериментальные методы, ментальные репрезентации, семантический дифференциал, ассоциативная методика, креолизованный текст, базовые ценности.

Репрезентация мира в ментальности говорящих (так кратко характеризует эту отрасль лингвистических исследований Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2012]), является центральной проблемой когнитивной лингвистики. Экспериментальные исследования находятся на переднем крае научной работы: выдвинув гипотезу, ученый ждет ее подтверждения от носителей языка/ представителей лингвокультуры. Чем более оригинальна методика эксперимента, тем больше смелости требуется ученому, чтобы быть готовым сделать любые, даже самые неожиданные выводы. Е. С. Кубрякова отмечает: «…Лингвиста… должны интересовать не только вербальные репрезентации – это входит в наши служебные обязанности. Но оказывается, что даже невербальные репрезентации входят в сферу деятельности лингвиста, поскольку в невербальных (как и в вербальных) энграммах содержатся одновременно и знания языка, и знания мира как такового» [Кубрякова 2012: 109].

В рамках исследования ментальных репрезентаций был проведен ряд экспериментов с вербальными и невербальными репрезентациями, краткую характеристику которых представляем в настоящей статье.

Описание каждой серии завершается выводами, которые были сделаны в результате анализа экспериментального материала.

Первый и самый большой блок экспериментов проводился в рамках исследования восприятия креолизованных текстов. Характеристика этих экспериментов и подробная интерпретация полученных данных представлена в целом ряде работ [Вашунина 2007; Вашунина 2016; Вашунина 2020с]. Основная гипотеза этих экспериментов состояла в предположении о том, что добавление к вербальному тексту изображения (иллюстрации) с определенными параметрами меняет смысловое восприятие вербального текста. Читая вербальный текст и находясь под воздействием иллюстрации (ее содержания и формы), реципиент конструирует несколько иной смысл текста, чем если бы он читал этот же текст без иллюстрации. Все эксперименты этого блока проводились с применением метода семантического дифференциала, что позволило зафиксировать изменение определенных параметров при конструировании смысла текста.

Параллельно с изучением восприятия креолизованных текстов эксперименты имели своей целью расширение представлений о ментальных репрезентациях вербальных единиц. В экспериментальном материале один и тот же текст сочетался с разными по содержанию и форме иллюстрациями, образуя несколько креолизованных текстов. Варьировались геометрические формы иллюстраций (противопоставление «округлые» – «угловатые»), их цветовая гамма (черно-белая, естественная, минорная, мажорная). Основу минорной гаммы составляют цвета холодной части спектра, основу мажорной – цвета теплой части спектра. Среди креолизованных текстов было около 20 комплектов, в которых один и тот же вербальный текст сочетался с одной и то же иллюстрацией, окрашенной по-разному. То есть различие в оценках таких креолизованных текстов можно отнести только на счет цветовой гаммы.

Основной вывод, который позволило сделать проведенное исследование – это подтверждение существования связи между вербальными единицами (характеристиками – именами шкал) и визуальными параметрами изображения. Такая связь была обнаружена в разном количестве случаев, и был введен условный порог (70 процентов), превышение которого мы рассматривали как наличие визуального признака в ментальной репрезентации вербальной единицы.

Другой блок экспериментов [Вашунина 2019] связан с выявлением возможностей визуализации абстрактных понятий – имен ценностей.

Испытуемым предлагалось подобрать изображения, которые могли бы использоваться в качестве иллюстрации к статье по каждой отдельной ценности (работа проводилась в рамках создания словаря ценностей [Вашунина 2020а]). После отбора изображений (по каждой ценности изображения подбирала группа из 4–5 человек) они (без названий) предъявлялись испытуемым с предложением определить, какую ценность иллюстрирует каждое отдельное изображение. В результате мы получили некоторые фрагменты отражения действительности, в которых связаны ментальные репрезентации нескольких ценностей. Например, изображение, подобранное для иллюстрации ценности «Вера», помимо реакции *вера* вызывает также реакции *покорность, поклонение, болезнь, надежда*. В трактовку иллюстрации ценности «Здоровье» входили реакции *красота, молодость, гармония, согласие, самолюбование, зависть*. Интересно, что реакцию *зависть* вызывает любое преимущество человека: она обнаружена и при иллюстрировании ценностей «Известность» и «Профессионализм».

Проведенные исследования представляют новый этап развития лингвистических методов. Полученные результаты доказывают валидность используемых в исследованиях методов, а также их уникальность: интерпретация результатов экспериментов дает такую информацию о ментальных репрезентациях, которая на сегодняшний день не была получена иным способом. О достоверности результатов свидетельствует их прогнозируемость в последующих сериях экспериментов.

Рассмотрим преимущества примененных методик.

Основным достоинством всех экспериментальных методов в лингвистике является получение информации непосредственно от представителей соответствующей лингвокультуры (а не рефлексия над собственным языковым сознанием, как обычно бывает в случае применения традиционных методов), что (конечно же, при наличии достаточного количества респондентов) гарантирует наиболее высокую возможную объективность полученных данных о ментальных репрезентациях.

Особенности наших методик способствуют фиксации объективной картины еще и в силу того, что респонденты не могут интерпретировать данное им задание, подгонять результаты под какие-либо свои интересы и представления, потому что им непонятна общая картина и замысел экспериментатора. Невербальная реакция (например, в ассоциативном эксперименте) значительно в меньшей степени, чем вербальная подвержена контролю со стороны респондента. Известно, что проективные

методики (например, рисунок дерева и пр.) используются психологами именно с целью получения максимально объективной информации.

Применение шкал семантического дифференциала также не позволяет респонденту строить свои гипотезы и влиять на результаты эксперимента. Семантический дифференциал содержит ряд шкал, которые, на первый взгляд, кажутся не мотивированными содержанием текста и не провоцируют искажение ответов. В то же время семантический дифференциал обычно составлен так, что смысловое восприятие какого-либо параметра замеряется не по одной шкале, а по нескольким, что позволяет устранить случайности в оценке.

Следующий блок экспериментов представляет собой проведение двух видов ассоциативных экспериментов – вербального и визуального (рисуночного) на одни и те же стимулы-имена концептов Beauty, Home, Freedom. Испытуемыми являлись американцы в возрасте 20–25 лет. Результаты проведенных экспериментов было подробно отражены в ряде публикаций [Зимина 2017; Зимина 2019; Вашунина 2020b]. Среди вербальных ассоциаций преобладают парадигматические. Данный вид ассоциаций является признаком сформированности семантического поля [Шурупова 2019: 13]. Дальнейшее сопоставление полученных разномодальных ассоциаций позволило выявить состав и структуру исследуемых концептов. Ассоциации, представленные в обеих модальностях (вербальной и визуальной), были отнесены к ядру концепта, в то время как ассоциации, представленные только в одной модальности – к его периферии. Степень перекрещивания разномодальных репрезентаций концепта дает представление о степени его сформированности и может использоваться для выявления манипулятивного вмешательства в массовое сознание. Наиболее сформированным оказался концепт Home. Высока степень сформированности концепта Beauty. Понятие красоты универсально в своем существовании в разные эпохи во всем мире, однако содержание этого концепта непостоянно. Оно зависит и от исторической эпохи, и от общества, и от самого индивида. Наименее сформирован концепт Freedom. Несмотря на частое использование этого образа в политических целях: американская свобода – это один из принципов государственности США, данные проведенного исследования показывают, что концепт FREEDOM относительно слабо сформирован в массовом сознании.

Даже при наличии значительной степени перекрещивания разномодальных представлений концептов между ними был выявлен ряд отличий. Основным отличием является тот факт, что стимулы не вызывают

визуальных ассоциаций с единицами, имеющими противоположные компоненты значения. В списках вербальных ассоциаций такие единицы присутствуют: *beauty – beast, home – homeless, freedom – slavery.* Это свидетельствует о том, что, подбирая вербальные ассоциации, испытуемые могут приводить устойчивые языковые штампы. При сравнении вербального и визуального представлений концептов следует учитывать и степень осознанности приводимых ассоциаций. Если вербальное выражение может испытывать влияние со стороны традиции, общественных норм и предписаний, манипулятивных тактик самого испытуемого, то визуальное представление в значительной степени свободно от этого. Например, вербальная ассоциация *house* в ответ на стимул "Home" встречается в четыре раза реже, чем изображение дома. Это может значить, что по устоявшейся привычке, тематической сочетаемости испытуемые приводят такую вербальную ассоциацию, однако, на самом деле в настоящее время связь между этими двумя образами ослабевает (что может быть обусловлено существующей практикой относительно частой смены жилища по разным обстоятельствам, проживанием на съемных квартирах и в общежитиях).

Обнаружен значительно больший процент визуальных ассоциаций в группе «Свобода как социально-политический феномен» (по сравнению с вербальными ассоциациями) к концепту FREEDOM. Это свидетельствует о неосознаваемом (не вышедшем на вербальный уровень осознания) влиянии государства США на сознание его граждан.

При исследовании концепта Beauty обнаружено наличие большого количества изображений красоты природы в качестве ответа на стимул, при незначительном числе соответствующих вербальных ассоциаций. Вербальные ассоциации относятся к красоте в «глянцевом» понимании. Здесь налицо «уход» сознания людей от навязываемых им образов красоты.

Применяемые методики (семантического дифференциала, ассоциаций) позволяют выявить такие фрагменты ментальных репрезентаций, которые не обнаруживаются другими способами.

Основной технической проблемой при проведении экспериментов является отбор испытуемых. Обычно респондентами выступают студенты наших вузов, то есть, это юноши и (чаще) девушки от 18 до 24 лет, обучающиеся по определенной специальности (гуманитарной, если мы проводим эксперименты со своими студентами). Хорошо всем известные статистические правила четко устанавливают, как составляются разного вида выборки из генеральной совокупности. Если

мы хотим получить данные о ментальных репрезентациях, стоящих за вербальными единицами в сознании представителей определенной лингвокультуры, то все носители этой лингвокультуры и должны являться генеральной совокупностью. Выборки из нее должны содержать соответствующий процент женщин и мужчин, людей разных возрастов, разного образовательного ценза и пр. Вероятно, следует все же расширять охват респондентов, следить за соответствующим гендерным соотношением, изыскивать способы привлечь в качестве испытуемых студентов разных вузов и специальностей.

Серьезной принципиальной проблемой является необходимость субъективной интерпретации результатов таких экспериментов. Например, семантика цвета (главного воздействующего средства) очень обширна, а семантика отдельного цвета часто может включать в себя совершенно разные содержательные области, в том числе и отчасти противоположные. Причиной этого является в том числе и множество оттенков, которые вербально обозначаются как один цвет, а визуально могут вызывать разные ассоциации. Поскольку нельзя характеризовать воздействие цвета «на глаз», мы прибегаем к данным имеющихся исследований.

Субъективность присутствует и при интерпретации изображений – реакций на вербальный стимул. В некоторых случаях приходится додумывать за респондента, предлагая правдоподобную трактовку рисунка. Например, в ответ на стимул «Home» в числе прочих было изображение чашки, из которой идет пар (понимаем, как «чашка с горячим напитком – с чаем»). Для интерпретации изображения мы прибегали к дорисовке ситуации: Дом – это место, где тебя напоят чаем, то есть, где всегда тепло и т. д. Эта метафорическая ассоциация представляется правдоподобной (менее правдоподобным будет, наверное, предположить, что это прямая ассоциация дома с чашкой чая), однако все же это субъективное понимание. Несколько сгладить субъективность трактовки изображения может привлечение других интерпретаторов-исследователей.

Научную проблему представляет также разделение лингвистического и экстралингвистического знания. Те данные, которые мы получаем в результате проводимых экспериментов, часто нуждаются в интерпретации с привлечением неязыкового знания. Реконструировав таким образом некоторый фрагмент отражения действительности, мы получаем ментальную репрезентацию, связанную с языковым знанием практически только номинацией.

Осознание обозначенных проблем и преимуществ используемых экспериментальных методов, вероятно, должно привести, с одной стороны к выводу о том, что эти методы позволяют получить уникальное (в смысле не извлекаемое другими способами) знание, а с другой стороны, что желательно сочетание этих методов с традиционными лингвистическими методами. Такой подход представляется наиболее конструктивным и в настоящее время внедряется в практику первичных научных исследований (например, при написании дипломных работ наряду с «классическим» подходом все чаще используются экспериментальные методы).

Литература

Вашунина И. В. Взаимодействие визуальных и вербальных составляющих при восприятии креолизованного текста. Н. Новгород: НГПУ, 2009.

Вашунина И. В. Методика изучения концептов немецкой языковой картины мира// Научные школы московского государственного лингвистического университета. Факультет немецкого языка. М.: МГЛУ, 2019. С. 46–53.

Вашунина И. В. Особенности восприятия креолизованных текстов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4. С. 39–51.

Вашунина И. В., Дронов В. В., Ильина В. А., Маховиков Д. В., Нистратов А. А., Нистратова С. Л., Ощепкова Е. К., Тарасов Е. Ф. Базовые ценности носителей русской культуры. М.: РУДН, 2020 (a).

Вашунина И. В., Зимина М. В. Исследование содержания концепта в американской языковой картине мира путем сравнения его разномодальных репрезентаций // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020 (b). № 5. С. 25–32.

Вашунина И. В., Нистратов А. А., Матвеев М. О., Тарасов Е. Ф. Креолизованный текст: смысловое восприятие. Коллективная монография / отв. ред. И. В. Вашунина. М.: Институт языкознания РАН, 2020.

Зимина М. В. Возможности конструирования содержания концепта средствами разных модальностей (обобщение экспериментального исследования концепта Beauty // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2017. № 3–4. С. 65–68.

Зимина М. В. Метод выявления содержания концепта путем анализа вербальных и визуальных ассоциаций // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 186–191.

Кубрякова Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций // В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. С. 95–113.

Шурупова Е. Ю., Карабущенко Н. Б. Речь как отражение когнитивного статуса личности в поздней взрослости // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 2. С. 9.

I. V. Vashunina *(Moscow, Russia)*
All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation/ Moscow State Linguistic University

M. V. Zimina *(Nizhny Novgorod, Russia)*
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin

EXPERIMENTAL STUDIES OF MENTAL REPRESENTATIONS

The article presents an overview of the experimental studies conducted by the authors, during which unique scientific data were obtained. At the same time, there are a number of serious problems that need to be taken into account when organizing and conducting experiments: the sample of subjects, the subjectivity of interpretation and the involvement of non-linguistic knowledge.

Key words: experimental methods, mental representations, semantic differential, associative methodology, creolized text, basic values.

А. В. Вдовиченко *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН, ПСТГУ
an1vdo@mail.ru

О РАЗЛИЧИИ КОГНИТИВНОГО И СЕМИОТИЧЕСКОГО (ЗНАКОВОГО) ПРОЦЕССОВ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ

Данные, полученные при проведении эксперимента «Удар локтем о край стола», позволяет наблюдать различия когнитивного и знакового (в том числе словосодержащего) процессов. Основное отличие состоит в том, что когнитивная деятельность не направлена на изменения внешних когнитивных состояний и поэтому не нуждается в знаках. Семиотический актор не испытывает необходимости эксплицировать собственные режимы сознания для себя самого, в то время как для опосредованного воздействия на мыслимого постороннего адресата обнаружение своего акционального («воздейственного») статуса является необходимым условием успешного воздействия.

Ключевые слова: когнитивный процесс, знаковый процесс, словосодержащее воздействие, знак, эксперимент, коммуникативная модель, языковая модель, акциональное состояние сознания, семиотический актор.

Сопряжение «мысли» и вербальной формы («слова»), несмотря на многие очевидные свидетельства невозможности сопряжения (напр., мышление глухонемых, оперирование с неназванными предметами, быстрые осознанные действия, забытые наименования, подбор вербальных клише к имеющейся «мысли» при письме и др.), тем не менее, составляет основание многих исследовательских практик в области языка и мышления (сознания) [Соссюр 1977: 144; Сепир (1921) 1993: 36, 193; Хомский 1972; Jackendoff 2007; Chafe 2013 и др.]. Объединение, или критически тесное сближение, когнитивного и вербального процессов (когниции и языка) представляется неправомерным в рамках *коммуникативной модели* [Вдовиченко 2008; Вдовиченко 2016; Вдовиченко, Тарасов 2017].

В статье приводится описание и интерпретация эксперимента («Удар локтем о край стола»), проведенного в рамках работы исследовательской группы ИЯз РАН (проект РНФ № 17–18–001642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели», 2017–2019). В отличие от более ранней статьи, посвященной эксперименту [Вдовиченко 2019], в данной статье приводятся новые данные и расставляются новые акценты. Так или иначе, соотношение акта сознания (когнитивной операции) и знакового (в данном случае словосодержащего) процесса составляет фундаментальное основание любого лингвистического (лингвокогнитивного) исследования и нуждается во всестороннем обсуждении.

Эксперимент проводился несколько раз в различных аудиториях, с различными испытуемыми (всего 30 участников, взрослые различных возрастов и один подросток). Элементарность условий эксперимента позволяет констатировать значимые позиции с предельной ясностью и избежать двусмысленности в интерпретации соотношения когнитивного и семиотического актов (что и составляло цель эксперимента).

В ходе эксперимента для всех участников, собранных вместе, формулировалось задание: после того, как экспериментатор совершит на глазах испытуемого некоторое действие, испытуемому предлагалось завершить предложение, описывающее данное только что увиденное действие. После изложения условий эксперимента, каждый испытуемый участвовал во взаимодействии с экспериментатором индивидуально, тет-а-тет, исполняя данное задание.

Перед каждым испытуемым экспериментатор демонстрировал следующее действие: сидя за столом, он производил удар о край стола локтем правой руки, и затем обнаруживал свою реакцию на полученные ощущения путем растирания ушибленного локтя и втягивания воздуха сквозь зубы. Сразу после демонстрации своего действия экспериментатор

устно проговаривал первую часть предложения, описывающего то, что наблюдал испытуемый: «он ударился локтем и _____»), и ожидал от испытуемого, что тот закончит данное предложение (заполнит недостающее в предложенном описании). Время между анонсированием первой части описывающего предложения (которую проговаривал экспериментатор) и анонсированием второй части (которую проговаривал испытуемый) фиксировалось.

Полученные данные затем интерпретировались в рамках языковой и коммуникативной моделей: первая, скорее, признает тождество когниции и вербальной формы («словесная структура есть высказанная мысль», «слово имеет всеобщее языковое значение», «язык и мышление тесно связаны, или даже едины», «единицы языка свидетельствуют о мышлении», «язык отражает мышление» и пр.); вторая признает принципиальную невозможность прямой связи тела (языкового) знака и смысла/значения («означающего» и «означаемого»), и не видит в автономном вербальном субстрате тождества (определенного значения/смысла, единообразно ассоциированного с единой предметной формой).

Варианты ответов испытуемых и затраченное на это время отображены в таблице 1:

Таблица 1

Данные, полученные в эксперименте «Удар локтем о край стола»

Испытуемые	**Варианты ответов-описаний (заполнение пропуска во фразе: *«Он ударился локтем и _____»)***	**Время, затраченное на поиск вербального клише, прибл. сек**
1.	втянул воздух сквозь зубы	1
2.	зашипел	4
3.	застонал	5
4.	почувствовал боль	7
5.	вздрогнул	8
6.	среагировал на боль	6
7.	сделал так (*остенсивная номинация*)	3
8.	передернулся	7
9.	испытал боль	23
10.	засосал свои зубы	3

Испытуемые	**Варианты ответов-описаний (заполнение пропуска во фразе: *«Он ударился локтем и _____»)***	**Время, затраченное на поиск вербального клише, прибл. сек**
11.	почувствовал боль	7
12.	издал звук, подобный шипению змеи	12
13.	заскулил	8
14.	стиснул зубы	5
15.	испытал чувство боли	9
16.	присвистнул от боли	8
17.	зашипел	5
18.	сжал зубы и вдохнул	4
19.	втянул воздух от боли	6
20.	содрогнулся	5
21.	скорчился от боли	9
22.	испытал неприятное ощущение	8
23.	испытал пронзительную боль	3
24.	вдохнул воздух сквозь зубы	11
25.	пожалел об этом	2
26.	засвистел воздухом	6
27.	зашипел от боли	4
28.	изобразил боль на лице	9
29.	втянул воздух от боли	7
30.	потянул воздух сквозь зубы	10

Для интерпретации полученных данных (в перспективе обнаружения отличий между когнитивным и знаковым процессами) представляется важным отметить следующие условия:

а. Двусоставное действие, которое демонстративно производил экспериментатор, было простым и понятным для испытуемых: удар локтя о край стола вызывает болевые ощущения, следствием которых является растирание ушибленного локтя и характерное для такой боли втягивание

воздуха сквозь сомкнутые зубы. О понимании этой элементарной последовательности действий (второе является следствие первого и связано с ним) свидетельствует тот факт, что никто (включая самого младшего испытуемого – 11-летнюю школьницу) не обнаружил сомнений или непонимания того, что следует отражать в описании, на что реагировать, что произошло.

b. Воздействие экспериментатора на испытуемого не имело в момент демонстрации действия вербальной составляющей. Изменения в сознании испытуемых наступали вследствие комплексного (полимодального) невербального контента, поступающего через визуальный (отчасти аудиальный) канал, а также канал долгосрочной и краткосрочной памяти (из имеющегося доступного индивидуальному сознанию опыта подобных действий, из сохраненных в памяти данных о том, что было только что воспринято).

c. Несмотря на единство (тождество) двусоставного действия, продемонстрированного экспериментатором, описания испытуемых обнаружили значительную степень вариативности как в использовании вербальных клише (2-й столбец таблицы), так и во временных промежутках, затраченных на поиск вербальных клише (3-й столбец таблицы).

Для достижения наиболее определенного представления о соотношении когнитивного и знакового процессов, попытаемся сформулировать несколько положений, используя объяснительные возможности языковой и коммуникативной моделей.

1. *Когнитивный и знаковый (в том числе словосодержащий) процессы обнаруживают ряд принципиальных различий, являются разными видами субъектной активности*.

На основании данных эксперимента, можно утверждать, что когнитивные операции (фиксирование, идентификация, запоминание и удержание в памяти увиденного двусоставного действия) производились испытуемыми не одновременно с использованием вербальных знаков. Когнитивная процедура заметно опережала знаковую, о чем можно судить на основании того, что для описания увиденного (заполнения пропуска в описывающем предложении) *каждому из испытуемых понадобилось какое-то время* (см. 3-й столбец таблицы). Подбор вербальных клише происходил как поиск нужного выражения, которое, по мнению каждого испытуемого, соответствовало *уже имеющемуся в его памяти объекту* (образу, картинке, факту). Фиксация объекта, удержание в сфере активного внимания и планирование последующего помещения этого объекта в структуру своего коммуникативного действия – заведомо когнитивные операции, отделенные от стадии говорения (использования знаков) про-

межутком в несколько секунд (за исключением первого случая, когда реакция испытуемого была почти мгновенной). В течение нескольких секунд знаковая деятельность испытуемых не проявляла себя в каких-либо формах, но поиск знаковых форм был возможен только при условии уже осуществляемой ими когнитивной деятельности.

Различие между когнитивным и знаковым видами субъектной активности можно уподобить различию между *размышлением* о действии (например, планирование открывания двери) и *совершением* самого действия (например, само открывание двери). Обдумывание и планирование заметно опережают действия, трансформирующие реальность. Уже на стадии совершения действия когнитивный процесс не прекращается, не исчезает, он переходит в стадию контроля операции. Это верно как для несемиотических действий (напр., открывание двери), так и для знаковых (в том числе словосодержащих, например, говорения).

2. *Когнитивный процесс лишен атрибутов знаковости (в том числе вербальности).*

Сам факт поиска клише испытуемыми означает, что на когнитивной стадии фиксации, идентификации и запоминания изыскиваемые знаковые (вербальные) клише еще не присутствовали в их сознании. Если бы когниция в данном случае имела вербальные формы, испытуемые не тратили бы усилий и времени на поиски (иногда довольно продолжительные) вербальных форм. При этом, несмотря на отсутствие вербальных знаков, *понимание увиденного заведомо имело место уже в самом начале поиска* (так, невозможно утверждать, что каждый испытуемый идентифицировал действие экспериментатора лишь в тот момент, когда произносил недостающий элемент описания, см. столбец 2). Образ увиденного сформировался, зафиксировался и запомнился независимо от каких-либо знаков, в том числе вербальных. Когнитивные операции («мысль») координировали затем поиск знаков (вербальных клише), но сами были свободны от них. Иными словами, каждый участник (обладатель сознания) производил когнитивные процедуры («думал») раньше, чем говорил (жестикулировал и пр.). После понимания продемонстрированного действия его незнаковое (невербальное) размышление (когниция) состояло, в частности, в том, чтобы изыскать знаковые формы, пригодные для достижения эффекта планируемого семиотического воздействия (заполнения лакуны в описании по просьбе экспериментатора).

3. *Знаковая деятельность нужна обладателю сознания только для опосредованного воздействия на внешнее (мыслимое как иное) когнитивное состояние (иное сознание).*

Поскольку обладатель сознания производит когнитивные операции без участия знаков (в том числе слов), его семиотические (знакосодержащие) действия нуждаются в объяснении, которое исключало бы такие формулировки, как: «речь есть отражение мысли», «мысль не существует без языка», «мысль высказывается в слове», «мысль оформляется (формулируется) языком» и пр. Обладатель сознания вовлекает в свои действия знаки не потому, что они неизбежно сопутствуют мысли, не потому, что без них когниция («мысль») не существует, а потому, что осознанные знаковые действия (также как, впрочем, и незнаковые) ему для чего-то необходимы.

Так, испытуемые, после идентификации показанного действия (совершив успешную когнитивную операцию и уже обладая «мыслью»), старались произвести последующее знаковое действие не для того, чтобы сформировать «мысль» (уже и без того существующую), а чтобы реализовать некую еще не реализованную отдельную задачу, исполнение которой заняло затем несколько секунд (от 1 до 23). Эту задачу, отличную от понимания (идентификации, фиксации и удержания в памяти увиденного), можно определить как *попытку произвести опосредованное воздействие на постороннее (мыслимое как иное) когнитивное состояние*. Для каждого испытуемого объектом воздействия выступал экспериментатор, с которым заранее были оговорены условия эксперимента и который, согласно этим условиям, должен был получить от испытуемых какие-то свидетельства внутренних, произведенных каждым из них, когнитивных операций. Так, если бы на данной стадии кто-то из участников решил не производить знаковое (словосодержащее) воздействие (то есть не производить попытку добросовестно выдать свою версию описания и исполнить, таким образом, условия эксперимента) и не предпринимал бы усилий к тому, чтобы эксплицировать свое акциональное состояние, экспериментатор не имел бы достаточных параметров (или имел бы их в гораздо меньшей степени) для интерпретации данного взаимодействия с данным испытуемым. Иными словами, экспериментатор не понимал бы (или понимал с гораздо меньшей определенностью), что делает в настоящий момент данный испытуемый: на каких объектах зафиксировано его внимание, каковы причины неисполнения условий эксперимента, какие интенции в отношении экспериментатора руководят в данный момент испытуемым, что послужило поводом для уклонения от знаковой процедуры, и пр. (заметим, что даже в этом случае, при отсутствующей знаковой деятельности, последним пределом интерпретации было бы когнитивное состояние данного испытуемого).

4. *Семантическое тождество реализуется в данных актах сознания, оно не содержится в автономной знаковой (вербально-языковой, жестовой или какой-то иной) форме*.

Данные, полученные в результате эксперимента, свидетельствуют о несколько парадоксальной ситуации: каждому испытуемому экспериментатор демонстрировал одно и то же двусоставное действие, в то время как вербальные реакции на это действие, несмотря на его элементарность и обусловленность уже имеющимся началом описания «Он ударился локтем и…», обнаружили значительную степень вариативности.

При этом нет никаких причин сомневаться в том, что в сознании каждого испытуемого присутствовал один и тот же (приблизительно одинаковый) контент: идентифицированное и запомненное двусоставное действие экспериментатора, а также установленную причинно-следственную связь (удар > боль > реакция) каждый испытуемый доподлинно понимал; то, что демонстративно сделал экспериментатор, каждый испытуемый мог осознанно повторить (как это сделала, по просьбе экспериментатора, самая юная участница эксперимента, видео см. на сайте [https://the-philosophy-of-language.org/a-вдовиченко-эскиз-3-мысль-и-слово-раз/]). Такая степень тождества («одинаковомыслимости») обычно является достаточной для эффективного взаимодействия обладателей сознания: они могут ссылаться на одно и то же, обсуждать единый объект/явление/связь/признак, не сомневаться в единстве мыслимых объектов внимания, и пр.

Эта мнимая парадоксальность («знаковые формы, использованные для описания единообразно мыслимого, далеки от единообразия»; см. 2-й столбец таблицы) снимается признанием того, что *знаковая (в данном случае вербальная) форма не обладает собственным автономным тождеством*. Она не имеет своего собственного контента в автономном статусе. Она становится чем-то только в составе конкретной коммуникативной синтагмы. Там вербальная форма уже воспринимается как *намек*, производимый семиотическим актором, на подлинный источник смысла (его личное когнитивное состояние, данный режим конкретного сознания), к уяснению которого затем стремиться любой добросовестный интерпретатор. Попытки интерпретатора (в т. ч. адресата) понять «знаковую структуру» сводятся не к установлению значения знаков, а к воссозданию (по многофакторному комплексу параметров) объекта намекания (того, что желает произвести данный семиотический актор: объекты внимания, фокусы ситуации, устанавливаемые связи, интенции к адресату и пр.). Заметим, что так происходит в случае любой интерпретации любого знака: семантическое тождество обретается в «невидимой»

сфере индивидуальной когниции семиотического актора, в то время как предметное («видимое и осязаемое») тело знака, несмотря на телесную определенность, не способно быть «одинаковомыслимым». Так, автономный знак «зашипеть» не имеет словарного значения «втянуть воздух сквозь зубы от боли», однако именно такое «значение» несомненно имел в виду испытуемый 2 (см. 2-й столбец таблицы).

5. *Понимается многофакторный процесс данного семиотического воздействия (на основе конкретного акционального режима сознания); автономные статические знаки понимать невозможно*.

На основании данных эксперимента можно констатировать, что вне комплексного семиотического воздействия понимать варианты описания, предложенные испытуемыми, было, скорее, невозможно. Так, любой из приведенных во 2-м столбце таблицы вариант, интерпретируемый в автономном режиме как «единица словаря русского языка», не может быть сам соотнесен и ассоциирован с данной ситуацией, с данным двусоставным действием. Это соотнесение, то есть коммуникативную референцию, осуществляет данный актор, которого, в отличие от автономного знака, можно пытаться понять. Понимается, таким образом, сам процесс соотнесения (коммуникативной референции), а не автономный знак.

Словарным для каждого из этих вариантов (см. 2-й столбец таблицы) в большинстве случаев является такое значение, которое, скорее, не отражает данную мыслимую реальность: «зашипел», «застонал», «вздрогнул», «передернулся от боли», «издал звук, подобный шипению змеи», «заскулил», «присвистнул от боли» и др. прямо не соответствуют показанному действию как единицы словаря; прочие варианты («испытал боль», «почувствовал боль» и пр.) значительно упрощают (редуцируют) реальность, которая была гораздо более объемной и многоплановой, чем та, что была представлена испытуемыми в описании. Каждое описание не исчерпывало всего того, что происходило в ходе демонстрации; каждый испытуемый имел в своем сознании (понимал) и мог рассказать об увиденном гораздо больше, чем высказал.

Как видно, интерпретация естественного семиотического действия не сводится к простой констатации словарных значений слов. Понимается комплексный многоканальный процесс семиотического воздействия, на основе когнитивного состояния данного актора, действующего в коммуникативном пространстве. Воссоздать режим его сознания (к кому обращается, что имеет в фокусе внимания, для чего производит воздействие и пр.) помогают не только знаковые (в т. ч. вербальные) клише, вовлекаемые в коммуникативный акт, но и множество других мыслимых актором параметров осуществляемого воздействия.

Так, один из испытуемых (см. строку 7 в таблице) для исполнения задачи (закончить описание) избрал остенсивный способ передачи своего акционального состояния: он просто показал то, что сделал экспериментатор, тем самым, обнаруживая полное понимание того, что произошло, и что произошедшее удобнее показать, чем пересказать словами. Остенсивный способ номинации оказался, пожалуй, наиболее эффективным для передачи того, что данный испытуемый мыслил и хотел сообщить в данный момент. При этом основную смыслообразовательную роль данный испытуемый отвел совсем не словам, а прибегнул к более эффективному знаковому каналу – демонстративному поведению (в сочетании со словами «сделал так»).

Учитывая по возможности полный список мыслимых параметров (в том числе произносимых вербальных клише), интерпретатор заручается возможностью воссоздать искомый когнитивный режим семиотического актора (который является единственным источником значения данного коммуникативного воздействия). Интерпретатор получает шанс констатировать знакомые (доступные для себя) когнитивные (незнаковые) состояния актора и, таким образом, понять подобного себе обладателя сознания. В любом случае интерпретация семиотического воздействия (в том числе словосодержащего) сводится к установлению того, *что в данный момент делает данный актор, производящий попытку опосредованно изменить внешнее когнитивное состояние*.

Так, одним из параметров данной семиотической ситуации на стадии восполнения лакуны было то обстоятельство, что испытуемый и экспериментатор (как адресат его знакового воздействия) оба заранее знали «из только что случившегося и наблюдаемого», на что ссылается в своем описании испытуемый (так, восполняя лакуну, любой испытуемый мог просто сказать: «сделал то, что мы оба только что наблюдали»). Объект референции, производимой испытуемым, уже присутствовал в сознании коммуникантов (экспериментатора и испытуемого).

Этот параметр ситуации значительно уменьшал меру ответственности, которую осознавал за собой каждый испытуемый, заполняя лакуну и якобы информируя экспериментатора о том, что только что произошло. На самом деле он, скорее, ощущал себя проверяемым, тестируемым, экзаменуемым. Все и без его слов было ясно, и потому он не проявлял к вербальным клише пристального внимания и должного почтения. Соблюдаются ли обычаи (привычки) какой-то коммуникативной типологии, было для него не столь важно, поскольку контент его сознания и без того был понятен экспериментатору.

В отличие от *коммуникативной интерпретации* результатов эксперимента, попытки объяснения действий испытуемых в рамках *языковой модели* ведут к неизбежным противоречиям и концептуальным несостыковкам: признание знакового (вербального) основания когнитивной деятельности («язык присутствует в сознании, руководит его деятельностью, отражает когнитивные процессы» и пр.) заставляет полагать, что испытуемые не понимают (или понимают слишком медленно) то, что непосредственно наблюдают; производят собственные когнитивные операции и целенаправленные действия подконтрольно со стороны языка; являются носителями различных «русских языков»; приостанавливают мыслительный процесс, когда не говорят, и пр.

Наоборот, принципиальное разделение работы сознания и семиотического (в том числе словосодержащего) процесса составляет необходимое условие корректной интерпретации естественных вербальных данных.

Когнитивным можно считать процесс внутренней (не проявленной в поведении, в том числе в воздействиях на внешнее когнитивное состояние действиях) работы сознания. В этом смысле когнитивными могут быть названы: идентификация объекта/действия/явления и пр., удержание/хранение в памяти объекта/действия/явления и пр., планирование действий, принятие решения, контроль совершаемых действий (операций) и др. Когнитивные операции производятся обладателем сознания без вовлечения знаков.

Знаковым можно считать процесс опосредованного воздействия, производимого актором на внешнее (мыслимое как иное) когнитивное состояние. В этом смысле знаковыми могут быть названы любые формы действий актора, направленные на изменение мыслимого статуса иного сознания путем экспликации собственных акциональных («воздействен-ных») состояний. В отличие от прямых способов воздействия на объекты (напр., удара по мячу), в знаковые (семиотические) воздействия всегда вовлечена «когнитивная призма»: семиотический актор представляет психическое (когнитивно-эмоциональное) состояние мыслимого адресата как объект опосредованного воздействия, а адресат (или вторичный интерпретатор), в свою очередь, считывает психическое состояние актора: кого тот мыслит в качестве адресата, какие объекты поместил в фокус своего активного внимания для привлечения чужого внимания, какие связи считает необходимыми предъявить, чего добивается от адресата, какими ценностями руководствуется, каковы мыслимые им обстоятельства производимого воздействия и пр. Такое воздействие, основанное на демонстрации акционального поведения в мыслимых параметрах,

осуществляется всегда комплексно различными «знаками» (эксплицированными эмоциями, выражением лица, жестами, вербальными клише, изображениями, атрибутами одежды, демонстративным поведением и пр.). Добросовестная интерпретация «знаков» сводится к воссозданию психических, или когнитивно-эмоциональных, состояний семиотического актора, актуальных в момент совершения данного воздействия.

Литература

Вдовиченко А. В. Расставание с «языком»: критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.

Вдовиченко А. В. О несамотождественности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 164–175.

Вдовиченко А. В., Тарасов Е. Ф. Вербальные данные в составе коммуникативного действия: язык, текст, автор, интерпретатор // Вопросы психолингвистики. 2017. Вып. 4 (34). С. 22–39.

Вдовиченко А. В. Факт сознания и коммуникативное действие: краткий эксперимент // Вопросы психолингвистики. 2019. 2 (40). С. 30–41.

Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972.

Chafe W. Toward a thought-based linguistics // Bischoff S. T., Jarty C. (eds). Functional approaches to language. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 107–130.

Jackendoff R. Language, consciousness, culture: Essays on mental structure. Cambridge (MA): MIT Press, 2007.

A. V. Vdovichenko *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Orthodox St Tikhon University for Humanities

ON THE DIFFERENCE OF COGNITIVE AND SEMIOTIC (SIGN) PROCESSES: AN EXPERIMENTAL ARGUMENT

The data obtained during the experiment “Striking the edge of the table with an elbow” makes it possible to observe the differences in cognitive and semiotic (including word-containing) processes. The main difference is that cognitive activity is not aimed at changing external cognitive states and therefore does not need signs. The semiotic actor does not feel the need to explicate his own modes of consciousness for himself,

while in order to indirectly influence a thinkable outsider addressee, the demonstration of his actional ("influencing") status is a necessary condition for successful influence.

Key words: cognitive process, sign process, word-containing influence, sign, experiment, communicative model, language model, actional state of consciousness, semiotic actor.

Н. А. Жук, В. В. Робустова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
zhuknatasha97@gmsil.com, nikarbs@yandex.ru

КОГНИТИВНО-МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ ФИТОНИМОВ[1]

Настоящее исследования посвящено изучению особенностей концептуализации растительного мира в языке, а именно названиям трав, и выявлению форматов знания, стоящих как за отдельным фитонимом, так и за генерализирующей единицей. Подробное рассмотрение получили немецкие фитонимы, взятые из словарей и электронного журнала Bioterra.

Ключевые слова: концептуализация, фитоним, когнитивно-матричный анализ.

Современная когнитивная лингвистика обладает богатым арсеналом как традиционных методов исследования в когнитивном аспекте (концептуальный анализ, прототипическая семантика, фреймовая семантика), так и специфических методов когнитивного анализа, таких как концептуально-таксономический анализ, когнитивно-матричный анализ, категориальный анализ, метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты, анализ скетч-фреймов, концептуально-репрезентативный анализ, метод концептуально-конфигуративного анализа, метод метакогнитивного моделирования, анализ модусного форматирования, метод концептуального пространственно-временного моделирования. Данные методы подробно описаны в монографии Н. Н. Болдырева «Язык и система знаний. Когнитивная теория языка» [Болдырев, 2019]. Использование определенного метода дает возможность взглянуть на объект исследования по-новому, увидеть разные подходы к интерпретации материала, рассмотреть сущест-

[1] Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

вующие проблемы под другим углом знания. Выбор метода исследования часто определяется практическим материалом, в нашем случае фитонимами.

А. В. Суперанская определяет фитонимы как «имена собственные отдельных растений» [Суперанская 2008: 186]. Фитонимы представляют собой удивительную лексическую группу, так как именно в названиях растений, которые играли и продолжают играть важную роль в жизни человека, отражено воплощение процесса осмысления человеком действительности. «Результаты познавательной деятельности человека, отражающие знания о мире, фиксируются в языке в лексических категориях, которые определяются как категории отражательно-ориентированного типа» [Кубрякова: 2004, 314]. С древнейших времен люди изучали травы, употребляли их в пищу, готовили лекарственные и иные препараты, растения кормили, помогали, защищали, оберегали, исцеляли или убивали. В фитонимах хранится знание человека о травах и их свойствах, они помогают передавать это знание из поколения в поколение. Проблематика фитонимических исследований в немецком языке была изучена в трудах Erhardt W., Götz E., Bödeker N., Seybold S. Handwörterbuch der Pflanzennamen (2008), Pavord A. Wie die Pflanzen zu ihren Namen kamen: Eine Kulturgeschichte der Botanik (2008), Burkhardt L. Verzeichnis eponymischer Pflanzennamen (2018), Ingensiep H. W. Geschichte der Panzenseele. Philosophische und biologische Entwürfe von der Antike bis zur Gegenwart (2001) и других работах. Данные работы в большей степени посвящены описанию значения названия растения и истории его возникновения.

Использование когнитивного подхода, а именно когнитивной матрицы для изучения особенностей формирования значений фитонимов, рассмотрения различных когнитивных контекстов, в рамках которых наименование растения может получить необходимое осмысление, представляется актуальным и продуктивным. «Когнитивная матрица – это единая, вербально-интегрированная концептуальная структура, единица многоаспектного знания, представленная в сознании человека одним словом, сложный тематический концепт, включающий знание в разных концептуальных областей, и разных омонимов или синонимов, и их отдельных значений» [Болдырев 2019: 92]. Частная когнитивная матрица лежит в основе формирования значений ономастических единиц, когнитивным фоном которых является многоаспектное знание, предполагающее возможность их многоаспектного осмысления [там же: 93].

Материалом для построения частной когнитивной матрицы ФИТОНИМ послужили названия растений, собранные методом сплошной выборки из швейцарского журнала “Bioterra”, посвященного био и натуральным методам садоводства, из рубрики “Saison” (сезон)

за 2020–2021 гг., немецко-русского этимологического словаря названий цветов – Азбука цветов Г. Я. Спиридоновой и этимологического словаря немецкого языка *Etymologische Wörterbuch des Deutschen*. Объем исследовательской базы составил 273 фитонима. Комплексное изучение этимологии названий позволило выявить когнитивные контексты осмысления фитонимов и изучить механизмы номинации растений в немецком языке.

Фитонимы можно разделить на дескриптивные и метафорические. **Дескриптивные** основаны на описании:

- свойств растения (*Beinwell* – окопник, живокост, состоит из слов "Bein", что ранее обозначало не только ногу, но и кости, и "wallen", что в его устаревшем смысле значило лечить, срастаться. Поскольку данное растение было известно своими целительными свойствами при переломах, оно получило такое название. *Haselwurz* – копытень, по-немецки дословно называется «заячий корень», а русское название получило по форме листа, напоминающего копыто лошади. Корень растения обладает многочисленными целебными свойствами),
- его формы (*Farn* – папоротник, немецкое название он получил благодаря форме своих листьев, похожих на перо: ранее слово имело значения "Flügel, Feder, Blatt" (крыло, перо),
- характеристик (*Hecht-Rose Rosa glauca* – роза сизая, по-немецки Hecht – это щука, а hechtblau – сизый цвет. *Fingerhut* – наперстянка крупноцветковая. Дословный перевод слова "Fingerhut" – наперсток, состоит из "Finger" – палец и "Hut" – шляпа. Название растение получило из-за своей формы).

Часто встречаются растения, в названии которых профилируются как форма, так и свойства, что является вполне понятным, так как форма важна для узнавания растения, а свойства для соответствующих с ним манипуляций (*Huflattich Tussilago* – мать-и-мачеха, немецкое название состоит из двух компонентов: Huf, что отсылает к форме листьев в виде копыта, и Lattich, произошедшее от lactis ('Milch') – молоко, что объясняет содержание млечного сока в растении. Tussilago происходит от латинского tussis – кашель и ago – отступать, что указывает на свойства растения, применяющегося против кашля).

Находим примеры профилирования характеристики цвета и места произрастания (*Sumpfdotterblume Caltha palustris* – калужница болотная. "Sumpf" – болото, "Dotter – желток", "Blume" – цветок, таким образом, название отсылает к цвету растения и месте его произрастания) или цвета и формы (*Hornveilchen Viola cornuta* – фиалка рогатая, "Horn" обозначает рог, а "Veilchen" указывает на фиолетовые цветки), что так же относится

к ключевым характеристикам, вербализованным в фитонимах, так как для человека важно знать, где произрастает определенное растение, а его цвет (как и форма) сразу привлекает к себе внимание.

Метафорические фитонимы чаще всего построены на слиянии образа животного и растения, путем проекции характеристик животного на свойства растения (*Wolfsmilch Euphorbia verrucosa* – молочай (эуфорбия), содержит в себе млечный сок – жидкость молочного цвета, содержащая терпены, алкалоиды, таннины и белки, что объясняет второй компонент слова – Milch (молоко). При этом сок ядовит, может вызвать ожог и отравление при злоупотреблении, что демонстрирует первый компонент названия Wolf (волк), отсылая к тому, что растение может быть опасно, как волк. *Bärlauch* – черемша, лук медвежий, дикий чеснок. Дословный перевод составных частей слова: "Bär" – медведь, "Lauch" – лук. Поскольку растение является диким, оно названо по имени дикого животного). В метафорических фитонимах встречаются названия наиболее распространенных для территории появления фитонима животных, осмысление объектов групп растительный мир и животный мир взаимосвязано и комплексное восприятие человеком действительности находит свой отпечаток в процессах номинации.

Встречаются также фитонимы, в основе построения которых лежит антропоним или топоним.

- Топоним выполняет индексальную функцию, указывает на место произрастания растения (*Galanthus cilicicus* – подснежник киликийский, название которого произошло от Киликии – историко-географической области Малой Азии, ныне на территории Турции. Немецкое название подснежника – Schneeglöckchen: Schnee – снег, Glöckchen – маленький колокольчик. *Galanthus ikariae* – подснежник Икарии, названный в честь греческого острова Икарии в Эгейском море, который является его родиной).
- Антропоним реализует коммеморативную функцию (*Galanthus peshmenii* – подснежник Пешмена, названный в честь турецкого ботаника Хасана Пешмена. *Galanthus reginae-olgae* – подснежник королевы Ольги был открыт греческим ботаником и поэтом и был назван в честь Ольги Константиновны Романовой, внучки Николая I, впоследствии ставшей женой короля Греции Георга I, правившего до 1913 года. После убийства мужа и смерти внука, в 1920 году Ольга была регентом Греции. Она активно занималась благотворительностью, поддерживала приют и школу для девочек в Афинах и вела общественную работу по всей Греции). Названия такого типа редко включают описание формы или свойства растения, часто культурно-маркированы и могут выступать в качестве репрезентантов культурной памяти народа.

Рассмотрим форматы знания, которые могут лежать в основе отдельно взятого фитонима. Дескриптивные фитонимы в основе имеют следующие форматы знания:

– конкретно-чувственный образ (*Leberblümchen* – печеночница, цветки которой напоминают печень, используется в виде настоек для лечения заболеваний данного органа. *Lungenkraut Pulmonaria* – медуница, лекарственное растение для лечения заболеваний легких, состоит из слов "Lungen" – легкие и "Kraut" – трава. В некоторой степени ее листья напоминают легкие, а сапонины и танины в составе действуют как отхаркивающие средства. Pulmonaria происходит от латинского слова pulmo – легкое. *Schafgarbe Terracotta* – специально выведенный вид тысячелистника терракотового цвета).

– схему (*Schnittlauch* – шнитт-лук, лук-резанец, свое дословное название «срезаемый лук» получил благодаря тому, что после срезания листьев, на их месте очень быстро вырастают новые).

– представление (*Narzisse* – нарцисс, название произошло от греческого nárkissos – спазмировать, парализовать, что отсылает к свойствам растения, обладающим сильнейшим ароматом, способным у некоторых людей вызывать токсические реакции, и расслабляющим действием. Кроме того, оно содержит алкалоидный яд, который при чрезмерных дозах способен вызывать паралич. *Schafgarbe Achillea millefolium "Belle Epoque"* – тысячелистник обыкновенный. "Schaf" обозначает овцу, а "gar" – готовый, что отсылает к овечьим пастбищам, на которых он издавна растет, готовый к употреблению в пищу скотом. Millefolium произошло от латинского mille – тысяча и folium – лист, что отсылает к строениям листьев растения. Achillea отсылает к Ахиллу, одному из главных героев «Илиады». Он был участником Троянской войны и залечивал раны солдат тысячелистником из-за своих кровоостанавливающих, противовоспалительных и бактерицидных свойств. *Zimmerknoblauch Tulbaghia violacea* – тульбагия фиолетовая, название произошло от Рейка Тюльбаха, губернатора первой голландской колонии в Южной Африке – Капской колонии. Провинция мыса Доброй Надежды – родина большинства растений рода Тульбагия. Немецкое название переводится как "Zimmer" – комната, "Knoblauch" – чеснок. Вариант названия в английском языке – social garlic).

За метафорическими фитонимами могут стоять:

– прототип (*Schafgarbe Belle Epoqu*e – специально выведенный вид тысячелистника «Прекрасная эпоха» насыщенно-красного цвета, который по мере цветения превращается в нежно-розовый. Свою популярность получил именно благодаря свойству менять окраску. *Schafgarbe*

Feuerland – специально выведенный вид тысячелистника «Огненная Земля» яркого желто-красного цвета,).

– сценарий (*Schönmalve Abutilon* – канатник из семейства Мальвовые. “Schön” обозначает красивый, растение также используется в большинстве своем как декоративное. Когда-то волокно, получаемое из него, использовалось для изготовления веревок, от чего и произошло название в русском языке. Латинская форма произошла от أبو طيلون (abu tailun), что по-арабски обозначает крепкую веревку, которой привязывали животных, чтобы они не сбежали. Таким именем назвал растение Ибн Сина (Авиценна), впервые обнаруживший его. Еще в древности Мальвовые были широко известны за свои лечебные свойств).

Комплексный анализ фитонимической лексики позволил выделить следующие концептуальные области частной когнитивной матрицы ФИТОНИМ: ТЕРРИТОРИЯ, МЕДИЦИНА, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, МИФОЛОГИЯ. Когнитивная матрица как особый формат знания позволяет отразить различные связи соответствующего концепта с теми концептуальными областями, которые служат источниками его содержания и формирования соответствующего смысла. Данные концептуальные области или когнитивные контексты лежат в основе формирования значений наименований растений, их осмысления в речи. Изучение как форматов знания, лежащих за конкретным фитонимом, так и построение когнитивной матрицы генерализирующего концепта ФИТОНИМ, служит для определения основных характеристик объекта концептуализаии, в нашем случае определенного растения, и его характеристик, интерпретируемых в конкретной области. Использование когнитивной матрицы ФИТОНИМ позволяет изучать интерпретирующий потенциал фитонимической лексики как в ее прямой, так и непрямой функциях наречения в системном и дискурсивном аспектах.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Спиридонова Г. Я. Азбука цветов или немецко-русский этимологический словарь названий цветов. Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2015.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Bioterra. URL: https://bioterra.de/ (дата обращения: 12.04.2021).

Burkhardt L. Verzeichnis eponymischer Pflanzennamen, 2018.

Erhardt W., Götz E., Bödeker N., Seybold S. Handwörterbuch der Pflanzennamen. Stuttgart: Verlag E. Ulmer, 2008.

Etymologische Wörterbuch des Deutschen. URL: https://www.dwds.de/d/wb-etymwb (дата обращения: 10.04.2021).

Ingensiep H. W. Geschichte der Panzenseele. Philosophische und biologische Entwürfe von der Antike bis zur Gegenwart. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2001.

Pavord A. Wie die Pflanzen zu ihren Namen kamen: Eine Kulturgeschichte der Botanik. Berlin: Berlin Verlag, 2008.

N. A. Zhuk, V. V. Robustova *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE-MATRIX ANALYSIS OF GERMAN PHYTONYMS

The present research is devoted to the study of the features of the conceptualization of the plant world in a language, namely, the names of herbs, and the identification of the formats of knowledge behind both a separate phytonym and a generalizing unit. German phytonyms taken from dictionaries and the electronic journal Bioterra were analyzed.

Key words: conceptualization, phytonym, cognitive-matrix analysis.

В. А. Куликова *(Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
val.kulikova@hotmail.com

МЕТАФТОНИМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРИ АНТРОПОНИМАХ В ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЯХ СРАВНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается потенциал немецкого антропонима Beate Uhse домена Предпринимательство в сравнениях на материале современной немецкоязычной прессы. Сложный характер личности и социальная значимость Беате Узе служит основанием для использования этого антропонима в сравнениях разного вида. Переход антропонима в сравнении из знака уникального в знак универсальный связан с метафтонимическими процессами.

Ключевые слова: категория сравнения, основание сравнения, антономасия, метафтонимия, антропоним.

Важное место в работах лингвистов-когнитологов традиционно отведено проблеме представления знаний в языке. В жизни человека *сравнение* выступает своеобразной системой координат, благодаря которой осуществляется категоризация объектов окружающего мира. Сравнивая, человек выделяет ряд параметров и использует их в качестве основания сравнения, т.е. некой глубинной категории, объединяющей на основе внутренних связей объект и эталон сравнения. Сравнение как языковая категория может пониматься как «определенная форма осмысления мира в языке» [Болдырев 2006: 5]. Такой подход к определению сравнения позволяет рассматривать его как особый вид организации, систематизации и интерпретации знаний, полученных о явлениях действительности и нашедших свое отражение на языковом уровне. Языковое сравнение является воплощением структур знания категориального формата, о чем также свидетельствует наличие ряда лингвокогнитивных моделей сравнения.

Антропонимы, под которыми понимается особая группа имен собственных, служащая для выделения человека из ряда подобных [Томская 2012], являются неотъемлемой частью любого языка. Когнитивная лингвистика позволяет рассматривать антропоним как сложное семиотическое образование, глубинный характер которого является предпосылкой к достаточно широкому использованию этой языковой единицы при категоризации действительности. Содержащаяся в антропониме культурно-специфическая, оценочная и фоновая информация, а также его потенциал к участию в процессах метафорического и/или метонимического переноса служат основанием использования антропонима как языкового знака в сравнении. Так называемая фоновая семантика [Аникина 1988: 7] обусловливает способность антропонима вызывать в сознании человека определенные ассоциации, приводящие к его использованию в контекстах, содержащих сравнение.

Комплексный характер этой языковой единицы отражен в когнитивной матрице – «особом виде представления структур знания или доменов, лежащих в основании значения языковой единицы и необходимых для ее адекватного понимания» [Болдырев 2009: 49]. Когнитивная матрица антропонима представлена на рисунке 1. Матрица имеет ядерно-периферийную структуру, позволяющую расположить в центре сам антропоним, а вокруг него когнитивные контексты, или домены, которые служат основанием для его осмысления. Среди доменов выделяются такие домены, как Искусство, Наука, Политика, Религия и Философия [Бочкарева 2012: 13]. Однако было отмечено, что в структуре матрицы антропонима ни одна область не является строго обязательной или

доминирующей по отношению к другим [Болдырев 2009]. В рамках исследования это позволило нам расширить когнитивную матрицу антропонима доменом *Предпринимательство.*

Рисунок 1. Когнитивная матрица антропонима

Ядро матрицы заключает в себе информацию о таких характеристиках, как внешность, характер, физические и умственные качества, мировоззрение, деятельность, ситуации [Бочкарева 2012: 15]. Эти параметры относятся к так называемой фоновой информации об антропониме и часто выступают основанием для сравнения, т.е. запускают метафтонимические процессы, необходимые для построения сравнения при антропонимах. Метафтонимия в сравнении выступает как процесс метафорического и метонимического переноса и замещения ряда свойств антропонима и носит интегративный характер.

Для анализа был отобран ряд контекстов, содержащих сравнения, в структуре которых задействованы антропонимы, репрезентирующие домен *Предпринимательство*. Предпринимательство представляет собой важную составляющую жизни общества, связанную с производством, распределением, обменом и потреблением товаров и услуг с целью удовлетворения человеческих потребностей. Рассмотрение функционирования антропонимов этого домена в сравнении позволит ответить

на ряд вопросов, связанных с выделением эталонных характеристик антропонимов и метафтонимическими процессами, которым подвергаются антропонимы в сравнении.

Корпус исследования составляют контексты, содержащие сравнение с антропонимом *Beate Uhse* в современной немецкоязычной прессе. Антропоним *Beate Uhse* выступает в приведенных контекстах в роли эталона, то есть своеобразного мерила некого выделенного качества, на основе которого сравниваются те или иные личности. Поскольку речь идет об антропониме домена *Предпринимательство*, то эталонные признаки, как правило, сосредоточены вокруг характеристик, которые можно отнести к экономической составляющей жизни человека.

Беате Узе – женщина-легенда для немцев. В юности Беате Узе увлекалась авиацией: она стала одной из первых летчиц в стране, работала пилотом-каскадером на киностудии UFA, а во время войны служила в люфтваффе. В русскоязычной прессе ее называют «немецкой Гризодубовой» [URL: https://www.dw.com/ru/немка-которая-заработала-миллионы-на-сексе/a-14896470 (дата обращения: 15.06.2021)], основанием антономасического сравнения выступает здесь общий характер деятельности двух женщин.

Однако имя Беате Узе стало широко известно уже после войны, когда она открыла первый в мире секс-шоп. Обладая решительным характером и целеустремленностью, Беате Узе удалось с конца 1940-х гг. создать целую бизнес-империю, которая и сегодня носит ее имя и приносит колоссальные доходы. Отношение к Беате Узе в обществе было разным. С 50-х до начала 90-х гг. было подано порядка двух тысяч судебных исков против ее фирмы за нарушение нравственных норм и закона [URL: https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/geschichte/Frauen/beate-uhse/1949450 (дата обращения: 15.06.2021)]. Тем не менее, в 1989 г. за вклад в сексуальное просвещение Беате Узе была удостоена ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия».

О социальной значимости Беате Узе для немецкоязычного пространства свидетельствует и тот факт, что биография этой женщины легла в основу фильма “Beate Uhse – Das Recht auf Liebe”, который был снят в 2011 г. и главную роль в котором исполнила известная немецкая актриса Франка Потенте.

Успешность Беате Узе как предпринимателя часто служит основанием для сравнения:

(1) Kein Mann ist in der Unterleibsbranche so erfolgreich wie Beate Uhse, die 65jährige Leiterin des Unternehmens. Auf Gleitcremes wie „Flutschi“ und Gummi gründete sie ihren in der Branche beispiellosen Erfolg (Die Zeit, 15.03.1985, Nr. 12).

Так, в контексте (1) представлено эксплицитно выраженное трехчленное сравнение *Kein Mann ist in der Unterleibsbranche so erfolgreich wie Beate Uhse.* В сфере своей деятельности (*in der Unterleibsbranche*) Беате Узе выступает эталоном сравнения, в качестве общего признака выделяется параметр *успешность* (*erfolgreich*): В порноиндустрии нет никого, кто мог бы быть таким же успешным как 65-летняя Беате Узе. Такой параметр как *успешность* в первую очередь заложен в ядерной характеристике самого антропонима *Beate Uhse,* и как следствие отражен в домене *Предпринимательство,* с которым этот антропоним связан.

В контекстах (2) и (3) представлен другой вид сравнения: антономасический. Антономасия может быть рассмотрена как частный вид имплицитно выраженного сравнения, запускающего процессы вторичной номинации. В антономасии, метафорическом сравнении при именах собственных (нем. metaphorische Eigennamenvergleiche) [Thurmair 2020: 306], характерная для сравнения трехчленная структура предстает в «свернутом» виде: в непосредственной структуре антономасии присутствует эталон, однако основание для сравнения не вербализуется. Это может затруднять адекватную интерпретацию антомасического сравнения, поэтому часто основание для сравнения содержится в более широком контексте.

(2) Man verkauft seitdem Weihnachtsartikel in diversen Filialen, auf Weihnachtsmärkten, per Katalog und seit kurzem via Internet. Ein Spötter hat *die Firma Käthe Wohlfahrt* vor Jahren als „*Beate Uhse des Weihnachtsmarkts*“ bezeichnet. Beate Uhse hat längst ein Museum; die Wohlfahrts haben jetzt auch eins (Berliner Zeitung, 02.10.2000).

(3) Eine angeschlossene Großhandelsfirma deckt das En-gros-Geschäft, den Export und den Wiederverkaufsmarkt weltweit ab. *Käthe Wohlfahrt die Beate Uhse des Weihnachtsmarktes* zu nennen wird ihr nicht frommen; was aber tun, wenn kein besserer Vergleich zur Hand ist? (Die Zeit, 22.12.1995, Nr. 52).

Примечательно, что в контекстах (2) и (3) антропонимы *Beate Uhse* и *Käthe Wohlfahrt* выступают уже не в качестве обозначения человека, а в качестве имени фирмы, что свидетельствует о происходящих с антропонимами метонимических процессах. *Käthe Wohlfahrt* – семейное предприятие, которое уже более 40 лет является крупнейшим мировым производителем традиционных немецких рождественских украшений. В приведенных контекстах фирму *Käthe Wohlfahrt* (объект сравнения) называют *Beate Uhse des Weihnachtsmarkts* (Беате Узе рождественских ярмарок). Сравнение строится в рамках общего для двух антропонимов домена *Предпринимательство*. Основанием сравнения в данном случае выступает целый ряд параметров, которые сопровождают сравнение

в контексте (2): во-первых, обе фирмы занимают ведущее положение в своей сфере; во-вторых, обе фирмы ведут торговлю в разных направлениях: в филиалах, по каталогам, в интернете; в-третьих, обе компании открыли музеи, посвященные направлению своей деятельности. В контексте (3) основание для сравнения также приведено: обе фирмы занимаются оптовой торговлей и осуществляют экспорт на мировой рынок. Об эталонных характеристиках антропонима *Beate Uhse* для домена *Предпринимательство* в контексте (3) говорит и ироничная фраза: *was aber tun, wenn kein besserer Vergleich zur Hand ist* (но что же делать, если под рукой нет более приличного сравнения – *перевод наш – В. К.*), которая здесь подчеркивает неоднозначное отношение к *Beate Uhse*.

Антропоним *Beate Uhse* может выступать эталоном не только в сравнениях, касающихся немецких предпринимателей. В контексте (4) *Beate Uhse* служит эталоном в сравнении, где объектом сравнения выступает Декстер Кинг, сын Мартина Лютера Кинга:

(4) Als Verwalter des historisch so bedeutsamen King-Nachlasses *wirkt* Dexter King denn auch *ein wenig wie Beate Uhse auf dem Papststuhl*: Während sein allem Materiellen abgeneigter Vater sogar die 54000 Dollar seines Friedensnobelpreises an Bürgerrechtler spendete, fährt der Sohn ungeniert Mercedes und Lexus und genehmigt sich ein Geschäftsführergehalt von 123 000 Dollar (etwa 230000 Mark) (Berliner Zeitung, 22.10.1997).

Контекст (4) представляет собой осложненное сравнение: Декстера Кинга сравнивают с Беатой Узе, как если бы она была на Святом Престоле (*wie Beate Uhse auf dem Papststuhl)*. Деятельность Декстера Кинга как руководителя Мемориального центра Мартина Лютера Кинга очевидно подвергается критической оценке, выраженной в нереальном сравнении (*ein wenig wie Beate Uhse auf dem Papststuhl wirken)*, в котором также наблюдается оттенок градуальности (*ein wenig*): расточительность и нескромность Декстера Кинга в отношении своих доходов противоречит идеям, которые проповедовал его отец. Это выглядит настолько же странно, как если бы Беате Узе, занимаясь своим делом, возглавляла Папский престол. Здесь в процессе сравнения задействуется и ядерная характеристика *ситуация,* хотя и нереальная.

Как показал анализ, интерпретация сравнений при антропонимах невозможна без учета фоновой семантики этих единиц. В этом случае обращение к концептуальному содержанию когнитивной матрицы антропонима является первоочередным. Особый характер представления информации в когнитивной матрице делает возможным широкое использование антропонима в установлении новых связей при категоризации

действительности путем участия в разных видах лингвокогнитивного сравнения: традиционном, антономасическом и даже нереальном. Антропоним *Beate Uhse* в рамках домена *Предпринимательство* выступает, как правило, эталоном, в котором заложена характеристика *успешность* (контексты (1) – (3)). А комплексный характер антропонима, отраженный в когнитивной матрице, позволяет использовать антропоним также и в осложненном сравнении (контекст (4)).

Литература

Аникина М. Н. Лингвострановедческий анализ русских антропонимов: (Личное имя, отчество, фамилия): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1988.

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–77.

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Бочкарева И. В. Когнитивные аспекты семантики производных от имен собственных в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2012.

Томская М. В. Антропонимы как результат гибридизации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Языкознание. 2012. Вып. 19 (652). Ч. 1. С. 269–276.

Thurmair M. Eigennamen in Vergleichen: von der Angela Merkel des Sports bis zum Mercedes unter den Bundespräsidenten // Linguistik der Eigennamen. Berlin/New York: de Gruyter, 2020. P. 305–329.

V.A. Kulikova (*Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

METAPHTONYMIC PROCESSES IN LINGUO-COGNITIVE COMPARATIVE MODELS WITH ANTHROPONYMS IN MODERN GERMAN LANGUAGE

The article dwells upon the potential of the German anthroponym Beate Uhse of the domain Entrepreneurship in comparison to the modern mass media. The complex personality and social significance of Beate Uhse serve as a ground for using this anthroponym in relation to various types. The transformation of the anthroponym from a unique to a universal sign is driven by metaphtonymy.

Key words: comparison, basis of comparison, antonomasia, metaphtonymy, anthroponym.

Е. Г. Озерова *(Белгород, Россия)*
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ozerova@bsu.edu.ru

КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ АППЕРЦЕПТИВНОЙ НОМИНАЦИИ

Триада действительность, память и апперцепция репрезентирует ценностно-смысловое пространство художественного текста, эксплицируя чувственную трансформацию приобретённого опыта. В тексте рассматривается апперцептивная номинация как средство когнитивно-смыслового порождения художественного текста.

Ключевые слова: апперцептивная номинация, художественный текст, смысловое пространство.

Понятие апперцепции в научное пространство было введено Г. В. Лейбницем, который соотносил данный термин с тем, что обозначает «Я». Автор рассматривает апперцепцию как сознание, включающее внимание и память, и внутреннее состояние человека: «следует делать различие между восприятием-перцепцией, которая есть внутреннее состояние монады, и апперцепцией-сознанием, или рефлективным познанием этого внутреннего состояния…» [Лейбниц 1982: 406]. Иное смысловое наполнение вкладывал в понятие апперцепции И. Кант, который определял данный термин как «самосознание», мыслительный процесс, позволяющий утверждать: «я мыслю». В Новой философской энциклопедии содержится следующая дефиниция – «понятие, выражающее осознанность восприятия, а также зависимость восприятия от прошлого духовного опыта и запаса накопленных знаний и впечатлений».

В лингвистике апперцепции посвящены исследования А. А. Потебни, который рассматривает функционирование данного термина на примере первой части произведения «Мёртвые души» и приходит к выводу: «можно различить две стихии апперцепции: с одной стороны, воспринимаемое и объясняемое, с другой – ту совокупность мыслей и чувств, которой подчиняется первое и посредством коей оно объясняется» [Потебня 1999: 106]. Именно в такой совокупности, по мнению А. А. Потебни, раскрывается сущность апперцепции – слияние двух актов мысли в слове: «Слово с самого своего рождения есть для говорящего средство понимать себя, апперцепировать свои восприятия» [Потебня 1999: 113].

Исследуя слово как средство апперцепции, А. А. Потебня отмечает, что «при создании слова полученное впечатление подвергается изменениям, то есть вторично воспринимается – апперципируется» [Потебня 1999: 99]. Следовательно, способствует чувственному восприятию, основанному на прошлом опыте. Анализируя исследования Г. Штейнталя, С. Д. Кацнельсон приходит к следующему выводу: «слово апперципирует … внешний объект» [Кацнельсон 2001: 39] и создает образ. Помимо образного и когнитивного обоснования представляется значимым тот факт, что апперцептивная номинация обогащает русское слово вариативными модусами, которые фокусируют смысловое пространство художественного текста.

Модель смыслового пространства художественного текста выстраивается на принципах:

- апперцептивной номинации;
- апперцептивной интерпретации художественного текста.

Слово в художественном тексте подчиняется «апперцептивной номинации, под которой нами понимается обозначение объема вторично воспринимаемых субъективных понятий и представлений, чувственного впечатления, способствующего познаванию» [Озерова 2013: 73].

Вопросы исследования представляют сложную когнитивно-коннотативную систему апперцептивной номинации, благодаря которой в художественном тексте запечатлеваются чувственные и ассоциативные ценностно-смысловые категории восприятия переживаемых событий действительности. Надо полагать, апперцептивная номинация является тем стимулом, благодаря которому порождается художественный текст и воплощается в эстетическую формулу текста чувственное восприятие авторского мировидения.

Исследование апперцептивной номинации обусловлено необходимостью рассмотрения чувственного восприятия изображаемой автором действительности, стимулирующей ассоциативно-познавательные механизмы порождения художественного текста.

Цель данной статьи – выявить и проанализировать когнитивные факторы функционирование апперцептивной номинации в художественном тексте.

Заявленная цель предполагает решение следующих задач:

- исследовать апперцептивную природу порождения художественного текста.
- проанализировать факторы, раскрывающие сущность апперцептивной номинации.

Методы исследования

Антропоцентрическая направленность лингвокогнитивной методологии и поставленные задачи предопределили характер методов исследования. Разработанный нами метод когнитивно-герменевтического анализа художественного текста включает интерпретацию внутреннего раскрытия чувственного восприятия изображаемой действительности. Данный метод предназначен для интерпретации имплицитного содержания художественного текста. Для когнитивно-прагматического исследования применяются два взаимосвязанных метода анализа художественного произведения – лингвостилистический и лингвопоэтический. Лингвостилистический метод анализа художественного текста направлен на разграничение собственно смыслового содержания языковых единиц и эмоционально-окрашенных значений. Данный метод позволяет рассматривать анализируемое слово с точки зрения его коммуникативных свойств и коммуникативно-прагматической значимости в целостно-смысловом содержании всего художественного текста. Апперцептивная номинация выявляет образно-чувственные намерения автора, раскрывает чувственный подтекст произведения.

Когнитивно-герменевтический метод позволяет исследовать художественный текст в следующих направлениях:

- проникновение в истоки авторского переживания;
- выявление и осмысление основной идеи исследуемого текста;
- раскрытие чувственного восприятия действительности.

Результаты исследования

Художественное слово, обусловленное апперцептивной номинацией, демонстрирует образную и эстетическую цельность всего произведения, а смысловые топики слова предопределяют эксплицитную или имплицитную фиксированность такой номинации. Например, русское слово «тишина» в тезаурусе И. А. Бунина аккумулирует разновекторные признаки не только языкового наименования, но и эмотивных интенций адресанта: «*напряженная тишина*», «*зачарованная тишина*», «*благоговейная тишина*», «*священная тишина*», «*мертвая тишина*», «*гробовая тишина*». Иная архитектоника представления апперцептивной номинации тишины содержится в повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие…». Имплицитная интерпретация «*безмолвия здесь хватает*» трансформируется в эксплицитную

форму: «*мёртвая, загробная тишина…*», «*тишина могильная стояла, аж звон в ушах*» – и становится текстообразующим стимулом, формирующим эмотивно-оценочную доминанту, порождающую художественный текст.

Эмоциональное восприятие и чувственное переживание явлений действительности мотивирует порождение художественного текста и формирует смысловое пространство произведения.

Например, И. А. Бунин в тексте «Чистый понедельник» противопоставляет тишину и скрип снега, автор обращается к звуковой ассоциации при восприятии текста читателем: «Скрипя в тишине по снегу…», чувственное восприятие репрезентирует словосочетание «*особая тишина*» при описании состояния героя, который боится вздохнуть, находясь в пустой церкви.

В Ветхом Завете тишина отождествляется с божественным откровением, в Третьей книге Царств используется слуховой образ тишины: «*звук абсолютной тишины*».

В Национальном корпусе русского языка только в текстах И. А. Бунина слово «тишина» зафиксировано 206 раз. Исследуя философию русского слова, В. В. Колесов приходит к выводу, что «ментальность есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера» [Колесов 2004: 260].

Апперцептивная номинация наполняет художественное слово ценностно-смысловыми и коннотативными средствами языка, актуализация которых обусловлена индивидуально-авторским мировосприятием, способствующим раскрытию когнитивных ресурсов художественной деятельности автора, и включает иконичность и индексальность как когнитивно-семиотические процессы.

Смысл, в отличие от значения, порождается субъектом, поэтому в интерпретации художественного текста апперцептивная номинация сочетается с эмоционально значимыми ассоциациями, эксплицируемыми на основе опыта субъекта.

Чувственное восприятие в художественном тексте является не только фоном повествования, но и эксплицирует многогранные процессы, отражающие внутренний мир человека. Наш материал доказывает, что именно чувства помогают человеку сохранить ассоциативно-эмоциональное восприятие в памяти. Интерпретация чувственного восприятия ограничена лексиконом и социокультурным интеллектом субъекта, номинирующего оттенки чувств. Герои

в контексте их представления в художественном тексте способны к целому ряду разнообразных чувств. Чувственные впечатления, порождаемые представлениями, остаются в памяти субъекта и впоследствии воспроизводятся автором художественного текста. Память, отмечает Е. С. Кубрякова, – «это «сердце» нашего интеллектуального функционирования, это средоточие того, что составляет личностный опыт человека» [Кубрякова 2004: 357].

Чувство, являясь исконно русским словом, эксплицирует духовную природу авторской мысли. Образно-экспрессивные и прагматические свойства слова в художественном тексте превращают их в обязательные элементы языка культуры, но в то же время чувства являются специфической формой отражения действительности. В чувственном восприятии проявляется, на наш взгляд, субъективно-индивидуальное понимание действительности, соотнесенность с воспринимаемой реальностью через создание определенных эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок.

Смысловое пространство художественного текста выявляется через призму ассоциативного восприятия, поскольку ассоциативные переживания порождают лирическую архитектонику художественного текста.

Ассоциативные переживания воплощены в конкретных предметно-чувственных образах, а субъективные переживания основаны на тех событиях действительности, которые произошли намного раньше авторского повествования о них.

Ассоциативное восприятие актуализировано сложными смысловыми параллелями: по звуку, цвету, признаку, сопоставлению – и представляет результат речемыслительной деятельности автора, отражающей номинируемую действительность, поскольку «мы получаем возможность интерпретировать новые, сличать и сопоставлять имеющиеся воспоминания с текущей деятельностью и вообще – динамически использовать содержащиеся в ней структуры знания, опыта и оценок» [Кубрякова 2004: 357–358].

Выводы

В художественном тексте апперцептивная номинация мотивирована такими экстралингвистическими факторами, как память и ассоциативное восприятие. Номинативная функция в художественном тексте выявляет динамику творческого восприятия, а посредством апперцепции

раскрывает внутренний мир авторского мировидения. Когнитивный подход к описанию художественного текста позволяет говорить о нём как форме репрезентации образного познания, способе возникновения, развития и совершенствования знаний человека о мире и самом себе. Триада действительность, память и апперцепция формируют порождающие топики ценностно-смысловых регистров художественного текста, поскольку действительность в памяти фиксируется не как повторное воспроизведение, а чувственная трансформация собственного приобретённого опыта.

Следовательно, апперцептивная номинация фокусирует сохранившийся в памяти опыт пережитой действительности адресанта и актуализирует чувственное восприятие адресата, что позволяет при помощи субъективного опыта и возникших ассоциаций не только интерпретировать, но и воспринимать смысловые топики художественного текста.

Апперцептивная номинация является результатом сформированного в памяти нового опыта. Такое воспоминание актуализирует творческую реализацию авторского порождения художественного текста и фиксирует посредством апперцептивной номинации то, что представляется значимым для смыслового содержания текста.

Таким образом, когнитивные механизмы апперцептивной номинации формируют такое смысловое пространство художественного текста, которое содержит экстралингвистические и лингвистические факторы, обусловленные опытом и вербализированные словом. Такой синтез фокусирует смысловое пространство и формирует целостность восприятия художественного текста посредством ассоциативных и чувственных источников интерпретации, что позволяет соединить воспринимаемые субъективные представления в художественные образы.

Доминирующая роль субъективных факторов восприятия действительности и формирования собственных знаний и впечатлений выявляет антропоцентрическую природу апперцептивной номинации.

Центральным понятием и порождающим стимулом для порождения апперцептивной номинации является авторское Я, с помощью которого изображаются переживания и чувства автора.

В процессе приобретения опыта автор формирует творческую и познавательную базу апперцептивной номинации, благодаря которой порождается художественный текст.

Теоретики психологии отмечают: каждый человек является архитектором собственного поведения и жизненного опыта. Эту мысль под-

утверждает и анализ художественных текстов, так как авторы, используя приобретённый опыт, в речевых интенциях создают образы, в которых проявляется личность автора.

Итак, когнитивные механизмы апперцептивной номинации являются центральной креативной константой всей архитектоники художественного текста, постоянно обновляемой динамикой ценностно-смысловых представлений автора, отражающихся в синергетическом пространстве реальных и воображаемых событий. Апперцептивная номинация является не только конструктивным механизмом формирования смыслового содержания, но и эпицентром порождения внутренней формы текста.

Литература

Кацнельсон С.Д. Категория языка и мышления: из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2004.

Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Том 1. М.: Мысль, 1982.

Озерова Е.Г. Апперцепция как когнитивный механизм формирования коннотативно-смыслового содержания лирикопрозаического текста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 13 (156). Выпуск 18. С. 72–78.

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.

***E. G. Ozerova** (Belgorod, Russia)*
Belgorod State National Research University

COGNITIVE FACTORS OF APPERCEPTION NOMINATION

The triad of reality, memory and apperception represents the value-semantic space of a literary text, explicating the sensory transformation of the acquired experience. The text considers apperceptive nomination as a means of cognitive-semantic generation of a literary text.

Key words: apperception nomination, artistic text, semantic space.

М. В. Стефанович, У. Л. Кшеновская, А. В. Стародубцева
(Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный
педагогический университет
sj@ngs.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ НАРЕЧИЙ НА *-LY* ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

В данной статье наречия на -ly зрительного восприятия рассматриваются через модус зрительного восприятия, образующего концептуальную основу категории эвиденциальности. Такой подход позволяет описать условия, при которых описываемые единицы способны выступать в качестве маркеров эвиденциальности, реализующих в контексте инферетивное значение.

Ключевые слова: зрительное восприятие, наречие, эвиденциальность, когнитивно-дискурсивный подход, корпусные методы исследования.

Когнитивно-дискурсивная парадигма научного знания в лингвистике обосновала необходимость смещения исследовательского фокуса от «языка в человеке» к «человеку в языке» [Козлова 2012: 122] и инициировала описание «когнитивных структур, лежащих в глубинах сознания личности» [Манерко 2000: 39] через изучение речемыслительной деятельности человека в социокультурной реальности. Такой подход утверждает трансдисциплинарность в качестве более объективной исследовательской стратегии [Котюрова 2019: 27], где в фокусе внимания находится трансфер знаний [Демьянков 2016: 43].

В сознании человека недискретный образ мира формируется из ощущений, порожденных контактом человека с окружающим миром, которые трансформируются в сигналы и передаются в мозг по сенсорным каналам. В зависимости от ведущего канала полученных знаний о мире и их первичной обработки выделяется несколько видов сенсорной модальности, однако модус зрительного восприятия имеет первостепенное значение среди прочих перцептивных модусов [Психология 2008: 184].

Модус зрительного восприятия организует отдельные представления – результаты деятельности других перцептивных модусов – в единый монолитный образ, который не является суммарной величиной, производной от задействованных сенсорных модальностей. Процесс его формирования накладывается на предыдущий жизненный опыт человека, приобретенные знания, этнокультурный опыт, что позволяет

говорить о субъективной природе переживаемых ощущений [Стефанович, Кшеновская, Стародубцева 2020: 74].

В процессе концептуализации различные зрительные признаки (размер, форма, цвет, яркость, контрастность, резкость, глубина, расстояние, движение, скорость, количество, местоположение и др.) активно взаимодействуют друг с другом и образуют сложные перцептивные корреляции, которые впоследствии объективируются языковыми средствами. Многочисленные способы категоризации явлений окружающего мира способствуют тому, что зрительное восприятие подвергается в языке более плотной номинации.

Материал исследования представлен 40 наречиями на -ly зрительного восприятия, которые, как элементы языковых моделей, номинирующие фрагменты мира, кодируют, хранят и транслируют знания о процессе восприятия зрением и о его различных свойствах. В основу выборки материала исследования положен принцип инкорпорирования общего интегрального семантического компонента «видимое глазу», поскольку «воспринимаемость объекта имплицируется при активации в высказывании смысла «быть открытым взгляду» даже в отсутствие в когнитивной сцене элемента НАБЛЮДАТЕЛЬ, данный смысл кодируется в виде семы лексического значения предикатных слов» [Колесов 2008: 59].

Рассмотрение более 40000 контекстных реализаций наречий на -ly зрительного восприятия на материале национального корпуса английского языка (BNC) с привлечением методов семантической и прагматической интерпретации, дискурсивного анализа, метода анализа словарных дефиниций и метода сопоставительного описания, позволяет говорить о том, что исследование семантики языковых единиц с опорой на корпусные данные выявляет новые качества лингвистической реальности [Борискина 2015: 27]. В отличие от наречий на -ly, наделенных статическим «одномерным» характером основного значения, описывающего некий категоризированный способ совершения действия, семантика исследуемых единиц включает параметр наблюдаемости / наблюдателя, который предполагает источник получения информации, указание на прямое визуальное свидетельство, т.е. собственное наблюдение говорящего. Вместе с обстоятельственной компонентой данный параметр, в условиях функционирования исследуемых единиц в синтаксической препозиции / постпозиции к глаголу, участвует в модификации предикативного значения предложения [Болдырев 2016: 20]. Параметр наблюдаемости распространяется на всю ситуацию, описываемую предложением, что позволяет обстоятельственной компоненте выступать в качестве средства фиксации того или иного ракурса обзора всей ситуации наблюдаемости.

Вместе с тем, отсутствие закрепленной позиции в структуре предложения не влияет на способность исследуемых единиц выполнять функцию эвиденциальных маркеров и реализовывать в контексте инферетивное значение, т.е. аргументированный вывод на основе наблюдаемой ситуации. Степень неполноты результата зрительного восприятия является варьируемым параметром, который служит основой для смещения акцента в семантике исследуемых единиц от обозначения непосредственного зрительного восприятия до выражения мнения.

В частности, к наречиям на -ly, транслирующим смысл условно полного зрительного восприятия (того, что доступно непосредственному восприятию зрением, и на основе увиденного делается последующее логическое заключение о событии) относятся единицы типа visibly, perceptibly, noticeably, perceivably, tangibly, discernably, prominently, conspicuously, distinctly, eye-catchingly. Параметр наблюдаемости, имплицируемый данными единицами, определяет содержание ситуации, описываемой предикатом, а обстоятельственная компонента характеризует ракурс обзора всей ситуации: *changed almost **tangibly** (**заметно** изменилось); she started **visibly** at the unexpected voice coming from the corner (она **заметно** вздрогнула, неожиданно услышав голос, раздающийся из-за угла); the two contestants differed **markedly** (два кандидата **заметно** различались)*.

Модус зрительного восприятия образует концептуальную основу категории эвиденциальности, ибо зрительное восприятие пополняет источник знаний человека, являясь прямым доступным каналом к получению информации, которая затем трансформируется, перерабатывается и транслируется. По своей природе зрительное восприятие фрагментов окружающего мира субъективно, опосредовано человеком-наблюдателем (его эмоциями, знаниями, мировоззрением, мотивами, ценностями) и не зеркально. Явления и предметы окружающего мира, находящиеся в ситуации наблюдаемости, осмысляются человеком по внешним признакам целостно и структурно. Если наблюдатель видит их не полностью, он мысленно достраивает полученную информацию до единого образа, исходя из характера этих признаков и степени их выраженности в соответствии с логикой возможного, т.е. человек видит окружающий мир таким, каким он должен выглядеть согласно его знаниям о мире. Сознание фильтрует зрительную информацию, оставляя лишь то, что представляет интерес и невозможно не заметить. Тем самым зрительное восприятие «запускает» процесс интерпретации данных о явлениях и предметах окружающего мира, в результате которого можно делать выводы о степени проявления признаков и переосмыслять зрительный

опыт по количественной шкале: ***noticeably*** *eat more (есть* ***заметно*** *(= **намного**) больше),* ***appreciably*** *later / better (намного позже / лучше).* Подобная перекатегоризация в сфере наречий на -ly зрительного восприятия возможна при условии их контекстного взаимодействии с качественно-количественной характеристикой синтаксического соседа: исследуемые единицы «встраиваются» в ситуацию, описываемую предикатом, профилируя количественную характеристику и реализуя функцию интенсификатора*: **conspicuously** successful (**очень** успешный), in **markedly** different ways (**совершенно** различными способами), **markedly** successful (**очень** успешный), he felt **strikingly** differently (он чувствовал себя **совершенно** по-другому), **strikingly** high rates (**очень** высокие показатели), feeling **distinctly** lonely (чувствуя себя **очень** одиноко)*.

Наречия на -ly зрительного восприятия со встроенными в их семантику лимитирующими характеристиками-критериями “related to the appearance of something”, “connected with sight or light”, “giving a clear and effective picture”, “consisting of pictures”, “pertaining to or of the nature of a schema, diagram” обеспечивают единственно возможный ракурс обзора ситуации наблюдаемости, конкретизируя, в каком виде осмысляется полученная зрительная информация. В результате, в наречиях на -ly типа visually, pictorially, schematically, graphically, optically обстоятельственная компонента проявляет некую «избирательность» по отношению к семантике предикатов: она «распознает» предикаты, которые характеризуются потенциально совместимой сочетаемостью, тем самым определяя ракурс ситуации наблюдаемости и задавая особую классификацию предикатов – по определенным семантикой наречий признакам обозначаемых предикатами ситуаций. В частности, для наречий graphically, pictorially, schematically, optically не характерны контексты типа graphically slept*, pictorially ate*, schematically coughed*, optically sighed*, где наблюдается семантическая рассогласованность между наречием на -ly и предикатом. Однако в глаголы вербального и невербального общения обстоятельственная характеристика исследуемых единиц «встраивается» без ограничений, уточняя ракурс обзора в ситуации наблюдаемости: ***graphically*** *outlined / illustrated / recorded (наглядно изложено / запечатлено / иллюстрировано / запечатлено), this* ***graphically*** *highlights (это наглядно показывает), he described quite* ***graphically*** *(он объяснил понятно),* ***graphically*** *speaking (образно говоря), to communicate* ***pictorially*** *as well as texturally (общаться обмениваясь как картинками, так и текстами), to realize that mental representation* ***pictorially*** *(воплотить ментальную репрезентацию в картинке)****,*** *the inclination to think* ***visually*** *(способность мыслить образно),*

*communicate **visually** as well as verbally (общаться визуально и вербально), communication takes place acoustically or **optically** (общение происходит посредством речи и письма), words which are slightly unfamiliar **visually** (слова с незнакомым написанием)*.

В ряде контекстов ситуация наблюдаемости, задаваемая наречиями на -ly, отражает незначительную степень неопределенности и нечеткости результата зрительного восприятия, которая переосмысляется через уверенность говорящего в своем зрительном опыте в выражение предположения какой-либо степени вероятности, и оформляется во мнение. Неполная утрата визуальной семантики восполняется формированием эпистемического значения достоверности сообщаемого. Модально-эвиденциальные наречия на -ly типа apparently, clearly, evidently, obviously, manifestly, demonstrably, частично сохраняя семантику зрительного восприятия, указывают на предположение высокой степени вероятности, сформированное в результате анализа значительного количества данных. Однако, эпистемическая семантика ослабевает в наречии на -ly clearly в функции обстоятельства образа действия, в контекстах с глаголами и прилагательными зрительного и слухового восприятия, глаголами физического действия (конкретного воздействия на объект или на поверхность объекта). Его эвиденциальное значение оттеняется характеристиками различных элементов ситуации, одна или несколько из которых акцентируются в ракурсе обзора ситуации наблюдаемости: ***clearly** visible from the road (хорошо просматриваемый с дороги), **clearly** observable (ясно наблюдаемый); an **evidently** loveless marriage (видимо, брак без любви), **evidently** heavily pregnant (очевидно, давно в положении); **demonstrably** suffering (явно страдая)*.

В семантике модально-эвиденциального наречия на -ly apparently на фоне инферетивного значения равноценно представлены эпистемические значение уверенности и предположения. Ситуация наблюдаемости, им задаваемая, отражает определенную степень неполноты информации, полученной на основании относительно точных результатов зрительного восприятия, поэтому для формирования достоверного мнения требуется его обоснование в виде ссылки на источник, свидетельство или иное доказательство. В зависимости от наличия / отсутствия обоснования, исследуемая единица может выражать предположение как высокой, так и незначительной степени вероятности, приближая высказывание к более или менее полной достоверности, что соответствует естественной погрешности человеческого восприятия: *such **apparently** irrational attribution of responsibility (такое явно нерациональное присвоение ответственности), an **apparently** unambiguous*

question (явно однозначный вопрос), such an ***apparently*** *casual view of life (такой, по-видимому, случайный взгляд на жизнь).*

Наибольшая степень неточности результата зрительного восприятия проецируется ситуацией наблюдаемости, задаваемой семантикой наречий на -ly aesthetically и artistically, которые в контекстах конкретизируют ракурс обзора по линии художественной или эстетической ценности. Если под параметр «наблюдаемость», задаваемый наречием на -ly aesthetically, попадает ситуация, описываемая глаголами физического действия (конкретного воздействия на объект) или качественно-оценочными прилагательными, то обстоятельственная компонента исследуемой единицы «встраивается» в них, профилируя семантический признак «то, на что приятно смотреть»: ***aesthetically*** *beautiful features (внешне прекрасные черты лица); it would also be* ***aesthetically*** *unattractive (это было бы еще и эстетически / внешне непривлекательно).*

Равновероятно, внешние проявления, фиксируемые зрительным восприятием со значительной степенью неточности, описываются единицами типа superficially, outwardly, externally: например, ***externally*** *visible criteria (внешне наблюдаемые критерии),* ***externally*** *observed behaviour (поведение, наблюдаемое другими людьми), she was* ***superficially*** *examined by a doctor (врач осмотрел ее внешне),* ***outwardly*** *charismatic (внешне харизматичный), an* ***outwardly*** *directed person (человек с активной жизненной позицией),* ***outwardly*** *recognizable (внешне узнаваемый).*

Таким образом, проведенный анализ наречий на -ly зрительного восприятия позволяет описать нетривиальный подход и осмыслить участие когнитивных факторов в семантике языковых единиц. Рассмотрение материала исследования через модус зрительного восприятия, образующего концептуальную основу категории эвидециальности, создает условия для описания способности исследуемых единиц выступать в качестве особых маркеров эвиденциальности, реализующих в контексте инферетивное значение. Данная способность обусловлена степенью неполноты результата зрительного восприятия, инкорпорированной в семантику исследуемых единиц, которые задают параметр наблюдаемости всей ситуации, описываемой предложением, и характеризуют определенный ракурс обзора в ней. Это является основой для смещения акцента в их семантике от обозначения условно непосредственного зрительного восприятия до выражения мнения. Внутри этой шкалы в зависимости от степени полноты зрительного восприятия исследуемые единицы способны выражать инферетивное значение, на которое может накладываться эпистемическая модальность.

Литература

Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола: монография. М.: Директ-Медиа, 2016.

Борискина О. О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 24–27.

Демьянков В. З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 36–45.

Колесов И.Ю «Лингвистика видения» и «Лингвистика видимого» // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 3(10). С. 58–61.

Козлова Л. А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их реализации в тексте // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. 2012. № 2 (18). С. 121–128.

Котюрова М. П. Трансдисциплинарность современной стилистики в эпистемическом пространстве лингвистики // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 25–32.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 141–237.

Манерко Л. А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2000. № 2. С. 39.

Психология: учебник для вузов / сост. В. М. Аллахвердов, С. П. Безносов, В. А. Богданов [и др.]. М.: Проспект, 2008.

Стефанович М. В., Кшеновская У. Л., Стародубцева А. В. Наречия на -ly зрительного восприятия: когнитивно-дискурсивный аспект // Актуальные вопросы филологи и методики преподавания иностранных языков. 2020. Т. 14. С. 73–78.

British National Corpus. URL: http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (дата обращения: 11.04.2021).

M. V. Stefanovich, U. L. Kshenoskaya, A. V. Starodubtseva
(Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Pedagogical University

COGNITIVE BASIS OF VISUAL PERCEPTION ADVERBS WITH *-LY*

The research focuses on the cognitive grounds of *-ly* adverbs of visual perception in their discourse functioning, viewed through the mode of visual perception which forms the conceptual basis of evidentiality. This approach helps describe the conditions, under which *-ly* adverbs of visual perception can function as peculiar markers of evidentiality realizing evidential meanings in the contexts.

Key words: visual perception, adverb, evidentiality, corpus-based method.

Л. А. Фурс (*Тамбов, Россия*)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
liudmila.furs@gmail.com

В. П. Кошелева (*Москва, Россия*)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
vkosheleva@hse.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ КАУЗАЦИИ УБЫВАНИЯ СВОЙСТВ ОБЪЕКТА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются форматы конструирования каузации убывания свойств объекта – первичный и вторичный. В первичном формате выделяются прототипическая и непрототипическая каузация, во вторичном формате выявлены метонимическая, метафорическая и метафтонимическая модели, лежащие в основе формирования оценочного знания. В качестве языковых механизмов определены грамматические и лексические каузативы.

Ключевые слова: каузация убывания, конструирование, прототип, метонимия, метафора, метафтонимия.

Когнитивный подход к изучению языковых явлений предполагает рассмотрение процессов конструирования знания на основе взаимодействия когнитивных и языковых структур, задействованных в этих процессах. Целью данного исследования является анализ конструирования каузации убывания свойств объекта на материале современного английского языка.

Обращение к фактологическому анализу позволяет утверждать, что каузация убывания конструируется в двух форматах – первичном и вторичном. Формат определяется как способ конструирования знания. Что касается типа формата, то для его характеристики значимость имеет замечание Н. Н. Болдырева о том, что язык также «служит средством вторичной обработки полученных знаний в индивидуальном сознании каждого отдельного человека». Вторичность понимается как интерпретация той или иной ситуации реального мира «в рамках другой системы координат: системы мнений, оценок, ценностей, стереотипов» [Болдырев 2014: 159]. Иными словами, первичный формат предполагает опору на естественную категоризацию объектов реального мира, а вторичный – на оценочную категоризацию.

В первичном формате конструирование каузации убывания свойств объекта осуществляется посредством собственно каузативов, типа *cause,* грамматических каузативов *make, let, have, get*, а также лексических каузативов. Лексические каузативы в своем значении содержат смысловой компонент «cause». Показательно, что группа глаголов со смысловой доминантой убывания своей семантикой указывают как на акт каузации, так и на результат каузации: *to reduce* – to make something become smaller in size, amount, degree, importance, etc. (www.dictionary.cambridge.org); to make something less or smaller in size, quantity, price, etc. (www.oxfordlearnersdictionary.com); cause to converge (www.merriam-webster.com); to diminish in size, amount, extent, or number (www.macmillandictionary.com). Результат каузации вербализуется и в словарной дефиниции деривата *reduction* – the process or result of making something smaller or less in amount, size, importance etc. (www.macmillandictionary.com). На основе дефиниционного анализа установлены и свойства различных объектов, которые подвержены убыванию под влиянием воздействующей силы: 1) размер; 2) количество; 3) степень; 4) значимость; 5) стоимость; 6) протяженность; 7) качество. Отметим, что убывание этих свойств является результатом каузации, представляющим элемент ситуации: каузатор – акт каузации – объект каузации – результат каузации. С учетом антропоцентрического фактора, предполагающего учет роли человека в конструировании знания, необходимо указать, что говорящий как наблюдатель ситуации в соответствии с целями коммуникации может исключить какой-либо элемент из процесса репрезентации. В этой связи следует разграничивать прототипические и непрототипические средства репрезентации каузации убывания свойств объекта. В случае, когда представлены все элементы ситуации каузации убывания свойств объекта, конструирование является прототипическим. Если какой-то элемент опускается, конструирование считается не прототипическим, однако каузация убывания свойств объекта осмысляется на основе принципа метафигурирования. Данный принцип заключается в «проецировании характеристик целого на возможные конфигурации элементов» (подробнее см.: [Фурс 2010]).

Так, в следующих примерах представлены все элементы ситуации каузации убывания свойств объекта:

We must ***abate the noise*** *in our big cities* (www.sentencedict.com).

The company must ***reduce costs*** *to compete effectively* (www.sentencedict.com).

The government has ***reduced our agency*** *from an effective industry regulator to a pencil-pushing façade* (www.thefreedictionary.com).

Если в первых двух случаях объекты, на которые направлена каузация убывания, являются абстрактными, то в последнем примере это кон-

кретный объект, для которого характерно постоянство размера. Для наблюдателя значимым является изменение статуса объекта – с важного на менее важный (*pencil pusher* – if you call someone a pencil pusher, you mean that their work consists of writing or dealing with documents, and does not seem very useful or important [www.collinsdictionary.com]).

В непрототипическом конструировании каузации убывания свойств объекта каузатор не является одушевленным, соответственно для такого каузатора не свойственно инициировать акт каузации и целенаправленно доводить его до логического завершения. В этой области выделяются следующие типы:

(1) каузатор INSTRUMENT

A crushing ***machine reduces*** *big rocks to powder* (www.sentencedict.com).

Результатом каузации убывания является измельчение горной породы, в результате чего из множества отдельных объектов появляется однородное вещество.

(2) каузатор MEANS

Antibiotics will reduce *the swelling* (www.sentencedict.com).

These drugs diminish *blood flow to the brain* (www.sentencedict.com).

Результат каузации убывания заключается в уменьшении болезненных ощущений в первом примере и замедлении кровотока во втором.

(3) каузатор TEMPORATIVE

Time will diminish *our friendship* (www.sentencedict.com).

В этом случае результатом убывания является ослабление дружественных связей, а особенность каузатора заключается в том, что время рассматривается как способ существования человека, в котором он изменяется. С изменением человека меняется и его отношение к социальным контактам.

(4) каузатор ACTION

Better ***street lighting*** *might help* ***to reduce*** *crime* (www.sentencedict.com).

Wearing a seat belt reduces *your risk of injury* (www.thefreedictionary.com).

Каузатор представлен на основе метонимических отношений «человек – действие». В первом примере убывание уровня преступности вызвано улучшением освещенности улиц, а во втором – уменьшению риска травмирования способствует применение ремней безопасности.

В ряде случаев каузатор представлен метафорически.

(5) каузатор DISEASE

Mexican artist Frida Kahlo suffered from polio as a child, ***a disease*** *which twisted her foot and* ***made her right leg shorter*** *than her left* (www.use-in-a-sentence.com).

Каузация представлена в этом примере грамматическим каузативом *make*, а результат каузации – сравнительной степенью прилагательного *shorter*. Болезнь как каузатор укорочения конечности наделяется свойствами одушевленной сущности, в результате реализуется метафорическое конструирование.

(6) каузатор ECONOMIC STATE

Poverty reduced *him to homelessness for a brief period of time* (www.thefreedictionary.com).

Низкий прожиточный уровень выступает причиной понижения экономического положения, в результате чего человек становится бездомным.

Часто каузация убывания свойств объекта представлена только результатом. С опорой на принцип метафигурирования и контекст представляется возможным восстановить невыраженные элементы:

Your social invitations will dwindle and your circle of friends will undoubtedly shrink (www.dictionary.cambridge.org).

The rate of crime has reduced to zero level now (www.dictionary.cambridge.org).

В первом случае на каузатора указывает местоимение *your,* во втором примере предполагается, что каузатором является профессиональная деятельность соответствующих органов.

Обратимся к анализу примеров, репрезентирующих вторичный формат каузации убывания свойств объекта. Подчеркнем, что в этом случае конструируется оценочное знание на основе аналогии по смежности или по сходству:

(1) метонимическое конструирование

His health was weakened by overwork (www.oxfordlearnersdictionary.com).

В результате аналогии по смежности «человек – переутомление» и «человек – здоровье» акцентируются каузатор и объект каузации. В результате формируется оценочное знание о снижении качества здоровья.

(2) метафорическое конструирование

Landslides have cut off many villages in remote areas (www.sentence-dict.com).

Природное явление в этом случае наделяется свойством действующей субстанции. Знание о том, как отрезается часть от целого, проецируется на систему снабжения. В результате конструируется знание о том, что многие населенные пункты утратили возможность получать все необходимое для жизнеобеспечения.

She relieved her boredom at home by learning how to type (www.dictionary.cambridge.org).

В этом случае знание о том, как облегчить груз чего-либо, проецируется на область эмоционального состояния. В результате образно удается передать способ развеять скуку (*to relieve* – to make an unpleasant feeling, such as pain or worry, less strong [www.dictionary.cambridge.org]).

We narrowed the list of candidates down from ten to three (www.dictionary.cambridge.org).

На основе метафорического переноса «сузить – уменьшить» конструируется знание о каузации убывания числа кандидатов в списке (*to narrow down* – to make a number or list of things smaller, by removing the things that are least important, necessary, or suitable [www.dictionary.cambridge.org]).

She never cheapened herself by lowering her standards (www.oxfordlearnersdictionaries.com).

Областью-источником является знание о том, как снизить стоимость объекта. Это знание проецируется на область-цель «человек», в результате конструируется оценочное знание о том, что для этой женщины не характерно снижение уровня требовательности к себе, и соответственно для нее несвойственна утрата уважения к самой себе.

(3) метафтонимическое конструирование

В ряде случаев конструирования оценочного знания имеет место метафтонимическое моделирование (о метафтонимии см.: [Goossens 1990]). Для него характерно взаимодействие метонимической и метафорической моделей, что приводит к усложнению конструируемого знания:

Do our successes mitigate our failures? (www.thefreedictionary.com).

Каузатор в этом примере, как и объект каузации, представлены метонимически «человек – результат деятельности». Каузация убывания заключается в уменьшении переживаний из-за неудач. Создаваемая ассоциация «лекарство снимает боль – успех снижает боль от неудач» позволяет образно представить процесс каузации убывания (*to mitigate* – to make less severe or painful [www.merriam-webster.com]).

A woman should soften but not weaken a man (www.sentencedict.com).

В этом случае и каузатор, и объект каузации представлены одушевленной сущностью, однако имеет место их метонимическое осмысление по типу «характер – человек». Знание о том, как размягчить твердую субстанцию, проецируется на область «характер человека». Аналогично, знание о том, как ослабить силу чего-либо, переносится в ту же область. В результате создается ассоциация о влиянии характера женщины на проявление таких мужских качеств, как сдержанность. Отрицательная частица во второй части предложения нейтрализует это влияние на ослабление мужчины.

Her jokes helped to relieve the tension (www.sentencedict.com).

Каузатор каузации убывания свойств объекта представлен метонимически «человек – продукт речевой деятельности». Процесс убывания характеризуется за счет метафорического переноса. По аналогии с тем, как человек прореживает посадки, уменьшая их количество в ряду для лучшего роста, юмор разряжает напряженную атмосферу в общении.

Таким образом, установлено, что каузация убывания свойств объекта в английском языке конструируется в двух форматах – первичном и вторичном. В первичном формате выявлено прототипическое конструирование, когда репрезентируются все элементы ситуации каузации, и непрототипическое конструирование, когда каузатор отклоняется от прототипа или когда представлена фактитивная каузация. Во вторичном формате активизируются метонимическая, метафорическая и метафтонимическая модели, лежащие в основе конструирования оценочного знания о каузации убывания свойств объекта.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Фурс Л. А. Метафигурирование и конструирование смысла // Когнитивные исследования языка. Вып. VI. 2010. С. 284–287.

Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (3). P. 323–340.

L. A. Furs *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

V. P. Kosheleva *(Moscow, Russia)*
National Research University
"Higher School of Economics"

CONSTRUCTION OF THE CAUSATION OF OBJECT PROPERTIES DECREASE IN ENGLISH

The article discusses the formats for constructing the causation of decreasing object properties – primary and secondary. In the primary format, prototypical and non-prototypic causation are distinguished, in the secondary format, the metonymic, metaphorical and metaphtonymic models are identified that underlie the formation of evaluative knowledge. The grammatical and lexical causatives are defined as linguistic mechanisms.

Key words: causation of decrease, construction, prototype, metonymy, metaphor, metaphtonymy.

Е. Б. Яковенко *(Москва, Россия)*
Институт языкознания
Российской Академии Наук
yakovenko_k@rambler.ru

ПОМОЩНИК ИЛИ СОПЕРНИК? О МЕСТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА В ДИАХРОНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В работе выполняется диахронический анализ отдельных реализаций концепта УДОВОЛЬСТВИЕ в английском языке. На протяжении истории изменениям подвергались как номинативное поле концепта, так и его содержание. Утверждается, что эти изменения удобнее рассматривать в рамках концептуального анализа, а не традиционных семасиологических исследований.

Ключевые слова: концепт, номинативное поле, признак концепта, диахронический анализ.

Широчайшая распространенность концептуального анализа в лексикологических штудиях оставляет, однако, открытым вопрос о преимуществах последнего перед традиционными методами изучения значения. До последнего времени использование концептуального анализа в диахронических семантических исследованиях было довольно ограниченным: казалось, что изучение эволюции семантики отдельных единиц или их группировок не оставляет места когнитивному подходу. Тем не менее применение метода к историческому материалу может быть вполне эффективным.

В данной статье исследуется развитие семантики единиц английского языка, служащих вербализации концепта УДОВОЛЬСТВИЕ, главным образом существительных *lust* и *pleasure*. Материалом работы выступают данные авторитетных словарей английского языка, художественные и религиозные тексты. Рассматривая эволюцию семантики отдельных единиц с позиций когнитивной лингвистики (задача полного описания номинативного поля концепта при этом не ставится), мы обосновываем преимущества метода концептуального анализа в диахронических исследованиях.

Референтом единиц-номинантов указанного концепта выступает эмоция удовольствия, понимаемая в психологии как переживание положительно воспринимаемых ощущений и удовлетворение индивидом своих потребностей. Тесная связь и взаимообусловленность эмоциональной и волевой сфер делает проявления радости, наслаждения, удовольствия, удовлетворения, с одной стороны, и желания, с другой стороны, слабо

разграничиваемыми. Удовольствие, таким образом, может иметь как ретроспективный характер (наслаждение полученными благами), так и проспективный (предвкушение удовольствия, т.е. стремление к приобретению благ). Двуплановость данной эмоции создает определенные сложности описания единиц, номинирующих удовольствие, и разграничения семантики единиц, обозначающих сходные с удовольствием эмоции (подробнее см. [Яковенко 2019]).

В связи с поставленными ограничениями в объеме результаты исследования могут быть кратко изложены следующим образом.

В древнеанглийском языке основным номинантом концепта УДОВОЛЬСТВИЕ выступает существительное *lust* (< о.-г. *lustuz (ср. гот. lustus, двн., др.-с. lust, д.-исл. lyst, все с семантикой «радость, желание, удовольствие») < и.-е. *las- «желать, возжелать», ср. лат. lascivus «развратный, похотливый» и совр. англ. *lascivious* с тем же значением. В словаре Босворта и Толлера *lust* определяется как "*desire, pleasure, voluptuousness*" [BT 1898: 648]. Другие элементы номинативного поля концепта: *blis, dreām, ēst, firenlust, gād, gamen, gelīcung, gelust-fulnis, gemēde, gewil, hrōðor, līf-wynn, līðs, lustbǣrnis, lustfulnis, mirigþ, ofersǣlþ, sele-drēām, symbelwynn, synlust, wel-gecwēmnis, weoroldlust, wyn(n), wynlust* и др. – реализуют такие признаки концепта, как 'радость', 'желание' и 'удовольствие'.

В древнеанглийской поэзии *lust* вербализует концептуальные признаки:

– 'радость', 'готовность к какому-либо действию', т.е. скорее предвкушение удовольствия, чем удовольствие от его получения:

He on *lust* geþeah

symbel ond seleful, sigerof kyning (Beowulf, 618–619) (здесь и далее цифры в круглых скобках соответствуют номерам строк) (Beowulf 1953: 21).

he took in delight

feast-food and hall-cup, the victorious king (Translated by B. Slade) (Beowulf… A New Translation 2019)

– 'желание', 'готовность к выполнению каких-либо действий':

monað modes *lust* mæla gehwylce

ferð to feran, þæt ic feor heonan

elþeodigra eard gesece (The Seafarer, 36–38) (The Seafarer 1961: 144).

My heart's desire incessantly calls on my spirit

to set forth in search of the land

of another people far from here (Translated by O. S. Anderson (The Seafarer 1955: 90)).

В древнеанглийских библейских переводах: уэссекских и нортумбрийских Евангелиях, переводе Пятикнижия, выполненном в X в. Эльфриком, – *lust* не встречается. В древнеанглийских переводах псалмов lust, выступая в качестве эквивалента лат. *desiderium*, выражает идею возвышенного желания, блаженства:

beforan de is eall *lust* min (Juniuspsalter, 37: 10) (Juniuspsalter 1908: 48).

et ante te est omne desiderium meum (Vulgata, Ps 37: 10) (Vulgata 1994: 815).

В среднеанглийском концептуальные области желания и удовольствия, изначально близкие, приобретают в языке более четкие очертания. У существительного *lust* появляется конкурент – французское заимствование *pleasure* (< фр. *plaisir*) (более ранняя форма – *plesance*). В этот период семантика удовольствия и возвышенного желания закрепляется за французскими заимствованиями (*desire, joy, pleasure, charm, delight* и др.), присущими первоначально лишь англо-нормандскому – языку господствующего класса, но постепенно проникающими и в английский язык. Ср.-англ. *lust* выдерживает конкуренцию с *pleasure* и сохраняется в языке лишь благодаря сужению референции, обозначая преимущественно физическую сторону человеческого существования (аппетит или половое желание). Последнее характерно также для образованного на его основе композита *fleyshelust*:

…þo ben þe fule tuder|ende of flesliche *lustes* and fule sinnes. þe flited eure toganes þe wreche saule [Old English Homilies 1873: 13].

ȝef þou wolt fleyshelust ouercome,
þou most fiht & flr ylome,
wiþ eye & wiþ huerte;
Of *fleyshelust* comeþ shame… (Proverbs of Hendyng 1898: 40).

Y have a daughter uirgin, and this man hath a [secondary] wife; and Y shall bring out them to you, that ye make low them, and fulfill your lust (Wycliffe, Judg 19: 24) (Wycliffe Bible 1950).

Тем не менее, в конце среднеанглийского периода наблюдаются случаи употребления *lust* в значении «желание» без каких-либо отрицательных коннотаций:

I am thin ayel redy at thy wille
Weep thou namore I wol thy *lust* fulfille (Chaucer, The Knight's Tale, 2477–2478) [Chaucer 1958: 66].

somme folk han greet *lust* to deceyve but yet they dreden hem to be deceived (Chaucer, Melibee, 1759–1760) (Chaucer 1958: 409).

В это же время концептуальные признаки 'удовольствие', 'наслаждение', 'радость', 'любовное влечение' поддерживаются единицей *plesance*:

This marchantz ban hym told of dame distance

So gret noblesse in ernest, ceriously,
That this sowdan hath caught so gret *plesance*
To han hir figure in his remembrance,
That all his *lust* and al his bisy cure
Was for to loue hir while his lyf may dure (Chaucer, The Man of Law's Tale, 184–189) (Chaucer 1958: 128).

I neither may ne kan
Lenger the *plesance* of myn herte hyde <…>
Thy doghter wol I take, er that I wende,
As for my wyf, unto hir lyves ende (Chaucer, The Clerk's Tale, 305) (Chaucer 1958: 230).

В ранненовоанглийском средства вербализации концепта УДОВОЛЬСТВИЕ продолжают варьировать, что хорошо видно, в частности, в переводах Библии. В Библии короля Иакова (the King James Bible, далее – KJB) для обозначения плотских желаний, наряду с *lust*, используется и *pleasure*, ср.:

Therefore Sarah laughed within herself, saying, After I am waxed old shall I have *pleasure*, my lord being old also? (Gen 18: 12) [KJB].

Among whom also we all had our conversation in times past in the *lusts* of our flesh, fulfilling the desires of the flesh and of the mind; and were by nature the children of wrath, even as others (Eph 2: 3) [KJB].

Однако, в то время как *pleasure* описывает в KJB широкий круг явлений эмоциональной и волевой сфер (радость, желание, удовольствие, наслаждение, утешение, симпатия и др.), *lust* обозначает *par excellence* страстное желание любого характера, сладострастие, голод; эта же семантика характерна и для образованного от него по конверсии глагола:

And another dieth in the bitterness of his soul, and never eateth with *pleasure* (Job 21: 25) (KJB).

The enemy said, I will pursue, I will overtake, I will divide the spoil; my *lust* shall be satisfied upon them; I will draw my sword, my hand shall destroy them (Ex 15: 9) (KJB).

And the fruits that thy soul *lusted* after are departed from thee, and all things which were dainty and goodly are departed from thee, and thou shalt find them no more at all (Rev 18: 14) (KJB).

В современном английском языке наблюдается аналогическое распределение признаков в структуре концепта: *lust* сохраняет семантику, сложившуюся в ранненовоанглийский период, обозначая сильное желание, влечение, страсть, половое влечение, ср. контексты, приводимые авторитетными словарями английского языка:

He was driven by a *lust* for power (MD).

Lust for chocolate drew her into the candy store (MD).

He was a man possessed by greed, jealousy and *lust* (LD).

She looked more desirable than ever; now, closing his aching eyes behind their glasses, he felt *lust* rise (LD).

Her *lust* for money is insatiable (LD).

Ничего подобного не обнаруживается в семантике *pleasure*: источником эмоции здесь выступают простые, легко достижимые объекты: общение с близкими, любимое занятие, отдых, поездки и т.д.:

I paint for the sheer *pleasure* of it (MD).

Now I can enjoy the simple *pleasures* of life, like spending time with my family (MD).

A really good game of basketball is a pleasure to watch (LD).

Her singing has given *pleasure* to so many people over the years (LD).

Любопытно, что в современном английском языке продолжается взаимодействие семантических структур единиц *lust* и *pleasure*, при котором происходит частичный обмен их признаками: *lust for sweets, lust for power, lust for life,* но: *sexual pleasure*.

Итак, семантика удовольствия приобретает в английском языке в разные периоды его истории неоднозначное выражение. Единицы *lust* и *pleasure* представляют собой интересный пример того, как на протяжении истории референтная область слова может подвергаться последовательным сужениям и расширениям, а в его семантической структуре развиваются взаимоисключающие признаки. Функционируя первоначально с широкой и размытой референцией, принадлежа эмоциональной и волитивной сферам, *lust* испытывает воздействие внешних и внутренних факторов, таких, как развитие христианских представлений о низменном, греховном характере плотских желаний, формирование рыцарской культуры и лексикона рыцарства, а также все более широкое употребление конкурирующего *pleasure*. Семантика *lust* в течение некоторого времени (преимущественно среднего периода) подвергается специализации и детериорации, но в дальнейшем частично выходит из-под влияния этих процессов. В семантике родственных *lust* единиц других германских языков (нем. *Lust*, нид. *lust* «желание, охота, радость», также «сладострастие, похоть», *lustig* нем. «веселый, радостный», нид. «веселый, живой», шв., дат., норв. *lust* «желание, наслаждение, похоть», исл. *lust* «желание, охота; аппетит» и др.) имеют место сходные процессы с развитием, как правило, одного из признаков, входивших в структуру о.-г. *lustuz.* Семантическое развитие *pleasure* оказалось гораздо более ровным: обозначая эмоцию меньшей интенсивности, с проявлениями, полу-

чающими положительную или нейтральную оценку со стороны социума, лексема получила широкое распространение, сближаясь с единицами-обозначениями радости и удовлетворения, а иногда и заменяя их.

На протяжении своей истории концепт УДОВОЛЬСТВИЕ как элемент английской лингвокультуры неоднократно менял как план своего выражения, так и план содержания. Приобретение единицами новой семантики и закрепление новых смыслов за разными знаками свидетельствует о реструктуризации концепта в каждый новый период истории английского языка. Исследование этих изменений было бы неполным при использовании исключительно семасиологического (слово → значение) или же ономасиологического (предмет → его обозначение) подхода. На наш взгляд, обращение к концептуальному анализу позволяет охватить обе стороны этого процесса, т.е. изучить как развитие отдельных концептуальных признаков, так и изменений в номинативном поле концепта. Все это, безусловно, делает концептуальный анализ весьма эффективным методом диахронических семантических исследований.

Литература

Яковенко Е. Б. К вопросу о семантике удовольствия в истории английского языка // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2019: материалы международной конференции / отв. ред. Е. Р. Иоанесян. М.: Институт языкознания РАН. С. 265–274.

BT – An Anglo-Saxon Dictionary. By Joseph Bosworth and T. Northcote Toller. Oxford: Clarendon Press, 1898 and 1921. URL: http://lexicon.ff.cuni.cz/png/oe_bosworthtoller (дата обращения: 01.06.2021).

Beowulf // The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. IV. Beowulf and Judith. Ed. by E. van Kirk Dobbie. New York: Columbia University Press, 1953. P. 1–98.

Beowulf. Diacritically-Marked Text of Beowulf facing a New Translation (with explanatory notes) edited & translated by B. Slade. URL: http://www.heorot.dk/beo-intro-rede.html (дата обращения: 01.06.2021).

Chaucer G. The Clerk's Tale // Canterbury Tales. Ed. by A. C. Cawley. London; New York: Dent & Sons; Dutton & Co, 1958. P. 221–256.

Chaucer G. The Knight's Tale // Canterbury Tales. Ed. by A. C. Cawley. London; New York: Dent & Sons; Dutton & Co, 1958. P. 26–82.

Chaucer G. The Man of Law's Tale // Canterbury Tales. Ed. by A. C. Cawley. London; New York: Dent & Sons; Dutton & Co, 1958. P. 122–157.

Chaucer G. The Tale of Melibee // Canterbury Tales. Ed. by A. C. Cawley. London; New York: Dent & Sons; Dutton & Co, 1958. P. 391–430.

Juniuspsalter – Der Altenglishe Junius-Psalter. Die Interlinear Glosse der Handschrift Junius 27 der Bodleiana zu Oxford. Hrg. von E. Brenner. Heidelberg: Carl Winter, 1908.

KJB – The Holy Bible. Authorized King James Version. USA: World Bible Publishers, 1989. URL: https://www.kingjamesbibleonline.org (дата обращения: 01.06.2021).

The Holy Bible, containing the Old and New Testaments, with the Apocryphal books, Wycliffe, John, d. 1384., Forshall, Josiah, 1795–1863, Madden, Frederic, 1801–1873. Oxford: University press, 1850.

LD – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: https://www.ldoceonline.com/ (дата обращения: 01.06.2021).

MD – The Macmillan English Dictionary. URL: https://www.macmillandictionary.com (дата обращения: 01.06.2021).

Old English Homilies of the Twelfth Century: from the unique ms. B. 14. 52. in the library of Trinity College, Cambridge: Second series, with three thirteenth century hymns from ms. 54 D.4.14 in Corpus Christi College, edited, with introduction translation, and notes by the Rev. R. Morris. London: Early English Text Society, 1873.

The Proverbs of Hendyng // Specimens of Early English, with Introduction, Notes, and Glossarial Index. By R. Morris and W. Skeat. Part II. Oxford: Clarendon Press, 1898. P. 35–42.

The Seafarer // The Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. III. The Exeter Book. Ed. by G. P. Krapp and E. van Kirk Dobbie. New York: Columbia University Press, 1961. P. 143–147.

The Seafarer. Translated by O. S. Anderson // Poetry and Prose of the Anglo-Saxons. A Text-Book with Introductions, Translations, Bibliography, and an Old English Etymological Dictionary. By M. Lehnert. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1955. P. 89–92.

Vulgata – Biblia Sacra Vulgata. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994.

Wycliffe Bible – The Holy Bible, Containing the Old and the New Testaments, with the Apocryphal Books, in the Earliest English Versions Made from the Latin Vulgate by John Wycliffe and His Followers. Ed. by J. Forshall and F. Madden. Vol. IV. Oxford: University Press, 1950.

Ye. B. Yakovenko *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

ASSISTANT OR RIVAL? ON THE USE OF CONCEPTUAL ANALYSIS IN DIACHRONIC STUDIES

The paper focuses on diachronic analysis of particular realisations of the concept PLEASURE in English. Throughout history, both nominative field of the concept and its content have undergone considerable changes. It is argued that these changes are better considered within the frame of conceptual analysis rather than traditional semasiological studies.

Key words: concept, means of nomination, a feature of the concept, diachronic analysis.

IV. EMBODIMENT. ИССЛЕДОВАНИЯ ЖЕСТОВ С РЕЧЬЮ

О. К. Ирисханова, Ю. С. Аврамова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
oiriskhanova@gmail.com, iuliia.avra@gmail.com

НЕЧЕТКАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ ПРИ РЕШЕНИИ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ЗАДАЧ КАК ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН[1]

В статье представлены результаты эмпирического исследования, нацеленного на выявление роли жестов в реализации разных типов (стратегий) нечеткой референции при решении метаязыковых задачи, вызывающих разного рода затруднения. Проводится полимодальный анализ видеоматериала, полученного от испытуемых, которые спонтанно объясняют различия между близкими синонимами родного языка. Методами качественного и количественного анализа выявляется специфика функционирования жестов с двумя типами нечетких номинаций – заместителями и аппроксиматорами.

Ключевые слова: решение метаязыковых задач, речевые затруднения, нечеткая референция, заместители, аппроксиматоры, экспланаторный дискурс, функциональные типы жестов, полимодальные единства.

1. Нечеткая референция: постановка проблемы

Настоящее исследование продолжает идеи Елены Самойловны Кубряковой, которая подчеркивала, что дискурс представляет собой сложное коммуникативное и когнитивное явление и для познания его сущности

[1] Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00357 «Вербально-телесное поведение говорящего в условиях повышенной когнитивной нагрузки: анализ речи, жестов и движения глаз» (разработка теоретических основ исследования и методики анализа жестов); часть исследования выполнена в рамках реализации проекта № 075-03-2020-013 «Полимодальный анализ коммуникативного поведения говорящего в разных типах устного дискурса» государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, рег. номер АААА-А20-120071690041-3 (сбор, статистическая обработка и анализ языкового материала).

необходимо изучение всех ресурсов, которые могут дать доступ к когнитивным процессам [Кубрякова 2000]. В когнитивных исследованиях последних лет в качестве такого ресурса рассматриваются не только языковые выражения, но и сопровождающие их жесты.

Данная работа – это также «точка схода» двух полимодальных проектов, которые реализуются исследователями Центра социокогнитивных исследований дискурса (СКоДис) в Московском государственном лингвистическом университете. Один из них посвящен изучению того, как с помощью доступных коммуникативных ресурсов говорящие, а именно – синхронные переводчики, преодолевают речевые затруднения, связанные с повышенной когнитивной нагрузкой, и какие жесты они при этом используют [Cienki, Iriskhanova 2020]. В другом проекте изучаются закономерности функционирования жестов в речи в разных типах дискурса – нарративном, описательном, инструктивном и некоторых других [Ирисханова и др. 2021].

Настоящее исследование также нацелено на изучение жестов в условиях когнитивной нагрузки, однако, в отличие от проекта по синхронному переводу, мы стремимся выявить некоторые закономерности полимодального (вербально-жестового) поведения говорящих, которые испытывают речевые затруднения, связанные не с самим процессом перевода с одного языка на другой, а с тем, что говорящие сталкиваются с довольно сложной метаязыковой задачей в пределах родного языка: объяснить различия между весьма близкими синонимами, предъявляемыми попарно (см. подробнее ниже). Таким образом, мы, с одной стороны, изучаем затруднения и способы их преодоления при решении метаязыковой задачи внутри одного языка. С другой стороны, мы сосредоточиваемся на важнейшей особенности спонтанного экспозиторного дискурса – на выражениях нечеткой референции, расширяя тем самым диапазон изучаемых в Центре СКоДис типов, жанров и субжанров полимодального дискурса и их свойств.

Под нечеткой референцией (vague reference) как лингвистическим явлением мы понимаем такую соотнесенность языкового выражения с референтом, при котором соответствующий объект или событие предстает как обладающий диффузными границами или свойствами. Важно отметить, что в отличие от неопределенной референции, как она понимается в логической семантике [Russell 1956; Bell 1970; Partee 1972; Стросон 1982; Barnes, Williams 2011], нечеткая референция относится нами к явлению скорее когнитивно-прагматическому: она предполагает ситуативный выбор говорящего в пользу нечеткой номинации – а значит,

менее точного конструирования объекта, при наличии возможности выбора более точного наименования (например, *там стояли какие-то люди* вместо *там стояли люди / там стояло несколько человек)*. Как отмечает В. И. Подлесская, случаи неточной номинации возникают «в проблемных точках речепорождения» [Подлесская 2013: 561]: например, при затруднениях в поиске нужного слова или «когда прямое точное называние объекта или положения дел оказывается невозможным или нежелательным» [Ibid.: 561].

Для того, чтобы избежать чрезмерно широкой трактовки языковой нечеткости (ведь, как известно, практически любое слово, указывая на класс объектов, обладает той или иной степенью семантической диффузности), к нечетким языковым выражениям исследователи относят, прежде всего, так называемые слова-заместители (placeholders): местоимения, существительные неопределенной семантики (*дело, вещица, проблема*), выражения, замещающие ряд объектов или один объект (*что-то вроде этого, и так далее, и тому подобное, то да сё, как её / как его)*. Ко второй группе принадлежат слова-аппроксиматоры (approximators): *типа, вроде, какой-то, около, наверно, возможно* и др. Обеим группам нечетких номинаций посвящено немало работ – как в когнитивной лингвистике, так и за ее пределами (см., например, [Lakoff 1973; Sperber, Wilson 1995, Channell 1994; Cutting 2007; Sauerland, Stateva 2007; Podlesskaya 2010; Tárnyiková 2019]).

Однако нечеткая референция не ограничивается только языковыми проявлениями, что связано с действием универсального механизма диффузной категоризации [Lakoff 1973], который охватывает различные коммуникативные ресурсы – как вербальные, так и невербальные. Следовательно, данный феномен будет проявлять себя и в жестах, сопровождающих нечеткую номинацию. Ранее, на материале устного описательного дискурса в [Iriskhanova, Prokofyeva 2020] было показано, что, решая проблемы в условиях неопределенности, говорящие сопровождают вербальные выражения (аппроксиматоры) соответствующими мануальными движениями, к которым относятся так называемые повторяющиеся (recurrent) жесты – такие как жесты колебания, циклические жесты и жесты PUOH (ладони, повернутые вверх) (ср. [Bressem, Müller 2014; Ladewig 2014; Гришина 2017]).

В настоящем исследовании мы описываем нечеткость референции, реализуемую в жестах, не с точки зрения их формальных характеристик, а с точки зрения их функций, и ставим следующие вопросы: 1) *Можно ли утверждать, что нечеткая референция обнаруживает тенденцию к по-*

лимодальности и что вербально-жестовые единства будут использоваться для ее реализации чаще, чем языковые выражения без жестов? 2) *Существует ли соотнесенность между тем, какой тип нечеткой номинации выбирает говорящий (заместители vs. аппроксиматоры), и тем, какие жесты в функциональном отношении он использует?* Мы предполагаем, что, во-первых, полимодальная реализация нечеткой референции будет преобладать над мономодальной (вербальной), поскольку подобный тип референции связан с речевыми затруднениями и, соответственно, с необходимостью задействовать дополнительные (невербальные) средства для их преодоления. Во-вторых, будет наблюдаться статистически значимые различия между двумя стратегиями нечеткой референции – замещением и аппроксимацией [Подлесская 2013] с точки зрения функциональных характеристик жестов, сопровождающих соответствующие номинации. В более общем плане, подтверждение данных гипотез позволит говорить: (а) о значимости жестов для конструирования диффузных категорий, по крайней мере, в условиях решения метаязыковых задач с повышенной когнитивной нагрузкой, и (б) о наличии определенных паттернов полимодального (словесно-жестового) поведения в случаях нечеткой референции, являющейся инструментом для решения подобных задач.

2. Процедура эмпирического исследования и характеристики полученного материала

Гипотезы, выдвинутые нами в данной работе, подверглись предварительной проверке в ходе эмпирического исследования, в котором приняли участие 10 студентов МГЛУ, носителей русского языка, в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст – 20 лет), из них 6 лиц мужского пола и 4 – женского пола.

В ходе эксперимента велась видеозапись, осуществляемая камерой, установленной фронтально перед испытуемым. Все участники эксперимента располагались таким образом, чтобы ничто не сковывало их движения, а также отсутствовали дополнительные предметы опоры (стол, подлокотники и пр.), которые бы могли повлиять на процесс жестикуляции (рисунок 1). Экспериментатор находился напротив испытуемого и выступал, главным образом, в роли слушателя.

После заполнения форм согласия и краткого инструктажа экспериментатор последовательно в устной форме предъявлял испытуемым следующие пары синонимов: *огонь – пламя; мертвец – труп; битва – схватка;*

Рис. 1. Схема расположения участников эксперимента

чепуха – ерунда; кара – наказание; идеал – совершенство; ложь – враньё; страх – боязнь; бремя – ноша; усердие – старание; долг – обязанность; линия – черта; вой – рев; тьма – темнота. После предъявления каждой пары испытуемый пояснял разницу между ними.

Видеозаписи общей длительностью около 1 часа 36 минут, полученные в ходе исследования, далее обрабатывались с помощью программы ELAN, разработанной Институтом психолингвистики Макса Планка в Неймегене, Нидерланды (рисунок 2).

Аннотирование проводилось на основе двух базовых категорий: нечеткая референция (по указанным выше двум типам номинаций – заместителям и аппроксиматорам) и функциональные типы жестов.

К заместителям были отнесены лексемы и лексические выражения, употребляемые вместо более точных обозначений объектов и их свойств, событий (внешних и внутренних), а также других языковых выражений (при метаязыковой референции): неопределенные местоимения и наречия (*кто-то, что-нибудь, где-то, как-то*)*;* существительные широкой семантики (так называемые слова-оболочки [Schmid 2000]) *состояние, оттенок, штука, вещи, аспект, вид, объект, ситуация, случай, идея*)*;* выражения, завершающие перечисления (*и так далее*); субстантивированные прилагательные (*хорошее, советское, большое*, *древнее*, *религиозное, невнятное,* нередко в сочетании с неопределенными местоимениями: *что-то невразумительное*); обобщающие выражения (*вот так, как-то так, что-то в этом роде, как-то так хотел сказать*).

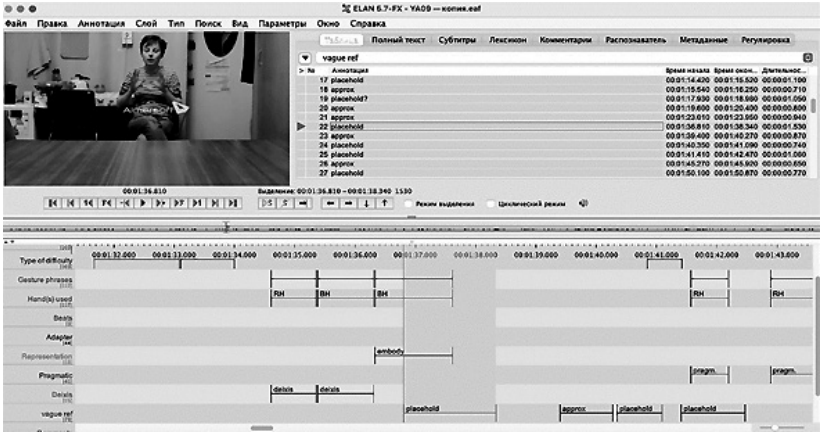


Рис. 2. Рабочее окно в программе ELAN

В категорию аппроксиматоров вошли выражения, которые употребляются вместе с иными (точными или неточными) средствами наименования. В нашем видеоматериале к ним относятся: хеджирующие выражения, снижающие степень точности или категоричности коммуникации (*собственно говоря, вроде, типа, как бы, что ли, ну в общем, в каком-то плане, скорее, не совсем*); хеджи-преграды – выражения, указывающие на субъективное мнение (*насколько я понял, мне кажется, на мой взгляд, я думаю*); неопределенные местоимения и частицы при именах существительных (*какой-то, какой-нибудь, чей-то*); модальные наречия, модальные вводные слова и глаголы возможности (*наверно, вероятно, может быть, вряд ли*); указательные местоимения и частицы (*тут, такое, там, вот, этот*); метадискурсивные комментарии и пояснения (*в смысле там, скажем так, то есть, как сказать-то).*

Для определения типов жестов применялась функциональная классификация, предложенная К. Мюллер и А. Ченки, в соответствии с которой жесты подразделяются на жесты-биты (жесты подчеркивают ритм речи); жесты-адаптеры – самоадаптеры и предметные адаптеры (жесты касания); репрезентативные жесты (жесты иконически передают свойства объекта); прагматические жесты (жесты передают интенции говорящего, его когнитивные и эмоциональные состояния); дейктические жесты (жесты указания) [Cienki 2005; Müller 2005].

Несмотря на то, что основной единицей анализа были полимодальные единства «нечеткая номинация + жест» (жест при этом пересекается во времени с соответствующим языковым выражением), мы регистрировали случаи отсутствия жеста с языковыми выражениями нечеткой референции.

Заметим также, что при аннотации и анализе данных мы учитывали то, что нечеткие номинации нередко образуют целые кластеры, включающие в себя как заместители, так и аппроксиматоры: *что-то из разряда каких-то четырех каких-нибудь стихий; тут, наверно, есть какой-то личностный аспект; что-то более такое близкое; что-то, что нам, я думаю, не угрожает; можно отнести какое-то конкретное химическое состояние.* Кроме того, некоторые типы жестов (особенно самоадаптеры, такие, например, как сжимания рук) также могут сливаться в кластеры повторяющихся микро-жестов.

Поскольку указанные случаи представляют определенную проблему для анализа, было принято следующее решение: когда происходит наложение протяженного вербального кластера, включающего разные типы номинации, на несколько жестов, мы трактовали такие употребления как несколько отдельных полимодальных единств, определяя, с каким компонентом – заместителем или аппроксиматором, синхронизировались те или иные движения рук. В то же время, один и тот же «долгий» жест мог употребляться с несколькими последовательно произведенными номинациями нечеткой референции, что мы также рассматривали как несколько отдельных полимодальных единств. Таким образом, при подсчете полимодальных единств «нечеткая номинация + жест» учитывалось не количество произведенных жестов и вербальных кластеров, а случаев или речевых событий (usage-events) реализации жестом того или иного типа нечеткой референции. Иными словами, один и тот же жест мог сопровождать обе стратегии нечеткой референции в пределах языкового кластера, а один языковой кластер мог сопровождаться несколькими жестами.

Далее рассмотрим результаты проведенного анализа, соотнося их с гипотезами исследования.

3. Результаты анализа полимодальных единств «нечеткая номинация + жест»

Гипотеза 1. *Нечеткая референция обнаруживает тенденцию к полимодальности, т.е. вербально-жестовые единства будут использоваться для ее реализации чаще, чем языковые выражения без жестов.*

Данные ELAN-файлов были обработаны и систематизированы с точки зрения общего количества случаев употребления языковых выражений (по двум типам) и количества случаев, сопровождаемых и не сопровождаемых жестами разных функциональных типов (таблица 1):

Таблица 1

Сводные данные по видеокорпусу:
номинации нечеткой референции с жестами и без жестов

Типы номинаций нечеткой референции	**Общее количество номинаций (ед.)**	**Номинации без жестов (% от общего кол-ва номинаций)**	**Случаи реализации жестами нечеткой референции совместно с языковыми единицами (% от общего количества случаев по данному типу номинации)**				
			самоадаптеры	**прагмат.**	**дейктич.**	**репрезент.**	**биты**
заместители	316	89 (28%)	96 (29%)	116 (36%)	35 (11%)	75 (23%)	4 (1%)
аппроксиматоры	443	129 (29%)	216 (49%)	119 (27%)	47 (11%)	59 (13%)	1 (0%)
всего	**759**	**218 (29%)**	**312 (29%)**	**235 (36%)**	**82 (11%)**	**209 (23%)**	**5 (1%)**

Как следует из сводной таблицы, для обоих типов выражений с нечеткой референцией в нашем материале наблюдается существенное преобладание полимодальных единств над мономодальными (вербальными) средствами реализации нечеткой референции: 72% (N = 227) vs. 28% (N = 89) для заместителей; 71% (N = 314) vs. 29% (N = 129) для аппроксиматоров. Таким образом, в нашем материале в среднем три выражения из четырех сопровождались теми или иными жестами, что, в целом, подтверждает гипотезу об общей тенденции нечеткой референции к полимодальной реализации.

Кроме того, в интересующих нас полимодальных единствах обращает на себя внимание совокупное преобладание прагматических жестов (36% по всему корпусу) и самоадаптеров (29%). Среди первой группы преобладают жесты колебания, PUOH, циклические жесты и жесты эмфазы, что согласуется с предыдущими исследованиями жестов

с прагматической функцией неопределенности. Большое количество самоадаптеров, по-видимому, указывает на сложность решаемой задачи и, как следствие, на повышение локальной когнитивной и психологической нагрузки, для преодоления которой служат жесты самокасания [Allen, Honeycutt 1997; Krauss, Hadar 1999].

Интересно также и то, что для аппроксимации процент самоадаптеров оказывается существенно выше, чем для замещения (49% vs. 29%), в то же время для замещения соотношение между функциональными типами жестов меняется довольно существенно в пользу репрезентативных жестов (23% в случаях замещения vs. 13% в случаях аппроксимации). На данном этапе исследования довольно сложно дать этому объяснение. Пока относительно репрезентативных жестов мы можем предположить, что, возможно, стратегия замещения, при которой говорящий осуществляет референцию к объекту через неопределенные местоимения, существительные-оболочки или обобщенные прилагательные-субстантивы, требует от говорящего какой-то дополнительной «телесной» семантической компенсации, которая реализуется через жесты, указывающие на какие-то, пусть даже и метафорические, свойства объекта. Так, например, один из участников эксперимента сопровождает заместитель *<кара для меня>… это* ***что-то связанное с совестью*** репрезентирующим жестов удержания, как бы размещая и удерживая это «что-то» в пространстве перед собою (рисунок 3).

Рис. 3. Жест удержания, сопровождающий номинацию-заместитель «*это* ***что-то связанное с совестью***»

Гипотеза 2. *Наблюдаются статистически значимые различия между двумя стратегиями нечеткой референции – замещением и аппроксимацией, относительно функциональных характеристик жестов, сопровождающих соответствующие номинации.*

Для подтверждения данной гипотезы был проведен анализ с использованием парного t-критерия Стьюдента, который используется для проверки статистической значимости различий между двумя зависимыми выборками при нормальном распределении. Анализ показал наличие статистически значимых различий в употреблении функциональных типов жестов для двух групп номинаций – заместителей и аппроксиматоров: для самоадаптеров $t = -7.02$, $df = 19$, $p < .001$; для прагматических жестов $t = -5.09$, $df = 19$, $p < .001$; для дейктических жестов $t = -4.33$, $df = 19$, $p < .001$; для репрезентирующих жестов $t = -7.63$, $df = 19$, $p < .001$; для битов $t = 1.75$, $df = 19$, при $p = 0{,}096$. Статистически значимые различия были обнаружены и внутри каждой группы номинаций, при $p < .001$ для большинства пар выборок.

Таким образом, статистический анализ с привлечением парного t-теста позволяет говорить о наличии некоторых статистически значимых различий между употреблением функциональных типов жеста по двум стратегиям нечеткой референции – замещения и аппроксимации. Однако в дальнейшем потребуются увеличение группы испытуемых и дополнительные статистические расчеты

4. Выводы

В целом, проведенное эмпирическое исследование показало наличие связи между тем, какие языковые средства нечеткой референции использует говорящий при решении метаязыковых проблем и какими жестами он эти средства сопровождает. Проведенный качественный и количественный анализ подтвердил, что основными стратегиями нечеткой референции являются стратегии замещения и аппроксимации. По обеим группам номинаций – заместителям и аппроксиматорам, в устном экспозиторном дискурсе, направленном на решение метаязыковой задачи разраничения пар синонимов на родном языке, наблюдается существенное преобладание полимодальной (словесно-жестовой) реализации нечеткой референции над мономодальной (вербальной). Можно также (с некоторой осторожностью) говорить о том, что наблюдаются статистически значимые различия между употреблением жестов с обоими типами нечеткой референции по всем функциональным группам

жестов – самоадаптерам, прагматическим и дейктическим жестам, репрезентирующим жестам и битам. Подтверждение выдвинутых в исследовании гипотез указывает на роль жестов в реализации механизма диффузной категоризации, а также на возможную соотнесенность типа референции и типа жеста в моменты речевых затруднений.

Литература

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: ЯСК, 2017.

Ирисханова О. К. (ред). Полимодальные измерения дискурса: коллективная монография. М.: ЯСК, 2021. (в печати).

Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. Серия «Теория и история языкознания». М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13.

Подлесская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2013. Вып. 12(19). С. 631–643.

Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. № 13. С. 109–133.

Allen T. H., Honeycutt J. M. Planning, Imagined Interaction, and the Nonverbal Display of Anxiety // Communication Research. 1997. Vol. 24. P. 64–82.

Barnes E., Williams R. A Theory of Metaphysical Indeterminacy // Oxford Studies in Metaphysics. 2011. Vol.6. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 103–148.

Bell G. M. Opacity and Identity // Analysis. 1970. Vol. 31. № 1. P. 19–24.

Bressem J., Müller C. A Repertoire of German Recurrent Gestures with Pragmatic Functions // Body – Language – Communication: An International Hand-book on Multimodality in Human Interaction / C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill & J. Bressem (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 1575–1591.

Channell J. Vague Language. Oxford: Oxford University Press, 1994.

Cienki A. Image Schemas and Gesture // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / ed. by J. Grady. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 421–442.

Cienki A., Iriskhanova O. K. Patterns of Multimodal Behavior under Cognitive Load: an Analysis of Simultaneous Interpretation from L2 to L1 // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2020. Vol. 1. P. 5–11.

Cutting J. Introduction to Vague Language Explored // Cutting, Joan (ed.) Vague Language Explored. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. P. 3–20.

Iriskhanova O. K., Prokofyeva O. N. Markers of Uncertainty in Speech and Gesture: Some Cognitive Implications for Grice's Maxims // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 18–25.

Krauss R. M., Hadar U. The Role of Speech-related Arm/Hand Gestures in Word Retrieval // Gesture, Speech, and Sign / L. S. Messing & R. Campbell (Eds.). New York: Oxford University, 1999. P. 93–116.

Ladewig S. The Cyclic Gesture // Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction / C. Müller, A. Cienki, E. Frickle, S. Ladewig, D. McNeill & J. Bressem (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 1605–1618.

Lakoff G. Hedges // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2. P. 458–508.

Müller C. Metaphors, Dead and Alive, Sleeping and Walking. A Cognitive Approach to Metaphors in Language Use. Berlin: Freie Universitat, 2005.

Partee B. N. Opacity, Coreference and Pronouns // Semantics of Natural Language / D. Davidson, G. Harman (eds.). Dordrecht: Reidel, 1972. P. 415–441.

Podlesskaya V. I. Parameters for Typological Variation of Placeholders // Amiridze, Nino, Boyd H. Davis and Margaret Maclagan (eds.) Fillers, Pauses and Placeholders. Typological Studies in Language, 2010. Vol. 93. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing House. P. 11–32.

Russell B. Logic and Knowledge. London: Allen and Unwin, 1956.

Sauerland U., Stateva P. Scalar vs. Epistemic Vagueness: Evidence from Approximators // Semantics and Linguistic Theory, 2007. Vol.17. P. 228–245.

Schmid H.-J. English Abstract Nouns as Conceptual Shells. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 1995.

Tárnyiková J. English Placeholders as Manifestations of Vague Language: Their Role in Social Interaction // Brno Studies in English, 2019. Vol. 45. No. 2. P. 201–216.

O. K. Iriskhanova, J. S. Avramova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

VAGUE REFERENCE IN METALINGUISTIC PROBLEM SOLVING AS A MULTIMODAL PHENOMENON

The paper presents the findings of an empirical study aimed at investigating the role of gestures in different types (strategies) of vague reference during metalinguistic problem solving which usually results in difficulties in speech. A multimodal analysis is based on the video materials obtained from Russian speakers who were asked to spontaneously explain the differences between close synonyms in their native language. Using both qualitative and quantitative procedures, the authors reveal some specifics of gesture use with two types of linguistic expressions of vague reference – placeholders and approximators.

Key words: metalinguistic problem solving, speech difficulties, vague reference, placeholders, approximators, explanatory discourse, functional types of gestures, multimodal usage events.

Е. И. Карпенко, С. К. Герус *(Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
elena_karpenko@list.ru, sofyagerus@yandex.ru

НОМИНАЦИИ ЖЕСТОВЫХ КИНЕМ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[1]

Статья посвящена изучению способов описания жестовых кинем в современной немецкоязычной художественной литературе. На основе классификации жестов П. Экмана и У. Фризена в исследуемом корпусе идентифицированы описания различных видов жестов (эмблем, регуляторов, иллюстраторов и адапторов). Для каждого вида жестовых кинем выявлены характерные способы языковой номинации.

Ключевые слова: жест, кинема, поэтика жестов, немецкий язык.

Различные аспекты коммуникативного поведения литературных персонажей, в том числе их жестикуляции, привлекают внимание многих современных ученых (Баженова 2003; Poyatos 2013; Вородюхина 2015; Логинова 2019 и др.). Письменный модус литературного текста ставит перед исследователем проблему лингвистического оформления жестовых описаний [Накашидзе 1981; Городникова 1983; Кобзева 2009; Голованова 2009; Козеренко 2011; Gerus 2020]. Под кинемой понимается «законченное (имеющее определенную структуру, способ исполнения и столь же устойчивое значение) и самостоятельное (отличное от другого) мимическое, жестовое или фиксированное (поза) телодвижение» [Толковый переводоведческий словарь, URL], ср. [Крейдлин 2002]. Соответственно, номинации кинем могут быть представлены как отдельными словами и свободными сочетаниями, так и устойчивыми словесными комплексами.

Для выявления способов лингвистического оформления жестикуляции литературных героев из современной немецкоязычной художественной литературы методом сплошной выборки были отобраны контексты, в которых содержится соматизм, указывающий на движение рукой:

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания по проекту «Полимодальный анализ коммуникативного поведения говорящего в разных типах устного дискурса» (дополнительное соглашение № 075-03-2020-013/3 от 29.05.2020 г. к соглашению № 075-03-2020-013 от 28.12.2019).

Hand / рука (кисть), *Handfläche* / ладонь, *Finger* / палец, *Zeigefinger* / указательный палец, *Arm* / рука, *Schulter* / плечо, *Achsel* / плечо, подмышка. Кроме того, учитывались глагольные кинемы, в состав которых данные соматизмы не входят, однако описываемое движение исполняется рукой: *zeigen* (при указании на что-либо рукой, а не головой, например), *fassen / держать, greifen / хватать, winken / махать* и т.д.

В исследованном корпусе примеров были представлены следующие типы жестов (по [Ekman, Friesen 1969], [Жесты. Глоссарий, URL]):

– эмблемы, которые могут заменять слово или фразу. Например, характерный жест рукой заменяет речевое приветствие или прощание, пожатие плечами – вербальное выражение сомнения или незнания. В европейских культурах для выражения одного и того же смысла могут использоваться похожие, но не идентичные жесты-эмблемы. В немецкой культуре для того, чтобы объявить кого-либо «слегка не в себе», постукивают указательным пальцем по лбу, ср.:

Mir war nicht wohl dabei. Es beruhigte mich nur, dass Tschick sich noch einmal schnell mit dem Zeigefinger an die Stirn tippte, als Friedemann nicht guckte (W. Herrndorf. Tschick).

Мне от этого стало не по себе. Немного успокоило только то, что Чик еще раз постучал себя указательным пальцем по лбу, когда Фридеман отвернулся (В. Херндорф. Гудбай, Берлин!) (Здесь и далее – перевод А. Горбовой).

В русском языке для выражения того же смысла крутят указательным пальцем у виска. Вопрос о том, идет ли речь о вариантах одного и того же жеста, или о национально-специфическом для каждой культуры жесте остается открытым (ср. [Фадеева 2013]). Один и тот же жест – «стукнуть/ударить/хлопнуть себя рукой (пальцами, ладонью, кулаком) по лбу» – используется в русской и немецкой культурах, когда человек выражает внезапную догадку, неожиданно пришедшее решение или досаду на себя за недогадливость, оплошность [Акишина, Кано, Акишина 1991: 51], ср:

Florentine protestierte, weil sie meinte, genauso schnell gewesen zu sein, und Friedemann hämmerte mit beiden Händen an seine Stirn und rief: „Zehn! Ich Depp! Zehn!" (W. Herrndorf. Tschick).

Флорентина запротестовала, доказывая, что она ответила так же быстро, а Фридеман стал колотить себя обеими руками по лбу и кричать:

– Десять! Вот дурак! Конечно, десять! (В. Херндорф. Гудбай, Берлин!)

Варьирование кинесического описания данного жеста (глагол *hämmern / колотить* вместо *стучать*, воспроизведение жеста двумя

руками, а также несовершенный вид глагола, свидетельствующий о повторяемости жеста) позволяет судить о силе эмоции литературного персонажа, особенно сильной досаде.

– Регуляторы, управляющие процессом коммуникации. При помощи жеста-регулятора собеседники могут указывать на продолжение реплики говорящего, выражать просьбу повторить сказанное, дать возможность высказаться остальным участникам дискуссии, ср.:

Jacky hatte eine schwere Zunge und benutzte den Zeigefinger, um seinen Sätzen mehr Bedeutung zu verleihen oder um seine Gesprächspartner davon abzuhalten, ihn zu unterbrechen (M. Suter. Lila, Lila).

Джекки с трудом ворочал языком и тыкал указательным пальцем в воздух, чтобы придать весу своим словам и не позволить собеседникам перебить его монолог (М. Сутер. Лила, Лила) (Здесь и далее – перевод Н. Фёдорова).

– Жесты-иллюстраторы могут повторять или заменять определенные высказывания, противоречить озвученной информации или усиливать значение сказанного. Иногда иллюстраторы передают законченные ситуации, предоставляя мысленному взору читателя целые пантомимы:

...und Tschick zu mir, fasste ich mir schnell an Schädeldecke und Hüfte (Mütze, Pistole), um zu erklären, was dieser Mann von Beruf war ... Ich muss ziemlich bescheuert ausgesehen haben, aber ich wusste auch nicht, wie man einen Polizisten sonst darstellt. Und Tschick begriff auch so, was los war (W. Herrndorf. Tschick).

...а Чик все еще смотрел на меня, я быстро показал на голову и на пояс (имея в виду фуражку и пистолет), чтобы объяснить, кто этот человек по профессии ... Наверное, смотрелась моя пантомима очень странно, но я не мог сообразить, как еще изобразить полицейского. А Чик и так понял, в чем дело (В. Херндорф. Гудбай, Берлин!).

– Адапторы. К данному типу жестов относятся поправление волос, прикосновение к собеседнику, перебирание в руках небольших предметов и т. п. Адапторы тесно связаны с эмоциональным состоянием человека, помогая ему приспособиться к определенной ситуации и чувствовать себя более комфортно. В следующем примере литературный агент начинающего и очень успешного писателя просит для него у издателя дополнительных денежных средств. Во время щекотливого разговора издатель курит трубку, совершая с ней различные манипуляции, что очевидно помогает ему выигрывать время и аргументированно вести беседу: «Эвердинг выковырял щепотку табака из плотно утрамбованного содержимого банки», «Зажав в щепотке табак, Эвердинг тщательно за-

кладывал его в шершавую головку бриаровой трубки», «Большим пальцем Эвердинг утрамбовал табак и потянулся за зажигалкой» (*M. Сутер*. Лила, Лила). Начало («Эвердинг открутил крышку новой банки») и конец («Когда Карин подошла к двери, трубка Эвердинга погасла») беседы также маркированы действиями с трубкой. При этом подобные движения являются навязчивыми и повторяющими: «Карин знавала других курильщиков трубок, но те всегда курили как бы между прочим. У Эвердинга курение выглядело занятием первостепенной важности» (M. Suter. Lila, Lila); а трубка – средством создания собственного имиджа: «Эвердинг выпустил дым и принял классическую позу курильщика-интеллектуала: правая ладонь любовно обнимает головку трубки, мундштук касается нижней губы, чело слегка опущено, глаза снизу вверх изучают собеседника» (М. Сутер. Лила, Лила).

В корпусе встретились единичные метафорические жесты, в частности, жест “the throwing away”, когда неприятную мысль отмахивают от себя, как если бы это была видимая помеха [Cienki, Müller 2013: 1769], ср.:

Martin, der Entschlüsse oft zu schnell fasste, wischte die aufsteigenden schmerzhaften Erinnerungsbilder der letzten Jahre mit der Hand weg und stieg den Hügel hinab (L. Frank. Jünger Jesu).

Мартин, часто поспешно принимавший решения, смахнул рукой нахлынувшие болезненные воспоминания последних лет и поднялся на пригорок (перевод наш – *Е. К., С. Г.*).

М. Д. Городникова различает конвенциональные и неконвенциональные номинации кинем. Конвенциональные номинации, в свою очередь, могут быть эксплицитными, конденсированными и имплицитными. Среди неконвенциональных номинаций кинем встречаются эксплицитные и имплицитные языковые средства [Городникова 1983: 20]. Конвенциональные эксплицитные номинации кинем представлены устойчивыми словесными комплексами, в состав которых входит соматизм: *jmdm. die Hand reichen* / протянуть кому-л. руку для приветствия (прощания), *mit den Schultern (Achseln) zucken* / пожать плечами, *die Arme vor der Brust (vor dem Bauch) verschränken* / скрестить руки на груди (на животе). В конвенциональных конденсированных глагольных номинациях соматизм не назван, но легко угадывается: (*hinterher*)*winken* / махать (вслед) кому-л. Конвенциональные имплицитные номинации кинем представлены (простыми или распространенными) коллокациями:

...und ich spürte, wie meine Worte an Überzeugungskraft gewannen, wenn ich dazu ein paar großartige Gesten mit den Armen machte (W. Herrndorf. Tschick).

...я почувствовал, как мои слова зазвучали более убедительно, когда я добавил к ним пару великолепных жестов руками (В. Херндорф. Губдай, Берлин).

Неконвенциональные номинации кинем представлены свободными сочетаниями и, в отличии от конвенциональных, не репродуцируются, а всякий раз создаются *ad hoc,* при этом имплицитные номинации лишь намекают на коммуникативное движение, не описывая его и не называя соматизм.

В исследованном корпусе из 73 литературных нарративов, содержащих описание жестов, жесты-эмблемы составили 55%, регуляторы – 19%, адапторы – 15% и иллюстраторы – 5%. Эмблемы обычно репрезентированы конвенциональными эксплицитными номинациями, такими как *mit den Schultern (Achseln) zucken*, *jmdm. die Hand reichen (geben), jmdm. die Hand schütteln, seine Hände (zu Fäusten) ballen и др.* Исследованный корпус, кроме того, дает представление о не всегда кодифицированных вариантах таких устойчивых словесных комплексов. Выражение «скрестить руки на груди» представлено следующими вариантами: *die Arme über die Brust kreuzen / die Arme vor der Brust verschränken / die Hände über seinem Bauch falten / die Hände vor ihrem Bauch verschränken*. Неконвенциональное описание эмблем встречается редко и связано с перефразированием при помощи свободных сочетаний более или менее традиционных (но исторически изменяющихся) жестов приветствия, прощания и под., ср.:

Er grüßte, indem er kurz eine Hand an seinen Münzenschirm hob... (R. Seethaler. Der Trafikant)

Он поздоровался, быстро поднеся руку к козырьку своей кепки... (перевод наш – *Е. К., С. Г.*)

Особенностью описания жестов-регуляторов является отсутствие точного описания движения при наличии соматизма. Так, читатель вполне может представить себе, как выполняется жест рукой, «приглашающий» собеседника продолжить говорить. Примечательно, что немецкая номинация *eine Handbewegung machen / сделать движение рукой* переведена на русский язык эксплицитной номинацией *сделать приглашающий жест*:

Tschick antwortete nicht.

„Oder hast du was dagegen?“, fragte Wagenbach.

„Beginnen Sie“, sagte Tschick und machte eine Handbewegung (W. Herrndorf. Tschick).

Чик ничего не ответил.

– Или ты против? – спросил Вагенбах.

– Начинайте, – сказал Чик и сделал приглашающий жест рукой (В. Херндорф. Гудбай, Берлин!).

Для описания адапторов характерны простые и распространенные коллокации, например: *sich mit den Fingern durch die Haare streichen* / (досл.) пригладить себе волосы пальцами (=провести рукой по волосам), *sich am Hals kratzen* / почесать шею, *sich die Hände reiben* / потирать руки, *(unbewußt) mit den Fingern auf dem Tisch zu trommeln beginnen* / непроизвольно начать барабанить пальцами по столу и под.

Кинесическое оформление жестикуляции персонажей, с одной стороны, полностью отражает миметический модус художественной литературы, наглядно и достоверно передавать все разнообразие мира чувственных восприятий и человеческих действий [Metzler 2008: 577]. По этой причине, как видится, в литературном нарративе встречаются те же образцы кинесико-речевого поведения, что и в естественной коммуникации. Так, О. К. Ирисханова и О. Н. Прокофьева, изучая фокусные жесты в нехудожественном описательном дискурсе, выявили среди них значительную долю иконических жестов (в терминологии Д. МакНила), выполняющих резонирующую функцию [Ирисханова, Прокофьева 2017: 84]. С другой стороны, поэтика жестов в широком смысле (ср. [Ирисханова 2019]) не ограничивается миметической функцией. Представляется, что специфика поэтики жестов в литературном тексте заключается в том, что одновременно с достоверной передачей коммуникативного поведения персонажей подобные нарративы могут формировать подтекстовую информацию о дополнительных характеристиках героев, участвовать в создании текстовых категорий речевого и литературного портрета, служить средством сатиры и юмора и т. д.

Персонаж романа М. Сутера «Лила, Лила» Вата производит жест-иллюстратор (*изобразил пышный бюст*), противоречащий произносимому вместе с ним слову (*глаза*):

„Ich kannte mal eine Lila“, grinste er. „Hatte schöne“ – er deutete mit beiden Händen ein paar große Brüste an – „Augen“. Sein Lachen ging in einen Hustenanfall über (M. Suter. Lila, Lila.)

– Знавал я когда-то одну Лилу, – ухмыльнулся он. – Ох и красивые у нее были… – обеими руками Вата изобразил пышный бюст, – глаза. – Он захохотал и опять раскашлялся (М. Сутер. Лила, Лила).

Несовпадение в данном полимодальном комплексе значения жеста со смыслом высказывания не просто производит юмористический эффект, но и имплицитно служит средством характеристики персонажа. Вата – второстепенный герой; он появляется в романе лишь однажды в качестве соседа по комнате одного из главных действующих лиц в социальном приюте для бездомных. Вата – алкоголик с неординарной

внешностью («Пышная седая борода, каковой он и был обязан своим прозвищем, возле рта пожелтела от никотина. Нос красный, будто он аккурат примчался на велике аж из Шварцвальда»). Дополнением к его литературному портрету является рассматриваемый полимодальный комплекс (жест + речь), который экспрессивно и в сжатом виде дает представление о чувстве юмора, пристрастиях, отношении данного человека к противоположному полу.

В связи с неконвенциональными описаниями жестовых кинем обращает на себя внимание группа нарративов, в которых для описания жестов используется эксплицитное или имплицитное (простое или распространенное) сравнение, ср.:

„Er wird uns in Zukunft in Ruhe lassen.“

„Was macht dich so sicher?“

David drehte die Handfläche nach oben, wie ein Zauberkünstler nach einem gelungenen Trick (M. Suter. Lila, Lila).

– Впредь он оставит нас в покое.

– Ты уверен?

Давид повернул руки ладонями вверх, как фокусник после удачного трюка (М. Сутер. Лила, Лила).

Эмблема «жест фокусника» в действительности представляет собой ряд различных жестов, ср.:

Он жестом фокусника извлёк из кармана сложенный вдвое пожелтевший листок (Н. Александрова. Шкатулка Люцифера).

Она метнулась обратно к окну и жестом фокусника достала накрытую белой салфеточкой тарелку (Е. Неволина. Ловец теней).

– Але-оп! – провозгласил на той неделе папа и жестом фокусника вытащил из кармана два билета в цирк. – Клоунов любишь? (А. Вербовская. Когда мой папа надевает шляпу).

По этой причине лингвистическое оформление кинемы «жест фокусника» всегда дополняется эксплицитным или имплицитным неконвенциональным описанием: *жестом фокусника что-л. откуда-л. (из кармана) вынуть, достать* и под.

Уподобление коммуникативного поведения литературного героя этологическим характеристикам животных, безусловно, является одним из наиболее экспрессивных способов неконвенциональных кинесических описаний, ср.:

Und als sie wieder verneinte, legte er die Stirn in Falten, ließ die Hände vor der Brust hängen und legte den Kopf schräg, wie ein bettelndes Hündchen. Sie ließ sich erweichen und trank mit ihm ein Glas (M. Suter. Lila, Lila).

А когда она опять ответила отказом, наморщил лоб, склонил голову набок и по-щенячьи просительно сложил руки на груди. Мари смягчилась и выпила с ним по бокальчику (М. Сутер. Лила, Лила).

Кроме того, аналогия с животным миром может быть репрезентирована персонификацией, ср.:

Sie streifte die Ringe an ihrer Linken ab und steckte den Saphir an den Ringfinger. Ihre weiße Hand legte sich wie ein müdes Kätzchen auf die schwarze Samtunterlage (M. Suter. Lila, Lila).

Она сняла с левой руки кольца и надела сапфир на безымянный палец. Белая рука усталым котенком легла на черный бархат (М. Сутер. Лила, Лила).

Зооморфный образ, как comparantum сравнения, запускает процесс концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 2002]: воспроизводимое литературным героем движение поясняется при помощи иной воображаемой ситуации (повадок животного), наиболее точно, наглядно и экспрессивно характеризующей жест.

Сравнение может использоваться и в конвенциональных описаниях жестов, но всякий раз оно детализирует кинему, к которой относится, дает образное и точное представление о производимом жесте:

"Nee, nee!", rufe ich und winke mit den Händen in der Luft herum, als würde ich riesige Fliegenschwärme abwehren (W. Herrndorf. Tschick).

Не, не! – кричу я и машу руками, будто пытаясь разогнать огромный рой мошек. – Ничего такого не было! (В. Херндорф. Гуд бай, Берлин!)

Отрицательный жест (*машу руками*) усиливает в данном случае речевое отрицание (*Не, не*!). Благодаря сравнению, однако, очевидно, что и сам жест производится с бóльшей амплитудой и более энергично, чем обычно, так, как если бы персонаж отмахивался не от одной мухи, а от «огромного роя мошек», что дает возможность судить об эмоциональном напряжении героя в момент речи. В данном случае развернутое сравнение дополняет конвенциональную эксплицитную номинацию кинемы *mit den Händen (herum)winken / махать (размахивать) руками*.

Одновременно в отношении неконвенциональных номинаций жестовых кинем, выраженных свободными сочетаниями различной протяженности (в том числе предложениями), необходимо отметить следующее. Как пишет Е.С. Кубрякова, многие ситуации носят «отработанный характер» и хранятся в памяти как «целостные и несобираемые единицы»: в обыденной речи в виде готовых образцов «воспроизводятся, а не конструируются, не только устоявшиеся единицы…, но и целые высказывания» [Кубрякова 1986: 101]. Более чем однократная встречаемость

в исследованном корпусе таких жестов, как «жест фокусника», жест «просить что-л. по щенячьи», свидетельствует в пользу относительно свободного характера таких номинаций.

Таким образом, в немецкоязычной художественной литературе обнаруживается большинство описанных в жестикуляционной лингвистике жестов. Движения руками, отличающиеся устоявшимся способом выполнения (эмблемы, некоторые регуляторы и адапторы), передаются устойчивыми словесными комплексами, в состав которых входит соматизм. Отдельные жесты, представленные в исследованном корпусе иллюстраторами и некоторыми адапторами, описываются неконвенционально, как правило, стилистически окрашенными (относительно) свободными сочетаниями. Номинации кинем призваны не только передавать аутентичное коммуникативное поведение литературных героев, но и служат дополнительным средством комплексной характеристики действующих лиц и межличностных отношений как одной из ведущих категорий литературного текста.

Литература

Баженова И. С. Эмоции, прагматика, текст. М.: Менеджер, 2003.

Голованова И. А. Репрезентация невербального поведения в русских и немецких художественных текстах: сопоставительный аспект: дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2009.

Городникова М. Д. Взаимодействие вербальных и невербальных средств в немецкой речи / Городникова М. Д., Шлепаков Р. И., Железанова Т. Т. М: МГПИИЯ, 1983.

Жесты. Глоссарий. URL: http://scodis.ru/глоссарий/жесты (дата обращения: 29.06.2021).

Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь / А. А. Акишина, Х. Кано, Т. Е. Акишина. М.: «Русский язык», 1991.

Ирисханова О. К., *Прокофьева О. Н.* Фокусирование в устном описательном дискурсе: анализ визуальной перцепции, речи и жестов // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXIX. С. 80–87.

Ирисханова О. К. О некоторых вопросах когнитивной поэтики жестов: жесты «поэтические» vs «прозаические» // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 989–994.

Кобзева О. В. Вербальная репрезентация кинемы в художественном тексте: семантика и прагматика: дис. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

Козеренко А. Д. Жестовые идиомы и жесты: типы соответствий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» № 10 (17). М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 325–333.

Крейдлин Г. Е. Жесты глаз и визуальное коммуникативное поведение / Труды по культурной антропологии: памяти Григория Александровича Ткаченко. М.: Восточная литература, 2002. С. 236–251.

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.

Логинова Е. Г. Полимодальные сценарии семиотического резонанса в дискурсе драмы // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 130–141.

Накашидзе Н. В. Кинесика и ее вербальное выражение в характеристике персонажей художественного произведения: на материале англо-американской художественной прозы XX века: дис. … канд. филол. наук. Москва, 1981.

Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. М. Флинта: Наука, 2003. URL: https://gufo.me/dict/translatology (дата обращения: 29.06.2021).

Фадеева Г. М. Мимика и жесты в вербальной невербальной межкультурной коммуникации // Sprachpflege international und regional gesehen: zur Förderung von Deutsch als Fremdsprache im 21. Jahrhundert. Woronesch: Verlag der Staatlichen Universität Woronesch, 2013. С. 30–40.

Cienki A., *Müller C.* Ways of viewing metaphor in gesture // Body – Language – Communication (HSK 38.2) / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S., McNeill D., Bressem J. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2014. P. 1766–1781.

Ekman P., Friesen W. V. The Repertoir of Nonverbal Behaviour: Categories, Origins, Usage and Coding // Semiotica. 1969. Vol. 1 (Issue 1), P. 49–98.

Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. N. Y.: Basic Books, 2002.

Gerus S. K. Kinesische Mittel bei der Figurenzeichnung (im Roman von W. Herrndorf «Tschick»). M.: MSLU, 2020.

Poetik. Metzler Lexikon Literatur- und Kulturtheorie / Hrsg. von A. Nünning. Verlag J. B. Metzler, 2008. S. 577.

Poyatos F. Body gesture, manners, and postures in literature // Body – Language – Communication (HSK 38.1) / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S., McNeill D., Teßendorf S. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2013. P. 287–300.

E. I. Karpenko, S. K. Gerus *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

THE NOMINATIONS OF GESTURE'S KINEMES IN MODERN GERMAN LITERATURE

The paper studies the kinematic descriptions of gestures in modern German literature. According to the gestures' classification offered by P. Ekman and W. V. Friesen the authors identify the conventional and non-conventional nominations of emblems, regulators, illustrators, and adaptors.

Key words: gesture, kineme, the poetics of gestures, the German language.

М. И. Киосе *(Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
maria_kiose@mail.ru

ОРКЕСТРЫ РЕЧИ И ЖЕСТА В КИНОКАДРЕ. АРГУМЕНТАТИВНЫЙ И ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС[1]

В работе устанавливаются особенности распределения речи и жеста[2] в аргументативном и описательном дискурсе, который представлен монологами актеров в кинокадре. Проверяется гипотеза о том, что выбор типа кадра определяется присутствием некоторых техник конструирования дискурса в речи и жесте.

Ключевые слова: полимодальное единство речи и жеста, кинодискурс, кинокадр, аргументативный и описательный дискурс.

Изучение полимодального единства речи и жеста в кинодискурсе на настоящий момент ведется в рамках двух ключевых подходов, эстетической семиотики (семиотики культуры) и полимодальной семиотики, при этом они эксплуатируют одни и те же объекты анализа – собственно игру (актера), для обращения к ней в англоязычной научной литературе чаще используется термин *gesture*, и работу режиссера и камеры, именуемую как *image*. Однако существенно отличается сам предмет анализа. Эстетическая семиотика исследует *gesture* и *image* в аспекте ранжирования их ценности для стимулирования поэтики кино как системы средств и способов передачи художественно значимой информации [Deleuze 1986, 1989; Auerbach 2007], обосновывая большую значимость *gesture* [Agamben 2000] или, напротив, *image* [Noys 2014; Harbord 2015][3]. Показательны семиотические работы, посвященные изучению истоков поэтики кино, например телесного опыта человека (см. рассуждения

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания по проекту «Полимодальный анализ коммуникативного поведения говорящего в разных типах устного дискурса» (дополнительное соглашение № 075-03-2020-013/3 от 29.05.2020 г. к соглашению № 075-03-2020-013 от 28.12.2019).

[2] Автор благодарен профессору О. К. Ирисхановой за ценные советы при построении исследования и своим коллегам А. В. Леонтьевой и О. В. Агафоновой за помощь в работе по аннотированию жестового поведения.

[3] Показательна цитата: Cinema as image and as gesture would seem to be situated ambivalently at the crossroads of capital and salvation, a position that arises from its footing in photography and the frozen gesture [Harbord 2015].

Ю. Кристевой о платоновской *хóре* [Kristeva 1974]), комбинации культурного опыта и озарения (режиссера, актера), определяемых как *studium* и *punctum* в работе Р. Барта [Barthes 1981], чувственных желаний (что обусловлено интересом к сфере психоанализа) [Mulvey 1988].

В полимодальной (коммуникативной) семиотике *gesture* и *image* чаще всего исследуются как самостоятельные полимодальные единства, где *gesture* включает в себя всю совокупность коммуникативных модальностей, используемых актером [Lavender 2021], а *image* – всю совокупность семиотических модальностей, представляемых в кадре [Halloran 2004]. Работы, исследующие их взаимодействие, на настоящий момент достаточно редки, в то же время полимодальная семиотика могла бы предложить свой ответ на вопрос, поставленный в рамках эстетической семиотики, об источниках художественности в кинопоэтике. Конечно, в этом случае речь не идет о поиске первоисточника в виде телесных или сенсорных ощущений или культурных ценностей, а только о поиске особых паттернов синхронизации *gesture* и *image*, которые приводят кинопроизведение к успеху. Некоторые решения в поиске таких оснований уже предложены в полимодальной семиотике, это анализ синхронизации жестового поведения и приема задержки (замораживания) кадра, а также повтора эпизода [Mulvey 2006], выделение и установление метасемиотических жестов, которые используются в разных типах *image* (например, референциальные, реалистические, сюрреалистические, экспериментальные, «жесты на камеру», продукционистские жесты)[1] [Ciccognani 2018], анализ синхронизации типов жеста и стадий нарратива, отдельных нарративных категорий или типов знаков [Chare, Watkins 2020]. Однако в данных работах в недостаточной степени эксплуатируются знания об особенностях речевой и жестовой коммуникации в определенных типах дискурса, акцент делается именно на сценической коммуникации. В настоящей работе предпринимается попытка детализированного анализа речевого и жестового поведения (*gesture*) в аспекте его синхронизации с типом кадра (*image*), что, возможно, позволит установить ряд паттернов речи, жеста и кадра, более и менее типичных для успешного кинодискурса рассматриваемого типа.

Для анализа жестового поведения актера мы применим функционально-коммуникативную типологию жестов [Cienki 2005; Müller 2005; Cienki, Mittelberg 2013], что обусловлено тем, что поэтика кинодискурса исследуется в аспекте успешности дискурсивных практик передачи ком-

[1] Исх.: Referential, Realist, Surrealist, Experimental, the Look into the Camera and Productionist gestures.

муникативно значимой информации, и привлечение коммуникативных функций жестов (дейктической, репрезентирующей, прагматической, адаптационной) помогает раскрыть дискурсивный потенциал комплекса речи, жеста и кадра. С опорой на векторный инструментарий анализа особенностей синхронизации речи и жеста, предложенный О.К. Ирисхановой и А. Ченки [Iriskhanova, Cienki 2018], мы попытаемся обнаружить некоторые закономерности распределения речи и жеста в практиках достаточно частотного типа кинодискурса, монолога, эксплуатирующего техники аргументативного и описательного дискурса. Как известно, поэтика устного дискурса актера во многом определяется использованием жестов как «динамизаторов» дискурса [Ирисханова 2018]. Возможно, для поэтики кинодискурса (*gesture* + *image*) роль таких динамизаторов играют комбинации речи и жеста. Таким образом, в настоящей работе аргументативный и описательный дискурс предстает не только как совокупность двух «коммуникативных векторов» [Кубрякова 2004: 516] речи и жеста, но интегрирует и кинематографический способ «подачи». Дискурс рассматривается в аспекте синхронизации семиотических и коммуникативных векторов – *image* и *gesture,* – представляющих единое кинодискурсивное событие. Само разграничение двух типов дискурса достаточно условно, к аргументативным мы будем относить те фрагменты дискурса, основным коммуникативным заданием которых является обозначение своей позиции или оценка некоторых событий, к описательным – представление самого события.

Материалом исследования стали успешные (рейтинговые) отечественные кинофильмы 1960–1980 гг.: «Звонят, откройте дверь» А. Митты (1961), «Они сражались за Родину» С. Бондарчука (1975), «Судьба человека» С. Бондарчука (1959), «Родня» Н. Михалкова (1981), «Сталкер» А. Тарковского (1979), «Доживем до понедельника» С. Ростоцкого (1968), «Москва слезам не верит» В. Меньшова (1980), в которых присутствуют монологи аргументативно-описательного характера известных отечественных актеров Б. Быкова, Ю. Никулина, С. Бондарчука, Н. Мордюковой, А. Фрейндлих, В. Тихонова и А. Баталова. Выбор монологов в качестве материала анализа несколько сужает рамки решаемой задачи, так как при диалоговом общении на небольшом промежутке времени используется множество типов дискурса, что значительно усложняет паттерны речевого и жестового поведения. В данном случае мы ограничены двумя ведущими типами дискурса, и установить зависимости *gesture* и *image* (если они имеются) будет несколько проще. На первый взгляд, реплики монолога требуют того, чтобы лицо актера было в кадре, и чтобы прагматика речи подкреплялась прагматикой жеста. Однако предварительный

анализ материала показал, что перечисленные условия соблюдаются не во всех случаях. Рассмотрим фрагмент монолога героя В. Быкова из кинокартины «Звонят, откройте дверь», представленный по кадрам с приведенными фрагментами речи на Рисунке 1:

а) когда мы что-то / очень сильно / чувствуем

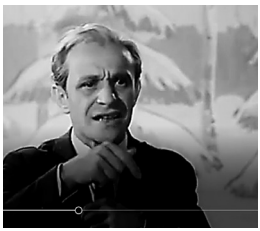
б) то вот это / и были вот эти вот / минуты / моей жизни

в)Я отвлекся / я щас / закругляюсь

Рис. 1. Разные типы кадра в монологе Б. Быкова из кинофильма «Звонят, откройте дверь»

Как можно заметить, личность говорящего в (1в) не является центральной в кадре, а в (1б) она вовсе отсутствует. Можно далее предположить, что если представляющий свою позицию актер все-таки является центральной фигурой в кадре, то ресурс его коммуникативного поведения (включающий речь, жесты, передвижение, мимику) будет использоваться в полной мере. Однако и это утверждение неверно. Рассмотрим другие фрагменты монолога на Рисунке 2.

а) Но так как я / никогда не был первым пионером



б) В конце-то концов / ее составляет

в) Это / кому как повезет

Рис. 2. Разные типы жестового поведения (жесты рук) в монологе Б. Быкова

Рисунок 2 демонстрирует, что хотя актер во всех случаях является центральной фигурой кадра и использует речевые прагматические стратегии аргументации (в (2а) это приведение обоснования, в (2б) это акцентирование своей позиции, в (2в) это приведение объяснения), в его жестовой активности наблюдается вариативность. Так, в (2б) при акцентировании позиции используется комбинация из двуручного прагматического жеста (эмфатического), переходящего в одноручный прагматический (эмфатический). В (2в) актер применяет жест-адаптер (самоадаптер), возможно, сопровождающий поиск объяснения. При этом в (2а), где приводится обоснование и объяснение причины, мы не наблюдаем активность жестов рук, а только контактоустанавливающие жесты головы.

Естественно было предположить, что превалирование реплик аргументативного характера будет скорее сопряжено с выбором кадра с говорящим по центру и с более активной демонстрацией его жестового поведения. Однако предварительный анализ показал, что это условие соблюдается не всегда. Рассмотрим пример аргументативного фрагмента монолога Ю. Никулина из кинокартины «Они сражались за Родину» (см. Рисунок 3).

а) Да и дома желательно бы / побывать // Ведь у меня четверо детишек

б) Вот понимаешь // год их не видел // и забыл какие они обличьем

в) Главное старшенькую Машутку / и ту толком не вспомню // А ведь ей пятнадцатый год

Рис. 3. Фрагменты аргументативного дискурса в монологе Ю. Никулина из кинофильма «Они сражались за Родину»

Аргументативный характер дискурса обусловлен выбором ряда речевых техник, например указания причины или обоснования для желаемого действия (*Ведь у меня четверо детишек*), привлечения внимания собеседника к своему эмоциональному состоянию (*Вот понимаешь*), акцентуации своей позиции (*Главное, старшенькую Машутку и ту тол-*

ком не вспомню). При этом актер представлен со спины, жесты и мимика отсутствуют. Используется прием наезда камеры на актера, этот эффект обеспечивает высокую степень персонализации события и восполняет эмоциональность, «утраченную» в связи с отсутствием жестикуляции и мимики.

При этом эпизоды описательного дискурса часто сопровождаются введением жестового поведения, особенно характерным оказывается использование прагматических эмфатических жестов, прагматических жестов, репрезентирующих некоторый компонент дискурса и репрезентирующих жестов (см. Рисунок (4а)), реже – репрезентирующих жестов разыгрывания действия (см. Рисунок (4б)); отметим, что в последних двух случаях жесты чаще попадают в центральную зону кадра (зону кадра, ограниченную срединной третью пространства).

а) и чтоб мне выйти / мне нужно по ступенькам подняться

б) Баян растянет

Рис. 4. Фрагменты описательного дискурса в монологах Ю. Никулина и Н. Мордюковой

На Рисунке (4а) актер рассказывает о характере движения, которое ему необходимо было осуществить (нужно было подняться по ступенькам), при этом правой ладонью изображаются пролеты ступенек, левая остается неподвижной. Таким образом указывается общее направление движения и тип поверхности, по которой это движение осуществляется, но само действие передвижения по ступенькам актером не демонстрируется. На Рисунке (4б), напротив, Н. Мордюкова (кинокартина «Родня») разыгрывает действие (‘Вовчик растягивает баян’), изображая движения супруга.

Приведенные наблюдения показывают, что между типами кадра (*image*) и общими типами речевого и жестового поведения (*gesture*) однозначные зависимости вряд ли обнаружатся; предположительно, в основе их синхронизации лежат более тонкие и сложные паттерны с участием некоторых характеристик речевого и жестового поведения, которые, в числе прочих факторов, могли определить выбор кадра режиссером. Отметим, что представляется очевидным, что выбор типа кадра диктуется всей совокупностью типов жестового поведения, а именно выбором жестов рук, головы, плеч (корпуса), активности мимики актера, однако в настоящей работе рассматриваются именно жесты рук как демонстрирующие большее функциональное разнообразие, чем другие типы коммуникативного поведения, и более «четкие» паттерны синхронизации с разными (дискурсивными) типами речи. Для аннотирования материала на основе контрастивного анализа проявлений речи и жеста была разработана система типов речевого и жестового поведения (которым присвоены кодовые индексы), позволяющая описать различия между отдельными их проявлениями.

Так, для анализа аргументативных проявлений в речи была установлена группа параметров 101–123, описывающих отдельные речевые техники монологов, например, 101 «позиция или мнение», 102 «оценка или выражение эмоций», 103 «указание причин, следствий, условий, обстоятельств», 104 «выстраивание контрастов», 105 «обвинение», 106 «согласие или несогласие с позицией», 107 «призыв к действию или запрет на действие». Для анализа описательных проявлений установлена группа параметров 201–219, например, 201 «событие-результат или завершенное событие», 202 «продолжающееся событие», 203 «статическое событие», 204 «фокусирование субъекта», 205 «фокусирование объекта», 206 «фокусирование действия», 207 «фокусирование характеристики». Для анализа жестового поведения актера привлечены параметры 301–314, перечислим их: 301 «дейктический жест: указание», 302 «дейктический жест: касание», 303 «репрезентирующий жест: удержание», 304 «репрезентирующий жест: лепка», 305 «репрезентирующий жест: разыгрывание действий», 306 «репрезентирующий жест: олицетворение», 307 «репрезентирующий жест: очерчивание», 308 «прагматический жест: структурирование дискурса», 309 «прагматический жест: репрезентация компонента дискурса», 310 «прагматический жест: эмфатический», 311 «прагматический жест: выражение отношения, оценки», 312 «прагматический жест: контактоустанавливающий», 313 «адаптеры: самоадаптеры», 314 «адаптеры: предметные адаптеры».

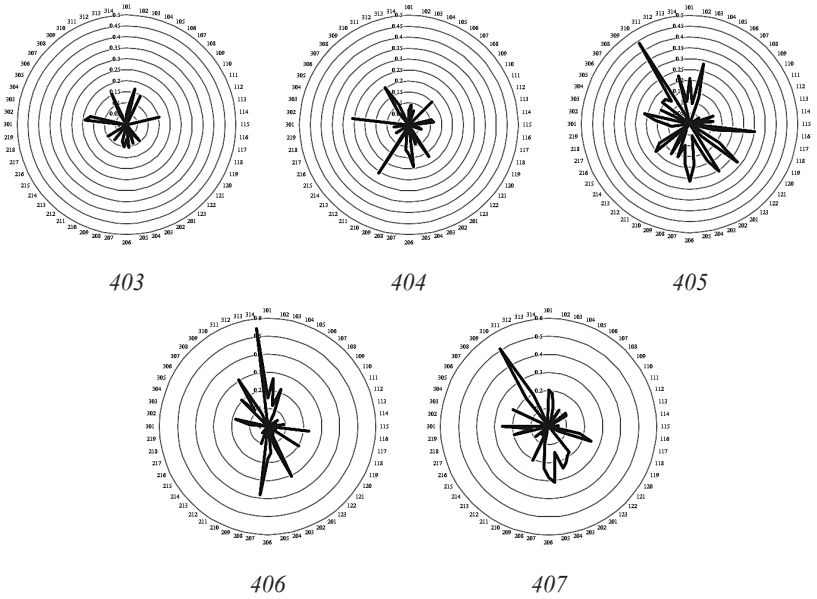
Также в ходе предварительного анализа установлены 9 основных типов кадра (401–409): 401 «речь без жеста 1: актер говорит, но не жестикулирует», 402 «речь без жеста 2: актер находится вне поля зрения зрителя», 403 «речь с жестом 1: актер представлен со спины, видно движение рук по бокам», 404 «речь с жестом 2: актер представлен сбоку, в движении, стоит или сидит», 405 «речь с жестом 3: актер говорит, жест внизу кадра, частично не помещается в кадр», 406 «речь с жестом 4: актер говорит, жест вверху кадра», 407 «речь с жестом 5: актер говорит, жест по центру кадра», 408 «жест без речи 1: актер использует жест, при этом не говорит», 409 «речь без жеста 3: актер говорит, движение плеч выдает наличие жеста», которые демонстрируют различные возможности синхронизации речи и жеста рук. Отметим, что в настоящей работе нас будут интересовать только кадры, в которых используются и речь, и жест, поэтому дальнейшее описание мы будем выстраивать в отношении кадра типов 403–407.

Выбор процессуальной единицы анализа обусловлен обращением к речи как условной системе отсчета, с которой будут соотноситься система жестов и система *image*. В связи с тем, что для реализации поставленной задачи необходимо подвергать анализу одновременно техники двух дискурсов, ориентированных на реализацию коммуникативных задач «разных масштабов» – представить дискурсивное микрособытие или его компоненты (описательный дискурс) или свою позицию или отношение к этим событиям (аргументативный дискурс) – в качестве единицы анализа должна быть выбрана единица с бóльшим коммуникативным потенциалом, который применительно к речи реализуется в использовании субъектно-предикатных отношений. В качестве процессуальной единицы анализа используется группа слов или отдельное слово (в эллиптических фрагментах), которые находятся в субъектно-предикатных отношениях и образуют либо пропозицию, либо ее модальную рамку. При этом эта процессуальная единица имеет и внутреннюю структуру, определяемую составом акцентных групп (тактов), соотнесенных с отдельными компонентами микродискурсивного события (для детализации особенностей описательного дискурса). В качестве примера приведем аннотацию для единицы Рисунка (1а) *когда мы что-то / очень сильно / чувствуем*: 103 «указание причин, следствий, условий, обстоятельств», 116 «интерсубъективность», 202 «продолжающееся событие», 205 «фокусирование объекта», 206 «фокусирование действия», 207 «фокусирование характеристики», 310 «прагматический жест: эмфатический» (3 жеста), 406 «речь с жестом 4».

Разметка проведена в корпус-менеджере ELAN и в txt-формате, результаты аннотирования монологов обработаны в составе единого массива показателей. Для определения сопряженности типа кадра и типа речевого и жестового поведения в дискурсе используется методика анализа корреляционных профилей кадра (к анализу привлекаются только параметры, имеющие статистически значимые распределения показателей); последующий анализ сопряженности данных профилей позволяет установить степень и характер их отличия. Количество процедурных единиц составило 323 единицы, общее количество речевых техник аргументативного дискурса составило 350 примеров, описательного – 658 примеров, жестов рук – 178 единиц. Проведенный анализ с использованием t-критерия Стьюдента на предмет характера распределения показателей параметров продемонстрировал, что показатели типа кадра имеют статистически значимое распределение: для 402 $t(322, 79) = 6.55$ при $p < 0.001$, для 403 $t(322, 79) = 2.67$ при $p = 0.008$, для 404 $t(322, 79) = 3.96$ при $p < 0.001$, для 405 $t(322, 79) = 6.65$ при $p < 0.001$, для 406 $t(322, 79) = 5.08$ при $p < 0.001$, для 407 $t(322, 79) = 9.35$ при $p < 0.001$. Таким образом, наибольшее сходство показателей параметров наблюдается в отношении кадра 407 «речь с жестом 5: актер говорит, жест по центру кадра», а наибольшее разнообразие обнаруживается в отношении кадра 403 «речь с жестом 1: актер представлен со спины, видно движение рук по бокам или сверху».

Дальнейший факторный анализ (анализ главных компонент) показал, что наибольшей уникальностью обладает кадр 403 (UI = 0.804), а наименьшей – 407 (UI = 0.47), что с учетом ранее установленного разнообразия показателей в отношении кадра 403 и, напротив, сходства показателей кадра 407, указывает на то, что в целом для монолога характерно относительно устойчивое распределение техник речевого и жестового поведения. Для обнаружения паттернов синхронизации типа кадра и типа речевого и жестового поведения проведен анализ попарной сопряженности всех параметров. При критическом $r(321) = 0.15$ для $p = 0.01$ установлен ряд значимых показателей. Приведем на Рисунке 5 корреляционные профили для кадра типов 403–407.

Как видно из диаграмм, кадры 403 и 404 демонстрируют бóльшую вариативность показателей параметров. Так, для кадра 403 «речь с жестом 1: актер представлен со спины, видно движение рук по бокам или сверху» в качестве значимых параметров сопряженности (и имеющих статистически значимые показатели распределения) назовем параметры



403 *404* *405*

406 *407*

Рис. 5. Корреляционные профили типов кадра

аргументативной речи: 103 «указание причин, следствий, условий, обстоятельств» ($r(321) = 0.17$, $t(322, 79) = 7.31$ при $p < 0.001$) и 113 «автокорректировка индивидуальной позиции или оценки» ($r(321) = 0.17$, $t(322, 79) = 2.47$ при $p = 0.014$). Таким образом, данный тип кадра используется для реализации самых разных техник описательного характера, но для ограниченного количества техник аргументативного характера; однако отметим в целом достаточно низкие показатели корреляции, чтобы однозначно утверждать наличие данных зависимостей.

Большое количество корреляционных пар демонстрирует тип кадра 405 «речь с жестом 3: актер говорит, жест внизу кадра, частично не помещается в кадр». Из наиболее высоких показателей параметров, имеющих статистически значимое распределение, назовем типы аргументативной речи: 103 «указание причин, следствий, условий, обстоятельств» ($r(321) = 0.28$, $t(322, 79) = 7.31$ при $p < 0.001$), 116 «интерсубъективность» ($r(321) = 0.3$, $t(322, 79) = 2.67$ при $p = 0.008$) и 121 «самоцитирование позиции» ($r(321) = 0.28$, $t(322, 79) = 2.86$ при $p = 0.005$) и типы описательной речи: 201 «событие-результат или

завершенное событие» ($r(321) = 0.25$, $t(322, 79) = 8.31$ при $p < 0.001$), 206 «фокусирование действия» ($r(321) = 0.26$, $t(322, 79) = 12.27$ при $p < 0.001$). Также обнаружены значимые типы жестового поведения: 310 «прагматический жест: эмфатический» с очень высоким показателем ($r(321) = 0.44$, $t(322, 79) = 10.96$ при $p < 0.001$). Результаты демонстрируют, что в данный тип кадра попадают дискурсивные ситуации аргументации, где именно речь актера реализует основную дискурсивную нагрузку – несет поясняющий, уточняющий характер, выстраивает интерсубъектные отношения, привлекает внимание к самому говорящему (при аргументации) и делает акцент на результативном событии или самом действии (при описании). При этом жест располагается внизу экрана, привлекая меньшее внимание и реализуя в основном только эмфатическую функцию.

Ситуация меняется для кадра типа 407 «речь с жестом 5: актер говорит, жест по центру кадра». Как оказалось, такой тип кадра демонстрирует низкую сопряженность с техниками аргументативной речи, используясь часто только с техникой 118 «риторический вопрос» ($r(321) = 0.25$, $t(322, 79) = 4.49$ при $p < 0.001$). Чаще встречается использование техник описания: 203 «статическое событие» ($r(321) = 0.24$, $t(322, 79) = 9.52$ при $p < 0.001$), 205 «фокусирование объекта» ($r(321) = 0.31$, $t(322, 79) = 9.06$ при $p < 0.001$), 206 «фокусирование действия» ($r(321) = 0.28$, $t(322, 79) = 12.27$ при $p < 0.001$), 207 «фокусирование характеристики» ($r(321) = 0.24$, $t(322, 79) = 10.05$ при $p < 0.001$), 210 «дублирование компонентов события» ($r(321) = 0.21$, $t(322, 79) = 3.92$ при $p < 0.001$). В отношении жестового поведения наблюдается высокая сопряженность типа кадра с параметрами 301 «дейктический жест: указание» ($r(321) = 0.26$, $t(322, 79) = 2.86$ при $p = 0.005$), 305 «репрезентирующий жест: разыгрывание действий» ($r(321) = 0.22$, $t(322, 79) = 2.74$ при $p = 0.006$), 310 «прагматический жест: эмфатический» с самым высоким показателем ($r(321) = 0.51$, $t(322, 79) = 10.96$ при $p < 0.001$). Анализ показывает, что данный тип кадра используется как компенсирующий сниженный прагматический потенциал описательного дискурса, это особенно очевидно в ситуациях описания событий статического характера или фокусировании характеристик, использовании репрезентирующих жестов. В то же время активность эмфатических прагматических жестов в центральной зоне кадра позволяет восполнить этот «прагматический дефицит» и привлечь внимание к фрагментам описания.

Для кадра 406 «речь с жестом 4: актер говорит, жест вверху кадра, может частично не помещаться в кадр» характерным оказалась сопря-

женность с техниками аргументативного дискурса 102 «оценка или выражение эмоций» ($r(321) = 0.27$, $t(322, 79) = 9.18$ при $p < 0.001$), 104 «выстраивание контрастов» ($r(321) = 0.22$, $t(322, 79) = 3.82$ при $p < 0.001$), 116 «интерсубъективность» ($r(321) = 0.23$, $t(322, 79) = 2.67$ при $p = 0.008$). В отношении техник описательного дискурса в речи назовем 202 «продолжающееся событие» ($r(321) = 0.31$, $t(322, 79) = 9.87$ при $p < 0.001$) и 207 «фокусирование характеристики» ($r(321) = 0.38$, $t(322, 79) = 10.05$ при $p < 0.001$). При этом единственный тип жеста, демонстрирующий сопряженность (но достаточно высокую) с кадром, это 310 «прагматический жест: эмфатический» ($r(321) = 0.3$, $t(322, 79) = 10.96$ при $p < 0.001$). Таким образом, данный тип кадра используется для акцентирования эмоций и контрастов, для акцентирования некоторой характеристики события без значительной динамики действия, а эмфатический жест в визуально сильной позиции (верхняя часть кадра) позволяет привлечь дополнительное внимание к этой оценке или характеристике. Приведем на Рисунке 6 примеры использования кадра типа 405, 406, 407.

а) а не то что мм / модно / престижно / или положено
405

б) Теперь люди добрые караул давайте Стасика / обратно
406

в) артистическая натура
407

Рис. 6. Примеры использования кадра типов 405–407

На Рисунке (6а), иллюстрирующем пример кадра 405 «речь с жестом 3: актер говорит, жест внизу кадра, частично не помещается в кадр» персонаж А. Баталова (кинокартина «Москва слезам не верит») производит 3 вращающих движения рукой (прагматический эмфатический жест), синхронизированных со словами *модно / престижно / или положено*, аргументируя свою позицию. На Рисунке (6б) героиня Н. Мордюковой применяет прагматический эмфатический

жест для выражения очень эмоционального отношения к событию. Персонаж В. Тихонова (кинокартина «Доживем до понедельника») на Рисунке (6в) фокусирует внимание на характеристике описываемого участника события, и положение прагматического эмфатического жеста в центральной зоне кадра позволяет привлечь дополнительное внимание к компоненту описательного дискурса.

Представляется также интересным сравнить роль речи и жеста в конструировании аргументативного и описательного дискурса в кадре.

На Рисунке 7 приведен график распределения корреляционных показателей типа кадра и техник аргументации.

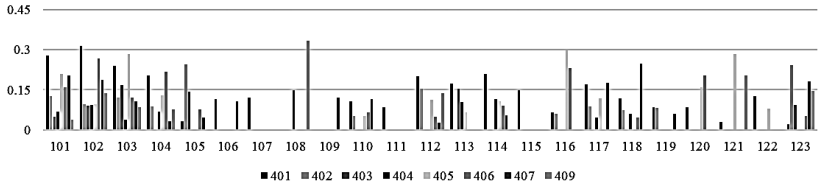


Рис. 7. Показатели корреляций техник речевой аргументации

График показывает, что самыми резонансными (где показатели сопряженности превышают порог критического значения более чем в два раза, и где наблюдается значительный разброс показателей) являются техники, демонстрирующие оценку или эксплицирующие интерсубъективность, однако эти показатели в целом невысоки.

Рассмотрим показатели описательных техник речи (см. Рисунок 8).

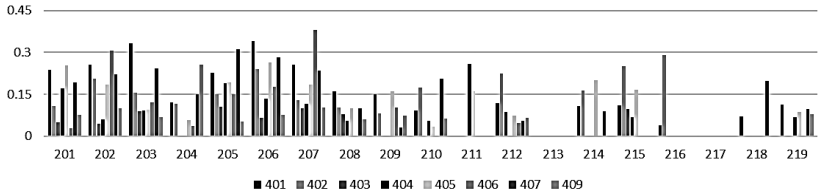


Рис. 8. Показатели корреляций техник речевого описания

Резонансными оказываются техники описания статических событий, а также техники описания отдельных компонентов события, для которых используются разные типы кадра.

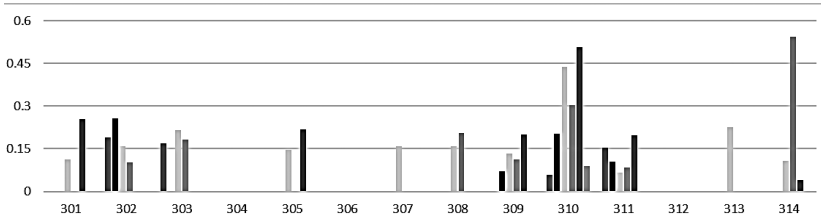


Рис. 9. Показатели корреляций типов жеста

Обратимся к показателям типов жеста (см. Рисунок 9).

Обращает на себя внимание наличие ряда типов жеста, которые демонстрируют очень высокую сопряженность с типами кадра, к ним относятся прагматический эмфатический жест и жест-предметный адаптер. Резонанс проявляется и в высокой вариативности показателей сопряженности жеста в разных типах кадра.

Таким образом, определяется ряд особенностей речи и жеста, сопряженных с типами кадра в аргументативном и описательном кинодискурсе. Очевидно, выявленные комбинации показали себя успешными для представления монолога в кадре, поэтому они являются частотными в кинодискурсе. Несколько неожиданным оказалось то, что техники именно описательной речи демонстрируют бóльшую сопряженность с типом кадра, чем техники аргументативной речи, что, очевидно, связано с необходимостью нахождения более удачных решений для стимулирования прагматического потенциала такого дискурса, к числу которых относится, прежде всего, использование прагматических эмфатических жестов и выбор типа кадра. Аргументативная речь сама по себе достаточно экспрессивна и интенциональна, и необходимость компенсировать нехватку прагматического потенциала с помощью особого типа кадра отпадает.

Поэтому гипотеза о том, что поэтика монолога в кинодискурсе определяется характером синхронизации типа кадра, с одной стороны, и речевого и жестового поведения актера, с другой, подтверждается, по крайней мере для рассмотренного типа кинодискурса. Интересными также представляются вопросы индивидуальной вариативности в плане *gesture* и *image*, вариативности в синхронизации речевых техник аргументации и описания и жеста, а также вариативности, определяемой жанром, временем создания и другими показателями дискурса, которые очевидно будут оказывать воздействие на проявления этой поэтики в кадре.

Литература

Ирисханова О. К. К вопросу об измерении динамики нарратива // Образы языка и зигзаги дискурса: сб. науч. статей к 70-летию В. З. Демьянкова. М.: Культурная революция, 2018. С. 192–215.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Agamben G. Notes on Gesture // Means without End: Notes on Politics / transl. by V. Binetti, C. Casarino. Minneapolis-London: University of Minnesota Press, 2000 (1996). P. 49–59.

Auerbach J. Body Shots: Early Cinema's Incarnations. Berkeley-London: University of California Press, 2007.

Barthes R. Camera Lucida. Reflections on Photography. Transl. New York: Hill & Wang Publ., 1981.

Ciccognani M. Metacinematic Gestures an Investigation of the Productionist Aspect of Self-reflexive Films. Doctoral Thesis. Leicester: University of Leicester, 2018.

Cienki A. Image Schemas and Gesture // From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / Ed. by J. Grady. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 421–442.

Cienki A., Mittelberg I. Creativity in the Forms and Functions of Spontaneous Gesture with Speech // The Agile Mind: A multi-disciplinary Study of a Multi-faceted Phenomenon / Ed. by T. Veale, K. Feyaerts, C. Forceville. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 231–252.

Chare N., Watkins L. (eds.) Gesture and Film. Signalling New Critical Perspectives. London: Routledge, 2020.

Deleuze G. Cinema 1: The Movement-Image. London: The Athlone Press, 1986.

Deleuze G. Cinema 2: The Time-Image. London: The Athlone Press, 1989.

Halloran K. Visual Semiosis in Film // Multimodal Discourse Analysis. Systemic Functional Perspectives / Ed. by K. Halloran. London, New York: Continuum, 2004. P. 109–130.

Harbord J. Agamben's Cinema: Psychology Versus an Ethical Form of Life // NECSUS. Nov. 25, 2015. Available online at: https://necsus-ejms.org/agambens-cinema-psychology-versus-ethical-form-life/ (accessed 10.04.2021).

Iriskhanova O. K., Cienki A. The Semiotics of Gestures in Cognitive Linguistics: Contribution and Challenges // Issues in Cognitive Linguistics. 2018. Vol. 4 (57). P. 25–36.

Kristeva J. La Revolution du Langage Poétique. L'avant-Garde a la fin du XIX siecle, Lautreamont et Mallarmé. Paris: SEUIL, 1974.

Lavender A. Multimodal Acting and Performing // Beyond Media Borders. 2020. Vol. 1. P. 113–140.

Mulvey L. Visual Pleasure and Narrative Cinema // Feminism and Film Theory / Ed. by C. Penley. New York: Routledge, 1988. P. 57–68.

Mulvey L. Death 24 x a Second. London: Reaktion Books, 2006.

Müller C. Metaphors, Dead and Alive, Sleeping and Walking. A Cognitive Approach to Metaphors in Language Use. Berlin: Freie Universitat, 2005.

Noys B. Film-of-Life: Agamben's Profanation of the Image // Cinema and Agamben: Ethics, biopolitics and the moving image / Ed. by H. Gustafsson and A. Grønstad. New York-London-New Delhi-Sydney: Bloomsbury, 2014. P. 89–102.

M. I. Kiose *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

ORCHESTRATIONS OF SPEECH AND GESTURE IN CINEMATIC SHOTS. DISCOURSE OF ARGUMENTATION AND DESCRIPTION

The study explores the synchronization patterns of speech and gesture in the discourse of argumentation and description in cinematic monologues. It shows that cinematic shot types tend to display contingency with speech and gesture discourse construal.

Key words: multimodality of speech and gesture, cinematic shot, discourse of argumentation and description.

А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова, А. А. Петров
(Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
lentevanja27@gmail.com,
olga.agafonova92@gmail.com,
petrov@linguanet.ru

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЖЕСТОВ ПРИ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ[1]

В статье рассматривается использование дейктических жестов при синхронном переводе с английского языка на русский (L1) и с русского языка на английский (L2). Проанализированы формы дейктических жестов (указание и жесты-касания), а также типы референтного объекта, с которыми использова-

[1] Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках реализации проекта Российского научного фонда (№ 19-18-00357).

лись жесты данного типа. Было выявлено, что чаще всего дейктические жесты используются при описании предмета, количества, события и времени. Также было обнаружено, что переводчики чаще используют жесты касания, которые способствуют удержанию информации в памяти, при переводе на иностранный язык, что может указывать на повышенную когнитивную нагрузку в данном типе деятельности.

Ключевые слова: дейктические жесты, указание, касание, референтный объект, синхронный перевод.

Особенности синхронного перевода

Синхронный перевод является энергозатратным видом деятельности, при котором в режиме реального времени одновременно происходит восприятие сигнала и продуцирование речи [Seeber 2011, 2013; Stachowiak-Szymczak 2019]. Такой тип перевода несет высокую когнитивную нагрузку, так как происходит активизация разных психических процессов, как, например, восприятие, внимание, рабочая память, мышление [Lederer 1981].

В ходе перевода говорящие часто сталкиваются с различными типами переводимой информации, которая в том числе включает в себя временные и пространственные понятия, которые при переводе с иностранного языка (L2) на родной язык (L1) или наоборот могут вызывать дополнительные трудности.

Роль дейктических жестов в речи

В процессе коммуникации говорящий может прибегать к разного рода вербальным и невербальным методам обозначения референтного объекта. Дейктические жесты используются говорящим как один из невербальных способов описания или обозначения объекта (например, указание на объект кивком головы или взглядом, рукой или указательным пальцем, предметом).

Дейктические жесты используются говорящими не только для привлечения внимания слушателей, но и “для себя”, в моменты, когда непосредственная аудитория отсутствует или не видит говорящего, например, при разговоре по телефону. Ряд исследований указывает на то, что при описании испытуемый производит дейктические жесты даже в условиях, когда собеседник его не видит (как, например, в случаях, когда коммуникатны взаимодействуют через Skype, и изображение человека лимитировано картинкой, или в ситуациях, когда общаются незрячие

люди) [Gullberg 1999; Bavelas et al. 2008; Chu, Kita 2011; Cienki 2017]. Дейктические жесты могут сопровождать определенные категории слов, например, указательные слова *этот, тот, вот так* (*this, that, like this*) [Cooperrider 2017].

По типу движения руки в литературе часто к дейктическим жестам относят именно жест указания (“pointing gesture”) [McNeil 2003]. Однако эта группа жестов также может включать в себя жесты касания (“touching gestures”) (ср. с “placing gestures” в Clark 2003) [Sauppé, Mutlu 2014]. С. Тенджес (S. Tenjes) выделяет три категории жестов указания [Tenjes 2001: 312]: 1) указание на объект, существующий в физическом пространстве, в котором находится говорящий; 2) указание на объекты, существующие в пространстве, но находящиеся вне поля зрения говорящего; 3) описание объекта за счет использования пространства вокруг говорящего, при этом объект обладает метафорическим смыслом [McNeill 1992: 173; Carstens 2019].

Д. МакНил отмечает, что указательные жесты обладают объединенной семантической структурой, которая включает в себя несколько компонентов. Этими компонентами являются: указательный знак, начало точки отсчета координат указательного знака (ориго) и дейктическое поле, которое включает цель речи (предмет обсуждения), адресата и самого говорящего [McNeil 2003].

Дейктические жесты могут быть подразделены на категории по следующим критериям: 1) конкретизация; 2) тип референта; 3) форма и тип движения руки. Так, Д. МакНил, например, выделяет два типа указательных жестов: абстрактные жесты и указательные жесты, в зависимости от референта, которым может быть некий определенный объект или абстрактное понятие, событие или действие [McNeil 2003]. По типу референта К. Куперрайдер выделяет категории жестов, которые относятся к объекту, на который они указывают (entity-referring), некому месту (place-referring) или действию и его манере совершения (action referring) [Cooperrider 2017]. Г.Е. Крейдлин отмечает, что дейктические жесты также способны не только *указывать*, но и *показывать* свойства референта [Крейдлин 2006].

Исследования показывают, что дейктические жесты несут функцию снижения когнитивной нагрузки как у говорящего за счет того, что он полностью или частично заменяет высказывание жестом, так и у собеседника, которому требуется меньше когнитивных усилий для обработки поступающей информации [Goldin-Meadow 1999; Sauppé, Mutlu 2014].

Методы и результаты исследования

В данной работе рассматриваются дейктические жесты, которые подразделяются на два типа: указательные жесты и жесты-касания.

Под указательными жестами в работе понимаются такие дейктические жесты, которые создают некую линию, соединяющую конец ладони / пальца жеста и объект, на который такой жест направлен [Clark 2003; McNeil 2003]. Так, в примере, приведенном ниже, говорящий используют указательный жест: все пальцы вытянуты, рука движется сначала вправо, а затем вперед от говорящего (рис. 1). Таким образом переводчик создает линию, соединяющую кончики пальцев, ладони и объект, о котором идет речь. Несмотря на то, что объект находится вне зоны видимости говорящего, указательный жест создает связь с референтом, за счет чего происходит дополнительная фокусировка внимания на объекте.

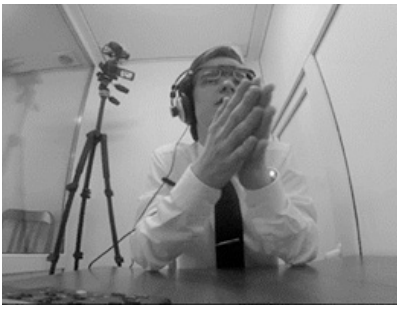


Рис. 1. Пример использования указательного жеста при произнесении фразы «Один **из** видов птиц»

Рис. 2. Пример использования жеста касания
при произнесении фразы «За последние **пять тысяч лет**»

Жесты-касания отличаются от указательных жестов характером движения и направлением руки. Такие жесты либо имитируют дотрагивание до некой поверхности, либо используют некоторую конкретную поверхность (например, поверхность стола), чтобы поставить на нее пальцы или положить ладонь [de Kok et al. 2016]. На Рис. 2 продемонстрирован жест-касание в момент, когда говорящий произносит фразу "пять тысяч лет", при этом происходит движение указательного пальца вниз и касание пальцем поверхности стола. Используя этот жест, переводчик обозначает конкретную временную реалию, словно располагая ее на поверхности перед собой.

Анализ интересующих нас жестов был проведен на материале 18 видео синхронного перевода: 9 с русского на английский и 9 с английского на русский. Общая продолжительность корпуса составила 180 минут, продолжительность каждого видео перевода – 10 минут. Участниками эксперимента являются профессиональные синхронные переводчики. Запись материала осуществлялась с помощью двух камер: Sony HXR-NX30P (1920x1080 FHD, 25 FPS) с микрофоном Sony ECM-XM1 и GoPro HERO3 + Silver (1920x1080 HD, 25–30 FPS). Первая камера ставилась сзади участника, вторая помещалась на стол перед ним. Такое расположение техники предоставляет максимально точный обзор жестов говорящих.

При анализе корпуса речи были выделены 7 категорий референтного объекта, коррелирующих с дейктическими жестами: 1) время (например, *before now; from 2010 to 2013; в 1844; в прошлом*); 2) количество (например, *3 hundred specialists; восемь тысяч ньютонов*); 3) место (например,

on Earth; и вот здесь); 4) действие (например, *to come to certain conclusion; появляются, потом вымирают*); 5) предмет (например, *an article; species; политик; другая птица*); 6) событие, то есть свершившийся факт, явление (например, *they have existed; there is also was a very interesting case; один в день; привел тысячу видов в день*); 7) поиск слова (например, *from the…; err…; эээ…; ммм…*).

Гипотеза исследования заключается в том, что в силу предполагаемой повышенной когнитивной нагрузки дейктические жесты будут чаще использоваться при переводе на иностранный язык по сравнению с переводом на родной язык.

Всего было обнаружено 120 случаев употребления дейктических жестов, из них 60 указательных жестов и 60 касаний. В случаях перевода на русский язык было обнаружено 57 дейктических жестов, из них 39 указательных и 18 касательных жестов. В переводе на английский язык было использовано 63 жеста, из них указательные жесты использовались в 21 случае, а касания в 42 случаях. Следует отметить, что при переводе на английский язык переводчики чаще использовали жесты касания, в то время как при переводе на русский язык преимущественно использовались указательные жесты.

Таблица 1

Использование дейктических жестов при переводе на L1 и L2

	Указательные жесты	**Жесты-касания**	**Всего**
Перевод на английский язык	21	42	63
Перевод на русский язык	39	18	57
Всего	60	60	120

Анализ типа референта показал, что чаще всего дейктические жесты при переводе на русский и английский языки использовались при описании предмета, то есть при обозначении того или иного одушевленного или неодушевленного объекта (36 случаев). При описании предмета больше всего используются указательные жесты (21 случай). Также дейктические жесты довольно часто встречались при обозначении количества и события (по 18 случаев соответственно) и времени (16 случаев) (табл. 2).

Таблица 2

Использование дейктических жестов в зависимости от типа референта

	время	**сущность**	**количество**	**действие**	**событие**	**место**	**поиск слова**
Указательные жесты	10	21	7	6	11	4	1
Жесты-касания	6	15	11	8	7	7	6
Всего	16	36	18	14	18	11	7

Указательные жесты в большей степени использовались при переводе на русский язык (39 случаев), преимущественно при описании предмета (12 случаев). При переводе на английский язык чаще используются жесты-касания (42 случая), также при описании предмета (11 случаев) (табл. 3).

Таблица 3

Использование указательных жестов в зависимости от типа референта

	время	**сущность**	**количество**	**действие**	**событие**	**место**	**поиск слова**	**всего**
Перевод на английский язык	5	9	1	1	3	2	0	21
Перевод на русский язык	5	12	6	5	8	2	1	39

Испытуемые производили жесты касания преимущественно при переводе с русского языка на английский (42 случая), чаще всего при переводе на английский язык жесты касания использовались при описании предмета и количественных значений (11 и 8 случаев соответственно). В свою очередь при переводе с английского языка на русский переводчики-синхронисты чаще использовали жесты касания, когда речь шла о предметах или событиях (4 и 5 случаев соответственно) (табл. 4).

Таблица 4

Использование жестов касания в зависимости от типа референта

	время	**сущность**	**количество**	**действие**	**событие**	**место**	**поиск слова**	**всего**
Перевод на английский язык	4	11	8	5	2	6	6	42
Перевод на русский язык	2	4	3	3	5	1	0	18

Выводы

Результаты анализа показали, что дейктические жесты чаще используются при переводе на иностранный (английский) язык, что подтверждается аналогичными исследованиями, в которых рассматривается взаимодействие языков L1 и L2 [Gullberg 1998; Hadar et al. 2001; Nicoladis et al. 2007; Sherman, Nicoladis 2004]. Такая частота использования может указывать на повышенную когнитивную нагрузку во время данного типа перевода. Более того, при переводе на английский язык (L2) переводчики чаще использовали жесты-касания, которые, предположительно, способны помочь говорящему удерживать описываемое понятие в памяти [Clark 2003]. Данные жесты довольно часто применялись при поиске слова, что также подтверждает их мнемоническую функцию – функцию извлечения искомого понятия из оперативной памяти.

Наиболее употребляемые категории референтов, которые встречаются с дейктическими жестами – предметы, события и количественные характеристики предметов и событий. Это согласуется с теми исследованиями, в которых отмечается склонность использовать дейктические жесты при описании количества и использовании цифр и подсчетов [Graham 1999; Cappuccio et al. 2013].

Литература

Крейдлин Г. Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I: Жестовые ударения // Труды международной конференции «“Диалог 2006”: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Москва: Изд-во РГГУ 2006. С. 290–296.

Bavelas J., Gerwing J., Sutton C., Prevost D. Gesturing on the Telephone: Independent Effects of Dialogue and Visibility // Journal of Memory and Language. 2008. 58 (2). P. 495–520.

Cappuccio M. L., Chu M., Kita S. Pointing as an Instrumental Gesture: Gaze Representation Through Indication. Humana. Mente // Journal of Philosophical Studies. 2013. 24. P. 125–150.

Carstens A. Advice on the Use of Gestures in Presentation Skills Manuals: Alignment between Theory, Research and Instruction // Image & Text. 2019. 33. P. 1–34.

Chu M., Kita S. The Nature of Gestures' Beneficial Role in Spatial Problem Solving // Journal of Experimental Psychology: General. 2011. 140 (1). P. 102–116.

Cienki A. Ten Lectures on Spoken Language and Gesture from the Perspective of Cognitive Linguistics. Issues of Dynamicity and Multimodality. Leiden, Boston: Brill, 2017.

Clark H. H. Pointing and Placing // S. Kita (Ed.), Pointing. Where Language, Culture, and Cognition Meet. Hillsdale NJ: Erlbaum. 2003. P. 243–268.

Cooperrider K. Foreground Gesture, Background Gesture // Gesture. 2017. 16: 2. P. 176–202.

de Kok I., Hough J., Schlangen D., Kopp S. Deictic Gestures in Coaching Interactions // Proceedings of the Workshop on Multimodal Analyses enabling Artificial Agents in Human-Machine Interaction (MA3HMI '16). Association for Computing Machinery. New York, NY, USA, 2016. P 10–14.

Goldin-Meadow S. The Role of Gesture in Communication and Thinking // Trends in Cognitive Sciences. 1999. 3(11). P. 419–429.

Graham T. A. The Role of Gesture in Children's Learning to Count // Journal of Experimental Child Psychology. 1999. 74. P. 333–355.

Gullberg M. Gesture as a Communication Strategy in Second Language Discourse. A Study of Learners of French and Swedish. Lund: Lund University Press, 1998.

Hadar U.; Dar R. Teitelman A. Gesture during Speech in First and Second Language: Implications for Lexical Retrieval // Gesture. 2001. 1. P. 151–165.

Lederer M. La Traduction Simultanée – Expérience et Théorie. Paris, France: Minard, 1981.

McNeill D. Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.

McNeill D. Pointing and Morality in Chicago // S. Kita (Ed.), Pointing: Where Language, Culture and Cognition Meet. Mahwah, NJ: Erlbaum. 2003. P. 1–16.

Nicoladis E., Pika S., Yin H., Marentette P. Gesture Use in Story Recall by Chinese-English Bilinguals // Applied Psycholinguistics. 2007. 28. P. 719–733.

Sauppé A., Mutlu B. Robot Deictics: How Gesture and Context Shape Referential Communication // Proceedings of the 2014 ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction. ACM, 2014. p. 342–349.

Seeber K. Cognitive Load in Simultaneous Interpreting: Existing Theories – New Models // Interpreting. 2011.13. P. 176–204.

Seeber K. Cognitive Load in Simultaneous Interpreting: Measures and Methods // Target. 2013. 25: 1. P. 18–32.

Sherman J., Nicoladis E. Gestures by Advanced Spanish-English Second-language Learners // Gesture. 2004. 4. P. 143–156.

Stachowiak-Szymczak K. Eye Movements and Gestures in Simultaneous and Consecutive Interpreting. New York, NY: Springer.

Tenjes S. Gestures as Pre-positions in Talk // TRAMES2001. 4. P. 302–320.

A. V. Leonteva, O. V. Agafonova, A. A. Petrov
(Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THE SPECIFICS OF USING DEICTIC GESTURES IN SIMULTANEOUS INTERPRETING

The article is dedicated to the deictic gesture usage in simultaneous interpreting from English into Russian (L1) and Russian into English (L2). The authors analyze different forms of deictic gestures (i.e., pointing and touching) and several types of the referent. The analysis showed that deictic gestures tend to occur while describing entities, quantity, events and time. It was also established that simultaneous interpreters use touching more often while keeping and retrieving information from working memory, which could indicate higher cognitive load.

Key words: deictic gestures, pointing, touching, referent, simultaneous interpreting.

Е. Г. Логинова *(Рязань, Россия)*
Рязанский государственный университет
имени С. Есенина,
lenlogiya@gmail.com

ПОЛИСЕМИОТИЧЕСКОЕ ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК «ОСОБЫЙ ФОРМАТ ЗНАНИЯ» И МЕТОДЫ ЕГО АНАЛИЗА

В статье обобщается опыт исследования полисемиотического дискурсивного пространства, трактуемого как «особый формат знания». На материале дискурсивного пространства драмы, объединяющего пьесу и ее сценические интерпретации, апробируется метод диаграфического анализа и метод когнитивного моделирования, дополняемые статистическими процедурами.

Ключевые слова: полисемиотическое дискурсивное пространство, диаграфический анализ, кросс-модальный сценарий, художественная коммуникация.

По воспоминаниям Е. С. Кубряковой, когда лингвисты приступили к изучению текста как языкового произведения, В. А. Звегинцев использовал для характеристики состояния языковедческой науки того времени понятие «расширяющаяся вселенная» [Кубрякова 2004: 531]. Думается, что в настоящее время лингвистика переживает схожий период. При этом научный экспансионизм проявляется в разных направлениях, позволяя включать в сферу исследований новые реальности языковой и – шире – коммуникативной деятельности.

Объектами научного интереса когнитологов все чаще становятся полисемиотические проявления процессов создания, передачи и трансформации смыслов, что позволяет учитывать при анализе разного рода дискурсивных практик взаимодействие вербального и невербальных компонентов. Например, письменный текст с иллюстрациями, рекламные плакаты, афиши, комиксы, мемы, сообщения в мессенджерах, посты в социальных сетях и пр.

Самостоятельное направление представляет изучение устного дискурса, когда межсемиотическое взаимодействие сопряжено с коммуникативными каналами, несущими информацию разной перцептивной природы: зрительный, слуховой, тактильный, обонятельный. Примером могут служить ситуации повседневного общения, публичные выступления, синхронный и последовательный перевод, кинодискурс, театральный дискурс, популярные сегодня ролики в TikTok, Instagram Stories и пр.

Расширение исследовательского материала, обеспечивающее доступ к ментальным процессам через вербальные и невербальные репрезентации, во многом было инициировано идеями ученых, многие из которых не относили себя к когнитивным лингвистам. Вместе с тем рассматривали язык как когнитивную способность человека, задаваясь вопросами взаимосвязи языка и психических процессов: восприятия, воображения, памяти и пр. (см. работы Ш. Балли, Э. Бенвениста, А. А. Потебни, Р. Якобсона, Ю. М. Лотмана, В. Г. Гака и др.).

Так, А. А. Потебня отчасти предвосхитил выводы современных ученых о совместном конструировании значений при условии взаимной «настройки» субъективных намерений участников коммуникативной ситуации (см. работы Г. Кларка, Р. Гиббса, Дж. Златева, П. Линелла, О. К. Ирисхановой и др.). Он писал: «Наше слово действует на других, но при этом оно устанавливает между замкнутыми в себе личностями связь, не уравнивая содержание этих личностей, а настраивая их гармонически». И далее о художественной коммуникации: «Как посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить

его собственную, так и в искусстве каждый случай понимания художественного образа есть случай воспроизведения этого образа и создания значения» [Потебня 1989: 226, 232].

Р. Якобсон подчеркивал, что когда мы пытаемся осмыслить знак и привести коммуникацию к необходимой контекстуальной однозначности, то приходим к иным знакам в рамках той же или иной знаковой системы [Jakobson 2004 (1959)]. Идеи Р. Якобсона о трансляции содержания как проявлении когниции получили развитие в ряде работ, посвященных синтетическим видам дискурса, например, кинодискурсу и театральному дискурсу (см. работы К. Илама, И. Стати, Г. Сонессона и др.). Значимым является то, что эти идеи способствовали становлению семиотических методов изучения художественного дискурсивного пространства, в частности дискурсивного пространства драмы.

Определяя драму как «особый формат знания», Е. С. Кубрякова обращала внимание на субъективный характер драмы в сконструированной объективной коммуникативной ситуации: «…каждая пьеса оказывается совокупностью знаний и мнений, суждений и оценок, относящихся к изображаемому на сцене событию, а значит, и к взаимодействию между людьми и отношениями между ними, и к осмыслению определенных сторон человеческого бытия – во всяком случае в том виде, в каком оно представляется действующим лицам самой пьесы и как оно ими “сконструировано”» [Кубрякова 2012: 133].

Термин «дискурсивное пространство», используемый нами по отношению к драме, предполагает сложное негомогенное образование, объединяющее исходный дискурс (драматургическое произведение) и его возможные дериваты (сценические, телевизионные и радиопостановки). Поскольку дискурсивное пространство драмы формируется в рамках особого социального контекста, оно сопряжено с вербальными и невербальными репрезентациями социальных смыслов (о социальном контексте см. работы Т. А. ван Дейка и др.).

Как и в случае разных переводов одного и того же литературного произведения, множественные спектакли по одной и той же пьесе, часто отсроченные от времени создания оригинала, представляют собой поиск выразительных средств для наиболее точной реализации коммуникативно-прагматического, эстетического и социокультурного потенциала исходного текста. Многократное моделирование исходной коммуникативной ситуации при задействовании не только вербальных, но и невербальных знаковых систем предполагает рекуррентность и кумуляцию кодируемых смыслов. Учитывая, что разные составляющие

дискурсивного пространства драмы имеют своего собственного автора, разные «переводы» пьесы на язык театра – это попытка конкретизировать характер развития исходной коммуникативной ситуации в определенных условиях, созданных режиссером и другими соавторами театрального перформанса.

Помимо перекодирующей функции как непременного условия упорядочения нашего опыта, о чем писал Р. Якобсон, сценическое прочтение пьесы выполняет также функцию создания необходимого контекста, который дает возможность зрителю осмыслить замысел и коммуникативное намерение режиссера, понять специфику восприятия происходящего на сцене режиссером, актерами, сценографами, художниками-декораторами и пр. и соотнести свой опыт с опытом режиссера. В качестве примера множественных трансформаций приведем 22 разноплановые сценические интерпретации пьесы А. Вампилова «Старший сын», вошедшие в программу Международного онлайн-фестиваля одной пьесы «Старший сын – 55», который состоялся с 5 по 29 ноября 2020 г. на площадках Медиа-проекта АРТИСТ (www.artistchannel.ru) и Международного форума «Золотой Витязь» (www.zolotoyvityaz.ru).

Расширяя трактовку «формата знания» [Болдырев 2006; Кубрякова 2008 и др.], попытаемся определить с этих позиций дискурсивное пространство драмы: не как «вместилище», в которое помещены дискурсы, а как д и н а м и ч е с к и й к о н с т р у к т, способный к расширению своих границ. В отличие от других типов художественного дискурса, а также интернет-коммуникации (мемы, демотиваторы, посты и пр.), дискурсивное пространство драмы в языковом и постановочном планах включает м н о г о у р о в н е в ы е к о м м у н и к а т и в н ы е о т н о ш е н и я: драматург – пьеса – читатель – режиссер – актер – зритель. « К о л л а б о р а т и в н а я » художественная коммуникация предполагает не репрезентацию индивидуального опыта, а процесс массовой когниции, что дает возможность воспроизвести базовую модель когнитивных отношений между человеком и коммуникативной ситуацией, включая процессы интериоризации и экстериоризации референциальных связей.

Соположенность пьесы, ее театральных, телевизионных или радиопостановок может трактоваться в виде цепочки актов семиозиса, предполагающих р е к у р р е н т н о е о з н а ч и в а н и е и к у м у л я ц и ю смыслов и, как следствие, связанных отношениями формального и содержательного подобия. Подчеркнем также п о л и с е м и о т и ч н о с т ь, выступающую одной из ключевых характеристик дискурсивного пространства драмы, что делает его удобным материалом для исследования

проблемы взаимодействия знаков и знаковых систем в художественной коммуникации.

Обращение к дискурсивному пространству драмы отражает установку современной когнитивной лингвистики на привлечение все более объемных мультимодальных объектов исследования, что позволяет «по-новому взглянуть в том числе и на традиционные лингвистические вопросы» [Кибрик 2010: 135]. Одновременно это задает определенные требования к методам анализа, с помощью которых можно было бы выявить и описать, как согласуются между собой знаки и знаковые системы исходного и трансформированного дискурсов, вне зависимости от того, сколько модальностей задействуется в едином коммуникативном пространстве. Отдельный вопрос – обоснованное использование статистических методов, когда квантификации подвергается не только вербальный, но и невербальные компоненты высказываний (мимика, жесты, взгляд, движения и пр.).

Придерживаясь известного тезиса Н. С. Трубецкого о том, что «язык лежит вне меры и числа», большинство ученых отрицают лингвостатистику и количественные оценки. Дискуссия имеет давнюю историю, как и попытки ученых применить методологию точных наук к изучению языка и дискурса, в том числе дискурса художественного (см. работы И. А. Мельчука, С. К. Шаумяна, А. Вежбицкой, М. И. Киосе, И. В. Зыковой и др.). Так, Ч. Осгуд, Дж. Суси и П. Танненбаум в своем описании методики семантического дифференциала, нашедшей широкое применение в психолингвистических и социолингвистических работах, подчеркивают, что использование количественных методов анализа вполне обоснованно, если заниматься изучением «художественного произведения как акта человеческого общения» [Семиотика и искусствометрия 1972: 279]. В основе предлагаемой ими методики лежит взаимодействие разнородных ощущений (синестезия), определяющее индивидуальный опыт и позволяющее, по мнению исследователей, описать «параллельное выравнивание» двух или более измерений опыта, например, языковая метафора и музыкально-цветовая синестезия [Osgood [et al.] 1957].

Процесс рекуррентного означивания в семиотически гетерогенном дискурсивном пространстве драмы сопряжен с кумуляцией семантических компонентов. В дискурсе-источнике это может быть выражено разными типами вербального повтора; в дискурсе-деривате помимо вербального повтора имеет место вербально-невербальный и невербальный повтор. Все виды повторов обусловливают применение методов количественного

анализа для выявления определенных характеристик языковой реальности, которые невозможно обнаружить при использовании только качественных методов. Например, при работе со сценическими интерпретациями пьес отечественных драматургов второй половины 20 века (А. Вампилов «Утиная охота»; Н. Садур «Чудная Баба», «Ехай»; А. Казанцев «Бегущие странники»), количественный анализ использовался нами для верификации одной из гипотез. Было выдвинуто предположение, что в связи с онтологической направленностью сценической интерпретации на визуализацию вербальной модальности в дискурсах-дериватах будут преобладать прагматические и репрезентирующие жесты (согласно классификациям жестов, разработанным К. Мюллер и А. Ченки). На первом этапе методом сплошной выборки из авторских ремарок были отобраны указания на жесты, сопровождающие вербальное поведение персонажей; затем проведен сопоставительный анализ указаний на жесты в дискурсе-источнике и жестов, задействованных в дискурсах-дериватах. Корпус примеров составил 35 указаний на жесты, из которых в проанализированных дискурсах-дериватах 11 жестов были сохранены (31,5%); 13 жестов были опущены (37%); 11 жестов получили модифицированный вид (31,5%). Выделенные группы включают репрезентирующие, указательные и прагматические жесты. Указания на жесты, структурирующие дискурс, отсутствовали в анализируемом материале.

Следующим этапом стала глобальная выборка жестов, добавленных режиссером и/или актерами. В количественном плане данная группа значительно превышает указания на жесты, предусмотренные драматургом, включая 2577 жестов, синхронизированных с вербальной репликой в спектакле, а также отдельные случаи дистантных корреляций, когда жест в дискурсе-источнике замещает реплику. Методом случайного числового отбора с использованием инструмента «Выборка» MS EXCELL была получена репрезентативная выборка, включающая 100 жестов, которые подверглись статистической обработке. Корпус примеров распределился следующим образом: наибольший показатель частотности у прагматических и репрезентирующих жестов (42% и 31% соответственно); наименьший показатель частотности у жестов, структурирующих дискурс (3%). Результаты количественного анализа представлены в виде круговой диаграммы, которая демонстрирует процентное соотношение жестов разных типов в анализируемом полимодальном дискурсе (рис. 1). Более подробно результаты исследования представлены в коллективной монографии «Полимодальные измерения дискурса» (t. b. d.).

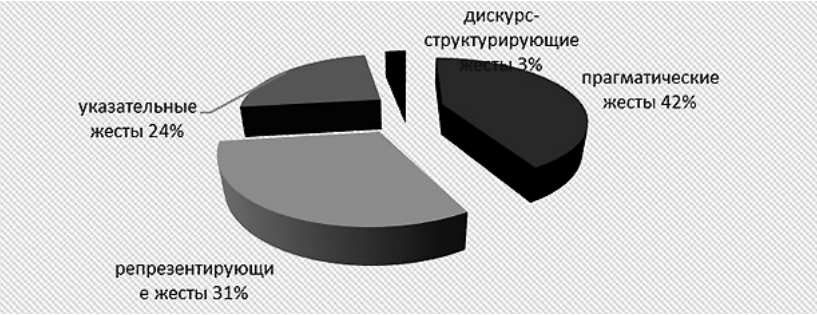


Рис. 1. Процентное соотношение жестов разных типов
в анализируемом полимодальном дискурсе

Помимо повтора, условием применения измерительных методик может выступать параметризация материала, под которой понимается отбор значимых параметров (когнитивные, языковые, текстовые и пр.) и дальнейшая оценка вариативности показателей по каждому параметру. Например, при работе с корпусом, включающем 22 видеоверсии спектаклей по пьесе А. Вампилова «Старший сын», одним из этапов анализа было сравнение суммарных показателей частотности ряда параметров семиотической креативности. Всего было выделено 9 параметров, связанных с траекторией развития исходной коммуникативной ситуации при трансформации пьесы в спектакль. Каждый параметр имеет идентификационный номер, включающий латинскую букву P и числовое обозначение: P_1 – вербальный компонент остается без изменений; P_2 – вербальный компонент модифицируется; P_3 – синхронно или последовательно «подключается» жестовая модальность (жесты рук); P_4 – добавляются жесты головы, мимика; P_5 – задействуются движения ног и/или движения корпуса; P_6 – используются передвижения персонажей по сцене; P_7 – задействуются какие-либо действия персонажей, в том числе с реквизитом; P_8 – добавляется музыкальное сопровождение вербального компонента и/или звуковые эффекты; P_9 – добавляются световые эффекты. Данные, полученные в ходе эмпирического анализа 22 дискурсов-дериватов (на рисунке обозначены латинскими буквами DD и имеют порядковый номер), были сведены в общую диаграмму, на которой отражены «пики» частотности того или иного параметра (рис. 2). Более подробно результаты исследования представлены в нашей статье «Режиссерская интерпретация драматургического произведения с позиций семиотической креативности» (t.b.d.).

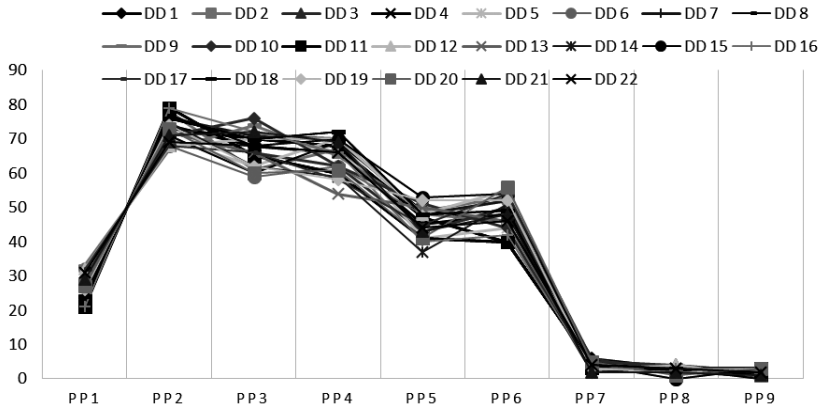


Рис. 2. Диаграмма «пиков» частотности

Представленные выше примеры демонстрируют валидность количественных методов при комплексном описании дискурсивных явлений, в том числе в дискурсе, организованном с помощью разных знаковых систем.

В поисках связи между количественной и качественной сторонами такого рода дискурса мы обратились к методу диаграфического анализа, который, с одной стороны, дает возможность визуализировать связи между рекуррентно представленным содержанием, вне зависимости от того, сколько модальностей вовлекается в этот процесс; с другой стороны – позволяет наиболее эффективно описать языковые параметры когнитивных процессов, получающих выражение в дискурсивном пространстве драмы. Ранее мы отмечали, что диаграф как метод анализа применялся отечественными и зарубежными исследователями для решения некоторых частных вопросов организации дискурса. Среди основных: структуризация синтаксических отношений в письменном тексте и структуризация устных диалогов при наличии параллелизма между двумя или более высказываниями (см. работы И. П. Севбо, Дж. Дюбуа и др.).

В основе метода диаграфического анализа, адаптированного нами для полисемиотического дискурсивного пространства, лежит сопоставление коррелирующих единиц внутри высказывания, сопоставление двух и более коррелирующих высказываний (последовательных

или дистантных), а также сопоставление коррелирующих вербальных и невербальных знаков и знаковых комплексов в дискурсе-источнике и дискурсах-дериватах. Говоря о корреляциях, мы имеем в виду взаимную соотнесенность формы и содержания знаков, задействованных для выражения образа референта и модификаций этого образа в процессе инференционно-интерпретативной деятельности авторов исходного и трансформированного дискурсов (драматургическое произведение и сценические постановки соответственно). Более детально метод диаграфического анализа рассматривался в [Логинова 2021].

Приведем пример из пьесы Д. Липскерова «Школа с театральным уклоном» и ее сценической интерпретации. Главные герои – коллеги и приятели Трубецкой (учитель физкультуры) и Серж (учитель географии). Нас интересует текстовый фрагмент, когда персонажи спорят о благородстве происхождения Трубецкого:

	A	**B**	**C**	**D**
1. Серж.		Ты ж у нас	князь	,
2.			голубая кровь	…
3. Трубецкой.	Не чета вам			,
4.	плебеям			…
5.		Я	князь	!
6.		Я	потомок	!
7.		Моя фамилия	Трубецкой	!
8.		Да, я	князь	!

Корреляции кореферентных номинаций *князь: голубая кровь* в границах инициирующей реплики демонстрируют выведение в фокус концептуального элемента «принадлежность к высшему слою знати». В ответной реплике коррелирующие между собой номинации *князь: потомок: Трубецкой: князь* усиливают выдвижение фокусного элемента с помощью расщепления концептуального представления (*потомок: Трубецкой)* и его суммирующего обобщения (*Я князь!: Да, я князь!*). При соотнесении инициирующей и ответной реплик получаем кумулятивное наслоение образов референта, которое усиливается в продолжении разговора:

	A	**B**	**C**	**D**
1. Серж.			Князь	,
2.			князь	…
3. Трубецкой.	А ты плебей			.
4. Серж.			Великий князь	,
5.			потомок	!

В спектакле Тюменского большого драматического театра [URL: https://youtu.be/L-x480G_j24] ирония, с которой произносит свои реплики Серж, усиливается за счет невербального поведения. Фразу *Великий князь, потомок!* актер сопровождает символическими действиями: опускается перед Трубецким на колени и бьет челом, разыгрывая тем самым почтение человеку более высокого социального статуса. Приведем соответствующий диаграф, в котором сопоставляются вербальные и невербальные компоненты высказывания в мономодальном дискурсе-источнике (Мд) и полимодальном дискурсе-деривате (Пд):

		Verbal		**Non-verbal**
Мд	Серж.	Великий князь	,	_
		потомок	!	_
Пд	Зилов.	Великий князь	,	*опускается на колени*
		потомок	!	*бьет челом*

Ограниченный объем статьи не позволяет подробно остановиться на описании диаграфа как аналитического инструмента. Подчеркнем, что основное его преимущество в том, что он показывает сходство плана содержания при различии плана выражения и, наоборот, различие плана содержания при сходстве плана выражения, позволяя тем самым выявить, как соотносится между собой исходное содержание и содержание, созданное в результате трансформаций. Вместе с тем при исследовании большого по объему семиотически гетерогенного дискурсивного пространства необходим, на наш взгляд, комплексный подход, учитывающий как локальные, так и глобальные связи. Поэтому в числе методов исследования необходимо, на наш взгляд, задействовать также метод моделирования. Данный метод, принимающий за основу языковые факты или какое-либо общее

допущение, предлагает наиболее близкую аппроксимацию структуры и характеристик когнитивных лингвосемиотических процессов, получающих отражение в дискурсивной деятельности (см. также работы Ю. Д. Апресяна, И. И. Ревзина, А. А. Зализняк, Е. В. Падучевой, И. В. Враймуд и др.).

При изучении полисемиотического дискурсивного пространства драмы речь идет о неких динамических моделях – кросс-модальных сценариях, которые способствуют уяснению закономерностей организации информации, стоящей за разными знаками (вербальными и невербальными), и отражают усиление старых и появление новых смысловых проекций при трансформации пьесы в спектакль.

В основе кросс-модальных сценариев лежат универсальные когнитивные механизмы, которые обеспечивают взаимосвязь лингвокогнитивных и прагматических систем и выступают решающим фактором упорядочения разноуровневых коммуникативных отношений. На материале русской и англоязычной драмы конца 19 – конца 20 вв. нами установлены инвариантные динамические модели двух типов. Первый тип – модели усиления смысловых проекций за счет невербальной репрезентации концептуального аспекта содержания, выраженного вербальной репликой; за счет невербальной репрезентации прагматического аспекта содержания и усиления прагматического эффекта. Второй тип – модели установления дополнительных смысловых проекций за счет вербальных и/или невербальных средств. Более подробно об этом идет речь в [Логинова 2019 и др.].

Таким образом, анализ полисемиотического дискурсивного пространства, характеризуемого множественными трансформациями исходного содержания, предполагает комплексный подход, включающий верифицирующие друг друга количественные и качественные методы. Разрабатываемая методология исследования полисемиотического дискурсивного пространства драмы, в основе которой метод сопоставления в диаграфической форме и метод моделирования процессов художественного семиозиса, дает возможность анализировать отдельно пьесу и спектакль, а также соотносить пьесу-источник и спектакль как ее дериват, уточняя направления последующего рекуррентного означивания лингвистического и экстралингвистического опыта.

Дальнейшая апробация предложенных в работе аналитических инструментов, непосредственно связанная с развитием «экспериенциального» этапа когнитивной лингвистики, предполагает подключение экспериментальных методик. Это дает возможность проникнуть в глубину коммуникативного процесса для выявления потенциальных возможностей вербального и невербального знака, например, изучить жесты рук и головы в театре с учетом точки зрения говорящего и пр.

Литература

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. Вып. 2. С. 5–22.

Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. М.: ИП РАН, 2010. Вып. IV. С. 134–152.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е. С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2008. С. 30–45.

Кубрякова Е. С. Лингвокультурологический статус драмы (новое в изучении языка пьес) // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. С. 128–146.

Логинова Е. Г. Полимодальные сценарии семиотического резонанса в дискурсе драмы // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 130–141.

Логинова Е. Г. Метод диаграфического анализа в исследовании художественной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1(44). С. 202–212.

Потебня А. А. Психология поэтического и прозаического мышления // Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 201–235.

Семиотика и искусствометрия: сборник пер. / сост. и ред. Ю. М. Лотман, В. М. Петров. М.: Мир, 1972.

Osgood Ch.E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. The Measurement of Meaning. Urbana: University of Illinois Press, 1957.

E. G. Loginova *(Ryazan, Russia)*
Ryazan State University named after S. Yesenin

POLYSEMIOTIC DISCURSIVE SPACE AS "A SPECIAL FORMAT OF KNOWLEDGE" AND METHODS OF ITS ANALYSIS

The study integrates cognitive and multimodal approaches to investigate the discourse of drama identified as a polysemiotic discursive space and "a special format of knowledge". Verbal and non-verbal modalities realized in the discourse of drama are investigated both qualitatively and quantitatively. The author elaborates the diagraph method and the cognitive cross-modal scenarios approach accompanied by statistical procedures.

Key words: polysemiotic discursive space, the diagraph analysis, cross-modal scenario, art as communication.

М. В. Томская *(Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
scog@linguanet.ru

РЕЧЕВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ПРИ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКЕ В СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ[1]

В настоящей статье представлены некоторые результаты работы по исследовательскому проекту, выполняемому Центром СКоДис при МГЛУ. Проект направлен на решение актуальной проблемы выявления особенностей вербального и невербального поведения переводчиков-синхронистов в условиях интенсивной когнитивной нагрузки.

Ключевые слова: синхронный перевод, когнитивная нагрузка, вербально-телесное поведение, речевое затруднение.

Введение

Изучение роли языка в познавательных процессах разного типа и в обработке получаемой в результате этих процессов информации рассматривается как одна из основных задач когнитивистики, решение которой позволит в дальнейшем не только постигнуть «сущность языковой способности как главной когнитивной составляющей инфраструктуры мозга», но и познать «саму эту инфраструктуру – то, что представляет собой разум человека и что мы называем его интеллектом» [Кубрякова 2004: 12]. В этой связи изучение речевого поведения говорящих, чья деятельность осуществляется под существенной когнитивной нагрузкой, представляется весьма актуальным.

Для анализа реакций человека на когнитивную нагрузку в ситуации повышенного напряжения ученые проводят разнообразные экспериментальные исследования, в этом контексте особую ценность приобретает изучение вербально-телесного поведения переводчиков-синхронистов, поскольку данный вид деятельности считается не только самым сложным видом перевода, но и одним из самых трудных видов речевой, и в целом интеллектуальной, деятельности. Это обусловлено одновременным вы-

[1] Исследование проводится в Московском государственном лингвистическом университете при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00357.

полнением нескольких когнитивных операций, в том числе «аудиальным восприятием части текста на одном из рабочих языков, его пониманием, затем перекодировкой на другой рабочий язык, воспроизведением на этом языке при синхронном восприятии следующей части текста на первом языке» [Томская 2019: 219].

Как отмечают некоторые авторы, ключевыми при идеальном синхронном переводе являются следующие когнитивные операции – «восприятие и понимание, память, поиск (выработка) переводческих решений и эквивалентов, говорение и самоконтроль» [Кошкин 2016: 29]. При этом важнейшим фактором сложности рассматриваемого вида перевода является именно одновременность названных когнитивных процессов [Christoffels, De Groot 2004].

В некоторых работах трудности, сопровождающие синхронный перевод, обозначаются как «психофизиологический дискомфорт», «психическое напряжение», «психофизиологическое напряжение», «сложная лингвистическая задача» и др., поскольку они осложнены необходимостью слушать и говорить одновременно, мгновенным выбором соответствующих лексических единиц в условиях ограниченного контекста и дефицита времени, речевой компрессией и проч. Нам представляется целесообразным вместо этих понятий использовать термин «когнитивная нагрузка», хотя он также является достаточно спорным [Ирисханова и др. 2019], однако более приемлемым для нашего исследования.

Так называемая повышенная когнитивная нагрузка может проявляться как глобально (т. е. характеризует деятельность в целом), так и локально (в определенные моменты затруднений) [Ирисханова и др. 2019].

В данной работе рассматриваются локальные проявления повышенной когнитивной нагрузки, а именно – речевые затруднения и их вербальные маркеры.

Вербальные проявления повышенной когнитивной нагрузки

Анализ данных в рамках исследовательского проекта проводился по материалам видеозаписей из кабины для синхронного перевода. В качестве испытуемых выступили лишь носители русского языка (L1), переводившие с русского языка (L1) на английский (L2) и наоборот. Стимульным материалом для перевода стали 10-минутные аудиозаписи научно-популярного характера на английском и русском языках на схожую

тематику – а именно, на тему биоразнообразия и вымирания животных [Ирисханова и др. 2019].

Для получения трех ракурсов – сверху из-за спины переводчика, спереди крупным планом и «глазами самого переводчика» (айтрекер) – видеозапись осуществлялась с трех камер одновременно. Полученные тройные видеозаписи интегрировались в программу ELAN для аннотации жестов и речевых эпизодов с затруднениями.

Для исследования были отобраны аннотированные видеозаписи 24 переводчиков (пол и возраст в данном контексте не учитываются), из которых 8 человек были отнесены к группе более опытных переводчиков (не менее трех лет интенсивной работы) и 16 человек – к группе менее опытных синхронистов (менее трех лет интенсивной работы) или периодическая (в среднем раз в месяц).

Мы исходим из того, что о повышенной когнитивной нагрузке могут свидетельствовать наблюдаемые вербальные и невербальные проявления. К вербальным могут быть отнесены ошибки (лексические, грамматические, смысловые), оговорки, фальстарты и проч., к невербальным – движения рук и головой (часто неконтролируемые), расширение зрачков и др.

Можно предположить, что количество и качество испытываемых вербальных реакций на трудности будет зависеть от уровня профессиональной подготовки переводчика, тогда как телесное поведение в экстремальных условиях синхронного перевода может и не находиться в такой корреляции, но невербальные реакции могут, вероятно, служить средством минимизации когнитивной нагрузки.

В соответствии с задачами проекта в программе ELAN были аннотированы две основные категории – жесты и речевые затруднения, каждая из которых подразделялась на субкатегории. Жесты дифференцировались по функциям – адаптеры, репрезентирующие жесты, прагматические жесты и дейктические жесты [Bressem, Müller 2014; Cienki 2017].

Речевые затруднения разделялись на следующие субкатегории: паузы хезитации, повторы (звуков, слов), усечения слов и конструкций, заполнители пауз, общее замедление темпа речи, долгие паузы или акустический ноль, увеличение длительности звука (гласных и согласных) и др.

Квантитативный анализ показал, что из 4894 случаев затруднений 3180 употреблялись с жестами, что составляет 65% от общего количества жестов и указывает на то, что в момент затруднения в количестве случаев переводчики прибегали к жестам. В целом, вне зависимости от переводческого опыта говорящих, преобладали адаптеры (прежде всего

самоадаптеры), что косвенно свидетельствует о повышенной локальной когнитивной нагрузке и дискомфорте в момент затруднения, и прагматические жесты [Ирисханова и др. 2021].

Известно, что компрессия, генерализация, имплицирование и опущение несущественной информации являются константными процедурами, характерными для речевого поведения переводчиков-синхронистов, мы же обратимся к речевым сбоям, т.е. нарушениям плавного развертывания речевого потока [Подлесская, Кибрик 2006].

Отметим, что синхронный перевод можно рассматривать также как речь низкой степени спонтанности, для которой характерны разного рода речевые сбои. Речь идет не о качестве перевода, не о связности и цельности переводного текста, а о признаках, которые можно обозначить как некие речевые затруднения, свидетельствующие о локальной когнитивной нагрузке (повторы (звуков, слов), фальстарты, заполнители пауз, общее замедление темпа речи и др.). Упомянутые явления в научной литературе часто обозначаются как хезитационные явления, среди которых различают «хезитационные явления в общем (например, паузы, нелексические звуки, слова-паразиты, повторы, самокоррекции, перестройки фразы и др.), связанные с проблемой выбора и построения связного текста в процессе спонтанной речи, и паузы хезитации как одну из разновидностей этих самых явлений» [Баева 2018: 78]. В нашем случае уместно рассматривать речевые затруднения как хезитационные явления в широком смысле, которые требуют заполнения в виде филлеров, рестартов, фальстартов, пауз-хезитаций, увеличений длительности звука и проч.

Несмотря на то, что статистический анализ не показал значимых различий в количестве затруднений и жестов в зависимости от опыта синхронистов и направления перевода [Ирисханова и др. 2021], тем не менее, можно говорить о явлениях, которые демонстрируют, что профессиональный компонент все-таки играет роль при рассмотрении отдельных вербальных маркеров.

Анализ трудностей, связанных с изменением темпа речи говорящих: увеличения длительности звука (гласных и согласных), общего замедления темпа речи и долгих пауз, показал, что среди анализируемых затруднений наиболее частотным типом является увеличение длительности звуков (319 случаев), довольно распространено общее замедление речи (211 случаев), реже всего встречаются долгие паузы (22 случая) [Леонтьева и др. 2020].

Увеличение длительности звука (гласных и согласных), общее замедление темпа речи у опытных переводчиков происходят тогда, когда

они слушают говорящего в случае, если он произносит нечто, потенциально вызывающее затруднение, например, ряд цифр, даты, термины и проч. Для совсем неопытных переводчиков характерно скорее существенное замедление темпа речи, служащее заполнением хезитации, а также долгие паузы или акустический ноль, когда осуществить перевод они не в состоянии.

Если говорить о других типах затруднений, то у профессиональных переводчиков преобладают так называемые десемантизированные филлеры, которые имеют место быть, как правило, когда идет поиск эквивалента, адекватного для данного контекста слова, фразы, тогда как у неопытных переводчиков при наличии большого количества филлеров, речь идет, скорее, о поиске слова вообще.

Количественный анализ показывает, что у опытных переводчиков чуть ниже количество число усечений слов и конструкций, фальстартов, повторов-хезитаций, тогда как у неопытных переводчиков их количество может иногда «зашкаливать».

В практике перевода принято считать, что перевод с иностранного языка на родной (L2 → L1) дается легче, чем обратный перевод. Однако существует и противоположная точка зрения, согласно которой при переводе с родного языка на иностранный (L1 → L2) «синхронный перевод требует меньших усилий» [Миньяр-Белоручев 1996: 166].

Мы не можем утверждать, что нами были обнаружены какие-то значимые корреляции между направлением перевода и числом затруднений. Однако анализ показал, что количество речевых затруднений у опытных переводчиков уменьшается, иногда весьма заметно, при «повторном» переводе текста, независимо от направления перевода (с родного на иностранный или наоборот), тогда как у неопытных переводчиков такая зависимость не наблюдается.

Заключение

Таким образом, на данном этапе работы над исследовательским проектом мы можем говорить лишь о некоторых результатах, касающихся категории речевых затруднений; они позволяют сделать предварительные выводы о том, что вербальными маркерами ментальных затруднений часто являются хезитационные явления, которые прагматически по-разному заполняются или не заполняются в зависимости от уровня подготовки переводчика-синхрониста. Мы полагаем, что речевые затруднения, вызванные повышенной когнитивной нагрузкой, могут быть связаны

с функцией планирования речи чаще у опытных переводчиков и с функцией коррекции речи скорее у неопытных синхронистов. И в этом ракурсе проанализированные речевые затруднения можно рассматривать в том числе как приемы снижения когнитивной нагрузки.

Литература

Баева Е. М. Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 75–84.

Ирисханова О. К., Маковеева А. И., Томская М. В. «Жестовый поворот» в исследованиях профессиональной коммуникации: синхронный перевод // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 190–202.

Ирисханова О. К., Петров А. А., Маковеева А. И., Леонтьева А. В. Когнитивная нагрузка в условиях синхронного перевода: опыт полимодального анализа // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 100–116.

Кошкин Р. К. Сравнительный анализ квантитативной динамики англо-русского и русско-английского синхронного перевода // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2016. № 2. С. 28–43.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Леонтьева А. В., Агафонова О. В., Петров А. А. Некоторые особенности употребления жестов при изменении темпа речи в синхронном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 10 (839). С. 126–137.

Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996.

Подлесская В. И., Кибрик А. А. Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. 2006. № 12. С. 7–55.

Томская М. В. Полимодальный аспект изучения речевого поведения переводчика-синхрониста при когнитивной нагрузке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 218–226.

Bressem J., Müller C. A Repertoire of German Recurrent Gestures with Pragmatic Functions // Body Language Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. Berlin: De Gruyter Mouton Press, 2014. P. 1575–1592.

Christoffels I. K., De Groot A. M. B. Components of Simultaneous Interpreting: Comparing Interpreting with Shadowing and Paraphrasing // Bilingualism: Language and Cognition. 2004. Vol. 7 (3). P. 227–240.

Cienki A. Analysing Metaphor in Gesture: A set of Metaphor Identification Guidelines for Gesture (MIG-G) // The Routledge Handbook of Metaphor and Language / eds. Semino E., Demjen Z. London: Routledge, 2017. P. 131–147.

M. V. Tomskaya (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

SPEECH DYSFLUENCIES UNDER COGNITIVE LOAD IN SIMULTANEOUS INTERPRETATION

This article presents some of the results of the research project carried out by the Scodis Center at the Moscow State Linguistic University. The project is aimed at solving the problem of identifying the patterns of simultaneous interpreter's verbal and co-verbal behavior under intense cognitive load.

Key words: simultaneous interpretation, cognitive load, verbal and co-verbal behavior, speech dysfluencies.

Н. Б. Цибуля *(Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
cybnb@mail.ru

КОРРЕЛЯЦИЯ ДВИЖЕНИЯ БРОВЕЙ И ИНТОНАЦИИ КАК МАРКЕР КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Аудитивный и визуальный методы анализа выявили корреляцию разномодусных составляющих речи – движения бровей и интонации. Взлет бровей расширяет площадь верхней части лица, увеличивая информационное поле воздействия на реципиента. Движение бровей вверх и интонация маркируют когнитивные процессы, имеющие различные значения, и указывают на положительное отношение говорящего к партнеру.

Ключевые слова: речевая коммуникация, телесность, движение бровей, интонация, модус, информационное поле, когнитивный процесс.

Заседание Круглого стола в этом году проходит под названием *«Методы когнитивной лингвистики: Гордость или предубеждение?»*. Аллюзия к знаменитому роману «Гордость и предубеждение» известной английской писательницы XIX века Джейн Остин, очевидно, не случайна и может быть рассмотрена с нескольких точек зрения.

Во-первых, устанавливается некая связь между литературным произведением и методами лингвистического анализа. Во-вторых, имплицируется, что характеристики разноплановых событий, отстоящих друг от друга

во временно́м пространстве и занимающих разные ниши в ментальном пространстве, тем не менее, могут быть рассмотрены как реккурентные во временно́м континууме человеческого бытия. В-третьих, возникает вопрос об актуальности такой постановки проблемы на современном этапе развития когнитивистики.

Все перечисленные аспекты, на самом деле, оказываются в русле как классических исследований [Кубрякова 2012], так и последних изысканий в этой области [Когнитивные исследования языка 2019], обсуждающих дальнейшее развитие этого направления лингвистики, ее понятийный аппарат, методологию, технологию эксперимента и многие другие аспекты.

С нашей точки зрения, для более полного понимания названия конференции в данном ракурсе прежде всего следует обратиться к наименованию самого романа Дж. Остин.

Подвергнем анализу значения слов «гордость» и «предубеждение» и рассмотрим их пространственные и ментальные векторы.

Слово «гордость» имеет несколько словарных значений: «1. Чувство собственного достоинства, самоуважения… 2. Чувство удовлетворения от чего-н. … 3. Высокомерие, чрезмерно высокое мнение о себе… 4. …О том, кем (чем) гордятся» [Ожегов 1985: 119], например, *этот студент – гордость университета*.

«Предубеждение» определяется как «предвзятое отрицательное мнение, отношение к кому-чему-н.» [Ожегов 1985: 503].

С другой стороны, на языке оригинала роман называется “Pride and Prejudice”, поэтому следует рассмотреть значения слов *pride* и *prejudice* в англоязычных словарях.

Pride имеет следующие дефиниции:

1. Чувство удовольствия или удовлетворения, которое испытывает человек, когда действия его самого или окружающих его людей заслужили восхищение или высокую оценку членов социума. 2. Кто-то или что-то, вызывающие чувство удовольствия или удовлетворения, например, *новый стадион является гордостью нашего небольшого городка*. 3. Чувство самоуважения, собственного достоинства. 4. Высокомерие, оценка собственной персоны как лучшей или более важной по сравнению с другими людьми.

Prejudice определяется как необоснованное чувство неприязни или, наоборот, предпочтения по отношению к человеку, группе людей, обычаев, традиций и т.п., особенно когда это чувство находится под влиянием таких факторов, как раса, религия, гендер и др. (Oxford Advanced Learner’s Dictionary 2005). Поэтому, английское слово *prejudice* часто переводится

на русский язык не только как «предубеждение», но также как «предрассудок», то есть, «ставший привычным ложный взгляд на что-н.» [Ожегов 1985: 502].

Хотя последовательность значений «гордость» и “pride”, представленная в словарных статьях в обоих языках не совпадает, их сравнение выявляет абсолютное сходство: второе и первое значения, четвертое и второе, первое и третье, третье и четвертое в словаре С. И. Ожегова и в Оксфордском словаре соответственно.

Очевидно, что в ракурсе заявленной темы заседания Круглого стола, релевантными оказываются второе и первое значения (соответственно указанным словарям), имеющие положительный вектор и заключающие в себе позитивную оценку методов исследования, применяемых в когнитивной лингвистике, главными из которых, как известно, являются концептуальный анализ и когнитивное моделирование, позволяющие обнаружить связи между языком и сферой подсознательного, а также описать познавательные процессы посредством метаязыковых построений и / или эксперимента.

Что касается значений слов «предубеждение / предрассудок», то они имеют явно отрицательный вектор, выявляющий предвзятое отношение к разработанным методам когнитивного анализа.

Следует с полной уверенностью отметить, что на современном этапе имеется огромный потенциал знаний, накопленный с помощью указанных методов и позволяющий положительно оценить тот тернистый исследовательский путь, который прошли когнитологи в течение нескольких десятилетий.

Опыт, приобретенный на сегодняшний день, является результатом поиска, иногда проб и ошибок, что представляет собой естественный процесс формирования и дальнейшего развития как применяемых методик, так и понятийного аппарата, что неоднократно находилось в центре дискуссий на ежегодных конференциях когнитологов. Речь, безусловно, идет о положительной конструктивной критике с целью более корректного использования терминологии, совершенствования эмпирических практик и о других насущных вопросах когнитивной лингвистики.

Изучение разномодусных составляющих речевой коммуникации, в частности, невербальных средств общения и их корреляции с интонацией, невозможно без применения утвердившихся в когнитологии методов. В настоящей статье мы излагаем результаты своего исследования в рамках одной из тем, предлагаемых для обсуждения на Круглом столе, а именно: *Embodiment*. Исследования жестов и жестовых языков.

Изучение жестов и мимики как неотъемлемой части коммуникации уходит своими корнями в глубокую древность и продолжалось в течение многих столетий вплоть до середины XX века, когда возникли новые области описания жестовой системы, выявляющие специфику как отдельных движений и выражений лица, так и их совокупное функционирование в процессе общения [Цибуля 2020].

К настоящему времени в русле этих направлений накоплен огромный фактический материал, позволяющий теоретически осмыслить телесную активность человека. Следует подчеркнуть, что благодаря фундаментальным работам таких известных ученых, как П. Экман, У. Фризен и их коллег, досконально изучена мимика различных эмоций [Ekman, Friesen 1971; Ekman, Friesen 1978].

Менее известна информация о формировании и специфике мимических выражений с точки зрения когнитивных процессов. Так, например, люди часто прищуривают глаза, чтобы обдумать что-либо. Быстрый скользящий в пространстве взгляд обычно выражает попытку человека найти ответ на поставленный вопрос и т.п.

Ученые объясняют эти движения, проводя аналогии между ментальными процессами и реальными пространственными ориентациями, обусловленными физиологическими процессами. Например, моряки, вглядываясь в даль, прищуривают глаза, тем самым ограничивая информационное пространство и удаляя с периферии зрения ненужные объекты. Так и человек, обдумывая что-либо, прищуривает глаза, тем самым сужая визуальный обзор, что способствует концентрации внимания и возможности сосредоточиться на определенной мысли [Peck 1987].

Чтобы найти искомый объект, индивид переводит взгляд с одного предмета на другой, расположенные в определенном пространстве. Так и в случае поиска ответа на какой-то вопрос люди сканируют взглядом пространство перед собой, отстраняясь однако от реальных предметов. Поисковая зрительная функция в данном случае помогает расширить ментальное пространство и найти искомое решение.

Область бровей также является малоизученной (здесь мы не касаемся их роли в выражении эмоций, подробно описанной П. Экманом и У. Фризеном), хотя делаются определенные попытки выявить их функции в процессе когниции. Следует отметить, что каждое конкретное движение бровей (вверх-вниз; поднятие внутренней, т.е. околоносной части бровей и др.), а также изменение формы их конфигурации (нахмуривание и пр.) представляют собой предмет отдельных исследований,

т.к. указанные модификации являются маркерами когнитивных событий, имеющих разные значения.

Обратимся к анализу движения бровей вверх. Наиболее известным в специальной литературе является понятие *вспышка бровей* (*eyebrow flash,* т.е. быстрое поднимание и опускание бровей), наблюдаемая у индивидов при виде знакомого человека, идущего им навстречу.

Что касается движения бровей вверх во время речи, то вопрос остается практически не исследованным, за исключением общих замечаний о том, что этот жест (в широком смысле этого слова) подчеркивает важные слова. Однако выделение важных слов таким способом может указывать на разные когнитивные нюансы.

Наш эксперимент был проведен на материале английского и американского академического дискурса и кинодискурса. Интонационные модификации определялись методом аудитивного анализа речи, что в совокупности с визуальным анализом видеосюжетов позволило выявить корреляцию интонации и движения бровей. В процессе исследования применялась компьютерная программа VLC с использованием таких приемов, как стоп-кадр и медленное воспроизведение.

Рассмотрим конкретные примеры.

1. *This word (flexitarian) was voted the most useful word of the year in 2003*.

Взлет бровей сопровождает произнесение превосходной степени прилагательного *useful*, которое выделено просодически за счет повышения высоты голоса (специальный подъем). В данном примере комментируется результат голосования членов американского диалектного общества. Вектор события направлен в прошлое.

2. В следующем примере слова *where* и *how* также выделяются взлетом бровей и повышением мелодического уровня.

We explore where words come from and how they change overtime.

В данной фразе вектор события, с одной стороны, обращен в прошлое (*where… from*), а с другой, имеет некоторую вневременную протяженность (*how…overtime*).

3. В следующей фразе резкий подъем бровей начинается со слова «I» и сопровождает остальную часть фразы, при этом каждое слово выделено просодически.

We'll be learning to look at, to understand and I hope really enjoy art.

Здесь на первый план выступает модально-эмоциональная коннотация, личное отношение лектора, надежда заинтересовать слушателей и привить им любовь к искусству. Вектор события, в целом устремленный

в будущее, реализуется через диады: говорящий – аудитория, говорящий – предмет высказывания.

4. *What did you notice?*

Движение бровей вверх и одновременное мелодическое выделение слова «notice» подчеркивают вопросительность, запрос информации. Вектор направлен от говорящего к слушателям.

5. *Yet, those nonverbal behaviors create very different impressions*.

Взлет бровей при произнесении подчеркнутых слов и просодически наиболее выделенное слово *yet* акцентируют сопоставление разных оттенков невербального поведения и имплицируют определенную противительность.

6. *Oh, so many beautiful things, and so valuable*.

Говорящий поднимает брови, произнося *oh* и *valuable*, что сопровождается значительным изменением в высоте тона по сравнению с другими словами. Вектор направлен от говорящего к собеседникам (выражение собственного отношения к произведениям искусства) и одновременно к обсуждаемому предмету (оценка их значимости и стоимости).

7. *What if a burglar got up to it and started out the alarm?*

Поднятие бровей в начале фразы при произнесении слова *what* и расширение его мелодического диапазона являются маркером нового тематического движения и служат средством привлечения внимания слушателей к последующей информации. Таким образом, коммуникативный вектор направлен на слушателей, указывая на изменение в обсуждаемой теме. Выделение разномодусными средствами глагола *started out* сигнализируют не о конкретном, а возможном событии. Вектор направлен на некий предполагаемый объект, который в данный момент реально не существует.

8. Интересным представляется следующий пример, в котором поднятие бровей в начале высказывания удерживается вплоть до конца произнесения второй фразы, которая характеризуется еще бóльшим повышением мелодического уровня, по сравнению с первой.

I was sent by the agency, sir. I was given to understand that you required a valet.

Вектор направлен от говорящего к реципиенту и выявляет отношение персонажа к ситуации. Здесь можно выделить несколько коммуникативных пластов: знакомство с новым хозяином, поисковая функция – каков он новый хозяин и ожидание – чем закончится эта встреча.

9. *You'll have to come this way, I'm afraid. We can't shift him*.

Резкий взлет бровей и одновременное повышение мелодического уровня слов *can't shift* акцентируют объяснение, почему Вустер может

войти в свой клуб весьма необычным способом – пролезть между ногами чучела лося, блокирующего дверной проход. Коммуникативный вектор направлен от говорящего к партнеру и предмету обсуждения.

10. *How about Rosemary Schultz*?

Движение бровей вверх и расширение мелодического диапазона в начале фразы сигнализируют о тематическом сдвиге (предложение новой кандидатуры) и одновременно запросе информации (отношение к возможной участнице). Вектор направлен на реципиента и предмет обсуждения.

Анализ широкого и узкого корпуса исследуемого материала позволяет сформулировать некоторые выводы. Следует особо отметить, что за счет взлета бровей (оттягивание определенных мышц вверх) происходит также небольшое расширение глаз, то есть увеличивается площадь верхней части лица. В силу этого, расширяется информационное поле воздействия на реципиента, а выделенные таким образом, и одновременно интонационно, части высказывания являются маркерами когнитивных процессов, указывающих на положительное отношение говорящего к партнеру и имеющих такие значения, как: введение новой темы, запрос и поиск информации, предложение, объяснение, оценка и некоторые другие.

Коммуникативный вектор может быть направлен только от адресанта к адресату, так и одновременно обнаруживать связи с предметом обсуждения, модально-эмоциональным аспектом, располагаться на разных участках временно́й последовательности событий, указывать на конкретные и предполагаемые ситуации.

Литература

Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: ЯСК, 2012.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985.

Цибуля Н. Б. Области исследования невербальных средств общения: монография. Москва: Гнозис, 2020.

Ekman P., Friesen W. V. Constants Across Cultures in the Face and Emotion // Journal of Personality and Social Psychology. 1971. Vol. 17. № 2. P. 124–129.

Ekman P., Friesen W. V. Facial Action Coding System: a Technique for the Measurement of Facial Movement. Palo Alto: Consulting Psychologists, 1978.

Peck S. R. Atlas of Facial Expression. An Account of Facial Expression for Artists, Actors, and Writers. New York; Oxford: Oxford University Press, 1987.

N. B. Tsibulya *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

CORRELATION OF EYEBROW MOVEMENT AND INTONATION AS A MARKER OF COGNITIVE PROCESSES

Audio and visual analyses have revealed correlation of eyebrow movement and intonation – different modi of speech communication. Upward eyebrow shift widens the size of the upper part of the face, thus, enhancing information impact on the recipient. Upward eyebrow movement and intonation are markers of cognitive processes with various meanings and point to positive attitude of the speaker towards his partner.

Key words: speech communication, corporality, eyebrow movement, intonation, modus, information field, cognitive process.

V. КОРПУСНЫЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Е. С. Баландина (*Челябинск, Россия*)
Южно-Уральский государственный университет
balandinaes@susu.ru

ВОЗМОЖНОСТИ КОРПУСНОГО ПОДХОДА В МНОГОАСПЕКТНОМ ИЗУЧЕНИИ КОНЦЕПТА

В статье представлены возможности корпусного подход к исследованию концепта «area». На основе материалов англоязычных словарей автор детально рассматривает понятийную составляющую выбранного концепта. Актуализация выделенных значений в реальной речи, а также социолингвистические особенности употребления концепта были изучены на основе данных, представленных в корпусе BNC Lab.

Ключевые слова: корпусные исследования, концепт, словарные дефиниции, когнитивная лингвистика, социолингвистика.

В настоящее время в когнитивной лингвистике все чаще стали использоваться корпусные методы исследования. Функциональные возможности корпусов, позволяющих проанализировать самые разнообразные статистические показатели в разрезе метаданных и категорий, дают ученым возможность проводить более глубокий и детальный анализ лингвистических явлений [Захаров 2015]. Подобная интеграция методов различных областей лингвистки позволяет значительно модифицировать представления о языковой картине мира, что во многом способствует решению широкого круга задач, связанных с лингвистическим анализом.

В данной статье мы хотели бы продемонстрировать возможности применения корпусных методов исследования на примере анализа концепта «area». На первом этапе мы обратились к разнообразным лексикографическим источниками, которые позволили нам выделить понятийную составляющую изучаемого концепта.

Согласно данным этимологического словаря Online Etymology dictionary в 1530 годы у слова «area» было зафиксировано его первоначальное значение, связанное с указанием на территориальное пространство или область '*vacant piece of ground*' с определенными границами '*any particular amount of surface contained within any set of limits*'. В 1780 годы слово приобретает еще одно значение '*the amount of a flat surface, described as a measurement*', относящееся к возможностям измерения территории, что приводит в 1795 году к образованию от его основы слова 'are' – земельная мера равная 100 квадратным метрам. Таким образом, мы можем сделать вывод, что историческая основа концепта «area» связана с обозначением географических пространств, областей и пределов.

Анализ дефиниций, зафиксированных в современных словарях, позволяет рассмотреть динамическую составляющую лексико-семантических характеристик изучаемого концепта и выявить новые значения, дополнившие его общую понятийную составляющую. В таблице 1 представлены определения слова area по данным пяти словарей: Oxford Learners Dictionary, Cambridge Online Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan Dictionary, Collins Online Dictionary.

Таблица 1

Понятийная составляющая концепта «area» по данным толковых словарей

Значения, зафиксированные в словарях	**Словари**				
	Oxford Learners Dictionary	**Cambridge Online Dictionary**	**Longman Dictionary of Contemporary English**	**Macmillan Dictionary**	**Collins Online Dictionary**
part of a place, town, etc., or a region of a country, sea or the world	+	+	+	+	+
a part of a room, building or particular space that is used for a special purpose	+		+	+	+
a particular subject or activity, or an aspect of it	+	+	+	+	+

Значения, зафиксированные в словарях	**Словари**				
	Oxford Learners Dictionary	**Cambridge Online Dictionary**	**Longman Dictionary of Contemporary English**	**Macmillan Dictionary**	**Collins Online Dictionary**
the amount of space covered by a flat surface, described as a measurement	+	+		+	+
(in football) the area in front of the goal	+	+		+	+
a part of your body				+	+

Данные таблицы показывают, что первоначальные значения '*any particular amount of surface contained within any set of limits*' и '*the amount of a flat surface, described as a measurement*' составляют ядро исследуемого концепта. В тоже время мы можем увидеть, что современные дефиниции позволяют проследить их детализацию. Изначально слово area имело широкое значение, относящееся к обозначению географических поверхностей, в частности различных земельных пространств. Значения, представленные в словарях Oxford Learners Dictionary, Cambridge Online Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan Dictionary, Collins Online Dictionary, дают не только более четкое разграничение употребления данного слова в пределах географических объектов (town, region, country, sea, world), но и:

- закрепляют его использование для обозначения различных территориальных пространств внутри какого-либо здания/помещения, футбольного поля,
- фиксируют возможность метафорического переноса и употребления данного слова для описания: 1) определенной сферы знаний, интересов, деятельности человека, 2) ограниченного какими-либо признаками участка тела.

Более того, интересно отметить, что дефиниция '*a particular subject or activity, or an aspect of it*', образованная за счет метафорического переноса, также стала неотъемлемой частью ядра анализируемого концепта,

поскольку она отмечена во всех выбранных нами словарях, тогда как значение '*a part of your body*' составило его периферию. Следовательно, детальный анализ концепта «area» по данным различных толковых словарей позволил нам выделить центральные лексико-семантические компоненты понятийной составляющей исследуемого концепта, а также подготовить основу для дальнейшего исследования, связанного с возможностями использования корпусных методов в когнитивной лингвистике.

Использование больших корпусов дает возможность рассмотреть реализацию любого концепта на основе больших баз данных, изучить специфику и особенности его употребления в реальной речи. В нашем исследовании в качестве материала и инструмента анализа был использован корпус BNC Lab, разработанный Ланкастерским университетом. Данный корпус позволяет по-новому посмотреть на проблему изучения различных языковых явлений и динамики их развития, поскольку ресурсы, заложенные в нем, дают возможность объединить когнитивную лингвистику, социолингвистику и корпусные методы исследования.

На первом этапе работы с корпусом мы изучили особенности реализации общей понятийной составляющей концепта «area», представленной в таблице 2.

Таблица 2

Реализация общей понятийной составляющей концепта «area» по данным корпуса BNC Lab

	Проценты
part of a place, town, etc., or a region of a country, sea or the world	34%
a part of a room, building or particular space that is used for a special purpose	29%
a particular subject or activity, or an aspect of it	23%
the amount of space covered by a flat surface, described as a measurement	2%
(in football) the area in front of the goal	1%
a part of your body	11%

Чаще всего исследуемый концепт актуализируется в своем первоначальном значении '*part of a place, town, etc., or a region of a country, sea or the world*'. В данном случае происходит его сочетание с различными прилагательными, описывающими место *industrial, large, local, historical, rural, nice, Muslim, Italian*:

- …it was good to get to know the local area of this country…
- …Jewish guy went to the Muslim area of the city…
- …but we do like in a nice a quite area here…

При этом в оценочном компоненте доминирует положительная или нейтральная коннотация.

Чуть менее частотной является реализация значения '*a part of a room, building or particular space that is used for a special purpose*'. При этом анализируемое слово характеризуется либо прилагательным с положительной и нейтральной оценкой *lovely*, *loft, living*, либо стоящим рядом существительным, описывающим назначение данного места или пространства *metro, kitchen, room, restaurant, service*:

- Well you can create a dance floor area with tables and chairs…
- …car boot sale under covers the Redditch market area.
- …well they've obviously got to do the parking area that is not finished.
- He dreamt of getting a place in that restaurant area…

Следующим по частотности идет значение, связанное с обозначением какой-либо отрасли, деятельности или круга интересов '*a particular subject or activity, or an aspect of it*'. Наиболее встречаемые прилагательные, стоящие в непосредственной близости с изучаемым словом в данном значении, являются *main, particular, important*:

- …that was the main area of his interests thus, he continued to…
- We believe that any activity in this particular area should be under the supervision.

Интересно также отметить, что значения *'the amount of space covered by a flat surface, described as a measurement*' и '*(in football) the area in front of the goal*', зафиксированные в четырех из пяти рассматриваемых словарях, практически не представлены в выбранном корпусе, тогда как периферийное значение, связанное с обозначением какого-либо участка тела является достаточно частотным:

- …a little bit in your adrenals there and your kidney area…
- …no that is painful there. That is your lung area in there but then again it runs into your neck…

Таким образом, использование корпусов позволяет более детально рассмотреть вопрос, связанный с актуализацией различных значений, анализа их частотности, а также сочетаемости слова с другими лексемами, что способствует расширению границ исследования и интеграции различных областей лингвистических знаний.

Помимо описанных выше возможностей анализа концепта рассматриваемый нами корпус позволяет проследить динамику употребления

слова “area” с 1994 года по 2014 год в зависимости от различных социолингвистических критериев. К примеру, представленные ниже данные иллюстрируют изменения употребления изучаемого концепта в зависимости от пола и социального класса.

Общая частотность употребления исследуемого концепта за выбранный промежуток времени выросла на 32%, при этом, согласно рисунку 1, для мужчин этот показатель составил около 15%, а для женщин 47%. В динамике мы видим, что в 1994 году мужчины на 52% чаще использовали в своей речи данное слово, что объясняется сферой их деятельности, тогда как на 2014 год данное значение снизилось до 23%, что во многом может быть связано с активным вовлечением женщин в сферы мужских интересов.

Изменения, относящиеся к особенностям употребления анализируемого концепта в зависимости от социального класса, показывают рост его частотности на 64% в группе людей, вышедших на пенсию. При этом следует отметить, что в их речи чаще всего актуализируются значения ‘*part of a place, town, etc., or a region of a country, sea or the world*’ и ‘*a part of your body*’. Следующим по количеству упоминаний идет группа людей среднего класса, для которых характерна стабильность и незначительное увеличение показателей на 5%, с наиболее частотным упоминанием концепта в значениях ‘*a particular subject or activity, or an aspect of it*’, ‘*a part of a room, building or particular space that is used for a special purpose*’. Рабочий класс, среди которого также отмечен рост употребления изучаемого слова на 25%,

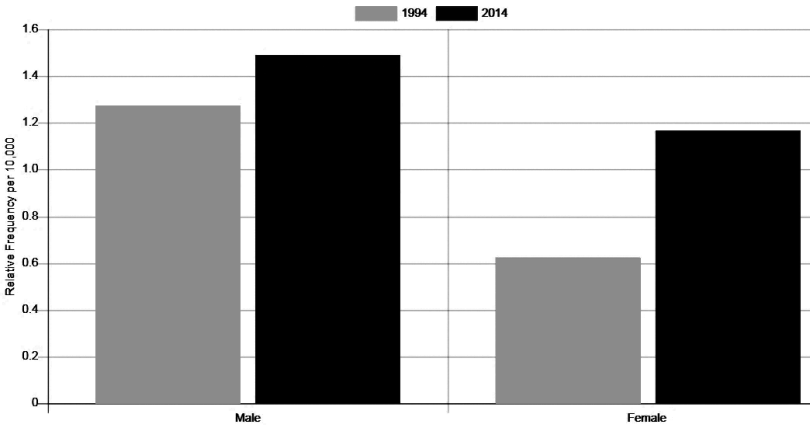


Рис. 1. Динамика изменения употребления концепта “area” в зависимости от пола

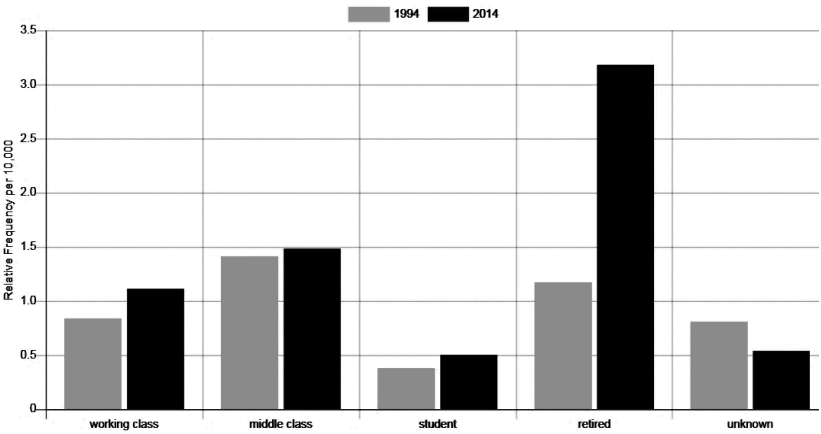


Рис. 2. Динамика изменения употребления концепта “area” в зависимости от социального класса

обращается к анализируемому концепту для реализации значений ‘*a part of a room, building or particular space that is used for a special purpose*’, ‘*the amount of space covered by a flat surface, described as a measurement*’. Группа студентов является самой малочисленной, в которой анализируемый концепт актуализируется чаще всего в значении ‘*a particular subject or activity, or an aspect of it*’, а рост частотности составляет 26%.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что применение корпусных методов исследования позволяет подойти к вопросу анализа концепта с точки зрения его многоаспектного изучения. Более того, объединение данных лексикографических источников и корпусных статистических показателей дают возможность не только глубже исследовать современное наполнение концепта, но и проследить динамику его изменений.

Литература

Захаров В. П. Лингвистика больших корпусов: сборник научных статей XVIII Объединенной конференции «Интернет и современное общество» IMS-2015, Санкт-Петербург, 23–25 июня 2015 г. URL: https://openbooks.itmo.ru/ru/file/2208/2208.pdf (дата обращения: 17.06.2021).

Cambridge Online Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 14.06.2021).

Collins Online Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/ (дата обращения: 14.06.2021).

Longman Dictionary of Contemporary English [Online]. URL: https://www.ldoceonline.com (дата обращения: 14.06.2021).

Macmillan Dictionary [Online]. URL: https://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения 14.06.2021).

Online Etymology dictionary. URL: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 14.06.2021).

Oxford Learners Dictionary [Online]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 14.06.2021).

E. S. Balandina *(Chelyabinsk, Russia)*
South Ural State University
(National Research University)

APPLICATION OF THE CORPUS APPROACH TO THE CONCEPT ANALYSIS

The article develops the corpus approach to the analysis of the concept "area". Based on the materials presented in various English-language dictionaries the author examines the conceptual components of the chosen concept. The realization of the highlighted components in real speech, as well as different sociolinguistic features of the studied concept were examined on the basis of the data given in the BNC Lab corpus.

Key words: corpus research, concept, dictionary definitions, cognitive linguistics, sociolinguistics.

Н. П. Глинская *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
glinskaya_nelly@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТЕЗАУРУСЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ: ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ ОПИСАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА КОГНИТИВНОМУ ЛИНГВИСТУ?

Семантика предметной области психологии на английском языке с 1974 года фиксируется в тезаурусе Американской психологической ассоциации. Применение методов когнитивной семантики для анализа когнитивных структур более чем 190 словарных статей и примерно 2000 английских психологических терминов

из двух разделов в данном тезаурусе включало выявление основных типов семантических отношений (иерархия, дифференциация, смежность, подобие) между терминами и анализ распределения этих отношений. Описательная статистика обнаруживает статистически значимые закономерности распределения определенных видов семантических отношений в рамках изученных разделов тезауруса “cognitive psychology” и “educational psychology”.

Ключевые слова: англоязычная психологическая терминология, семантические отношения, тезаурус, когнитивная семантика, когнитивное терминоведение, описательная статистика.

Основным естественным источником специальных знаний о понятиях специализированных предметных областей были и остаются словари-тезаурусы, сочетающие в себе плюсы поискового инструмента и масштабности семантической сети, строгости ручного индексирования лексики и энциклопедичности представленной информации. В сфере психологии под эгидой Американской психологической ассоциации (АПА) еще с 1974 года составляется, изменяется и пополняется Тезаурус англоязычных научных психологических терминов [Глинская 2019; Thesaurus].

Поскольку «адекватное понимание различных контекстов языка предполагает точное знание того, о каких типах объектов в них идет речь, т. е. знание понятий, связываемых с языковыми выражениями в составе данных контекстов» [Маркин 2011: 274], основу тезауруса составляет перечисление отобранных и рекомендуемых (так называемых *postable*) терминов. Различие системы рекомендуемых терминов (в тезаурусе примерно 9873 терминов) [Thesaurus] и всех остальных специальных единиц английского языка психологии (по данным самого авторитетного терминологического словаря терминов более чем 26 000 языковых единиц) [APA Dictionary 2015] проводится не только путем отбора элементов системы, но и выстраиванием определенной структуры отношений между элементами.

Поскольку «значение языковой единицы становится понятным только в контексте определенных когнитивных структур» [Болдырев 2014: 106], задача выявления когнитивной структуры, репрезентированной англоязычными терминами в корпусе словарных статей тезауруса, приобретает большую значимость для развития когнитивной терминографии. Кроме того, поскольку Американская психологическая ассоциация настоятельно рекомендует всему мировому англоязычному научному сообществу в сфере психологии именно этот тезаурус, этот формат репрезентации знаний является одним из примеров социокультурного

стандартизованного формата профессиональных знаний. В таком случае, такого рода когнитивные структуры можно рассматривать, вслед за О. К. Ирисхановой, как «культурные модели», «фоновые структуры (социо)культурных знаний», которые выполняют «предписывающие функции» [Ирисханова 2014: 8].

Оптимальной для оценки когнитивной структуры тезаурусного раздела, описывающего тот или иной концептуальный домен, является, на наш взгляд, методология когнитивной семантики, в том числе и метод фреймовой семантики – «метод исследования взаимодействия семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания» [Болдырев 2014: 104]. Для целей именно данного эмпирического исследования была выбрана методика описательной статистики, для проверки гипотез применялся статистический критерий Стьюдента при помощи статистической программы MINITAB19. В качестве материала использовались две сплошные выборки словарных статей терминов из двух концептуальных доменов: “cognitive psychology” (92 статьи, 1006 терминов), “educational psychology” (102 статьи, 938 терминов).

В каждой словарной статье, размещенной в алфавитном порядке, приводится дефиниция или информация о рекомендуемом использовании термина (*scope note*), указываются более широкие термины (*broader term – B*), более узкие термины (*narrower term – N*), семантически связанные термины (*related terms – R*) и синонимичные (но нерекомендуемые (*used for – UF*)). Кроме того, указывается дата введения (*year of entry*) термина в тезаурус, предметный пятизначный код (*subject code*) и накопительное число размещений термина (*posting note*) в поисковой системе научных статей *APA PsycNet.*

Для целей данного исследования информация собиралась из всех разделов тезауруса и кодировалась по балльной системе: каждый термин, соответствующий тому или иному типу семантических отношений, получает 1 балл, далее баллы суммировались.

Проиллюстрируем кодировку на примере типичной словарной статьи термина *cognitive ability.* После дефиниции *level of functioning in intellectual tasks* предлагается один термин – гипероним – *cognitive processes*, далее приведены шесть дифференцирующих терминов (гипонимы: *mathematical ability, reading ability, spatial ability, verbal ability* и термины с иными типами предикатов: *brain training, cognitive impairment*), а также 14 смежных терминов, с разнообразными семантическими отношениями (*cognitive aging, cognitive assessment, cognitive flexibility, cognitive processing speed, cognitive remediation, cognitive*

*stimulation therapy, executive function, executive functioning measures, healthy aging, mental status, metacognition, mild cognitive impairment, neurocognitive disorders, nursing home resident*s). В словарной статье также фигурируют 4 условно синонимичные языковые единицы (*cognitive functioning, cognitive health, executive functioning, intellectual functioning*) [Thesaurus]. Соответственно, для приведенного в качестве примера термина *cognitive ability* запись в кодировочной таблице выглядит следующим образом (см. табл. 1):

Таблица 1

Пример кодировки описания когнитивной структуры словарной статьи

Рекомендуемый термин	**Иерархизация (гиперонимия), B**	**Дифференциация (гипонимия, меронимия), N**	**Смежность (функциональные отношения и иные предикаты), R**	**Подобие (синонимия), S**
cognitive ability	1	6	14	4

Полученные данные абсолютных значений и нормированных индексов (в скобках) по четырем типам отношений для проанализированных примерно 2000 терминов из более чем 190 словарных статей тезауруса приведены в табл. 2.

Таблица 2

Статистические данные абсолютных значений и нормированных индексов

Раздел	**Число статей (E)**	**Число терминов (M)**	**Иерархизация (B)**	**Дифференциация (N)**	**Смежность (R)**	**Подобие (S)**
Cognitive psychology	92	1006	107 (B/M=**0,11**)	265 (N/M=**0,26**)	594 (R/M=**0,59**)	40 (S/M=**0,04**)
Educational psychology	102	938	109 (B/M=**0,12**)	243 (N/M=**0,26**)	513 (R/M=**0,55**)	73 (S/M=**0,08**)

Сопоставительный анализ показателей семантических отношений иерархии показал, что для терминов изученных разделов приводится, как правило, один иерархический уровень вверх (*среднее арифметическое, mean = 1,16*). Исключения составили «зонтичные» термины, например, *cognitive processes, learning, memory, etc*. Доминирующее большинство терминов имеют по одному гипериониму, например, у далее перечисленных терминов *chunking, daydreaming* – гипероним *cognitive processes*. У ряда терминов представлены два или три обобщающих термина, например, для термина *awareness – cognitive processes, consciousness states,* для термина *concentration – cognitive processes, sustained attention,* у термина *catastrophizing* – 3 обобщающих языковых знака – *cognitive processes, emotional states, personality traits, etc.* В общей когнитивной структуре доля обобщающих отношений в разделе “cognitive psychology” невелика (B/M) = 0,11. Впрочем, почти такая же доля отношений иерархизации и в разделе “educational psychology” (B/M)=0,12.

Дифференциация как вид детализирующих, конкретизирующих семантических отношений характеризуется равновеликой выраженностью в обоих разделах (N/M=0,26) и крайней неоднородностью (*стандартное отклонение st.dev. = 8,47; st.dev. = 6,59*). Однако есть и существенное отличие: в разделе “cognitive psychology” среднее число гипонимов и меронимов меньше, чем в разделе “educational psychology” (*mean = 0,88; mean = 2,382*). Это выражается в том, что в разделе “cognitive psychology” примерно половина терминов (51) в своих статьях не имеют никаких дифференцирующих терминов. У остальной половины дан набор дифференцирующих гипонимов (*диапазон от 1 до 55, mean = 2,9*): например, у термина *awareness: body awareness, health awareness, phonological awareness, public awareness, etc*.

Отметим, что проверка на уровень статистической значимости при помощи t-критерия Стьюдента показала, что различия отношений иерархии и дифференциации не являются статистически значимыми (*t-value = –1,89; p = 0,062, 95% CI*). Аналогичные статистические результаты были получены и для раздела “educational psychology”: отличия в отношениях иерархизации и дифференциации не являются доказанными на желаемом уровне статистической значимости (*t-value = –1, 96; p = 0,053, 95% CI*).

Семантические отношения подобия (синонимии) являются наименее выраженным типом семантических отношений в когнитивной структуре

(*mean = 0,439, S/M = 0,04)*, с дисперсной характеристикой (*st.dev. = 0,76*). Чуть более выраженными, но также с наименьшей долей в общей когнитивной структуре, реализованы семантические отношения подобия в разделе "educational psychology" (*S/M = 0,08; mean = 0,71; st.dev. = 0,99*). Проиллюстрируем несколькими примерами. В ряде статей предложены условные синонимы термина, например, *concept formation – concept learning, conceptualization,* могут быть морфосинтаксические варианты, в том числе аббревиатуры (*PDP – parallel distributing process*), корреляты из общеупотребительного языка, как например, для термина *awareness – sentience*. Проведенный анализ показал, что в тезаурусе семантические отношения синонимии описывают концептуальный домен с небольшой степенью разнообразия, что подтверждает факт нормативного отбора языковых единиц.

Семантические отношения смежности оказались наиболее выраженными (*R/M = 0,59*) для подавляющего большинства психологических терминов концептуального домена "cognitive psychology" (*mean = 6,46*), хотя и диапазон достаточно обширен (*st.dev. = 5,4*). Семантические отношения смежности оказались также наиболее выраженными (*R/M = 0,55*) для подавляющего большинства психологических терминов концептуального домена "educational psychology" (*mean = 5,03*), также достаточно широк и диапазон значений (*st. dev. = 5,5*). Наибольшее число смежных терминов в этом разделе тезауруса представлено для термина *learning* (всего 32, приведем несколько примеров: *activity theory, adaptive learning, connectionism, constructivism, delayed alternation, zone of proximal development, etc.*). Для термина *problem solving* обнаружены следующие смежные составные термины: *case-based reasoning, communities of practice, critical thinking, decision making, declarative knowledge, expert systems, inductive deductive reasoning, etc.*; для термина *awareness* в качестве смежных приведены специальные языковые единицы: *metacognition, mindfulness, mindfulness-based interventions, sensory gating*. В числе смежных для термина *concentration* представлены *attention, distraction, focused attention, mind wandering, psychological engagement, rumination (cognitive process), selective attention, etc.*

Важно отметить, что в ходе работы были выявлены статистически значимые различия в распределении численных параметров, отражающих изучаемые семантические отношения в разделе "cognitive psychology": иерархии и смежности (*t-value = –9,14; p = 0,000, 95% CI*); иерархии и подобия *(t-value = 7,16; p = 0,000, 95% CI*); дифференциации и смеж-

ности (*t-value = –5,81; p = 0,000, 95% CI*); дифференциации и подобия (*t-value = 2,79; p = 0,007, 95% CI*).

Аналогичные по сути статистические данные были получены и для раздела “educational psychology”, различия носят не случайный характер, а являются статистически значимыми: отношения иерархии и смежности (*t-value = –7,16; p = 0,000, 95% CI*); иерархии и подобия *(t-value = 3,49; p = 0,001, 95% CI*); дифференциации и смежности (*t-value = 5,62; p=0,000, 95% CI*); дифференциации и подобия (*t-value = –2,5; p = 0,014, 95% CI*).

Статистически значимое доминирование семантических отношений смежности в обоих концептуальных доменах дает возможность говорить о матричном формате знания анализируемых психологических терминов. В данной работе мы понимаем под когнитивной матрицей, в рамках концепции Н. Н. Болдырева, систему «взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта, интегрированных вербально в единый комплекс» [Болдырев 2019: 90]. Когнитивные контексты психологических терминов объединяют разные информационные аспекты (психология, медицина, социология, антропология и др.) в единый формат знания.

Таким образом, хотя задача учета когнитивных принципов при создании терминографических источников знаний была поставлена еще в начале двадцать первого века [Geeraerts 2001], в настоящее время нам все еще не хватает сведений о типах когнитивных аспектов в словаре, специфике их распределения. В данной работе была предпринята попытка выявления когнитивной структуры двух разделов англоязычного тезауруса рекомендуемых психологических терминов методами когнитивной семантики с опорой на описательную статистику. Описательная статистика в этом случае выполнила роль фундаментальной основы, позволяющей обеспечить, с одной стороны, совместимость параметров, изучаемых в рамках эмпирического исследования разнородных концептуальных доменов, с другой стороны, сопоставимость этих параметров с точки зрения достоверности и воспроизводимости. Ограничения описательной статистики также очевидны: обнаруженные нами в двух разделах тезауруса закономерности распределения семантических отношений иерархизации, дифференциации, смежности и подобия (даже с учетом выявленных ряда статистически значимых связей) не могут быть перенесены на весь тезаурус. Моделирование когнитивной структуры тезауруса потребует применения дополнительных методов статистической обработки языкового материала.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций для студентов высших учебных заведений. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2014.

Глинская Н. П. Когнитивные механизмы терминологической номинации (на материале изменений англоязычных психологических терминов) // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 38. С. 472–478.

Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5–17.

Маркин В. И. Понятие // Энциклопедический словарь по эпистемологии; под ред. чл.-корр. РАН И. Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2011. С. 272–274.

APA Dictionary of Psychology. Ed. Gary R. VandenBos, Second ed. American Psychological Association. Washington, DC, 2015.

Geeraerts D. The Definitional Practice of Dictionaries and the Cognitive Semantic Conception of Polysemy // Lexicographica. 2001.17. P. 6–21.

Thesaurus of Psychological Index Terms. Ed. Lisa Gallagher Tuleya, 11 ed. American Psychological Association. Washington, DC. URL: https://www.apa.org/pubs/databases/training/thesaurus-update.pdf

N. P. Glinskaya *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

SEMANTIC RELATIONSHIPS IN THE THESAURUS OF PSYCHOLOGICAL TERMS: WHAT DO DESCRIPTIVE STATISTICS REVEAL TO A COGNITIVE LINGUIST?

The semantics of the subject area of psychology in English has been compiled in the Thesaurus of Psychological Index Terms of American Psychological Association since 1974. The use of cognitive semantics methods for the analysis of cognitive structures of more than 190 dictionary entries and about 2000 English terms of two conceptual domains in the thesaurus under study has included 1) the identification of the main types of semantic relationships (hierarchy, differentiation, relatedness, similarity) in the terms' entries of the thesaurus, 2) a comparative analysis of the distribution of these relationships. Descriptive statistics reveal statistically significant patterns of distribution of certain types of semantic relationships within such sections of the thesaurus, as "cognitive psychology" and "educational psychology".

Key words: English psychological terminology, semantic relationships, thesaurus, cognitive semantics, cognitive terminology study, descriptive statistics.

Е. Е. Голубкова, А. В. Трубочкин *(Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
katemg@yandex.ru, nalugu@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА И КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: GOOD CHEMISTRY

Cognitive Linguistics' model of language necessarily entails empirical methodology.

[Glynn 2010: 2]

В статье рассматривается формирование корпусной лингвистики как площадки для интеграции различных методов когнитивно-семантического анализа. Триангуляция количественных и качественных методов анализа становится значимым условием при выработке новых исследовательских подходов.

Ключевые слова: когнитивная семантика, диахронный анализ, корпусный анализ, корпусные данные, конструкция.

Цель обзора заключается в том, чтобы показать, каким образом корпусные методы могли способствовать поступательному движению когнитивной семантики, преодолению недостатков, ставших явными к моменту формирования корпусно-когнитивного направления как естественного эволюционного этапа развития когнитивной парадигмы в лингвистике. Структура сообщения предполагает обзор характеристик, сближающих когнитивное и корпусное направления в лингвистике и способствующих выходу когнитивной семантики на новый виток развития, периодизацию корпусно-когнитивного сотрудничества, освещение основных вех (трудов) в корпусной методологии, ознаменовавших качественное изменение семантических исследований в когнитивной парадигме. Следует отметить, что в сообщении мы постараемся сконцентрироваться только на взаимодействии корпусных методов и когнитивной лингвистики и даже **у**же, семантики в силу того, что лингвистика, в целом, и ее различные разделы также активно используют корпусные методы при проведении исследований.

Как известно, возникшая в 90-е годы в противовес генеративной грамматике, стремившейся дать формализованную дедуктивное описание языка, игнорировавшей отдельно взятого пользователя, когнитивная

лингвистика открыла путь эмпиризму и по-новому предложила подойти к интерпретации проблемы устройства человеческого языка, интегрировав знания о каждом индивидууме и социуме в целом. Когнитивная лингвистика освободилась от размежевания семантики и прагматики, лексики и синтаксиса, стала изучать язык в действии во всей его сложности и многообразии (Fillmore (1985), Talmy (1985), Lakoff (1987), and Langacker (1987)), показав, что языковая структура это результат использования языка, основанного на различных когнитивных способностях. По мнению Д. Глинна, когнитивная лингвистика вообще всегда была эмпирическим подходом. КЛ удалось примирить менталистов (Хомского) и структуралистов показывая, что грамматика есть эмерджентная структура, формирующаяся из высказываний говорящих, но укорененная в памяти человека. Это открыло двери эмпирическому материалу, который лингвисты смогли получить благодаря созданию с 60-х годов прошлого века языковых корпусов. Подробный анализ периодизации развития корпусов можно найти в [Солнышкина, Гатиятуллина 2020] где авторы измеряют этапы развития корпусной лингвистики размером корпусов и их программного обеспечения. Так, предлагается выделять четыре основных периода: доэлектронный – до 1960-х гг. (архивы), I – с 1960-х по 1990-е гг. (корпусы), II – с 1990-х по 2000 г. (мегакорпусы), III началось в 2000-е гг. (гигакорпусы). Отметим, что каждый из этих этапов количественного роста объема корпусов не мог не повлиять на методологию обработки корпусных данных и способов поиска информации в корпусах. В некотором смысле корпусная когнитивистика соединила в себе цели индуктивного описания языка дескриптивистов, с одной стороны, с целями формализованного описания того, как работает и устроен язык представителей генеративного направления [Glynn 2010: 6]. В самом общем виде эту установку можно сформулировать как: поиск общих языковых закономерностей во всем их разнообразии в различных языках на основе богатейшего репрезентативного эмпирического материала. Цель изучения интериоризированного (И-языка), т.е. того, как он репрезентирован в голове человека с опорой на массив данных о дискурсивной деятельности говорящего становится вполне выполнимой. Отметим, что современная модель порождения знания в науке, в целом, отличается от традиционной тем, что она междисциплинарна, генерируется в прикладном контексте и не укладывается в конвенциональные дисциплинарные схемы [Заботкина 2019: 16]. Именно в такой научной парадигме наблюдается взаимодействие когнитивного и корпусного направлений в лингвистике.

Отметим некоторые черты когнитивного и корпусного направлений, способствующих их плодотворному симбиозу. Изначально и у когнитивной, и у корпусной лингвистки наблюдалась тенденция к междисциплинарному диалогу. Когнитивистика в ряду других когнитивных наук (психология, психолингвистика, семиотика, нейронауки и др.) активно взаимодействует с ними и нуждается в строгих методах верификации своих гипотез. Корпусная лингвистика, казалось бы, может существовать сама по себе, однако возникает вопрос – зачем? Массу эмпирического материала и его статистическую обработку можно использовать в целях разработки принципиально новой корпусно-когнитивной методологии анализа языкового материала. Именно поэтому оба направления нуждаются друг в друге. Конкретные примеры новых корпусно-когнитивных методов исследования были освещены в монографиях Гриса и Стефановича (2006), Глина и Фишер, Герсковиц (2010), Заботкина (2019). Второй объединяющей чертой когнитологов и корпусников является их стремление познать закономерности функционирования языка – язык в действии. Отсюда для когнитологов становится чрезвычайно удобной возможность структурировать свое исследование по шкале corpus-based/corpus-driven, лавируя между проверкой выдвинутых гипотез и поиском закономерностей в духе американских дескриптивистов при bottom-up подходе. Добавим здесь аргументы Глинна о том, что интроспекция при изучении семантики в корпусной лингвистке не отменяется, а скорее, является стартовой точкой для проверки гипотез и выявления категорий [Glynn 2010].

Наконец, оба направления сходятся в обещании (commitment) «резать языковой пирог» вертикально, т.е. рассматривать каждое явление не в плоскости отдельного уровня, т.е. модулярно, а на пересечении модулей/уровней. Данный подход отразился в школах конструкционной грамматики, в которой языковые конструкции (устанавливаемые на основе частотности) рассматриваются как лексико-грамматический континуум, интеграция синтаксической структуры и ее семантического наполнения. Именно эмпирический материал разумно размеченных корпусов позволяет взглянуть на процесс формирования значения единиц в динамике с учетом его многофакторности и вариативности. Здесь уместно упомянуть новейшие корпусы устной речи, мультимодальные корпусы, корпус жестового языка. Когда речь идет о когнитивной лингвистике, как правило, подразумевается исследование значения в русле когнитивной семантики, в недрах которой уже разработаны и апробированы такие основательные методики, как фреймовый анализ, идеализированные когнитивные модели, образные схемы, метод концептуального прайминга,

теории концептуальной интеграции, анализ qualia-структур и метафорометонимическое моделирование. Именно в пределах данных методологий, доказавших совместимость друг с другом, несмотря на различие в терминологическом аппарате, может быть интегрирован корпусный подход. Отметим вслед за Глинном, что квантитативной верификацией понятий, разработанных когнитологами в 90-х годах, становятся корпусные параметры. Так, основные, казалось бы, элементарные показатели – частотность единиц и совместная встречаемость – являются эмпирической интерпретацией когнитивных понятий встроенности / укорененности Лакоффа и категоризации Лэнекера. Коль скоро когнитивисты признали всю сложность и многофакторность процесса формирования значения, они стали применять методы **многофакторного** анализа материала, который представляет собой совокупность различных статистических методов, предназначенных для проверки гипотез и связи между исследуемыми факторами и определенными признаками, не имеющими количественного описания Geerarts, Dirven et al. (1982); Schmid (1993), Geeraerts et al. (1994); Rudzka-Ostyn (1995), Geeraerts et al. (1999), Gries (1999, 2001, 2003), and Speelman et al. (2003). Многомерная статистика позволяет учитывать самые различные факторы, влияющие на конструирование значения (при условии, что корпус размечен соответствующим образом). Тогда, если во главу угла ставится вопрос о методе извлечения и обработке данных из корпуса, то принадлежность лингвистов к тому или иному научному течению вообще снимается с повестки дня, важным становится сравнение верифицируемых результатов [Geeraerts 2010].

Неверно также думать, что корпусные семантики не «пачкают рук», по образному выражению Глинна, при трудоемком ручном анализе формальных, семантических и социолингвистических данных корпусов, чтобы подтвердить свои гипотезы. К этому стоит прибавить обработку статистических данных: выявление статистической значимости, паттернов, особенностей использования.

Так называемые вечные вопросы когнитивной семантики, такие как полисемия, синонимия, анализ дискурса, структура ментального лексикона, очевидным образом выиграли от интеграции корпусных методик, но и одновременно, поставили новые вопросы относительно методики обработки информации. Вопрос о репрезентативности корпуса практически снят с повестки дня, так как объем корпусов растет, качество разметки совершенствуется, исследователи обычно используют одновременно два или более корпуса для сравнительной оценки явления. В крайнем случае ответом на данную претензию становится ограничение объема

корпуса объемом исследуемой проблемой. Так, для каждой конкретной семантической задачи может создаваться специальный корпус (ср., корпуса устного языка).

С другой стороны, отсутствие оценки репрезентативности корпусов поднимает вопрос о релевантности результатов корпусных выборок исследуемому явлению в языке. Даже если верификация гипотезы с помощью процедур проверки статистической значимости на результатах корпусных данных даст уверенный положительный результат, то при неизвестной релевантности корпусных данных можно говорить о явлении в корпусе, при этом имеет ли место такое же явление в языке остается открытым. Поэтому учет репрезентативности корпусов при проведении лингвистических исследований существенным образом отражается на их результатах, что делает оценку репрезентативности корпусов краеугольным вопросом. Мы попробуем предложить метод оценки репрезентативности корпуса на основе построения ациклического бинарного дерева на примере пяти из основных корпусных метатекстовых характеристик: жанрово-стилистическая разновидность или количество жанров, жанровая разновидность текстов внутри каждого жанра, авторское разнообразие корпуса или количество уникальных авторов, гендерная принадлежность авторов, принадлежность авторов к разным возрастным группам.

Предположим, что корпус состоит из научных текстов, тогда жанрово-стилистическая разновидность корпуса будет низкой (0), но жанр научных текстов в корпусе может быть представлен документами и текстами различных типов, тогда жанровая разновидность текстов в таком корпусе окажется высокой (1). Допустим, что такой корпус собран из текстов статей большого количества уникальных авторов как мужского, так и женского пола, тогда его авторское разнообразие будет высоким (1), гендерная репрезентативность также будет равна 1, при этом предположим, что все авторы относятся к одной возрастной группе, т.е. возрастная репрезентативность окажется низкой (0). Тогда индекс репрезентативности по пяти метатекстовым параметрам корпуса примет итоговое двоичное значение 01110, что в переводе в десятичную систему даст величину репрезентативности корпуса, равную 14 из максимально возможного значения 31. Таким образом, репрезентативность такого корпуса оказывается средней или 45%, при этом отметим, что тексты статей должны быть сбалансированы, т.е. быть примерно равного объема и количества, а корпусные характеристики с большим весом или большим вкладом в репрезентативность располагаются сверху ближе к корню дерева, с меньшим – ближе к концевым вершинам дерева (рис. 1).

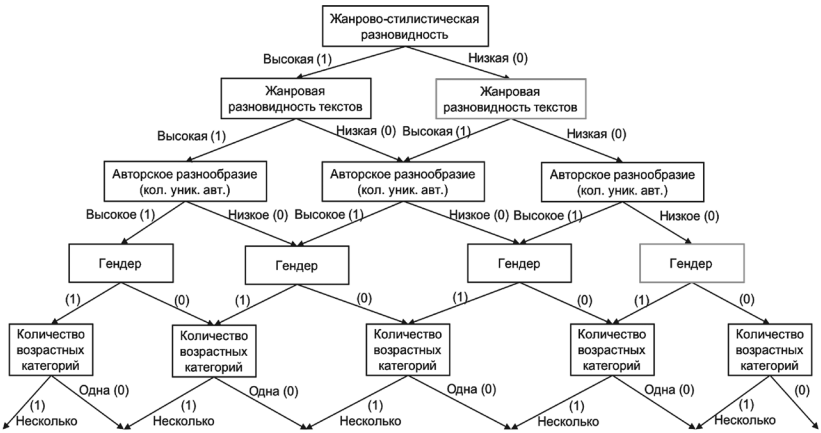


Рис. 1. Ациклическое бинарное дерево оценки репрезентативности корпуса

Так, корпус СОНА, сбалансированный по всем жанрам (жанрово-стилистическая разновидность = 1), каждый из которых представлен сбалансированной коллекцией различных жанровых направлений (жанровая разновидность текстов = 1) и большим количеством уникальных авторов (авторское разнообразие = 1), не содержит в описании корпуса характеристики, отражающие гендерную и возрастную принадлежность, поэтому последние две могут принимать значение как 0, так и 1. Таким образом, индекс репрезентативности СОНА принимает диапазон бинарных значений от 11100 до 11111, что в десятичной системе соответствует диапазону значений от 28 до 31 из 31 возможных, т.е. репрезентативность СОНА составляет 90%–100%.

Таким образом, исследовательская задача и оценка репрезентативности корпусов определяют не только статистическую базу исследования, но и методологическую площадку для интеграции количественных и качественных методов анализа в рамках одного исследования. Так, на примере анализа конструкции X-in [Трубочкин 2021] на базе данных СОНА, триангуляция корпусного, диахронного и когнитивного методов анализа позволяет исследовать такие явления, как семантическая деривация, прецедентность, и установить не только прецедентное событие, но и прагматическое соответствие между прецедентами и характерными для них модификациями конструкции, определяющимися в диахронии всплесками частотностей (рис. 2).

SECTION	ALL	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000
FREQ	142	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2	3	74	25	18	9	10
WORDS (M)	405	1.2	6.9	13.8	16.0	16.5	17.1	18.6	20.3	20.6	22.1	22.7	25.7	24.6	24.3	24.5	24.0	23.8	25.3	27.9	29.6
PER MIL	0.35	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.04	0.08	0.12	3.09	1.05	0.71	0.32	0.34
SEE ALL YEARS AT ONCE																					

SECTION	ALL	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000
FREQ	207	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	0	82	29	13	13	7	15	18	27
WORDS (M)	405	1.2	6.9	13.8	16.0	16.5	17.1	18.6	20.3	20.6	22.1	22.7	25.7	24.6	24.3	24.5	24.0	23.8	25.3	27.9	29.6
PER MIL	0.51	0.00	0.00	0.00	0.00	0.00	0.06	0.00	0.05	0.00	0.00	0.04	0.00	3.33	1.19	0.53	0.54	0.29	0.59	0.64	0.91
SEE ALL YEARS AT ONCE																					

Рис. 2. Корпусно-диахронный анализ sit-in, sit-down strike на корпусных данных COHA

Открытый слот X заполняется лексическими единицами, обладающими достаточной аттракцией к конструкции, например, *sit-in, shut-in, love-in*, каждая из которых формирует лингво-когнитивный знак [Кубрякова 2004; Телия 1988] референтного с ней явления. Совокупность таких лексических единиц формирует синсет концепта STRIKE / ПРОТЕСТ, закрепленного за конструкцией X-in прецедентным событием.

Таким образом, триангуляция методов количественного, качественного анализов и оценки репрезентативности позволяет выйти на исследования явлений не только на корпусных данных, но тех же явлений в языке, придавая семантическим выводам максимально достоверное содержание.

Литература

Заботкина В. И. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под ред. В. И. Заботкиной. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Солнышкина М. И., Гатиятуллина Г. М. История развития корпусной лингвистики (на примере англоязычных корпусов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 132–160.

Телия В. Н. Метафоризация и её роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Москва, 1988. С. 173–204.

Трубочкин А. В. Номинативные особенности конструкции X-in (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 739–742.

Glynn D. Corpus-driven Cognitive Semantics. An Overview of the Field / Quantitative Cognitive Semantics. Corpus-driven Approaches / ed. by D. Glynn. Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 2010. P. 1–42.

Geeraerts D. Theories of Lexical Semantics. New York: OUP, 2010.

COHA – The Corpus of Historical American English. URL: english-corpora.org/coha/ (accessed 10.03.2021).

E. E. Golubkova, A. V. Trubochkin *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE SEMANTICS AND CORPUS APPROACH: GOOD CHEMISTRY

The article surveys the development of corpus linguistics methodology within cognitive semantics from the viewpoint of integration of various methods of analysis. Triangulation of multiple methods such as diachronic, corpus and cognitive analyses of corpus data shapes new research methodological approaches.

Key words: cognitive semantics, diachronic analysis, corpus analysis, corpus data, construction.

О. И. Калинин *(Москва, Россия)*
Военный университет Министерства обороны,
Московский государственный
лингвистический университет
Okalinin.lingua@gmail.com

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ КОГНИТИВНО-РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается проблема количественного анализа когнитивно-речевого воздействия посредством выявления уровня метафоричности дискурса. Автор предлагает оригинальную методику вычисления индексов метафоричности, которые позволяют определить плотность, интенсивность, функции и распределение метафор по блокам текста.

Ключевые слова: когнитивно-речевое воздействие, метафоричность, плотность метафор, интенсивность метафор.

Речевое воздействие рассматривается в лингвистике с разных позиций: теория речевых актов [Остин 1986], теория логической аргументации [Walton 2013], критическая лингвистика [Водак 2011]. При этом методика изучения когнитивного аспекта речевого воздействия, опосредованного интерпретирующей функцией языка «как его особой функцией в отношении репрезентации знаний о мире» [Болдырев 2011: 11], становится все более актуальной в наше время, где информация становится ключевым средством формирования общественного мнения, конструирования и изменения имиджа общественных институтов, инструментом маркетинга и основой для развития экономики будущего.

Изучение разных аспектов речевого воздействия берет начало в риторике, науке о способах убеждения аудитории. Однако время блестящих ораторов прошлого, которые «силой слова могли повести толпу на баррикады» уже прошло, воздействие на адресата речевого сообщения, массового и индивидуального, становится все более имплицитным и многослойным. Для формирования мнения относительно продукта, социального института, события уже недостаточно прямого призыва или побуждения, лозунги прошлого («Пролетарии всех стран соединяйтесь!», «За веру, царя и Отечество!») не могут быть эффективными в силу изменения когнитивной системы современного человека.

В этой связи, принимая во внимание известный тезис Р. Блакара о невозможности «выразиться “нейтрально”, поскольку даже неформальный разговор предполагает “осуществление власти”» [Блакар 1987: 91], мы можем говорить о постоянном когнитивно-речевом воздействии, то есть воздействии на восприятие и структурирование мира другим человеком, осуществляемом средствами языка и дискурса. Так, сущность речевого воздействия заключается в таком использовании языка в дискурсе, при котором в концептуальную модель мира реципиента вводятся новые знания и/или модифицируются уже имеющиеся. Кроме того, стоит отметить перманентный характер такого воздействия, так как там, где происходит коммуникация, имеет место когнитивная интерпретация, и, следовательно, когнитивно-речевое воздействие.

На наш взгляд, одним из действенных и наиболее доступных для исследования собственно лингвистическими методами форм когнитивно-речевого воздействия является метафора, в основе которой как известно лежит когнитивное переосмысление одной концептуальной области (сферы-цели) через концептуальные признаки другой области (сферы-источника).

Об эффективности метафорического моделирования как о средстве манипулирования общественным мнением писал один из авторов теории

концептуальной метафоры Дж. Лакофф, указывая на «метафорическое оправдание» войны США против Ирака. Ученый показал, что руководители Соединенных Штатов использовали знаменитую метафору Карла Клаузевица «война – это продолжение политики с использованием других средств», и тем самым вводили войну в систему обычных и необходимых для великой державы политических средств [Lakoff 1991].

В дальнейшем изучение воздействующего потенциала метафоры продолжилось, и многие исследователи, рассматривая роль метафоры в коммуникации, указывали на «особую персуазивность речевого сообщения», содержащего метафорические проекции [Boeynaems и др. 2017; Thibodeau, Boroditsky 2013].

Данный тезис не вызывает споров в современных лингвокогнитивных исследованиях, однако малоисследованным остается вопрос о характере взаимосвязи между употреблением метафор и воздействующим эффектом, который потенциально могут эти метафоры создавать. Работы П. Сопори [Sopory 2006] и С. ван Стее [Grady 1999] свидетельствуют о том, что среди значимых с точки зрения потенциального речевого воздействия аспектов использования метафор в дискурсе можно выделить: плотность метафор, их новизну, позицию в тексте и семантику сферы-источника.

Мы отталкиваемся от тезиса о возможности исследования природы метафоры и количественном измерении использования метафорических оборотов в дискурсе как об одной из возможных «метрик» имплицитного речевого воздействия. На наш взгляд, именно комплексный подход к анализу функционирования метафор в дискурсе может стать действенным методом анализа метафоричности дискурса, на основании показателей которой можно делать выводы о потенциальном речевом воздействии данного дискурса.

Целью данной работы является описание комплексного количественного метода исследования метафоричности дискурса и связанного с ней когнитивно-речевого воздействия.

Под количественным анализом в данной работе понимается вычисление определенных индексов, связанных с использованием метафор в тексте: индекса плотности метафор (MDI – Metaphor Density Index), индекса интенсивности метафор (MII – Metaphor Intensity Index), индекса функциональной типологии метафор (MfTI – Metaphor Functional Typology Index), индекса внешней структуры и метафоричности (MStI (ex) – Metaphor Structural Index external) и индекса внутренней структуры и метафоричности (MStI (in) – Metaphor Structural Index internal).

1. Индекс плотности метафор основывается на формуле индекса частотности метафор (Metaphor Frequency Index), разработанного К. де Ландсхеер [Landtsheer De 2009].

MDI (Metaphor Density Index) = nme*100/nwords,

где nme – количество метафор, а nwords – количество слов в тексте.

Отметим, что взаимосвязь количества метафор на объем текста и речевого воздействия анализировалась нами в отдельном исследовании [Калинин, 2020a], в ходе которого было доказано, что высокометафоричные тексты оказывают более высокий уровень речевого воздействия, чем неметафоричные и низкометафоричные [Калинин 2020: 40].

2. Для вычисления уровня интенсивности (новизны) метафоры, мы предлагаем использовать индекс интенсивности (MII) метафоры, разработанный К. де Ландтсхеер [Landtsheer De 2009]:

MII = (1*w+2*a+3*s)/nme,

где w – количество низкоинтенсивных (стертых, конвенциональных), a – количество метафор средней интенсивности, s – количество сильноинтенсивных (новых, авторских метафор).

Многочисленные нейролингвистические исследования подтверждают, что метафоры не являются гомогенным типом образного языка и что разграничение между различными типами метафор по новизне должно стать значимой частью лингвистической теории метафоры [Ahrens и др. 2007]. Под интенсивностью в данном случае понимается разница в эмоциональном напряжении, которое вызывают разные типы метафоры. Эти отличия описаны в рамках теории карьеры метафоры Б. Боудла и Д. Гентнер (Bowdle, Gentner 2005), которая объясняет, что метафора как бы «проживает жизнь» от «новой, аномальной, авторской», основанной на сравнении, к «старой, стертой, конвенциональной», в основе которой лежит процесс категоризации.

Так, в основе конвенциональных и новых метафор лежат разные когнитивные механизмы: категоризация и сравнение, и, следовательно, они по-разному воздействуют на реципиента речевого сообщения. Конвенциональные метафоры оказывают так когнитивный эффект, так как связаны с уже имеющимися концептами и категориями, а новые метафоры, в свою очередь, оказывают эмоциональный эффект, воздействуя на воображение получателя сообщения.

3. Индекс функциональной типологии метафоры базируется на разделении метафор на онтологические, ориентационные и структурные, предложенном в известной работе [Лакофф, Джонсон 2004]. Этот индекс отражает количественное распределение метафор разного типа:

MfTI = (1*Or+2*O+3*St)/nme,

где Or – количество ориентационных метафор, O – количество онтологических метафор, St – количество структурных метафор, nme – количество всех метафор в тексте.

Разработка данного индекса стала ответом на необходимость проследить взаимосвязь между содержанием метафоры и речевым воздействием. В ходе эмпирического исследования [Калинин 2020b] было выяснено, что концептуальное значение отдельных сфер-источников может быть фактором, оказывающим влияние на персуазивность, тем не менее, данный подход не может быть универсальным для всех типов дискурса.

Поэтому нами был разработан индекс, основанный на вышеуказанной классификации по функциям метафоры, которые проистекают из наиболее общего содержания метафорического переноса.

4. Взаимосвязь позиции метафор в тексте и речевого воздействия может быть выявлена посредством вычисления индекса структурной метафоричности (внешней) MStI(ex):

MStI(ex) = (1*M+2*I+3*C)/nme,

где M – количество метафор в основной части, I – количество метафор во введении (вступлении), C – количество метафор в заключении, nme – количество всех метафор в тексте.

Необходимость разработки данного индекса обусловлена тем, что в работе П. Сопори была подтверждена гипотеза, что метафоры в начале и конце речевого сообщения (в заключении и введении) более убедительны, чем в основном тексте [Sopory 2006].

Кроме того, работа В. Коллер [Koller 2003] по дискурсивному анализу метафоры показала, что в разных частях текста метафора играет разные роли: в начале – участвует в постановке проблемы, то есть позволяет идентифицировать предмет и содержание текста, в середине – подтверждает и усиливает авторскую позицию, а в конце – дублирует проблему и ее обоснование, тем самым является потенциально наиболее персуазивной.

5. Анализ метафоричности текста и ее зависимости от внутренней структуры текста можно проводить посредством индекса структурной метафоричности (внутренней) – MStI(in):

MSI(in) = (1*T+3*R)/nme,

где T – количество метафор, относящихся к блоку «тема текста», R – количество метафор, относящихся к блоку «рема текста».

Разработка и использование данного индекса обосновано работами представителей Пражского лингвистического кружка о функциональной перспективе предложений, тема-рематическом членении и основными

положениями лингвистики текста. Основываясь на доказанном тезисе о возможности выделять внутри текста блоки, представляющие собой тему и рему, которые можно назвать гипертема и рематическая доминанта, мы полагаем, что метафоры, использованные в теме и реме, играют разные функции в контексте речевого воздействия, что подробно описано в нашей работе [Калинин 2020с].

Так, метод комплексного анализа метафоричности, который может быть использован для выявления имплицитного речевого воздействия текста или дискурса представляет собой количественный метод вычисления значения индексов метафоричности. Предложенные индексы позволяют делать выводы о плотности метафор в тексте, средней интенсивности использованных метафор, их функциях и распределении по основным компонентам внешней и внутренней структуры текста.

Для оптимизации и уточнения процесса подсчета и структурирования результатов исследования метафоричности текста и дискурса нами была разработана специальная программа Metaphor Index Calculator, которая представляет собой калькулятор для вычисления индексов и позволяет исследователю избежать ошибки в математических вычислениях и сосредоточиться на анализе результатов.

Предложенный метод был апробирован на большом объеме текстов политического, официально-документального дискурсов и дискурса масс медиа общим объемом 255 119 слов (на русском языке – 87 863 слова, на китайском языке – 80 892 слова, на английском языке – 86 363 слова). Частично результаты представлены в работе, посвященной анализу речевого воздействия текстов публичных выступлений политических лидеров РФ, КНР и США, где было показано «что более метафоричным по всем показателям являются речи Председателя КНР Си Цзиньпина, что говорит о содержащимся в ней потенциале речевого воздействия, направленного прежде всего на актуализацию старых и формирование новых общественно-политических концептов в сознании массового адресата» [Сунь, Калинин, Игнатенко 2021: 271]. В данный момент происходит актуализация полученных числовых значений для выработки «средних показателей» и составления рекомендаций для интерпретации значений индексов.

Изучение метафоричности текстов и взаимосвязи метафоры и речевого воздействия имеет широкие перспективы. На наш взгляд, использование числовых показателей метафоричности для анализа текстов разных дискурсов позволит более глубоко исследовать природу речевого воздействия, а концептуальная природа метафоры позволяет анализировать это воздействие с точки зрения когнитивной парадигмы.

Литература

Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М: Прогресс, 1987. С. 88–125.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 11–16.

Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 286–291.

Калинин О.И. К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от количества метафор // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020a. № 2. С. 31–43.

Калинин О.И. К вопросу о зависимости персуазивности речевого сообщения от содержания метафорического переноса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020b. № 4. С. 81–119.

Калинин О.И. Речевое воздействие и тема-рематическая структура текста // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Вопросы языкознания и педагогики. 2020c. № 4. С. 60–69.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М: Едиториал УРСС, 2004.

Остин Д.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. Т. XVII. С. 22–129.

Сунь Ю., Калинин О.И., Игнатенко А.В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russian Journal of Linguistics. 2021. № 25(1). С. 232–258.

Ahrens K. et al. Functional MRI of Conventional and Anomalous Metaphors in Mandarin Chinese // Brain and Language. 2007. № 100 (2). P. 163–171.

Boeynaems A. et al. The Impact of Conventional and Novel Metaphors in News on Issue Viewpoint // International Journal of Communication. 2017. № 11 (June). P. 2861–2879.

Koller V. Metaphor Clusters, Metaphor Chains: Analyzing the Multifunctionality of Metaphor in Text. URL: https://www.metaphorik.de/sites/ www.metaphorik.de/files/journal-pdf/05_2003_koller.pdf (accessed 02.04. 2021).

Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System used to Justify War in the Gulf // Peace Research. 1991. № 23 (2/3). P. 25–32.

Landtsheer C. De. Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor // Metaphor and Discourse. London: Palgrave Macmillan UK, 2009. P. 59–78.

Sopory P. Metaphor and Attitude Accessibility // Southern Communication Journal. 2006. № 71(3). P. 251–272.

Thibodeau P.H., Boroditsky L. Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning // PLoS One. 2013. № 8(1): e52961. doi:10.1371/journal.pone.0052961

Walton D. Methods of Argumentation. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

O. I. Kalinin (*Moscow, Russia*)
Military University of the Ministry of Defense,
Moscow State Linguistic University

METAPHOR POWER AS A METHOD FOR DETECTING COGNITIVE SPEECH IMPACT

The article considers the problem of quantitative analysis of cognitive-speech impact by identifying the level of metaphoric discourse. The author proposes an original method for calculating metaphoric indices, which make it possible to determine the density, intensity, functions and distribution of metaphors over blocks of text.

Key words: cognitive-speech impact, metaphor power, metaphor density, metaphor intensity.

Е. Д. Калинникова, В. Е. Анисимов *(Москва, Россия)*
Российский университет дружбы народов
katyonok@live.com, anisimov.vladislav.95@mail.ru

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ВЕРИФИКАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА

Целью данной статьи является представление возможности использования метода корреляционного анализа при исследовании номинативного поля концепта. Научная новизна обусловлена внедрением метода математической статистики для качественного анализа номинативного поля концепта на франкоязычном материале в составе комплексного исследования. В результате исследования показано, как единицы номинативного поля концепта связаны с ядерным элементом, что позволяет проводить дальнейший более качественный лингвосемантический анализ номинативного поля концепта.

Ключевые слова: корреляционный анализ, концепт, номинативное поле концепта, французский язык, Patrie.

Корреляционный анализ представляет собой способ математической статистической обработки количественных данных, с помощью которого представляется возможным установление связей между рядом

числовых переменных. Для применения метода корреляционного анализа в лингвистических исследованиях необходимо провести качественную переработку данных для изменения их формы представления: присвоить цифровые эквиваленты вербальным номинациям и обозначить в числовом эквиваленте параметр, который необходимо проанализировать [Елисеева, Юзбашев 2002: 217].

В случае, если цель исследования заключается в анализе влияния ряда факторов на изменение текстовых параметров, адекватным является выбор одного из вариантов линейной корреляции: корреляции по методу Спирмена или Пирсона. Корреляция Пирсона (Pearson correlation coefficient) представляет собой метрический способ измерения пропорциональности изменчивости переменных, сравниваемых попарно, тогда как корреляция Спирмена (Spearmen's rank correlation coefficient) использует ранговую систему сравнения. При этом следует учесть, что корреляция Пирсона лучше подходит для сравнения интервальных переменных (где каждое конкретное значение переменной будет иметь своё значение, например, 1 – незнание предмета, 2 – неудовлетворительное владение материалом и т. д.), а корреляция Спирмена более ориентирована на измерение порядковых изменений (качество выраженности какого-либо признака) [Гмурман 2004: 371]. Каждый из этих критериев может применяться как для связанных, так и для независимых выборок, в отличие от критериев статистической оценки, где важным является учёт внутригруппового распределения – расчёт по параметрическим и непараметрическим критериям [Общая теория статистики 2002: 336].

Использование инструментов математической статистики в современной лингвистике позволяет верифицировать полученные исследователем данные и определить, имеют ли выявленные в ходе контекстуальной интерпретации данные значимость на статистическом уровне.

Нами предлагается использовать метод статистической корреляции для верификации данных, получаемых при определении номинативного или семантического поля концепта. Рассмотрение номинативного или семантического поля концепта требует от исследователя проведения многоступенчатого анализа (в зависимости от поставленной цели исследования может быть проведен ассоциативный эксперимент, лексикографический анализ и др.) и последовательной фиксации всех полученных данных на расширенной выборке (для получения валидных данных необходимо рассмотреть минимальную частотность признака в 50 единиц). Отметим, что при применении метода корреляции не представляет важности равное распределение значений внутри анализируемой выборки. Благодаря приме-

нению методов статистического анализа исследователь может подтвердить и верифицировать полученные данные методом объективного анализа.

Проиллюстрируем приведенные выше теоретические положения на примере анализа франкоязычного концепта Patrie – Родина, Отчизна (фр.) и его номинативного поля. Согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, номинативное поле концепта может быть выражено средствами не только лексической, но и фразеологической объективации, что позволяет более точно определить круг его семантических значений [Попова, Стернин 2002: 89]. Для выявления номинативного поля анализируемого концепта был проведён свободный ассоциативный эксперимент. Далее исследование проходило в онлайн-режиме с использованием ДОТ (MS Teams). При этом исследователь находился на связи с респондентами и мог отвечать на вопросы и контролировать реакцию респондентов. В исследовании приняло участие 85 человек в возрасте от 19 до 38 лет, родившихся и проживающих на территории Франции, а также получивших высшее образование (enseignement supérieur) на французском языке. Всего в ходе исследования нами было получено 613 уникальных ассоциатов, которые в дальнейшем были проранжированы согласно частотности употребления в ответах респондентов. Наиболее частотные из них (17 единиц) были выбраны нами для дальнейшего статистического анализа. Частотность их употребления составила от 75% до 100% у различных респондентов, которые представляли собой несвязанную и независимую выборку (респонденты не контактировали друг с другом).

Таким образом, корпус дальнейшего исследования составили следующие 17 единиц лексико-фразеологического уровня: *patrimoine* (2), *France* (3), *La Republique* (4), *L'Hexagone* (5), *fille aînée de l'Eglise* (6), *L'Etat français* (7), (*Liberté, Égalité, Fraternité* (8)), *Marseillaise* (9), *La Métropole* (10), *La Grande Nation* (11), *Douce France* (12), *La Révolution* (13), *La belle France* (14), *Les droit des Hommes* (15), *altérité* (16), (*bleu, blanc, rouge* (17)), *humanité* (18). Таким образом, мы можем видеть, что корпус наиболее употребительных ассоциатов составили как отдельные лексемы, так и фразовые комплексы, которые у большинства респондентов ассоциируются со словом-стимулом *Patrie* (1). Следовательно, представляется возможным говорить о том, что данные лексемы образуют ядро номинативного поля рассматриваемого концепта. Однако в ходе исследования нами было выдвинуто предположение, что употребление различных элементов номинативного поля концепта может демонстрировать сопряженность. Таким образом, частотность употребления различных элементов номинативного поля и ассоциатов к конкретному слову-стимулу может быть

связана с употреблением других, что может дать исследователю более целостную картину для описания номинативного поля концепта, его ядра и периферии. Выявление статистической связи между частотностью употребления тех или иных лексем позволит выявить семантические цепочки, которые на статистически-значимом материале отобразят когнитивно- и культурно-значимые особенности в восприятии концепта.

Для дальнейшего анализа обратимся к сокращенной корреляционной таблице (таблица 1).

Анализируя полученные данные, представляется возможным отметить, что частотность употребления одних элементов номинативного поля концепта связана с употреблением других элементов его номинативного поля и с ядерным концептом (словом-стимулом). Следовательно, можно говорить о том, что употребление той или иной единицы лексико-фразеологического уровня, объективирующей концепт PATRIE, с большой вероятностью повлечёт за собой употребление других, связанных с ней единиц. Тогда допустимо говорить об ассоциативных лексико-семантических рядах, номинирующих различные аспекты функционирования концепта Patrie в сознании французов. С помощью методов корреляционного анализа нами были выделены три основных ветки функционирования концепта Patrie в сознании респондентов.

Первая ветка представляет собой способ объективации, связанный семантикой государственности и государственной символики. Данная ветка функционирования рассматриваемого концепта характеризуется следующей тенденцией: респонденты, когнитивно связывающие концепт Patrie с государственностью и государственной символикой чаще всего употребляют следующие единицы лексико-фразеологического уровня для его объективации: *France* (3), *La Republique* (4), *L'Etat français* (7), (*Liberté, Égalité, Fraternité* (8)), *Marseillaise* (9), (*bleu, blanc, rouge* (17)). Все рассмотренные лексемы и фразы обозначают принадлежность к государству или обозначают государственную символику (такие как *bleu, blanc, rouge* – цвета французского флага, *Liberté, Égalité, Fraternité* – официальный девиз Франции или *Marseillaise* – гимн Французской Республики). При этом представляется возможным отметить, что связь между данными компонентами всегда прямая – т.е. высокая частотность употребления одной лексемы/фразы обусловливает высокую же частотность употребления связанных единиц. Подчеркнем, что в исследование вошли только наиболее частотные в ответах респондентов вариации. Соответственно, можно предположить, что данная тенденция может быть выражена и среди менее частотных элементов номинативного поля.

	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**
1	1	,245*	,415**	,410**	,223*	,310*	,216*	,236*
2	,245*	1	,077	,347*	,100	,020	,439**	,490**
3	,770**	,115	1	,516**	,113	,040	,195	,803**
4	,305*	,347**	,316**	1	,027	-,105	,300*	,264*
5	,322*	,400**	,113	,027	1	,398**	,094	-,025
6	,210*	,320**	,040	,133	,398**	1	-,021	,090
7	,216*	,439**	,195	,510**	,106	,243	1	,249*
8	,236*	,290*	,249*	,218*	-,025	,090	,203*	1
9	,264*	-,148	,378**	,193*	-,061	,107	-,009	,820**
10	,290*	,360**	,002	,094	,238*	,390**	,035	,195
11	,239*	,226*	,016	,098	513**	,133	,070	,041
12	,244*	,251*	,113	-,176	,370**	,221*	,048	,036
13	,283*	,244*	-,151	,165	,326**	,179*	,110	,026
14	,126	,063	-,086	-,050	,005	-,067	,036	-,051
15	,212*	,246*	-,082	,311*	,066	,119	,216*	,768**
16	,282*	,250*	-,074	,332**	,033	-,033	,260*	,216*
17	,307**	-,179	,318**	,768**	-,069	,056	-,143	,263*
18	,469**	,513**	-,027	,214*	,188	-,013	,255*	,224*

* – Корреляция значима на уровне 0,001.
** – Корреляция значима на уровне 0,05.

Таблица 1

Корреляция Спирмена для элементов номинативного поля концепта *Patrie*

9	**10**	**11**	**12**	**13**	**14**	**15**	**16**	**17**	**18**
,390**	,290*	,239*	,213*	,283*	-,026	,312*	,482**	-,307**	,402**
-,148	,002	-,026	-,146	-,044	,063	,244*	,350*	-,179	,212*
,490**	,136	,016	,251	-,151	-,086	-,082	-,074	,291*	-,027
,238*	,018	,098	-,176	,165	-,050	,211*	-,316*	,255*	,214*
-,061	,306**	,378**	,370**	,426**	,005	,066	,033	-,069	,188
,107	,390**	,410**	,243*	,579**	-,067	,119	-,033	,056	,055
-,009	,035	,070	,048	,110	,036	,692**	,460**	-,143	,213*
,800*	,195	,041	,036	,026	-,051	,378**	,462**	,122*	,324**
1	-,049	,028	,027	,087	,088	-,039	,084	,514**	-,159
-,012	1	,440**	,216*	,506**	-,003	,062	,130	,186	,188
,028	,284**	1	,563**	,481**	-,140	-,219	,086	-,118	-,012
,027	,262*	,176*	1	-,363**	,200	-,165	-,066	-,063	-,059
,087	,406**	,386**	-,363**	1	-,130	,177	,156	,088	,169
,088	-,003	-,284	,200	-,130	1	,020	,033	-,093	,105
-,039	-,092	-,563**	-,165	,177	,020	1	,754**	,078	,812**
,084	,130	-,181	-,066	,156	,033	,754**	1	-,016	,425**
,332**	,186	-,091	,122	,088	-,093	,055	-,014	1	,069
-,159	,188	-,012	-,059	,169	,105	,812**	,425**	-,002	1

Вторая тенденция, выявленная нами в результате корреляционного анализа, связана с метафоричностью художественных или исторических образов Франции, которые являются культурно-значимыми для респондентов-носителей французской культуры. Данный ряд состоит из следующих единиц лексико-фразеологического уровня: *patrimoine* (2), *L'Hexagone* (5), *fille aînée de l'Eglise* (6), *La Métropole* (10), *la Grande Nation* (11), *Douce France* (12), *La Révolution* (13). В данном ряду можно наблюдать, что чем чаще респондент употребляет метафорические названия Франции или прецедентные исторические феномены (как *La Révolution*), тем больше вероятность, что в его ассоциативном ряду, номинирующим концепт Patrie, будут фигурировать другие единицы той же направленности. В отличие от предыдущей тенденции, где элементы номинативного поля были связаны с ядерным концептом ассоциативными связями, здесь наблюдается номинирующая связь, т.е. фактически все приведённые в данном ряду способы лексико-фразеологической объективации концепта номинируют лексему *Patrie*, которая рассматривается нами как ядерный концепт, с помощью национально-прецедентных феноменов. Отметим, что под национально-прецедентными феноменами мы, вслед за В.В. Красных, понимаем «феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу» [Красных 2003: 174].

Третья тенденция, которую представляется возможным выявить на анализируемом материале, включает в себя следующий ряд единиц: *patrimoine* (2), *La Republique* (4*), L'Etat français* (7), (*Liberté, Égalité, Fraternité* (8)), *Les droit des Hommes* (15), *altérité* (16), *humanité* (18). Подобная тенденция является прецедентно-описательной, поскольку связанные элементы номинативного поля носят атрибутивный характер и обозначают наиболее ярко-выраженные в современном французском обществе национально-прецедентные феномены. При этом можно отметить, что данный ряд обладает общественно-политической направленностью, т.к. все представленные элементы отображают существующую во Франции социальную политику.

Также можно отметить, что в исследовании нами фактически не было обнаружено наличие значимых обратных связей, когда частотность употребления респондентами одной лексемы значительно снижает вероятность употребления другой. Считаем возможным предположить, что подобное явление связано с тем, что наиболее частотные элементы номинативного поля концепта Patrie носят позитивный характер и объективируют позитивную семантику рассматриваемого концепта, а, следовательно, можно

говорить о том, что концепт Patrie несёт в себе в основном положительные коннотации для представителей французской лингвокультуры.

Таким образом, можно сделать вывод о возможности успешного применения современной математической статистики, в т. ч. методов обработки массивов больших данных, в современной когнитивной лингвистике. Тем не менее, следует упомянуть, что использование методов статистического и корреляционного анализа требует проведения дальнейшего интерпретационного анализа выявленных тенденций для получения адекватных результатов. Методы математической корреляции также могут быть использованы для подтверждения интуитивных гипотез исследователя и верификации данных, полученных в результате экспериментов.

Литература

Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика: учебное пособие для вузов. 10-е издание, стереотипное. М.: Высшая школа, 2004.

Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики: учебник / под ред. И. И. Елисеевой. 4-е издание, переработанное и дополненное. М.: Финансы и Статистика, 2002.

Общая теория статистики: учебник / под ред. Р. А. Шмойловой. 3-е издание, переработанное. М.: Финансы и Статистика, 2002.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание: учеб. пособие. М.: АСТ: Восток-Запад, 2002.

E. D. Kalinnikova, V. E. Anisimov *(Moscow, Russia)*
RUDN University

CORRELATION ANALYSIS AS A VERIFICATION METHOD FOR STUDYING THE CONCEPTS NOMINATIVE FIELD

The purpose of this article is to present the possibility of using the method of correlation analysis in the study of the concept nominative field. The scientific novelty is due to the introduction of the method of mathematical statistics for the concept nominative field qualitative analysis based on French-language material as part of a comprehensive study. As a result of the research, it is shown how the units of the concept nominative field are related to the nuclear element, which allows for further higher-quality linguosemantic analysis of the concept nominative field.

Key words: correlation analysis, concept, concept nominative field, French, Patrie.

Е. А. Нильсен, М. Н. Малиновская
(Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
janenilsen@mail.ru, malinovskaya.m@unecon.ru

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОМИНАЦИЙ СУДОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена анализу корпуса текстов морского английского языка с помощью инструмента Sketch Engine. Были выявлены наиболее частотные и самые продуктивные в плане словообразования номинации судов, а также установлено, глаголы с какой семантикой чаще всего входят в коллокации с номинациями судов как объектов действия.

Ключевые слова: корпусные исследования, английская морская лексика, номинации судов.

Современный этап развития лингвистики нельзя представить без корпусных исследований. Как отмечает О. А. Мартынюк, «возможности извлечения информации на основе корпусов практически не ограничены и зависят от цели исследования» [Мартынюк 2013: 31]. В частности, ряд исследователей подчеркивает необходимость привлечения корпусных методов в когнитивную лингвистику [Заботкина 2015: 33].

Не вызывает сомнений идея о том, что теория номинации и когнитивная лингвистика тесно связаны между собой: «если в первой ставится вопрос о том, как все сущее в мире получает свое обозначение, то во второй идет речь о соотнесении языковых форм с их когнитивными аналогами, следовательно, созданные или создаваемые обозначения должны быть сопоставлены с теми структурами знания, объективации которой они служат» [Кубрякова 2004: 321].

Актуальность исследования английской морской лексики обусловлена тем, что английский язык является международным рабочим языком в море. Суда и их обозначения, несомненно, являются важной составляющей данной лексики.

Для данного исследования был создан корпус текстов морского английского языка, куда вошли кодексы, конвенции и руководства для моряков (Advice to Masters, BLU Code, Bunker Convention, Code of Safe Working Practices for Merchant Seafarers, Colregs, CSS Code, Good Maintenance on Board Ships, Guidance on Waste Management for Tankers, IGF Code, Guidance for port facilities,

ports and ships. London, MARPOL, STCW: A Guide for Seafarers), а также 100 новостных статей журналов The Maritime Executive и Maritime Logistics Professional. Общий объем корпуса составил 458,155 слов. Для анализа текстов был использован инструмент для корпусных исследований Sketch Engine.

Из словаря The OOW Maritime Dictionary методом сплошной выборки были отобраны наименования судов, являющиеся гиперонимами для номинаций различных типов судов. Используя данные наименования в режиме Word sketch для поиска коллокаций онлайн-процессора Sketch Engine, были выявлены глаголы, которые употребляются с данными номинациями судов, являющимися объектами действия. Глаголы представлены в таблице 1. В скобках у номинаций судов указано, сколько раз они употребляются с данными глаголами в корпусе, а у глаголов указано общее количество случаев употребления с рассматриваемыми наименованиями судов.

Таблица 1

Номинации судов в коллокациях с глаголом

Глагол	**Номинации судов**
Engage (94)	Vessel (43), ship (38), tanker (10), craft (2), yacht (1)
Construct (73)	Ship (69), tanker (3), vessel (1)
Build (29)	Ship (16), vessel (7), tanker (6)
Board (26)	Ship (19), vessel (7)
Involve (18)	Ship (16), vessel (2)
Operate (17)	Ship (13), vessel (3), craft (1)
Join (14)	Ship (13), vessel (1)
Tow (12)	Vessel (12)
Inspect (10)	Ship (10)
Abandon (8)	Ship (7), vessel (1)
Exempt (8)	Ship (7), tanker (1)
Leave (7)	Ship (5), vessel (2)
Push (7)	Vessel (7)
Order (7)	Vessel (6), ship (1)
Use (7)	Vessel (3), tanker (3), ship (1)
Accept (6)	Ship (3), tanker (2), vessel (1)

Глагол	Номинации судов
Launch (6)	Ship (3), craft (2), vessel (1)
Develop (5)	Vessel (3), craft (1), tanker (1)
Expect (5)	Liner (2), vessel (2), ship (1)
Moor (5)	Boat (1), ship (3), vessel (1)
Overtake (5)	Vessel (5)
Approach (4)	Vessel (3), ship (1)
Handle (4)	Ship (4)
Permit (4)	Vessel (3), ship (1)
Run (4)	Vessel (3), freighter (1)
Detect (3)	Vessel (3)
Re-float (3)	Vessel (3)
Save (3)	Vessel (3)
Convert (2)	Tug (1), ship (1)
Enter (2)	Boat (1), ship (1)
Lower (2)	Craft (1), boat (1)
Make fast (2)	Tug (1), vessel (1)
Manoeuvre (2)	Craft (2)
Sail (2)	Craft (1), vessel (1)
Supply (2)	Bunker (2)
Buy (1)	Freighter (1)
Embark (1)	Boat (1)
Navigate (1)	Boat (1)
Prompt (1)	Carrier (1)
Provide (1)	Boat (1)

Общее количество номинаций судов в данном корпусе следующее: *ship* (4517), *vessel* (1343), *tanker* (468), *carrier* (192), *craft* (132), *ferry* (67), *tug* (58), *bunker* (54), *boat* (51), *liner* (14), *barge* (14), *freighter* (6), *yacht* (5), *hydrofoil* (2), *trawler* (1), *dredger* (1). Однако последние три не употребляются в коллокациях с глаголами.

В рассматриваемом корпусе наиболее частотными (см. таблицу 1) оказались коллокации номинаций судов с глаголами, обозначающими вовлечение команды морского судна в какую-либо деятельность (*engage*) и репрезентирующими процесс создания / строительства судов (*construct, build*).

Как показывают результаты исследования, слова *ship* и *vessel* являются наиболее частотными номинациями, используемыми в коллокациях с глаголами. Это можно объяснить тем, что они обладают наиболее широкой семантикой среди лексических единиц, номинирующих суда. Слово *ship* употреблено в 217 коллокациях, *vessel* – в 129. Из всех выявленных коллокаций (417) это составило 52% и 31% соответственно.

Далее, в результате использования представленных в таблице 1 имен существительных в режиме Wordlist, были найдены наименования различных типов судов, образованные от рассмотренных выше лексических единиц. Полученные данные представлены в таблице 2. В скобках у номинаций типов судов указана частотность их употребления в анализируемом корпусе, у номинаций-гиперонимов – общее количество употреблений их дериватов.

Таблица 2

Номинации судов, Wordlist

Номинации судов (гиперонимы)	**Типы судов**
Ship (71)	Containership (50), boxship (14), warship (6), sister-ship (1)
Boat (55)	Lifeboat (36), tugboat (6), workboat (6), rescueboat (4), bareboat (3)
Craft (3)	Watercraft (2), high-speed-craft (1)

В режиме Word sketch также удалось выявить названия различных типов судов. Они представлены в таблице 3.

Таблица 3

Номинации судов, Word sketch

Номинации судов (гиперонимы)	**Типы судов**
Tanker (276)	oil tanker (251), chemical tanker (18), NLS tanker (5), CLC tanker (2)
Carrier (130)	product carrier (27), bulk carrier (40), combination carrier (18), gas carrier (18), personnel carrier (7), ocean carrier (3), CO2 carrier (2), car carrier (2), ore carrier (1), coal carrier (1), timber carrier (1), oil carrier (5), ammonia carrier (1), hydrogen carrier (1), chemical carrier (2), vehicle carrier (1)

Номинации судов (гиперонимы)	**Типы судов**
Ship (117)	passenger ships (30), cruise ships (24), cargo ships (35), container ship (11), roro ships (4), merchant ships (8), seagoing ships (5)
Vessel (116)	Powerdriven vessel (34), fishing vessel (22), sailing vessel (19), container vessel (6), bunker vessel (5), pilot vessel (5), seagoing vessel (5), inland vessel (4), autonomous vessel (4), chartered vessel (3), standby vessel (3), commercial vessel (3), passenger vessel (3)
Craft (80)	harbour craft (4), seaborne craft (1), survival craft (15), pleasure craft (13), passenger craft (9), domestic craft (6), specialist craft (3), daughter craft (1), fast-rescue craft (1), near-surface craft (1), multimodal craft (1), nondisplacement craft (1), patrol craft (1), recreation(al) craft (2), water craft (1), cargo craft (1), high-speed/ highspeed craft (12), WIG/wing-in-ground effect craft (7)
Boat (34)	rescue boat (16), pilot boat (4), life boat (2), hydrofoil boat (1), tug boat (1), research boat (1), fishing boat (2), work boat (2), fast-rescue/fast rescue boat (5)
Ferry (12)	Roll-on/roll-off ferry (9), passenger ferry (2), car ferry (1)
Liner (4)	Cruise liner (2), container liner (1), box liner (1)
Yacht (4)	pleasure yacht (2), sailing yacht (1), commercial yacht (1)
Freighter (3)	motor-sailing freighter (2), sail freighter (1)
Tug (2)	Ocean-going tug (1), autonomous tug (1)

Как видно из таблицы 3, иногда в исследуемом корпусе встречались разные написания номинаций одинаковых судов: *high-speed/highspeed craft, WIG/wing-in-ground effect craft, recreation/recreational craft, fast-rescue/fast rescue boat*. В таком случае подобную пару будем считать одной номинацией.

Общее количество употреблений номинаций типов судов, образованных от рассматриваемых гиперонимов, следующее: *tanker* – 276, *ship* – 188, *vessel* – 166, *carrier* – 130, *boat* – 84, *craft* – 83, *ferry* – 12, *liner* – 4, *yacht* – 4, *freighter* – 3, *tug* – 2. Таким образом, можно отметить, что слова *tanker, ship, vessel, carrier* являются самыми продуктивными с точки зрения словообразования среди исследуемых номинаций. Из общего количества полученных единиц (952) частота употребления номинаций

типов судов, образованных от *tanker, ship, vessel, carrier*, составляет 29%, 19,8%, 17,4% и 13,6% соответственно. Также довольно продуктивными номинациями являются *boat* (8,9%) и *craft* (8,7%). Наименее продуктивные: *liner* (0,4%), *yacht* (0,4%), *freighter* (0,3%), *tug* (0,2%).

Обобщив все вышесказанное, можно утверждать, что анализ созданного корпуса текстов морского английского языка показывает, что наиболее частотными номинациями судов являются *ship* и *vessel*, что можно объяснить тем, что они обладают наиболее широкой семантикой среди лексических единиц, номинирующих суда. Также было выявлено, что имена существительные *tanker*, *ship*, *vessel*, *carrier* являются самыми продуктивными в плане словообразования. Анализ коллокаций номинаций судов как объектов действия с глаголами позволил сделать вывод о том, что чаще всего такие глаголы обладают семантикой вовлечения команды морского судна в какую-либо деятельность или процесса создания / строительства судов.

Литература

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Мартынюк О. А. Корпусная лингвистика и новые возможности лингвистического исследования // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія. 2013. № . 7. С. 27–33.

Международные правила предупреждения столкновений судов в море, 1972 г. (МППСС-72). 5-е изд., испр. М.: МОРКНИГА, 2011.

Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Advice to Masters. Mölndal: PR Offset, 2019.

BLU Code. Code of Practice for the Safe Loading and Unloading of Bulk Carriers. London: IMO, 2011.

Bunker Convention. Arendal: Gard AS, 2013.

Code of Safe Working Practices for Merchant Seafarers. London: TSO, 2019.

CSS Code. Code of Safe Practice for Cargo Stowage and Securing. London: IMO, 2011.

Good Maintenance on Board Ships. Tokyo: ClassNK, 2017.

Guidance on Waste Management for Tankers. London: Intertanko, 2017.

International Code of Safety for Ships Using Gases or Other Low-flashpoint Fuels (IGF Code). London: International Transport Workers' Federation, 2019.

Maritime Logistics Professional. URL: https://www.maritimeprofessional.com/ (дата обращения: 26.06.2021).

Maritime Security Manual. Guidance for Port Facilities, Ports and Ships. London: IMO, 2012.

MARPOL Consolidated edition 2011: Articles, Protocols, Annexes and Unified Interpretations of the International Convention for the Prevention of Pollution from Ships, 1973 as modified by the 1978 and 1997 Protocols. London: CPI Group, 2011.

Sketch Engine. URL: https://www.sketchengine.eu/ (дата обращения: 27.06.2021).

STCW. A Guide for Seafarers. London: International Transport Workers' Federation, 2014.

The OOW Maritime Dictionary. URL: https://officerofthewatch.com/tools/maritime-dictionary/ (дата обращения: 26.06.2021).

The Maritime Executive. URL: https://www.maritime-executive.com/ (дата обращения: 26.06.2021).

E. A. Nilsen, M. N. Malinovskaya
(St.-Petersburg, Russia)
St.-Petersburg State University of Economics

CORPORA STUDIES OF ENGLISH SHIP NOMINATIONS

The article is dedicated to corpora studies of maritime English texts. Sketch Engine is used as the main tool. The most frequent ship nominations are identified as well as the most productive ones. The semantics of the verbs included in collocations with the nominations of ships as objects of action is also established.

Key words: corpora studies, maritime English, vessel/ship nominations.

Е. А. Нильсен, Е. А. Малышева
(Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
janenilsen@mail.ru, lizagrem@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА HAPPINESS В ТЕКСТАХ СМИ (на материале корпусных данных)

На материале текстов СМИ, содержащихся в американском корпусе Corpus of Contemporary American English, рассматривается употребление концепта HAPPINESS. Делается вывод о том, что в представлении американцев HAPPINESS (счастье) реально и достижимо, и заключается в таких вещах, как семья, забота о других, творческая деятельность и не зависит от количества денег. Счастье не достигается коллективными усилиями, каждый человек ищет его сам внутри себя.

Ключевые слова: счастье, концепт, корпусная лингвистика, тексты СМИ.

Все наши знания и представления о мире можно распределить на отдельные концепты. «Концепт – это единица концептуального содержания, выделяемая человеком с целью последующей передачи ее в языковой форме или дальнейшего накопления знаний о мире» [Болдырев 2016: 18]. Концепты является неотъемлемой частью любой культуры [Нильсен 2010: 25]. Человек формирует в своем сознании представление о том или ином предмете или явлении, и это представление получает отражение благодаря языку: с помощью лексических единиц. Однако зачастую концепт включает в себя не только рациональное знание, но и чувственное представление. Процессы восприятия, осмысления и оценки окружающего мира, определяющие деятельность человека думающего и говорящего, т. е. познающего, неотделимы от его чувственной сферы [Филимонова 2012: 186]. Таким образом, чувства также помогают в осмыслении мира, особенно когда речь идет об осмыслении абстрактных понятий.

На сегодняшний день классификация чувств достаточно обширна, и мы без труда сможем отделить счастье от печали, радость от негодования, восторг от страха. Однако если спросить даже у двух случайных людей, что такое, например, счастье, ответы будут различаться. Любой человек понимает, что такое счастье, пока его об этом не спросят [Воркачев 2004: 71]. Для того чтобы ответить на вопрос, что такое HAPPINESS в представлении современных носителей английского языка, в данном исследовании мы обратились к данным корпусов, так как они объединяют множество текстов разных стилей и жанров и дают наиболее полное представление об особенностях экспликации того или иного концепта в текстах определенного периода. Из всего многообразия корпусных баз данных был выбран американский корпус Corpus Of Contemporary American English, объем которого на сегодняшний день составляет более 1 миллиарда текстов, приходящихся на период с 1990 по 2019 год. Конкретно были выбраны тексты публицистического стиля (тексты СМИ), так как такие тексты носят массовый характер и отражают представления большей части населения.

Основным лексическим репрезентантом концепта HAPPINESS в английском языке является существительное *happiness*, образованное от прилагательного *happy* при помощи прибавления суффикса *-ness*. В данном исследовании для поиска в корпусе была взята именно эта лексическая единица. В Оксфордском словаре английского языка представлено следующее определение лексемы *happy*:

Happy adj. (-ier, -iest).

1. feeling or showing *pleasure* or *contentment*.

2. a *fortunate*; characterized by happiness [Murray 1989].

Таким образом, в словаре счастье определяется как «выражение удовольствия, удовлетворения чем-либо» или «удача». Для того чтобы отследить то, как представляют счастье на сегодняшний день, в корпусе был проведен поиск по следующим сочетаниям:

1) *happiness + VERB*;
2) *VERB + happiness*;
3) *happiness and NOUN* (или *NOUN and happiness*);
4) *ADJ + happiness*.

Всего лексема happiness упоминается в 2902 контекстах, отобранных по фильтру MAGAZINE (тексты СМИ). В данной работе были выделены наиболее часто встречающиеся сочетания, к каждому из которых приведено несколько примеров, взятых из корпуса. Рассмотрим отдельно каждое сочетание.

Поиск по сочетанию *happiness + VERB* позволил показать то, насколько в целом счастье представляют в роли субъекта, и что оно означает. По данному сочетанию было выявлено самое меньшее количество примеров, в таблице ниже приведено три наиболее популярных (табл. 1):

Таблица 1

Happiness + VERB

HAPPINESS COMES (16)	Real happiness comes from inside; Happiness comes from work and leisure activities that engage your skills and enable you to get caught up in what you're doing and lose consciousness of yourself; Happiness comes from creating new things and making discoveries; Happiness comes from caring for others and giving whatever we can – help, hope, love, respect, sympathy or just a smile (COCA).
HAPPINESS MEANS (4)	The pursuit of happiness means that our common life is the setting in which the race of life is run; Finding happiness means remembering the importance of home, family and being there for each other (COCA).
HAPPINESS TENDS (3)	Happiness tends to be focused on the here and now, while meaningfulness links past, present, and future (COCA).

Исходя из примеров, представленных в таблице выше, можно сделать вывод о том, что счастье в американской культуре – это, во-первых, реальное абстрактное явление, которое можно получить из разных источников:

семьи, заботы о близких людях, работы, хобби и творчества. Во-вторых, счастье – индивидуально, исходит от самого человека, и фокусируется на «здесь и сейчас», т.е. счастье – это не прошлое и не будущее, а именно настоящее. Эту мысль подкрепляет и суждение, что со стремлением достичь счастья связывается вся наша жизнь, т.е. все, что мы делаем в жизни, и есть бесконечная «погоня за счастьем».

Поиск по сочетанию *VERB + happiness* был сделан для того, что проанализировать роль счастья в качестве объекта, условно говоря, что можно сделать со счастьем. Были выявлены следующие примеры (табл. 2):

Таблица 2

VERB + happiness

FIND HAPPINESS (38)	Despite the earthquake and tragedy, they were able to find happiness in their daily lives; Staying in the present has allowed me to find happiness, even when facing uncertainty; We hear of the world s greatest fathers, mothers who showed their daughters how to find happiness in the simplest things (COCA).
BUY HAPPINESS (23)	We think we can buy happiness, buy a cure or relief of our symptoms, but we can't; Money can't buy happiness (COCA).
BRING HAPPINESS (14)	We teach our kids that money and things don't bring happiness; Whether it's with a charitable organization or personally helping a needy person, volunteering can also bring happiness (COCA).
PURSUE HAPPINESS (12)	Americans believe everyone has the right to dream big dreams and to pursue happiness, and everyone has the right to define those dreams and that happiness on their own terms (COCA).
ACHIEVE HAPPINESS (8)	You can never achieve happiness by making the world conform to your desires (COCA).

Исходя из приведенных выше данных, в большинстве случаях счастье находят, покупают, что-то (не кто-то) счастье приносит, к счастью стремятся и счастье достигают. В сочетании *buy happiness* следует обратить внимание на то, что представлены только отрицательные примеры:

счастье купить нельзя, за деньги счастье не купишь, и материальные блага счастья не приносят. Не приносит счастья и фокусирование только лишь на своих собственных желаниях, а не на желаниях других. Зато бескорыстная забота о других людях может принести ощущение счастья.

При поиске сочетания *happiness and NOUN* (или *NOUN and happiness*) было выявлено самое большое количество примеров (табл. 3). Поиск по данному сочетанию позволил показать то, с чем еще современные американцы сопоставляют счастье:

Таблица 3

Happiness and NOUN

HEALTH AND HAPPINESS (45)	We can't underestimate the link between health and happiness. It's hard to be happy if you're not feeling your best (COCA).
LOVE AND HAPPINESS (26)	The couple embrace as they look forward to many years of love and happiness (COCA).
HAPPINESS AND SUCCESS (19)	For most of us, happiness and success in life hinges on how well we interact with others (COCA).
HAPPINESS AND PEACE (17)	The search for true happiness and peace must start within yourselves (COCA).
JOY AND HAPPINESS (10)	Furthermore, if you shut off your emotions, you will not feel the joy and happiness that drive you toward success (COCA).
HAPPINESS AND WELL-BEING (6)	One of the most important causal factors associated with happiness and well-being is your meaningful connections with other human beings (COCA).
SAFETY AND HAPPINESS (5)	We acknowledge with grateful hearts the many signal favors of Almighty God, especially by affording them an opportunity peacefully to establish a constitutional government for their safety and happiness (COCA).
FREEDOM AND HAPPINESS (4)	I will take life in and savour it, finding freedom and happiness where they're actually attainable – on the inside (COCA).

Как видно из примеров выше, со счастьем, в первую очередь, сопоставляют здоровье, любовь, успех и покой (мир). Радость и благосостояние уходят на второй план, безопасность ассоциируется со счастьем только в контексте

безопасности и счастья государства, реже всего встречается свобода. И не зря часто можно встретить пожелания «счастья и здоровья», «счастья и любви», «счастья и успеха» – эти понятия неразрывно связаны друг с другом.

Последнее сочетание *ADJ + happiness* позволило показать то, каким образом американцы характеризуют счастье (табл. 4):

Таблица 4

– ADJ + happiness

TRUE HAPPINESS (28)	I am happy that he has finally found love and true happiness; The search for true happiness and peace must start within yourselves; I want to remind him that money is not the source of true happiness (COCA).
PERSONAL HAPPINESS (24)	The ability to experience empathy is the secret to personal happiness; Psychological evidence shows that the relationship between consumption and personal happiness is weak; Some research suggests that personal happiness plummets among people obsessed with being rich and buying lots of expensive stuff (COCA).
HUMAN HAPPINESS (23)	There are important psychological benefits as well. The ability to express one's identity via the choices one makes – in everything from the clothes we wear to the charities we contribute to – greatly increases human happiness (COCA).
LASTING HAPPINESS (16)	Scientology holds that «man is a spiritual being… able to accomplish his goals and gain lasting happiness»; Materialistic comforts by themselves have not led to lasting happiness (COCA).

Самое частотное сочетание – истинное счастье, которое возможно найти в любви, в самом себе, в истинных ценностях (не в деньгах). Также на первый план выходит забота о личном счастье, что доказывает тот факт, что счастье индивидуально. И несмотря на то, что счастье находится в настоящем, а не в прошлом или будущем, оно должно быть прочным и длительным.

Итак, проведя корпусное исследование экспликации концепта HAPPINESS в текстах СМИ, можно прийти к выводу о том, что счастье в представлении современных американцев:

– заключается в духовных ценностях (семья, творчество, работа и т. д.), а не в материальных благах;

– относится к настоящему, а не к прошлому и будущему;

– тесно взаимосвязано с такими понятиями, как здоровье, любовь, успех, спокойствие и безопасность;

– индивидуально, и поиск счастья начинается у каждого человека самостоятельно, счастье не достигается коллективными усилиями.

Литература

Болдырев Н. Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 16–25.

Воркачев С. Г. СЧАСТЬЕ как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.

Нильсен Е. А. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных статей. Вып. 2. СПб.: Изд-во «Ютас», 2010. С. 24–30.

Филимонова О. Е. Категория эмотивности в контексте современной когнитивной лингвистики // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 3. С. 184–189.

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: https://www.english-corpora.org/coca/ (accessed 21.03.2021).

Murray J. The Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1989. Vol. 1–20.

E. A. Nilsen, E. A. Malysheva
(St.-Petersburg, Russia)
St.-Petersburg State University of Economics

HAPPINESS CONCEPT IN MEDIA TEXTS (Based on Corpus Data)

The present research considers the explication of the concept of HAPPINESS in media texts contained in the American Corpus of Contemporary American English. It is concluded that in the view of the Americans, HAPPINESS is real and achievable, it lies in such things as family, caring for others, creative activity and does not depend on the amount of money. The research also reveals that happiness is not achieved by collective efforts, but the search for it begins within each person.

Key words: HAPPINESS, concept, corpus linguistics, media texts.

Т. Ю. Передриенко *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский
государственный университет (НИУ)
peredrienkoti@susu.ru

КОГНИТИВНО-КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СИНОНИМИИ В ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье предлагается модель когнитивно-корпусного анализа терминологических единиц, находящихся в синонимических отношениях. Особое внимание уделяется происхождению синонимов, их функции в формировании терминосистемы и изучению тенденции развития метаязыка лингвистики.

Ключевые слова: термин, синоним, языкознание, лингвистика, языковедение, корпусный анализ, Google Books.

Интерес лингвистов к явлению синонимии в терминоведении обусловлен возникновением определенных трудностей в профессиональной коммуникации. Существование синонимичных терминов приводит к неизбежному поиску различий в значении, к сомнениям в корректности понимания научного текста, к содержательному искажению терминологического понятия и к сложности передачи его на иностранный язык. Решение данного вопроса необходимо для определения принципов упорядочивания и систематизации терминологического аппарата.

Отношения к синонимии в терминоведении со временем менялось. Учеными высказывалось мнение об излишнем усложнении языка науки и недопустимости синонимии из-за требования соответствия одного термина одному научному понятию. А. А. Реформатский писал, что синонимия неоправдана в терминологической системе, а использование нескольких синонимических форм создает лишние трудности [Реформатский 1961]. По мнению Е. Н. Толикиной, соответствие знака и обозначаемого в терминологии должно быть однозначным [Толикина 1970: 57].

Но терминологический слой лексики является открытой системой, которая постоянно изменяется благодаря развитию науки, процессу глобализации и увеличению научных взаимодействий. Поэтому появление синонимов является реальностью, которая, как отмечает В. А. Татаринов, позволяет отражать научные понятия с разных точек зрения [Татаринов 1996: 173]. Если синонимичные термины помогают выявить разные признаки понятия, то их появление, в определенной мере, способствует развитию метаязыка науки. Термины-синонимы определяются как тип

семантических отношений, при котором терминологические единицы называют одно понятие, но актуализируют его разные признаки, а также выражают «стилистическое» отношение автора [Татаринов 1996].

Таким образом, появление синонимов в терминологическом аппарате науки является хоть и нежелательным, но неизбежным явлением, требующим комплексного изучения. Исследование синонимических отношений способствует пониманию их роли в терминосистемах, определению тенденций развития этого языкового явления и систематизации терминологических единиц.

Целью статьи является комплексное изучение роли и значимости в терминосистеме единиц синонимического ряда *языковедение – языкознание – лингвистика* для описания модели анализа терминов, находящихся в отношениях семантического тождества.

Термины *языковедение – языкознание – лингвистика* находятся в синонимических отношениях, и практически невозможно выделить доминанту в этом ряду, поскольку в словарях лингвистических терминов они трактуются через друг друга. Например, *языковедение / языкознание* – «то же, что лингвистика», а для термина *лингвистика* предлагается развернутая словарная статья [Ахманова 2009; Розенталь, Теленкова 2008]. В словарях Т. В. Матвеевой и Т. В. Жеребило, полное определение дается термину *языкознание*, а остальные лексические единицы трактуются «то же, что языкознание» [Матвеева 2010, Жеребило 2010].

Рассмотрим компоненты значения терминов. Краткое определение термина предложено в словарях Д. Э. Розенталя, О. С. Ахмановой «наука о языке» и Т. В. Матвеевой «наука о языке во всем его объеме» [Розенталь 2008: 185, Ахманова 2009: 210, Матвеева 2010: 556]. Г. А. Нечаев и Т. В. Жеребило предлагают более подробные определения терминов, в которых акцентируется внимание на том, что изучается в языке «наука о языке, его *природе* и *сущности*, о *структуре*, *происхождении*, *закономерностях развития* языка как единого целого и отдельных составных частей», «наука о языке, его общественной *природе* и *функциях*, его *внутренней структуре*, *закономерностях его функционирования*, исторического *развития*, о *классификации* конкретных языков» [Нечаев 1976: 180, Жеребило 2010: 484]. Таким образом, термины являются абсолютными синонимами (дуплетами), так как они эквивалентны, стилистически нейтральны и соотнесены с одним и тем же научным понятием.

Изучение этимологии терминов показало, что *языковедение* и *языкознание* – исконные термины, образованные путем сложения (язык + ведение, язык + знание), а термин *лингвистика* появился в результате заимствования из французского *linguistique*, образованного от латинского

lingua – язык [Нечаев 1976: 83]. Внутренняя форма терминов *языковедение* и *языкознание* прозрачна и значение понятно всем пользователям, а не только специалистам. Заимствованный термин считается интернационализмом, и это придает ему преимущество в процессе обмена информацией между представителями разных культур.

Заимствование, обусловленное международным сотрудничеством и интернационализацией науки, называют одним из основных источников синонимии в терминосистеме. Ученые отмечают, что иноязычный термин параллельно используется с исконными либо вытесняет его по причинам краткости и понятности в глобальном научном пространстве, а также большей словообразовательной способности.

Потенциал участия термина *лингвистика* в словообразовательных процессах достаточно высок. От него образованы прилагательные (*лингвистический, долингвистический, нелингвистический*), существительное, называющее человека, занимающегося этой наукой (*лингвист*). Термин способен образовывать устойчивые словосочетания, которые становятся новыми лингвистическими терминами (*лингвистика текста*, *лингвистика речи*). В образовании двухсложных терминов также участвует прилагательные, образованные от этого слова (*лингвистическая универсалия, лингвистическая экспертиза, лингвистический эксперимент*). Активная адаптация термина в языке также подтверждается участием его в словосложении при образовании наименований новых научных направлений (*лингвостилистика, лингвоэкология, лингвокультурология, лингвостатистика, нейролингвистика*), которые в свою очередь тоже участвовали в появлении новых прилагательных (*лингвостатистический, нейролингвистический*) и других.

Деривационные возможности исконных терминов достаточно ограничены. От *языковедения* образованы только прилагательное *языковедческий* и существительное *языковед*. Участия термина *языкознание* в словообразовании отмечено не было. Из этого следует, что параллельное существование исконных терминов и заимствованного обосновано, так как термин *лингвистика* способствует развитию терминологической системы.

Для изучения степени популярности синонимичных терминов и определения тенденций их существования обратимся к корпусу Google Books. Обращение к данному корпусу обусловлено тем, что в нем представлены данные оцифрованных книг на разных языках с 1500 до 2019 года, что позволяет оценить частотность употребления терминологических единиц в диахронии с выборкой определенного языка, в нашем случае русского. Провести исследование корпусных данных позволяет сервис Google Books Ngram Viewer (https://books.google.com/ngrams), с помощью которого

можно посмотреть не только частотность употребления терминов в определенный временной период, но и сравнить использование нескольких терминологических единиц. Данные частотности упоминания в корпусе *языковедение, языкознание* и *лингвистика* представлены на Рисунке 1.

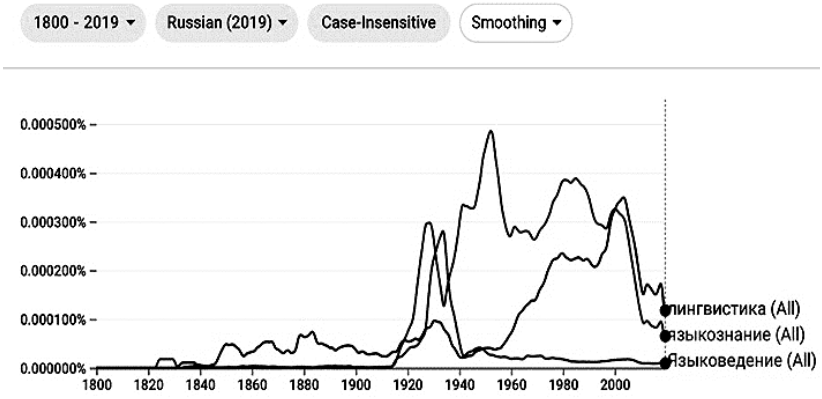


Рис. 1. Данные частотности

Первое упоминание термина *языкознание* фиксируется в 1822 году и частотность его упоминания в корпусе держится на одном уровне до 1832, далее употребление термина в корпусе Google Books приближено к нулю. В 1916 году отмечается резкий подъем частотности употребления лексической единицы *языкознание*, а в 1950-х годах этот подъем доходит до самой верхней точки, причем ни одному другому термину из изучаемого синонимического ряда не удалось достичь такой высокой частоты упоминаний в корпусе. В 1922 отмечается спад частотности употребления, что также происходит и в наше время.

Началом использования термина *языковедение* в представленных в Google Books источниках является 1918 год. С этого периода популярность термина растет и достигает пика в середине 1930-х годов, после частотность употребления *языковедения* резко снижается. В последующий период термин употребляется редко, хотя и не исчезает из языка полностью.

Первое употребление заимствованного термина в русском языке согласно данным корпуса Google Books происходит в 1940-х годах. С этого периода популярность использования термина постепенно растет, но показывает наивысшее значение только в начале XXI века.

Интересно отметить, что *лингвистика* полностью заменяет исконные термины с 1840-х до начала XX века. Однако частотность использования всех терминов резко возрастает с 20-х годов XX века, что объясняется бурным развитием лингвистической науки.

На следующем этапе исследования обратимся к анализу коллокаций-определений, образуемых терминами, чтобы выяснить могут ли *языкознание*, *языковедение* и *лингвистика* замещать друг друга, или же они образуют незаменяемые коллокации, в которых не допускается замена одного элемента другим. Для изучения определения терминов обратимся к данным корпуса Google Books, а также к Национальному корпусу русского языка (https://ruscorpora.ru/new), чтобы расширить возможности поиска. В таблице 1 представлены выявленные коллокации.

Таблица 1

Коллокации терминов

языковедение	**языкознание**	**лингвистика**
сравнительное	сравнительное	сравнительная
общее	общее	общая
научное	научное	научная
описательное	наше	наша
	традиционное	традиционная
	современное	современная
	настоящее	настоящая
	славянское	отечественная
	советское	зарубежная
	русское	прикладная
	свое	структурная
	типологическое	теоретическая
	классическое	диахроническая
		новая
		старая
		коммуникативная
		аналитическая
		занимательная
		любительская
		темпоральная
		функциональная
		коммуникативная
		ареальная
		математическая
		когнитивная
		компьютерная

Часть прилагательных, определяющих изучаемые термины, совпадает, что подтверждает их абсолютную синонимичность в ряде контекстов (*сравнительное(-ая) языковедение / языкознание / лингвистика; общее(-ая) языковедение / языкознание / лингвистика; новое(-ая) языковедение / языкознание / лингвистика*). У термина *языковедение* выявлена самая низкая сочетаемость среди единиц синонимического ряда, что полностью коррелируется с данными корпуса Google Books о его невысокой популярности. У терминов *языкознание* и *лингвистика* выявлено больше совпадающих определений, которые показывают принадлежность (*наше(-а) языкознание / лингвистика*), качество (*настоящее(-ая) языкознание / лингвистика*) и временной период (*современное(-ая) языкознание / лингвистика*).

Однако, присутствуют и отличия, например исконный термин *языкознание* определяется только прилагательными, указывающими на нашу страну (*славянское, советское, русское*), в то время как *лингвистика* образует коллокации с прилагательными *зарубежный* и *отечественный*. Заимствованный термин сочетается с оценочными прилагательными, показывающими его привлекательность (*занимательная лингвистика*), а также прилагательными, характеризующими период существования науки (*новая / старая*). Но главным отличием термина *лингвистика* от его синонимов является участие в названии новых направлений науки о языке (*когнитивная лингвистика, компьютерная лингвистика, математическая лингвистика*) и др.

Когнитивно-корпусный подход к изучению терминов-синонимов показал перспективу использования их в русском языке. В ряде контекстов *языковедение, языкознание* и *лингвистика* являются абсолютными синонимами и могут заменять друг друга, поскольку даже в лексикографических источниках они определяются друг через друга. Но несмотря на существование исконных терминов, заимствованный термин *лингвистика* занимает более активную позицию в языке. Частотность его употребления выше, чем у других единиц синонимического ряда, он образует большее количество коллокаций, участвует в словообразовательных процессах и пополнении метаязыка лингвистики. Термин является интернационализмом и потому преимущество используется при международных контактах. Но полного вытеснения исконных терминов не происходит, так как они имеют свои смысловые связи в языке.

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком: URSS, 2009.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010.

Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1976.

Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 46–54.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008.

Татаринов В.А. Теория терминоведения. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. М.: Московский лицей, 1996.

Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 53–67.

T. Yu. Peredrienko *(Chelyabinsk, Russia)*
South Ural State University (national research university)

COGNITIVE CORPUS APPROACH TO SYNONYMY IN TERMINOLOGY

In the article the model of cognitive corpus analysis of terminological units that are in synonymous relations is proposed. Particular attention is paid to the origin of synonyms, their function in the formation of the terminology system and the study of the development trend of the linguistic metalanguage.

Key words: term, synonym, linguistics, corpus-based analysis, Google Books.

Е.В. Петрухина, М. Де Пой *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
elena.petrukhina@gmail.com, juliusschneider@yandex.ru

ГЛАГОЛЬНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ В НЕФОРМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ РУНЕТА: КОРПУСНЫЙ, КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются заимствованные глаголы, употребляющиеся в неформальной коммуникации пользователей Интернета и называющие использование браузеров и компьютерных программ, обмен информацией, редактирование изображений (*гуглить, лайкать, репостить, скринить, фото-*

шопить и др.). Исследуются семантика и частотность образованных от них дериватов в Генеральном интернет-корпусе и Рунете. На основе полученных данных проводится концептуальный анализ неологизмов.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, неологизмы, количественные данные, корпусные методы, концептуальный анализ.

1. Вступление. Данная статья является продолжением изучения возможностей интеграции концептуального и корпусных методов исследования семантики языковых единиц и конструкций [Петрухина, Шэнь 2019], а также использования Интернета как источника лингвистической информации [Петрухина, Дедова 2019]. Нас интересует формирование и употребление заимствованных глаголов и их адаптация к аспектуальной и словообразовательной системам в текстах неформальной коммуникации пользователей Сети, которая, как известно, несмотря на письменную форму, не регламентируется какими-либо правилами. Совершенствование интернет-поиска способствует изучению новейших процессов в русском языке с привлечением количественных данных.

Исследование заимствованных глагольных неологизмов направлено на выполнение нескольких лингвистических задач. Во-первых, оно восполняет пробелы в изучении заимствованных глаголов, которые описаны, как представляется, в меньшей степени, чем заимствованные имена. Рассматриваемые глаголы и их аффиксация, насколько нам известно, не были еще предметом лингвистического анализа. Во-вторых, заимствованные глаголы с нереализованным потенциалом префиксов и суффиксов дают возможность проанализировать продуктивность моделей деривации и конкуренцию приставок. И, в-третьих, названные традиционные лингвистические вопросы рассматриваются в когнитивно-дискурсивном аспекте, направленном на концептуальный анализ и выявление семантических доминант при номинации динамических явлений в виртуальном пространстве Интернета, в письменных текстах компьютерно опосредованной коммуникации активных пользователей Сети. Данный дискурс связан с формирующейся виртуально-цифровой культурой, в рамках которой коммуникация между людьми и интерпретация внеязыковой действительности происходит по новым законам. Наше исследование подтверждает важный тезис научной школы когнитивно-дискурсивного анализа Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2004, 2006; Заботкина 2015]: «значение слова творится в дискурсе по мере его развертывания онлайн». Изучение данного процесса открывает «доступ к разуму человека и тем мыслительным процессам, которые осуществляются в его мозгу» [Кубрякова 2004: 12; Заботкина 2015: 28–29].

2. Новые глагольные заимствования в коммуникации пользователей сети. Рост количества заимствований из английского языка в течение последних десятилетий объясняется прежде всего внешними причинами: необходимостью номинации новых объектов и явлений, пришедших в современную российскую жизнь из активно на нее влияющих англо-американских и западноевропейских систем культурных, социально-экономических отношений и новых технологий. Поток заимствованных номинаций, связанных с компьютерными технологиями, неизбежен ввиду их нероссийского происхождения и усиливающейся виртуализации современной жизни. Мы продолжаем изучение влияния последней на русскую языковую картину мира [Петрухина 2019].

В настоящее время во всех славянских языках активизируется заимствование из английского языка именно глаголов для обозначения разнообразных действий в виртуальной реальности Интернета. В русском языке наиболее продуктивна деривационная модель с суффиксом *-и-* (которая, например, в чешском языке практически не используется: там преобладает модель с суффиксом -ova- [Bozděchová 2019]), ср., например, новые разговорные глаголы НСВ, образованные от названий программных интернет-продуктов, типа *гуглить, яндексить, инстаграмить, рамблерить, экселить* (с общим значением ‘использовать браузер или компьютерную программу, названные корнем глагола’). Соответственно заимствованные глаголы сейчас входят в русский язык не как двувидовые глаголы, что было характерно для предыдущих периодов заимствований (типа *пропагандировать*, *регламентировать* [Гловинская 2008]), а как глаголы НСВ. Тем самым открывается канал для перфективации заимствованных глаголов при помощи разнообразных приставок.

В данной статье рассматривается деривационный потенциал глаголов, называющих специфические для компьютерных технологий действия пользователей, совершаемые в Интернете и не реализующиеся вне интернет-пространства. Употребляясь в неформальной коммуникации, они имеют разговорный характер. Приведем наиболее употребительные заимствованные глаголы: ***ла́йкать*** (англ. *to like*): ‘помечать сообщение, публикацию с помощью специальной кнопки с пиктограммой или надписью «Like» («Мне нравится»)’, т.е. русский глагол точно выражает одно из значений английского *to like*, которое актуализируется в дискурсе социальных сетей; ***репо́стить*** (англ. *to repost*): ‘делать репост; вторично публиковать сообщение, размещённое другим пользователем, со ссылкой на источник’; ***скри́нить*** (англ. *a screenshot (‘снимок экрана’) / to take a screenshot* // *to screenshot:* предполагаем такую словообразовательную

цепочку: *screenshot* > *скриншот* > *скрин* > *скринить*) ‘делать скриншот (снимок экрана)’; ***фотошóпить*** (англ. *to photoshop*): ‘обрабатывать фотографию графическим редактором Adobe Photoshop или другим аналогичным редактором’.

Так как рассматриваемые глагольные неологизмы употребляются в общем жаргоне пользователей Сети, в Национальном корпусе русского языка они не зафиксированы (кроме единичных употреблений глагола *фотошопить*). Поэтому для их изучения мы используем Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ, http://www.webcorpora.ru/), мегакорпус (охватывающий 10 млрд словоупотреблений), созданный при помощи полностью автоматической технологии сбора и разметки текстов из Рунета. Особый интерес представляют тексты таких ресурсов ГИКРЯ, как ВКонтакте, Живой Журнал и Блоги Мейл.ру, в которых зафиксирована компьютерно опосредованная разговорная речь в письменной форме (с начала 2000-ных годов до 2016 г. включительно). Для проверки тенденций употребления отмеченных неологизмов (с учетом и последних пяти лет) мы используем также количественные показатели их употребления на сайтах Интернета, полученных при помощи браузера Яндекс.

3. Деривация от глагольных заимствований: новые гнезда и частотность неологизмов. Можно согласиться с тем, что дериваты, образованные от англицизмов, уже не относятся к заимствованной лексике [Дьяков 2001: 70]. Действительно, присоединение к заимствованным корням русских аффиксов вводит производные слова в словообразовательные гнезда, типы и категории, в грамматическую систему, тем самым укрепляя положение дериватов в лексической системе русского языка. Приведем словообразовательные гнезда неологизмов, созданные в последние десятилетия от заимствованных корней, фиксируя те глаголы, которые представлены в ГИКРЯ и Рунете: ***лайкать*****:** *отлайкать, залайкать, пролайкать; отлайкивать, залайкивать, пролайкивать, лайкнуть;* ***репостить*****:** *отрепостить, зарепостить, прорепостить; отрепощивать, зарепощивать, прорепощивать, репостнуть;* ***скринить*****:** *отскринить, заскринить, проскринить; отскринивать, заскринивать, проскринивать;* ***каверить*****:** *откаверить, закаверить, прокаверить, закаверивать;* ***фотошопить*****:** *отфотошопить, зафотошопить, профотошопить; отфотошопливать, профотошопливать, зафотошопливать.*

Сопоставление количественных данных об употреблении названных глаголов в ГИКРЯ и в Рунете (см. ниже таблицу 1) подтверждает предполагаемый рост их употребительности. Конечно, при оценке количественных показателей поиска в Интернете необходимо учитывать влияние зеркал

и копий, а также другие технические факторы, ограничивающие достоверность количественных показателей интернет-поиска, подробно описанные в [Петрухина, Дедова 2019]. Тем не менее сама возможность поиска в Интернете неузуальных неодериватов впервые в истории коммуникации масштабно фиксирует и позволяет изучать самые актуальные языковые процессы. Лингвистическая ценность такого исследования повышается, если сопоставляются конкурирующие неодериваты, количественные данные по которым получены при помощи браузера в один период времени. Используя такие методы, можно изучать формирование нового лексикона, обслуживающего виртуальную реальность.

Таблица 1

Количественные данные об употреблении глаголов в ГИКРЯ и в Рунете

Неологизмы	**Частотность: ГИКРЯ**	**Частотность: Яндекс, дата обращения: 08.07.–10.07.2021.**	**Соотношение частотности**
лайкать	57 594	454 000	7,88 (=454 000: 57 594)
лайкнуть	57 500	416 000	7,23
пролайкать	1378	21 000	15,24
залайкать	752	38 000	50,53
отлайкать	138	10 000	72,46
фотошопить	5 097	69 000	13,54
отфотошопить	1 804	72 000	39,91
зафотошопить	640	8 000	12,50
профотошопить	22	3 000	136,36
репостить	232	87 000	375
репостнуть	21 500	74 000	3,44
отрепостить	191	8 000	41,88
зарепостить	163	10 000	61,35
скринить	2 075	51 000	24,58
заскринить	2 687	45 000	16,75
отскринить	114	9 000	78,95
проскринить	10	3 000	300

Как следует из сопоставления количественных данных ГИКРЯ и Яндекса, соотношение частотности глагольных неологизмов внутри данной тематической группы в целом сохраняется (с небольшими вариациями). Существенно изменилась и выросла частотность базового глагола *репостить*, что соответствует тенденциям развития интернет-коммуникации. Значительно больший, чем средний, относительный показатель частотности глагола *репостить* в Рунете связан, возможно, также с тем, что результат интернет-запроса включает и словарные статьи Викисловаря и других пользовательских словарей и технических инструкций типа *Как репостить ВКонтакте*, причем в последние годы число таких технических сайтов растет. Из ГИКРЯ подобные тексты, как показывает наша выгрузка, были исключены. Глагол же *репостнуть*, который отмечен наименьшим ростом частотности, этот процесс затрагивает в меньшей степени, что связано прежде всего с явным разговорным характеромэтого глагола, препятствующим его вхождению в подобные «технические» тексты. В целом надо отметить высокую частотность глаголов СВ с приставками *за-, от-, про-* (*залайкать, зарепостить, отскринить, проскринить*). Бо́льшую частотность перфективов демонстрируют синонимичные аналитические предикаты, извлеченные из ГИКРЯ (запрос включает указание на возможный промежуток между членами аналитического предиката длиной до трех слов: [lemma=«ставить»][]{0,3}[word=«лайк»], подобный поиск невозможен в Интернете). Предикат *поставить лайк* (с частотностью 189 096) употребительнее соответствующего видового коррелята *ставить лайк* (93 557) почти в 2 раза. А соотношение количественных показателей конструкций *сделать репост* к *делать репост* соответствует 6,4(=4 997: 780).

4. Анализ адаптации глагольных неологизмов к аспектуальной системе русского языка. Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что аспектуальная система русского языка активно осваивает заимствованные глаголы регулярным для нее способом. При этом полученный заимствованиями статус глаголов НСВ открывает канал префиксации, в результате чего для одного глагола НСВ образуется сразу несколько префиксальных коррелятов СВ с приставками *за-, от-, про-,* часто употребляющихся как синонимы. Приведем несколько примеров (из ГИКРЯ) синонимичного употребления приставочных дериватов как парных перфективов к базовым глаголам НСВ (*лайкать, репостить, скринить, фотошопить*):

Други и подруги, давайте все дружно ***отлайкаем*** *предпоследнюю запись на моей странице! Задача простая –* ***залайкать*** *пост [и] пере-*

постить! Буду признательна всем, кто ***отрепостил*** *и поделился контактами видеооператора. Мое фото публично* ***зарепостили*** *в народных новостях на samaratoday.ru! Я бы хотела вас всех попросить, чтобы вы* ***прорепостили*** *мои две первые записи. Братва, кто может божественно* ***отфотошопить*** *чек? Кидайте фотки и говорите, как* ***зафотошопить****, я в свободное время буду фотошопить. И эти два ужасных прыщика! Можно было и* ***профотошопить****, но не стала.*

Но под влиянием контекста данные приставки могут получать дополнительные оценочные значения, становясь выразителями количественных способов действия, т. е. прежде всего интенсивности и повторяемости, например: Она *всю стену* «***зарепостила****» кулинарными рецептами, не умея банально варить пельмени. [Девушки] которые потратили 3 часа на прическу и макияж, а потом* ***зафотошопили*** *себя до смерти.*

Вторичные имперфективы *отлайкивать, залайкивать, пролайкивать, отфотошопливать, зафотошопливать, профотошопливать, отскринивать, заскринивать* и др. в ГИКРЯ имеют единичные примеры употребления, в Рунете нам не удалось обнаружить контексты с ними. Обычно они употребляются там, где нужно подчеркнуть регулярность результативных действий, ср.: *В супружеские обязанности добавился еще один пункт –* ***пролайкивать*** *все фотки своей жены в соцсетях.*

5. Концептуальный анализ глаголов, называющих действия в компьютерно-цифровой реальности. Настоящая статья рассматривает такой этап развития «языка Интернета», когда от номинации новых вещей: программ, электронных продуктов, приложений, блогов и под., появившихся в цифровом мире, – интернет-язык перешел к формированию глаголов, обозначающих то, что делают с этими вещами [Steinmetz 2018]. По мнению П. Соколовски, главного редактора словаря Merriam-Webster, глаголизация номинаций компьютерных серверов, программ и приложений, в частности *Google → to google*, отражает повсеместное доверие людей цифровым технологиям и современный образ мышления англоговорящих пользователей сети [Steinmetz 2018]. Так, зафиксированный в Merriam-Webster в 2018 г. глагол *to instagram*, по мнению К. Стайнметц, отражает систему ценностей пользователей Интернета, оценивающих свой опыт с точки зрения того, можно ли ту или иную информацию и фотографии разместить в Инстаграме или нет [Steinmetz 2018].

Наше исследование ставит проблему концептуального анализа на языковом материале новых правил коммуникации в Сети. Здесь мы приведем лишь некоторые примеры, эксплицитно формулирующие сетевые законы коммуникации, а также ее коммерциализацию (дата об-

ращения 05.07.2021): *Меня **лайкнули**, значит я существую, вот такая сейчас психология. Закон дружбы: в восторге можешь ты не быть, но **лайкнуть** все равно обязан. Появились лайкообменные сети: ты **лайкни** меня, я за это **лайкну** тебя, кто не хочет **лайкать**, платит.*

Глаголы *репостить* и *скринить* и их однокоренные дериваты называют новые формы обмена информацией (копирования с указанием источника) и ведения диалога. Употребление первого во многих текстах также отражает коммерциализацию этого действия, а именно «накрутку репостов». Заслуживает концептуального анализа и употребление глагола *фотошопить* с производными, служащими созданию мнимой «улучшенной» реальности [Петрухина 2019].

6. Заключение. Наше исследование показало, что глаголизация продуктов цифровых технологий в Рунете идет даже более активно, чем в англоязычном Интернете, где нет, например, глагольных соответствий неологизмам *рамблерить, экселить*, созданных на русской почве от номинаций соответствующих программных продуктов, при этом такой глаголизации способствуют грамматическая категория вида и словообразовательные акциональные категории русского глагола.

Виртуальное общение все чаще заменяет реальное, модифицируя правила человеческой коммуникации. Но категоризация действий в виртуальном пространстве Рунета подчиняется тем же законам русского языка, которые регулируют категоризацию динамических явлений во внеязыковой реальности: новые глаголы включаются в видовое противопоставление при помощи аффиксальной деривации. Доминантный характер перфективации исходного глагола НСВ с иноязычным корнем для категоризации явлений виртуального динамического мира подчеркивается задействованием целого ряда префиксов, способных выражать завершение действия и его конечный предел (*за-, от-, про*), префиксы *с-* и *по-* при этом не используются. Выбор префиксов (а также суффикса *-ну-*) во многом определяется их способностью к экспрессивизации и выражению интенсивности действия, что для дискурса неформальной коммуникации пользователей Сети является определяющим.

Новые возможности масштабных количественных исследований употребления неологизмов в Рунете на основе поисковых систем браузеров, а также в Генеральном интернет-корпусе (имеющем значительные преимущества для поиска изучаемых лексем в сравнении с Рунетом, но, к сожалению, с 2017 г. не пополняющемся новыми текстами) позволяет выявить тенденции неодеривации на основе заимствований в «языке Интернета», влияющем на русскую языковую картину мира.

Литература

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 187–271.

Дьяков А. И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте: дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2001.

Заботкина В. И. (ред.). Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е. С. О реализации значений слова в дискурсе // Язык и действительность: сб. науч. трудов памяти В. Г. Гака. М.: УРСС, 2006. С. 367–371.

Петрухина Е. В., Дедова О. В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 137–159.

Петрухина Е. В., *Юйе Шэнь.* Интеграция корпусного и концептуального анализа неагентивных конструкций // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 419–430.

Bozděchová I. Slovotvorná adaptace nových anglicismů v češtině // Глабалізацыя і славянскае словаўтварэнне: XVI Міжнародны з'езд славістаў (Сербія, Бялград, 19–27.08.2018): Тэматычны блок. Мінск: Права і эканоміка, 2019.

Steinmetz K. 'Instagram' Is Officially a Verb, According to Merriam-Webster. URL: https://time.com/5386603/instagram-verb-merriam-webster/ (accessed 08.04.2021).

E. V. Petrukhina, ***M. E. DePoy*** *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

VERBAL NEOLOGISMS IN INFORMAL COMMUNICATION OF RUNET USERS: CORPUS, QUANTITATIVE AND CONCEPTUAL ANALYSIS

The article discusses borrowed verbs found in informal communication of internet users and naming the use of browsers, computer programs, information exchange and image editing (guglit' 'to google', lajkat' 'to like', repostit' 'to repost', skrinit' 'to take a screenshot', fotoshopit' 'to photoshop', etc). Semantics and frequency of derivatives formed from them in the General Internet Corpus and the Runet are investigated. A conceptual analysis of neologisms based on the data obtained is carried out.

Key words: internet communication, borrowings, neologisms, quantitative data, corpus methods, conceptual analysis.

Е. В. Плисов, А. А. Оладышкина
(Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина
e_plissov@mail.ru, a.a.oladyshkina@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ (на материале корпусных данных)

В статье анализируются особенности концептуализации феномена глобализации на примере лексемы-номинанта “Globalisierung“ в современном немецкоязычном медийном дискурсе с привлечением корпусных данных. Концептуальная сеть ключевой лексемы моделируется на основе данных Мангеймского корпуса немецкого языка, устанавливаются основные пути концептуализации, тематические рубрики, динамика вхождений в корпус, проводится кооккурентный анализ частотных коллокатов, определяются проблемы использования корпусных данных в когнитивных исследованиях.

Ключевые слова: концепт GLOBALISIERUNG, концептуальная сеть, коллокат, медийный дискурс, корпусная лингвистика.

Соотнесение процессов глобализации с языком приводит нас к пониманию ее сущности в ракурсе семиотических систем, она определяется как мировой процесс «трансформации символов и символических форм, в ходе которого фальсифицируются, верифицируются, и/или переопределяются существующие в каждом обществе ценности, нормы, социокультурные практики, конституирующие общество и институционализированные в двух основных измерениях – социально-эпистемологическом и структурно-институциональном» [Кардонова 2007: 12–13]. В первом измерении выделяются такие важнейшие компоненты, как социальная идентичность, социальные представления, социальные санкции и др., а второе охватывает социальные институты и практики коллективного бытия – государство, идеологию, религию, образование, культуру. В этом ключе возможно лингвистическое рассмотрение глобализации, в рамках которого язык определяется как инструмент создания социальной реальности (см. подробнее [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012]). Языковая категоризация также имеет «социальное» преломление, основанное

на различных связях, которые существуют между языковыми структурами и структурами знания, и специфике познавательных процессов [Кубрякова 2004].

Другой важной особенностью глобальных процессов является трансформационный потенциал коммуникативных практик, встроенных в современный медийный дискурс и культуру в целом [Афанасьев 2020]. Особую роль в экспликации современного общественного сознания играют базовые концепты, в которых закрепляется общественное мировидение, в частности концепт ГЛОБАЛИЗАЦИЯ. По мнению исследователей, этот концепт имеет четко эксплицированное лингвокультурное измерение и разнообразную лексикализацию [Глебова 2018], участвует в конструировании элементов современной системы морали языковой личности [Gryaznova etc. 2020], изучение глобализации с помощью системного анализа дает более четкое представление о социальной реальности [Ворохобов 2016; Зимина, Вашунина 2020], проникает в метаязыковую плоскость описания языковых явлений [Голубева 2012].

Целью данной работы является описание способов концептуализации концепта GLOBALISIERUNG на основе анализа лексических взаимосвязей языковой единицы *Globalisierung* с помощью метода построения концептуальной сети [Гольдберг 2008]. Для анализа особенностей концептуализации в немецкоязычном медийном дискурсе использовались данные корпуса немецкого языка *Deutsches Referenzkorpus*. Когнитивно-семантический метод позволил выявить частотные коллокаты лексемы *Globalisierung* в современных медиатекстах и определить наиболее активные тематические сферы, задействованные в создании концептуальной сети ключевой лексемы. Эта методика была апробирована ранее при анализе лингвоидеологического концепта HEIMAT [Плисов, Прокопьева 2017].

Запрос (дата обращения 02.02.2021) выявил 120 898 вхождений лексемы *Globalisierung* в 83 755 текстах, преимущественно в германских (67,24%) и швейцарских (20,87%), а также австрийских (11,23%) и люксембургских (0,66%) изданиях, первое упоминание относится к 1965 г. Две самые частотные тематические рубрики, в текстах которых употребляется лексема *Globalisierung*, связаны с политикой: политика (внутренняя политика) – 25 243 вхождения (20,88%) и политика (за рубежом) – 22 454 вхождения (18,57%). Далее в порядке убывания представлены тематические рубрики, в которых выявлена частотность вхождений анализируемой лексемы: 8759 вхождений – культура (литература), 7485 – свободное время (путешествия), 5968 – наука (научно-популярная

сфера), 5890 – государство и общество (семья), 3901 – экономика и финансы (баланс), 3843 – экономика и финансы (банки), 3682 – государство и общество (работа и профессия), 3198 – государство и общество (церковь), 2253 – культура (изобразительное искусство), 1955 – экономика и финансы (валютный рынок), 1755 – культура (музыка), 1551 – культура (кино) и др. Приведенные данные свидетельствуют о том, что распространение лексемы *Globalisierung* в большей степени (более 40% всех вхождений) касается сферы внутренней и внешней политики, а в остальном – разнообразной по составу сферы общественных отношений – науки, экономики, религии, культуры.

Результаты анализа демонстрируют последовательный рост относительной частоты употреблений за последние десятилетия: в 1990–1999 гг. – 18 019 вхождений в 11 877 текстах, в 2000–2010 гг. – 64 808 вхождений в 43 673 текстах, в 2010–2019 гг. – 38 027 вхождений в 28 167 текстах. Обработка результатов поиска и более детальный контекстуальный анализ показывает, что концептуальная сеть состоит из лексических единиц самых разных тематических и семантических групп, при этом отсутствуют явные фавориты среди коллокатов. Результаты кооккурентного анализа позволили установить коллокаты лексемы *Globalisierung* и частоту их комбинации в контексте: *Zeitalter* – 4043, *Zeiten* – 4037, *Folge* – 2925, *Wirtschaft* – 2345, *Herausforderung* – 1844, *Digitalisierung* – 1410, *Welt* – 1387, *Märkte* – 1346, *Thema* – 1172, *Chance* – 1135, *Auswirkung* – 1090, *Angst* – 877, *Antwort* – 862, *international* – 851, *fortschreiten* – 749, *Europa* – 744, *Verlierer* – 694, *neoliberal* – 641, *wirtschaftlich* – 634, *gerecht* – 620, *Menschen* – 604, *bedeuten* – 593, *Gewinner* – 586, *Zeichen* – 576, *Kapitalismus* – 571, *Prozess* – 562, *Migration* – 547, *Begriff* – 533, *Entwicklung* – 528, *zunehmend* – 501, *Politik* – 493, *Opfer* – 400, *Probleme* – 397, *Liberalisierung* – 378, *Gestaltung* – 373, *Klimawandel* – 363, *Weltwirtschaft* – 359, *Freihandel* – 357, *europäisch* – 350, *Internet* – 336, *Finanzmarkt* – 329, *Internationalisierung* – 329, *Europäisierung* – 316, *Druck* – 313, *Gefahr* – 299, *sozial* – 294, *Rahmen* – 291, *Gegner* – 282 и т.д.

В первую очередь, для концептуализации феномена глобализации характерен темпоральный аспект, она осознается, с одной стороны, как важное явление современного мира, а с другой – как самостоятельный этап в исторической перспективе, например: *Im Zeitalter der Globalisierung, in dem Krisen auf einem Kontinent Ereignisse in anderen Teilen der Welt beeinflussten, könne sich die Supermacht nicht einfach zurückziehen, argumentiert der Internationalist* (St. Galler Tagblatt,

17.09.2014); *In den schnellen Zeiten der Globalisierung ist es richtig, die verkrusteten bürokratischen Strukturen in Schulen zu lösen und ihnen mehr Eigenverantwortung zu übertragen – bei Personalentscheidungen, Budgetplanung und Profilbildung* (Braunschweiger Zeitung, 17.05.2006).

Характерной чертой организации концептуальной сети является наличие целой группы наименований из экономической сферы, ведущие позиции занимают коллокаты *Wirtschaft*, *wirtschaftlich*, *Märkte*, *Kapitalismus*, *Weltwirtshaft*, *Freihandel*, *Finanzmarkt*, например: *Ähnlich wie Roger de Weck sieht Julian Nida-Rümelin die liberale Weltordnung zu einer „Strategie des Staatsabbaus und der finanzwirtschaftlichen Globalisierung" herabgesunken, instrumentalisiert durch wirtschaftliche und geostrategische Interessen; gegen ihre autoritären, populistischen, nationalistischen Feinde wird sie so schwerlich bestehen* (Süddeutsche Zeitung, 17.08.2020); *Unsere Arbeitswelt hat sich in den letzten Jahrzehnten stark verändert. Die Globalisierung der Märkte, der permanente Wissenszuwachs, die Digitalisierung in Unternehmen, neue Arbeitsplatzkonzepte und die zunehmende Geschwindigkeit im Austausch von Informationen sind Entwicklungen, die uns fordern* (Mannheimer Morgen, 31.03.2015).

Анализируемая лексема часто воспроизводится в коллокации с лексемами, которые обозначают глобальные процессы не только в экономике, но и в политике, культуре, охране окружающей среды, медиапространстве, например: *Die Geschichte von Ebru Düzgün ist die Geschichte einer Postmigrantin unter den Vorzeichen der Globalisierung in Politik und Kultur* (Der Spiegel, 17.08.2019); *Generell, sagt Professor Pfahl-Traughber, nehme die Politisierung zwar leicht ab, während die Gewaltbereitschaft zunehme. Doch noch immer gingen Ideologie und Randale Hand in Hand. Hier die typische Antihaltung (gegen Globalisierung, Faschismus, Neoliberalismus, Gentrifizierung et cetera); dort die Gewalt als Tabubruch im «Schweinesystem» und Teil der Selbstvergewisserung, nach dem Motto: Ich zünde Barrikaden an, also gehöre ich dazu. Gewalt gelte als eine Art Selbstverwirklichung* (Tages-Anzeiger, 11.07.2017); *Längst ausgestorben geglaubte Krankheiten kehren zurück – durch Klimawandel und Globalisierung* (Hamburger Morgenpost, 25.09.2014); *Die Globalisierung ist nicht für geschlossene Gesellschaften und Systeme geschaffen* (Süddeutsche Zeitung, 03.02.2006). Глобализация часто отождествляется с актуальными процессами цифровизации в банковской сфере, образовании и здравоохранении, искусстве, книгоиздании, в области науки и технологий. Подтверждением этого являются результаты автоматизированного анализа тематических рубрик дигита-

лизированных текстов, включенных в корпус (см. выше). Основными коллокатами лексемы *Globalisierung* становятся лексемы *Digitalisierung*, *Automatisierung*, *Medialisierung*, *Mediatisierung*, *Robotisierung*, *Fusionierung*, *Turboisierung* и др., например: *Beamte, die den Osten fit für die Zukunft machen wollten, also der Globalisierung, der Digitalisierung und dem Aufbau einer Dienstleistungs-und Wissensgesellschaft aufgeschlossen gegenüberstünden, dürften keinen abgeklärten Adlerblick haben, sondern müssten diese Erfordernisse in der Region erleben* (Nordkurier, 18.05.2001); *Seit Beginn des Jahrtausends haben sich Kunst, Kultur und Wissenschaft durch Globalisierung, Digitalisierung und Medialisierung tief greifend verändert. Die Forschung – gerade im Bereich der Provenienz – ist schneller geworden, internationaler und politischer. Museen präsentieren ihre Sammlungen in den sozialen Netzwerken, suchen ihr Publikum auf der ganzen Welt* (Die Zeit, 09.07.2020); *Ein neuer Fachbereich „Literatur" hat am Department für Arts und Management der Donau-Universität seine Arbeit aufgenommen. Er wird sich in Lehre und Forschung auf die Vermittlung und Veränderungen der Literatur durch Digitalisierung und Globalisierung auf Leseverhalten, Schriftkultur und die gesellschaftliche Rolle von Literatur konzentrieren* (Niederösterreichische Nachrichten, 12.11.2007).

В ходе исследования была выявлена яркая аксиологическая направленность контекстов, в которых коллокаты находятся в семантической дистрибуции с лексемой *Globalisierung*, основными кооккурентами анализируемой лексемы являются языковые единицы *Gewinner* и *Verlierer*, их позиционные особенности свидетельствуют о неоднозначности отношения языкового коллектива к явлению глобализации, у которой обнаруживаются позитивные и негативные стороны, например: *Unsere Leute haben in der Regel eine fundierte Analyse und stellen genau fest, dass Globalisierung Gewinner und Verlierer produziert. Auf der Gewinnerseite stehen Konzerne wie DaimlerChrysler. Auf der Verliererseite sind Menschen in der Dritten Welt, aber auch in den Industrieländern* (FOCUS, 28.01.2002); *Das erklärte Ziel des Weltwirtschaftsforums (WEF) in Davos ist es, Brücken zu bauen zwischen Unternehmern, Politikern und Meinungsführern aller Kontinente. Doch zum Ende des sechstägigen Forums in den Schweizer Alpen ist am Dienstag vor allem eines klar geworden: Der Graben zwischen den Gewinnern und Verlierern der Globalisierung, zwischen den Internet-Nutzern und Menschen, die noch nicht einmal einen Telefonanschluss besitzen, wird immer tiefer* (Rhein-Zeitung, 02.02.2000).

Результаты кооккурентного анализа все же свидетельствуют о том, что большая часть оценочных коллокатов носит пейоратив-

ный характер, проблемный характер глобализации тематизируется с использованием коллокатов *Herausforderung*, *Angst*, *Verlierer*, *Opfer*, *Probleme*, *Druck*, *Gefahr*, *Gegner* и т.п., например: *Mit der Globalisierung würden die Probleme noch wachsen* (Nordkurier, 23.04.2018); *Sie nehmen gegen die Gefahren der Globalisierung Stellung, sprechen sich aber für eine Europäische Union aus?* (Tiroler Tageszeitung, 02.11.1996); *Aber auch das produzierende Gewerbe, das als der Verlierer der Globalisierung galt, kann durchatmen* (Hannoversche Allgemeine, 09.04.2008). Приведенные коллокаты выступают в качестве ключевых лексем, передающих оценочное значение исследуемого феномена [Слободенюк, Плисов 2020: 51], например, типичным является использование основной лексемы-номинанта концепта в коллокации с лексемами, обозначающими отрицательные стороны феномена глобализации (*Flüchtlinge*, *Angst*, *Überfremdung*, *Abgehängtsein*, *Zweitklassigkeit*, *Enttäuschung*, *Armutsrisiko*, *Verwerfung*), например: *Dazu geführt hat im Osten auch die Flüchtlingsfrage; aber nicht allein. Hinzu kommen Angst vor Globalisierung und Überfremdung, das Gefühl des Abgehängtseins und der Zweitklassigkeit, Enttäuschung über nicht eingelöste Versprechungen, Angst vor Armutsrisiko. All das gibt es auch im Westen – aber bei Weitem nicht so ausgeprägt und mit solch extremen politischen Verwerfungen* (Berliner Morgenpost, 02.10.2017).

Как показали результаты анализа, специфика концептуальной сети лексемы *Globalisierung* в немецкой языковой картине мира заключается в отсутствии абсолютных лидеров в коллокационной сети, вместе с тем определенные предпочтения сконцентрированы вокруг экономической сферы и концептуализации феномена глобализации через тесные взаимосвязи с такими понятиями, как *эпоха*, *времена*, *влияние*, *вызовы*, *процесс*, *шанс*, *либерализация*, *миграция*, *политика*, *цифровизация*, *изменение климата* и др. Глобализация также осознается как процесс, значимый конкретно для Европы (*Europa*, *europäisch*, *Europäisierung*), но при этом тесно связан с мировыми процессами (*Welt*, *international*, *Internationalisierung*). Основная тенденция в аксиологическом разграничении направлена на то, что глобализация несет с собой много проблем и больше отрицательных, опасных явлений, чем положительных (*Angst*, *Opfer*, *Verlierer*, *Gefahr – Gewinner*, *gerecht*). Проведенное исследование позволяет также построить динамическую модель представления глобализации в языке с учетом динамики развития языковой ситуации и информационных процессов. Вместе с тем наблюдается и несколько проблемных зон, связанных с анализом концептуализации отдельных феноменов на основе корпусных данных. Во-первых, должны быть

учтены критерии репрезентативности и сбалансированности отдельных корпусов, в том числе представленности современных медийных текстов (объем, национальный характер, качественная пресса, доля региональных изданий и т. д.). Во-вторых, при проведении анализа следует принимать во внимание регулярное обновление корпуса и «неокончательный» характер результатов кооккурентного анализа, что отражает динамический характер языковых процессов.

Литература

Афанасьев С. В. Обоснование актуальности разработки субстратно-атрибутивной модели информационной культуры в рамках философии культуры // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 3. С. 10.

Ворохобов А. В. Антропологическое осмысление концепта «природа» в творчестве Райнхольда Нибура // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9 (100). С. 358–361.

Глебова Е. А. Концепт медийной глобализации на материале англоязычных СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 166–171.

Голубева Н. А. Глобализация проблемы прецедентности в лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 49–52.

Гольдберг В. Б. Словоупотребление как реализация динамичности концептуальной сети // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 15–24.

Зимина М. В., Вашунина И. В. Сопоставление концептов AMERICA и RUSSIA в американской языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2020. № 41. С. 221–225.

Кардонова И. А. Глобализация как социокультурная трансформация: институциональная перспектива: автореф. дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2007.

Кирилина А. В., Гриценко Е. С., Лалетина А. О. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1(15). С. 18–37.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Плисов Е. В., Прокопьева Н. Н. Концептуальная сеть лексемы Vaterland в иерархической организации концепта HEIMAT в немецком языке // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 196–199.

Слободенюк Е. А., Плисов Е. В. Вербальная репрезентация образа политика в медиадискурсе: концептуальный анализ. Нижний Новгород: Мининский университет, 2020.

Gryaznova E. V., Goncharuk A. G., Plisov E. V., Ageeva E. L., Parilov O. V. The Problem of Russia' Cultural Identity in the Era of Globalization // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences EpSBS. Nizhny Novgorod, 2020. P. 336–341.

E. V. Plisov, A. A. Oladyshkina *(Nizhny Novgorod, Russia)*
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

CONCEPTUALIZATION OF THE GLOBALIZATION PHENOMENON IN MODERN GERMAN MEDIA DISCOURSE (Based on Corpus Data)

The article analyzes the features of the conceptualization of the phenomenon of globalization, taking the modern German-language lexeme-nominee «Globalisierung» used in media discourse as an example. The corpus analysis shows that the conceptual network of the key lexeme is modeled on the basis of data from the Deutsches Referenzkorpus. The main ways of conceptualization, thematic headings, the dynamics of entries into the corpus are established, a co-competitive analysis of frequency collocates is carried out, the problems of using corpus data in cognitive research are determined.

Key words: the concept GLOBALISIERUNG, conceptual network, collocate, media discourse, corpus linguistics.

Е. М. Позднякова, Е. В. Суворина *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ,
Московский городской педагогический университет
helenpozdnyakova@yandex.ru, SuvorinaEV@mgpu.ru

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ КОЛЛОКАЦИЙ *ADJ+BRITAIN, ADJ+ENGLAND, ADJ+AMERICA*

В статье представлены результаты анализа языковых репрезентаций в конструкциях adj+Britain, adj+England, adj+America в корпусе COCA. Показано изменение лингвокогнитивных характеристик лексических профилей в период 1990–2019 гг. Обнаружено явление семантической дифференциации лексических единиц Britain и England в американском варианте современного английского языка.

Ключевые слова: лингвистический корпус, корпусный менеджер, коллокация, лексический профиль, когниция.

Изучение процессов межкультурной коммуникации и взаимодействия между разными странами представляет собой актуальную задачу в современных гуманитарных исследованиях. Обычный подход к такого рода исследованиям базируется либо на политологическом анализе, либо на case-study

подходах, базирующихся на результатах социологических опросов (социометрические исследования). Первый подход страдает от субъективизма исследователя, который чаще всего «обслуживает» текущие политические интересы руководства своей страны. Второй подход может, в принципе, продуцировать объективные результаты при корректном использовании соответствующих статистических методов. Однако этот подход страдает отсутствием воспроизводимости результатов и общей в социометрике проблемой однородности и несмещенности выборки реципиентов опроса.

Н. Н. Болдырев отмечает: «…В попытке понять принципы работы человеческого сознания ведущие ученые разных специальностей (психологи, лингвисты, медики, математики, физики, информатики, философы) пришли к общему выводу, что единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает естественный язык» [Болдырев, 2020: 5]. Таким образом, объективную картину восприятия другой страны можно построить с использованием методического аппарата корпусной лингвистики. Корпус COCA (Corpus of Contemporary American English) является мультиисточниковым корпусом, снабженным эффективным корпусным он-лайн менеджером и содержащим более 1 миллиарда слов (http://english-corpora.org/coca). Поскольку корпус представляет собой мгновенный «слепок» живого развивающегося языка, а когнитивные процессы находят отражение в письменной и устной речи человеческих индивидуумов, то, анализируя в диахронии, динамику изменения лексических профилей таргетного термина можно делать выводы об изменении когнитивного восприятия анализируемого объекта.

В результате глобализации США и Великобритания стали странами довольно близкими ментально и культурно. Общность их политических интересов также не вызывает сомнения. Интересным представляется проведение когнитивно-корпусного анализа того, как изменяется восприятие Великобритании в США на протяжении 1990–2019 годов.

Решение поставленной проблемы возможно с помощью анализа лексического профиля [Суворина 2014; Позднякова, Суворина 2015] для следующих слов, обозначающих Великобританию: *Britain, England.*

На первом этапе исследования был построен лексический профиль для конструкций *adj+Britain, adj+England*. Отбор элементов лексического профиля выполнен по относительной частотности. Хотя использование статистического критерия взаимной информации дает более правдоподобные результаты [Hoffmann et al. 2008; Brezina 2018] для данного типа анализа мы считаем непосредственную частотность более подходящей для решения конкретной задачи. Из первичного набора слов – элементов профиля были исключены имена прилагательные, имеющие

однозначную географическую интерпретацию. Также были исключены все имена прилагательные, имеющие однозначную историческую интерпретацию. Диахронический анализ проводился на данных за период 1990–2019 гг. Результаты работы корпусного менеджера представлены в таблице 1 для конструкций *adj+Britain* и *adj+England* соответственно. На первом этапе были исключены исключили географические, исторические и политические коллокаты. Таким образом, в отобранных множествах присутствуют только имена прилагательные, несущие, безусловную положительную или отрицательную эмоциональную окраску.

В итоге была проанализирована динамика изменения эмоциональной окраски восприятия Великобритании в американском английском языке по пятилетним временным интервалам. Для контроля были использованы результаты, полученные из корпуса COCA для конструкции *adj+America.*

Количественные результаты, их временная динамика, представлены на рисунках 1 и 2 имен прилагательных с положительной коннотацией и для имен прилагательных с отрицательной коннотацией.

Таблица 1

Коллокаты лексических профилей *adj+Britain, adj+England, adj+America*

Год	Britain		England		America	
	positive	**negative**	**positive**	**negative**	**positive**	**negative**
1990–1994	civilized tolerant multicultural liberal conscious	depleted divided		fucking grimy	strong free gentler gripping wonderful renewed	violent irredeemable
1995–1999	sweeping	infidel	merry sweet prosperous perfect loving lucky beloved	unfitting fascist destitute	great free strong dominant creative lovely multicultural safe rich sustainable beloved healing	lost violent

Год	Britain		England		America	
	positive	**negative**	**positive**	**negative**	**positive**	**negative**
2000–2004	tidy civilized	diverse	merrie glittering beloved beautiful	fucking dreary austere dead demoralized	free great safer beloved hopeful sweet	misleading damn divided fucking
2005–2009	rejuvenated multicultural	fascist divided bloody	beloved mighty	terrible muddy abject	great sure healthy free secure perfect strong dear gentler hopeful	divided fucking segregated weird diverse dirty
2010–2014	multicultural confident buoyant	permissive lost backed	majestic safe upscale nice merrie	fucking dull bankrupt	strong great healthy amazing best free	polarized sleeping goddamn
2015–2019	fair	waning not-so-great divided diverse	safe resurgent noble formidable beloved	futile	great free proud dear strong sure best powerful	diverse weird naughty crippled fucking

Перейдем к обсуждению полученных результатов. Прежде всего необходимо указать на то, что согласно данным корпуса COCA, набор коллокатов в коллокациях с *Britain* и *England* значительно различается. Набор позитивно окрашенных имен прилагательных и их количество различаются как для каждого отдельно взятого временного интервала, так и в смысле их временной динамики (Рисунок 1 и 2). Очевидно,

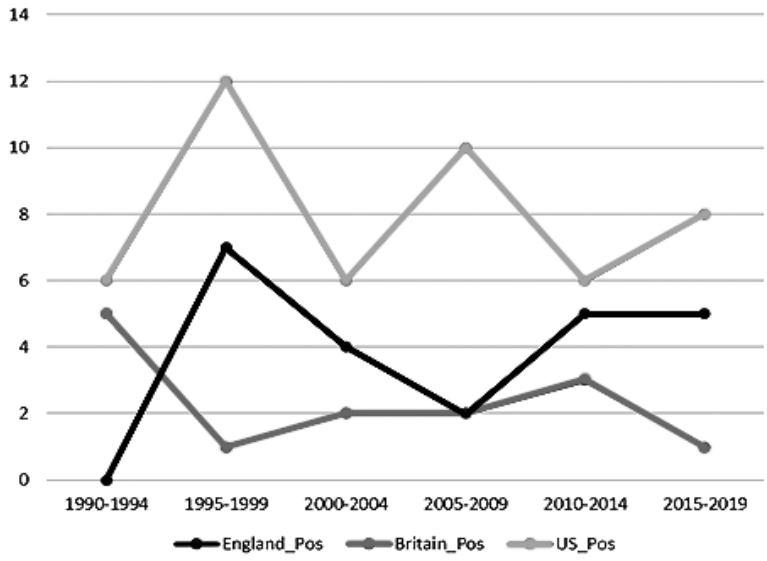


Рис. 1. Динамика изменения позитивных коллокатов

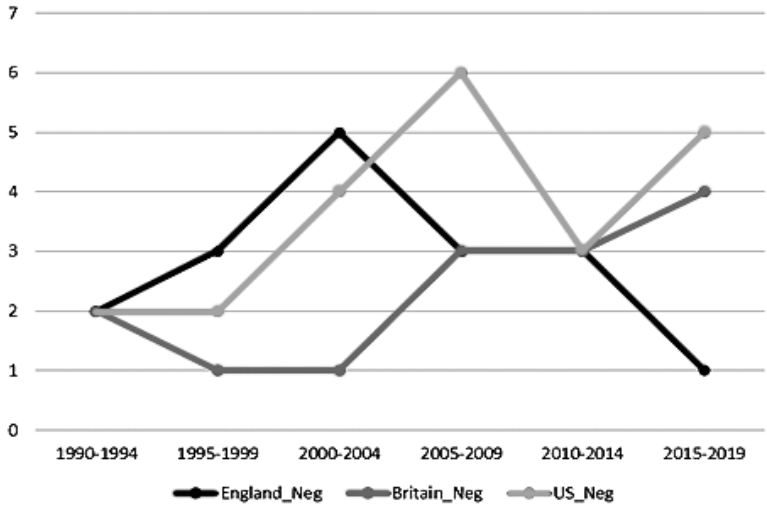


Рис. 2. Динамика изменения негативных коллокатов

что позитивное восприятие своей страны у американцев стабильно превышает позитивное восприятие Великобритании. Одновременно, в 2005–2009 и в 2011–2015 годах число негативных коллокатов по отношению к Америке превышало таковое для Великобритании.

Перейдем к рассмотрению когнитивного наполнения полученных лексических профилей.

Суммарное позитивное восприятие Великобритании в США, по данным корпусного анализа, сводится к концепту жизнерадостной, развивающейся (не стагнирующей, а не в экономическом смысле) мощной страны. Для многих американцев (в силу репрезентативности корпуса) Великобритания вызывает чувства любви и признательности.

Суммарное негативное восприятие Великобритании сводится к образу жалкой, фашистской, разделенной и грязной страны. Это отношение, возможно, вызвано процессом выхода Великобритании из Европейского Союза, и фактическим расколом страны на референдуме и тем, как эти процессы были показаны массмедиа США. Обращает на себя внимание устойчивое присутствие обсценной лексики в профилях в 2000–2004 и 2010–2014 годах (коллокаты с негативной коннотацией). Причины такого экстремально негативного восприятия Великобритании в США, получившие стабильное подтверждение в корпусе современного американского английского языка, требуют отдельного социологического и политологического анализа.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 525.

Позднякова Е. М., Суворина Е. В. Исследование структуры ментального лексикона: вклад компьютерно-корпусной лингвистики // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. Москва: Языки славянской культуры, 2015. С. 185–242.

Суворина Е. В. Концепция лексического профиля и ее применение для решения задач когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVIII. С. 96–98.

Brezina V. Statistics in Corpus Linguistics: A Practical Guide. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Hoffmann S., Evert S., Smith N., Lee D. Y. W., & Berglund Y. Corpus Linguistics with BNC-web -A Practical Guide. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008.

E. M. Pozdnyakova, E. V. Suvorina *(Moscow, Russia)*
MGIMO-University, Moscow City University

CORPUS ANALYSIS OF COLLOCATIONS *ADJ+BRITAIN, ADJ+ENGLAND, ADJ+AMERICA*

The results of corpus analysis for the lexical profiles which have been elaborated under adj+Britain, adj+England, adj+America patterns in Contemporary Corpus of American English (COCA) are discussed in the article. Significant deviations in the aforementioned profiles are clear in 1990–2019. The lexemes Britain and England have absolutely different sets of collocations.

Key words: corpus, corpus manager, collocation, lexical profile, cognition.

Н. К. Рябцева (*Москва, Россия)*
Институт языкознания
Российской академии наук
nadia_riabceva@mail.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ И ИХ КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В статье выявляются характерные случаи асимметрии при переводе с русского языка на английский научных публикаций, их названий, аннотаций и ключевых слов к ним, а также принципы фразеологичности научного стиля изложения. Обсуждается современный корпусный дистрибутивный анализ сочетаемости общенаучной и терминологической лексики. Указываются когнитивные принципы установления аутентичности получаемого перевода и используемой в нем терминологии.

Ключевые слова: переводческие парадоксы, корпусный дистрибутивный анализ сочетаемости, фразеологичность, терминология, когнитивный подход.

Перевод с одного языка на другой требует не только значительных лингвистических познаний в каждом из языков, но и в соответствующей области знаний. Чаще всего эти две «области» неразрывно связаны, в первую очередь, синкретизмом лингвистических и экстралингвистических знаний. Особенно если речь идет о специальных типах перевода: научных, технических и т. п. текстов. В определенной доле случаев перевод научных публикаций на английский язык выполняется, во-первых, неспеци-

алистами, а во-вторых – не носителями языка, особенно если для подачи заявки на международную конференцию или в научный журнал требуется перевод только названия, аннотации и ключевых слов на английский язык. В результате такого «авторского» перевода нередко получается трудно воспринимаемый текст, нуждающийся в правке. В данном случае проблема состоит в том, что в российских вузах, как и в советских, формировались «ошибочные стереотипы псевдо-грамматического мышления», характерного для обучения "*Russian English"*. Центральным из них выступал постулат о возможности пословного перевода: посредством замены слов русского языка их словарными эквивалентами иностранного (английского) языка [Сосинский 2000: 3]. Ниже приводится небольшая подборка «результатов» переводческой деятельности, основанной на пословном переводе: наиболее часто встречающиеся ошибки при переводе математических текстов – своеобразные «переводческие парадоксы», вызванные асимметрией «межъязыковых соответствий», а также способы их приведения к «естественно-языковому» виду. Примеры также демонстрируют отсутствие одно-однозначного соответствия между родным и иностранным языком, которое должно стать центральным в обучении студентов и аспирантов всех специальностей иностранному языку и переводу на него, ср. [Рябцева 2020]:

1) *Let G* ***is*** *an Abelian group* **vs**. *Let G* ***be*** *an Abelian group;*

2) *Suppose that the sequence* $\{a_n\}$ ***tend*** *to A* ***when*** $n \to \infty$ v s . *Suppose that the sequence* $\{a_n\}$ ***tends*** *to A* ***as*** $n \to \infty$;

3) *Now we can* ***to*** *prove* ***the*** *Theorem* 3.5. **vs**. *Now we can prove Theorem* 3.5;

4) *Therefore we must suppose that there is the necessity* ***of*** *generalization* ***of*** *the method* ***of*** *bifurcation diagrams* ***of*** *V.I. Arnold*. («Нельзя так много ***of***'ов и столько бессодержательных существительных! Нужно проще, например: *Hence V.I. Arnold's bifurcation diagram method must be generalized*. Заметим, что исходная русская фраза… вполне характерна для наших, русских математических текстов и у большинства читателей не вызовет раздражения: *Таким образом, мы* ***приходим*** *к* ***выводу*** *о* ***необходимости*** *обобщения метода бифуркационных диаграмм В.И. Арнольда*» [Сосинский 2000: 8];

5) *For f take the constructed previously function* $\varphi_{2,1}$. («Нелогичный (не английский) порядок слов. Нужно: *For f, take the function* $\varphi_{2,1}$ *constructed previously*. Или: *Take the function* $\varphi_{2,1}$, *constructed previously*, *for f*» [Сосинский 2000: 8]);

6) W_1 *is the space of* ***generalized functions***. («Англоязычные математики как правило не признают выражения ***generalized functions***, которое

встречается в статьях, переведенных с русского. Нужно ***distributions***» [Сосинский 2000: 8]);

7) *A Mersenne number is a* ***simple*** *number of the form …* («Нужно не ***simple***, а ***prime***. Но зато *простая группа* переводится ***simple group***. Нужно знать терминологию!» [Сосинский 2000: 9]).

Ясно, что подобные переводы, выполненные пословно и основанные на внутриязыковой интерпретации описываемых событий и объектов, не отвечают принципам аутентичности речи на английском языке. Ср. «Интерпретирующий характер сознания в ментальном конструировании мира так или иначе отражается в семантике языковых единиц, поскольку основные познавательные процессы – концептуализация и категоризация – в подавляющем большинстве случаев опосредуются языком, а языковые явления, в свою очередь относятся к когнитивным репрезентациям как репрезентациям опыта» [Болдырев 2021: 35; Barsalou 2012]. В результате подавляющая часть целых фрагментов текста носит в некотором, «межъязыковом» отношении, идиоматичный характер и не может быть передана дословно [Рябцева 2021б: 171].

Правила установления «развернуто-коллокационных» принципов сочетаемости слов и создания их достаточно «протяженных» структурных групп, наиболее естественно воспринимаемых носителями данного языка (и стиля) и столь же естественно воспроизводимых ими, стали активно исследоваться в рамках корпусной лингвистики с конца 1990-х гг. преимущественно в целях автоматической обработки текстов. Кроме того, благодаря достижениям корпусной лингвистики возникает возможность не «словарного» обеспечения обычного и машинного перевода, а также преподавания английского / иностранного языка в принципе, но их «расширенного коллокационного представления» [Riabtseva 2020: 25–27], основанного на более продуманном подходе к построению высказывания, речи и дискурса. «Реализация функций языковых единиц в формировании смысла высказывания происходит не в отдельных словах, а в их сочетаниях. Кроме того, огромное значение имеет признание фразеологичности построения речи в условиях многозначности, синонимичности и полифункциональности слов» [Гвишиани 2021: 155].

Так, согласно В. В. Виноградову, «большая часть значений слов фразеологически связана. Иметь разные значения для слова чаще всего значит входить в разные виды семантически ограниченных семантических связей» [Виноградов 1953: 176]. Такой подход вылился в «компьютерно-корпусный дистрибутивный анализ фразеологии» [Гвишиани 2021: 155] и сочетаемости, который возник относительно недавно и дает вполне

качественные результаты. Например, Ж. Синклер использует корпусный статистический подход в выделении фразеологизмов, так называемый the bottom-up approach [Sinclair 1991]. Этот основанный на статистике метод позволяет раздвинуть привычные рамки фразеологии и включить в сферу исследования преимущественно композиционные сочетания «рамочного» типа (frames), грамматические построения (коллигации), воспроизводимые фразы (recurrent phrases), а также целые кластеры (clusters) [Hyland 2008] и мн. др. Столь широкая синтагматическая перспектива служит подтверждением основной мысли автора о фразеологичности построения речи и доминировании в этом процессе идиоматического принципа (the idiom principle).

Основанием для развития соответствующей «корпусной фразеологии» также послужила теоретическая посылка британского концептуализма о распределении передаваемого значения или смысла высказывания в сочетании языковых символов, а не в отдельных словах [Гвишиани 2021: 160], ср. [Hanks, Mož'e 2019: 248–260]. Исследование больших корпусов языкового материала позволило подойти к фразеологии с новой «меркой». Например, в области разграничения фразеологизмов и неидиоматических сочетаний был предложен метод частотных коллокатов, позволяющий установить степень законченности словосочетания и идиоматизации его значения. Так, при присоединении левого коллоката (предлога *in*) к свободному сочетанию *black and white* образуется фразеологизм *in black and white*, и поскольку его коллокационный профиль не выявляет сочетательных вариантов, то контекст свидетельствует о степени его «изолированности» или «семантической глобальности», идиоматичности [Philip 2011: 6–8].

Ключевой единицей современного компьютерного дистрибутивного подхода стал термин "lexical bundles" (лексические связки), а также его аналоги: clusters, recurrent sequences, concurrent patterns, phrase-frames, multiword expressions, multi-word units, formulaic language, "extended collocations", n-grams и другие. Отличительной особенностью "lexical bundles" является то, что они не соотносятся ни с одним из традиционно выделяемых понятий фразеологии как лингвистической дисциплины, изучающей структуру, семантику и употребление сочетаний слов. Данные единицы выводятся из языкового корпуса путем автоматизированного подсчета их частотности, превышающей определенный «порог» статистического значения (frequency threshold recurrence) [Гвишиани 2021: 161]. Кроме того, "lexical bundles" представляют собой последовательности как лексических, так и грамматических слов, выявляя тем самым лексико-

грамматические фреймы, обладающие высокой воспроизводимостью в определенном типе дискурса. “Lexical bundles”, определяемые как последовательности слов в речевом пространстве, выводятся путем статистического анализа n-grams – цепочек, состоящих из 2-х и более компонентов [Salazar 2014: 13]. Эти сочетания обнаруживают синтаксическую и семантическую регулярность, получая при этом лингвистический статус. В организации текста они функционируют как дискурсивные единицы, структурирующие речь в качестве фразовых фреймов.

N-grams и formulaic expressions могут выражать понятия, выступать в функции парантез, обозначать структурные моменты дискурса, служить контактоустанавливающим средством, а также содержать терминологическую фразеологию. В ходе анализа 4-grams (четырехкомпонентных сочетаний) было обнаружено их разное количество в таких дисциплинах, как астрономия, окружающая среда, лингвистика, социология и медицина [Гвишиани 2021: 162].

Итак, можно заключить, что компьютерно-корпусные стратегии существенно трансформировали не только методы исследования фразеологии, но и их объект, сместив фокус внимания в направлении развернутых лексико-грамматических фреймов и лексических последовательностей. В результате вполне «протяженные» отрезки текста, характерные для определенного стиля, жанра и т. п., такие, как композиционные сочетания, коллигации, «контактоустанавливающие средства», «терминологическая фразеология», n – grams, formulaic expressions, recurrent phrases («воспроизводимые выражения»), “lexical bundles” и др., выступают «строительными» дискурсивными единицами, структурирующими речь в виде фразовых фреймов. Они не только облегчают ее порождение, но и восприятие, и образуют ее «строительные блоки».

Таким образом, в когнитивном отношении использование новой компьютерной корпусной парадигмы фразеологических исследований позволяет по-новому интерпретировать различные стили, жанры и типы устной и письменной речи, строить более адекватные инструменты автоматической обработки текста, приближенные к тем, что функционируют в рамках естественного интеллекта, и приблизить к нему возможности искусственного интеллекта, а также ввести в методические и методологические процедуры обучения иностранному языку и переводу на иностранный язык более адекватные естественным принципы усвоения и использования естественного языка. При этом последние, как показывают корпусные исследования, основаны на стилистически и жанрово «связанных» выражениях и словосочетаниях, их типичных моделях, схемах,

образцах и принципах их «развертывания» и «свертывания». Понятно, что именно подобные процедуры значительно облегчают не только усвоение родного языка, но и должны использоваться в обучении иностранному языку, дословный перевод на который не дает качественных результатов. Моделирование искусственного интеллекта, как и обучение иностранному языку и переводу, не может не учитывать особенности естественного интеллекта и естественного усвоения естественного – родного – языка и в целом – когнитивные механизмы порождения речи и речевой деятельности и их восприятие.

Одним из самых важных аспектов данной проблемы выступает специальное отслеживание, выделение, упорядочивание и анализ дисциплинарных терминов, без знания которых, а также контекстов их использования, невозможна качественная, «аутентичная» речь на иностранном языке [Рябцева 2021а: 335–364]. Ср. следующие современные многокомпонентные лингвистические термины и естественные контексты их употребления (носителями языка): *corpus-driven statistics***,** *corpus-based patterns, theory-based model, construction-based approach, usage-based construction grammar, mixed-method investigation, mixed-method inquiry, computer-mediated communication, speech-gesture constructions, adjective-adverb interface, word-formation change*, *event-result nominals, word-specific local grammar, event similarity perspective, meaning-driven dictionaries, structure-driven Grammars,* etc. Причем именно в названиях, аннотациях и т.п. предметная терминология играет ведущую роль в привлечении внимания читателей к научным публикациям. В результате в настоящее время создается большое количество интернет-ресурсов, посвященных не только развернутым коллокационным схемам и выражениям, характерным для научной речи на английском языке, но и специальные ресурсы, в которых указываются, какие типичные «коллокационные» ошибки делают носители разных языков при переводе научных публикаций на английский язык, например, https://pdfs.semanticscholar.org/e0c6/95a1c2ee2e79dc08bc86c656dc8d671cdfa0.pdf. (Ср. описание ресурса: «Trinka is the world's first grammar and language enhancement tool custom-built for academic and technical writing. Trinka stands out by working with the author and going beyond grammar and spelling checks to ensure holistic language enhancement» (https://www.trinka.ai/browser-plugin).

Итак, в когнитивном отношении самым парадоксальным явлением при переводе с родного языка на иностранный выступает «естественность» родного языка, которая для его носителя самым «естественным» («дословным» и потому «иллюзорно правильным») образом позволяет

передать содержание его речи, и которая вступает в противоречие с «естественностью» для носителя иностранного языка его родного языка. В этом смысле можно сказать, что каждый язык «естественен» для своего носителя, но с трудом осваивается носителем другого языка. И чем более развернутыми, в некотором смысле законченными и типичными будут фразы, выражения, обороты и целые высказывания иностранного языка, которые мы заучиваем наизусть или запоминаем при изучении иностранного языка, тем более естественной и аутентичной будет наша речь на иностранном языке.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 34–44.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162–189.

Гвишиани Н. Б. О новых терминах фразеологии в компьютернокорпусных исследованиях английского // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 155–165.

Рябцева Н. К. Асимметрия межкультурной коммуникации и проблемы аутентичности // Научный диалог. 2020. № 4. С. 130–150.

Рябцева Н. К. Термины как когнитивные доминанты в научной коммуникации и их межъязыковые соответствия // Когнитивные исследования языка. 2021а. № 1 (44). С. 356–364.

Рябцева Н. К. «Грамматикализованные фразеологизмы» как когнитивно-коммуникативные доминанты в научной речи на русском языке и их межъязыковая идиоматичность // Когнитивные исследования языка. 2021б. № 2 (45). С. 171–180.

Сосинский А. Б. Как написать математическую статью по-английски. М: «Факториал Пресс», 2000.

Barsalou L. W. The Human Conceptual System // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 239–258.

Hanks P., Mož'e S. The way to analyse 'way' // International Journal of Lexicography. 2019. Volume 32, Issue 3. P. 247–269. URL: https://doi.org/10.1093/ijl/ecz005 (дата обращения 05.09.2020).

Hyland K. As Can Be Seen: Lexical Bundles and Disciplinary Variation // English for Specific Purposes. 2008. № 27. P. 4–21.

Philip G. Colouring Meaning. Collocation and Connotation in Figurative Language. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011.

Riabtseva N. Artificial vs Human Intelligence in Digital vs. Human Translation // Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект. Тезисы докладов международной конференции. Институт языкознания РАН, Москва. 12–14 ноября

2020 г. / под ред. А. А. Кибрика, В. Ю. Гусева, Д. А. Залманова. М.: ИЯз РАН, 2020. P. 25–27.

Salazar D. Lexical Bundles in Native and Non-Native Scientific Writing. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2014.

Sinclair J. Corpus Concordance Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.

N. K. Riabtseva (*Moscow, Russia*)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

TRANSLATION PARADOXES AND THEIR COGNITIVE INTERPRETATION

The paper discusses the most characteristic cases that expose cross-linguistic asymmetry in Russian-English scientific translation, particularly in rendering paper titles, its abstracts and keywords. The main point here is the necessity to sticking to discipline's phraseology and its stylistic and terminological patterns that are exposed through its corpus-driven computer analysis. Special attention is paid to the output text's authenticity in a cognitive perspective.

Key words: translation paradoxes, collocations' corpus-driven distributional analysis, terminological phraseology, cognitive perspective.

Т. Е. Янко (*Москва, Россия*)
Институт языкознания РАН
tanya_yanko@list.ru

ПРОСОДИИ ДИСКУРСИВНЫХ ЖАНРОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ МЕТОД РАЗРАБОТКИ КОРПУСА

Анализируется концептуальная связь между просодическими стратегиями, которые выражают коммуникативные значения и комплексы значений, таких как иллокутивная сила и дискурсивная незавершенность, и семантикой дискурсивных жанров. Рассматриваются жанры лекции, пресс-конференции, интервью, допроса. Показано, что на основании установленных связей может быть построен метод разработки рабочих корпусов для анализа просодии звучащей речи. Метод повышает полноту поиска данных при разработке корпуса. Для верификации перцептивных данных о просодии звучащей речи используется компьютерная система анализа устной речи PRAAT.

Ключевые слова: просодия, дискурс, жанр, иллокутивная сила, незавершенность, звучащая речь, корпус.

В работе предлагается метод использования корпусных данных при анализе функционирования коммуникативно-просодических стратегий в звучащей речи. Показано, что полнота поиска при составлении рабочего корпуса для анализа данных может быть обеспечена с помощью обращения к определенным дискурсивным жанрам, с которыми связана семантика исследуемых стратегий. Рассматриваются дискурсивные жанры лекции, интервью, пресс-конференции, допроса и воспоминания. Анализируется связь коммуникативно-просодической семантики и условий коммуникации в определенном жанре общения. Так, если анализируется коммуникативно-просодическая стратегия, отражающая упорядоченность предметов или событий во времени, пространстве или по их внутренней логике, то поиск соответствующего материала имеет смысл производить в материалах жанров лекции, урока, изложения этапов различных процессов, упорядоченных во времени. Если исследуется коммуникативная структура и просодия высказывания, отражающего погружение говорящего в его внутренний мир, поиск производится в мемуарном жанре. При обращении к корпусам, которые сформированы без учета всего разнообразия дискурсивных жанров, поиск материала для анализа может дать нулевой результат. Таким образом, метод составления корпуса предусматривает прицельный поиск языкового материала в соответствующих семантике стратегий жанровых подборках. Анализ выполняется в духе когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковых единиц, при котором учитываются условия функционирования единиц в дискурсе [Кубрякова 2004: 4, 519–520].

В качестве источника звучащего материала использован Мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка [НКРЯ] и материал видеохостинга Youtube.com. Инструментальная верификация перцептивных данных проведена с помощью системы анализа звучащей речи PRAAT [Boersma, Weenink 2021]. Общее звучание рабочего корпуса составляет ок. 60 мин.

1. Воспоминания и мечты

При вербализации сообщений о мыслительных процессах, размышлениях, воспоминаниях, подсчетах и мечтаниях, русская звучащая речь использует подъем частоты основного тона на словоформе – носителе акцента предложения. За подъемом следует ровный тон вплоть до конца предложения, который сопровождается растяжкой ударного гласного слова – носителя акцента. Акцент в примерах помечается знаком /- после словоформы-акцентоносителя. Это интонационная конструкция ИК-6

по Е. А. Брызгуновой [1982]): *Вспоминается мне один весенний вечер. В воздухе было немножко* ***сы-ыро****/-. На вокзале сотни* ***люде-ей****/-. От чемоданов рябит в* ***глаза-ах****/-.* [НКРЯ]. Словоформа-акцентоноситель здесь и далее выделяется полужирным шрифтом. Носители релевантного акцента и растяжки гласного – словоформы *сыро*, *людей* и *глазах*. Выбор словоформы-акцентоносителя представляет собой отдельную задачу, которую мы сейчас оставляем в стороне.

Аналогично воспоминанию, когда говорящий передает картины прошлого, предстающие его мысленному взору, оформляются просодически и мечты говорящего, т.е. тоже то, что происходит не в момент речи, а существует только в сознании: *Эмилия-Эмилия. Она уже* ***седа-ая****/-, наверное, теперь.* ***За-мужем****/- давно. А все-таки мечтаю, хоть голос ее услышать* [НКРЯ].

Рассмотренные в этом подразделе примеры и весь материал, позволяющий анализировать просодию, выбор носителя акцента и функционирование в контексте предложений, передающих картины внутреннего мира говорящего, были собраны в результате поиска в Мультимедийном подкорпусе НКРЯ по ключевым словам *вспоминать*, *вспоминаться* и *мечтать*.

2. Интервью и допрос

Обращает на себя особый тип вопросительных предложений, которые формируются с помощью нисходяще-восходящей просодии на словоформе-акцентоносителе. При наличии в словоформе заударных слогов на ударном слоге фиксируется нисходящий или ровный низкий тон, который сменяется подъемом на заударных слогах. Заударные слоги могут быть сформированы начальными безударными слогами словоформы, следующей за акцентоносителем. Если заударных нет, единое нисходяще-восходящее движение тона фиксируется на единственном или конечном слоге акцентоносителя (обозначается \/, интонационная конструкция ИК-4 по Е. А. Брызгуновой [1982]). На вопросы такого типа обращали внимание исследователи в работах [Брызгунова 1982: 114] (*Ваше* ***имя****\/? Возраст\/? Факультет\/? Курс\/?*) и [Кобозева 2005: 238] ***Фамилия****\/? Имя\/? Год* ***рождения****\/?*. Только обращение к большому массиву данных позволило исследовать функционирование таких вопросов в контексте. Анализ показал, что вопросы с восходяще-нисходящей просодией используются в условиях рутинной (известной заранее) серии вопросов или при логической связи вопроса и ответа на предыдущий вопрос говорящего: ‘раз так, тогда скажи…’. Таким образом, говорящий

формирует текущий вопрос из имеющегося контекста, формулировка вопроса практически известна, она вытекает из условий ситуации. Соответственно, материалом для соответствующего анализа могут быть данные из жанра интервью или допроса. Это жанры, в которых текущий вопрос соотносится с известным контекстом. В частности, нисходяще-восходящая просодия характерна для т. н. демографических вопросов, которые фигурируют в опросах и полицейских допросах:

– *Ваши фамилия, имя,* ***отчество\/?***
– *Демуров Артем Георгиевич.*
– *Дата и место рождения\?*
– *Город Электроугли…*
– *Сейчас* ***проживаете\?***
– *В Чехии.*
– *Адрес* ***регистрации\/*** *вашей?* (youtube.com).

Существенно, что восходяще-нисходящая просодическая стратегия, равно, как и другие маркированные стратегии, перемежается в речи говорящих немаркированными стратегиями. В анализируемых вопросах это падение тона (знак \, интонационная конструкция ИК-1 по Е. А. Брызгуновой [1982]). При использовании ИК-4 во всех вопросах диалога речь звучит монотонно. Обратимся также к материалу интервью:

– *Для гостей нашей программы мы подготовили 30 острых вопросов… Твой первый гонорар?*
– *Десять рублей.*
– *На что ты его* ***потратила\/?***
– *Колготки* (youtube.com).

В последнем диалоге второй вопрос непосредственно вытекает из первого и ответа на него. Таким образом, восходяще-нисходящая стратегия в вопросах отсылает текущий вопрос к контексту, который присутствует в сознании говорящего и очевиден также и для слушающего. Примеры почерпнуты из видеохостинга youtube.com при поиске по ключевым словам *интервью* и *допрос*.

3. Пресс-конференция

Для указания на то, что текущий речевой акт не последний в дискурсивном потоке, русский язык вырабатывает различные просодические стратегии маркирования дискурсивной незавершенности. Основное немаркированное средство указания на незавершенность – подъем частоты основного тона на ударном слоге словоформы-акцентоносителя незавер-

шенности (интонационная конструкция ИК-3 по Е. А. Брызгуновой [1982]). Кроме того, в качестве указания на дискурсивную незавершенность может также использоваться и ИК-6 (без растяжки). Дискурсивная незавершенность совместима с сообщением, вопросом с вопросительным словом, императивом и обращением. Между тем что касается вопроса без вопросительного слова (*да-нет*-вопроса), проблема его совместимости с незавершенностью долгое время оставалась нерешенной. Интуиция подсказывала нам, что это сочетание функций возможно, но подтверждающий материал отсутствовал. Причина затруднений в формировании *да-нет*-вопроса в контексте незавершенности очевидна: просодия, маркирующая и *да-нет*-вопрос, и основной тип незавершенности, – это один и тот же акцент, ИК-3.

Материал для анализа возник только после обращения к жанру пресс-конференции. Действительно, на пресс-конференциях журналисты, как правило, задают не один вопрос, а несколько вопросов подряд, потому что возможность задать вопрос ведущему предоставляется за время пресс-конференции только один раз. Иногда эти вопросы сопровождаются объяснением, почему у спрашивающего возник такой вопрос. Соответственно, вопрос на пресс-конференции, как правило, имеет правый контекст. Вопросы обычно длинные, что дает достаточно сегментного материала для реализации обоих значений: и иллокутивной силы, и незавершенности.

Материалом для анализа для нас послужили пресс-конференции председателя Центробанка Эльвиры Набиуллиной. Анализ видеоряда показывает, что в том момент, когда задающий вопрос журналист артикулирует показатель незавершенности, Набиуллина начинает записывать: она восприняла сигнал того, что речь говорящего будет продолжена. Теоретически подобная ситуация может возникнуть и на лекции или после научного доклада, когда докладчик отвечает на вопросы аудитории. Однако конкретный материал у нас отсутствует. Как кажется, того напряжения, которое характерно для журналиста, стремящегося получить ответ на все заготовленные вопросы, в ситуации ответов на вопросы докладчику, нет. Соответственно, необходимость в указании на незавершенность речи снимается.

Обратимся к вопросу, заданному журналистом на пресс-конференции: ***Пра/вильно*** *я понимаю, что в базовом сценарии вы предусматриваете, что большинство ограничений не будут сняты до конца* ***года/****? И еще один вопрос по ФМБ…* (youtube.com). В этом вопросе имеется две словоформы, несущие ИК-3: *правильно* и *года*. Акцент ИК-3 на *правильно* маркирует *да-нет*-вопрос, акцент на *года* – незавершенность. Всего в нашей

коллекции имеется 11 последовательностей, в которых в одном речевом акте оказываются совместимыми и иллокутивная сила *да-нет*-вопроса, и дискурсивная незавершенность. Это количество может быть увеличено за счет обращения к записям пресс-конференций. Поиск же аналогичных примеров в иных дискурсивных жанрах весьма проблематичен.

4. Лекции и другие «рассказы по порядку»

Обратимся еще к одному использованию нисходяще-восходящего акцента ИК-4. Это материал повествовательных предложений, в которых ИК-4 служит маркером т.н. рассказа по порядку. Говорящий просодически отражает упорядоченность объектов или событий, о которых он говорит.

Изложение с маркированной упорядоченностью встречается во многих жанрах, но классическим жанром, где фигурирует изложение по порядку, оказывается речь преподавателя и профессионального лектора: *Этот рисунок получен в результате астрофизических* ***наблюдений\/****, это результат работы* ***астрофизиков\/****, темного вещества больше, чем* ***обычного\/****, поэтому в определенных масштабах оно* ***доминирует*** (youtube.com). Даже если лектор на деле отклоняется от логического упорядочения сущностей, о которых он говорит, он может придать своей речи характер упорядоченности. Это черта стиля официальной, педантичной речи.

Интересным источником материала для анализа просодии упорядоченности для нас всегда служили популярные в средствах массовой коммуникации кулинарные передачи и каналы. Действительно, приготовление еды, как и другие технологические процессы, не терпит изменения последовательности технологических этапов. Между тем кулинарные каналы, в отличие от отчетов о других технологиях, служат доступным и богатым источником для анализа просодии изложения по порядку. Обратимся к примеру: *На сковороде я разогреваю очень хорошо немного растительного* ***масла\/****, теперь перекладываю сюда* ***курочку\/****, вот так, и буду обжаривать ее до золотистого цвета с двух* ***сторон****. Пока обжаривается курица, помидоры* ***режем\/****, удаляем сердцевину и нарезаем* ***кубиками*** (youtube.com). Мы видим, что во фрагменте рецепта приготовления курицы с овощами акцент ИК-4 встретился три раза. Однако, если бы ведущая использовала ИК-4 чаще, ее рассказ звучал бы слишком педантично и монотонно. Более того, в самое последнее время ведущие кулинарных каналов все чаще отказываются от ИК-4 в пользу более жизнерадостных просодий, свободных от педантизма. Еще лет десять тому назад удельный вес ИК-4 в кулинарных передачах был существенно больше.

* * *

Исследована связь между концептуальными моделями просодических стратегий и дискурсивными жанрами, в которых эти модели используются. Эта связь не полностью очевидна и заслуживает исследования. Установление подобных связей позволяет предложить метод создания рабочих корпусов для анализа просодии путем поиска материалов в тех речевых жанрах, которые концептуально связаны с комплексами просодически маркируемых значений.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Том 1. М.: Наука, 1982. С. 98–122.

Кобозева И. М. Опыт разработки признаковой базы для характеристики лексико-синтаксических, семантических и вопросительных свойств вопросительных реплик // Труды Международной конференции Диалог'2005 по компьютерной лингвистике и ее приложениям (Звенигород, 1–6 июня 2005 г.). М.: Наука, 2005. С. 238–244.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru 9 (дата обращения: 04.03.2021).

Boersma P., Weenink D. Praat: Doing Phonetics by Computer. Version 6.1.47. URL: http://www.praat.org/.2021/

T. E. Yanko *(Moscow, Russia)*
Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

THE PROSODY OF SPOKEN GENRES: THE METHOD OF PREPARING THE WORKING CORPORA

The conceptual correlation between the prosodic markers of the communicative meanings and the semantics of discourse genres is analyzed. The genres of a lecture, press conference, interview, and police interrogation serve as the material for the analysis. The correlation can be used in designing the working corpora for the sound speech analysis. The method increases the recall of data when elaborating the corpora. The computer system PRAAT is used in verifying the researcher's perception of the sound speech prosody.

Key words: prosody, discourse, genre, illocutionary force, discourse incompleteness, spoken speech, linguistic corpora.

VI. «СЛУЖЕНИЕ ОБЩЕСТВУ»: КАКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ РЕШАЮТ КОГНИТОЛОГИ?

Н. М. Азарова *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
natazarova@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ЗАГЛАВИЙ[1]

В статье рассматриваются механизмы аккомодации к разным культурным системам, происходящие при переводе заглавий поэтических текстов, проводится сравнение этих механизмов в поэзии и в кино, а также анализируются изменения, происходящие с заглавиями стихов и их переводов под влиянием современных технических средств.

Ключевые слова: заглавие, перевод, аккомодация, культурная система, современная поэзия.

Заглавно-финальный (заголовочно-финальный) комплекс наиболее неизменная и структурно важная часть стиха, и в то же время это та самая часть стиха, которая чаще всего становится объектом изучения с разных концептуальных и методологических позиций [Поэтика 2005]. Заголовочно-финальный комплекс как самая адресованная часть стиха более, чем его остальные структурные элементы, зависит от форматов, принятых в той или иной культурной системе, и должен вписываться в когнитивные рамки представителя заданной аудитории. Нас прежде всего будут интересовать заглавия, так как изменения, которые сейчас происходят в культуре и в когнитивных установках читателя, касаются именно их, и, соответственно, их роль в поэтическом дискурсе заметно усиливается. Особенно заметны эти изменения при переносе из одной культуры в другую, ситуации, в которой неизбежно оценивается сте-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

пень «прагматической приемлемости» и осуществляется процедура предвидения «неуместности текста или дискурса в первозданном виде в конкретной коммуникативной ситуации»[Демьянков 2019: 12]. Перевод в данном случае выступает одним из видов аккомодации к иной, географически или исторически, культурной системе. Перевод поэзии здесь не является исключением, и «хотя в когнитивных работах показано, что в основе как обыденного, так и поэтического дискурса лежат одни и те же когнитивные механизмы <…> задача выявления нюансов реализации данных механизмов в полимодальных контекстах разного типа и степени творчества по-прежнему входит в повестку когнитивных исследований» [Ирисханова 2019: 990].

Переводчик поэзии гораздо более зависим при переводе заглавий, чем при переводе основного текста, причем эта зависимость чаще идет не от оригинального текста, а от принимающей культуры. Как правило, переводчик не начинает переводить с заглавия. К азам перевода относится, что сначала должен переводиться сам текст, а потом к нему как бы примеряется название, оно выводится из целого текста. С одной стороны, перевод заглавий всегда связан с восприятием стиха как целого, с другой – именно в переводе заглавия появляются культурные штампы как результат аккомодации к культурной системе. Трансформация заглавий происходит как при переводе отдельных стихотворений, так ещё более регулярно при переводе поэтических книг. Для заглавий книг, заглавий подборок в журналах, подборок в антологиях прежде всего характерна аккомодация к принимающей культуре. Как правило, используются слова из стиха, вырванные из единого целого, но при перенесении нового заглавия в другую культуру всегда происходит разрушение старого целого и создание нового. В современной культуре заглавия бóльших, чем одно стихотворение единиц, очень редко переводятся с оригинала, почти всегда создаются новые заглавия, и в этом очевидно прогрессирующее влияние практики, принятой в других видах искусств, прежде всего в кино.

Действительно, на протяжении практически всего XX века заглавия кинофильмов свободно трансформировались, причем в советское время эта трансформация была нацелена на аккомодацию к идеологическим установкам культуры, к «мемам отечественного сознания» [Еременко 2020: 29]. Например, хит известнейшего режиссера Ф. Ланга «Доктор Мабузе, игрок» предстал перед советской аудиторией как «Позолоченная гниль», нарративное название фильма Ф. Капра «Мистер Дидс переезжает в город» превратилось в оценочное «Во власти доллара». Аналогичной доместикации подвергалась советская классика: в американском про-

кате «Морозко», переведённый как “Jack Frost”, утратил облик доброго дедушки и превратился в довольно опасное создание, а «Берегись автомобиля» трансформировалось в затертое “Uncommon Thief”. Заглавие – наиболее маркетируемая часть любого текста, и, адаптируя, переводчики не церемонятся с заглавиями, превращая их в широко циркулирующие в культуре штампы: «Унесенные ветром» превратились в Гонконге в *Красотку в смятенном мире*, а при переводе «Иван Васильевич меняет профессию» на DVD в 2002 году в США использовался повтор названия знаменитого фильма 1985 года “Back to the Future” – “Ivan Vasilievich: Back to the Future”. Этот же механизм вписывания в когнитивные рамки при помощи дословного повтора долгое время циркулирующего названия, актуализируется в 2021 году: Netflix, закупая русские хиты «Брат» и «Брат 2», переводит их как “Brother” и “Brother/2. On The Way Home”, что неизбежно должно помещать это название в ряд “Spider-Man: Far From Home” и “Spider-Man: No Way Home”.

В поэзии помещение заглавия в привычные когнитивные рамки особо ощущается при переводе текста разными переводчиками. Здесь можно выделить две противоположные тенденции: если стихотворение, поэма, стихотворная пьеса глубоко укоренены в культуре, то переводчики стремятся сохранить уже имеющееся названия, невзирая на количество предыдущих переводов, то есть заглавие не маркирует новизну. Классический пример здесь – переводы пьес Шекспира: “The Merchant of Venice” мог бы быть переведен как «Купец (торговец, делец) из Венеции», однако первый перевод «Венецианский купец» 1880 года задал эталон для последующих десятков переводов, сделанных в разное время. Или “Much Ado About Nothing” начал переводиться А. Кронебергом как «Много шума из ничего» и продолжает переводиться так же. Однако в переводе М. Кузмина 1937 года «Много шуму попусту» уже заглавие содержит информацию о том, что это новый перевод. Аналогично в лирической поэзии: М. Белорусец переводит “Chymisch” П. Целана как «Алхимически», а О. Седакова намеренно варьирует заглавие как «Алхимия», подчеркивая новизну перевода.

Разные эпохи следуют разным установкам на озаглавливание или неозаглавливание лирического стихотворения [Азарова 2021: 262–292]. В поэзии новейшего времени заголовочно-финальный комплекс сведен к минимуму: название перестает быть обязательным, замещается звездочками, а в оглавлении дается первая строчка с многоточием и в кавычках. Однако в учебном процессе существовала практика озаглавливания подобных стихотворений, например, лермонтовское «На севере диком

стоит одиноко…» в учебниках и адаптированных изданиях регулярно фигурировало под названием «Сосна» [Бодрова 2014: 36]. Издатель и редактор переводной поэзии также предпочитают если не озаглавливать неозаглавленные стихотворения, то по крайней мере отбирать для перевода стихотворения с заглавием, так как именно заглавия оказываются удобным инструментом для вписывания текста в принимающую культуру. Например, в современной антологии латиноамериканской поэзии 2019 года [Поэзия 2019], из 100 стихотворений только 21 не озаглавлены, что, казалось бы, нарушает общую наметившую тенденцию избавления от заглавий, и позволяет предположить, что в переводной поэзии в целом озаглавленным названиям отдается предпочтение.

Не так редки случаи, когда сам поэт дает другое название для стихотворения, цикла или книги на другом языке. Чаще всего это происходит в случае автоперевода, и классическим примером здесь может служить практика И. Бродского, большое количество стихотворений которого в русском варианте появлялись со звездочкой и соответственно с заглавием по первой строчке, а в английском автопереводе получали специальные заглавия: «Я входил вместо дикого зверя в клетку…» превратилось в “May 24, 1980” (поэт использует приём саморепрезентации, маркетируя названием свой день рождения), «Восходящее желтое солнце следит косыми…» в “Tsushima Screen”, «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером…» в “Brise Marine”, «Мы жили в городе цвета окаменевшей водки…» в “A Photograph” и др. Механизм подобной трансформации вписывания в когнитивные рамки читателя принимающей культуры мало чем отличается от практики, используемой при аккомодации кинотекстов.

Традиция озаглавливания в разных культурных системах весьма различны. Так, например, китайские стихи на протяжении всей трехтысячелетней истории китайской поэзии неизменно озаглавливаются. Современный китайский читатель и даже современный поэт не в состоянии помыслить как таковое стихотворение без заглавия, что не может не отражаться и в новых переводах с китайского и на китайский [Поэзия 2017]. Очевидно, что стихи, написанные на европейских языках, озаглавливаются при их публикации в Китае, причем это может делаться самим автором оригинального текста, вступающим во взаимодействие с китайским переводчиком. С другой стороны, в современной китайской поэзии названия могут воспроизводить традиционные структуры, что тоже должно быть замечено переводчиком. Например, указание на место и время написания стихотворения воспроизводится в гипертрофированном виде в стихах Чэнь Дундуна, а перевод М. Амелина – «От 11-й средней

школы до нанкинской улицы, по дороге размышляя о древнегреческом поэте» или «Стихи, сочиненные ночью во время бессоницы в Шанхае», сохраняющий структуру заглавий, неизбежно форенизирует текст, давая отсылку к традиционным заглавиям средневековой китайской поэзии, таким, как «Лунной ночью думаю о моих братьях» или «Иду вдоль берега срывая цветы» Ду Фу. «В этом случае недоадаптированный перевод текста обладает ореолом инокультурности, и ему прощается даже неполное следование языковым и литературным стандартам целевой культуры» [Weinberger 2013: 18].

В современной арабской поэзии есть тенденция озаглавливать каждое стихотворение, а если стихотворения не названы, они включены в цикл, который обязательно озаглавлен. Иногда это непривычные русскому читателю тавтологические названия, например «Стихотворение 1», «Стихотворение 2» М. А. Реббауи или его же полутавтологический «Рассказ». В отличие от европейской поэзии, стихотворение может называться по строчке, но строчка эта берётся не целиком и не обязательно первая. Так, стихотворение Т. Аднана «Ненавижу любовь» названо по строке из середины текста, а «Когда она приносила тарелки из преисподней» Реббауи представляет собой парафраз нескольких срединных строк стихотворения: «*Она приходила, // и была все ближе ко мне // с тарелками из преисподней*». Форенизация проявляется в переводе и в использовании других традиций называний, например, нумерации или указания формата, например, касыды.

Перевод заглавий регулярно выполняет репрезентирующую функцию, то есть функцию представления автора, причем в современной ситуации при переводе чаще представляется культура автора, а не сам автор. Вернее, происходит аккомодация: автор вписывается в уже сложившийся образ чужого языка в культурной системе языка перевода. Например, почти все книги Г. Айги на французском содержали слово *снег, снега* (“Plus loin dans la neige” и др.). Косвенным образом такие названия содержат информацию о том, что перед нами перевод, а не оригинальная поэзия. При озаглавливании книг издатели могут придерживаться готовых штампов культуры в отсылках к странам оригинала. Например, издатель моей книги в Мексике настаивал на названии «Лебеди под снегом» (Cisnes bajo la vieve), не принимая во внимание, что эта строчка из стихотворения с социальной проблематикой относилась вовсе не к русскому снегу, а к лебедям, которых съели безработные в Швейцарии. Современный переводчик, как правило, стремится показать новаторство автора, но по отношению к заглавиям, особенно заглавиям книг, новаторство представляется про-

блематичным: можно сказать, что языковое новаторство не приветствуется в заглавиях переводных книг, но допускается в заглавиях отдельных стихотворений.

Современный перевод – это особая коммуникативная ситуация, потому что переводчик может получать стихи напрямую от автора, а не от издателя, и уже переводчик, а не издатель, выполняет функцию представления автора. Переводчик заинтересован в представлении автора и в его узнаваемости в новой культуре, поэтому он может форсировать однотипность названий в целях их брендирования. Для переводчика важна консистентность, и, как правило, он усиливает формальные показатели. Тексты группируются по сходным формальным названиям, авторский прием может присваиваться переводчиком и использоваться даже в тех текстах, где в оригинале он отсутствует. Например, у Ч. Симика регулярно появляются заглавия, синтаксически и фонически связанные с текстом, и Д. Кузьмин, переводя стихотворение Симика “The Flea” *What a little fl**ea** loves to s**ee** // Is two lovers undress // And jump into bed* использует аналогичный приём связности, хотя в оригинальном тексте именно этого стихотворения он отсутствует: «**Блошка**» *Она так любит, **крошка**, // Когда любовники, разоблачившись, // Ныряют в постель.* Обратный пример незамечания новаторства заглавий представляет перевод С. Батонова чилийского поэта Т. Коэна. Новаторское полузаглавие, графически встроенное в текст, превращается в переводе в классическую первую строчку стихотворения без заглавия: *¿OLVIDARÉ ESE PALITO perfecto // del porte de dos falanges // de mi dedo meñique…* (*Как забыть совершенную жердочку // длиной в две фаланги // моего мизинца*). Кроме подобных случаев, когда первая длинная строка принадлежит одновременно тексту и выполняет функцию заглавия, то есть заглавие входит в сам текст и превращается в композиционный прием, наблюдается общая тенденция к сокращению длины заглавия.

Современные технические средства кардинальным образом влияют на эволюцию поэтических заглавий. Увеличивается количество билингвальных и кросс-культурных названий: билингвизм и изменение медиа в современном мире оказываются неразрывно связанными, а поэзия выступает контрапунктом этой взаимосвязи. В целом озаглавленных стихов становится гораздо больше. Возможно, это связано с алгоритмом поиска: гораздо легче искать стихотворение по короткому названию, чем по длинной строчке. Длина заглавия сокращается, и заглавие превращается в некое подобие ключевого слова. Количество эпиграфов сокращается, так как они воспринимаются как лишняя графическая нагрузка при ус-

ловии варьирования в электронной версии длины строки. Любые сноски не приветствуются, финальный комплекс редуцируется. В переводе фамилия переводчика чаще пишется под текстом, что уже само заменяет финальный комплекс, а в случае его присутствия может нежелательным образом интерферировать с ним. Если при переводе классических стихов дата привносится, даже если она отсутствовала в оригинале, то при переводе современников, особенно в ситуации poet to poet translation, дата перестает быть значимым элементом текста. При публикации в сети дата публикации автоматически косвенно включается в комплекс, а несколько публикаций с разными датами предполагают дробную легитимацию, что влияет на то, чтобы дата в конце стиха не ставилась.

Можно утверждать, что в современной культурной ситуации происходит разрыв заголовочно-финального комплекса, и эти формальные элементы подчиняются противоположным тенденциям: значение заглавия усиливается, а роль остальных элементов сходит на нет, что особенно очевидно в аккомодации поэтических текстов при переводе.

Литература

Азарова Н. М., Корчагин К. М., Кузьмин Д. В., Плунгян В. А. и др. Поэзия: учебник. Москва: ОГИ, 2021.

Бодрова А. С., Вдовин А. В. Лермонтов в советской школе (1953–1991): канон, идеология, педагогика // Вестник московского университета. Серия 9: Филология. 2014. Вып. 5. С. 33–53.

Демьянков В. З. Приемлемость, уместность и адаптация текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 9–19.

Еременко Е. Д., Прошкова З. В. Редактирование зарубежных фильмов в СССР как культурно-исторический феномен // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Вып. 3 (44). С. 28–34.

Ирисханова О. К. О некоторых вопросах когнитивной поэтики жестов: жесты «поэтические» vs. «прозаические» // Когнитивные исследования языка 2019. Вып. XXXVII. С. 989–993.

Китайская поэзия сегодня / сост. Азарова Н. М., Бочавер С. Ю., Дрейзис Ю. А., Корчагин К. М. Москва: Культурная революция, 2019.

Поэзия Латинской Америки сегодня / сост. Азарова Н. М., Бочавер С. Ю., Дрейзис Ю. А., Корчагин К. М., Кузьмин Д. В. Москва: Культурная революция, 2019.

Поэтика заглавия: сборник научных трудов / отв. ред. Андреева А. Н., Иванченко Г. В., Орлицкий Ю. Б. Москва-Тверь: Лилия Принт, 2005.

Weinberger E. Anonymous Sources: (On Translators and Translation) // Translation: Translators on Their Work and What It Means / Allen E., Bernofsky S. (eds.). N. Y.: Columbia University Press, 2013.

N. M. Azarova (*Moscow, Russia*)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

COGNITIVE BASIS FOR TRANSLATION OF POETRY TITLES

The article studies the mechanisms of accommodation to different cultural systems that occur when translating poetry titles. It compares these mechanisms in poetry and cinema, and analyzes the changes that happen with the titles of poems and their translations under the influence of modern technology.

Key words: titles, translation, accommodation, cultural system, contemporary poetry.

И. В. Беляева, А. А. Беляев *(Тамбов, Россия)*
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
rin_1901@mail.ru, aragon_rw@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОГНИТИВНЫХ ДОМИНАНТ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
(на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом)

В статье обосновывается значимость владения социокультурными когнитивными доминантами при переводе фразеологизмов с компонентом-зоонимом. В роли социокультурных доминант выступают культурно маркированные знания, отражающие опыт взаимодействия носителей языка с миром, необходимые переводчику для правильной интерпретации смыслов и их адекватной передачи.

Ключевые слова: социокультурная когнитивная доминанта, интерпретация, языковая картина мира, перевод, фразеологизм, компонент-зооним.

Общественная значимость переводческой деятельности заключается в том, что перевод представляет собой одну из важнейших социальных задач, реализация которой обеспечивает межкультурную коммуникацию. Однако эффективность коммуникации во многом зависит от культурной адаптации перевода, которая может рассматриваться с позиции когнитивной лингвистики.

В процессе познания человек опирается на ментальные образы фрагментов мира, хранящиеся в его сознании, для интерпретации новых знаний. Однако применение приобретенных знаний в практической

деятельности, включая переводческую, требует их преобразования в материальную систему, в роли которой выступает язык. При этом работа переводчика подразумевает не только трансформацию ментальных образов в языковые знаки, но и их максимальную адаптацию к картине мира адресата.

Выбор языковых средств и механизмов передачи смыслов варьируется в зависимости от языковых картин мира, идентичность которых не гарантируется даже оперированием аналогичными по своей грамматической и лексической структуре единицами, поскольку при языковой интерпретации на первый план выходят экстралингвистические знания, создающие социокультурный контекст. Под социокультурным контекстом вслед за Н. Н. Болдыревым понимаются структуры знаний, лежащие в основе формирований и интерпретации языковых значений [Болдырев 2014: 119]. Такие структуры знаний неоднородны из-за выборочности восприятия мира, и, следовательно, выборочности направлений интерпретирующей деятельности языкового сознания. По мнению Е. С. Кубряковой, человек может понять только то, что охватывается его концептуальной системой [Кубрякова 2004]. Любая (в том числе языковая) картина мира организована по антропоцентрическому (доминантному) принципу, который заключается в избирательности восприятия окружающей реальности и ее осмысления [Болдырев 2019: 38].

Переводческая деятельность представляет собой сложный процесс взаимодействия двух и более языковых картин мира, в ходе которого переводчик выступает в роли посредника разных культур. Залогом адекватного перевода становится правильная интерпретация языковых значений, которая подразумевает определение мыслительных структур, стоящих за ними. Для реализации такой интерпретации необходимо наличие фокусных знаний, в роли которых выступают когнитивные доминанты, определяющие направление интерпретации. Совокупность вербализованных доминант формирует языковой образ мира, опираясь на который человек интерпретирует новую для него информацию. Таким образом, доминантные знания являются частью языковой картины мира, с одной стороны, и обеспечивают культурное форматирование новой информации о мире, с другой.

Когнитивные доминанты отражают национальную специфику интерпретации, обусловленную социокультурным опытом взаимодействия конкретного народа с миром. Наиболее ярко такая специфика проявляется во фразеологии, в частности, во фразеологических единицах (далее ФЕ)

с компонентом-зоонимом. Зоонимы в составе фразеологизма отражают отношение носителей языка к тому или иному животному, показывают насколько близко народ взаимодействовал с разными животными, какие качества выделял у них и проецировал на себя. Следовательно, фразеологизмы с компонентом-зоонимом позволяют понять особенности восприятия и понимания человеком мира и себя в этом мире сквозь призму образов представителей животного мира.

Социокультурные когнитивные доминанты выделяются в результате культурной селекции, представляющей собой выбор знаний, относящихся к культуре определенного народа, о нормах и ценностях, значимых исторических и современных событиях, обычаях, традициях, преданиях. Контекст знаний о мире обеспечивает вторичное осмысление отдельных его единиц в процессах интерпретации, вторичной концептуализации и вторичной категоризации [Болдырев 2014: 119]. Примером результата вторичного переосмысления являются ФЕ с компонентом-зоонимом, выступающие как средства вторичной номинации, отражающие фоновые знания носителей языка. Для рассмотрения вторичного статуса интерпретирующих значений, обусловленного влиянием социокультурных доминант, обратимся к конкретным примерам.

Выявление социокультурных когнитивных доминант, лежащих в основе интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом, возможно посредством метода этимологического анализа. Так, культурно-национальная специфика интерпретирующего значения русской ФЕ *по щучьему велению* ‘без вмешательства кого-либо, само собой, по волшебству, чудесным образом’ обусловливается знанием русской народной сказки про Емелю, отпустившего пойманную щуку на свободу, за что та, обещала исполнять любое его желание [УФС 1997]. Например, *Вот бы и нам так, чтобы по щучьему велению все получалось само собой*.

Французская ФЕ *un petit rat de l’opéra* (букв.: маленькая оперная крыса) воспринимается не знакомым с социокультурной когнитивной доминантой человеком не как фразеологизм, а как свободное словосочетание, обозначающее детеныша крысы, обитающего в здании оперного театра. Однако для носителя французской культуры при интерпретации данного словосочетания активируется фразеологический гештальт, основанный на историческом знании об использовании подвальных помещений французской Оперы, кишевших крысами, для занятий танцами с учениками, которые были задействованы в спектаклях в качестве массовки. Данная социокультурная доминанта обусловливает интерпретирующее значение

фразеологизма: ‘jeune élève (garçon ou fille) de l’école de danse de l’Opéra de Paris’ [URL: https://www.larousse.fr].

В роли социокультурной когнитивной доминанты, обеспечивающей правильную интерпретацию значения одного фразеологизма, может выступать знание другого фразеологического значения. Так, в американском варианте английского языка функционирует ФЕ *a Presidential bee (in one’s bonnet)*, являющаяся производной выражения *to have a bee in one’s bonnet* ‘to keep talking about something again and again because you think it is very important’ [URL: https://dictionary.cambridge.org]. Например, *So far as I know, there is no actual proof that Hopkins had the Presidential bee in his bonnet before 1936*.

Социокультурные когнитивные доминанты, составляющие концептуальную основу интерпретирующих значений фразеологизмов с компонентом-зоонимом, охватывают разнообразные аспекты культурной жизни народа. Примеры некоторых подобных аспектов представлены в таблице 1.

Таблица 1

Примеры аспектов культурной жизни народа

Аспекты культурной жизни народа	**Социокультурные доминанты**	**ФЕ с компонентом-зоонимом**
праздники	знание о том, что святой изображается на иконах верхом на коне	рус. *конский праздник* ‘День Георгия Победоносца’
	знание о традиционном праздничном блюде на День благодарения	англ. *turkey day* ‘День благодарения’
	знание о том, что 1-го апреля во Франции разыгрывают окружающих, незаметно наклеивая на их спины бумажных рыб	фр. *fête du poisson d’avril* ‘день дурака’
традиции, связанные с животноводством	знание о том, что в качестве корма для цыплят используется пшено	рус. *цыплячья каша* ‘пшенная каша’
	знание о сезоне забоя свиней	англ. *a hog season* ‘зима’
	знание о том, что бычьи рога спиливали в ветреную погоду, чтобы мухи не садились на раны и не заражали животное	фр. *il fait le vent à décorner les boeufs* ‘сильный ветер’

Аспекты культурной жизни народа	**Социокультурные доминанты**	**ФЕ с компонентом-зоонимом**
особенности питания	знание о том, что в Советском Союзе в общественных заведениях в этот день готовили только рыбные блюда	рус. *рыбный день* ‘четверг’
	знание о главном блюде праздничного стола (запеченной индейке)	англ. *a turkey dinner* ‘обед на День благодарения’
	знание о том, что французы добавляют в один из традиционных видов сыра травы из-за чего он приобретает двухцветную окраску, напоминающую цвет оперения сороки	фр. *un fromage à la pie* ‘сыр с травами’
литература	знание содержания сказки Е. М. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь»	рус. *премудрый пескарь* ‘обыватель, трусливо прячущийся от жизни’
	знание содержания стихотворения Р. Бернса «К полевой мыши»	англ. *the best-laid plans of mice and men* ‘хорошо обдуманные планы, которые могут не сбыться из-за случайности’
	знание содержания произведения Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»	фр. *un mouton de Panurge* ‘толпа, безрассудно следующая за своим вожаком’
история	знание о том, что конь князя Олега умер от голода из-за конюха, продававшего, предназначенный животному корм	рус. *не в коня корм* ‘об отсутствии пользы кому-либо от чего-либо’
	знание цитаты британского деятеля XVIII века Роберта Уолполу, который часто употреблял данное выражение в процессе решения государственных вопросов	англ. *let sleeping dogs lie* ‘не нарываться на неприятности’
	знание фразы Людовика XIV, адресованной придворным, пришедшим в смятение, когда породистый меринос, демонстрируемый королю, вдруг начал мочиться прямо в зале	фр. *laisser pisser le mouton/mérinos* ‘предоставить событиям идти своим ходом’

Являясь результатом интерпретирующей деятельности народа, фразеологический концепт выступает, как структура национального сознания. В. Н. Телия отмечает, что концепт должен получить культурно-

национальную прописку [Телия 1996: 96]. Присвоение такой «прописки» обеспечивается функционированием социокультурных когнитивных доминант, отражающих фоновые знания носителей языковой картины мира. Знание родных и иностранных социокультурных когнитивных доминант позволяет переводчику успешно трансформировать реалии одной культуры в реалии, понятные другому народу. Опора на социокультурные когнитивные доминанты разных народов максимально адаптирует культурные знания друг к другу и позволяет избежать ошибок и неточностей при переводе.

Литература

Болдырев Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 118–122.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 37–44.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

CD – Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org (accessed 21.02.2021).

DFL – Dictionnaire français Larousse. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais (accessed 20.02.2021).

I. V. Beliaeva, A. A. Beliaev *(Tambov, Russia)*
Derzhavin Tambov State University

THE IMPORTANCE OF SOCIOCULTURAL COGNITIVE DOMINANTS IN TRANSLATION (Based on Phrasemes with Zoonyms)

The article focuses on the importance of sociocultural cognitive dominants in translation of phrasemes with zoonym component. The sociocultural dominants represent culturally marked knowledge that reflects the experience of the interaction of native speakers with the world. The translator uses this knowledge for correctly interpret the meanings and their adequate transmission.

Key words: sociocultural cognitive dominant, interpretation, linguistic image of the world, translation, phraseme, zoonym component.

С. Ю. Бочавер (*Москва, Россия*)
Институт языкознания РАН
Svetlana.bochaver@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РОМАНСКОГО БИЛИНГВИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[1]

Поэзия позволяет выявить различные стратегии построения многоязычного текста: репрезентация межъязыковых границ, включение неромански́х языков, отражение реальной или сконструированной языковой ситуации, концептуализация многоязычия. Применительно к многоязычным текстам можно утверждать, что поэзия меняет когнитивную рамку восприятия идиома.

Ключевые слова: поэтический билингвизм, поэтический дискурс, поэтический перевод, концептуализация билингвизма.

Современные медиа и постоянно развивающиеся социальные сети делают все более очевидным присутствие тех или иных форм многоязычия в жизни огромного количества людей. Эти средства более демократичны, чем традиционная письменная речь, и поэтому непосредственно отражают те формы речи, которые ранее подвергались редактуре или саморедактуре[2]. Современная поэзия ярко иллюстрирует эту тенденцию, и на протяжении последних десятилетий мы наблюдаем расцвет поэтического билингвизма в самых разных регионах, в том числе в странах романского мира. Целый ряд авторов строит на многоязычии свою языковую и поэтическую стратегию, поэтический билингвизм оказывается тесно связан с их идентичностью и становится одним из средств конструирования субъекта.

В романском мире многоязычие в поэзии хорошо известно со Средних веков, так что современные авторы, которые избирают его своей основной поэтической стратегией, осознанно или нет оказываются в русле обширной традиции, где представлено как многоязычие с неродственными языками (как в Испании времен Альфонсо X, где романская речь соседствовала

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

[2] В недалеком прошлом было бы более уместно говорить о цензуре и самоцензуре, которые накладывали ограничения не только на многоязычие, но и на определенные языки (ср. ситуацию во франкистской Испании).

с арабским и ивритом [Куделин 2015, Парижский 2015]), так и еще более широко разнообразие комбинаций романских языков и диалектов. Мы будем оперировать термином *идиом* в тех случаях, когда речь не идет об общепризнанных языках или когда статус того или иного языкового образования невозможно определить однозначно.

В данной статье мы рассматриваем случаи Дугласа Диегеса (Douglas Diegues) из Бразилии и Федерики Рокко Контин (Federica Rocco Contin) из Италии, чтобы выявить, с одной стороны, различные стратегии построения многоязычного романского текста, а с другой стороны, описать общие когнитивные механизмы, лежащие в основе создания и восприятия подобных текстов.

Оба автора включают в контекст своей поэзии языки и идиомы, обладающие богатой историей. С 1999 года фриульский имеет статус миноритарного языка в Италии, число говорящих составляет около 600 000, а портуньол не имеет официального статуса, несмотря на существенно большее число носителей, хотя в силу трансграничного распространения в Латинской Америке и низкого социолингвистического статуса оценить количество говорящих на портуньоле трудно.

Федерика Рокко Контин – многоязычный поэт и филолог. Она преподает испанский язык и латиноамериканскую литературу в Университете Удино, как филолог, она специализируется на автобиографической прозе и миграции в литературе, а также на междисциплинарных аспектах изучения кино и литературы. Главной отличительной чертой поэтики Рокко является использование сразу нескольких языков и идиомов. Она пишет на фриульском, итальянском, испанском и в отдельных случаях перемежает их английским.

Характерным примером этой поэтики является стихотворение “Abendland” (нем. букв. ‘вечерняя земля’, ‘Запад’), заглавие которого автор переводит на итальянский как («Землетрясение внутри»). Немецкое заглавие в стихотворении итальянского автора еще до начала чтения подает сигнал языковой тревоги, безусловно, читатель должен подготовиться к чему-то довольно непривычному. Первый строфоид написан на фриульском, затем следуют строфоиды на итальянском и испанском, а к фриульскому автор больше не возвращается. В подтексте первой строфы – популярная фриульская песня времен Первой мировой “Stelutis Alpinis” (фриул. ‘эдельвейс’)[1], сейчас это гимн Фриули – к ней отсыла-

[1] Мы благодарим Алину Звонареву за указание на источник и неоценимую помощь в разборе этого фрагмента. Со звучанием и текстом песни можно ознакомиться здесь: https://www.youtube.com/watch?v=uwakWbwxQsM

ет и эдельвейс, растущий в горах, и прямые заимствования (например, “bagnat dal sanc” (фриул. ‘облитый кровью’)) [Rocco].

Немецкое заглавие, создающее определенный когнитивный диссонанс у читателя, ожидающего увидеть романскую речь, репрезентирует положение фриульского, идиома, распространенного между Австрией и Италией. Собственно в тексте Рокко фрагмент на фриульском расположен между немецким и итальянским. Стоит особо отметить, что автор выбирает именно фриульский для начала своего стихотворения, из всех языков, присутствующих в стихотворении, он наименее понятен любому читателю. То есть автор намеренно затрудняет чтение и восприятие своего текста.

Создание дополнительной сложности и повышение когнитивной нагрузки на читателя можно описать как одну из общих функций многоязычия в поэзии. Однако нередко многоязычие также является и средством адресации, поскольку специфическая комбинация языков доступна для понимания некой социальной группе (как это было в средневековой Испании, см. [Парижский 2015, Куделин 2015]). Поначалу можно воспринять стихотворение Рокко именно так – автор пишет для определенного круга читателей, которые говорят на итальянском и фриульском и с какой-то вероятностью немного знают немецкий. Но интерпретировать текст таким образом не позволяет присутствие испанского. В действительности, кажется, нет социальных групп, которые владеют именно такой комбинацией языков. То есть Рокко искусственно создает собственную уникальную языковую ситуацию, обусловленную ее жизненным опытом и лингвистическим багажом.

В отличие от Рокко, Дуглас Диегес обращается к комбинации языков, которые составляют лингвистическую повседневность огромного числа говорящих. Он носитель смешанного культурного наследия, его отец кариока, а мать испано-гуарани. Он родился в Рио-де-Жанейро, а затем жил в Парагвае, а сейчас снова вернулся в Рио. Опыт многоязычной пограничной жизни явным образом сказывается в его поэтике и языке. Диегес не только осознал поэтический потенциал портуньола, но и создал на его основе своеобразную поэтику, которую он называет «дикий портуньол» [Diegues 2015]. Диегес смешивает три основных языка региона (испанский, португальский, гуарани) и идиомы (гуараньол и портуньол). Кроме того, в его тексты могут входить вставки из «арабского, китайского, латыни, немецкого, спанглиша, французского, корейского и др.» [Diegues 2015].

Наименование «дикий портуньол» (portunhol selvagem) противопоставляет его язык привычным формам портуньола, которые можно было бы назвать в этом контексте *конвенциональный портуньол*. По вы-

ражению самого автора: «Слово «дикий» указывает на происхождение в диких джунглях на тройной границе, а не на дикость, жестокость, трусость как поведение, которые считаются свойственными дикарям в противопоставлении цивилизованным людям» [Diegues 2015].

Тем не менее, «дикий портуньол» Диегеса оказывается явлением вполне литературным, включенным в более широкий контекст испаноязычной поэзии. Например, его героями становятся современный поэт Леопольдо Мария Панеро и латиноамериканский классик Октавио Пас с его философским термином ningunear (исп. ‘не замечать, ни во что не ставить’) [Ningunear]: Leopoldo Maria Panero nunca ha estado loco. // Miles de outros ninguneados nunca estiveram lokos. // Korazones llenos de yakarés felizes. // Korazones llenos de aranhas peludas. // Korazones llenos de ratas gigantes. (Подстрочник: Леопольдо Мария Панеро никогда не был сумасшедшим // Тысячи других, кого ни во что не ставили, не были сумасшедшими // Сердца полные счастливых кайманов // Сердца полные мохнатых пауков // Сердца полные огромных крыс) [Diegues 2015].

Этот фрагмент позволяет увидеть типичную технику Дугласа, когда испанский, португальский и портуньол тесно переплетены, написание K вместо C подчеркивает неконвенциональность и неофициальность его речи, поскольку именно так в испаноязычном интернете записывается разговорная речь. Тем не менее, этот простой прием позволяет превратить и без того экзотическое слово yacare (исп. ‘парагвайский кайман’) в слово, которое могло бы читаться не как испанское, а как гуаранийское.

В отличие от Рокко, которая ограничивается предъявлением своих многоязычных текстов, Диегес уделяет много внимания описанию своей поэтики и концептуализации поэтического билингвизма. Отчасти это можно связать с тем, что Рокко не нужно бороться за легитимацию фриульского, этот язык уже признан официально, в то время как Диегес оказывается выразителем сложной лингвистической проблемы – признания портуньола как значимого языкового явления. Именно поэтому ему требуются многочисленные «другие» языки в текстах, написанных по большому счету только на портуньоле. Инородные элементы, отвечающие у него за «дикость» портуньола, позволяют создать необычную языковую ситуацию, по сравнению с которой обычный портуньол выглядит почти как кодифицированный язык.

Для многих поэтов-билингвов актуален вопрос легитимации своего идиома, повышения его социолингвистического статуса или его дестигматизация. Поэзия оказывается для этих задач идеальным средством в силу когнитивных процессов, которые связаны с чтением поэзии.

Известно, что восприятие поэзии отличается от восприятия других форм речи. Если в бытовой речи мы невольно приписываем идиомам тот или иной социолингвистический статус, воспринимаем как «высокое» или «низкое», «литературное» или «разговорное», то в поэзии как бы снимается сам вопрос о маркированности идиома и его социолингвистическом статусе. Выбор языка/идиома для описания той или иной ситуации – это один из способов конструирования ситуации, в которой автор, выбирая идиом, отдает предпочтение неконвенциональной выделенности, «нарушающей в той или иной степени требования языка в угоду требованию момента» [Ирисханова 2014: 31]. Так, например, если мы слышим речь на суржике или портуньоле и др. идиомах, мы опознаем это как вернакуляр, приписываем этой речи некоторый сниженный регистр, именно так происходит с фрагментами на вернакуляре в прозе. Напротив, когда мы сталкиваемся с поэтическим текстом, написанным на этих идиомах, мы лишь распознаем намерение поэта включить в свой текст особую форму речи. *Теснота стихового ряда* заставляет нас забыть о том, какой именно статус мы приписали бы тем или иным словам в обычной ситуации.

Иначе говоря, поэтический контекст меняет когнитивные установки, связанные не только с восприятием текста, но и восприятием языка как такового. Если в обычной ситуации мы оперируем готовыми «образами языков», то поэзия позволяет и автору, и читателю начать заново конструировать «образ языка» [Степанов 1995, Азарова 2012]. Именно за счет этого становится возможной легитимация идиома через включение его в поэтический текст. **Применительно к многоязычным текстам можно утверждать, что поэзия меняет когнитивную рамку восприятия идиома**.

Современный читатель готов к ситуации неполного понимания и не ждет, что поэтический текст будет ему полностью понятен, в том числе, нет потребности и в точном определении, на каком языке он написан. Вполне можно предположить, что большинство читателей поэзии, устроенной по типу Дугласа Диегеса, даже не замечают переходов от одного идиома к другому в рамках данного текста, подобно тому, как билингвы не всегда рефлексируют моменты смены кода в быту. Напротив, в романских текстах, устроенных по типу Федерики Рокко Контин, границы между идиомами и языками подчеркнуты разбивкой на строфоиды, что делает для читателя более заметным авторский замысел, но тем не менее не требуют от читателя, точного опознания каждого из представленных в тексте идиомов.

Можно сказать, что поэзия позволяет читателю воспринимать вернакуляр заново, как бы снимая привычные когнитивные рамки, которые обычно обусловливают взаимодействие с ним. Интерпретация поэтического текста, по определению более насыщенного смыслами, чем обычная речь, требует от читателя больших и иных усилий. Даже если мы опознали в поэзии вернакуляр, мы скорее зададимся вопросом, зачем он здесь, какую функцию выполняет в этом тексте, а не сосредоточимся на сниженном статусе вернакуляра. Так, например, в стихотворении парагвайского поэта Кристино Богадо (Cristino Bogado) «Нет в поэзии эрекции fulltime» (“No hay una erección full time de la poesía”) портуньол (“una yiyi”, “vox Jane Birkin”) соседствует со строками на чистом испанском, там же вкраплены слова выражения на гуарани “Titi guasu”; “Akarangue puku” («большие груди», «длинные волосы») [Поэзия 2019: 86]. Однако смешением разных идиомов поэт не ограничивается, смысловое и стилистическое напряжение в стихотворении задано также столкновением повседневного и высокой поэтической речи (в роли поэтизмов здесь и греческое cosmos, и испанские слова pudor, precario y sublime). Завершает сложную композицию строка “Un détournement de Ducasse”, которая показывает, что сборный портрет любимой женщины должен быть рассмотрен в связи с работами Ги Дебора и Лотреамона как перевертыш штампов массовой культуры. Иначе говоря, поэт не оставляет читателю ни малейшей возможности наивно воспринимать портуньол и гуарани, а заставляет интерпретировать их появление и значения в рамках всего поэтического целого. Здесь широкий культурный и философский контекст за счет введения французского термина еще очевиднее, чем в случае отсылки к Пасу у Диегеса.

Итак, примеры Федерики Рокко Контин и Дугласа Диегеса позволяют показать ряд особенностей современного многоязычного поэтического текста на романских языках. Одно из основных различий у рассмотренных авторов это репрезентация межъязыковых границ. Рокко подчеркивает переходы между языками и идиомами, Диегес, напротив, их тщательно маскирует. Рокко создает искусственную языковую смесь, Диегес опирается на существующую, однако, инкрустирует ее лингвистическими экзотизмами. Рокко, работая с официально признанными языками, уделяет мало внимания концептуализации собственного многоязычия, а для Диегеса концептуализирующий дискурс о поэзии и многоязычии не менее важен, чем сама поэзия. Оба автора готовы включать в поэзию на романских языках неромanские элементы – у Рокко это немецкий или английский, у Диегеса – это главным образом гуарани.

Однако, несмотря на все различия в поэтических стратегиях авторов, можно говорить об общих когнитивных процессах восприятия многоязычной поэзии, когда для читателя поэзия снимает привычные рамки восприятия идиома и позволяет заново запустить процессы, связанные с конструированием «образа языка», в результате чего изменяется когнитивная рамка восприятия идиома.

Литература

Азарова Н. М. Юрий Сергеевич Степанов: образ языка как образ века // Критика и семиотика. 2012. № 17. С. 34–47.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Куделин А. Б. Андалусская строфическая поэзия: особый случай межъязыкового взаимодействия в средневековой Европе? // Критика и семиотика. 2015. Вып. 1. С. 171181.

Парижский С. Г. Трехъязычное стихотворение Йехуды Ал-Харизи (XIII в.) // Критика и семиотика. 2015. Вып. 1. С. 219–235.

Поэзия Латинской Америки сегодня. М.: Культурная революция, 2019.

Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX в. // Язык и наука конца XX века / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: ИЯз РАН, 1995.

Diegues D. La gracia de lo inusitado // ABC. 15 Aug 2015. URL: https://www.abc.com.py/edicion-impresa/suplementos/cultural/douglas-diegues-la-gracia-de-lo-inusitado-1398459.html (accessed 10.02.2021).

Ningunear. URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Ningunear (accessed 10.03.2021).

Rocco Contin F. Abendland URL: http://poesia.world/storage/upload_ pdf/xRWSVv2T6hoya80EYPhQpGpyYGHt20d6EaHD7LyK.pdf (accessed 22.02.2021).

S. Yu. Bochaver *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

COGNITIVE ASPECTS OF ROMANCE BILINGUALISM IN CONTEMPORARY POETRY DISCOURSE

Poetry allows to detect different strategies in constructing multilingual text: representation of borders between languages, inclusion of non-Romance languages, reflecting a real or artificial linguistic situation, conceptualization of multilingualism. For multilingual texts we can state that poetry changes a cognitive frame of language perception.

Key words: poetic bilingualism, poetry discourse, poetry translation, bilingualism conceptualization.

Г. М. Гасымова, Н. Ю. Нелюбова, Т. Е. Финская
(Россия, Москва)
Российский университет дружбы народов
gulnara.gasymova@yandex.ru,
nat.nelubova@mail.ru,
taya_finskaya5554@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ *PAIX* И *GUERRE* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается проблема репрезентации универсальных концептов PAIX и GUERRE в языковом сознании представителей современного французского общества: коренных французов и турецких мигрантов второго поколения. Исследование проведено в ракурсе ассоциативного, дефиниционного и дискурсивного анализа на материале современных видеоматериалов и анкетирования. Полученные результаты показали особенности репрезентации соответствующей диады с точки зрения лингвоаксиологии.

Ключевые слова: концепт PAIX, концепт GUERRE, современное французское общество, лингвоаксиология.

На современном этапе развития общества одной из важнейших ценностей является мир. Повышенная потребность в нем связана с общей социальной и политической напряженностью, обусловленной рядом факторов, в том числе пандемией коронавируса. Состояние мира и соответствующий концепт играют очень важную роль как в жизни отдельного человека, так и общества в целом. Изучение данного концепта позволяет взглянуть на окружающий мир глазами представителей другой культуры, понять общие и особенные характеристики национального самосознания, характера, быта и культуры в целом, а также облегчить взаимопонимание между представителями разных культур [Голубенко 2019: 207]. «Инвентаризация языка и речи с позиций лингвоаксиологии (resp. аксиолингвистики) позволяет получить данные о базовых ценностях человечества и конкретной нации, выявить ценностные константы (resp. доминанты) и переменные» [Ломакина 2021: 97].

Можно утверждать, что концепт МИР, отражаясь в языке с помощью разнообразных средств и являясь базовым элементом культуры, коррелирующим с мыслительными процессами человека, постоянно расширяет свои

границы в зависимости от экстралингвистических факторов. Поскольку «лексически представленные концепты и лексические категории, возникающие на базе этих концептов, репрезентируют наше знание мира как таковое» [Болдырев 2013: 6], концепт МИР, в частности, отражаясь в языковых единицах разного типа и в разных контекстах, характеризуется национальной спецификой. Целью данной статьи является изучение репрезентации концепта PAIX / МИР и GUERRE / ВОЙНА в языковом сознании носителей французского языка.

Концепту присущи образные, понятийные и ценностные характеристики [Карасик 2002: 187]. Отметим, что важность ценностного аспекта концепта PAIX / МИР, подтверждается различными исследованиями. Одним из них явилось анкетирование носителей французского языка, в котором приняли участие 100 информантов в возрасте от 18 до 75 лет, обоих полов, занимающихся различными видами деятельности. Поскольку в ядро концепта обязательно входит понятие [Венедиктова 2004: 29], участникам опроса было предложено оценить по 10-балльной шкале важность ряда универсально значимых понятий. Далее для каждого понятия была подсчитана средняя оценка, с учетом которой они были выстроены в следующую иерархию по убыванию количественного показателя: *amitié* / дружба (9 баллов), *amour* / любовь (9), *paix* / мир (8,95), *famille* / семья (8,1), *travail* / работа (6,7), *argent* / деньги (5,2) [Нелюбова 2019: 97]. Не останавливаясь подробно на комментарии данной шкалы, отметим, что мир занимает на ней одну из ведущих позиций в оценке носителей французского языка.

Изучение того или иного концепта может производиться путем дефиниционного, ассоциативного и дискурсивного анализа. Учитывая, что одной из моделей выявления основных характеристик концепта является модель ассоциативных связей языковых единиц и значений [Ралдугина 2010: 222], нашим информантам также было предложено представить ассоциации к заявленным в опроснике понятиям. Основными ассоциациями, связанными с миром, были: *calme* / спокойствие; *sérénité* / безмятежность; *sécurité* / безопасность; *réconfort* / утешение, поддержка, успокоение; *utopie (utopique)* / утопия (утопический); *espoir* / надежда; *fragile* / хрупкий; *parfois ennuyeuse* / порой скучный; *rare* / редкий; *guerre* / война; *racisme* / расизм. Таким образом, полученная картина демонстрирует не только положительные ассоциации, но и резко отрицательные, что свойственно амбивалентному сознанию человека. Противоположностью мира традиционно считается война, страх перед которой отражен в реакциях, связанных с нестабильностью мира, даже

его утопичностью. Если выводить из данной картины аксиологическую диаду, то ею будет универсальное противопоставление мира и войны, где мир, определенно, представляет ценность, а война – антиценность. Однако единичная реакция, связанная с тем, что стабильность у информанта иногда вызывает скуку, говорит лишь о диалектическом взаимодействии крайностей в человеческом сознании и модели мира. Единичная ассоциация *расизм* обусловлена современным этапом развития французского общества.

Учитывая, что личный опыт респондентов и различные ассоциативные связи составляют периферию концептов МИР и ВОЙНА, а ядром являются дефинитивные значения ключевого слова [Голубенко 2019: 198], обратимся к дефиниционному анализу: изучению понятийного аспекта концепта МИР. Ведь определение слова в словаре «есть нечто усредненное и устанавливаемое лексикографом, учитывающим собранный им и по мере сил достаточно объемный материал» [Кубрякова 2009: 71]. Приведем словарное определение, от которого мы будем отталкиваться в данной статье. Первым значением слова *paix* / мир является*: Rapports entre personnes qui ne sont pas en conflit* (отношения между людьми, не находящимися в состоянии конфликта) [Le Robert. Dictionnaire de français: URL].

Исходя из данного определения, миру противопоставляется более широкое понятие *конфликт*, до которого расширяется современное понятийное содержание концепта ВОЙНА. Примером такого расширения границ концепта является существующая во франкоязычном обществе острая проблема, усугубившаяся ситуацией с пандемией. Речь идет о насилии в семьях, которое во франкоязычном медиадискурсе называют также словом *guerre* / война [подробнее см.: Финская 2021]. В данном аспекте война часто сводится к понятию *ссора*, входящему в состав концепта ВОЙНА, и *примирение*, которое является одним из компонентов концепта МИР.

В ходе дискурсивного анализа, чтобы проследить репрезентацию языковых единиц, составляющих рассматриваемые концепты, нами было проанализировано 39 видеоматериалов с участием коренных французов, из них: 5 видеоблогов (15 видео, в которых в поисковике вводилось слово *dispute / ссора* и 15, где фигурировало слово *paix / мир*), а также 9 выпусков программы «Ça commence aujourd'hui», представленные на Youtube в открытом доступе.

Почти каждое представленное видео начиналось со слов: *nous nous sommes disputés* / мы поссорились, например: *nous nous sommes disputés devant notre enfant, est-ce grave?* (мы поссорились в присутствии ребенка,

это страшно?), за чем следовали отрывки ссоры либо между супругами, либо между родителями и детьми, либо видео, где проводится работа пары с психологом.

Так как оценка является одной из категорий, отражающих познавательную, регулятивную и ориентационную активность человека по отношению к природной и социальной реальности [Лызлов 2021: 3] и имеет непосредственную связь с ценностями, мы разделили все выявленные единицы, имеющие отношение к ценностной составляющей концептов МИР и ВОЙНА, на лексемы с положительной и отрицательной коннотацией.

Самые частотные глаголы с отрицательной коннотацией, выявленные в нашем материале: *se disputer* / ругаться (встретился 65 раз), *crier* / кричать (54 раза), *pleurer* / плакать (41 раз), *s'énerver* / нервничать (40 раз), *frapper* / ударить (39 раз), *taper* / ударять (34 раза), *agresser* / нападать (23 раза), *clasher* /нападать, критиковать (17 раз), *s'agiter* / волноваться (14 раз). Среди существительных, выражающих отрицательную оценку, были отмечены следующие: *violence* / насилие (57 раз), *colère* / гнев (43 раза), *haine* / стыд (42 раза), *peur* / страх (39 раз), *connerie* / глупость (36 раз), *victime* / жертва 34 (раза), *blessure* / рана (33 раза), *punition* / наказание (14 раз), *combat* / борьба (12 раз), *lâcheté* / подлость (8 раз), *rage* / ярость (8 раз), а также сочетания и лексемы, выражающие оскорбления: *t'es malade* / ты больной (49 раз), *faire chier* / доставать (36 раз), *ferme ta gueule* / заткнись (33 раза), *connard* / дурак (30 раз), *fou* / сумасшедший (27 раз).

В силу того что «в настоящее время в условиях глобализации и усиления миграционных процессов возрастает интерес к изучению концептосферы мигрантов и отражению особенностей их культуры как в титульном, так и в родном языке» [Гасымова 2021: 124], а также для получения более объективной картины репрезентации исследуемых концептов в языковом сознании представителей современного французского общества, был проведен опрос среди представителей второго поколения турецких мигрантов, проживающих во Франции.

Для проведения исследования была сформирована выборка из ответов 25 респондентов, проживающих на территории Франции и являющихся французскими гражданами. В исследовании приняло участие 25 респондентов, каждый из которых был представителем второго поколения турецких мигрантов во Франции (дети турецких мигрантов, родившиеся или выросшие на территории Франции). Опрос респондентов проводился с помощью интернет-платформы Google Forms таким образом, чтобы для каждого из респондентов обеспечивалась анонимность ответов.

Язык опроса – французский, территориально исследовательские мероприятия проводились во Франции. Опрос проводился в анонимном порядке: респонденты не указывали своих имён или контактных данных. Опрос был публичным: результаты в обобщённом виде возможно посмотреть в открытом доступе по ссылке. Основными вопросами были: 1) *En quelle langue vous vous disputez le plus souvent?* / На каком языке вы чаще всего ссоритесь?), 2) *Lors de vos disputes, quels mots reviennent régulièrement?* / Какие слова вы употребляете чаще всего во время ссор?)

На первый вопрос 13 респондентов ответили, что на французском, и 12 – на турецком. В ответах на второй вопрос были приведены, в основном, бранные слова как на французском, так и на турецком языках. Среди французских единиц из 25 человек 7 отметили глагол *s'énerver /* нервничать, и 6 человек отметили выражения: *faire chier /* доставать, *ferme ta gueule /* заткнись. Также респондентами были отмечены контекстуально переводимые междометные слова с нейтральной коннотацией *en fait*, *du coup, pfff*.

Проведенный опрос показал, что именно французский язык употребляется мигрантами более чем в 50% случаев даже в таких эмоциональных ситуациях, как ссора.

Часто в результате ссоры наступает момент примирения. Данную ситуацию очень метко описывает французская пословица *Plus la guerre bat son plein, plus la paix est proche* / Чем дальше идет война, тем ближе к миру, а пословицы являются наиболее лаконичными и одновременно емкими языковыми единицами, объективно отражающими ценностный опыт поколений, выражая логику суждений и поступков с точки зрения определенной морали, не вступающей в противоречия с принятой в обществе системой ценностей [Нелюбова 2021: 388].

Возвращаясь к анализу видеоматериалов, отметим, что в них было выявлено достаточно большое количество единиц, связанных с примирением. Речь идет о глаголах, некоторые из которых антонимичны вышеперечисленным единицам с отрицательной коннотацией: *prier* / молиться (49 раз), *pardonner* / прощать (47 раз), *se calmer* / успокоиться (39 раз), *aimer* / любить (35 раз), *adoucir* / смягчать (24 раза), *accepter* / соглашаться (22 раза), *restaurer* / восстановить (21 раз); существительные: *amour* / любовь (72 раза), *cœur /* сердце (58 раз), *équilibre* / баланс (15 раз), *bienveillance* / доброжелательность (13 раз), *alchimie* / алхимия (9 раз), и такие выражения, как: *faire un premier pas* / сделать первый шаг (28 раз), *apporter sa pierre* / вносить свой вклад, досл.: приносить свой камень.

Видео, проанализированные нами в рамках данного исследования, несут в себе эмоциональную составляющую, ведь и ссора, и примирение – это состояние, которое чаще всего появляются резко, также резко и остро люди реагируют друг на друга, используя бранную и эмотивно-окрашенную лексику. Полученные результаты позволяют утверждать, что несмотря на подверженность сильным эмоциям в момент ссоры, употреблением большого количества единиц с отрицательной коннотацией вплоть до бранных слов и выражений, французам очень ценно именно состояние мира, ведь, например, слово *amour* повторяется целых 72 раза, причем как в первом блоке видео про ссоры, так и во втором, про примирение. Исследование показало, что примерно в половине случаев турецкие мигранты, как и коренные французы, в ситуации ссоры используют практически одинаковые французские бранные лексические единицы.

Таким образом, проведенный в рамках данной статьи ассоциативный, дефиниционный и дискурсивный анализ еще раз продемонстрировал, что «способ построения мира языковыми средствами в определённой степени отражает специфику его видения как отдельным индивидом, так и целым языковым коллективом» [Шнякина 2015: 180]. С помощью выявленных языковых средств, репрезентирующих концепты PAIX и GUERRE, выражающих отрицательную и положительную оценку, нам удалось, в частности, определить отношение представителей французского общества к ссоре и примирению. Полученные результаты показали и репрезентацию исследуемой аксиологической диады, в которой как ценность выступает мир, а война представляет собой антиценность.

Литература

Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 5–13.

Венедиктова Л. Н. Концепт «Война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004.

Гасымова Г. М. Концепт РОДИНА в языковом сознании турецких мигрантов второго поколения во Франции // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 124–127.

Голубенко Е. А. Полевая организация концептов «ВОЙНА» и «МИР» в современной языковой картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 197–212.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Кубрякова Е. С. О концептах, схваченных знаком // Studia Linguistica. 2009. № XVIII. С. 69–75.

Ломакина О. В. Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Том 7 (73). № 1. С. 97–107.

Лызлов А. И. Аксиологическая динамика английской фразеологической системы: дис. … д-ра филол. наук. М., 2021.

Нелюбова Н. Ю. Аксиологические концептосферы французов и русских: из опыта анализа паремиологических словарей // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 387–391.

Нелюбова Н. Ю. Иерархическая структура ценностей носителей французского и русского языков: национальное и интернациональное // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 95–98.

Ралдугина Ю. В. Понятийная, оценочная и образная составляющие французского концепта voyage // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1. С. 222–226.

Финская Т. Е. Роль событий-аттракторов в создании концептосферы французского медиадискурса // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 274–277.

Шнякина Н. Ю. Когнитивная интерпретация в сфере изучения конструирования мира средствами языка // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 180–184.

Le Robert. Dictionnaire de français, Le Robert. URL: https://dictionnaire.lerobert.com/definition/paix (дата обращения: 15.06.2021).

G. M. Gasymova, N. Yu. Neliubova, T. Ye. Finskaya
(Moscow, Russia)
RUDN University

THE REPRESENTATION OF THE CONCEPTS *PEACE* AND *WAR* IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF MODERN FRENCH SOCIETY'S REPRESENTATIVES: LINGUO-AXIOLOGICAL ASPECT

The article deals with the problem of the representation of the universal concepts PEACE and WAR in the linguistic consciousness of modern French society's representatives: native French and Turkish migrants of the second generation. The study was conducted from the perspective of associative, definitional and discursive analysis based on modern video materials and questionnaires. The obtained results showed the peculiarities of the representation of the corresponding dyad from the point of view of linguistic axiology.

Key words: PEACE concept, WAR concept, modern French society, linguoaxiology.

Ю. А. Дрейзис *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
xiaoyouliya@gmail.com

ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПИСЬМЕННОГО ЗНАКА В СИСТЕМЕ С МОРФОСИЛЛАБИЧЕСКИМ ТИПОМ ПИСЬМА[1]

Статья представляет попытку описать несколько типов концептуализации письменного знака в языках с морфосиллабическим устройством письма китайского типа (знак как рисунок, знак как конструктор, знак как литера). Особенности морфосиллабической системы оказывают прямое и опосредованное влияние на когнитивную автономию языковых единиц как в обыденном, так и в поэтическом дискурсе.

Ключевые слова: графика, китайский язык, палиндром, поэтический дискурс, языковая игра, когнитивные механизмы.

Письмо – это символический способ физического представления устной речи, занимающей по отношению к нему доминирующее положение [Rogers 2004: 2]. Однако это доминирование не всегда последовательно. Как отмечает историк письма И.М. Дьяконов, «для классификации видов письма важна не форма знаков…, а характер передачи знаками элементов речи» [Дьяконов 2014]. Морфосиллабические системы (термин, предложенный Дж. ДеФрэнсисом [DeFrancis 1989: 58]), такие как китайская или письменность майя, характеризуются строгим соответствием между слогом и письменным знаком. Их отличие от чисто силлабических систем заключается в том, что знак соответствует не любому слогу с заданным фонетическим обликом, но только такому, который соотносится с четко определенной морфемой. Запись слога невозможна без привязки к значению; это формирует когнитивно связанные «пучки» знаков с совпадающими чтениями.

Подавляющее большинство знаков в такой системе устроено типовым образом: в них присутствует графический элемент, соотнесенный со значением (ключ/ детерминатив), и элемент, подсказывающий звучание по принципу ребуса (фонетик). У детерминатива отсутствует фонетическое соответствие. Так, например, в китайском знаке, который служит для записи

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

второй морфемы в слове ‘мамонт’ (*měngmǎ* 猛犸), *-mǎ* 犸, в левой части находится детерминатив ‘животное’ 犭, который встречается во многих других морфемах, объединяемых концептуально в одну категорию (*māo* 猫 ‘кошка’, *yuán* 猿 ‘обезьяна’, *liè* 猎 ‘охотиться’), а в правой – фонетик *mǎ* 马. Как отдельный самостоятельный знак он записывает морфему со значением ‘лошадь’: так относительно простой знак выполняет функцию фонетика в сложном. За редким исключением фонетики, как и детерминативы, входят в состав целой серии знаков, ср. ‘мама’ *mā* 妈, ‘агат’ *mǎnǎo* 玛瑙, ‘муравей’ *mǎyǐ* 蚂蚁. Набор детерминативов в морфосиллабической системе письма довольно определенный и постоянный, но при этом отсутствует фиксированное закрытое множество фонетиков. Порядка 33% всех знаков характеризуются наличием нефункционального фонетика [DeFrancis 1989: 113], не передающего чтение, что задает специфические дискурсивные механизмы взаимодействия «письменного» и «устного».

Мы обратимся к тому типу механизмов, которые находятся в прямой связи с языковой выразительностью и основываются на эффекте многопланового восприятия (как элемента языковой игры). Они связаны с концептуализацией письменного знака как визуального символа, как разложимого сборно-разборного модуля и как подвижной детали в составе более крупной единицы. Все три типа концептуализации проявляются в контекстах разного типа и степени творчества, объединенных одними и теми же «когнитивными механизмами концептуальной метафоризации, метонимизации и интеграции, а также перспективизации» [Ирисханова 2019: 990].

Визуальная природа знаков морфосиллабического письма создает феномен их когнитивной автономии, просачивающийся порой и в устную речь [Smith 2017: 437]. Это часто используется в китайских загадках, где письменный знак концептуализируется как картинка. Так, например загадка 穷人盖被 *qióngrén gàibèi* ‘одеяло бедняка’ подразумевает ответ в виде трех письменных знаков – 由 *yóu* ‘следовать’, 甲 *jiǎ* ‘первый циклический знак’, 申 *shēn* ‘девятый циклический знак’ [Ahrens, Becker, Huang, Llamas, Meisterernst, Tam 2019: 239]. Знаки функционируют как изображения, вне связи со значением записываемых морфем. Языковая игра строится на образе бедняка, у которого не хватает денег, чтобы позволить себе одеяло нормальной длины: вот он натягивает его на ноги, но обнажается верхняя половина тела – он прикрывает голову, и тогда из-под одеяла начинают торчать голые ступни; в конце концов, бедняк кладет одеяло ровно посередине – и теперь неприкрытыми оказываются уже и верх, и низ. Это явное манипулирование письменными знаками как картинками также используется в повседневной речи, например,

при знакомстве, когда говорящий представляется по фамилии, уточняя, например, что его зовут Ван 王 *wáng,* и при этом поясняя, какой именно из омофоничных знаков следует использовать для записи: он не просто называет свою фамилию, но пытается описать её как изображение 三横一竖王 *sān héng yī shù wáng* ‘Ван с тремя горизонтальными чертами и одним перпендикулярным штрихом’.

Однако знаки китайского письма состоят не только из графически элементарных элементов, но и из семантически автономных составных частей (детерминативов и фонетиков), которые дублируют простые знаки, и в художественном дискурсе часто используются разные формы языковой игры на их основе. Хорошим примером может служить одна из новелл классического сборника XVIII в. «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» (*Ляо Чжай чжи и* 聊斋志异), «Лиса острит» (*Ху се* 狐谐), в которой *хусянь* 狐仙, лисица в человеческом обличье, связывает свою судьбу с небогатым молодым человеком. Другие персонажи новеллы часто отпускают замечания по поводу особой природы лисы-оборотня и даже дразнят её. В какой-то момент острая на язык главная героиня отвечает подтрунивающим над ней знакомым своего возлюбленного, что она действительно лиса-оборотень, а «справа [у неё] – большая тыква, слева – маленький пес» [Пу Сунлин 2018: 16]. В левой части знака 狐 *hú* ‘лисица’ действительно находится детерминатив ‘животное’ 犭, производный от знака ‘собака, пес’ 犬 *quǎn*, а в правой – фонетик 瓜 *guā* ‘тыквина’. Героиня-лисица описывает знак, дробя его на составные части, и подчеркивая семантическую автономию каждой из частей (несмотря на то, что в норме фонетик лишен какой бы то ни было семантики кроме указания на звучание). Шарада лисицы имеет следующий, уничижительный для молодых людей, смысл: справа от меня, лисы, сидит большая тыква (т.е. дурак), а слева – щенок. Характерно, что в отличие от классической шарады европейской традиции, которая практически неизвестна в фольклоре и начинает развиваться довольно поздно, в письменной литературе, с осознанием зримого членения слова, китайский аналог с характерной двухкомпонентной структурой (наличие кодирующей части и отгадки), коммуникативной направленностью, ассоциативностью, стереотипностью, прецедентностью, связью с национальной концептосферой [Струкова 2018: 205] имеет широкое использование и в обыденном дискурсе, хотя и в несколько видоизмененном ключе. Здесь он служит для обозначения фамилий при необходимости снятия неоднозначности, связанной с омофонией (как и в случае примера с фамилией Ван выше). Например, фамилия Ли 李 *lǐ* передается как 木子李 *mù zǐ lǐ* ‘Ли с деревом

(наверху) и сыном (внизу)', т.к. сверху находится графема, соответствующая нечленимому знаку 'дерево' 木 *mù*, а снизу – знаку 子 *zǐ* 'сын'.

Порой когнитивная автономия письменного знака нарушает привычную языковую структуру, например, разбивает двусложную лексему на две семантически автономные единицы. Особенный статус знака, отчасти унаследованный от исторической стадии развития письма, когда отдельные знаки гораздо более последовательным образом соответствовали словам, чем в случае современного языка, вносит свою лепту в восприятие китайских идиомов как состоящих из независимых моносиллабических единиц, обладающих собственным значением. Независимость, которую природа письма сообщает отдельным слогоморфемам, и создает для носителей китайского языка феномен когнитивной автономии. Многие из связанных морфем оказываются допустимы в изолированном виде в именах собственных – и для снятия неоднозначности требуется обращение к письму. Отдельные слоги полисиллабичных морфем порой оказываются употребленными в составе новых слов совершенно самостоятельно: *húdié* 蝴蝶 'бабочка' этимологически представляет собой двусложную морфему, но второй слог *dié* употребляется в составе производных, например, *diéyǒng* 蝶泳 'стиль баттерфляй' [Kennedy 1964].

В художественном дискурсе данный феномен часто встречается в поэзии. Так, в классическом стихотворении Ду Фу 杜甫 (712–770) «Лунной ночью думаю о моих братьях» (*Юэ е и шэди* 月夜忆舍弟, 759) третья строка *lù cóng jīn yè bái* 露从今夜白 'росы с нынешней ночи белы' содержит разделенное на морфемы слово 白露 *báilù* (букв. 'белые росы') – название одного из традиционных двадцати четырех календарных сезонов. Инверсируя привычный порядок и перемещая одну из морфем в самое начало строки, Ду Фу не только стремится создать ритмически корректный рисунок фразы, который соответствовал бы нормам ритмико-мелодического построения, но и привносит новый смысл за счет актуализации образа росы, лишь имплицитно присутствующего в исходной единице. Это оказывается возможно, т.к. традиция автономии единиц письма в китайском языке достаточно сильна, чтобы преодолеть нарушения лексической целостности.

Семантические особенности китайских письменных знаков задействуются в поэтическом языке теми способами, которые невозможны при использовании алфавитной системы письма. Например, различные композиционные правила зачастую требуют соответствия значений, форм и компонентов письменных знаков в дополнение к строгому соблюдению метра, рифмовки и правил чередования тонов. Даже для простейшей поэтической формы, двустишия (*дуйлянь* 对联), соответствия между

письменными знаками играют большую роль. Самое частотное правило такого рода – это требование, чтобы знаки, расположенные в одинаковых позициях внутри стихотворной строки, обладали бы полностью совпадающими или семантически соотнесенными детерминативами и / или записывали слова одинаковой частеречной принадлежности. Это правило может нарушаться только в палиндромоподобных образованиях типа 上海自来水来自海上 *Shànghǎi zìláishuǐ lái zì hǎi shàng* ‘Водопроводная вода Шанхая идет с моря’. В центре строки находится символ со значением ‘вода’ (*shuǐ* 水), оставшиеся восемь знаков расположены зеркальным образом с каждой стороны от центрального «водораздела». Этот палиндром имеет две уникальные особенности. Во-первых, одинаковые символы в соответствующих позициях выполняют синтаксически и лексически разные функции. Во-вторых, наложение палиндромной структуры предъявляет чрезвычайно сложные требования ко второй строке предполагаемого двустишия, т. к. строки *дуйлянь* должны максимально соответствовать друг другу на фонетическом, синтаксическом, семантическом и графическом уровнях.

Опора на когнитивные особенности морфосиллабического письма также позволяет двустишию передавать информацию посредством того, что отсутствует в его структуре. Замечательный пример – дистих, записанный Чжэн Баньцяо 郑板桥 (1693–1765): 二三四五，六七八九 *èr sān sì wǔ, liù qī bā jiǔ* ‘2345, 6789’ [Ahrens, Becker, Huang, Llamas, Meisterernst, Tam 2019: 250]. В первой позиции первой строки отсутствует «единица», а в последней позиции второй строки – «десятка»; читающий понимает это, т. к. имеет представление о структуре классического дистиха-*дуйлянь*, каждая строка которого непременно должна быть пяти- или семисложной. Далее предполагается, что читатель переформатирует двустишие с недостающими элементами в другую очень устойчивую и структурно строгую языковую форму – четырехзначного фразеологического сращения (*чэнъюя* 成语): получается выражение 缺一少十 *quē yī shǎo shí* ‘недостает единицы, не хватает десятки’, используемое в значении «не хватает одного, либо недостает другого». Последний шаг в декодировании заложенного в дистих смысла заключается в том, чтобы активировать фонологическое знание и проинтерпретировать слово 一 *yī* ‘единица’ через омофоничное ему слово ‘одежда’, а 十 *shí* ‘десятка’ – через омофоничное ‘еда, пропитание’. Таким образом получается каламбур 缺衣少食 *quē yī shǎo shí* ‘недостает одежды, не хватает еды’.

Возможность множественного прочтения задействуется и в китайском палиндроме *хуэйвэнь* 回文, который на самом деле позволяет читать текст

несколькими способами (вместо прямого и обратного порядка чтения, типичного для палиндрома в алфавитных языках). Графическая рамка *хуэйвэнь* позволяет тексту начинаться с любого символа, и, в зависимости от того, где он начинается, порядок символов может порождать разную семантику. Это в значительной степени опирается на семантически ориентированную систему орфографии [Huang, Hsieh 2015], которая позволяет словам с разными грамматическими функциями, но имеющими один и тот же концептуальный смысл, быть представленными одним и тем же символом, даже если они имеют разные фонологические формы. Известный пример – пять символов 也可以清心 *yě kě yǐ qīng xīn*, которые часто гравируют на традиционных чайниках и которые можно читать пятью разными способами, начиная всякий раз с другого знака: 可以清心也, 以清心也可, 清心也可以, 心也可以清. Все варианты прочтения содержат одно и то же сообщение о том, что чай способен «очистить» сознание, но с разными модальными оттенками.

Таким образом, в тех типах дискурсивной деятельности, где по-разному проявляется творчество говорящих, использование морфосиллабики оказывает влияние на когнитивный статус соответствующих единиц. Способность системы письма выступать источником когнитивных разграничений или интеграции между лексическими единицами, которая играет маргинальную роль в алфавитных системах, в морфосиллабической письменности проявляется на регулярной основе и выполняет важные функции.

Литература

Дьяконов И. М. ПИСЬМО // Большая российская энциклопедия. Том 26. М.: БРЭ, 2014. С. 278.

Ирисханова О. К. О некоторых вопросах когнитивной поэтики жестов: жесты «поэтические» vs «прозаические» // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 989–993.

Пу Сунлин. Странные истории / пер. В. М. Алексеев. СПб.: Пальмира, 2018.

Струкова Т. В. Шарада как жанр энигматического дискурса // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл: Горизонт, 2018. С. 195–207.

Ahrens K., Becker T., Huang C. R., Llamas R., Meisterernst B., Tam K. F. Chinese Language Arts: The Role of Language and Linguistic Devices in Literary and Artistic Expressions // The Routledge Handbook of Chinese Applied Linguistics (Routledge Handbooks) / ed. Chu-Ren Huang, Zh. Jing-Schmidt, B. Meisterernst. New York: Routledge, 2019. P. 237–255.

DeFrancis J. Visible Speech: The Diverse Oneness of Writing Systems. Honolulu: University of Hawaii Press, 1989.

Huang Chu-Ren, Hsieh Shu-Kai. Chinese Lexical Semantics: from Radicals to Event Structure // The Oxford Handbook of Chinese Linguistics / ed. Chaofen Sun, W. S.-Y. Wang. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 290–305.

Kennedy G. A. The Butterfly Case (Part I) // Selected Works of George A. Kennedy. New Haven: Far Eastern Publications, Yale, 1964. P. 274–322.

Rogers H. Writing Systems: A Linguistic Approach. Oxford: Blackwell, 2004.

Smith J. Influence of Writing System on the Language // Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics / ed. R. Sybesma. Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 433–437.

Yu. A. Dreyzis *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

LINGUISTIC MECHANISMS OF WRITTEN SIGN CONCEPTUALIZATION IN A LANGUAGE WITH A MORPHOSYLLABIC TYPE OF WRITING

The paper presents an attempt to describe several modes of written sign conceptualization in languages with a morphosyllabic writing of the Chinese type (signs as pictures, signs as interlocking elements, signs as movable blocks). The features of the morphosyllabic system have a direct and indirect impact on the cognitive status of linguistic units.

Key words: Chinese language, cognitive mechanisms, graphics, palindrome, poetic discourse, language arts.

А. С. Коваленко *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
kovalenko.wt@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОГНИТИВНОГО МЕХАНИЗМА «ПРОФИЛЬ-БАЗА» В ФОРМИРОВАНИИ ТЕРМИНОВ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В КЛИНИЧЕСКИХ НЕЙРОНАУКАХ

В статье рассматривается механизм профилирования, являющийся одним из ключевых когнитивных механизмов в конструировании эпонимических терминов – названий неврологических и психиатрических синдромов.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, эпонимические термины, профилирование, неврология, психиатрия.

В настоящее время под влиянием распространения когнитивного подхода и развития новой когнитивно-дискурсивной парадигмы знания складывается когнитивное терминоведение, в рамках которого пересматриваются подходы, категории и понятия традиционного терминоведения, сложившиеся к концу XX в.

Термин «когнитивное терминоведение» впервые был зафиксирован в «Историческом систематизированном словаре терминов терминоведения» в 1998 г. С. В. Гриневым. В дальнейшем данное понятие получило разработку в трудах В. М. Лейчика, который относит когнитивное терминоведение к пятому, современному, этапу в развитии отечественной науки о терминах.

Центральной проблемой когнитивного терминоведения является проблема соотношения терминосистем и языков профессиональной коммуникации «со стоящими за ними структурами специального знания» [Голованова 2013: 14].

В рамках когнитивного терминоведения «термин считается вербализованным специальным концептом, появляющимся и совершенствующимся в процессе познания» [Блем, Меркурьева 2014: 168]. Вместе с тем, Л. М. Алексеева и С. Л. Мишланова подчеркивают, что термин является «универсальной языковой категорией, характеризующейся общими свойствами языкового знака» [Алексеева, Мишланова 2002: 15].

Если в традиционном терминоведении термин понимается как слово или словосочетание, единица, фиксирующая специальное понятие и рассматриваемая как некоторое неизменное, статичное явление, то в русле современного коммуникативно-когнитивного терминоведения термин – явление динамичное, способное отразить существующие системы знаний, которые, по словам Л. А. Манерко, организуют «всю систему сведений, репрезентирующих конкретную сферу деятельности человека» [Манерко 2009: 641–650].

Одним из способов концептуализации объекта в термине является механизм профилирования, описанный Р. Лэнекером. И. Г. Серова отмечает, что в работах различных лингвистов-когнитологов (Р. Лэнекер, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Дж. Тейлор) данный феномен обозначается различными терминами: профилирование, фокусировка, высвечивание, перспективизация [Серова 2007].

Н. Н. Болдырев относит профилирование к образно-схематическим моделям и отмечает, что, с точки зрения Р. Лэнекера, при помощи данного механизма языковая единица приобретает некоторое значение [Болдырев 2018: 184].

Центральными понятиями изучаемого механизма являются «профиль» и «база». О. К. Ирисханова определяет «базу» как «ближайшее

концептуальное содержание, которое характеризует языковое выражение», а «профиль» – «то, что выделяет в этом содержании конкретная языковая единица» [Ирисханова 2014: 40]. Фактически профилем называется какая-либо яркая характеристика, проявляющаяся на фоне концептуальной базы, на которой фокусируется внимание реципиента [Маслова, Попова 2015: 80].

Ж. Н. Маслова и Е. А. Попова подчеркивают в своем исследовании физиологическую природу данного когнитивного механизма, поскольку он основан на понимании того, что разум человека способен «концентрировать внимание на определенной области концептуального содержания в составе комплексной, интегративной структуры знания и высвечивать отдельные, наиболее актуальные в конкретной ситуации характеристики этой области» [Маслова, Попова 2015: 81]. Лингвисты отмечают, что эта же идея прослеживается и в трудах Дж. Тэйлора [Маслова, Попова 2015: 81].

Примеры профилирования можно найти среди терминов клинических нейронаук. Целью данной работы стало изучение реализации механизма «профиль-база» как одного из способов конструирования неврологических и психиатрических терминов.

Объектом исследования стали синдромы из области неврологии и психиатрии, содержащие в себе эпонимический компонент. Предмет изучения – особенности использования механизма профилирования в терминологических единицах.

Источником практического материала стал портал *MedicineNet.com*. В рамках исследования методом сплошной выборки из словаря, размещенного на портале, были отобраны названия 443 синдромов, 88 из них стали материалом для проведения исследования, поскольку они удовлетворяют следующим критериям:

1) содержат в себе ономастический компонент;

2) относятся к области неврологии или психиатрии.

При классификации данных синдромов по этимологическому признаку можно выделить следующие категории:

1) термины, образованные от фамилии врача или врачей, впервые описавших данный синдром – 60 шт, 68% *(Rasmussen's syndrome)*;

2) термины, образованные от фамилии врача или врачей, представивших первое наиболее полное описание синдрома – 8 шт, 9% *(Kleine-Levin syndrome)*;

3) термины, основой которых является фамилия первого или самого известного пациента – 7 шт, 7,9% *(Adele syndrome);*

4) термины с топонимом в качестве эпонимического компонента – 7 шт, 7,9% *(Pisa syndrome);*

5) термины, содержащие в себе имя литературного персонажа – 6 шт, 6,8% *(Alice in Wonderland syndrome)*.

В данной классификации выделяются две большие подгруппы эпонимических терминов: термины с антропонимом в качестве эпонимического компонента (1–3 категории) и термины, основой которых становится топоним или литературный оним (4–5 категории). Показатели когнитивной салиентности для данных подгрупп будут различны. М. И. Киосе определяет выделенность (салиентность) как совокупность факторов, способствующих распознаванию образа объекта при непрямой номинации [Киосе 2018].

Очевидно, что уровень реализации образа будет различным в терминах типа *Rapunzel syndrome* и *Cotard's Syndrome*, несмотря на то, что оба этих термина являются эпонимическими терминами. Если говорить о терминах с антропонимом в качестве эпонимического компонента, то и для специалистов, и для неспециалистов образ будет актуализироваться в том случае, если они в своей жизни встречались с подобным синдромом. Например, если врач в своей практике непосредственно сталкивался с редким *синдромом Ретта*, то при упоминании данного синдрома у него возникнет ассоциация с пациентом. Если у обычного человека родственник или знакомый живет с этим синдромом, то в сознании будет возникать образ этого человека. Кроме того, на профессиональном уровне также будут возникать ассоциации, связанные с течением болезни, поэтому апелляция будет происходить не к денотату (в данном примере, неврологу Андреасу Ретту), а к набору дифференциальных признаков данного синдрома, к его симптоматике: стереотипные движения рук, их потирание, заламывание, затрудненная речь, однообразность ответов, мутизм (у пациента пропадает речь), характерное для заболевания выражение лица, судорожные припадки и т. д. Поэтому можно сделать вывод о том, что термины с антропонимом в качестве эпонимического компонента имеют низкий уровень когнитивной салиентности, и механизм профилирования в них не реализуется.

В литературных онимах и топонимах, напротив, будет использоваться когнитивный механизм «профиль-база». Профилироваться может какая-либо уникальная, яркая черта, характерная для определенного денотата:

1) внешность;

2) характер;

3) прецедентное событие.

Рассмотрим каждую из категорий подробнее.

В качестве примеров синдромов, в которых профилируется внешность объекта, можно привести следующие термины:

Pisa syndrome – в данном случае, по механизму «профиль-база» профилируется яркая ассоциативная черта: как башня в Пизе немного наклонена в бок, так и у человека, страдающего данным синдромом, нарушено вертикальное положение туловища.

Rapunzel syndrome – в названии синдрома отражается образ данного литературного персонажа, профилируется яркая ассоциативная черта. В частности, данная героиня сказки братьев Гримм известна своими длинными волосами, а *синдром Рапунцель* характеризуется тем, что больной ест свои волосы, в результате чего в организме образуется целый волосяной ком, который впоследствии приходится удалять хирургическим путем.

Яркими примерами синдромов, в которых профилируется характер литературного персонажа, являются термины:

Othello syndrome – синдром назван в честь героя одноименной трагедии У. Шекспира, известного своей патологической ревностью.

Peter Pan syndrome – данный синдром относится к психологическим феноменам, а не к клиническим заболеваниям, тем не менее, он интересен с точки зрения функционирования механизма профилирования. Название синдром получил в честь Питера Пэна, героя сказок Дж. М. Барри, мальчика, который хотел вечно оставаться юным. В синдроме, характерным признаком которого является инфантильность, профилируется эта черта его характера.

В качестве примеров синдромов с профилем «прецедентное событие» можно привести следующие термины:

Stockholm syndrome – данный термин также популярен в психологии и описывает симпатию, которая может возникать у жертвы по отношению к агрессору. В названии синдрома спрофилировано место события, произошедшего в 1973 г. Тогда в Стокгольме произошло ограбление банка на площади Норрмальмсторг, во время которого заложники перестали воспринимать захватчиков как угрозу, между ними образовалась психологическая связь и привязанность.

Alice in Wonderland syndrome – данное состояние характеризуется нарушением визуального восприятия человеком своего тела или отдельных его частей. В названии этого синдрома профилируются события, описанные в сказке Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», в ходе которых Алиса увеличивалась и уменьшалась, пробуя напитки из различных сосудов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что механизм «профиль-база» реализуется только в терминах, обладающих высоким уровнем когнитивной салиентности. К таким терминам относятся синдромы с эпонимическим ядром – литературным онимом или топонимом. В них профилируются яркие черты, характеризующие денотат: его внешность, характер или какое-либо прецедентное событие.

Литература

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002.

Блем И. В., Меркурьева В. Б. Становление лингвистического терминоведения // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 7 (90). С. 166–169.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 13–18.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Киосе М. И. Лингвистические показатели салиентности непрямых окказиональных номинаций в языке окказиональной прозы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 156–167.

Манерко Л. А. Терминоведческая наука XX столетия // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 641–650.

Маслова Ж. Н., Попова Е. А. Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций // Материалы докладов VII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации». Саратов: Издательский центр «Наука», 2015. С. 80–85.

Серова И. Г. Когнитивные механизмы формирования гендерных смыслов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 92–97.

A. S. Kovalenko *(Moscow. Russia)*
Lomonosov Moscow State University

THE USE OF THE COGNITIVE MECHANISM “PROFILE-BASE” IN THE FORMATION OF TERMS WITH ONOMASTIC COMPONENT IN CLINICAL NEUROSCIENCES

The article discusses the profiling mechanism which is one of the key cognitive mechanisms in the construction of eponymous terms – names of neurological and psychiatric syndromes.

Key words: cognitive terminology, eponymous terms, profiling, neurology, psychiatry.

Н. Н. Кошкарова, О. А. Солопова *(Челябинск, Россия)*
Южно-Уральский государственный университет
studiumjuvenis@mail.ru
o-solopova@bk.ru

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА НА СЛУЖБЕ ОБЩЕСТВА: КАК И ПОЧЕМУ ВАЖНО ИЗУЧАТЬ МЕДИАОБРАЗ РЕГИОНА?[1]

Статья посвящена изучению медиаобраза региона с точки зрения когнитивной лингвистики. Авторы приходят к выводу о том, что когнитивная лингвистика представляет тот инструмент, который позволяет изучать и описывать медиаобраз того или иного географического объекта через призму лингвоаксиологии в совокупности с экстралингвистическими условиями и обстоятельствами.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, медиаобраз, медиатопик, Челябинск, Челябинская область, лингвоаксиология.

Изучение медиаобраза того или иного города (региона, области) в современных лингвистических и экстрадискурсивных условиях важно с точки зрения не только расширения имагологической доктрины, но и прикладного характера изысканий подобного рода. Медиаобраз представляет собой комплексный объект для исследования, так как его сущностные характеристики возможно изучать в различных парадигмах: с точки зрения контент-анализа, в имагологическом ракурсе, через призму лингвоаксиологии, с учетом средств метафорического моделирования. Генеральным направлением описания и изучения медиаобраза является когнитивная лингвистика, одной из задач которой является «исследование структур представления разных типов знания и способов концептуальной организации знания в процессах порождения и восприятия речи» [Кубрякова 1995: 190].

Многообразие исследовательских направлений определяет многовекторность изучения территориального образа в работах российских и зарубежных ученых. Так, авторы обращаются к рассмотрению проблемы формирования медиаобраза региона в современных европейских СМИ [Буланов и др. 2016]; описывают визуальный медиаобраз городского будущего на страницах местного издания [Тихонова 2014]; анализируют

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

стереотипные представления о том или ином регионе в масс-медийном дискурсе [Кондратьева 2019; Huang et al. 2021]; выявляют концептуальные метафоры как способ дискурсивного конструирования образа города в СМИ [Колмогорова и др. 2020]; представляют фреймовую модель медийного образа территориального образования [Глушкова и др. 2017]; воссоздают параметрические характеристики медиаобраза [Гриднев 2016; Малышева 2014, 2016; Малышева и др. 2017]; рассматривают социальную функцию медиаобраза [Хочунская 2013; Motamed et al. 2018].

Как уже было указано выше, наукой, которая занимается изучением образа и системы образов в определенный исторический период, является имагология, основывающаяся «на общих положениях, которые можно сформулировать как представление об инонациональном, это образ другой нации, складывающийся на фоне представлений о «своем», национальном и, следовательно, о «своих» нормах и ценностях» [Иванова 2016: 75]. В современной лингвистике имагологические исследования приобретают все большую важность, так как они способствуют 1) изучению образа (системы образов) той или иной национальной культуры в целях ее репрезентации, саморепрезентации; 2) раскрытию терминологической и аксиологической сущности понятий *образ, символ, имидж, стереотип*; 3) исследованию репрезентации имагологических конструктов в мифах, культуре, религии, литературе, фольклоре и др. Как следует из названия самой науки – имагологии – центральным понятием данного научного направления является *образ*.

Предметом научного интереса в настоящем исследовании является *медиаобраз* – термин, интерпретация которого в различных научных парадигмах пока не отличается стройностью и однозначностью. Л. В. Хочунская объясняет сложность формализации медиаобраза его детерминированностью спецификой создания и восприятия [Хочунская 2013]. По мнению ученого, под медиаобразом следует понимать «закодированное в медийном тексте ценностное представление автора о медиаобъекте, имеющее диалогический (полилогический) характер и вызывающее ценностную реакцию адресата [Хочунская 2013: 93].

В определении, предложенным Г. С. Мельник и Н. О. Свешниковой, акцент делается на связи эмоциональных (рациональных) представлений аудитории и деятельности медиаиндустрии: «медиаобраз представляет собой одну из форм существования массового сознания в медиакоммуникации» [Мельник и др. 2020: 83].

По нашему мнению, медиобраз – это представление об объекте окружающей действительности, формируемое средствами массовой информации, содержащее ценностные определения, создающее в массовом

сознании оценку и отношение к представляемому объекту. Изучение медиаобраза целесообразно проводить в ракурсе когнитивной лингвистики, так как образ, создаваемый СМИ, всегда детерминирован идеологическими, аксиологическими, личностными приоритетами участников социальных процессов. Важным является и понимание того, что в процессе создания медиаобраза, репрезентированного в медиатекстах, задействованы определенные языковые и речевые средства, от умелого использования которых зависит успешность / неуспешность коммуникации с целевой аудиторией.

В исследовании медиаобраза города и региона считаем необходимым выделить доминантные темы (медиатопики), конструирующие положительный и отрицательный образ Челябинска и Челябинской области. Анализ проводился на материале федеральных, региональных и зарубежных средств массовой информации: *Златоустовский рабочий, Копейский рабочий, Магнитогорский металл, Вечерний Челябинск, Миасский рабочий, Южноуральская панорама, Челябинский урбанист, РБК, Коммерсант, Российская газета, Известия, Вечерняя Москва, Аргументы недели, ABC News, Asia Times, Australia's leading new site, CBC, Daily Mail, Daily Star* и др.

К положительным медиатопикам создания медиаобраза Челябинска и Челябинской области относим следующие темы: 1) промышленность и экономика; 2) спорт; 3) социальная сфера; 4) падение метеорита; 5) личность и деятельность губернатора области А. Текслера. Кратко представим анализ каждой из выделенных тем. Образ Челябинска в промышленной сфере создается за счет сравнения с героем древнегреческой мифологии – гигантом. При употреблении данной лексемы в текстах СМИ концептуализируется индустриальный потенциал и экономическая мощь города и области: *Алексей Текслер заявил, что достичь такого результата может и Челябинская область, поскольку у* ***промышленных гигантов*** *есть хороший потенциал к активному финансированию* (Копейский рабочий, 28.02.2020). <…> *Одним из наиболее известных предприятий Южного Урала стал* ***промышленный гигант****, ради которого основали город, – Магнитогорский металлургический комбинат* (Коммерсант, 04.08.2017). <…> *The drama began in Chelyabinsk, a remote Russian city close to the border with Kazakhstan that is Magnitogorsk's base. ...Investors in Flinders, who had expected the deal to go through, are struggling to understand the willingness of a judge to back a tiny investor against an* ***industrial giant*** *that dominates the local region and has links to the Kremlin* (The Wall Street Journal, 16.04.2012). Промышленность и экономика Челябинска неразрывно связаны, а репрезентация этих

медиатопиков в текстах СМИ происходит за счет разнообразных языковых и речевых средств, одним из которых являются прецедентные высказывания: *За три века, с первых петровских заводов, Южный Урал прошел значительный индустриальный путь, полностью оправдал право называться «**опорным краем державы**», сформировал уникальный производственный, трудовой и научный потенциал* (Известия, 16.12.2010).

Челябинск и Челябинская область – это не только крупный промышленный центр, но и средоточие спортивной жизни. Так, например спортивная тема в материалах о городе и области актуализируется через аксиологические приоритеты человека, к числу которых относится здоровый образ жизни: *Спортивная общественность Челябинской области обсуждает строительство спортивных объектов, анонсированное главой региона Алексеем Текслером в рамках послания депутатам регионального Законодательного Собрания. Как отметил губернатор, **спорт** – **это еще одна важная сфера самореализации и самовыражения человека*** (Южноуральская панорама, 27.05.2021). Безусловно, Челябинск в сознании целевой аудитории выступает как домашний город хоккейного клуба «Трактор», что находит отражение в препозитивном определении, в качестве которого функционирует прилагательное, образованное от названия города,– *челябинский*: *Как стало известно, **челябинский «Трактор»** стартует в очередном сезоне КХЛ 3 сентября с домашней серии. Первым соперником подопечных Анвара Гатиятулина станет «Автомобилист» из Екатеринбурга* (Аргументы недели, 07.08.2020). В англоязычном медиадискурсе название города выступает в качестве постпозитивного определения: *Pilut, a pending restricted free agent, appeared to be ready for a full-time role with the Sabres when training camp opens for the 2020–21 season. However, coach Ralph Krueger won't have Pilut as an option after the 24-year-old defenseman signed a two-year contract this month with **Traktor Chelyabinsk**, a Russian team in the Kontinental Hockey League* (Buffalo News, 25.06.2020).

Положительный образ Челябинска и Челябинской области формируется не только благодаря спортивным достижениям, но и успехам в социальной сфере: *Выступая 25 мая с посланием к Законодательному собранию, губернатор Челябинской области Алексей Текслер остановился на проектах развития, реализация которых позволит региону нарастить экономические, научные, социальные и культурные возможности* (Российская газета, 03.06.2021). Социальная сфера принадлежит к тому направлению деятельности города и области, где в максимальном объеме реализуются аксиологические установки человека: *Ранее Челябинская область вошла в число пилотных регионов, где будет запущен проект АСИ*

«Национальная социальная инициатива». Его задача – сделать работу социальной сферы более человекоцентричной и выстроить все процессы исходя из потребностей как работников сферы, так и получателей социальных услуг (Южноуральская панорама, 24.06.2021).

В феврале 2013 года произошло весьма важное событие, существенным образом повлиявшее на медиаповестку региона и медиаобраз области,– падение метеорита. О случившемся писали региональные, федеральные и зарубежные СМИ. В отечественных СМИ челябинский метеорит получил различного рода метафорические и метонимические номинации: *пришелец, кусочек Вселенной, инопланетный камушек и др. Астрофизики Челябинского государственного университета опубликовали исследование статистики падений метеоритов за последние 160 лет. В каталог вошли 938 случаев с 1860 по 2018 годы. Взорвавшийся в атмосфере над Южным Уралом* ***«пришелец»*** *оказался самым заметным после Тунгусского метеорита, сообщили в понедельник в университете* (Российская газета, 15.02.2021). В зарубежных источниках Челябинск стал известен именно благодаря данному событию – падению метеорита. Упоминание Челябинска почти неотделимо от сочетания *«asteroid exploded over Chelyabinsk, Russia»,* являющееся самой популярной характеристикой Челябинска в этой связи. Также часто упоминаемые сочетания: «*…blew up over Chelyabinsk, Russia», «asteroid that struck Chelyabinsk, Russia», «…streaked through the sky above Chelyabinsk».*

Положительный образ города и области создается благодаря деятельности губернатора – А. Текслера. Сам образ действующего губернатора в масс-медийных текстах является интересным для изучения. Например, положительную оценку губернатору придает противопоставление эпитетов *молодой* и *консервативный*, где первый обладает положительной коннотацией, последний – негативной: *волна новых молодых губернаторов вроде Паслера и Текслера активно использует Instagram в отличие от своих консервативных предшественников*…(Ведомости, 19.02.2019).

К медиатопикам создания отрицательного образа Челябинска и области относятся следующие темы: экология, вывоз и утилизация мусора, благоустройство, последствия падения метеорита. Детальное изучение отрицательного образа Челябинска мы относим к перспективам нашего исследования. Однако уже на данном этапе анализа можно сделать вывод о том, что когнитивная лингвистика представляет тот инструмент, который позволяет изучать и описывать медиаобраз того или иного географического объекта через призму лингвоаксиологии в совокупности с экстралингвистическими условиями и обстоятельствами.

Литература

Буланов А. В., Драчева Ю. Н., Опахина Е. В. Медиаобраз Вологодской области в европейских СМИ // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 6. С. 49–57.

Глушкова Т. С., Зайцева О. А. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 3 (29). С. 50–57.

Гриднев Н. А. Телевизионный новостной медиаобраз Омска (на материале выпусков передачи «Новости здесь» телеканала «Продвижение») // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 51–63.

Иванова А. Д. О понятийном аппарате современной имагологии // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 11. С. 74–78.

Колмогорова А. В., Мельникова М. И. Метафорические средства конструирования образа Красноярска в дискурсе социальных медиа // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 4 (73). С. 48–52.

Кондратьева О. Н. Стереотипный медиаобраз сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века) // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 222–236.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М.: РГГУ, 1995. С. 144–238.

Малышева Е. Г. «Город мертв»: концентрация негативного в медиаобразе Омска // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 50–59.

Малышева Е. Г. Моделирование медиаобраза Омска по данным современной блогосферы // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 92–106.

Малышева Е. Г., Гриднев Н. А. Реконструкция медиаобраза Омска (на материале текстов регионального телевизионного массово-информационного дискурса и данных ресурса «Медиалогия») // Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 57–61.

Мельник Г. С., Свешникова Н. О. Медиаобраз российского города и его представленность в массовом сознании жителей регионов // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. 2018. № 3(12). С. 81–93.

Тихонова Е. М. Визуальные медиаобразы городского будущего на страницах местного издания // Журналистский ежегодник. 2014. № 3. С. 111–115.

Хочунская Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Литературоведение. Журналистика. 2013. № 2. С. 91–95.

Huang J., Obracht-Prondzynska H., Kamrowska-Zaluska D., Sun Y., Li L. The Image of the City on Social Media: A Comparative Study Using “Big Data” and “Small Data” Methods in the Tri-City Region in Poland // Landscape and Urban Planning. 2021. № 206. P. 1–19.

Motamed B., Farahani L. M. The Evaluative Image of the City through the Lens of Social Media: Case Study of Melbourne CBD // Journal of Architecture and Urbanism. 2018. Vol. 42. Issue 1. P. 24–33.

N. N. Koshkarova, O. A. Solopova *(Chelyabinsk, Russia)*
South Ural State University

COGNITIVE LINGUISTICS ON THE PAYROLL OF SOCIETY: WHY AND HOW IS IT IMPORTANT TO STUDY REGION'S MEDIA IMAGE?

The paper studies the region's media image from the point of view of cognitive linguistics. The authors come to the conclusion that cognitive linguistics serves as a tool which enables to study and describe the region's media image in terms of linguistic axiology in conjunction with extra-linguistic factors.

Key words: cognitive linguistics, media image, media topic, Chelyabinsk, Chelyabinsk region, linguistic axiology.

М. В. Попова, А. А. Филимонова *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
neunerin@gmail.com, aleksandrafilimonova57@gmail.com

ПРЕОДОЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТА ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РУССКИХ ИММИГРАНТОВ В НЕМЕЦКОЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ СООБЩЕСТВО

В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению влияния русского акцента на перспективы интеграции русских иммигрантов в принимающий немецкий социум. Было сделано предположение, что русские иммигранты, не обладающие сформированной фонетико-фонологической компетенцией и говорящие с ярко выраженным русским акцентом, подвержены дискриминации по акцентному признаку в Германии. В рамках исследования был проведен опрос среди русских иммигрантов, проживающих на территории ФРГ. Анализ полученных данных, касающихся специфики изучения и частотности практики немецкого языка, причин иммиграции, а также продолжительности проживания в Германии подтверждает гипотезу исследования. Значимость исследования также заключается в оценке вышеупомянутых показателей, которые позволяют спрогнозировать успешность преодоления акцента как результата интерференции на фонетико-фонологическом уровне.

Ключевые слова: иноязычный акцент, фонетическая интерференция, иммиграция, интеграция, дискриминация по акцентному признаку.

Введение

В эпоху миграционного кризиса в Европе успешность интеграции иммигрантов в принимающее сообщество приобретает всё большую значимость. Успешность интеграции зависит от многих факторов, среди которых можно выделить тип иммиграции, возраст при иммиграции, разницу между родной культурой и культурой принимающего сообщества, языковые компетенции иммигрантов и, наконец, отношение принимающего сообщества к иммигрантам [Лободанова, Стариков 2016, URL]. В данной статье мы рассмотрим фактор языковой компетенции в рамках фонетико-фонологического уровня, связанной прежде всего с преодолением фонетической интерференции, следствием которой является наличие у говорящего иноязычного акцента [Вишневская 2018]. В контексте интеграции иммигрантов в принимающее сообщество наличие ярко выраженного иноязычного акцента играет важную роль, так как, согласно ряду исследований, несмотря на европейскую политику мультикультурализма и толерантности, многие иммигранты зачастую испытывают трудности при поиске жилья, устройстве на работу или определенную должность, а также в повседневной жизни из-за дискриминации по акцентному признаку [Hinrichs 2013; Попова 2016; Hosoda 2016; Prange de Oliveira 2019].

Г. М. Вишневская описывает иноязычный акцент как «следствие языковой (фонетической) интерференции в неродной речи говорящего, которое может вызвать неоднозначную (положительную или отрицательную) реакцию участников речевого сообщества» [Вишневская 2018: 187]. Исходя из этого определения, можно считать, что восприятие иноязычного акцента всегда субъективно. Как показывают результаты многих исследований, русский акцент не входит в ряд «любимых» немцами акцентов и зачастую воспринимается носителями немецкого языка негативно [Settinieri 2011; Degener 2016; Roessel 2018]. В связи с этим возникает вопрос, сталкиваются ли русские иммигранты, третье по величине этническое сообществ в ФРГ, которое по разным данным насчитывает от 2 до 3,5 миллионов человек, с дискриминацией по акцентному признаку [Lübbe, Lokshin 2020, URL]. Для установления данного факта было выполнено исследование на базе МГЛУ, в рамках которого был проведен опрос среди русских иммигрантов в Германии на предмет определения роли иноязычного акцента при социокультурной интеграции русских иммигрантов в ФРГ. В ходе исследования мы также проверили важность ряда факторов для преодоления интерференции на фонетико-

фонологическом уровне. К этим факторам относятся способ изучения иностранного языка, частота его использования в повседневной жизни, продолжительность пребывания на территории страны изучаемого языка, а также цель переезда в страну изучаемого языка [Piske 2001].

Методика исследования

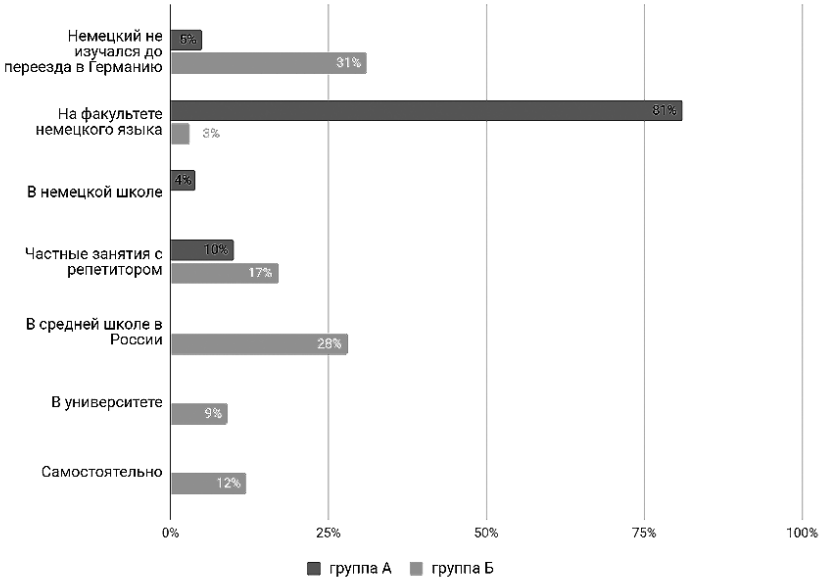
Гипотеза исследования заключается в том, что ярко выраженный русский акцент усложняет процесс социокультурной интеграции русских иммигрантов в принимающее сообщество.

Выбор респондентов осуществлялся на основании следующих критериев: совершеннолетие, родной язык – русский, проживание на момент проведения исследования на территории Германии вследствие иммиграции. В ходе исследования были собраны статистические данные респондентов: пол, возраст и текущее место жительства. Особый интерес представляли факторы, которые могут повлиять на степень выраженности иноязычного акцента иммигрантов: цель переезда в Германию, способ изучения немецкого языка, продолжительность пребывания на территории Германии, отношение к немецкому языку и частота его использования в повседневной жизни [Piske 2001]. В рамках исследования респонденты также отвечали на вопрос, сталкивались ли они с предвзятым отношением на основании наличия у них русского акцента при общении с немцами на немецком языке.

Описание результатов исследования

В опросе, который был проведен на базе онлайн-анкетирования на платформе Google Forms, приняли участие 145 респондентов (90 женщин и 55 мужчин) из девяти федеральных земель (Баварии, Северного Рейна-Вестфалии, Гамбурга, Баден-Вюртемберга, Бранденбурга, Нижней Саксонии, Рейнланд-Пфальца, Гессена, Шлезвиг-Гольштейна). Возрастной контингент респондентов: от 18 лет до 65+.

Согласно полученным результатам, большинство респондентов (53%) сталкивалось с дискриминацией по акцентному признаку в Германии. Для удобства интерпретации данных данная группа респондентов была обозначена как **«группа Б»**. Для исследования интерес также представляла группа иммигрантов, представители которой никогда не сталкивались с предвзятым отношением по причине акцентной окрашенности их речи. Численность этой группы составляет 68 респондентов (47%). Данная группа была обозначена как **«группа А»**.



* группа А – респонденты, не сталкивавшиеся с предвзятым отношением в Германии; группа Б – респонденты, столкнувшиеся с предвзятым отношением в Германии.

Рис. 1. Сравнительная характеристика изучения немецкого языка респондентами из групп А и Б

Большинство респондентов из группы А (95%) изучали немецкий перед переездом в Германию. При этом почти половина опрошенных из этой группы учили немецкий язык в профильных лингвистических университетах. Трое респондентов обучались в немецкой школе, а четыре респондента защищали кандидатскую диссертацию в Германии. В группе Б 31% опрошенных не изучали немецкий язык до переезда в Германию. Остальные респонденты из этой группы изучали немецкий язык преимущественно в школе, в институте или самостоятельно. Сравнительные результаты представлены на рис. 1.

Респондентам также было предложено описать цель их иммиграции из России в Германию. При анализе ответов на данный вопрос в группе А были выделены две основные цели иммиграции, в частности переезд из-за работы или учёбы (59% опрошенных), и воссоединение с семьей (38% опрошенных). Результаты ответов респондентов из группы Б демон-

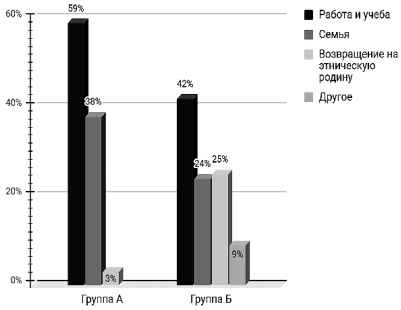


Рис. 2. Цель иммиграции в Германию

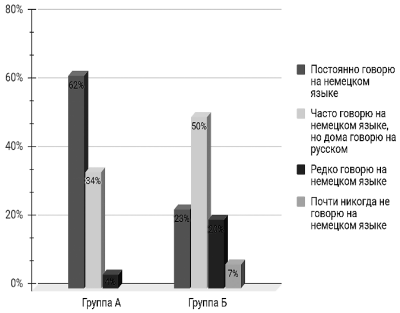
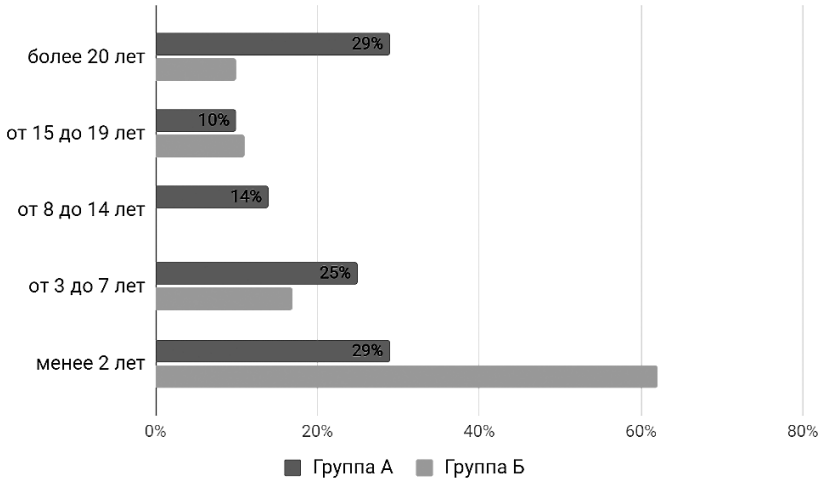


Рис. 3. Частота использования немецкого языка в повседневной жизни

* группа А – респонденты, не сталкивавшиеся с предвзятым отношением в Германии; группа Б – респонденты, столкнувшиеся с предвзятым отношением в Германии.



* группа А – респонденты, не сталкивавшиеся с предвзятым отношением в Германии; группа Б – респонденты, столкнувшиеся с предвзятым отношением в Германии.

Рис. 4. Продолжительность проживания в Германии

стрируют дополнительную цель переезда – возвращение на этническую родину, которая приходится на 25% опрошенных. Работа и учеба являются определяющим факторами лишь для 42% опрошенных из группы Б, а семья – для 24% респондентов. Данные представлены на рис. 2.

Частота использования немецкого языка в повседневной жизни представляла большой интерес для данного исследования. Анализ данных показал, что 60% опрошенных из группы А говорят на немецком языке постоянно, а 34% – довольно часто. Важно отметить тот факт, что в данной группе нет ни одного респондента, который почти никогда не говорил бы на немецком языке в отличии от группы Б, в которой достаточно большое количество опрошенных, а именно 20%, редко говорят на немецком языке. Кроме того, 7% из группы Б «почти никогда» не используют немецкий язык в качестве языка общения. Данные представлены на рис. 3.

В рамках данного исследования особое внимание было уделено продолжительности жизни русских иммигрантов в Германии, так как данный фактор, по мнению некоторых исследователей, оказывает значительное влияние на овладение фонетико-фонологической компетенцией и выступает одним из важнейших среди факторов влияния на степень выраженности иноязычного акцента [Piske, MacKay, Flege 2001]. По результатам проведенного опроса в группе А 29% опрошенных живут в Германии менее двух лет, а 25% опрошенных – от трех до семи лет. Более 20 лет в Германии живут 29% опрошенных. В группе Б самыми репрезентативными являются иммигранты, которые проживают на территории ФРГ менее двух лет. Их доля составляет 62% опрошенных. И лишь 10% иммигрантов из группы Б живут в Германии более 20 лет. Данные представлены на рис. 4.

Интерпретация результатов исследования

Полученные результаты демонстрируют большой процент русскоязычных иммигрантов, сталкивающихся с предвзятым отношением в Германии из-за их ярко выраженного русского акцента. Респонденты, которые не испытывают предвзятого отношения, предположительно, владеют немецким языком на высоком уровне: более 80% респондентов в группе А учились в лингвистическом университете на факультете немецкого языка, где особое внимание уделяется практической фонетике, что позволяет студентам осознанно работать над своим произношением на протяжении всего обучения. Респонденты, которые защищали кандидатскую диссертацию в Германии и учились в немецкой школе, с высокой вероятностью имеют низкую степень выраженности русского акцента, поскольку они начали

изучение немецкого языка в раннем возрасте и активно использовали немецкий язык как в академической, так и в повседневной жизни.

Рассматривая цель переезда в Германию и частоту использования немецкого языка, стоит отметить, что группа иммигрантов, которая не сталкивалась с предвзятым отношением, обладает сильной мотиваций из-за цели своего переезда в Германию, а также постоянно или часто общается с носителями языка. Иммигранты из группы А не просто пассивно находятся в немецкоязычной среде, а постоянно контактируют с носителями языка. Именно постоянный контакт с немцами и желание понять и принять немецкий быт и культуру являются залогами успешной интеграции иммигрантов в принимающее сообщество. Стоит еще раз подчеркнуть, что в данном контексте мотивация является важным фактором, поскольку учеба и работа требуют высокого уровня владения изучаемым языком во всех его аспектах, а сформированная фонетическая компетенция повышает шансы на успех в плане профессиональной и личностной реализации. В группе Б одной из ключевых целей переезда является возвращение на этническую родину, что, как известно, сопровождается получением гражданства и различными льготами. Данный факт, предположительно, может служить причиной отсутствия мотивации учить немецкий язык и социально интегрироваться в принимающее сообщество. Кроме того, это подтверждается тем, что многие опрошенные из группы Б очень редко говорят на немецком языке, а, следовательно, почти не контактируют с немецкоязычным населением в разных жизненных ситуациях.

Продолжительность проживания в принимающем сообществе зачастую выделяется как один из основных факторов успешной адаптации и интеграции иммигрантов в это сообщество. Многие исследователи отмечают, что в естественной среде акцент «сглаживается» [Попова 2020], однако результаты исследования, проведенного Дж. Флиджем, свидетельствуют о том, что даже продолжительное «погружение» в языковую среду не приводит к значительным изменениям на фонетико-фонологическом уровне. Следует отметить, что данный фактор имеет большое значение только на начальной стадии изучения иностранного языка и во взаимосвязи с другими факторами, в частности, с возрастом при начале изучения, частотностью практики и др. [Flege 1995; Piske, MacKay, Flege 2001]. Результаты настоящего исследования, однако, демонстрируют, что продолжительность проживания в Германии не играет ключевой роли в успешности интеграции иммигрантов. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что намного важнее не срок проживания на территории Германии, а частотность практики немецкого языка, а также желание

учить немецкий язык и интегрироваться в новое сообщество. Полученные нами результаты согласуются с результатами исследования С. Мариновой-Тодд, Б. Маршалла и К. Сноу, которые пришли к выводу, что наиболее значимыми факторами в вопросах формирования произносительных навыков на иностранном языке являются окружающая среда и мотивация [Marinova-Todd, Marshall, Snow 2000].

Заключение

В заключение стоит отметить, что результаты исследования подтверждают основную гипотезу о том, что иноязычный акцент может негативно сказываться на перспективах интеграции русских иммигрантов в принимающий немецкий социум. Фонетико-фонологическая компетенция является неотъемлемой частью языковой компетенции, без которой полноценная интеграция в принимающее сообщество не представляется возможной, так как иноязычный акцент неминуемо активирует в сознании индивида «общие акцентные стереотипы», которые, по результатам исследования Я. Рёссель, характеризуются негативной оценкой с позиции носителей языка вне зависимости от степени выраженности акцента и интерферирующего языка [Roessel, Schoel, Zimmermann, Stahlberg 2017]. Рассматривая развитие компетенции на фонетико-фонологическом уровне в более глобальном масштабе, стоит подчеркнуть, что наличие фонетико-фонологической компетенции является важной составляющей при формировании вторичной языковой личности. И. И. Халеева определяет вторичную языковую личность как «способность человека к общению на межкультурном уровне» [Халеева 2001: 68]. При учете сформированной вторичной языковой личности человек не просто общается на иностранном языке, но и владеет вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть «языковой картиной мира» носителей этого языка [Халеева 2001]. Другими словами, говоря на иностранном языке, человек смотрит на мир глазами носителя языка, воспринимая и передавая информацию через призму его картины мира. Невозможность полностью сформировать вторичную языковую личность ввиду слабо развитых произносительных навыков на иностранном языке может стать препятствием на пути к успешной интеграции в принимающее сообщество. Кроме того, не следует исключать и стереотипы, связанные с определенными этносами в рамках того или иного социума, которые активизируют социальную категоризацию в сознании реципиента. Также следует подчеркнуть, что согласно исследованиям на базе МГЛУ, проведенным в 2020 году, ярко

выраженный русский акцент негативно влияет на оценку носителями немецкого языка уровня дохода, образования, социальной успешности и умственных способностей говорящего, а также вызывает меньше доверия. Именно поэтому большинство иммигрантов сталкиваются с дискриминацией по акцентному признаку в Германии и не чувствуют себя полноценными членами немецкого общества [Попова 2020].

Американский ученый Дж. Э. Флеге отмечает, что исследователи, рассматривающие факторы, влияющие на степень выраженности иноязычного акцента, зачастую не учитывают ряд факторов ввиду сложности анализа данных и отсутствия общепринятых методов их интерпретации и оценки [Flege 1995]. Мы полагаем, что необходимы дальнейшие более масштабные исследования факторов влияния на успешность интеграции в иноязычный социум с целью определения особенностей их взаимовлияния при социально-личностной диагностике говорящих с позиции представителей принимающего сообщества.

В настоящее время особенно ценными являются междисциплинарные исследования, которые позволяют комплексно подходить к изучению вопросов современного языкознания. Поэтому мы считаем, что данное исследование необходимо также развивать в рамках когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика охватывает все уровни языка и сама является междисциплинарной областью исследования. Как отмечала Е. С. Кубрякова, одна из крупнейших специалистов в области когнитивной лингвистики, термин «“когнитивный” все более приобретает значения “внутренний”, “ментальный” “интериоризованный”…» [Кубрякова 2004: 9], а значит он напрямую связан с восприятием иноязычного акцента, вторичной языковой личностью говорящего и интуитивной её «оценкой» носителями языка. В дальнейшем мы бы хотели более детально исследовать роль фонетико-фонологической компетенции в контексте формирования вторичной языковой личности и определить корреляцию между вторичной языковой личностью иммигрантов и её восприятием носителями языка.

Литература

Вишневская Г. М. Иноязычный акцент как феномен устной речи коммуникантов-билингвов // КиберЛенинка, 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnyy-aktsent-kak-fenomen-ustnoy-rechi-kommunikantov-bilingvov/viewer (дата обращения: 25.06.2021).

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // КиберЛенинка, 2004. URL: https://cyberleninka.ru/

article/n/ob-ustanovkah-kognitivnoy-nauki-i-aktualnyh-problemah-kognitivnoy-lingvistiki-1/viewer (дата обращения: 25.06.2021).

Лободанова Д.Л., Стариков И.Г. Анализ основных факторов адаптации иммигрантов в инокультурной среде // КиберЛенинка, 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-osnovnyh-faktorov-adaptatsii-migrantov-v-inokulturnoy-srede/viewer (дата обращения: 01.10.2020).

Попова М.В. Роль иноязычного акцента в вопросах культурно социальной интеграции мигрантов // КиберЛенинка, 2016. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-inoyazychnogo-aktsenta-v-voprosah-kulturno-sotsialnoy-integratsii-migrantov/viewer (дата обращения: 25.06.2021).

Попова М.В. Влияние иноязычного акцента на формирование социального портрета говорящего (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского и немецкого языков): дис. … канд. филол. наук. М., 2020.

Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: МГЛУ, 2001.

Degener J. Sprechen wie ein Deutscher? // Deutsche Welle. 2016. URL: https://www.dw.com/de/sprechen-wie-ein-deutscher/a-19300594?maca (дата обращения: 15.01.2021)

Flege J.E. Second Language Speech Learning: Theory, Findings, and Problems // Speech Perception and Linguistic Experience: Issues in Cross-language Research. Baltimore: York Press, 1995. P. 229–273.

Hinrichs U. Multi Kulti Deutsch. Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München: C.H. Beck, 2013.

Hosoda M. Perceived Underemployment, Perceived Accent Discrimination, and Job Attitudes among Immigrants: The Mediating Role of Perceived Organizational Support // Journal of Organizational Psychology, 2016. URL: https://articlegateway.com/index.php/JOP/article/view/1787/1698 (accessed 25.06.2021).

Lübbe S., Lokshin P. Wie viele Russischsprachige leben in Deutschland? // Medien Dienst Integration, 2020. URL: https://mediendienst-integration.de/artikel/wie-viele-russischsprachige-leben-in-deutschland.html (accessed 25.06.2021).

Marinova-Todd S.H., Marshall D.B., Snow C.E. Three Misconceptions about Age and Second Language Acquisition // TESOL Quarterly, 2000. Vol. 34. P. 9–34.

Piske T., MacKay I., Flege J. Factors Affecting Degree of Foreign Accent in an L2: A Review // Journal of Phonetics, 2001. P. 191–215.

Prange De Oliveira A. Migranten – hofiert und diskriminiert // Deutsche Welle, 2019. URL: https://www.dw.com/de/migranten-hofiert-und-diskriminiert/a-47442296 (accessed 25.06.2021).

Roessel J., Schoel Ch., Zimmermann, R., Stahlberg D. Shedding New Light on the Evaluation of Accented Speakers: Basic Mechanisms behind Nonnative Listeners' Evaluations of Nonnative Accented Job Candidates // Journal of Language and Social Psychology. 2017. Vol. 38 (1). P. 3–32.

Roessel J. Wie nehmen wir Menschen wahr, die mit Akzent sprechen? // Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung, 2018. URL: https://www.

unimannheim.de/media/Universitaet/Dokumente/Pressemitteilungen/Pressemitteilungen_2018/06_28_Lorenz_Von_Stein_Preis.pdf (accessed 15.12.2020).

Settinieri J. Soziale Akzeptanz unterschiedlicher Normabweichungen in der Zielsprache Deutsch. In: Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht Didaktik und Methodik im Bereich Deutsch als Fremdsprache. 2011. J. 16 № 2. S. 66–80.

M. V. Popova, A. A. Filimonova *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

OVERCOMING THE RESULT OF PHONETIC INTERFERENCE AS A FACTOR OF SUCCESSFUL INTEGRATION OF RUSSIAN IMMIGRANTS INTO GERMAN MULTICULTURAL SOCIETY

The article introduces the results of a study of the impact of the Russian accent on the integration prospects into the host German community. It was assumed that Russian immigrants who do not have a well-developed phonetic-phonological competence and speak with a strong Russian accent can face accent-based discrimination in Germany. In this study the authors conducted a survey among Russian immigrants living in Germany. The analysis of the materials concerning the specifics of studying the German language and the frequency of its use, the reasons for immigration as well as the duration of stay in Germany supports the abovementioned assumption. The significance of the study also lies in the assessment of the aforementioned indicators which makes it possible to predict the success of overcoming the foreign accent as a result of interference at the phonetic-phonological level.

Key words: foreign accent, phonetic interference, immigration, integration, accent-based discrimination.

А. Е. Раевский *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
a.raevskiy@gmail.com

ЯПОНСКАЯ ОНОМАТОПЕЯ КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена когнитивно-дискурсивным особенностям ономатопеи в японском языке, отражающим специфику вербализации полимодальных сенсорных ощущений, компенсирующей недостаточную конкретность глагольной семантики.

Ключевые слова: ономатопея, звуковой символизм, японский язык.

Воспользовавшись метафорой Е. С. Кубряковой о том, что развитие когнитивной лингвистики «напоминает со стороны демонстрацию мод на различных подиумах мира» [Кубрякова 2004: 439], можно сказать, что при явном англо-саксонском и европейском доминировании «восточные коллекции» демонстрируются редко. Между тем «непривычное сочетание красок и тканей», продолжая метафору, может существенно дополнить и обогатить багаж когнитивной науки. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть ономатопею в японском языке как феномен, представляющий несомненный интерес для когнитивных исследований.

Прежде всего обращает на себя внимание терминологическая проблема. Русским эквивалентом *ономатопеи* принято считать *звукоподражание*, хотя это не совсем верно. Греческое слово *ономатопея* означает скорее *словотворчество*, *создание слов*. В терминологиях новых языков это слово обычно передается транслитерацией: onomatopoeia *англ.*, onomatopée *франц.* и т. п.; так же и в японском: オノマトペ (*ономатопэ*). В индоевропейских языках этот феномен представлен действительно в основном звукоподражаниями и по этой причине долгое время считался периферийным; Ф. Ньюмайер даже утверждал, что «количество звукоподражательных слов в любом языке ничтожно мало» [Newmeyer 1992].

В японском языке, однако, это совершенно не так. Во-первых, на долю ономатопеи там приходится значительная часть словарного состава, и, во-вторых, это не только звукоподражания: этот пласт слов гораздо шире.

Семантическое многообразие японской ономатопеической лексики укладывается в классификацию, за которой стоит терминологическая модель с формантами *ги* (*быть похожим)* и *го* (*слово*).: *гисэйго* (擬声語) («быть похожим – голос – слово», обозначения голосов животных и птиц), *гионго* (擬音語) («быть похожим – звук – слово», обозначения звуков природы), *гитайго* (擬態語) («быть похожим – состояние – слово», обозначения физических и психических состояний).

Японская ономатопея как полимодальный когнитивный феномен особенно интересна тем, что отличает ее от звукоподражательной индоевропейской, т. е. своими возможностями передачи незвуковой модальности. Перцептивный диапазон ощущений, отражаемых в языке, очень широк: от зрительных или тактильных до психических и соматических. Ср.: *цуру-цуру* – гладкая поверхность, *пика-пика* – очень яркий свет, *пэко-пэко* – хочется есть, *буру-буру* – дрожать от холода, *тику-тику* – что-то

колет, *нори-нори* – быть в хорошем настроении, *боса-боса* – взъерошенные волосы и т. д.

И дело даже не в том, что вербализуются ощущения самых разных перцептивных модальностей, а в том, что отдельные обозначения получают кажущиеся незначительными (носителям западных языков) мелкие детали и тонкие нюансы таких ощущений.

В японском языке есть 446 слов для обозначения текстур пищи, из них 312 – ономатопеи [Hayakawa 2013]. Признак «хрустящий», которому в русском языке соответствует одно слово, а в английском – два (*crispy* и *crunchy*), в японском языке обозначается более чем несколькими десятками слов, передающих различные нюансы текстуры и размера хрустящей еды. (При этом важно, что в японском языке нет глагола с общим значением «хрустеть», для обозначения хруста нужно использовать определённое звукоподражание в каждом конкретном случае).

Так, *бори-бори* хрустит сильнее, чем *пори-пори*, но сам хрустящий объект по размеру меньше, чем *бари-бари*; громкий и сильный хруст передаётся словом *гари-гари*. Если это печенье, которое хрустит слабо, про него можно сказать *саку-саку;* если печенье более хрустящее, первый согласный становится звонким: *дзаку-дзаку*. Яблоко едят со звуком *сяку-сяку*, капусту – *сяки-сяки*. В целом исследователи отмечают сравнительную распространенность и детализацию тактильных ощущений на фоне слабее представленных вкусовых и обонятельных.

Японская ономатопея – пример звукового символизма, который представляет большой интерес для когнитивной науки и изучается последнее время в рамках фоносемантики [Воронин 2006]. В работе С. Хамано [Hamano 1998], посвященной исследованию японской ономатопеи (редупликатов состава «согласный звук – гласный звук – согласный звук – гласный звук») в свете звукового символизма, продемонстрирована роль артикуляционного аппарата в передаче смысла и представлены устойчивые фоносемантические соотношения.

Показано, в частности, что первый согласный, как правило, передает текстуру и тактильные свойства (т. е. статические), второй – движение (т. е. динамические); при этом первый в большей степени определяет семантику слова, чем второй, ср.: [Чиронов 2004]. Что касается гласных, то, по наблюдениям японских исследователей, например, звук [a] способствует передаче большей широты, открытости, а звук [o], – закрытости, отсутствия активности [Tamori 1989], [i] ассоциируется с дискомфортными ощущениями [Kagitani 2014] и с горьким вкусом

[Sakamoto 2016] и т. п. Более подробно о японском звуковом символизме см. [Чиронов 2004].

Результаты экспериментов об особенностях звукового символизма в японском языке заставляют вспомнить и М. В. Ломоносова, писавшего об ассоциациях *а* с «великолепием, великим пространством», а *и* – с «плачевными или малыми вещами», и О. Есперсена, тоже связывавшего [i] со значением «маленький», и сформулированный в начале столетия психолингвистический феномен «buba – kiki» [Ramachandran 2001]. Проводимые в разных странах мира и на материале разных языков эксперименты свидетельствуют об универсальном характере многих проявлений звукового символизма, имеющем, по-видимому, биологические корни.

Это позволяет сделать вывод о необходимости корректировки или уточнения соссюровского постулата о конвенциональности-произвольности языкового знака, о чем, правда, на основе других аргументов, уже давно идет речь; так, о «сильном ударе по тезису Соссюра» писала и Е. С. Кубрякова [Кубрякова 2004: 498].

Не менее важным видится рассмотрение морфологии этого словарного раздела. Все вышеприведенные примеры – редупликаты, но это не означает, что редупликация – единственная модель японской ономатопеи (хотя и самая распространенная). Как правило, она используется для обозначения многократности, повторяемости действия, интенсивности признака и т. п. Однократное действие или соответствующий, дискретно выделяемый признак обозначается одним словом, напр., *потян* (падает капля), *коцун* (камушек бьётся о стекло); одиночную часть иногда называют ядром [Чиронов 2004]. Ядро может сочетаться с суффиксом *-ри*, геминатой и назальным N, напр.: *юккури* (медленно), *таппури* (изобильно). Возможны комбинированные формы, вариативные и нерегулярные. Иногда, как в случае редупликации, это свидетельствует об иконичности обозначения, напр., *тон* и *тон-тон-тон* (соответствующие русскому *тук-тук*) различаются (одно- или много-) кратностью стука.

Ономатопеическая лексика составляет довольно значительный пласт словарного состава японского языка, она фиксируется специальными словарями, которые насчитывают порядка пяти тысяч единиц. При этом надо иметь в виду, что с учетом региональных особенностей и большой вариативности это число значительно больше.

Любопытное объяснение предлагает К. Акита, связывающий это с религией синто и ориентацией традиционных японских верова-

ний на анимизм – одушевление природы. Поскольку даже неживые объекты кажутся одушевленными, они начинают издавать звуки: так, звезды светят *кира-кира*, а лепестки колышутся *хира-хира*. В пользу этой гипотезы свидетельствуют данные о том, что в языках племен аборигенов, сохраняющих следы первобытных верований, ономатопея развита гораздо сильнее, чем у индоевропейских народов с высоким уровнем цивилизации [Акита 2018]. Это, в свою очередь, можно считать аргументом, говорящим в пользу звукоподражательной теории происхождения языка.

У лингвистов есть любопытное объяснение роли ономатопеи в японском языке, связанное с дискурсивными особенностями частей речи, точнее, глагола. Так, ряд японских лингвистов считают, что «японский язык беден лексически, то есть количество лексем (в первую очередь глагольных) в нем меньше по сравнению, например, с западными языками», и ономатопея позволяет «компенсировать» этот недостаток (подробнее см.: [Румак 2017]). Вероятно, дело не столько в том, что в японском языке мало глаголов, сколько в особенностях глагольной семантики. Японский глагол отличается достаточно широкой, общей семантикой, которая как бы «требует» уточнения или дополнения, характеризующего те или иные признаки действия. С. В. Чиронов называет это семантической «бланковостью» японской глагольной лексики [Чиронов 2004: 12]. Функцию уточнения, дополнения, конкретизации значения глагола и выполняет ономатопея. Ср.: *тиби-тиби ному* – пить потихоньку, *губи-губи ному* – пить большими глотками, *гоку-гоку ному* – пить очень жадно; *дзуки-дзуки итай* – пульсирующая боль, *тику-тику итай* – слегка покалывающая боль, *пири-пири итай* – сильно колющая боль.

Эта особенность глагольной семантики коррелирует как с тем давно известным фактом, что дети гораздо более активно используют в своей речи звукоподражания, так и с тем, что, как показывают экспериментальные исследования, дети запоминают глаголы хуже, чем существительные, предположительно, потому что действия, в отличие от объектов, сложнее идентифицировать [Childers 2006]. Таким образом, ономатопея благодаря фоносемантическим принципам помогает сделать действие более образным и запоминающимся.

Японская ономатопея, сложная для восприятия носителями других языков, представляет немалые трудности для перевода и для изучения этого языкового раздела. Но в то же время при попытке передать на другой язык такой специфический языковой материал обнаруживаются вся его глубина, многогранность и экспрессивность.

Так, переводчик японской поэзии Анна Семида в своём интернет-блоге “Haiku Daily” предлагает следующий перевод хайку Мураками Кидзё:

Еле-еле-еле / Покачиваются грузно ветви – / Сакура в цвету

ゆさゆさと 大枝ゆるる 桜かな
юса-юса-то/ ооэда юруру/ сакура кана

При этом эта же ономатопея в её переводе хайку Кобаяси Исса передаётся совсем другим словом:

Вразвалочку / Уходит весна по полям! / Качаются травы

ゆさゆさと　春が行くぞよ　野辺の草
юса-юса-то/ хару-га юку дзо ё/ нобэ-но куса

Слово *юса-юса*, использованное в обоих хайку, согласно словарю японских ономатопей [Ono 2007] имеет следующее определение: «звук, с которым двигается, покачиваясь, что-то большое так, что мы при этом ощущаем тяжесть этого объекта».

Следует отметить, что работ, посвящённых ономатопее, на японском языке продолжает выходить очень много: к этому междисциплинарному феномену обращаются сегодня не только лингвисты, но и психологи. Поскольку эти слова используются японцами бессознательно и при этом во многих случаях абсолютно незаменимы в повседневной речи, ономатопея представляет прекрасный объект для когнитивных исследований. Кроме того, японцев в целом отличает особое внимание к своему языку. Как отмечает В. М. Алпатов, «среди стран мира Япония выделяется массовым интересом своих жителей к вопросам языка» [Алпатов 2008: 31]. И хотя многие лингвистические феномены остаются до сих пор неразгаданными и неизученными, живой интерес к ним очень важен: он даёт возможность верить в то, что однажды их получится понять и объяснить.

Литература

Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Румак Н. Г. Ономатопея как культурологическая особенность японского языка // Молодой ученый. 2017. № 23.1 (157.1). С. 21–25. URL: https://moluch.ru/archive/157/44286/ (дата обращения: 27.06.2021).

Чиронов С. В. Ономатопоэтические слова в современном японском языке (проблемы функционирования): дис. … канд. филол наук. М: МГУ, 2004.

Childers J., *Tomasello M.* Are Nouns Easier to Learn than Verbs? Three Experimental Studies // K. Hirsh-Pasek & R. Golinkoff (Eds.) Action Meets Word: How Children Learn Verbs. New York: Oxford University Press, 2006. P. 311–335.

Hamano S. The Sound-symbolic System of Japanese. Stanford, California: CSLI Publications, 1998.

Hayakawa F., Ioku K., Akuzawa S., Yoneda C., Kazami Y., Nishinari K., Baba Y., Kohuyama K. Classification of Japanese Texture Terms // Journal of Texture Studies. 2013. 44 (2). P. 140–159.

Kagitani T., *Goto M., Watanabe J., Sakamoto M.* Sound Symbolic Relationship between Onomatopoeia and Emotional Evaluation in Taste // Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society. 2014. 36. P. 2871–2876.

Newmeyer F. J. Iconicity and Generative Grammar // Language. 1992. 68. P. 756–796.

Ono M. Nihongo Onomatope Jiten. Словарь японских ономатопей. Tokyo: Shogakukan, 2007.

Ramachandran V., Hubbard E. Synaesthesia – a Window into Perception, Thought and Language // Journal of Consciousness Studies. 2001. 8. P. 3–34.

Sakamoto M., *Watanabe J.* Cross-modal Associations between Sounds and Drink Tastes/Textures: a Study with Spontaneous Production of Word-symbolic Words // Chemical Senses. 2016. 41. P. 197–203.

Tamori I. Onomatope-o megutte (К вопросу об ономатопее) // Gengo. 1989. № 11. Vol. 18. P. 32–36.

A. V. Raevsky *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

JAPANESE ONOMATOPOEIA AS AN OBJECT OF COGNITIVE STUDIES

This article is devoted to the cognitive-discursive features of Japanese onomatopoeia which reflects basic principles of verbalization of multimodal sensory feelings and helps to compensate lack of specifics in verb semantics.

Key words: onomatopoeia, sound symbolism, Japanese.

А. П. Ушакова, М. М. Патиева, С. А. Шишкина
(Тюмень, Россия)
Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, Тюменский государственный университет
apushakova@rambler.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ-БИЛИНГВА

В статье рассматриваются прецедентные имена как один из основных компонентов языковой личности писателя-билингва на материале творчества российско-ингушского писателя И. М. Базоркина.

Ключевые слова: языковая личность, билингвизм, прецедентные имена.

Идея об изучении индивидуального дискурса личности появилась еще в XIX веке, однако сам термин «языковая личность» был введен в научный оборот В. В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» [Виноградов 1980: 56–175]. Виктор Владимирович Виноградов считал очень важным изучение языка писателей на фоне современных ему и предшествовавших литературных традиций. Он призывал различать историю языка писателей-классиков и историю «общего» литературного языка, тем самым поднимая вопрос об индивидуальных особенностях языка автора и взаимодействии лингвокультурных особенностей художественного произведения и языка, на котором оно написано.

По мнению Е. С. Кубряковой, «мир расчленен человеком и представлен в разных языках по-разному именно потому, что в каждом естественном языке он выступал исключительно в виде итогов по-разному протекавших в соответствующих языках процессов категоризации и концептуализации мира» [Кубрякова 2012: 38]. Таким образом, можно предположить, что благодаря этим различиям у писателя-билингва взаимодействие происходит также и между двумя языками, которыми он владеет, и которые определяют его языковую картину мира и ценностные установки, что придает его языковой личности определенные индивидуальные особенности.

Одной из важных составляющих языковой личности билингва являются прецедентные феномены, поскольку они достаточно уникальны для каждой линвокультуры, и их взаимовлияние в языке писателя-билингва во многом определяет ее индивидуальные особенности.

В данной статье мы рассмотрим лингвокультурные особенности языковой личности билингва на материале прецедентных имен в творчестве российско-ингушского писателя И. М. Базоркина.

Современная концепция прецедентных феноменов обусловлена идеями Ю. Н. Караулова, который понимал под прецедентными текстами такие тексты, которые значимы «для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях», имеют «сверхличностный характер, то есть хорошо известны широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников»; такие тексты, «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987: 216].

Одной из основных классификаций прецедентных феноменов является классификация по их источникам. Вопрос об источниках прецедентных текстов был затронут в работе Ю. Н. Караулова, который выделял следующие варианты их происхождения: художественная литература, мифы, предания, устно-поэтические произведения, фольклор; религиозные тексты, виды устной народной словесности, публицистические произведения историко-философского характера [Караулов 1987: 216]. Соответственно, источниками прецедентных имен могут являться имена мифологических и художественных персонажей, религиозных деятелей и исторических личностей.

Кроме того, в рамках нашей работы мы также будем относить к прецедентным именам национальные имена ингушей. На наш взгляд, антропонимический фонд малочисленного (700 тыс.) народа может быть причислен к его культурным памятникам. После принятия ингушами мусульманства для именования детей стали использоваться в основном имена тюркского и арабского происхождения.

Важным источником прецедентных имен в сочинениях И. М. Базоркина является нартский эпос – сказания о происхождении и приключениях героев-богатырей («нартов»), национальная версия которых имеется почти у всех народов Северного Кавказа.

Один из главных героев ингушской версии нартского эпоса – Сеска-Солса – упоминается уже в первом абзаце романа «Из тьмы веков»:

Заходящее солнце добела высветило скалы Цей-Лома, которые стеной окружают крохотные терраски пахотной земли. Посреди этих

земель возвышается каменная глыба. Сотни, а может быть, и тысячи лет тому назад оторвалась она от горы и застыла здесь, на полпути к пропасти, подмяв под себя целое горское поле. В старину о ней слагали песни. Но время оставило людям только предание о том, что эту скалу в гневе обрушил на врагов своих великий нарт ***Сеска-Солса****. Так и зовется она – скала* ***Сеска-Солсы*** [Базоркин 2001: 7].

Семиозис романа поддерживается в лингвокультурном отношении знаками-деонимами (именами ингушских языческих богов), например, номинацией *Тушоли*, денотирующей имя богини весны и плодородия в ингушской мифологии.

Сакральную семиотику романа составляет целый пантеон богов, часть из которых, будучи языческими, позднее переориентировались в мусульманские: так произошло, например, с верховным божеством вайнахов Дяла (чеченское – «Дала», горно-чеченское – «Дела»). В язычестве он олицетворял безликое начало всего сущего, управителя и «высшей инстанции» божественной иерархии вайнахского язычества. Его безликость совпала по философии образа с Аллахом, чей образ также размыт и вездесущ, а морально-этические догматы ислама практически не отличались от этики вайнахов. Таким образом, слияние исламской религиозной культуры и вайнахской произошло быстро и безболезненно: «Дяла» и «Аллах» стали использоваться либо как синонимы, либо слитно – «Аллах Дяла» [Зязиков 2004: 137–138].

Представилось возможным репрезентировать семиотическую типологию деонтологии ингушских богов; знаки-деонимы, в свою очередь, подразделяются на:

– знаки-метеоронимы (Миха нана – богиня (мать) ветров, дающие правильное направление путникам; Дерза нанальг – богиня вьюги, способная уберечь путников от холодов);

– знаки-ресурсонимы (Хи нанальга – мать рек и воды, способная напоить страждущих путников; Сата – богиня ремесел; Елта – бог охоты и урожая; Села-Сата – богиня искусства и ремёсел);

– знаки-инцессоаксилионимы (от лат. auxilium incessu – помощь идущему), например, Болам дяла – бог путников, готовый помочь им на всем протяжении их пути; Мехка-нана – богиня местности, помогающая путникам, идущим в горы и даже способная дать им возможность найти клад).

Позитивной семиотикой характеризуются такие знаки-деонимы, которые управляют стихиями и явлениями мироздания, например, Села – бог-громовержец, бог огня; Гела – бог солнца; Аза – мать бога

солнца Гелы; Малх – супруга бога солнца; Бетта – божество луны; Кинч – мать луны.

В сакральном антропонимиконе ингушей наличествуют также знаки-деонимы с негативной семиотикой, например, Ун-нана – богиня смерти и болезней; Ел-да (Эштр, Этер) – бог подземного мира (мира мертвых); Мож – злая сестра солнца и луны; Цолаш – мать злых богов.

В семиотике ингушской деонтологии наблюдается интересное явление, сопряженное с семиотическим размыванием исторического образа древнего божества и его адаптацией в виде многоликости образов для разных территорий поклонения. Это произошло с образом древнего божества Ерды (Ерда – ингуш. Дух), не имевшего особой специализации.

В ходе истории этот знак-деоним свое размытое денотативное содержание начал развивать в конкретные образы, например образы младших богов-покровителей ингушских селений Ткамаш-ерда (Тамыж-ерда) – крылатый дух; Амгама-ерда, брат Тамыж-ерда; Молдз-ерд – Бог войны (в переводе с ингуш. «проворный дух»).

Впоследствии этот семиотический образ конкретизировался в образы покровителей конкретных мест и селений ингушей: так, у И. Базоркина есть прецедентное обращение: «О ангелы Ткамыш-Ерды!» [Базоркин 2001: т. 1, 32], т. е. Ерды – покровитель горного селения Ткамыш. Как отмечает М. М. Зязиков, «почти в каждом селении существовали отличающиеся друг от друга обряды поклонения местным святым (ингуш. – «ерды») – Гал-Ерды, Тумхой-Ерды, Мага-Ерды, Молдыз-Ерды, Тамыш-Ерды (несущий элементы сходства со св. Георгием, Эрзели (у горного ингушского аула Аьрзи), Морч-Села и др.» [Зязиков 2004: 139].

Впрочем, И. М. Базоркин фиксирует в своем романе-эпопее восприятие своими современниками бога Ерды как единого божества для всех ингушей; так, в тексте романа встречаем восклицание старика Зуккура:

Сильный должен помогать слабому! Здоровый – больному! Богатый – бедному! Да помогут нам всем перезимовать ***Ганерда*** *– бог листьев и бог* ***Елта****! Да пощадит нас* ***Ун нанальг*** *– мать всех болезней! Да вспомнит о нас по весне божьеликая* ***Тушоли*** *– мать плодородия! Да поможет нам главный наш бог –* ***Ерда****! Амин*! [Базоркин 2001: т. 1, 171].

Автор часто сам дает этимологию некоторых знаков-деонимов, например:

Потом царица Тамара прислала из Грузии по реке Барза-хий камни, и из них ингуши построили ***Тхаба-Ерды*** *на реке Тхаба-чоч, и мы молились по-христиански, пока царь Геркал не ушел обратно в Грузию* [Базоркин 2001: т. 1, 167].

Далее следуют комментарии автора:

Тхаба – название реки. Ерда – божество. Тхаба-Ерды – название храма в нагорной Ингушетии [Базоркин 2001: т. 1, 167].

Лингвокультурную составляющую структуры вторичной языковой личности писателя билингва И. М. Базоркина также семиотически поддерживают знаки-коммеморативы, т. е. знаки, маркирующие этнонациональную сакральную память ингушей. Эту функцию исполняли древние заброшенные языческие святилища, обычно располагавшиеся вдоль горной дороги, в которых ингуши совершали молитвы, обращаясь к тому или иному божеству. Было обычным у ингушей в честь того или иного святого устанавливать памятник, вблизи которого происходили моления и совершались обряды. Такие знаки-коммеморативы обычно представляли собой камни различной формы или примитивные строения, установленные чаще всего недалеко от дорог. Ингуши давали таким объектам наименование «элгац (святилище)»:

В этой связи приведем пример из романа «Из тьмы веков», в котором главная героиня Зору ходила молиться в элгац (святилище):

– Как где была? Ходила к подружке. А когда вышла, вспомнила мать… Ведь ей куда идти! И я решила помолиться за нее. Пока я искала ***элгац бога путников****, стало темно. Так я свернула к богу охоты… Там хорошо было!.. Мне даже казалось, что сам бог охоты был рядом со мной* [Базоркин 2001: т. 1, 97].

Обратим внимание на преимущественно языческий компонент в семиотике лингвокультурного уровня индивидуально-авторской картины мира исследуемой нами вторичной языковой личности писателя-билингва И. М. Базоркина. Так, знаки-деонимы, обнаруженные нами в его романе-эпопее, носят преимущественно языческий характер (праздник божьеликой Тушоли, богини плодородия, скульптуры, посвященные ей, стояли у обочин дорог, на развилках, въездах и выездах из селений). И. Базоркин уделяет внимание данным типам знаков для трансляции большей экспрессии, выразительности, для подчеркивания значимости языческих верований в жизни ингушского народа, их приверженности к обычаям предков.

Как показало наше исследование, переходный период от язычества к исламу, зафиксированный писателем, продемонстрировал большую при-

вязанность автора к ингушским языческим традициям, нежели к новой религии, на что указывает единственное употребление прецедентного имени со сферой-источником «ислам» – Хасан-хаджи [Базоркин 2001: т. 1, 60], где в знаке-номинанте элемент «хаджи» указывает на то, что данный персонаж совершил хадж (посетил Мекку).

Таким образом, основной лингвокультурной особенностью функционирования прецедентных имен как составляющей языковой личности российско-ингушского писателя И. М. Базоркина является наличие сакральной языческой ингушской семиотики, вербализующей его индивидуально-авторскую картину мира в русскоязычном тексте романа.

Литература

Базоркин И. Собрание сочинений: в 6 т. // Из тьмы веков. Роман. Магас. Изд-во «Сердало», 2001.

Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы / отв. ред. Г. В. Степанов, А. П. Чудаков; АН СССР, Отделение литературы и языка. М.: Наука, 1980. С. 56–175.

Зязиков М. М. Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону, 2004.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012.

A. P. Ushakova, M. M. Patieva, S. A. Shishkina
(Tyumen, Russia)
Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov;
Tyumen State University

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF PRECEDENT NAMES AS A COMPONENT OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF BILINGUAL AUTHOR

The article examines precedent names as one of the main components of the linguistic personality of a bilingual writer based on the work of the Russian-Ingush writer I. M. Bazorkin.

Key words: linguistic personality, bilingualism, precedent names.

О. В. Шкуран, Н. В. Карпинская *(Луганск, Украина)*
Луганский государственный педагогический университет
oksana.shkuran@mail.ru
obr_okr2017@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОЦЕССОВ САКРАЛИЗАЦИИ И ПРОФАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЗМОМ *ГОЛОВА* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены фразеологические единицы с концептом-соматизмом ГОЛОВА, выбранные из «Большого словаря русских поговорок» под редакцией В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, которые иллюстрируют два когнитивно-семантических блока – представление внешнего вида и внутреннего мира человека. Данное исследование отображает литературную и народную речь XIX–XXI веков и демонстрирует качественную и количественную динамику фразеологизмов с компонентом ГОЛОВА, характеризующую национально-культурный пласт русского языка. В процессе когнитивной деятельности данный концепт-соматизм иллюстрирует как сакральную, так и профанную семантику, что свидетельствует об антропоцентричности и ментальной сущности этого концепта.

Ключевые слова: соматизм, фразеологическая единица, когнитивные факторы, сакральная и профанная семантика, национально-культурный пласт.

Тема языковой сакрализации и профанизации в русском языкознании, в рамках которой разворачивается серьезный интегративный научный поиск в гуманитарных областях, приобретает универсальный характер. Это свидетельствует не о малодоказательности данной науки, а о необходимости сконцентрировать истинные и глубокие познания лингвистики, философии, психологии, этнологии, социологии и др. для целостного восприятия языковых явлений.

Современное гуманитарное знание аргументированно утверждает, что сакральное является языковым феноменом, поскольку ценностные личные установки отражают достоинства и духовный базис, передающийся из поколения в поколение. Анализ изменений в семантике языковых единиц в исторической ретроспективе позволяет выявить аспекты функционально-семантического изучения в диахроническом и синхроническом аспектах, воспроизвести трансформацию мировоззренческих систем прошлого, совершить попытку расшифровки культурного кода нации. А вторичное представление метаязыка лингвистики показывает

культурологическую доминанту понятий *языковая сакрализация* и *языковая профанизация* посредством использования знаний когнитивной лингвистики [Шкуран 2020: 194].

В конце XX – начале XXI вв. ученые-когнитивисты Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов и др. способствовали изучению разноуровневых языковых единиц и формированию нового подхода в процессе категоризации и концептуализации языковой картины мира; Л. Г. Бабенко, Ю. С. Степанов, Н. Ю. Шведова и др. продемонстрировали лексикографический аспект и сформировали критерии создания словарных статей для фиксации когнитивно-дискурсивных исследований, где человек стал центром концептуальной и языковой картины мира.

Человек, как духовное и физическое существо, является главным субъектом национальной культуры, а его тело – базовой концептосферой сознания, важным элементом в архетипических мифопоэтических концепциях, согласно которым происхождение жизни на земле связано с первичным телом как репрезентантом модели мира. Издавна люди проецируют строение и особенности собственного тела на мироустройство, очеловечивая его, что обусловливает вербализацию материального мира коллективным сознанием. Эти представления находят свое отображение в номинациях-соматизмах.

Проблеме изучения фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-соматизмом в русском языке посвящены исследования Н. Ф. Алефиренко, Т. А. Бердниковой, С. В. Боголеповой, Л. П. Гашева, В. А. Лебединской, Е. Р. Ратушной, Д. С. Скнарева, Н. С. Туровской, А. М. Чепасовой и др., сопоставление лексем-соматизмов в русском и других языках изучают О. Н. Кравченко, Г. Ч. Файзуллина, С. Шарав, С. И. Магомедова, Б. Н. Исакова, А. А. Омаров и др., особенности соматизмов в структуре фразеологизмов и паремий рассматривают С. Ю. Гуляева, И. В. Зензеря, А. Н. Тукаева, Е. О. Каратеева, О. В. Ломакина, И. Б. Ковалева и др.

Термин *соматический фразеологизм* впервые использует эстонский ученый Ф. Вакк (1964), представивший в диссертационном исследовании широкое лексико-семантическое поле «Тело человека и животного» [Вакк 1964: 29].

Соматическая фразеология, по мнению О. В. Ломакиной, В. М. Мокиенко, – благодатное поле исследования, ибо человеческое тело хотя универсально (что делает причисление соответствующих фразеологизмов и паремий к «натуральным» оправданным), но в то же время в процессе культурно-исторических «переживаний» обрастает национально-специфическими, мифологическими, акциональными и др. коннотациями [Ломакина, Мокиенко 2018: 105]. К *соматизмам* мы относим названия

частей тела (*голова, руки, ноги, шея, нос, лицо, щека* и др.), внутренние органы (*сердце, печень, мозг, почки* и др.), которые в составе ФЕ накапливают когнитивные сценарии и стратегии общения в речевой практике респондентов. По словам В. Г. Гака, «человек эгоцентричен, он видит в себе центр вселенной и отображает мир по своему подобию» [Гак 1998: 702].

Предмет этой статьи – фразеологические единицы, содержащие соматизм *ГОЛОВА* с сакральной и профанной семантикой, участвующий в репрезентации ментальной сущности концепта, управляющего мышлением и рассудком. Популярность таких ФЕ связана, по словам М. А. Федоровой, М. С. Никонюк, с яркой образностью, народностью, несложностью грамматического оформления и стилистическим разнообразием [Федорова, Никонюк 2012: 82] и, конечно, метафоричной и метонимичной универсалией: слово *голова* как номинант главной части тела человека олицетворяет самого человека и его когнитивные способности: мыслить, запоминать, ориентироваться в пространстве, понимать, говорить, воспроизводить и т. д.

Материалом для исследования стали ФЕ из «Большого словаря русских поговорок» (БСРП) под ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (2007), в котором собраны фразеологизмы, отражающие литературную и народную речь XIX–XXI веков. Словарь накапливался из собраний русского фольклора, произведений классической и современной литературы, СМИ и превзошел словарный фонд Далевского словаря. «Значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всём богатстве закрепляется, прежде всего, в словаре» [Апресян 1993: 6]. По мнению А. М. Бабкина, «словарь языка той или иной эпохи и язык, каким он говорит со своими современниками, связаны гораздо теснее, чем это может показаться на первый взгляд» [Бабкин 1975: 3].

Лексема *голова* ‘верхняя часть тела человека, заключающая черепную коробку с мозгом, органы зрения, слуха, обоняния’, перенос. ‘начальник, руководитель, глава семьи, хозяин’ произошла от церк.-слав. *глава*, имеет одинаковое звучание во многих славянских языках: ст.-слав. *глава,* болг. *главá,* сербохорв. *глáва,* словен. *glâva,* чеш., слвц. *hláva,* польск. *gowa,* в.-луж. *howa* [Черных 1999: 200]. Словари XIX в. фиксируют дефиниции: ‘то, что возвышается над остальными’; ‘верх у колонны’; ‘единица при счете людей’; ‘убитый’; ‘совесть, душа’; ‘ум’ [Срезневский 1893: 543]. Главой также называют Основателя Церкви, Иисуса Христа как источника новой, святой жизни. В современном русском языке сакральная семантика слова приобрела разнообразный характер, сохранив первоначальное библейское звучание – от *адамовой главы, посыпать главу пеплом* до секуляризированного – *негде главу преклонить, быть во главе,*

глава повести, глава города, глава государства и др. [БСРП 2007: 116]. Лексема *глава* содержит сакральную семантику, используется в церковной лексике или для номинаций официальной должности, важной единицы членения и т. д., что трансформировало ее в профанную сферу.

Репрезентация концепта ГОЛОВА в составе ФЕ в русском языке осуществляется через значение и внутреннюю форму, иллюстрируя как сакральную (священную, почитаемую), так и профанную (обмирщвленную, со сниженной коннотацией) семантику. Этот стержневой фразеообразующий элемент параметризирует ФЕ и придает образность, имплицитность содержания, архетипичность, семантическую полисемию, характер детерминации между концептом-соматизмом и глубиной его вертикального культурно-национального контекста. Например: В. И. Даль в словарной статье к слову *беда* иллюстрирует дериват *бедовый* ‘тот, от которого беды жди’ [Даль 1903: 87], а ФЕ *бедовая голова*, представленная в современном словаре со значением ‘о рисковом, отчаянно смелом и озорном человеке’, отражает важную информационную связь сознания коллективной памяти народа с реалиями, от бытовых наивных до культурных смыслов в диахроническом срезе [БСРП 2007: 136]. Как подтверждает В. В. Виноградов, «способы смыслового переноса, так называемые «внутренние формы» слов историчны и национальны. В них выражается национальный стиль, дух и миропонимание эпохи, социальной среды» [Виноградов 1999: 119].

Концепт ГОЛОВА в составе фразеологизма способствует созданию самостоятельной языковой единицы с единой интегральной семантикой, которая не десемантизирует полностью содержание, а влияет на целостную семантику выражения: *голова горит* ‘кто-то сильно взволнован, возбужден’ или *голова два уха* ‘о простоватом, слишком доверчивом человеке’ [БСРП 2007: 136]. В образовании интегрированного фразеологического значения важную роль играет культурная информация, иллюстрирующая стереотипные представления о названии части человеческого тела, не теряющая связь с первичным значением лексемы *голова*. Такая номинация является источником экспрессивности. Это способ кодирования определенного содержания, экспликация вторичных номинаций путем оригинального понимания мира через самопознание: *голова на плечах* ‘кто-то умен, сообразителен’; *голова не дрогнула* ‘кто-то не испугался, не растерялся’; *голова пухнет* ‘кто-то утрачивает способность что-то соображать от чрезмерной работы, забот, шума’; *голова скатывается* ‘о сильной головной боли’ и др.

Для обозначения интегральной семантики ‘хорошие умственные способности’ функционируют: *башковитая голова; большая голова;*

вышная голова; голова не для шапки; не голова, а дом советов; светлая голова; умная голова и др. [БСРП 2007: 137].

ФЕ с концептом *ГОЛОВА* употребляются в большинстве случаев для описания отрицательных умственных способностей человека разной степени глупости – от физиологической до легкой умственной отсталости, например: *бесталанная голова* ‘о глупом, бестолковом неудачнике’; *воронья голова* ‘о крайне глупом человеке’; *дубовая голова*, *дурья голова, пустая голова* ‘крайне глупый человек, дурак’; *зеленая голова* ‘о несообразительном, о недалеком человеке’; *кабашная голова*, *щучья голова* ‘дурья голова’; *нетовошная голова* ‘о глупом, бестолковом человеке’; *садовая голова* ‘несообразительный, неловкий, нерасторопный человек’ и др. [БСРП 2007: 136–138]. Компонент *голова* в бытовой речи выступает ярким актуализатором болезненного состояния: *голова скатывается, голова с плеч скатывается, голова трещит, в голове заходит, в голове заюкало, в голове кузницу строят,* репрезентирующие фрейм-сценарий как «связанную схематизацию опыта» [Филлмор 1988: 54].

Для репрезентации ограниченных интеллектуальных потенций употребляются вариации открытого типа: *голова мякиной набита* у кого; *голова соломой набита* у кого*; голова закруживши* у кого*; голова перевернулась* у кого и т.д. [БСРП 2007: 136–138].

Концепт-соматизм ГОЛОВА употребляется в устно-разговорных выражениях стилистически сниженного, просторечного и даже жаргонного плана, нормативный язык влияет на лексику со сниженным ценностным регистром, что отображено в словаре со стилистической пометой *жарг., шутл., ирон*., и таких ФЕ с компонентами-субститутами немного: *дырявая башка*; *секир башка*; *на голове педикюр*; *на голове танки; думать головой, а не ж*...ой; голова под поц заточена* и др. Как отмечает В.М. Мокиенко, «одна из доминант нашей научной деятельности – интерес к живому слову» [Мокиенко 2012: 70].

С помощью ФЕ репрезентируется концептуальная сфера «Внешний вид человека»: размер головы – *большая голова;* неэстетический вид – *на голове танки; на голове педикюр, разбазарить голову, голова тесом покрыта* и др., но значительное количество ФЕ представляют сферу «Нравственные качества человека»: отрицательные (беспечность, бесшабашность, буйность, ветреность, грубость, двуличие, доверчивость, забывчивость, легкомысленность, напористость, невменяемость, непорядочность, непредсказуемость, отсутствие здравомыслия, злость, пылкость, разгульность, рассеянность, чрезмерная увлеченность и др.) – *безумная голова, буйная голова, ветреная голова, голова простужена,*

голова садовая, голова с поклонцем, горячая голова, забубеная голова, змеиная голова, и не журь голова, отпетая голова, песья голова, в голове фугас, лапотная голова, в злую голову и др.; положительные (решительность, наличие богатого опыта, самостоятельность, мужественность, умение признавать свою вину и др.) – *битая голова, с повинной головой, стоять головой, держи голова* и др. [БСРП 2007: 136–138]. Это еще раз демонстрирует релевантный признак ФЕ – ее сквозная антропоцентричность, тотальная, негативно коннотированная направленность на человека, что является типичной показательной характеристикой фразеологической системы.

Мы можем выделить два семантических блока: первый содержит ФЕ для обозначения природных (физических) качеств человека, иллюстрирующие внешний вид; второй – отображает качества и черты характера человека, его внутренний мир, стремления, желания, убеждения. Последний блок иллюстрирует разнообразные смыслы, связанные с культурными факторами. Фразеология является органичным элементом концептуальной и языковой картины мира, а фразеологическая картина мира, скорее всего, является научной моделью. Кодирование и трансляция культурной информации в структуре фразеологизмов эксплицирует отношение носителей языка к реальности. ФЕ с концептом-соматизмом ГОЛОВА иллюстрируют фрагмент универсальной образной системы, отображающей национально-культурное мировоззрение русского народа. Это сложный феномен со специфическими признаками: антропоцентричность, избирательный характер и частичная лакунарность, амбивалентность, символичность, негативная коннотация. Исследуемый концепт имеет когнитивно-информационное содержание, которое в процессе коммуникации приобретает дополнительные импликации, актуализирующие профанную семантику в структуре фразеологических единиц.

Литература

Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. М.: Русский язык, 1993. С. 6–17. Т. 1.

Бабкин А. М. Словарь языка и язык словаря // Современная русская лексикография. Л.: Наука, 1975. С. 3–24.

БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / под общ. ред В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2007.

Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Таллинн, 1964.

Виноградов В. В. История слов. М.: Ин-т русск. яз. РАН, 1999.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа Языки русской культуры, 1998.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / 3-е испр. и доп. изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 1. М.: Русский язык, 1903.

Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Slavic Eurasian Studies. 2018. № 34. С. 103–128.

Мокиенко В. М. Принципы ларинской лексикографии в 3-томном Большом словаре пословиц, поговорок и сравнений русского языка // Вопросы лексикографии. 2012. № 1(1). С. 70–84.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ: изданіе отдъленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ Санктъ Петербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1893. Т I.

Федорова М. А., Никонюк М. С. Фразеологические соматизмы как средство вторичной номинации лексико-семантической системы немецкого языка // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2012. № 3 (39). С. 81–84.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивная лингвистика. 1988. Вып.23. С. 52–92.

Шкуран О. В. Параметризация когнитивно-мыслительных кодов лингвокультуры «профанный язык» – «десакральный язык» // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 3(42). С. 194–199.

O. V. Shkuran, N. V. Karpinskaya *(Lugansk, Ukraine)*
Lugansk State Pedagogical University

COGNITIVE FACTORS OF SACRALIZATION AND PROFANIZATION OF PHRASEOLOGISMS WITH THE SOMATISM *GOLOVA* IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This study looks into the phraseological units with the somatism GOLOVA selected from the “Big Dictionary of Russian Sayings” edited by V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. It illustrates two cognitive-semantic blocks – the presentation of the external appearance and the inner world of a person. This research investigates the literary and folk speech of the XIX–XXI centuries and demonstrates the qualitative and quantitative dynamics of phraseological units with the GOLOVA component which characterizes the ethnic-cultural layer of the Russian language. The somatism points to both sacred and profane semantics, which indicates the anthropocentricity and mental essence of this concept.

Key words: somatism, phraseological unit, cognitive factors, sacred and profane semantics, national-cultural layer.

VII. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

А. В. Букина *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
anna.vk27@gmail.com

МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ИЗУЧЕНИИ АГИТАЦИОННОГО МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ДИСКУРСА

В статье дается обзор популярных в современных лингвистических исследованиях методов когнитивного моделирования, основанных на теории концептуальной интеграции и теории фреймов. Рассматривается актуальность применения таких методов в изучении агитационного мультимодального дискурса.

Ключевые слова: фреймовый анализ, теория концептуальной интеграции, агитационный дискурс, мультимодальность.

Когнитивная лингвистика, преследуя цель изучить связь мышления и языка, позволяет раскрыть содержательную сторону языковых явлений наиболее полно. Использование методов когнитивной лингвистики в сочетании с другими лингвистическими методами представляется перспективным в особенности в отношении такого многоаспектного явления как мультимодальный агитационный дискурс. Прагматическая заряженность мультимодального агитационного дискурса на убеждение и высокая степень эмоциональности при этом определяют выбор стилистических и визуальных средств.

Специфика настоящего исследования заключается в том, что мультимодальный агитационный дискурс рассматривается с точки зрения трех составляющих: 1) прагматической, которая характеризуется направленностью дискурса на эмоциональное воздействие и убеждение; 2) мультимодальной, которая выражается в наличии нескольких модусов, по которым передается сообщение; 3) когнитивно-дискурсивной, которая базируется на концептуальной и языковой картинах мира.

Исследование этих трех составляющих во взаимодействии позволит наиболее полно охарактеризовать механизмы агитационного воздействия в мультимодальном агитационном дискурсе. И для наиболее полного изучения содержательной стороны агитационного послания имеет смысл прибегнуть к методам когнитивной лингвистики, которые показали результативность в изучении семантики, грамматики и синтаксиса языка.

Целью данной статьи является дать обзор некоторых когнитивных методов, потенциально применимых для исследования агитационного мультимодального дискурса. Мы рассмотрим наиболее актуальные в современных исследованиях метод фреймового анализа и теорию концептуальной интеграции в применении к агитационному мультимодальному дискурсу.

В основе фреймового анализа лежит понятие *фрейма*, введенное в научный обиход М. Минским как «структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации». Автор термина соотносил фрейм прежде всего со зрительными представлениями – визуальными картинами [Минский 1979: 151]. Основатель фреймовой семантики Ч. Филлмор определял фреймы как «когнитивные структуры, знание которых ассоциировано с концептами, представленными словами» [Fillmore 1982: 112]. Н. Н. Болдырев дает такое определение фрейму: «структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними» [Болдырев 2000: 61], тем самым подчеркивая, что фреймы обладают внутренней структурой, элементы которой представлены сложной конфигурацией слотов (от англ. *slot*), в которых содержится стереотипная информация различной сложности [Кубрякова 1996: 188].

Фреймовый анализ лег в основу других теорий когнитивной лингвистики (теория идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа, теории когнитивной метафоры и метонимии Дж. Лаккофа, М. Джонсона); понятие «фрейм» активно используется Ж. Фоконье и М. Тернером при анализе структуры ментальных пространств.

Сам метод заключается в структурировании концептов, которые отражены в том или ином языковом явлении, и в анализе способов активации этих структур в процессе коммуникации. Фреймовый анализ дает возможность выявить конкретные концептуальные характеристики того или иного концепта и показать специфику концептуализации предметов и явлений в семантике языковых единиц.

Применительно к агитационным посланиям фреймовый метод предполагает в первую очередь определение структуры задействованных кон-

цептов и дальнейшее моделирование на этом основании более глубинного содержания послания. Например, в агитационном плакате ниже (Рис. 1) можно выявить следующие фреймы: *(Great) America* и *(Real) President*. Визуальный компонент – фотографии Трампа и Рейгана, изображение Белого дома как государственного символа – заполняет слоты фрейма, позволяя оформить само агитационное послание: *Трамп – идеальный президент для процветания США*.

Фреймовый анализ продуктивен для анализа агитационного дискурса, поскольку агитационные послания основываются именно на стереотипных упрощенных представлениях, обладающих тем не менее большим потенциалом для эмоционального воздействия. Продуктивным способом структурировать и анализировать эти представления являются фреймы.

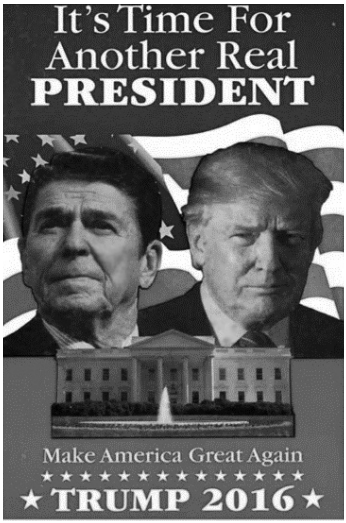


Рис. 1. Агитационный плакат предвыборной кампании Д. Трампа

Другим методом когнитивного моделирования, часто применяемым именно к мультимодальным дискурсам, является метод концептуальной интеграции, разработанный на основе теории ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера. Ментальные пространства, по определению Ж. Фоконье, представляют собой постоянно модифицируемые когнитивные конструкты, которые хранятся в оперативной памяти участников коммуникации до момента актуализации в процессе коммуникации

[Fauconnier, Turner 2006: 307]. Результатом смешения ментальных пространств является *бленд* – некое новое ментальное пространство, в котором произошло качественное преобразование концептов, заимствованных из исходных ментальных пространств [Fauconnier, Turner 2006: 309]. Как показывает число работ, метод особенно продуктивен в семантических, дискурсивных и мультимодальных исследованиях зарубежных и отечественных лингвистов.

Ментальные пространства рассмотренного выше агитационного плаката можно представить в виде следующей схемы (Рис. 2):

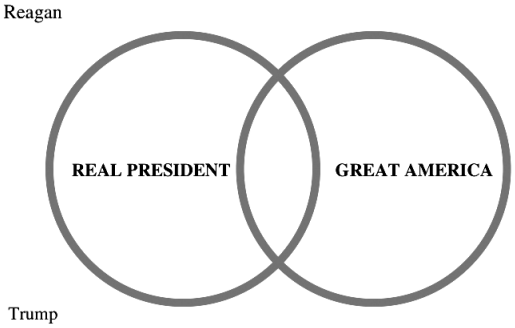


Рис. 2. Схема организации ментальных пространств агитационного плаката предвыборной кампании Д. Трампа

Языковыми средствами, запускающими процесс концептуальной интеграции в данном случае, является глагол в повелительном наклонении “make” в сочетании с оборотом “It’s time”, также побуждающим к действию. Для актуализации концепта “Real President” очевидна ведущая роль визуального компонента. При этом стоит отметить, что результат процесса концептуальной интеграции в агитационном дискурсе заранее «срежиссирован» (то есть не предполагает отклонений в интерпретации, по крайней мере, у целевой аудитории избирателей) и определен прагматическими задачами агитационного дискурса – убедить и воздействовать.

Как правило, концепты, задействованные в агитационном дискурсе, не так многочисленны. Ключевыми являются упомянутые “Great America” и “Real President”. Примечательно, что конкурирующие на американском политическом поле Республиканская партия США и Демократическая партия США задействуют одни и те же концепты. Сравним два пла-

ката на Рис. 3. На плакате слева мы видим изображения кандидатов от Республиканской партии Р. Рейгана и Дж. Буша и Белого дома как символа государственности на фоне американского флага. Визуальная составляющая плаката демократической партии справа похожа: мы видим фотографию кандидата в президенты Дж. Кеннеди на фоне Белого дома; вместо изображения американского флага – использование аналогичной цветовой схемы. Ключевой элемент вербальной составляющей плакатов – лозунг "Bringing America Back!" на плакате слева и лозунг "A TIME FOR GREATNESS" на плакате справа. Оба плаката концептуально базируются на одном и том же образе Великой Америки.

Рис. 3. Агитационный плакат предвыборной кампании Республиканской партии (слева) и агитационный плакат предвыборной кампании Демократической партии (справа)

Можно заметить, что сам концепт "Great America" находится на пересечение двух других – "Greatness" и "America". Многократное клишированное использование словосочетания "Great America" в агитационном дискурсе привело к тому, что связи между этими двумя концептами настолько окрепли, что возможно опущение эпитета "Great" в вербальном компоненте (как на плакате слева на Рис. 3) или фокусирование на отдельном концепте ("Greatness" на плакате справа на Рис. 3) без ущерба

для смысла агитационного послания. Так или иначе, и визуальная, и вербальная части помогут «достроить» нужный концепт.

Особый интерес вызывает ряд плакатов предвыборных кампаний, которые задействуют иные концепты. Предвыборная кампания Б. Обама заметно отличается от его предшественников. В ней на первый план выходят концепты “Hope” и “Change”, в то время как ключевые концепты “Great America” и “Real President” задействованы не столь очевидно через визуальный компонент – цветовую схему плакатов (см. Рис. 4).

Новые концепты вводит вербальный компонент. Лозунг предвыборной кампании “YES WE CAN” запускают механизм концептуальной интеграции и объединяет оба концепта. При этом в результате этого процесса, со стилистической точки зрения, создается особый пафос агитационного послания: “***Мы**, американцы, способны **изменить** страну (а возможно, и весь мир), и для этого нужно выбрать правильного (“real”) **президента**”.*

Рис. 4. Агитационные плакаты предвыборной кампании Б. Обамы

На основе проанализированных примеров можно сделать вывод о том, что метод концептуальной интеграции позволяет описать механизм формирования смысла агитационного послания и определить задействованные для этого концепты, обладающие культурно-обусловленной эмоциональной нагрузкой. Этот потенциал преобразуется в агитационном мультимодальном дискурсе в языковые выразительные средства, подкрепляемые эмоциональной визуальной составляющей.

Междисциплинарный ракурс лингвистического знания и интеграция разных методологических подходов к исследованию языковых явлений

расширяют наши представления о предмете исследования, позволяя посмотреть на те или иные явления языка с новой стороны. Когнитивная лингвистика на данный момент предлагает наиболее эффективные методы изучения процессов смыслообразования, так как именно такие методы нацелены на раскрытие наиболее «глубинных» структур сообщения [Болдырев 2004: 23]. Когнитивное моделирование целесообразно использовать и для изучения содержательной стороны агитационных посланий в мультимодальном дискурсе. Это задача является одной из ключевых для объяснения собственно стилистических, лингвокультурологических и прагматических характеристик агитационного дискурса.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 (001). С. 18–36.

Ирисханова О. К. О теории концептуальной интеграции // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2001.Т. 60. № 3. С. 44–49.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ, 1996.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Fauconnier G., Turner M. Mental Spaces: Conceptual Integration Networks // Cognitive Linguistics: Basic Readings / ed. by Dirk Geeraerts. Berlin: Walter de Gruyter, 2006. P. 303–371.

Fillmore Ch. J. Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. P. 111–137.

A. V. Bukina *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE METHODS IN STUDYING MULTIMODAL PROPAGANDA DISCOURSE

The article gives a brief overview of cognitive modeling methods popular in modern linguistic studies, based on conceptual integration theory and frame theory. It examines the relevance of applying the methods to studying multimodal propaganda discourse with its linguistic and cultural properties.

Key words: frame analysis, conceptual integration theory, propaganda discourse, multimodality.

С. Ю. Имбер (*Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
yanaimber@yandex.ru

КОММЕНТАРИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК РЕЗУЛЬТАТ «КОНСТРУИРОВАНИЯ МИРА»

Статья посвящена анализу комментариев пользователей социальной сети Facebook как языковой модели интерпретации знаний о мире и обществе. Рассматривается процесс формирования вторичной категоризации и концептуализации в высказываниях пользователей, в рамках которого представляется возможным решение ряда социальных проблем и задач.

Ключевые слова: комментарий, вторичная категоризация, вторичная концептуализация, функциональная категоризация, опыт, «конструирование мира».

Язык играет значимую роль в структурировании нашего сознания, что «обеспечивает нормальную адаптацию и жизнедеятельность человека в окружающем мире, эффективность его вербального общения» в разных сферах [Болдырев 2016: 36].

Отметим, что структурированное сознание дает человеку возможность получать, осмыслять и закреплять в памяти полученные знания в виде концептов и в дальнейшем относить их к определенным категориям (процесс концептуализации и категоризации). По мнению Р. И. Павилениса, концептуальная система человека постоянно конструируется с учетом информации о реальном и возможном в окружающем мире. Изменения в концептуальной системе обусловлены не только познавательной деятельностью человека, но и лежат в основе самой системы: человек манипулирует «вербальными символами и связанными с ними концептами» [Павиленис 1983: 103, 106, 113–114].

Стоит подчеркнуть силу информационного потока, «обрушившегося» на современного человека, что связано с появлением новых технологий, сети Интернет, и, следовательно, с глобализацией мира. Воспринимаемые человеком новые знания часто активизируют сразу несколько перцептивных каналов. Например, новостные публикации в социальных сетях содержат не только письменный статический текст как краткое описание происходящих событий, но и фото- или видеоматериалы, которые апеллируют к аудиальной и визуальной модальностям. Отметим, что сеть Интернет позволяет, в отличие от традиционных

СМИ, получать быструю, даже мгновенную обратную связь от своей целевой аудитории.

Одним из самых распространенных и простых способов реакции пользователей является написание комментариев к той или иной публикации или новости. В связи с этим, обратимся к понятию «конструирование мира», который был введен когнитологами для «характеристики любого высказывания как творчески «изображающего» описание осмысляемого человеком события или ситуации on-line» [Кубрякова 2009: 10]. Человек, в нашем случае пользователь, описывает ту картину, которую он видит, дает оценку событиям и высказывает свое мнение. При этом он развивается как языковая личность и формирует в своем сознании языковую картину мира, в которой реализуется одна из главных функций языка – интерпретирующая [Болдырев 2014: 120]. В процессе «конструирования мира» человек является «творцом» языка, может вводить в оборот какие-либо новшества (например, авторские неологизмы), но не стоит забывать о «конвенциональных способах репрезентации содержания», так как «речь не может строиться исключительно по-новому» [Кубрякова 2009: 10]. В этом отношении важную роль играет предшествующий опыт, коллективный разум, к которым человек обращается в процессе «конструирования». А.А Потебня обозначил данный процесс как апперцепцию – «участие сильнейших представлений в создании новых мыслей» [Потебня 1892: 117]. Г. Пауль отмечал, что именно с помощью апперцепции с уже обозначенными известными предметами/явлениями происходит номинация нового [Пауль 1960]. Таким образом, человек, перед тем как, выразить свое субъективное мнение и индивидуальное миропонимание, невольно «пропускает» свои мысли и чувства через «предзаданную гипотезу мира», т.е. стереотипы, воззрения и оценки, которые царят в его социуме. Наряду с этим, отметим антропоцентризм языка и познания: сознание человека не зеркало, в точности отражающее окружающий мир, как считалось ранее. Индивид достраивает, адаптирует, конструирует мир в своем сознании, ориентируясь на конвенциональные схемы, структуры и опыт.

Комментарии пользователей относятся к языковой модели интерпретации знаний о мире и обществе. Названная модель демонстрирует один из способов языкового структурирования сознания и включает различные пути вторичной концептуализации и категоризации, оценочные ориентиры и шкалы, образцы, предубеждения и представления. По мнению Н.Н. Болдырева, данная модель нацелена на выведение нового

знания на основе уже оцененного имеющегося [Болдырев 2016: 42–43]. В связи с этим мы можем говорить о формировании в сознании человека оценочных категорий и концептов, которые обеспечивают «оценочную интерпретацию полученных знаний о естественных предметах и явлениях» [Болдырев 2019: 276]. Оценка какого-либо явления возможна только при соотнесении его с определенным идеалом, находящимся в нашей шкале оценок. Отметим, что данная шкала со своими высшими и низшими показателями, является, с одной стороны, явлением крайне индивидуальным, а с другой стороны, обусловлена коллективным опытом, о котором мы говорили выше.

По нашим наблюдениям, в комментариях пользователей находят свое отражение настроения и взгляды, господствующие в обществе. Реакция читателей или зрителей появляется практически сразу после публикации, что позволяет исследователю получать актуальные данные в реальном времени. На примере комментариев в социальной сети Facebook мы проследим формирование в комментариях пользователей вторичной концептуализации и категоризации в рамках системы оценок, мнений, стереотипов, что позволит лингвистам-когнитологам внести свой вклад в решение различного рода социальных задач.

Для анализа было выбрано новостное сообщение „Löffingen: Fahrgeschäft sieht aus wie Hakenkreuz – Karussell muss schließen“ («Лёффинген: аттракцион выглядит как (нацистская) свастика – карусель должна закрыться») (https://www.facebook.com/watch/?ref=saved &v=574524293079873), опубликованное в видеоформате в сообществе SPIEGEL ONLINE социальной сети Facebook и получившее 6.5 тысяч комментариев от участников группы. Прежде всего, подчеркнем дискуссионность и даже «болезненность» темы данной новости в немецком обществе. Достаточно упомянуть “Schuldgefühl” («чувство вины»), являвшееся часто центральным концептом в немецкой послевоенной литературе.

Сходство аттракциона и нацистской свастики вызвало у многих пользователей возмущение, которое вербально нашло свое выражение в следующих комментариях: „Es ist ein Karussell dessen Form der eines Hakenkreuzes entspricht. Und wo darin das Problem liegt, brauche ich dir hoffentlich nicht zu erklären…“, „…gerade in Deutschland ist dieses Symbol nunmal nicht mit Glück verbunden … es gibt noch Menschen, die sich daran erinnern. Dass das süße Glückssymbol in Nazideutschland für was anderes stand. Und nein, die heutige Generation trägt keine Schuld. Aber, die Verantwortung nicht zu vergessen, sehr wohl“, „…das hätte nie gebaut

werden dürfen“, „Das dies 2 Hk sind, sieht doch ein Blinder…“. Для удобства анализа обозначим данную группу как группа 1.

Отметим, что структурированность сознания обусловлена познавательными процессами, в частности, какими-либо теоретическими основами или материалами, которые предшествуют опыту. Предположим, что пользователи обладают элементарными знаниями об истории Германии, в частности, о периоде Третьего Рейха, а также о связанных с ним событиях, символах, личностях. В процессе апперцепции эти теоретические концепты соотносятся с новостным сообщением, которое мы можем обозначить в данном случае как практический опыт. Следующим шагом является выстраивание вторичного, нового, знания на основе оценки уже имеющегося, в частности, запускается процесс функциональной категоризации. Итогом данной мыслительной операции является формирование суждений и высказываний, в нашем случае – комментариев. Кроме этого, категориальный формат знаний, выстроенный в нашем сознании, позволяет распространять характеристики тех или иных единиц знания не только на один конкретный объект, но и на целые классы таких предметов. Соответственно, все предметы, напоминающие нацистскую свастику, получают общую оценку «плохо».

В данном контексте важную роль играет понятие менталитета, которое влияет на те или иные стереотипы или духовные ценности в сознании человека. Н.Н Болдырев отмечает, что менталитет «во многом определяет восприятие, часто эмоциональное, окружающих событий» [Болдырев 2016: 44]. Многие пользователи ссылались в своих высказываниях именно на «общее мнение» или «истинное в реальном мире», т. е. на коллективное знание, что свидетельствует о том, что наряду с индивидуальным субъектом, согласно Е. М. Вольф, существует не индивидуализированный субъект оценки [Вольф 2020: 69]. Например, категоричный характер комментария „Es ist ein Karussell dessen Form der eines Hackenkreuzes entspricht…» создан с помощью фраз, содержащих в себе бессубъектную оценку (истину, стандарты, аксиомы) („Und wo darin das Problem liegt, brauche ich dir hoffentlich nicht zu erklären“). Таким образом, автор не допускает солидарность с иной точкой зрения, формулирует высказывание как своего рода аксиому, прибегая к четкому делению комментария на предложения с использованием только самых необходимых знаков препинания, а также отказывается от экспрессивности, руководствуется только рациональной оценкой. Похожую ситуацию мы можем наблюдать в высказывании „…Das hätte nie gebaut werden dürfen“, категоричный характер которо-

го реализован посредством соотнесения деонтической модальности с сослагательным наклонением. Некие морально-нравственные установки являются для автора мерилом того, что допустимо (может быть построено), а что нет. Ссылка на «коллективный опыт» проявляется в комментарии „Das dies 2 Hk sind, sieht doch ein Blinder…“, который демонстрирует использование речевых клише („sieht doch ein Blinder“). Отметим, что вышеперечисленные речевые штампы, приемы и стереотипы свидетельствуют о структурированной посредством языка концептуальной системе.

Ссылаясь на мнение Н. Д. Арутюновой о том, что «интересы людей постоянно сталкиваются, и это заставляет их заведомо метить по-разному одно и то же событие» [Арутюнова 1999: 195], можем предположить существование противоположных точек зрения на рассматриваемое нами новостное сообщение. Часть комментирующих не увидели в факте сходства аттракциона и свастики каких-либо проблем, что демонстрируют следующие примеры: „ja, man kann es sehen/erkennen. wir alle kennen die damit verbundene vergangenheit. von mir können sie weiter damit spass haben, einen umbau sehe ich als nicht notwendig an“, „Ok es sieht so aus, Leute es ist lange her … Alles hat ne Geschichte. Das Leben geht weiter“, „Meine Güte, das ganze Theater nur deswegen, weil da jemand EIN Foto im unglücklichen Moment gemacht hat! …Muss man denn aus jeder Mücke einen Elefanten machen?“, „wegen mir soll das Teil weiterfahren, sieht nach Spaß aus“ (группа 2). Приведенные комментарии свидетельствуют о том, что пользователи из группы 2, так же как и группы 1 располагают теоретическими знаниями по теме, что убеждает нас в том, что высказывания основаны на полученной, вероятно, в учебных заведениях, одной и той же информации. Таким образом, мы не можем наблюдать нарушений в процессе естественной категоризации событий обсуждаемого периода немецкой истории. Например, концепты «Третий Рейх», «нацизм», «свастика» объединяются в категорию с оценкой «плохо», так как пользователи сами признают, что «все знают связанное с этим прошлое» и «так много времени прошло… у всего есть история».

Процесс функциональной категоризации протекает тем же образом, что и у пользователей группы 1, но приводит к совершенно противоположному мнению, что объясняется активной ролью человека во взаимодействии с окружающими его предметами и событиями, которые могут не оказывать одинаковое влияние на разных людей. Подчеркнем, что личная оценка происходит в процессе интерпретации, вторичной

концептуализации и категоризации в рамках системы мнений, оценок и ценностей. Например, в комментарии „…das ganze Theater nur deswegen, weil da jemand EIN Foto im unglücklichen Moment gemacht hat!“ момент движения карусели, в который она максимально напоминает свастику, автор определяет как „unglücklich“, что является прилагательным с негативной коннотацией, выраженной при этом достаточно мягко. Из всех речевых клише, способных показать негативное отношение, комментирующий выбрал именно то, которое построено с помощью прибавления отрицательного префикса к прилагательному с положительной коннотацией. Также отметим, что комментирующие группы 2 прямо указывают на себя, как активного субъекта оценивания („von mir“, „wegen mir soll“), практически не обращаясь к «общему мнению» и не претендуя, в отличие от пользователей группы 1, на высказывание единственно истинного мнения.

В индивидуальном сознании комментирующих группы 2 знак, похожий на свастику, не вызвал возмущения или отторжения, как у пользователей группы 1. Можем ли мы говорить о неструктурированности сознания пользователей группы 2 «относительно коллективных духовных ценностей» и возможном образовании в нем «ценностных пустот, которые легко замещаются «чужими» ценностными ориентирами или… суррогатами»? [Болдырев 2016: 44] Мы склоняемся к мнению о том, что пользователи группы 2 сформировали свою оценку обсуждаемого в новостной публикации инцидента, основываясь на других идеалах и стандартах, нежели комментирующие группы 1. Вероятно, пользователи группы 2 относятся к более молодому поколению, которое тема войны не затронула непосредственно. Следовательно, молодые люди, обладая теоретическими основами, не пропустили их через знание эмпирическое. Представители старшего поколения, также располагая теорией, получили в результате пережитой войны или послевоенного времени, опыт, заставляющий видеть произошедший инцидент совершенно в другом свете. Таким образом, существование двух противоположных точек зрения на обсуждаемую проблему становится неизбежным, позволяет оценить ситуацию с разных сторон.

Рассмотрение процесса функциональной категоризации и его особенностей у двух групп пользователей дает возможность наблюдать изменения, происходящие в общественном сознании и менталитете. Мы считаем, что исследование процесса формирования вторичной категоризации и концептуализации в комментариях пользователей сети Интернет позволит лингвистам-когнитологам не только отмечать и фиксировать перемены

в общественных настроениях и мнениях, но и предсказывать возможные тенденции развития системы ценностей людей, а также предупреждать появление различного рода радикальных или агрессивных взглядов, которые могут перерастать в гонения, распри и даже вооруженные конфликты. Последнее из вышеупомянутого мы считаем наиболее важным для функционирования современного, «здорового» общества с равными правами и возможностями для всех его представителей.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. Вып. 6 (335). С. 118–122.

Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXIV. С. 35–48.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. Вып. 1. С. 5–12.

Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1892.

S. Yu. Imber *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

SOCIAL NETWORKS' COMMENTS AS THE RESULT OF WORLD CONSTRUAL

The article analyzes the users' comments on Facebook as a language interpretation model of knowledge about world and society. The research was focused on the creation of the secondary categorization and conceptualization in users' statements, what can be helpful in solving a number of social problems and tasks.

Key words: comment, secondary categorization, secondary conceptualization, functional categorization, experience, world construal.

Ж. Н. Маслова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I
maslovajeanna@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКА В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

В статье обосновывается актуальность инструментария когнитивной лингвистики в изучении языковых явлений в контексте современного гуманитарного знания и развития технологий. В контексте теории когнитивной лингвистики рассматривается развитие клипового мышления и некоторые особенности социально-культурных трансформаций.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, философия, культура, клиповое мышление, онтологическая система, онтология.

Современная лингвистическая наука находится под влиянием общенаучной ситуации, значимый момент которой в том, что мы переживаем изменение самого понятия фундаментальности науки. Научная мысль работает в разных контекстах, с различиями, а не с всеобщими характеристиками, ей нужно обеспечивать познавательный процесс новыми ходами, в условиях запутанности и «сцепленности» информационных потоков. Современная социальная реальность – это реальность интеллектуальных технологий, где познание (cogito) рассматривается как основной ресурс и источник развития информационного общества. Современная наука утратила дисциплинарную рассеченность, а само познание связано с коммуникацией, культурными и социальными контекстами, в которых приходится работать.

Исследовательское поле когнитивной лингвистики связано с проблемой познания, так как язык в рамках данной методологии рассматривается, прежде всего, как инструмент познания. Одним из основных фокусов в когнитивных исследованиях языка является изучение на материале лингвистических репрезентаций процессов получения, переработки и передачи информации о мире; процессов концептуализации и категоризации знаний; описание способов языковой концептуализации и категоризации.

Взгляд на язык и сознание человека, принятый к когнитивной лингвистике, предвосхищен рядом философских концепций. В частности, Р. Декарт назвал способность мыслить условием существования человека.

В философии Р. Декарта на первый план выходит «субъект познания с его способностью обеспечить абсолютно очевидные и надежные обоснования для любого знания» [Столярова 1998: 77]. И. Кант доказал, что источником человеческих утверждений о мире является активный познающий субъект, синтезирующий чувственное содержание ощущений с рассудочными формами. В критике «декартовокантовской» философской традиции берут начало идеи американского философа Р. Ротри, который говорит о языке, как о «всеобъемлющей форме человеческого опыта, а также о человеке как существе творческом (т.е. создающем, а не открывающем истины), сферой жизнедеятельности которого является речевая коммуникация и язык» [Джохадзе 2017: 27]. Согласно Р. Рорти, человек конструирует в языке свой опыт, получаемый в качестве ментальной, жизнетворческой практики [Джохадзе 2017].

Социальная функция исследований в области когнитивной лингвистики актуализируется не только в развитии теоретической фундаментальной науки, но и в поиске путей эффективной коммуникации, изучении проблем определения границ реальности, понятий объективности, субъективности. Кроме того, в рамках именно когнитивной методологии могут быть поставлены такие важные вопросы, как проблема достоверности знания и сохранения его преемственности, так как изучение ментальных конструктов через языковые репрезентации позволяет точнее определить границы субъективности в воспринимаемой реальности и представить ментальное отображение процесса существования человека целостным объектом.

Целостность данного восприятия подчеркивают принятые в научный обиход термины «карта», «картина», «модель». Ментальная карта реальности – это уникальные представления о мире каждого человека, построенные на индивидуальном восприятии и опыте. Понятие карты мира тесно соприкасается с понятиями картины мира, языковой картины мира и концепта, который выполняет функции единицы познания. Любая реальность интерпретируется с помощью соответствующих активных мысленных конструкций. Важно отметить, что в большой степени это знание имеет культурную природу.

Таким образом, культура способна ответить на многие актуальные вопросы. В современном обществе остро стоит вопрос о ценности гуманитарного труда и знания. Уровень развития технологий не обеспечен соответствующим уровнем развития гуманитарного знания. Перед человеком возникает много стимулов для развития по пути личной конкуренции, истребления себе подобных; законы выживания

и первобытное сознание начинают действовать в высокотехнологичном обществе. По словам И. Бродского, «ни запад, ни Восток не предлагают убедительной модели. Культура – единственная защита от вульгарности» [Полухина 2006: 255].

Когнитивный подход к языку позволяет изменить и расширить поле изучения языковых явлений, вписать их в современный контекст, когда некоторые фундаментальные основы восприятия реального мира переживают трансформацию.

Исследовать данные явления предлагается, в частности, в рамках когнитивно-онтологического подхода, где языковые явления рассматриваются как феномены, существующие на стыке трех онтологий (онтологических систем) – онтологии мира, онтологии человека и онтологии языка [Маслова 2014]. Если онтология – это учение о бытии, то онтологическую систему можно определить, как некоторый фрагмент (область) реального или абстрактного мира, связную и/или упорядоченную совокупность объектов/понятий, представленных схожим образом и обеспеченных единством трактовки объектов/понятий заданной области.

Только сознание человека (онтология человека) связывает их воедино и наделяет общими и уникальными представлениями о вкусе, запахе, цвете и т. д. В языке реализуется важная особенность сознания – способность к интерпретации, различному комбинированию элементов. Таким образом, любое высказывание, любой текст сочетают в себе элементы трех онтологий. По сути, мы имеем дело с синтезом объектов, обладающих разной природой, где все изменения человеческого сознания неизбежно влияют на оставшиеся онтологические системы.

Например, проблема сохранения достоверности знания [Хитарова 2007] связана с развитием клипового мышления. Распространение средств массовой информации и расширение числа информационных источников привело к снижению значимости получения целостной информации. Сведения об окружающей реальности стали гораздо более бессистемными и фрагментарными. А. Моль впервые отметил в книге «Социодинамика культуры», что культура современного человека является своеобразной мозаикой [Моль 2008].

В современном информационном обществе слово «клип» актуально не только в качестве термина, обозначающего видеоряд, но и понятия, используемого в контексте мышления. Понятие «клиповое мышление» появилось в конце XX в. и обозначало особенность человека воспринимать мир посредством короткого, яркого посыла, воплощенного в форме либо видеоклипа, либо теленовости [Азаренюк 2009].

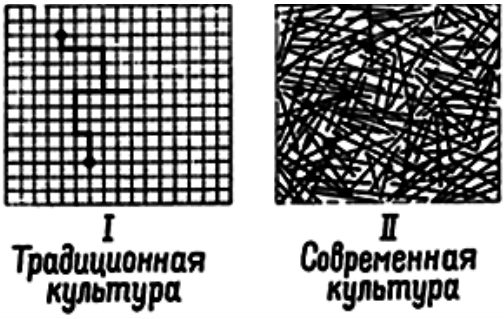


Рис. 1. Сравнительные образы традиционной и современной культуры (А. Моль)

С позиций анализа мышления клип – это набор тезисов, не требующих контекста, так как то, о чём ведётся речь актуально для объективной действительности [Азаренюк 2009]. Носитель информации при этом может интерпретировать клип с точки зрения своей осведомленности в предмете информации. Подобный тип мышления наиболее свойственен современной молодёжи, которая воспринимает информацию по принципу клипа и нацелена, прежде всего, на поиск ключевой информации. В таком случае необходимость получения исчерпывающей информации связана со скоростным усвоением отдельных и зачастую несвязанных между собой элементов. Сильная сторона «поколения Интернета» состоит в возросшей способности к многозадачности. Такие люди могут одновременно слушать музыку, общаться в чате, искать информацию по Интернету, редактировать фото и делать при этом уроки или работать.

Британский футуролог Дж. Мартин разделил людей на два типа. Первый тип – «люди книги». Они получают информацию от чтения и обладают «продолжительным» мышлением. Второй тип – «люди экрана» – наделены клиповым мышлением [Martin: URL]. Вторые обладают скоростным откликом и быстрее реагируют на любые стимулы и изменения.

Однако на потребности современного общества реагируют не только СМИ и компьютерные игры, но и язык. Так, в последнее двадцатилетие ставшие популярными комиксы (клип на бумаге) активно вошли в обиход в качестве легкого развлекательного чтения и развились как жанр литературы. О трансформациях восприятия реальности, языка и текста

свидетельствует тот факт, что комиксы оформляются из существующих романов и повестей.

В настоящее время развивается и такая визуальная форма интерпретации художественных текстов, как плейкаст.

Создавая видеоряд по мотивам литературных произведений, авторы плейкастов позволяют зрителям подключить элементы клипового мышления для наиболее полного восприятия текста.

Рис. 2. Фрагмент плейкаста
по стихотворению А. А. Блока «Ночь. Улица. Фонарь…»

Семеновских Т. В., говоря о развитии типа клипового мышления, указывает на важный момент: в силу фрагментарности подачи информации и разнесению связанных событий по времени мозг человека не в состоянии осознавать связи между событиями [Семеновских 2013]. Человек не способен долго концентрироваться на информации, у него заметно снижается способность к анализу. Носитель клипового мышления не задерживает информацию в сознании на срок, который требуется для ее обработки, так как предмет размышления быстро сменяется и внимание переключается на другую тему (как у ребенка). Однако ребенку быстрое переключение внимания необходимо для столь же быстрого познания мира. Он наблюдает окружающую действительность, а не осмыслива-

ет ее. Время осмысления придет позже, после первичного накопления информации.

В современных условиях клиповое мышление защищает нетренированный, непривычный к обработке информации мозг от перегрузки, понижает тревожность и избавляет от ранимости. Порог человеческой чувствительности к переживаниям других людей понемногу повышается. Клиповое мышление есть мышление сиюминутного восприятия, минутной реакции. Фрагментарное восприятие окружающего мира, возможность моментального переключения с одного образа на другой без явных логических связей свидетельствует об упрощении осознания действительности. Клип, как элемент мышления, представляет собой подвижный образ, картинку, элемент метафорического мышления. Изучение клипового мышления с точки зрения механизма познания окружающего мира – новое явление в психологии, культурологии, когнитивной лингвистике. Литература, отзывающаяся на этот процесс, начинает приобретать новые клиповые формы, удобные для массового потребления.

Таким образом, трансформации форм литературы отвечают потребностям современного общества, готового воспринимать большие объемы фрагментарной информации. Они также указывают на изменения во взаимодействии онтологических систем (системы мира, системы человека, системы языка) и на развитие иных инструментов в восприятии, обработке и хранении информации.

В этих условиях лингвистическая теория ищет ответы на ряд вопросов: роль языка и языковых структур в процессах познания мира; соотношение концептуальных систем и языковых систем; участие языка в формировании констант культуры; способы описания систем «универсальных» концептов, находящихся в основе концептосферы; соотнесение сформированных картин мира (научной, обыденной) с языковой картиной мира.

Ранее предпосылками к формированию когнитивной лингвистики было осознание потребности в систематическом изучении человеческого познания, понимание того, что только язык обеспечивает единственный надёжный доступ к сознанию. Сегодня отличительными особенностями когнитивной лингвистики являются: изучение языковых данных, их связи с сознанием, описание взаимосвязи между разными формами знания и языком, а также признание активной роли человека в изучении языка. Когнитивные исследования языка находятся в актуальном междисциплинарном поле и позволяют изучать явления, имеющие большую социальную значимость.

Литература

Азаренок Н. В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире // Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна «Психология человека в современном мире». Т. 5. Личность и группа в условиях социальных изменений. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 110–112.

Джохадзе И. Д. Лингвистический прагматизм и его кантианские импликации // Философская мысль. 2017. № 11. С. 25–39.

Маслова Ж. Н. Введение в когнитивную поэтику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Моль А. Социодинамика культуры. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005). СПб.: «Журнал «Звезда», 2006.

Проскуряков М. Р. Концептуальная структура текста. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

Семеновских Т. В. «Клиповое мышление» – феномен современности // ОПТИМАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ (ОК) эпистемический ресурс Академии медиаиндустрии и кафедры теории и практики общественной связности РГГУ. 18 февраля 2013 г. URL: http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/ (дата обращения: 20.05.2021).

Столярова О. Е. Гуссерль о Декарте // История философии. 1998. № 3. С. 76–92.

Хитарова И. Ю. Музей в системе обеспечения информационной безопасности социально-культурной сферы общества. СПб.: Гос. музей-памятник «Исаакиевский собор», 2007.

A Conversation with George R. R. Martin URL: http://www.sfsite.com/01a/gm95.htm (дата обращения: 14.05.2021).

Zh. N. Maslova *(St. Petersburg, Russia)*
Emperor Alexander I St. Petersburg
State Transport University

MAINSTREAMING COGNITIVE LINGUISTICS RESEARCH IN THE ERA OF TECHNOLOGICAL CHALLENGES

The article substantiates the relevance of the tools of cognitive linguistics in the study of linguistic phenomena in the context of modern humanitarian knowledge and technological development. In the context of the theory of cognitive linguistics the development of clip thinking and some features of socio-cultural transformations are considered.

Key words: cognitive linguistics, philosophy, culture, clip thinking, ontological system, ontology.

Л. А. Нефедова *(Москва, Россия)*
Московский педагогический
государственный университет
la.nefedova@mpgu.su

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ* В АКТУАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В центре внимания данной статьи находится описание дискурсивных практик современной коммуникации в немецкоязычном культурном пространстве на основе изучения критически переосмысленной лексической манифестации массмедийного концепта «новая нормальность» (нем. neue Normalität).

Ключевые слова: дискурсивные практики, дискурс СМИ, массмедийный концепт, концепт «новая нормальность».

Любой дискурс развертывается посредством дискурсивных практик, которые, в свою очередь, являются одним из основных свойств всех видов дискурса. Совокупность дискурсивных практик, обладающих конкретными чертами в каждом отдельном случае, представляет собой определяющую характеристику отдельно взятого вида дискурса.

По мнению М. Фуко, дискурсы выступают частью дискурсивных практик, образуя каркасы дискурсивных формаций, упорядочивающих реальность определенным образом и неразрывно связанных с конкретной исторической эпохой [Фуко 2008]. С позиций когнитивной лингвистики дискурсивная практика характеризуется учеными как способ осмысления социальной жизни [Баранов 2004; Чудинов 2001]. При этом дискурсивная практика является одной из форм более широких социальных практик [Йоргенсен, Филлипс 2008].

Данное исследование опирается также на работы, посвященные описанию новых дискурсивных практик, которые реализуются в различных сферах современной коммуникации, прежде всего, в медиадискурсе, и позволяют через язык увидеть себя, опознать приметы времени. Это труды, в которых их авторы рассматривают теоретические и методологические основы анализа дискурсивных практик нашего времени: О. С. Иссерс [Иссерс 2015], Л. В. Куликова и др. [Куликова и др. 2015], D. Wrana [Wrana 2012]. Основное внимание исследователей дискурсив-

ной практики уделяется её изучению в условиях социальных изменений в современном обществе.

Дискурсивные практики являются динамической структурой. Способность к динамическим изменениям, причиной которых становятся социальные, экономические, культурные и др. факторы, – характерное свойство дискурсивных практик. Существующие практики со временем меняются вместе с меняющейся социальной, экономической, культурной реальностью и начинают служить для решения новых задач, формируются новые дискурсивные практики.

Дискурсивные практики понимаются как деятельность и социальный опыт, данный в непосредственном наблюдении. Исследователи обращаются к фактам, данным в непосредственном наблюдении, так как дискурсы создаются, функционируют и изменяются в речевой практике коммуникантов. Наблюдения за имеющими наибольшее распространение на определенный момент развития общества видами дискурсивных практик в определенных социальных сферах позволяют судить и делать выводы о наличии признаков конкретного вида дискурса. Кроме того, наблюдения за новейшими явлениями в речи носителей языка и, главным образом, в лексике, способствуют осмыслению актуальных изменений в социальной жизни общества, выделению существенных характеристик современной социальной коммуникации.

Особую значимость в современной коммуникации имеет дискурс СМИ, который отражает состояние общества в культурно-языковом вопросе, фиксирует когнитивные и коммуникативные характеристики речемыслительной деятельности в области средств массовой информации. А. Н. Баранов отмечает, что анализ дискурса СМИ и характерных для него дискурсивных практик служит, в том числе, и для мониторинга состояния общественного сознания и, потенциально, освобождения коммуникации СМИ и аудитории от политических манипуляций [Баранов 2014].

Пандемия коронавируса повлияла на повседневную жизнь субъектов, а также на процессы в социальных институтах: изменились повседневные недискурсивные практики (нем. nicht-diskursive Praktiken), нормой стало ношение маски в общественных местах и соблюдение правил социального дистанцирования, использование виртуального общения в качестве стандартной формы встреч и конференций, обучение с применением дистанционных образовательных технологий. Пандемия COVID-19 сформировала особый тип коммуникативной личности, определяемый особенностями дискурсивных практик современной

коммуникации: homo isolatus (человек, находящийся в социальной изоляции), homo digitalis (цифровой человек) и homo non vitalis (человек, лишенный витальной энергии). В немецкоязычных странах широкое распространение получило понятие «новая нормальность» (нем. neue Normalität), которое стало выступать одним из ключевых концептов современного дискурса СМИ.

Формирование дискурсивных практик происходит на различных уровнях языковой системы: фонетическом, лексико-семантическом, синтаксическом, но каждая дискурсивная практика представляет собой взаимодействие этих уровней. Основная роль при этом отводится лексико-семантическому уровню. Посредством лексически репрезентированных ключевых концептов происходит осмысление реальности в конкретный временной период, что существенно влияет на формирование мнений и установок в отношении традиционных для дискурса СМИ тем.

Цель настоящего исследования заключается в описании лексических ресурсов дискурса СМИ немецкоязычных стран, задействованных в репрезентации концепта «новая нормальность».

Методы исследования: дискурс-анализ, метод обработки и интерпретации результатов корпусного анализа данных, метод анализа дефиниций слов и словосочетаний, описательный метод, а также общенаучные методы сравнения и обобщения.

Материалом для исследования послужили современные публицистические тексты электронных корпусов текстов немецкого языка Deutsches Referenzkorpus [https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/].

Устойчивое словосочетание *neue Normalität* как имя соответствующего концепта служит маркером дискурсивных практик современной коммуникации в немецкоязычных странах. Понятие «новая нормальность» было разработано в 2018 году австрийским философом и политологом Паулем Зайлер-Власицем (Paul Sailer-Wlasits). “Neue Normalität ist ein Begriff, der dieser Tage gerne für solche Arrangements zweckentfremdet wird. Geprägt hat ihn 2018 der österreichische Sprachphilosoph Paul Sailer-Wlasits, der dabei allerdings keinen dauerhaften Ausnahmezustand im Sinn hatte, sondern so die Auswirkungen eines politischen Populismus bezeichnete, […] verbreitet durch […] den demnächst scheidenden US-Präsidenten Donald Trump“ (Berliner Zeitung, 18.12.2020, S. 6; Stadion leer, Nase voll?). – «Новая нормальность – понятие, которое намеренно используется в современных условиях. Его ввел в 2018 г. австрийский философ Пауль Зайлер-Власиц, который имел в виду не продолжительное чрезвычайное положение,

а воздействие политического популизма, распространяемого уходящим президентом США Дональдом Трампом» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи – *Л. Н.*).

С середины апреля 2020 г. устойчивое словосочетание «новая нормальность» стал использовать в своих речах канцлер Австрии Себастьян Курц, и оно превратилось в политический призыв «Привыкай к этому!»: “Auch wenn manchen die Situation nicht gefällt, dass wir uns noch in den nächsten Monaten in einer Phase der neuen Normalität werden bewegen müssen, so entspricht das doch der Wahrheit“ [https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/]. – «Даже если кому-то не нравится ситуация, что нам придется жить в период новой нормальности в следующие несколько месяцев, это правда». Австрийские СМИ отреагировали критически; журналисты интересовались, следует ли тем самым признать такое длительное ущемление гражданских прав законным.

В прессе появились статьи о «новой нормальности», так как стали приниматься новые «правила игры», стал осуществляться поиск эффективных способов существования в новых условиях. При этом очевидно, что предполагаемая «новая нормальность» контрастирует со старой нормальностью, существовавшей до пандемии, как синоним новой реальности, к которой нужно приспосабливаться. Очевиден манипулятивный характер нового понятия: “Dieses Leben mit dem Virus nun neue Normalität zu nennen mag eine positive Intention haben“ (Hannoversche Allgemeine, 16.05.2020, Ressort: Sonntag; Dann lächeln wir eben mit den Augen) – «То, что эту жизнь с вирусом назвали новой нормальностью, – проявление позитивных намерений».

Словарь неологизмов немецкого языка “Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie”, включает два варианта нового понятия: нем. *neue Normalität* и англ. *New Normal*, определяя их следующим образом: “fortgesetzter Zustand des eingeschränkten gesellschaftlichen und wirtschaftlichen Lebens in Zeiten der COVID-19-Pandemie” – «наличие ограничений в общественной и экономической жизни во время пандемии COVID-19» [https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp]. Сема «во время пандемии коронавируса» входит в лексическое значение словосочетания, которое, согласно дефиниции, является нейтральным. Однако возникает вопрос, можно ли рассматривать «наличие ограничений в общественной и экономической жизни» как нормальное явление. Употребление устойчивого словосочетания также в славянских и романских языках позволяет отнести его к терминам-интерфразеологизмам, лексическим единицам, совпадающим по своей

внешней форме и значению, и функционирующим не менее чем в трех неблизкородственных языках [Нефедова 2011].

В текстах немецкоязычных СМИ словосочетание уточняется посредством слова *Corona* – коронавирус, которое имеет отрицательную оценку: *neue Corona-Normalität* – «новая ковидная нормальность», *die neue Normalität mit Corona* – новая нормальность с ковидом, а также предлогов «до» и «после»: *Vor-Corona-Normalität* – нормальность до пандемии коронавируса и *Post-Corona-Normalität* – нормальность после пандемии. Очевидно, что «ковидная нормальность» не может восприниматься как привычная нормальность.

В прессе много пишут о том, что жизнь во время пандемии нельзя считать нормальной. Нормальная жизнь наступит после пандемии: „Es wird mit Sicherheit eine Normalität nach Corona geben. Nur jetzt gibt es keine. Wir erleben eine Zeit zwischen den Zeiten, eine Phase ohne Norm“ [https://www1.ids-mannheim.de/fileadmin/aktuell/Coronakrise/IDS_Sprache_Coronakrise_Moehrs_Normalitaet.pdf] – «После пандемии мы наверняка вернемся к нормальной жизни. Только сейчас её нет. Мы переживаем межвременье, период без нормы».

Эксплицитно выраженный контекст часто вступает в противоречие с понятием «нормальность»: “Neue Normalität: Mundschutz, Kontaktdaten und Abstandsregeln gehören seit dem Wochenende dazu“ (Hannoversche Allgemeine, 08.09.2020, S. 13, Ressort: Sport; Amateurfußball in Zeiten von Corona) – «Новая нормальность: это, начиная с воскресенья, ношение масок, информирование о контактах с больными, соблюдение правил дистанции».

Негативно окрашенные словосочетания показывают отрицательное отношение к новому понятию: “Die neue Normalität heisst Viruswahn und Impfeuphorie” (St. Galler Tagblatt, 29.12.2020; Erfolg der Traumatisierung) – «Новой нормальностью называется “вирусное безумие” и “вакцинная эйфория”».

В следующих примерах понятие «новая нормальность» также воспринимается в негативном свете: “Der Mensch ist ein Gesellschaftstier, die neue Normalität fördert Vereinsamung und Entfremdung. Free Hugs, Händeschütteln, Bussi-Bussi?” (Falter, 20.05.2020, S. 34; Viribus Unitis. Was lernen wir daraus?) – «Человек – существо социальное, новая нормальность ведёт к одиночеству и отчуждению». „Nicht normal, sondern die neue Normalität“ (Falter, 22.07.2020, S. 23; Insel auf Tour) – «Не нормально, а новая нормальность». В антитезе понятие «новая нормальность» противопоставляется традиционному пониманию того, что следует считать нормальным.

Автор статьи воспринимает новую нормальность как антиутопию, выражая мысль, что название является неправильным: “Dystopien hasse ich richtiggehend. Aber jetzt leben wir in einer, auch wenn sie als neue Normalität bezeichnet wird“ (Falter, 06.05.2020, S. 9; Wie geht es Ihnen?) – «Я действительно ненавижу антиутопии. Но теперь мы живем в антиутопическом мире, хотя он и называется “новая нормальность”».

Та же мысль выражается эксплицитно: „Vielleicht ist das einfach die neue Normalität. Wobei, Normalität ist das nicht, es ist einfach neu“ (St. Galler Tagblatt, 17.09.2020; „Leute trauen sich nicht ins Theater“) – «Может быть, это и есть новая нормальность. Причем, нормальностью это нельзя назвать, это просто что-то новое».

Скептическое отношение к новому понятию отражают атрибут *so genannte* ‘так называемая’, уточнение *wie sie genannt wird*, ‘как её называют’, а также полные эмоций примеры типа: “Ist der Maulkorb auch schon neue Normalität?” (St. Galler Tagblatt, 15.06.2020; Entgleisung des höchsten Richters) – «Намордник – теперь уже новая нормальность?».

Медиатизация термина привела к появлению в немецкоязычной прессе альтернативных устойчивых словосочетаний для выражения отрицательного отношения к современной реальности: *zersplittterte Normalität* «расколотая» нормальность, *eine Phase ohne Norm* «время, когда нормы отсутствуют» [https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/].

Существительное *Normalität* сочетается с прилагательным *falsche* – «фальшивая»: „Bliebe die Frage: Wird nicht eine falsche Normalität vorgegaukelt, wenn in Zeiten, in denen Social Distancing gefragt ist, Profisportler in den Zweikampf gehen? Ohnehin sind Bundesligaspiele ohne Zuschauer im Stadion, vor leeren Rängen, keine Normalität, sondern Trauerspiele, und insofern vielleicht sogar angemessen für die Corona-Zeit“ (Süddeutsche Zeitung, 24.04.2020, S. 4; FUSSBALL-BUNDESLIGA). – «Остается открытым вопрос: разве такая нормальность не является фальшивой, когда во время социального дистанцирования профессиональные спортсмены вступают в единоборство? Игры бундеслиги без зрителей на стадионе, перед пустыми трибунами – не нормальность, а трагедия, что соответствует законам ковидного времени».

Осмысление концепта «новая нормальность» как отклонение от нормы отражается и в том, что в прессе часто выражается надежда на возвращение к нормальной (привычной, прежней, полноценной) жизни после пандемии (*auf eine Rückkehr zur Normalität, auf eine baldige Rückkehr zur Vor-Corona-Normalität, auf ein Stück mehr Normalität*). Люди надеются на то, что вернется нормальная жизнь ([…] *dass Normalität (wieder)*

einkehrt, zurückkehrt, hergestellt wird), выражают тоску по нормальной жизни (*nach Normalität sehnen*).

Таким образом, особенностью лексических единиц, репрезентирующих концепт «новая нормальность», является выражение концептуальных признаков, по сути, концепта отклонения от нормы, девиаций [Нефедова 2003]. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что лексические ресурсы языка отражают особенности дискурсивных практик современной немецкоязычной коммуникации, благодаря которым массмедийный концепт наполняется особым, критически переосмысленным содержанием, т.е. понимание концепта невозможно вне контекста дискурсивных практик.

Литература

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Баранов А.Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 1. С. 33–43.

Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. Изд. 2, испр. М.: URSS: ООО «Ленанд», 2015.

Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Дж. Филиппс, М.В. Йоргенсен: пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Изд-во: «Гуманитарный центр», 2008.

Куликова Л.В., Белецкий С.Б., Бурмакина Н.Г., Детинко Ю.И., Попова Я.В. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / под науч. ред. Л.В. Куликовой. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015.

Нефедова Л.А. Интерфразеологизмы: к проблеме определения термина // К юбилею германиста: сборник научных статей к юбилею профессора И.И. Чернышевой. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 61–69.

Нефедова Л.А. Явление девиации в лексике современного немецкого языка: дис. … д-ра филол. наук. М., 2003.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Deutsches Referenzkorpus. URL: https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/ (дата обращения: 10.06.2021).

Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp (дата обращения: 10.06.2021).

Wrana D. Theoretische und methodologische Grundlagen der Analyse diskursiver Praktiken // Wrana D. (Hrsg.) Professionalisierung in Lernberatungsgesprächen. Theoretische Grundlegungen und empirische Untersuchungen. Opladen, Berlin & Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2012. S. 195–214.

L. A. Nefedova *(Moscow, Russia)*
Moscow Pedagogical State University

LANGUAGE REALIZATION OF *NEW NORMALITY* CONCEPT IN MODERN DISCURSIVE PRACTICES OF GERMAN-SPEAKING MEDIA

The focus of this article is on the description of the discursive practices of modern communication in the German-speaking cultural space based on the study of the lexical manifestation of NEW NORMALITY concept (neue Normalität) in the media discourse.

Key words: discursive practices, media discourse, mass media concept, NEW NORMALITY concept.

О. И. Опарина *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, РАНХиГС
oloparina@yandex.ru

МОДИФИКАЦИИ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОЛЕ *ЗНАНИЕ* НА ПРИМЕРЕ МЕДИА ДИСКУРСА И ХЕШТЕГОВ

Статья рассматривает изменения в концептуальном поле ЗНАНИЕ как результат событий последнего года. Объектом исследования стали лексемы, входящие в концептуальное поле, на материале медиа дискурса и хештеги, содержащие эти лексемы. Исследование проведено с использованием статистического метода и анализа сочетаемости. Результаты демонстрируют тенденции в понимании и интерпретации знания.

Ключевые слова: концепт, картина мира, ментальная репрезентация, медиа дискурс, хештег.

Разного рода события, с которыми сталкивается человек, неизбежно отражаются в языке. Понятие *картины мира*, впервые введенное В. фон Гумбольдтом, стало одним из ключевых в современной лингвистике. Согласно В. И. Постоваловой, картина мира «выражает специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в этом мире» [Постовалова 1988: 11].

Как правило, традиционно выделяются различные типы картины мира в зависимости от объема и специфики отображаемых связей и явле-

ний (наивная картина мира, общенаучная, религиозная, языковая и т. д.). Картина мира – это не статическое явление. Учитывая утверждение Е. С. Кубряковой, что язык играет существенную «…роль в понимании мира и в фиксации структур знаний, мнений и оценок, в их хранении и возможности оперирования ими в сознании человека», следует предположить, что намечающиеся тенденции в изменении картины мира можно проследить в некоторых видах дискурса [Кубрякова 2004].

Лексика – наиболее репрезентативный элемент картины мира, так как именно она наиболее очевидно отражает повседневную жизнь, обладая такими свойствами как открытость, динамичность, изменяемость, проницаемость, многообразие вариантов. Лексические единицы первыми реагируют на изменения, происходящие в языке. Однако эти изменения воспроизводят перемены в сознании как отдельного индивидуума в результате жизненного опыта, ряда событий в жизни, коммуникации, так и общества в целом.

Важным понятием в исследовании картины мира и мышления является *ментальная репрезентация*. Согласно Е.С Кубряковой, ментальная репрезентация – это «ключевое понятие когнитивной науки, относящееся как к процессу представления … мира в голове человека, так и к единице подобного представления, стоящей вместо чего-то в реальном или вымышленном мире и потому замещающей это что-то в мыслительных процессах» [КСКТ]. Ментальная репрезентация – сложное и многогранное понятие, включающее фоновые знания, сведения и опыт, полученные человеком в процессе жизни и жизнедеятельности, что составляет базовые концепты, или первичную репрезентацию. Однако с приобретением опыта, изменениями, как результат коммуникации и социализации, происходит последующая концептуализация, базирующаяся на первичных концептах, что представляется как вторичная репрезентация.

Ментальная репрезентация выступает как важнейшее действие в сознании человека, способствующее познавательной деятельности и его взаимодействию внутри общества. В результате первичной и вторичной репрезентаций создаются типизированные схемы знания, облегчающие коммуникацию и интерпретацию, так как «интерпретация как когнитивная и языковая деятельность всегда опирается на типизированные схемы знаний, многие из которых представлены в репрезентативном аспекте языка как коллективного феномена…» [Болдырев 2013: 8].

В течение последнего года произошли кардинальные изменения в обществе, затронувшие весь мир. Появились новые понятия (локдаун), а существовавшие ранее перешли из сферы сугубо профессиональной

(пандемия, вакцинация) в область повседневного языка или приобрели иные значения (дистант, дистанционное обучение, офлайн). Во многом изменились способы коммуникации людей и пути получения информации. Необходимость «пережить» и выйти из сложного периода в жизни мирового сообщества, способствует изменению приоритетов, существовавших в обществе. В последнее время на первое место выходит научное знание, которое воспринимается как надежное, достоверное, содействующее преодолению распространения вируса и дающее надежду на восстановление привычного уклада жизни.

Говоря о способах получения информации, а именно: новостные сообщения, образование, библиотеки, конференции / дискуссии / обсуждения, развлекательная информация (концерты, театральные постановки, тематические лекции), следует отметить, что источником становятся электронные устройства. Учитывая вышесказанное, интересно изучить, как репрезентируется понятие *знание*, произошли ли какие-либо изменения в ментальной репрезентации *знания*, которая предполагает как первичную, так и вторичную репрезентацию.

В качестве объекта исследования взяты лексемы, входящие в концептуальное поле ЗНАНИЕ и обозначающие различные его аспекты. В качестве материала выступают англоязычные газетные новостные публикации. Выбор материала обусловлен принципом актуальности, так как язык медиа дискурса наиболее быстро реагирует на тенденции, зарождающиеся в обществе, тем самым отвечая на общественные вызовы, появляющиеся в сознании людей и сигнализирующие о переменах в общей картине мира. Для сравнения с результатами, полученными из анализа газетных новостных статей, проведено исследование хештегов в социальной сети Instagram, как наиболее популярной, распространенной и формирующей мировоззрение определенных возрастных и социальных слоев общества.

В качестве гипотезы выступал постулат, что представление о знании могло измениться, а частота использования тех или иных лексем, входящих в концептуальное поле ЗНАНИЕ должна иллюстрировать зарождающиеся тенденции. Исследование хештегов предусматривало статистический анализ их употребления, содержащих одну из лексем, относящихся к области *знания*. Также изучалась сочетаемость этих лексем, что указывает на сферу и регистр употребления.

Анализ новостных газетных статей дал следующие результаты.

Лексема *knowledge* употребляется крайне редко (не во всех статьях, частотность употребления 1–2 на статью). В большинстве случаев использование лексемы происходит в связанных и устоявшихся словосочетаниях

(*to my knowledge, this scope of knowledge, useless knowledge*). Вероятно, *знания* / *knowledge* ассоциируются с проверенными, систематизированными сведениями, прошедшими все стадии интерпретации и обработки, что отражено в словарных дефинициях.

Частотность лексемы *information* выше, встречается в 90% статьях. Количество употребления внутри статьи от 2–4 раз. Интересно достаточное частое употребление с отрицательным префиксом *misinformation*. Лексема имеет общий характер. Особо подчеркивается, что *information* – это факты, надежные, проверенные новости и объективный анализ. (*No matter how unpredictable the future feels, we will provide* ***vital information*** *so we can all make decisions about our lives, health and security –* ***based on fact, not fiction****.* / *With your help, we will continue to provide* ***high-impact reporting*** *that can* ***counter misinformation*** *and offer an authoritative, trustworthy* ***source of news*** *for everyone.* / *We do this because we believe in* ***information equality****, where everyone deserves to read* ***accurate news*** *and* ***thoughtful analysis***.) (The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/international; The New York Times. URL: https://www.nytimes.com).

Особое место по частотности заняла лексема *data*. Она встречается в 90% материалов и ее частотность в тексте – 3–5 раз. Лексема замешает и выступает синонимом *news*, *facts*, иногда синонимична *information* (*new data*, *verify data*, *general data*, *data from exhibition*). *The situation clearly continues to be precarious, and will need to be monitored very carefully after the half-term holiday. It is essential that* **data** *is more readily available in the future.* / *We have been hearing from our members that more and more schools are having to close multiple classes or 'bubbles', particularly in areas with higher case numbers. This latest* ***official data release*** *appears to support those concerns.* / ***The data shows*** *that Covid cases in schools are at the highest level for six months. All decisions on essential control measures to prevent the transmission of Covid-19 in schools and colleges must continue to be led* ***by the scientific data*** *and* ***advice*** *to ensure that staff, pupils and the public are kept safe.* / *Attendance in schools remains high, and* ***the data shows*** *the steps we are taking to keep the Delta variant under control in schools are working* (The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/international; The New York Times. URL: https://www.nytimes.com).

Если обратиться к словарной дефиниции, то *data* изначально воспринимается как информация, состоящая из фактов, чисел, которую следует обработать, т.е. подвергнуть анализу, синтезу, интерпретации, для последующих выводов. Еще одним существенным элементом значения выступает утверждение, что это информация, представленная в электронной

форме и полученная через компьютер [Cambridge Dictionary URL]. Как результат событий, случившихся в последний год, лексема *data* стала популярна, отражая реальность (получение информации через электронные устройства) и конкретность, точность, «чистые факты».

Анализируя полученные материалы из медиа дискурса, можно сделать ряд наблюдений. Концептуальное поле ЗНАНИЕ сохранило основные компоненты, т.е. лексемы, обозначающие различные разновидности знания, но частотность их употребления и смысловое наполнение частично изменено. Журналисты избегают использование базовой лексемы *knowledge*, возможно, руководствуясь ее словарной дефиницией и представлениями, имеющими ассоциативные связи с более серьезной областью применения этого слова. Лексема *data* сохранила изначальное значение и именно с этим значением стала широко употребляться, описывая явления обыденной картины мира.

Следует весьма осторожно утверждать, что потребность общества в беспристрастной информации отражается в языке через возросшую частотность лексемы *data*. Однако язык газетных публикаций последних месяцев дает возможность говорить о наметившейся тенденции.

Еще одним фактором ее распространения допустимо считать «цифровизацию» всех сфер жизни. «Цифровая» модель создает ментальное пространство, в котором коммуникация и интерпретация становятся понятными и легкими. Новая модель типизированных схем знаний соединяет профессиональную и обыденную картину мира, в котором общим элементом становится лексема *data*.

Следующим этапом в исследовании стал анализ хештегов. Хештег – это слово-метка, позволяющее найти нужную, интересующую информацию, по сути, по ключевому слову.

Частотность употребления *knowledge* превышает остальные лексемы: #knowledge – 13,3 млн, #knowledgeispower – 4,6 млн., #generalknowledge – 1,7 млн, #knowledgefacts – 30 тыс. Интересно обратиться и к сочетаемости. Так, метка охватывает все области жизни: от общей, развлекательной информации (#knowledgeworld, #knowledgeisfree) до специальной, которая естественно количественно ниже. Ряд хештегов помечают как развлекательную информацию, так и профессиональную (#knowledgeofself – 991 тыс.). Причем количественно, по ссылкам, превалирует развлекательная информация.

Лексема *information* употребляется значительно реже, чем *knowledge*. Сочетаемость демонстрирует отнесенность к профессиональной сфере: #informationsecurity – 164 тыс., #informationtechnology – 621 тыс., #infornationdesign – 496 тыс., #informationtechnologystudy – 109 тыс,

#informationsystems – 213 тыс., #informationsociety – 14 тыс. Порядок частотности исчисляется тысячами, а не миллионами, как в случае с лексемой *knowledge*. К непрофессиональной сфере можно отнести небольшую часть хештегов, например: #informationliteracy (помечает сведения, необходимые для презентаций, как правильно структурировать речь, убедить адресата и т.д.). Хештеги #informationfacts / #informationnews помечают новости различного характера.

Лексема *data* также имеет узкопрофессиональное значение, но в отличие от *information* частотность выше. Так, #datascience – 910 тыс., #data – 1,8 млн., #dataanalytics – 296 тыс., #datacenter – 229 тыс., datascientist – 192 тыс., и т.д. По сочетаемости все метки связаны с информационными технологиями. Некоторые ссылки содержат анекдоты или мемы, понятные профессиональному сообществу.

Таким образом, маркирующие слова в популярных социальных сетях, которые стали площадкой для обмена информацией, общения, не демонстрируют тенденции, наблюдаемой в медиа дискурсе. Употребление *knowledge* значительно превышает другие лексемы. Она является более универсальной и многозначной. Подобное явление можно объяснить отсутствием временной дифференциации, то есть невозможно определить, когда поставлен хэштег до пандемии или после. Еще одной причиной, является традиционное представление о концептуальном поле ЗНАНИЕ в обыденном, массовом сознании, где центром служит *knowledge*, а другие лексемы относятся к периферии.

Изучение концептуализации, концептуальных полей в динамике позволяет увидеть возникающие тенденции в языке, отражающие смену приоритетов в сознании общества, что существенно как для изучения языка как явления, так и в понимании мировоззренческих перемен. Такие сдвиги могут носить постоянный характер, приводя к изменениям в картине мира, а могут иметь временный характер. Исследуемый материал показал, что намечающиеся изменения в медиа дискурсе не нашли отражение в социальных сетях.

Литература

Болдырев Н. Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24(315). Филология. Искусствоведение. Вып.82. С. 7–13.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–69.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина.; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.

Cambridge Dictionary. URL: dictionary.cambridge.org (accessed 12.02.2021).

O. I. Oparina *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University, RANEPO
oloparina@yandex.ru

MODIFICATIONS IN CONCEPTUAL FIELD "KNOWLEDGE" BASED ON MEDIA DISCOURSE AND HASHTAG STUDY

The article considers the changes in conceptual field of KNOWLEDGE as a result of social challenges in the world. The object of the study is the lexemes forming this conceptual field. The research is based on media discourse and hashtag analysis, where their statistical combinability is studied. The results have demonstrated tendencies in knowledge understanding and interpretation.

Key words: concept, world view picture, mental representation, media discourse, hashtag.

К. А. Степанян *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
stepanyan.k@inno.mgimo.ru

ИМПЛИКАЦИИ ИНСТАГРАМ ПУБЛИКАЦИИ: ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ СВОЙСТВА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются авторский текст интернет-публикации, комментарии подписчиков и диалогическая и персуазивная роли данных текстов. Доказывается, что ситуационная мультимодальная самопрезентация может иметь стимулирующий эффект.

Ключевые слова: самопрезентация, селфи, мультимодальность, мотив, интенции, челлендж.

В современном мире, где любое событие, благодаря социальным сетям, становится глобальным за считанные часы, роль аудитории и её внимания приобретает приоритетное значение. Современные пользователи социальных сетей способны возвести в ранг знаменитостей совершенно обычных людей, повысить популярность известных личностей или же снизить их значимость для поклонников. В таких обстоятельствах комбинация изображения и текста, его сопровождающего, представляет собой настоящее оружие в руках каждого пользователя, желающего получить поддержку аудитории, добиться или повысить собственную популярность, донести или распространить какую-либо идею. В результате такого относительно нового формата общения вокруг каждого аккаунта формируется своеобразный круг поклонников, разделяющих взгляды отправителя информации. Отношения в таких сообществах не только способствуют продвижению личного бренда в целом, но и демонстрируют потенциал оказания влияния на его участников.

Следует отметить высокий сплачивающий потенциал фолловерства: зачастую пользователи соцсетей, «подписанные» на одного и того же певца, спортсмена, телеведущего и т. д., сами считают себя членами одного коллектива, в котором преобладают идеи, транслируемые через данный аккаунт. Selfie в настоящее время рассматривается как развивающийся личный ситуативный коммуникативно обусловленный медиажанр. Он включает в себя различные речевые акты, такие как самопрезентация, оценочная самопрезентация, оценочный дискурс, выраженный в комментариях [Позднякова, Степанян 2021: 154].

В условиях повышенной вовлеченности интернет-пользователей в общение в соцсетях набирает популярность явление под названием челлендж. Сегодня челленджи приобретают важное социальные значение. Ввиду поддержки и участия в них звезд и инфлюенсеров, такого рода социальные сообщения быстро и качественно распространяются, неся в себе имплицитный и эксплицитный мотив. В большинстве случаев в аккаунтах известных людей селфи с мотивирующим подтекстом сопровождается одобрительными комментариями подписчиков, некоторые из которых превращаются в хештеги и влекут за собой волну похожих публикаций в поддержку того или иного явления.

Целью настоящего исследования является изучение механизма воздействия визуального образа, сопровождаемого текстовым сообщением, на представителей аудитории, а также описание процесса перерастания таких постов в действенные инста-челленджи.

Для осуществления основной цели исследования проведен всесторонний анализ постов-стимулов, полимодального авторского текста и речевых

или знаковых реакций подписчиков: изучен исходный замысел адресанта, путем рассмотрения первичных реакций (комментариев) подписчиков определен эффект, достигаемый сообщением на первом этапе трансляции, изучена совокупность реакций подписчиков и их непосредственная роль в формировании челленджа. Лингвистическая сторона челленджей в сети Инстаграм изучается с учетом их социального потенциала.

На первом этапе проводимого исследования в ходе опроса респондентов-пользователей сети Инстаграм был составлен перечень возможных интенций, реализацию которых мог планировать актёр Уилл Смит, представляя вниманию фолловеров свою публикацию, которую он разместил у себя в официальном аккаунте в инстаграм 3 мая 2021 года. На опубликованной фотографии актер демонстрирует себя “не в лучшей форме”. Изображение сопровождается текстом: “I’m gonna be real wit yall – I’m in the worst shape of my life”.

Для большей достоверности результата, в стремлении найти наиболее точную мотивацию актера, мы обратились к непосредственным подписчикам Уилла Смита, следящим за его деятельностью в сети Инстаграм не менее 3 лет. Такой отбор респондентов, не являясь гарантией достоверности, однако, играет большую роль при определении целеполагания в подобном обращении к аудитории.

Подобные публикации-обращения к аудитории представляют большой интерес для исследователя в силу своей непосредственной способности предоставить доступ к картине мира адресанта, а также непосредственным ее составляющим – концептам, присущим сознанию данной личности. Именно полимодальность репрезентации концептуального содержания поста расширяет наши возможности понимания концептуальной картины мира отправителя сообщения. В то же время сочетание вербальных и невербальных реакций фолловеров формирует репрезентацию фрагментов их концептуальных картин мира. Формируется новый формат социального диалога, который следует тенденциям формирующейся на наших глазах инстаграм-культуры.

В ходе анализа все реакции подписчиков (в количестве более 1200) были разделены на 5 групп в зависимости от транслируемых в них вербальных и невербальных реакций эмоционального характера.

Для более глубокого понимания анализируемого поста внимание в данной работе уделено категоризирующему и направляющему элементу поста – хештегу.

Изучен также перлокутивный эффект данного поста У. Смита, который состоит в том, что исследуемый пост стимулировал появление целого на-

правления публикаций в сети Инстаграм, объединённых идеей телесного самосовершенствования и категоризированных хештегом BigWillieChallenge.

На первом этапе исследования подписчикам У. Смита было предложено несколько формулировок предполагаемых ответов, а также пользователей попросили представить собственный вариант возможного мотива автора публикации. Им необходимо было выбрать ответ на вопрос:

Каков главный мотив поста У. Смита?

1) привлечь к себе внимание, «играя» на современном социальном тренде

2) поддержать тех, кто тоже набрал вес за период карантина

3) мотивировать себя тренироваться

4) показать, что он такой, как все

5) себя показать (объективно его «худшая» форма многим кажется не такой уж плохой по сравнению с некоторыми)

51% респондентов, принявших участие в опросе, проголосовали за намерение актера показать свое сходство с теми, кто набрал лишние килограммы за период изоляции. Еще 24% считают, что их кумир предпринял попытку стимулировать себя на скорейшее возвращение к прежней форме. 17% кажется очевидным, что автор сознается в том, что прибавил в весе. Только 5% участников выбрали первый вариант, возможно, это указывает на то, что пользователи инстаграм не считают автора тем, кто будет стремиться только произвести ложное впечатление. Несмотря на комментарии, в которых фолловеры подчеркивают, что автор на фотографии выглядит прекрасно по меркам среднестатистического американца, только 3% опрошенных выбрали этот вариант ответа.

На следующем этапе исследования в ходе анализа текстовых реакций фолловеров и основных лексем, их образующих, мы сформировали пять групп текстовых реакций в зависимости от транслируемых ими эмоций. Каждая из групп комментариев оказалась представленной в следующем процентном соотношении:

– одобряющие/поощряющие комментарии – 58%

– реакции, в которых пользователи сравнивают себя с автором или автора с его ролями/персонажами, – 21%

– ироничные – 11%

– побуждающие – 6%

– комментарии-благодарности – 4%.

Такое соотношение текстовых реакций на данный пост свидетельствует о восхищении со стороны поклонников и их готовности поддержать актера в его действиях, а также их поощрении открытого публичного поведения. Let me be real with you. You're 52. You look great – Пишет один из фолловеров.

Relax bro we're in love of the shape of your soul – пользователи выражают свое одобрение и безусловную любовь к творчеству знаменитости, говоря, что больше ценят его человечность и профессионализм.

Me too Will. Me too. / Better than me / Aren't we ALL 😢 / I literally relate to this too hard! – один из возможных мотивов публикации желание "обобщить" себя с другими/большинством, используя «я-сообщение». Показывая себя на изображении и указывая на «недостатки», автор все же говорит о том, что он такой же живой человек со своими слабостями. На что многие отреагировали сообщением «я тоже».

Чаще фолловеры благодарят популярного актера за честность (о чем он говорит в подписи к своему посту) и «нормальность» (то, что они видят на изображении: отсутствие фильтров или выгодных поз)

The Fresh Pear of Bel-Air / The Fresh Prince Of Belly Air 😂😂 – в таких комментариях подписчики иронично сравнивают Уилла с одной из его первых ролей the fresh prince of Bel-air, используя игру слов: заменив bel на belly или prince на pear.

Отдельного внимания заслуживают комментарии, которые побуждают публикующего к действию, в данном случае к возвращению в прежнюю форму: It's time to put in work bro 🏋💪

Enjoy It!!!

In 3 months you'll gain it back

Make Instagram real again

Let's do something about it!! – комментарии условно делятся на те, в которых автора поощряют в его принятии себя, те в которых ему предлагают заняться спортом и те, в которых его поощряют в «нормализации» (то есть отказе от приукрашенных постов) популярной социальной сети.

Значимым является перлокутивный эффект авторской подписи к selfie фото: "I'm gonna be real wit yall – I'm in the worst shape of my life" и комментарии-реакции на пост от пользователей популярной социальной сети. На основе когнитивных моделей, выделяемых А. В. Курьянович [Курьянович 2006: 144–150], можно сделать вывод, что автор текста под фотографией отождествляет себя с реципиентами: «я тоже не в форме». Кроме того, во второй части текста автор прибегает к иронии, говоря, что он находится в своей «худшей форме». Под фотографией преобладают сообщения с поддерживающим смыслом, некоторые «эхом» повторяют отдельные слова или фразы с положительной коннотацией из авторского текста, чтобы подчеркнуть свое одобрение публикации, некоторые отрицают авторское описание или просто оставляют поддерживающий комментарий: That's the funniest, **realest** thing I've ever seen. Way to change

the façade of Instagram / Make Instagram **real** again / you're a **real** one for this 🙌 / Let me be **real** with you. You're 52. You look great. / This part of life is called "keeping it all the way **real**" / Lookin **real** Uncle Phil here bro 😂😂😂🙏 / Thank you for sharing **reality**! / Thank you for being vulnerable and making us all feel **normal** / Will it's ok. Not great. **Truly**. but it's ok.

Как говорилось выше, сама по себе публикация в инстаграме – это мультимодальный, креолизованный текст, который совмещает в себе вербальный текст и изображение. Еще одной характерной особенностью мультимодальных текстов социальных сетей являются хештеги, которые категоризируют, обобщают, выделяют или просто сопровождают первые две составляющие поста. Роль хештега заключается в передаче большей смысловой емкости при минимальной затрате лексических средств, в создании определенного образа, с помощью которого язык преображается, тем самым вызывая интерес у реципиента [Бурикова, Еранова 2019: 40].

Такой важный элемент, как хештег, дает пользователям соцсетей возможность получить быстрый доступ к публикациям по интересующей их теме, использование хештегов в собственных публикациях дает им возможность быстро делиться интересной информацией с единомышленниками. Удобной также представляется возможность подписаться на обновления по конкретному хештегу, что позволяет пользователям всегда быть в курсе обновлений с необходимым или интересным контентом [Чайкисова 2021: 161–167].

Особо ценным для настоящего исследования является то, что данный полимодальный текст, сопровождаемый иллюстрацией, непосредственно связанной с текстом, не только вызвал речевую реакцию аудитории, но и стихийно перерос в инстаграм-челлендж. Пользователи сети стали публиковать свои фотографии «в худшей форме» после карантина, отмечая на них У. Смита и сопровождая текст хештегом #bigwilliechallenge, так как некоторые пользователи социальной сети стали использовать обращение Big Willie: "you still BIG WILLIE".

Таким образом, одной из самых важных функций хештега является самоидентификация автора или пользователя. Хештеги часто подразумевают, что автор и читающий обладают общим фоновым знанием, которое помогает реципиенту понимать более сложный когнитивный смысл, провести аналогию с уже имеющейся концепцией, распознать ассоциацию или увидеть сообщение, подчеркивающее определенные культурные особенности. Отражая актуальные события в социуме и часто стихийно распространяясь пользователями в сети, такие «ключевые слова» намеренно или спонтанно превращаются в социальный флешмоб – инстаграм-челлендж.

Исследование комментариев показало, что перлокутивный эффект этого поста стал цикличным. Не только комментарии пользователей мотивируют автора на возвращение к прежней физической форме, но и сам создатель поста провоцирует реципиентов на занятие спортом, публикуя у себя на странице видео своих тренировок и спортивные результаты фолловеров, оставивших под своими постами хештег #bigwilliechallenge. Произошло развитие, приращение концептуального содержания, первоначально заложенного инициатором поста. Социальный диалог приобрел автономность, его мотивирующий потенциал продолжает функционировать в условиях полного «самообеспечения», что, вероятно, и привело к вирусному распространению челленджа.

Литература

Бурикова С. А., Еранова Н. А. Особенности функционирования хештегов в рекламе в социальной сети инстаграм // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2019. Вып. 8–2. Серия: Гуманитарные науки. С. 39–43.

Курьянович А. В. Когнитивная сущность речевого жанра самопрезентации в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 144–150.

Позднякова Е. М., Степанян К. А. Selfie в Инстаграм как мультимодальный формат социального диалога // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 154–161.

Чайкисова А. В. Когнитивные аспекты функционирования хештегов в социальной сети Instagram // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 161–167.

Инстаграм. URL: https://www.instagram.com/p/COZHipMhHDr/ (accessed 13.04.2021).

K. A. Stepanyan *(Moscow, Russia)*
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

IMPLICATIONS OF AN INSTAGRAM POST: LINGUISTIC AND COGNITIVE FEATURES AND THEIR FUNCTIONING IN DISCOURSE

The article analyses the texts of Instagram publications with the comments that accompany them, and the dialogic and persuasive roles of such texts. It is proved that situational multimodal self-presentation can have a stimulating effect.

Key words: self-presentation, selfie, multi-modality, motive, intentions, challenge.

M. P. Taymour *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University
mariataymour@gmail.com

MULTIMODAL CREATIVITY IN FIRST GENERATION AMERICAN INTERNET DEMOTIVATORS

The article aims to consider the features of the manifestation of multimodal creativity in the first Internet demotivators in English. The analysis showed that in the demotivators which have a number of characteristic features cognitive mechanisms of (de)focusing, information compression and conceptual integration operate simultaneously.

Key words: Internet demotivator, multimodal creativity, the cognitive dissonance, blend.

The internet discourse usually involves the use of more than one communication channels, and multimodal creativity plays an important role there. All channels are important tools for high-quality display, interpretation and deep understanding of the world by an individual. Internet memes are the vivid manifestation of the creativity of a linguistic personality in the virtual environment, and one of the key components of modern communication.

The information used to create internet memes is usually recontextualized, i. e., removed by the author from the original linguistic, social or situational context and placed in a new context, while the original source is being forgotten. This gives internet memes a certain collective-creative, folkloric coloring and determines their variability: when some changes are made to the visual and / or verbal elements, the recontextualization of the same meme can occur in completely different communicative situations. Another characteristic feature of an internet meme is the appeal to the addressee's emotions, which are a kind of "conceptual interaction", implying agreement, "mutual adjustment" of the existing conceptual content of the communicative situation by its participants [Болдырев 2017: 13]. That may explain the reason of the viral nature of successful memes on the internet. Many of them are based on analogy which can be considered a certain regulatory factor, the basis of the process of not only the emergence, but also the further development of new forms of language manifestation [Кубрякова 1990].

One of the most popular subtypes of internet memes are demotivators. They are a good example of the manifestation of multimodal linguistic creativity in virtual discourse as a modern communicative space. The development of the internet ensured the massive distribution of demotivators in English and the emergence of a huge number of demotivators in other languages in a variety of cultures. A demotivator can be defined as "a message (picture, photo, etc.), accompanied by a comment or signature that interpret the message in a special way" [Голиков, Калашникова 2010: 125]. It can influence not only the individual but also the public consciousness, which ensures the relevance of this phenomenon for recipients representing different socio-cultural, age and linguistic groups.

This kind of virtual genre was born in the English-speaking internet space as a reaction, a parody of motivational books, slogans and posters used to agitate the public and promote Western values such as an optimistic and active life position. At the end of the last century corporate motivational posters hung in business offices to stimulate employees and increase their productivity. After a while, such posters and propagandized truths began to be perceived as obvious and lost their popularity. The reaction of the wider English-speaking public was "anti"- or demotivators. One of the first mass producers and distributors of demotivators was an American corporation Despair Inc., which began its activity in 1998 when one of the founders of the company was disappointed with current business failures and an abundance of unhelpful positive ideas [Kersten 2012 URL]. He and the co-founders ridiculed the positive slogans of the corporate culture. Over the years, their motto caught the attention of a wide audience ensuring the financial success of the company: "No industry has inflicted more suffering than the Motivational Industry. Motivational books, speakers and posters have made billions of dollars selling shortcuts to success and tools for unleashing our unlimited potential. At Despair, we know such products only raise hopes to dash them. That's why our products go straight to the dashing. Enjoy!" [Home of Demotivators URL]. In public interviews, Kersten often said that many people find motivational products demeaning, and their company is a brand for cynics, pessimists and the chronically unsuccessful [CNN International.com URL].

The cognitive reasons for the popularity of many "classic" demotivators may lie in the fact that an individual with a well-developed sense of humor laughs drawing an analogy between their own unfortunate situation and the situation depicted in an anti-meme, and humor gives strength to cope with problems. In addition, it is important for a person to know that he or she is not the only one who experiences this problem in a cer-

tain life situation, and a demotivator reflecting the hidden thoughts of an individual is a confirmation of this, since it offers a more truthful version than motivational calls.

First demotivators consist of three key elements: a non-verbal element, which is a photograph or a drawing, bordered by a black frame, and two verbal elements (the main slogan in large print and the secondary slogan / inscription / explanation of the main slogan in a smaller print). The analysis of more than 500 items shows that their main functions are cognitive (transfer of knowledge or information about their sources); manipulative (formation of the recipient's opinion); communicative (transfer of any information); ideological (transmission of the author's ideological ideas, usually political or religious); emotional / expressive (conveying the author's mood, usually negative); aesthetic (using famous works of art to convey high ideas); axiological (the formation of moral and spiritual values). Often, the main communicative goal of the creator of a demotivator is not just the manifestation of their creativity, a sense of humor and self-expression, but also positioning oneself as a socially active and caring person with a particular life position. This determines the content of demotivators, which, as our research shows, on this basis can be subdivided into general philosophical (in various forms expressing a global understanding of certain aspects of life by the author); social (reflecting the author's vision of more or less permanent pressing problems of the society); reactive-event (expressing the author's reaction to any actual situations, problems and events occurring at a particular moment in a certain area of society); humorous (reflecting the author's sense of humor). It can be noted that the comic (often satirical) component is inherent in almost all types of demotivators.

There are a number of cognitive mechanisms used in demotivators, that allow an author to encode information, and a recipient, accordingly, to decipher it. One of the cognitive mechanisms is (de)focusing. The primary focus of the recipient is the main part of a verbal component (one word in large print) and a non-verbal element, an image that somehow illustrates that word. Each person has a certain volume of background knowledge related to both the main verbal component and the image. Depending on the available knowledge and experience, the recipient infers the total value of verbal and non-verbal components as a result of information decompression. If the selection of elements by the author is successful, decoding occurs in the same or approximately the same way as it was originally intended. Then the second part of the verbal component enters the primary focus of an addressee. A fundamentally different font size is used in order to create this

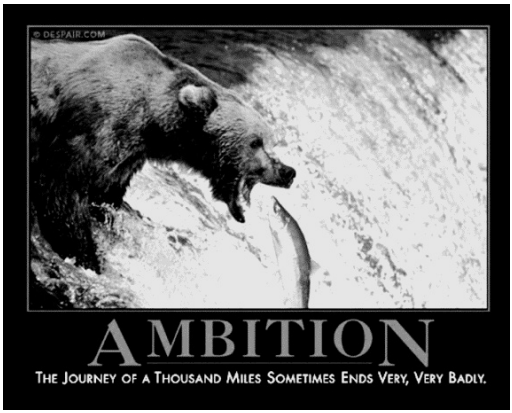


Fig. 1. Demotivator “Ambition”
(https://images.app.goo.gl/LPZXryFsr6TdZZ9L8)

particular sequence of attracting the recipient’s attention, and it can be empirically confirmed by carrying out eye-tracking research. The second part of the verbal component is of the greatest interest from a linguo-cognitive point of view, because it is in it that the author’s linguistic creativity is mainly manifested, and thanks to it, the multimodal item turns into a demotivator. Often it is a well-known positive proverb or saying that has an unexpectedly pessimistic continuation, which causes the emergence of a certain cognitive dissonance due to the effect of broken expectations [Голубкова, Таймур 2019; Демьянков 2011; Таймур 2019; Таймур 2020]. It turns the demotivator into a multimodal malaphor (see Fig. 1).

The information compression mechanism takes place in demotivators as both in the verbal and non-verbal components certain values are encoded. Meaning inference in this case is possible by attracting a certain amount of background knowledge of the addressee. For example, in Fig. 2 the first verbal element is a well-known motivational slogan “Believe in yourself”. It is accompanied by an iconic component depicting a kayaker at the edge of a waterfall a second before a dangerous jump. The recipient infers the blended meaning of these elements (in order to engage in such an extreme sport, you need to believe in yourself, and then everything should work out). The second verbal element “because the rest of us think you’re an idiot” hides the information that apparently most members of the society do not approve of these sports (probably due to the high level of unjustified risks).

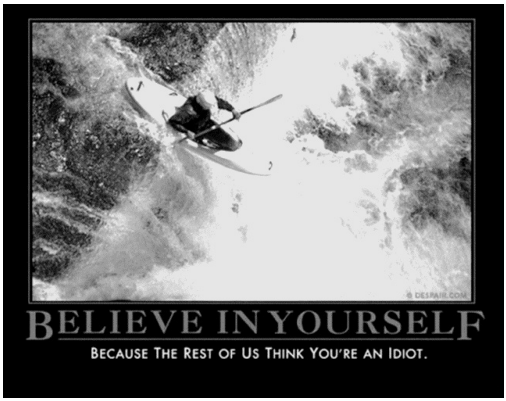


Рис. 2. Demotivator "Believe in yourself"
(https://images.app.goo.gl/LPZXryFsr6TdZZ9L8)

At the same time, cognitive dissonance that occurs when the recipient notices the second part of the verbal element activates his or her mental activity. As a result, under a certain set of circumstances, the demotivator can play the role of a motivator. With the help of a well-chosen combination of verbal and non-verbal components it may force an addressee to think about the problem raised and, possibly, begin to understand what steps can be taken to solve it. From a cognitive point of view this can be explained with the help of a conceptual integration theory [Fauconnier 1985]. While the values of the input spaces of a demotivator are mixed, a blended space gets enriched with additional information or conclusions. There are complex connections between the heterogeneous (multi-code) elements of demotivators, which requires different levels of inference. The meanings of input spaces interact with each other and lead to the actualization of either the process of conceptual integration or the process of conceptual opposition. In demotivators due to the presence of two semiotic codes and the creative nature of one or all elements, as a rule, due to (de)focusing of the recipient's attention, both processes operate, which gives reason to speak about the presence of a phased conceptual integration-oppositional process. For example, in Fig. 3, at the first stage of meaning inference, the non-verbal component of the demotivator, which is an image of a burning road surface (probably as a result of a volcanic eruption or another natural disaster), specifies the meaning of the first part of the verbal component "Obstacles", which can mean "hindrance, difficulty,

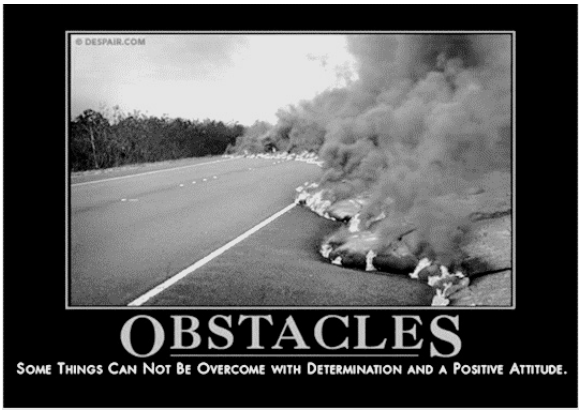


Рис. 3. Демотиватор Obstacles
(https://images.app.goo.gl/YHs1TPwVQ8Pd8xP77)

discontinuity in the transmission line, a thing that blocks one's way or prevents or hinders progress" [ABBYY Lingvo Dictionary for Mac].

That is, the generic space here is "difficulty, problem"; input space 1: natural disaster; input space 2: hindrance, difficulty, obstacle; blended space: problems are insurmountable, when it comes to catastrophes that are not subject to human influence. The second stage is mixing the meanings contained in the blended space formed at stage 1 and the second part of the verbal component "some things cannot be overcome with determination and a positive attitude". Generic space: an unsolvable problem; input space 1: problems are insurmountable when it comes to disasters that are not subject to human influence; input space 2: some things cannot be overcome with determination and a positive attitude (here there is a reference to a well-known modern slogan "All problems can be solved with the use of positive thinking and perseverance"); blended space: there are issues that require immediate rescue action (such as natural disasters), but they are not many, and perhaps your problem is not one of them, so do not give up (which can be seen as the manifestation of conceptual opposition).

As a conclusion, demotivators can be considered as a separate creative virtual genre, which is an anonymous method of mass communication possessing special pragmatic characteristics and cognitive mechanisms. For a more in-depth study of this phenomenon of demotivators, as well as other multimodal texts, interdisciplinary research using methods related to text linguistics and cognitive linguistics sciences is needed.

References

Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.

Голиков А. С., Калашникова А. А. Демотиваторы в Интернет-коммуникации: генезис, смысл, типология // Вестник Харьковского государственного университета. 2010. № 16. С. 124–130.

Голубкова Е. Е., Таймур М. П. Факторы преодоления когнитивного диссонанса в смешанных метафорах (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 36. С. 147–153.

Демьянков В. З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. 9. С. 33–40.

Кубрякова Е. С. Аналогия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 31–32.

Таймур М. П. Когнитивный диссонанс в смешанных метафорах на английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. № 829. С. 84–95.

Таймур М. П. Смешанная метафора и малафора в когнитивной анти-меметике на материале английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. № 5. С. 236–240.

CNN International.com, 2004. URL: https://web.archive.org/web/20041217071821/http://edition.cnn.com/2004/BUSINESS/01/17/offbeat.life.despair.reut/ (дата обращения: 03.05.2021).

Fauconnier G. Mental Spaces Text. UK: Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.

Kersten E. Demotivational Wisdom. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hPoc0s800M8 (дата обращения: 24.04.2021).

М. П. Таймур *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ В АМЕРИКАНСКИХ ИНТЕРНЕТ-ДЕМОТИВАТОРАХ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ

В статье ставится задача рассмотреть особенности проявления мультимодальной креативности в первых интернет-демотиваторах на английском языке. Проведенный анализ показал, что в интернет-демотиваторах, обладающих рядом характерных признаков, одновременно действуют когнитивные механизмы (де)фокусирования, компрессии информации и концептуальной интеграции.

Ключевые слова: интернет-демотиватор, мультимодальная креативность, когнитивный диссонанс, бленд.

Е. В. Трощенкова (*Санкт-Петербург, Россия*)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.troschenkova@spbu.ru

«ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ДИАЛОГ НОВЫХ МЕДИА И ИХ АУДИТОРИИ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ И РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье обсуждается, как новая технологически опосредованная коммуникация изменила отношения между СМИ и обычными пользователями с точки зрения манипулирования общественным мнением. Описывается, как различные участники – включая и когнитивных лингвистов, изучающих социально-политический дискурс – все больше и больше вовлекаются как в разоблачение и критическую оценку манипуляций СМИ, так и в продвижение новых методов контроля над сознанием. В результате границы между академическим, медийным и общественно-политическим дискурсом стираются, а исследование начинает вторгаться в свой собственный объект, накладывая отпечаток на его трансформацию.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, новые медиа, технологически-опосредованная коммуникация, интеграция дискурсов, манипуляция, критическое мышление, осмысление приемов воздействия.

В ситуации развития технологически-опосредованной коммуникации и появления медиа нового типа в их функционирование оказались вовлечены широкие слои пользователей, для которых ранее находилось в основном место лишь пассивных наблюдателей, массовой аудитории, на которую осуществлялось вещание. Теперь же все – политики, журналисты, блогеры-инфлюенсеры и рядовые граждане – оказались вовлечены в специфический общественно-политический дискурс, в котором манипуляция и осмысление манипуляции, сами категории «манипулирующих» и «манипулируемых», как представляется, приобрели новые качества, требующие научного осмысления [Трощенкова 2019, 2020]. В этой статье предполагается рассмотреть проблему того, как в непрекращающемся коммуникативном взаимодействии разных участников этого дискурса происходит осмысление ими приемов воздействия современных СМИ на целевые аудитории, и как само это осмысление и «проговаривание» понятого, в свою очередь, влияет на манипуляцию в рамках все того же дискурса. В качестве от-

дельного вопроса предлагается посмотреть на то, какую роль в этих процессах могут сыграть когнитивные и дискурсивные исследования и публикации соответствующей тематики: можно ли в сложившихся условиях рассматривать научный дискурс как отдельный, независимый от общественно-политического? Следует ли на настоящем этапе более внимательно отслеживать то, до какой степени теоретическое научное исследование когнитивно-коммуникативного толка способно вторгаться в ткань общественной жизни?

Известная исследовательница компьютерного общения и использования языка в социальных сетях Н. Бэрон предложила в своей работе идею о постепенном «приручении (domestication) коммуникационных технологий» человеком, в ходе которого мы сживаемся все плотнее с новыми устройствами и предоставляемыми ими возможностями, так что они становятся, в конце концов, привычными, нормальными компонентами нашей повседневной жизни. При этом коллективно накапливаемый опыт использования новых коммуникационных технологий приводит к изменению поведенческих и социальных норм и языка – вопросы, которые она, наряду с другими учеными активно поднимает в своих работах [Baron 2008; Thurlow 2003].

Уже в конце XX в. Д. Рашкофф [Rushkoff 1996] обратил внимание на то, что попытки манипулировать общественным мнением посредством СМИ со временем обернулись не тем, чем изначально задумывалось теми, кто их осуществлял. Новые технологии создали условия для расширенной обратной связи, что хаотизировало всю систему: самое незначительное медиа-событие теперь, пройдя итерацию во всей инфосфере, получило возможность привести к настоящей культурной буре. Сначала в области маркетинга и в политике зрителей начали соблазнять рекламными роликами, в которых люди смотрят по телевизору рекламные ролики и комментируют их. В результате чего основной акцент в медиа сместился на сами медиа, равновесие власти нарушилось: заказчики рекламы стали заложниками интересов самих медиа, а аудитория (все более «приручавшая» новые технологии), начиная с поколения X, оказалась вовлечена с этими медиа в симбиотические отношения. Причем, находясь под постоянным гнетом попыток манипулировать ею, эта аудитория сформировала повышенную способность к ироническому отношению и эмоциональному дистанцированию от медиа-сюжетов. Новые же технические возможности обратной связи и обхода традиционных контролеров в распространении информации (gatekeepers) привели к тому, что рядовые потребители медийной информации оказались способны возвращать в инфосферу

«картинки», вызывающие у них наиболее сильный отклик, и таким образом влиять на общее состояние медиапространства. Система, изначально предназначенная для насаждения порядка, таким образом, стала слишком сложной для управления.

Сам Д. Рашкофф в своей концепции информационных вирусов рассматривает их как «промоутеров хаоса», отличая их от традиционных приемов пиара, разрабатываемых для создания пассивного, легко поддающегося манипуляции населения. Ему представляется, что такие вирусы, используя хаотические и органические качества инфосферы, как раз служат тому, чтобы разоблачать и нейтрализовывать традиционную манипуляцию общественным сознанием. Однако пара десятилетий, прошедших с момента выхода его книги, заставляет задаваться вопросом о том, не стали ли сами вирусы новыми пиар-приемами, освоенными, «приручеными» теми акторами, против которых изначально и создавались как новое средство борьбы с манипуляцией?

Уже в 2016 году в электронной версии газеты Guardian (т. е. используя вполне традиционную медийную площадку) Дуглас Хэддоу, канадский журналист-фрилансер с левыми политическими взглядами, вспоминал, как они с другими сотрудниками журнала, в котором он работал в 1990-е годы, создавали политические мемы, целью которых было, вирусно распространившись в медиа, "*trigger paradigm shifts that would upend the prevailing logic of late capitalism*". Однако, признается он, несколько десятилетий спустя произошла инверсия контроля: "*political memes are no longer rare flashes of uncensored personality or intensely manicured visual messages. They are now born from the swamps of the internet in real time, distributed from the bottom up. They have grown into a form of anarchic folk propaganda, ranging from tolerable epigrams to glittering hate-soaked image macros akin to a million little rogue Pravdas*" [Haddow 2016].

Все больше появляется не только научных исследований, но и медиапубликаций, подобных процитированной, посвященных использованию мемов как средств управления общественным мнением как со стороны политического мейнстрима, так и радикалов, особенно ультраправого толка. Появление таких публикаций тем интересней, что они сами – часть все того же общественно-политического дискурса, в котором и происходят обсуждаемые этими публикациями манипуляции. Популярные сайты, такие как adme.ru например, публикуют статьи с заголовками типа «*10 способов манипуляции нашим мнением, к которым прибегают в СМИ и соцсетях*», «*Как СМИ могут нас обманывать и что делать,*

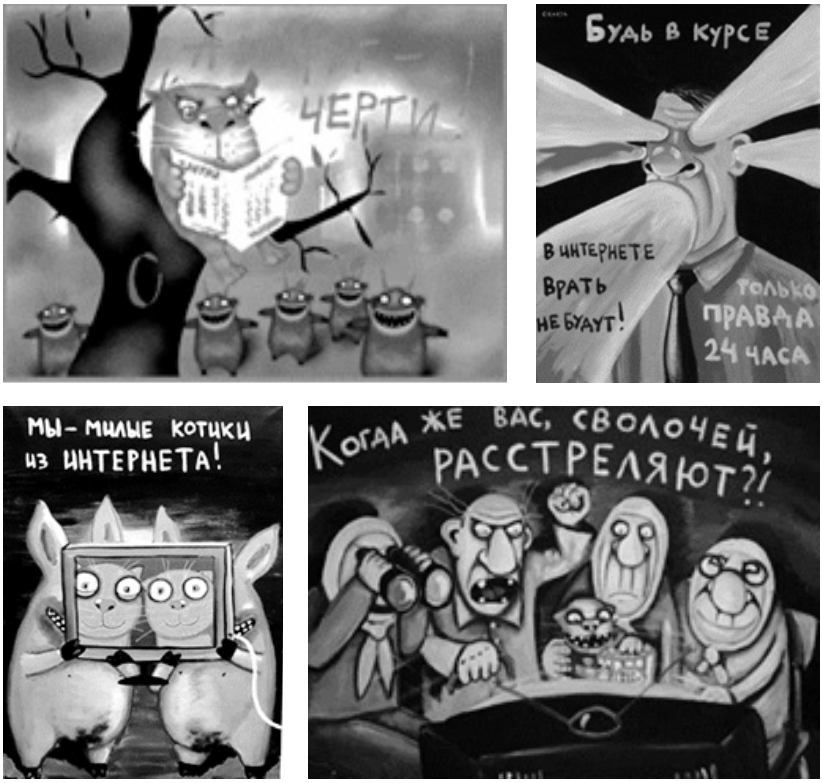


Рис. 1. Изображения А. В. Куделина

чтобы не попадаться на журналистские уловки» (https://www.adme.ru), на YouTube каналах появляются видео "*Deconstructing Media Messages*", обещающие зрителям "*In this video, you'll learn strategies for breaking down media messages to better understand their meaning*" (GCFLearnFree.org). Адам Коновер (известный американский комик и телеведущий, создатель шоу Adam Ruins Everything) создает видео типа "*The Hidden Agenda of Commercials*" (https://youtu.be/wRo4sR6Lhzg). В эту игру в разоблачение манипулятивных приемов СМИ включаются художники, например Вася Ложкин (А. В. Куделин) посвящает множество своих картин (Рис. 1) критическому осмыслению особенностей воздействия на массовое сознание в условиях новых медиа технологий.

Рис. 2. Примеры мемов

Рис. 3. Примеры мемов,
комментирующих мемы

Возникают, наконец, целые серии мемов, фокусирующих внимание аудитории на том, как медиа могут неявным образом, например, посредством спúна-через-умолчание и специфического фрейминга формировать нужное восприятие событий и явлений.

Пример использования одной картинки (солдат, которому предлагают воды/ угрожают автоматом), как видим (Рисунок 2), широко используется создателями поликодовых текстов такого рода как на английском, так и на русском языках для того, чтобы призвать аудиторию к бдительности, вызвать недоверие к методам медийной пропаганды.

Апогеем этой «игры в скорлупки», если пользоваться выражением Рашкоффа, становятся мемы, комментирующие мемы как средство манипуляции общественным мнением (Рисунок 3).

Рашкофф справедливо отмечает, что при более близком рассмотрении инфосферы выясняется, что она не что иное, как соотносящийся с самим собой коллаж. Большинство медиа – это медиа, которые комментируют то, как медиа комментируют медиа. Это сложная, но, при определенных условиях, эффективная форма массового катарсиса и самонаблюдения, с помощью которого наше общество контролирует и изменяет себя [Rushkoff 1996].

Какова же роль аудитории, перед которой медиа так заботливо или беспечно раскрывают карты? И какое место занимают специфические члены этой аудитории, профессионально анализирующие приемы медиа с позиций когнитивной лингвистики и дискурс-анализа? Результаты профессионального анализа манипуляции общественным сознанием в СМИ охотно подхватываются и цитируются как самими СМИ, так и широкой аудиторией, которая, получив возможность большего контроля за распространением информации через социальные сети повышает информированность остальных членов сообщества. Как только ставшие привычными приемы перестают работать с достаточной эффективностью перед производителями контента (а теперь это не только традиционные журналисты, но и заметная доля обычных пользователей, стремящихся, например, монетизировать собственный канал на YouTube или Яндекс Дзен) встает задача их усовершенствования или разработки новых приемов. Эти обновленные приемы, в свою очередь, подвергаются осмыслению как внутри профессиональной среды, так и на бытовом уровне уже достаточно искушенной аудиторией, привыкшей более бдительно отслеживать происходящие в общественно-политическом дискурсе изменения. Причем часть этой аудитории, как было сказано, сама заинтересована – в том числе и материально – в том, чтобы «держать руку на пульсе» и знать, что делают (не)успешно другие пользователи.

В итоге мы имеем дело со все новыми и новыми витками «гонки манипулятивных вооружений»: критическое осмысление старых атакующих приемов и выработка общественной защиты от них провоцируют появление более продвинутых приемов и т. д. Одновременно сам процесс, за счет вовлечения все большего количества участников, использующих новые технологические возможности, неизбежно ускоряется, а профессиональный дискурс лингвистов, занимающихся этими вопросами, все заметнее интегрируется в собственный объект изучения – измерительные инструменты начинают непосредственно влиять на состояние изучаемого.

Литература

10 способов манипуляции нашим мнением, к которым прибегают в СМИ и в соцсетях. URL: https://www.adme.ru/zhizn-nauka/10-metodov-kotorye-uspeshno-primenyayut-smi-chtoby-manipulirovat-nashim-mneniem-1636065/ (дата обращения 13.05.21).

Как СМИ могут нас обманывать и что делать, чтобы не попадаться на журналистские уловки. URL: https://www.adme.ru/svoboda-kultura/kak-smi-manipuliruyut-informaciej-i-chto-delat-chtoby-izbezhat-obmana-2191765/ (дата обращения 13.05.21).

Трощенкова Е. В. Discourse Intergration in Technology-Mediated Communication // Англистика XXI века: Материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 21–23 января 2018 г. Санкт-Петербург: Университетские Образовательные Округа, 2019. С. 68–75.

Трощенкова Е. В. Координационные паттерны глобальных стратегий в условиях электронного участия пользователей в политической борьбе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 12–21.

Baron N. S. Always on: Language in an Online and Mobile World. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Conover A. The Hidden Agenda of Commercials. URL: https://youtu.be/wRo4sR6Lhzg (дата обращения 13.05.21).

GCFLearnFree.org Deconstructing Media Messages. 27.12.2018. URL: https://youtu.be/QJ6lzwm7nlY (дата обращения 13.05.21).

Haddow D. Meme Warfare: How the Power of Mass Replication Has Poisoned the US Election. 4.11.2016. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2016/nov/04/political-memes-2016-election-hillary-clinton-donald-trump (дата обращения: 22.02.21).

Rushkoff D. Media Virus! Hidden Agendas in Popular Culture. NY., 1996.

Thurlow C. Generation Txt? The Sociolinguistics of Young People's Text-messaging // Discourse Analysis Online. 2003. URL: https://extra.shu.ac.uk/daol/articles/v1/n1/a3/ thurlow2002003–01.html (дата обращения: 17.05.21).

E. V. Troshchenkova *(St.-Petersburg, Russia)*
St.-Petersburg State University

"ARMS RACE" IN SOCIOPOLITICAL DISCOURSE: DIALOGUE BETWEEN NEW MEDIA AND THEIR AUDIENCES IN A COGNITIVE ASPECT AND ROLE OF THE SCHOLAR

The article discusses how new technologically mediated communication has transformed the relations between media and ordinary users in terms of public opinion manipulation. It outlines the way various actors – including cognitive linguists, studying sociopolitical discourse – get more and more involved into both exposing and critically assessing media manipulation as well as promoting new methods of mind control. As a result, the boundaries between academic, media and sociopolitical discourse get blurred, and the study interferes with its own object.

Key words: sociopolitical discourse, new media, technology-mediated communication, discourse integration, manipulation, critical thinking, comprehension of methods of influence.

VIII. ЭМПИРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ

Е. Н. Антонова *(Москва, Россия)*
Государственный университет по землеустройству
stchl@yandex.ru

В. И. Ершов *(Москва, Россия)*
Одинцовский филиала МГИМО МИД России
ershovik@mail.ru

СУГГЕСТИВНЫЕ СВОЙСТВА ИНТЕРТЕКСТЕМ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье проведен анализ художественной крылатики с применением эмпирических подходов к изучению поэтического дискурса в ракурсе русской лингвокультуры. Рассмотрены некоторые интертекстемы, зафиксированные в лексикографии, с учетом их суггестивной функции в лирических текстах и медиадискурсе. Исследование выполнено в рамках рассмотрения устойчивых структур в поэзии как компонентов этоса.

Ключевые слова: поэтический дискурс, лингвокультурология, когнитивный подход, эмпирический анализ, крылатика, суггестивность, интертекстема.

Исследовательский диапазон когнитивной лингвистики планомерно расширяется в силу динамики лингвокультурных, социальных, межгосударственных и иных процессов. Соотношение языка и антропологической когниции, исследование познавательных способностей человеческого сознания и стратификации реалий меняющейся действительности, концептуализация онтологических элементов и формы выражения их в языке, наблюдение над обобщением знания и его взаимодействием с языком – далеко не исчерпывающий перечень задач, стоящих перед современными лингвистами. Когнитивные способности человеческого разума безграничны, передача информации из поколения в поколение осуществляется посредством опыта, способствующего продуцирова-

нию вербально зафиксированной мудрости. К подобным архивам проверенных веками сведений относятся единицы крылатики как «раздела фразеологии» (В. М. Мокиенко) – крылатые слова и выражения, или *интертекстемы* [Ломакина, Мокиенко, 2019: 257–258]. В большинстве случаев данные компоненты дискурса персонифицированы, уникальны по структурным, семантическим, концептуальным свойствам. Важными отличиями интертекстем в ряду прочих единиц устойчивого характера являются: (1) многообразие синтаксических конструкций (часто при наличии авторства); (2) репрезентация остроумного, запоминающегося умозаключения со злободневно-дефинитивным подтекстом; (3) вложение многовекового опыта, насыщенного разноаспектными концептами, в одну лапидарную фразу.

Различные дискурсивные практики интересны когнитологам в первую очередь спецификой вербальных проявлений, неординарной текстуальной стилистикой, экстралингвистическими свойствами и т. д. Этим определяется преимущественный выбор эмпирических методов исследования в когнитивной лингвистике. В лексикографии под *эмпиризмом* (с др.-греч. ἐμπειρία – опыт, опытность) с лингвистической точки зрения понимается ‘направление, лежащее в основе такого подхода, когда наблюдения над языком преобладают, полностью подменяя логические обобщения’ [Жеребило 2010: 467]. Следовательно, к эмпирическим, основанным на опыте, методам при анализе дискурса относятся: внимательное текстологическое наблюдение, последовательная выборка языковых средств и их аспектуальная классификация, экспериментальные формы работы с языковым материалом, включающие в себя авторские лингвокультурологические манипуляции и логическое обоснование этапов работы, обобщение выявленных сведений и описание практической реализации полученных результатов. Настоящее исследование, основанное на рассмотрении поэтического дискурса как объекта при эмпирической характеристике суггестивных свойств крылатики, использует данный методологический арсенал.

Исследования поэтического дискурса предполагают аспектуальный подход к объекту рассмотрения, поэтому в настоящее время существует множество работ в области изучения поэтических идиостилей [Антонова 2020; Сычева 2014], в том числе относительно функционирования в них устойчивых языковых структур. Крылатые единицы в художественном тексте (а затем – в глобальном интертексте) выполняют не только эстетическую, культурологическую, прагматическую функции, но оказывают и гипнотическое воздействие на подсознание. Суггестивные свойства

крылатых единиц начинают проявляться в текстах-источниках и достигают наибольшей полноты в текстах-реципиентах за счет когнитивной маркированности. В словарях лингвистических терминов читаем, что термин *суггестивность* происходит от лат. *suggestio* – ‘внушение, намек’ и обозначает ‘воздействие на воображение, эмоции, подсознание читателя различных ассоциаций в поэзии’ [Жеребило 2010: 380]. Обратимся к некоторым интертекстемам, зафиксированным в современных сборниках крылатых слов и выражений и имеющим эксплицитное суггестивное выражение в медиадискурсе.

Интертекстема *«Время, вперёд!»* в значении «призыва к процессу обновления, к прогрессу», восходящая к драме В. В. Маяковского «Баня» (1930) [Кирсанова 2019: 70], имеет форму императива, поэтому уже на стадии смыслового восприятия воздействует как внушение, этому также способствует выработанный автором ритмико-мелодический рисунок, присущий его стихам. В литературе данный факт подтверждается существованием одноименного романа В. П. Катаева «Время, вперёд!» (1932). Помимо этого, данные медиадискурса подтверждают суггестивные свойства представленной устойчивой единицы.

В лингвистике принято считать медиадискурсом многообразие рече- и текстообразующих процессов в области средств массовой информации, в том числе каналов, блогов и т. д. в сети Интернет. При широком взгляде к медиадискурсивному контенту можно отнести электронное собрание различных русских текстов – Национальный корпус русского языка (НКРЯ: https://ruscorpora.ru/new/), в поисковой вкладке которого выделяются различные корпуса. В предпринятой работе использовались ресурсы поэтического корпуса НКРЯ (https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html), а также – основного (https://ruscorpora.ru/new/search-main.html). Так, в поэтическом корпусе НКРЯ зафиксировано 3 документа, 3 вхождения интертекстемы *«Время, вперёд!»*: *«…джонсон отчалил в лондон дочь учи не учи / месит сено с куини но* ***время вперед*** *прямое / жестко стелет полночь космические лучи…»* [А. П. Цветков. «двадцать третье апреля гостей снарядил и лег…» (2004–2005)]. Как поэтический эксперимент, данный текст не содержит знаков препинания и прописных букв, однако в его структуре читается разбираемая языковая единица. Или: *«И пространство пятилось, точно рак, / пропуская* ***время вперед****»* [И. А. Бродский. Колыбельная Трескового Мыса («Восточный конец Империи погружается в ночь. Цикады…») (1975)]. Анализируемое крылатое выражение синтаксически отличается от аутентичного императива, но семантиче-

ски сохраняет суггестивные реакции. Подобные языковые процессы наблюдаются в стихотворении А. М. Жемчужникова «На железной дороге («Еду, всё еду… Меня укачало…»)» (1884): *«Одуренный движеньем, / Только смотрю да дивлюсь, как летят / С каждого места и с каждым мгновеньем / **Время вперед**, а пространство – назад»*.

Употребляясь при обличении пустословия и умолчании о самом главном, интертекстема *«Жомини да жомини, / А об водке ни полслова»* [Кирсанова 2019: 130–131] восходит к «Песне старого гусара («Где друзья минувших лет…»)» (1817) Д. В. Давыдова, что отражено в НКРЯ: *«Говорят, умней они… / Но что слышим от любого? / **«Жомини да Жомини!» / А об водке – ни полслова**!»*. Помимо этого, в НКРЯ присутствует контекст с усеченной единицей (онимом в структуре) и отсылкой к автору первоисточника в названии текста: *«Не угасло в наше время, / не задули, извини, / отвратительное племя: / "**Жомини да Жомини**"»* [Я. В. Смеляков. ***Денис Давыдов*** («Утром вставя ногу в стремя…») (1966)]. В современных дискурсивных практиках интертекстема используется с шутливым подтекстом и намекает на определенные социальные проблемы.

Крылатое выражение *«Из искры возгорится пламя»* является элементом стихотворного ответа поэта-декабриста А. И. Одоевского на стихотворение А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд…». Примечательно, что выражение стало эпиграфом к одному из заголовков в газете Российской социал-демократической партии «Искра» [Кирсанова 2019: 155] (о реализации крылатики в публицистическом дискурсе см., например, в [Ломакина 2019]). Данный контекст, а также его интертекстуальный отклик, наделенный особой экспрессией, фиксируются в НКРЯ: *«Наш скорбный труд не пропадет, / **Из искры возгорится пламя**, / И просвещенный наш народ / Сберется под святое знамя»* [А. И. Одоевский. «Струн вещих пламенные звуки…» (1828–1829)]; *«**Из искры возгорится пламя** / И больно обожжет…!»* [А. Н. Башлачев. «Мы высекаем искры сами…» (1985)]. Суггестивные свойства данной интертекстемы трансформируются с течением времени под влиянием меняющихся социальных приоритетов [Антонова 2018], но общий смысл высказывания остается.

В другом лексикографическом источнике – «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» В. В. Серова [Серов 2004] – под рубрикой «Иноязычные крылатые выражения» приводятся заимствованные интертекстемы, реализуемые в художественном и медиадискурсе наряду с переводными на русский язык аналогами.

К примеру, выражение *“Cherchez la femme”*, переводимое с французского языка как *«Ищите женщину»* [Серов 2004: 324–325, 879] и имеющее значение ‘к любому поступку мужчины так или иначе причастна женщина’, находит свое место в поэтическом дискурсе и функционирует в НКРЯ: *«Влюбленный Слон не пил, не ел, / Влюбленный слон худел, бледнел / И таял, таял по часам… / «Dans chaque malheur – **cherchez la femme**…»* [Н. Я. Агнивцев. Слон и муха («Однажды некий толстый Слон…») (1915–1921)]; *«Так режиссер в молчаньи строгом / За ролью новичка следит из-за кулис… / «**Ищите женщину**» – ведь это ваш девиз? / Вы правы, вы нашли. А я – клянуся Богом, – / Я не искал ее»* [А. Н. Апухтин. Из бумаг прокурора («Классически я жизнь окончу тут…») (1888)]. Используясь как на французском, так и на русском языках, данное выражение получило широкое распространение в качестве паремии в различных сферах жизни, что также подтверждает его суггестивный потенциал.

В качестве другого примера приведем *«Dolce far niente»*, что переводится с итальянского как *«Сладкое ничегонеделание»*. Первоисточником интертекстемы считается «8-е письмо римского автора Плиния Младшего (62 – ок. 114)», традиционно функционирует в интертексте в итальянском переводе [Серов 2004: 880]: *«Выкинув мысль об экзамене, / Словно студенты, / Жизнь проводили под знаменем / “**Dolce far niente**”»* [Г. Н. Оболдуев. «Выкинув мысль об экзамене…» [Стигматы, 1] (1950)]; *«Вспыхиванье, словно волчье, фар / В вареве быта / Лжёт, что концепция “**dolce far / Niente**” – убита»* [Г. Н. Оболдуев. «Выкинув мысль об экзамене…» [Стигматы, 1] (1950)]. Особое воздействие на подсознание данная единица имеет при формировании заголовка стихотворения при дублировании в тексте: *«Пока там, в море, льются ленты, / Пока здесь, в уши, бьет прибой, / Пью снова **dolce far niente** / Я, в юность возвращен судьбой»* [В. Я. Брюсов. Dolce far niente («И после долгих, сложных, трудных…») (1924.07.08)].

Однако базы основного корпуса НКРЯ фиксируют данную интертекстему в переводном на русский язык виде: *«Не спеша, выпил чашку кофе, выкурил еще сигарету. **Сладкое ничегонеделание**… Вышел на улицу. Поколебался немного и пошел налево, к роскошной биргер-ярло-гатан»* [Вячеслав Рыбаков. Гравилет «Цесаревич» (1993)]; *«На широкой террасе дворца лежала на вешнем солнышке Эринна и, вдыхая аромат цветущих апельсинных и лимонных садов, щурилась в лазурные солнечные дали. Она любила это **сладкое ничегонеделание**. Ей в жизни не хватало теперь только одного: милого Язона»* [И. Ф. Наживин. Иудей (1933)].

Латинское выражение *“Memento mori”*, что в переводе значит *«Помни о смерти»*, в вербальном потоке современной действительности приобрело шутливо-ироничные коннотации, призывая осмыслить факт человеческой жизни, осознать ценность существования, однако истоки выражения находятся ещё в XII веке. Это была формула приветствия монахов ордена траппистов, принявших обет молчания с целью молитв и праведных размышлений [Серов 2004: 881]. Суггестивные свойства интертекстемы находят отражение в стихах поэтов XVIII–XX веков, что подтверждается данными НКРЯ – всего 15 документов, 16 вхождений, в том числе в заглавиях художественных текстов: *«И погребальный гимн поет вода: / **Memento mori**, коммунальный крот, / Начни сначала, задом наперед»* [А. Н. Миронов. Эскизы детства («По улице, где каменеет жуть…») (1978)]; *«Снизу злая, как рок, река, / Сверху тоже “**memento mori**”»* [М. А. Тарловский. Ахштарское ущелье («Речь уклончивая вершин…») (1928)]; *«И вспыхнет гнев у дьявола во взоре, / И, исчезая из столицы вновь, / Прошепчет он одно: **memento mori**!»* [В. Я. Брюсов. Memento mori («Ища забав, быть может, сатана…») (1918.05.14)]; *«На небе жизни с этих пор – / Сгустится ль мрак, взойдут ли зори – / Ты всё поешь: **memento mori**!»* [С. А. Андреевский. Мрак («Из долгих, долгих наблюдений…») (1880)]; *«…И меж толпы бледнеющей идут / Суровые монахи и поют / Протяжным голосом: “**Memento mori**”»* [А. Н. Майков. Элегия («Нам каждый день приходится оплакать…») (1844.12.14)]; *«**Memento mori!** велегласно / На балах станем восклицать / И стоном смерти ежечасно / Любезных ветрениц пугать»* [Н. М. Карамзин. Исправление («Пора, друзья, за ум нам взяться…») (1797)]. В основном корпусе НКРЯ содержится 16 документов, 20 вхождений с данным крылатым выражением, по-разному проявляющим функции воздействия в зависимости от целевой ориентированности текста, участвующим в перефразировании и различно обыгрывающимся, в том числе с использованием перевода на русский язык и транслитерации.

В дискурсивных практиках используется интертекстема *“Nec plus ultra”*, переводимая с латинского как «Вершина чего-либо» и означающая буквально *«Дальше некуда»*. Обычно используется в аллегоричном ключе при характеристике положительного или отрицательного и восходит к «античной легенде о надписи на Геркулесовых столбах, которые в античности считались границами мира, «краем света» (см. Геркулесовы столбы)» [Серов 2004: 882]. В поэтическом корпусе НКРЯ фиксируется текст, в структуре которого данная интертекстема используется как

рефрен в конце каждой строфы, приведем только первую: *«Быть навеки подговаривал / Клейкость утра, / Пенье птичье, зарево – / **Nec plus ultra**»* [Г. Н. Оболдуев. «Быть навеки подговаривал…» [Стигматы, 2] (1950)].

Анализ поэтического дискурса подразумевает привлечение эмпирических форм работы с языковым материалом и является мощным интеллектуальным стимулом. Изучение интертекстем как носителей этоса, то есть «социального генотипа нации» [Пригожин 2006: 32–33], наделенного прагматическим функционалом и являющегося транслятором культурных кодов, высвечивает когнитивные стереотипы при изучении лингвокультурологической суггестивности. С исследовательской точки зрения интересны как особенности вхождения собственно русских, так и иноязычных (в том числе переводных) интертекстем в русский поэтический дискурс, занимающий значимые позиции в медиадискурсивном пространстве.

Литература

Антонова Е. Н. Аксиологический компонент в дискурсе поэтической фразеологии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции (Тула, 17–19 мая 2018 г.). Тула: ТППО, 2018. С. 199–203.

Антонова Е. Н. Фразеолого-паремиологический аспект языковой личности в синхронии лингвокультуры // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 1. С. 71–78.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.

Кирсанова А. В. 2000 лучших крылатых слов и выражений.Толковый словарь. М.: Мартин, 2019.

Ломакина О. В. Реализация функционального потенциала крылатики в современной российской публицистике // Филология и культура. 2019. № 1 (55). С. 76–79.

Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 256–272.

Пригожин А. И. Российский этос: обогащение или лечение? // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 29–40.

Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 ст. М.: Локид-пресс, 2004.

Сычева Е. Н. «Человеческая» афористика в поэтической онтологии Ф. И. Тютчева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 119–124.

E. N. Antonova *(Moscow, Russia)*
State University of Land Use Planning
V. I. Ershov *(Moscow, Russia)*
Odintsovo Campus of MGIMO University

SUGGESTIVE PROPERTIES OF INTERTEXTEMES: AN EMPIRICAL ANALYSIS OF POETIC DISCOURSE

The article analyzes fiction catch phrases using empirical approaches to the study of poetic discourse from the perspective of Russian linguistic culture. Some intertextmes recorded in lexicography are considered, taking into account their suggestive function in lyric texts and media discourse. The study was carried out within the framework of considering stable structures in poetry as components of ethos.

Key words: poetic discourse, cultural linguistics, cognitive approach, empirical analysis, catch phrases, suggestiveness, intertexteme.

О. Г. Дубровская *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
o_dubrovskaya@inbox.ru

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАНТА КАК ПРИЕМ АНАЛИЗА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ДИСКУРСА

Рассматривается прием анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты и соответствующее понятие. Прием анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты позволяет реконструировать мыслительные операции и объяснить выбор тех или иных языковых единиц в конкретном дискурсе, выявить социокультурную специфику дискурса.

Ключевые слова: социокультурная специфика дискурса, прием анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты.

Несмотря на то, что методология когнитивной лингвистики как совокупность принципов и методов, с помощью которых осуществляется анализ языковых данных, включает целый ряд разнообразных методов, появление новых приемов объясняется необходимостью по-новому взглянуть на традиционные вопросы (например, вопросы взаимосвязи языка,

мышления, культуры и субъекта дискурса) и построить исследовательский конструкт, с помощью которого можно было бы моделировать результаты познавательной деятельности человека как носителя и представителя конкретных языков и культур.

Термин «когнитивно-дискурсивная интерпретанта» и соответствующий прием анализа дискурса был предложен нами для обозначения (и выявления) социокультурного контекста конкретного дискурса в качестве сфокусированной на определенной тематической области или концепте части концептуальной системы субъекта дискурса, перечня тех конкретных тематических концептов (профессиональных, территориальных, исторических и многих других), в рамках и на основании которых формируется и должно интерпретироваться содержание этого дискурса [Болдырев 2019; Дубровская 2014]. Представляя собой, с одной стороны, разновидность концептуального анализа, а с другой стороны, синтез приемов и методов исследования, используемых в структурной и когнитивной лингвистике, этот метод расширяет возможности применения когнитивного подхода в плане изучения и описания социокультурной специфики дискурса, позволяя исследовать структуру и содержание его социокультурного контекста, контекста его формирования и понимания на основе анализа социокультурных знаний субъекта, представленных в самом дискурсе.

В предыдущих работах мы отмечали, что метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты включает такие приемы анализа, как: 1) выделение концептуальной области, в рамках которой происходит формирование смысла определенного дискурса, который, в свою очередь, активизируется когнитивно-дискурсивной интерпретантой на базе контекста коллективных знаний; 2) выделение конкретных концептов и их индивидуальных характеристик, что составляет содержание когнитивно-дискурсивной интерпретанты (интерпретанты селекции, классификации и оценки); 3) выделение когнитивных и языковых механизмов формирования социокультурных смыслов; 4) определение конкретных языковых средств репрезентации этих смыслов.

Понятие «когнитивно-дискурсивной интерпретанты», высвечивая интерпретирующую функцию языка и активность человека в дискурсе, предполагает, что в процессе дискурсивной деятельности по интерпретации мира сознание субъекта, осуществляя селекцию, классификацию и оценку объектов мира с помощью языка, репрезентирует социокультурный контекст знаний субъекта как его индивидуальную концептуальную систему, сложившуюся в рамках его социокультурной среды. Этот вывод, полученный нами, позволяет утверждать, что знания, структурирующиеся

в рамках концептуально-тематических областей, выступают в качестве **основы** для формирования индивидуальных концептуальных систем в виде контекстов индивидуальных (то есть социокультурных) знаний.

Социокультурными знания становятся исключительно в рамках индивидуальной концептуальной системы и именно тогда, когда субъект «встречается» с иной системой опыта и знаний в виде контекста этих знаний, вербализованных средствами языка: *Пистолет повесьте на дорожку, пожалуйста,* – являются социокультурными в рамках концептуальной системы субъекта – не-водителя транспортного средства по отношению к концептуальной системе субъекта, имеющего опыт заправки топливом транспортных средств на автозаправочной станции.

Познавая мир постепенным образом и в том числе с помощью языка, субъект не просто концептуализирует и категоризует мир, проявляя когнитивные свойства сознания (такие, как метафоричность мышления, избирательность внимания, значимость физического опыта в процессе осмысления абстрактных сущностей), но и «накапливает» знания **в результате его общественной роли как представителя** того или иного **социума** (члена спортивного клуба, политической партии, научного сообщества и др.), а также **культуры** (носителя языка, человека, проживающего в конкретном времени на конкретной территории, носителя традиций, многие из которых передаются следующим поколениям с помощью языка). Человек в социуме и культуре выступает носителем системы ценностей, норм, стереотипов, выполняет общественную роль, приобретает статус, проживает в конкретное время и на конкретном пространстве. Знания, накопленные им как **социальным** деятелем в границах его **культуры**, формируются независимо от него, присутствуют в его сознании и влияют на формирование его дискурса, то есть выступают факторами, обусловливающими социокультурную специфику дискурса, и называются «метаконцептами». Нами выявлены семь метаконцептов (РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ). Метаконцепты через сознание субъекта формируют контексты социокультурных знаний: контекст семейных знаний, контекст спортивных знаний, контекст знаний президента и т.д.

Метаконцепты выступают схемами **структурирования** и **интерпретации** социокультурных знаний, представляя собой «надконцепты», которые присутствуют в сознании человека в момент построения дискурса в виде контекста социокультурных знаний, то есть дополнительно к основному содержанию дискурса. Надстраиваясь над любым содержанием дискурса, они в виде социокультурных знаний формируют его (дискурса) социокультурную специфику. Именно поэтому одна и та же тематика

дискурса в виде его содержания, интерпретируясь социокультурными знаниями субъекта (метаконцептами), представлена разными дискурсами. То есть по причине разного наполнения (из-за опыта и индивидуальности процесса познания) универсальные метаконцепты формируют разный дискурс, его социокультурную специфику.

В **функции интерпретации** содержания дискурса метаконцепты, таким образом, указывают на концептуально-тематическую область, которая включает определенные концепты в зависимости от того, какие знания субъект получил как представитель социума в соответствии с его ролью, статусом, профессией, опытом. Они (социокультурные знания в виде метаконцептов) не отражены в самом дискурсе, но формируют его социокультурную специфику с точки зрения мэра, врача, преподавателя, спортсмена и др. Когда субъект говорит: *Моя жена – повар-универсал, водитель, швея, завхоз* – он интерпретирует содержание дискурса с точки зрения мужа в концептуально-тематической области БЫТ ЧЕЛОВЕКА, активизируя социокультурные смыслы «работница по дому». Когда о жене субъект говорит *Людмила Александровна отстояла вахту* – он интерпретирует содержание дискурса с точки зрения главы государства в концептуально-тематической области ДОЛГ, активизируя социокультурный смысл «достойно справиться» (отстоять вахту в словаре = «простоять до конца»). Интерпретирующая функция метаконцептов обеспечивает **разный дискурс у разных субъектов на одну и ту же тему.**

По причине индивидуального характера контекста социокультурных знаний субъект **сам задает область** для понимания и интерпретации дискурса. Например, в дискурсе о Великой Отечественной войне: *Дедушка, а ты на «полевой» кухне цветы поливал?* – **это область** САД, ОГОРОД, заданная субъектом в рамках контекста социокультурных (а именно возрастных) знаний ребенка, не обладающего достаточным языковым опытом (в данном примере субъект выстраивает концептуальные взаимосвязи между фонетическими концептами ПОЛЕВАЯ и ПОЛИВАТЬ).

Структурирующая функция метаконцептов заключается в выделении определенной области и определенных концептов (в фокусировании), что в самом дискурсе представлено в виде когнитивно-дискурсивной интерпретанты, включающей языковые средства репрезентации этих концептов в каждом конкретном дискурсе. Структурирование социокультурных знаний с помощью метаконцептов – это деление их на типы (знания президента, мэра, спортсмена; знания норм, оценок; знания пространственно-временных характеристик; знания стереотипов; языковая интуиция); это акцентирование, фокусирование, спецификация, выделение этих

знаний. Дискурс В. В. Путина в составе Бессмертного полка с портретом отца – это дискурс сына: *Я очень счастлив, потому что и мой отец вместе со мной, в руках у меня его портрет, и сотни других простых солдат и тружеников тыла могут появиться сейчас на Красной площади, пускай на фотографиях в руках своих близких.* Дискурс В. В. Путина в составе высокопоставленных чиновников на Красной Площади – это пример дискурса главы Государства. То есть в функции структурирования социокультурных знаний метаконцепты формируют **социокультурную специфику дискурса у одного и того же субъекта** (субъекта – сына в примере выше и субъекта – президента в следующем примере: *Мы склоняем головы перед светлой памятью всех, чью жизнь отняла война: перед памятью сыновей, дочерей, отцов, матерей, дедов, мужей, жен, братьев, сестер, однополчан, родных, друзей. Скорбим о ветеранах, которые ушли от нас.*

В дискурсе профессиональные, языковые, территориальные и др. знания, то есть социокультурные знания, проявляют себя в виде когнитивно-дискурсивной интерпретанты как селекция, классификация и оценка конкретного содержания, репрезентированного языковыми единицами, – определенных событий, объектов и их характеристик. Например, интерпретанта селекции как выбор темы (для Элизы Б. Шоу – это пьянство отца); интерпретанта классификации как группировка в определенные категории (для Шарикова М. А. Булгакова – это отнесение себя к категории почтенных животных); интерпретанта оценки как «проекция» мира в индивидуальное сознание человека, в терминологии Н. Н. Болдырева, Р. Джекендоффа (у Н. В. Гоголя в произведении «Игроки» – это обман главного героя в рамках концептуально-тематической области ВОЕННОЕ ДЕЛО: *Сын – молодец! Так и рвется в гусары*).

В дискурсе именно когнитивно-дискурсивная интерпретанта является показателем социокультурной специфики этого дискурса. Формирование когнитивно-дискурсивной интерпретанты и выполнение ею функций селекции, классификации и оценки обеспечивается когнитивными и языковыми механизмами. Наряду с общеизвестными когнитивными механизмами профилирования, сравнения, концептуальной метафоры и др., основным когнитивным механизмом формирования социокультурной специфики дискурса выступает **механизм ориентирования когнитивного контекста на социокультурные знания субъекта.** Языковые механизмы – это номинации, семантика языковых единиц, использование синтаксических конструкций и др.

Анализ социокультурной специфики дискурса производится с помощью метода анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты. Иными

словами, предметом исследования выступают социокультурные смыслы, которые дополняют общий, информативный смысл дискурса и создают его социокультурную специфику. Именно эти смыслы и определяются социокультурными знаниями субъекта, что и обознается соответствующими терминами «социокультурный контекст дискурса» и «метаконцепты».

Таким образом, метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты **ориентирован на** выявление дополнительных, **метадискурсивных** характеристик, имеющих непосредственное отношение к социокультурной специфике дискурса как характеристик, позволяющих понять, **почему** и **как** субъект осуществляет выбор языковых форм и средств подачи своей информации. В качестве универсального приема этот метод может быть применим к анализу текстов и дискурсов как на материале одной языковой культуры, так и для сравнительного анализа оригинала и переводов. Он позволяет реконструировать процесс выбора языковых единиц, продемонстрировать отдельные этапы процесса (например, причинно-следственные связи), а также указать на механизмы его реализации.

Возьмем для примера переводы произведения "The Catcher in the Rye", выполненные разными переводчиками: (1) «Над пропастью во ржи (перевод Риты Райт-Ковалевой в 1950-е годы XX века); (2) «Обрыв на краю ржаного поля детства» (выполнен Сергеем Маховым в 1990-х годах XX века); (3) «Ловец на хлебном поле» (перевод Максима Немцова выполнен в 2008 году XXI века). Когнитивно-дискурсивная интерпретанта является результатом действия интерпретирующей и структурирующей функции метаконцепта ВРЕМЯ. С одной стороны, она отсылает к широкому контексту социокультурных знаний (статический аспект) концептуально-тематической области ЦЕНЗУРА В 1950-е ГОДЫ (перевод Райт-Ковалевой), ЛИБЕРАЛИЗМ в 1990-е и 2000-е ГОДЫ (перевод Максима Немцова и Сергея Махова), с одной стороны, и к индивидуальному контексту социокультурных знаний субъекта, к конкретным дискурсивным смыслам (динамический аспект), с другой стороны.

В качестве когнитивно-дискурсивной интерпретанты, раскрывающей индивидуальный (динамический) аспект социокультурного контекста перевода названия, в (1) выступают операционный концепт ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ (главный герой в переводе менее грубый, чем в оригинале); в (2), (3) – ДЕРЕВЕНЩИНА (перевод Максима Немцова), УГОЛОВЩИНА (перевод Сергея Махова) и репрезентирующие их языковые единицы (ср.: *всяко-разно, колотун, дурацкий* – в переводе М. Немцова; *холодрыга, придурошный, булда* – в переводе С. Махова). Обращают на себя внимание также переводы названия произведения (см. выше): лексема «*ловец»* в русском языке отсылает к библейскому знанию, тогда как с помощью языковой единицы

"*catcher"* автором оригинала выстраиваются также иные концептуальные признаки: «игрок, задача которого словить бейсбольный мяч» (in baseball, the player who catches the ball if the batter fails to hit it (dictionary.cambridge.org); «*пропасть»* как бездна (тяжелое *состояние*, в которое попадает человек); «*обрыв*» как склон (*вероятность* падения). За счет когнитивно-дискурсивной интерпретанты селекции, классификации, оценки, а также когнитивных механизмов концептуальной метафоры, фокусирования одних концептуальных признаков и дефокусирование других, а также языковых механизмов номинации, сочетаемости языковых единиц (ср.: повтор грамматической формы родительного падежа в: «*Обрыв на краю ржаного поля детства»*) выстраиваются три образа главного героя произведения "The Catcher in the Rye", которые ориентированы переводчиками на адресатов, проживающих в границах разных временных отрезков.

В докладе будут рассмотрены и другие примеры, которые свидетельствуют о приеме анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты как универсальном способе анализа фактического материала с целью выявления социокультурной специфики дискурса и с возможностью ее объяснения.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2019.

Дубровская О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Jackendoff R. A. User's Guide to Thought and Meaning. Oxford: Oxford University Press, 2012.

***O. G. Dubrovskaya** (Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE-DISCURSIVE INTERPRETANT AS A METHOD OF SOCIOCULTURAL DISCOURSE ANALYSIS

In the article, it is argued that cognitive-discursive interpretant is an effective tool to reconstruct, analyze and explain sociocultural discourse specificity. With this method, a linguist can expose the mechanisms that underlie interpretation in discourse to get a deeper understanding of the reasons that influence discourse construction.

Key words: sociocultural discourse specificity, cognitive-discursive interpretant method of analysis.

И. В. Зыкова *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
irina_zykova@iling-ran.ru

ЛУДИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В КИНОДИСКУРСЕ С ПОЗИЦИИ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ[1]

Исследование посвящено изучению лудических новаций как особых форм проявления креативных возможностей языка в кинодискурсе. Применяется метод дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности, позволяющий представить процесс создания лингвокреативных единиц в кинопроизведениях как результат взаимодействия разноуровневых параметров лингвокреативности. Отдельное внимание уделяется описанию особенностей двух разновидностей лудических новаций (лудических лингвокреатем и лудических неологизмов), выделенных в ходе проведенного исследования.

Ключевые слова: кинодискурс, лудическая новация, параметры лингвокреативности, лудическая лингвокреатема, лудический неологизм.

В теории лингвистической креативности к числу центральных и наиболее актуальных относится проблема создания типологии лингвокреативных явлений, возникающих в самых разных дискурсах и выступающих в качестве потенциальных (неологических) единиц языковой системы. В настоящей статье освещаются результаты исследования лудических новаций (от лат. *ludere* – ‘играть’, ср. тж. с лат. *ludicrum* – ‘веселье, шутка, игра, источник развлечения’), представляющих собой один из основных типов лингвокреативных феноменов. Специфика их идентификации, изучения и систематизации демонстрируется в данной работе на материале следующих российских кинокомедий 1990-х и 2000-х гг.: «Патриотическая комедия» (В. Хотиненко, 1992), «Особенности национальной охоты» (А. Рогожкин, 1995), «Мама не горюй» (М. Пежемский, 1997), «Приходи на меня посмотреть» (О. Янковский, М. Агранович, 2000), «Мужчина в моей голове» (А. Пиманов, 2009) и «Новогодний детектив» (А. Бобров, 2010). Общая продолжительность отобранного киноматериала составляет около 10 часов; общий объем языкового материала – 242 300 знаков.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке») в Институте языкознания РАН.

В настоящее время изучение лудических новаций и феномена языковой игры ведется в самых разных направлениях языкознания, о чем свидетельствует значительное количество публикаций, посвященных данной проблематике (см., например, [Гридина 2018; Ильясова, Амири 2018; Winter-Froemel 2018]). По сложившейся традиции создание лудических новаций связывают с реализацией поэтической и метаязыковой функций языка (по Р. Якобсону) для решения разных прагматических и/или художественно-эстетических задач (см., например, [Каргаполова 2008; Куницына 2011; Kirshenblatt-Gimblett 1976]. В выборе неконвенциональных способов и форм коммуникации и в создании разнообразных неконвенциональных языковых средств, включая новообразования лудической направленности, человек как языковая личность, по замечанию Е. С. Кубряковой, «проявляет свои креативные начала», он «сам творит язык, активно его преобразуя» и постигая его «онтологическую реальность» [Кубрякова 2009: 20].

Предпринятое изучение лудических новаций в кинодискурсе осуществлялось в рамках современной теории лингвистической креативности посредством разрабатываемого в нашем исследовании метода дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативных явлений, включающего метод корпусного аннотирования текстов исследуемого дискурса (в данном случае – кинодискурса) (см. подробнее о методе в [Зыкова 2020; Зыкова, Киосе 2020]). Данный метод базируется на формировании многоуровневой системы универсальных параметров лингвокреативности. В частности, выделяется семь уровней микродискурсивных параметров с присвоением им определенных числовых кодов текстовой разметки: параметры фонологического уровня с кодами 101–108 (например, «звукоподражание», «звуковой повтор»); параметры морфологического уровня с кодами 201–207 (например, «категориальная новация глагола», «морфологическая ошибка»), параметры словообразовательного уровня с кодами 301–306 (например, «аффиксальная новация», «окказиональное словосложение»), параметры лексического уровня с кодами 401–413 (например, «смена социокоммуникативных регистров», «стилистический троп»), параметры синтаксического уровня с кодами 501–511 (например, «окказиональная форма обращения», «синтаксическая фигура»), параметры графического уровня с кодами 601–607 (например, «графическое акцентирование», «графогибридизация»), параметры коммуникативного уровня 701–705 (например, «подхват», «уклонение от ответа»).

В ходе исследования специфики активизации всех микродискурсивных параметров лингвокреативности в отобранных кинокомедиях было

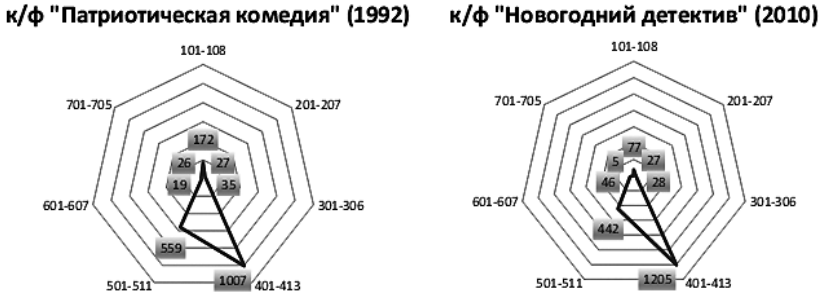


Рис. 1. Специфика активизации параметров лингвокреативности разных уровней (данные представлены в абсолютных единицах)

установлено, что наибольшее количество лингвокреативных единиц создается посредством активизации параметров лексического уровня, следующими по активности являются параметры синтаксического и фонологического уровней. Частота активизации параметров остальных уровней варьирует в зависимости от кинокомедии. Для наглядной демонстрации полученных результатов представим в виде диаграмм данные креативной активизации параметров в двух кинокомедиях (см. Рис. 1)

Необходимо отметить, что одна из главных прагматических и художественно-эстетических задач комедийного кинодискурса – это реализация категории комического. Изучение специфики активизации микродискурсивных параметров лингвокреативности сквозь призму этой прагматической и художественно-эстетической задачи показало, что из общего количества всех выявленных случаев можно выделить: а) лингвокреативные единицы, целенаправленно создаваемые для решения этой задачи, в связи с чем их можно определить как прагматически обусловленные новации (пример 1), и б) лингвокреативные феномены, демонстрирующие (раскрывающие) креативный потенциал языковой системы, но не направленные на достижение комического эффекта (пример 2):

(1) Эдик: *Честно говоря, я всегда считал тебя* ***гадким утенком****. А теперь…*

Галина: ***Я превратилась в гадкую утку***.

Эдик: ***Да****, ты* ***превратилась в красивую женщину*** (к/ф «Новогодний детектив»).

(2) Андрей: *То есть ты* ***всю жизнь прожила с каким-то тираном****?* (к/ф «Мужчина в моей голове»)

Лингвокреативные явления первой группы квалифицируются в нашем исследовании как **лудические новации**. Изучение выявленных в рассматриваемых кинокомедиях лудических новаций указало на возможность выделения двух основных разновидностей: **лудические лингвокреатемы** и **лудические неологизмы**. Как лудические лингвокреатемы, так и лудические неологизмы возникают в процессе активизации в кинодискурсе одного или более параметров лингвокреативности с целью произведения комического эффекта, с установкой вызвать у реципиента смех. Их основное различие состоит в том, что лудические неологизмы, в отличие от лингвокреатем, сохраняют свой комический (юмористический) эффект вне порождающего их кинематографического контекста и могут входить в общеязыковой узус. Приведем в качестве примеров несколько лудических неологизмов, имеющих данные качества:

(3) Татьяна: *Мы здесь пьем, а он там* ***геркулесом закусывает****!* (к/ф «Приходи на меня посмотреть»)

(4) Софья Ивановна: *А вы прекрасный* ***слушатель****!*

Игорь: ***Кушатель****. Люблю поесть домашнее. Можете меня рекомендовать в этом качестве своим знакомым* (к/ф «Приходи на меня посмотреть»).

(5) Татьяна: *Что мы, как алкоголики, на лестнице пить будем?*

Дина: *Ну, пить-то надо!* ***Лучше пить на лестнице, чем не пить вообще!*** *Это ж всем очевидно* (к/ф «Приходи на меня посмотреть»).

(6) Ильин: *И мы… и люди вон какие-то. И все живем, хотя отношения никакого друг к другу не имеем. И не встречались никогда и не встретимся. А* ***все живем и будем жить. Вот тебе и тайна жизни. А грустно станет… водочки выпьем*** (к/ф «Патриотическая комедия»).

В примерах (3–6) все выделенные языковые новации не утрачивают свой юмористический заряд вне сюжетной линии кинокомедии и той ситуации, в которой они были использованы. Кроме того, выражения в примерах (5–6) стали общеупотребительными и получили регистрацию в сборниках и словарях крылатых фраз и афоризмов (см., например, [Кожевников 2001]). В рассматриваемых кинокомедиях подавляющее большинство лудических новаций составляют лудические лингвокреатемы. Перейдем к их более детальному рассмотрению.

Согласно анализу, к единичным относятся случаи образования лудических лингвокреатем в связи с активизацией только одного из параметров лингвокреативности. Так, в примере (7) комический эффект

достигается за счет активизации фонологического параметра 107 («ошибка»):

(7) Мать невесты морячка: *Жених этот… Ну как же можно на своей собственной свадьбе так* ***распоясаться****?* <107> (к/ф «Мама не горюй!»)

Исследование показало, что лудические лингвокреатемы представляют собой многомерные («полипараметрические») языковые единицы, появление которых в кинодискурсе обусловлено активизацией двух и более параметров лингвокреативности. Наибольшее количество лудических лингвокреатем в анализируемых кинокомедиях создается посредством синхронной активизации или сопряжения преимущественно параметров лексического, синтаксического и фонологического уровней, и реже – графического, морфологического, словообразовательного и коммуникативного уровней. Рассмотрим ряд примеров.

(8) Татьяна: *Да? А я вам, со своей стороны,* ***желаю счастья*** <409> ***с вашим длинноногим ёжиком***. <410> ***С вашей киской-блондинкой***, <410, 302> ***с вашим сексапильным зайчиком*** <410> ***и вообще со всем зверинцем****!* <410, 503, 505> (к/ф «Приходи на меня посмотреть»)

В примере (8) отмечается многократная активизация параметра «стилистический троп» <410>, которая приводит к образованию серии креативных метафор, уподобляющих молодую подругу главного героя Игоря (мужчины средних лет) разным животным. Посредством созданных образных средств в шутливой форме обыгрываются нелепые, с точки зрения главной героини Татьяны, формы обращения, образованные с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов – *зайчик, киска, ежик*, которые часто использует Игорь в разговоре со своей молодой любовницей, имя которой он ни разу не называет. Примечательно, что активизация параметра «стилистический троп» синхронизирована с активизацией параметров синтаксического уровня – «синтаксическая фигура» (градация) <503> и «параллельная конструкция» (хиазм) <505>, а также параметра морфологического уровня – «окказиональное словосложение» (*киска-блондинка*) <302>. Ироничное отношение к любовной связи Игоря с двадцатилетней девушкой, которой он по возрасту годится в отцы, раскрывается во фразе *желаю счастья*, имеющей в данном эпизоде фильма негативный подтекст. Последнее является свидетельством развития контекстной многозначности используемого выражения (энантиосемии), обозначаемой в текстовой разметке кодом <409>.

(9) Марина: *Артур, ну что мне делать с космонавтом?*

Артур: *Что делать, что делать?* ***Брать белку и ехать на стрелку***. <410, 410, 402, 402, 408, 412, 207, 104, 104, 106, 505> *Ладно, я шучу* (к/ф «Мама не горюй!»).

Пример (9) демонстрирует создание лудической лингвокреатемы благодаря взаимодействию нескольких параметров лексического и фонологического уровней, а также морфологического и синтаксического параметров лингвокреативности. Согласно анализу, в основе данной прагматически (комически) обусловленной новации лежит креативная метафора <410>, триггером создания которой послужило употребление героиней слова *космонавт*. В данную метафору интегрирована аллюзия <410>, несущая указание на известных собак-космонавтов по кличке *Белка* и *Стрелка*. В рассматриваемом эпизоде главный киноперсонаж Артур собирается на встречу с членом одной преступной группировки. С учетом этого обстоятельства юмористический эффект от рассматриваемой лудической лингвокреатемы усиливается благодаря тому факту, что слово *белки* на языке уголовного жаргона означает ‘деньги’ <402>, а слово *стрелка* в молодежном сленге используется в значении ‘назначенная встреча’ <402> [ССЛЖС 2014]. Специфическое (оригинальное) употребление данных слов является свидетельством синхронной активизации параметра «смена социально-территориального кода» <402> с параметром «парадигматическая новация» <408>, поскольку формируются такие окказиональные паронимы, как, ср.: *Белка* ‘кличка собаки’ – *белки* ‘деньги’; *Стрелка* ‘кличка собаки’ – *стрелка* ‘встреча’. Необходимо также отметить, что в жаргонном выражении *брать белку* существительное используется не во множественном числе, т.е. не в конвенциональной форме (ср.: *брать белки* > **белку*), что позволяет констатировать взаимообусловленное действие параметров «морфологическая ошибка» <207> и «лексическая/фразеологическая ошибка» <412>. Особую выразительность лудическая лингвокреатема обретает за счет звуковых повторов – аллитерации и ассонанса <104>, рифмизации <106> и интонации перечисления, с которой произносятся однородные члены предложения <505>. Таким образом, лудическая новация, базирующаяся на сопряжении разноуровневых параметров лингвокреативности, является ярким и запоминающимся образно-выразительным средством, вызывающим у реципиента-зрителя смех.

Показательными примерами многократной активизации лингвокреативных параметров разных уровней, обусловливающей создание лудических лингвокреатем, являются следующие контексты:

(10) Райво: *I feel as if I****’m falling to pieces****. My hands, legs, head and soul are all separate*. <404, 410, 413, 505, 104, 403, 403, 403, 403, 408, 410>

Кузьмич: *Что он говорит?*

Женя: ***Да хорошо ему***… <412, 409, 501, 408> (к/ф «Особенности национальной охоты»).

(11) Зина: *Ты пьяница!* ***Ты бездарный, бестолковый, бесполезный человек!*** <505, 503, 104, 104, 104, 104, 505> (к/ф «Патриотическая комедия»).

(12) *Ты знаешь,* ***когда человек богат и хорош собой****…* ***С такими людьми сходиться легко***. <505, 108, 501, 409, 410, 409, 410> (к/ф «Новогодний детектив»).

Отдельного упоминания заслуживает специфика активизации параметров лингвокреативности в названиях кинокомедий, в результате которой образуется особый класс лудических лингвокреатем полимодального характера, например:

(13) Заголовочные титры, представляющие название кинокомедии

В примере (13) лудическая лингвокреатема образуется синхронной активизацией следующих параметров лексического, синтаксического и графического уровней: «фразеологизм» <413>, «синтаксически-смысловая интеграция текста/дискурса в названии» <509>, «модификация с буквами» <601>, «графическая акцентирование» <604>, «новация с написанием» <603>, «специфика локализации языковой единицы» <607>.

В заключение отметим, что, как показало проведенное исследование, в качестве наиболее значимых в реализации креативного потенциала языковой системы с целью реализации этико-эстетической категории комического в рассматриваемых кинопроизведениях выступают в первую очередь параметры лексического уровня, такие как: «смена социокоммуникативных регистров», «смена социально-территориального кода»,

«смена профессионального кода», «смена языкового кода», «многозначность», «стилистический троп», «фразеологизм», «лексическая/фразеологическая ошибка»; а также параметры фонологического и синтаксического уровней, такие, как: «неузуальное продление/усиление звуков», «звуковой повтор», «ритмизация, рифма», «фонологическая ошибка» и «хезитация»; «синтаксическая фигура», «параллельные конструкции», «синтагматическая новация» и «синтаксическая ошибка». В целом, применение метода дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности позволяет расширить представления о специфике лингвокреативных процессов в кинодискурсе, о многомерности и принципах создания такого особого типа лингвокреативных новаций, как лудические новации, которые занимают центральное положение в вербальной структуре комедийных фильмов.

Литература

Гридина Т.А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. Екатеринбург: Урал. ГПИ, 2018.

Зыкова И.В. Методологические векторы изучения лингвистической креативности в кинодискурсе // Уральский филологический вестник: Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. 2(29). С. 23–36.

Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.

Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2018.

Каргаполова И.А. Лингвистические и социокультурные факторы лудического речевого поведения: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2008.

Кожевников А.Ю. Большой словарь. Крылатые фразы отечественного кино. СПб: Нева; М.: ОЛМА-Пресс, 2001.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 11–24.

Куницына Е.Ю. Лингвистические основы людической теории художественного перевода: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Иркутск, 2011.

ССЛЖС – Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. URL: https://argo.academic.ru/396/ (дата обращения: 02.03.2021).

Kirshenblatt-Gimblett B. (ed). Speech Play: Research and Resources for Studying Linguistic Creativity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1976.

Winter-Froemel E. Lucidity in Lexical Innovation (I) – French // Expanding the Lexicon: Linguistic Innovation, Morphological Productivity, and Ludicity. Berlin, Boston: De Gruyter, 2018. P. 229–259.

I. V. Zykova *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences

LUDIC INNOVATIONS IN CINEMATIC DISCOURSE FROM THE PERSPECTIVE OF A PARAMETRIC APPROACH TO THE STUDY OF LINGUISTIC CREATIVITY

The research aims to study ludic innovations as special forms deriving from the creative usage of language in the cinematic discourse. The method of discursive-parametric analysis of linguistic creativity is used, which allows us to present the process of creating linguocreative units in films as a result of the interaction of multilevel parameters of linguistic creativity. Special attention is paid to the description of two varieties of ludic innovations (ludic linguocreative items and ludic neologisms), which have been established in our research.

Key words: cinematic discourse, ludic innovation, parameters of linguistic creativity, ludic linguocreative item, ludic neologism.

Е. Ф. Косиченко *(Москва, Россия)*
Московский государственный
лингвистический университет
ekosichenko@gmail.com

ИРОНИЯ КАК МАРКЕР КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА (на материале художественной прозы)

В статье осуществляется анализ фрагментов англоязычного художественного текста сквозь призму психологической теории когнитивного диссонанса (КД). В результате анализа высказывается мнение о том, что возникновение КД в условиях родной культуры обусловлено несоответствием действительности личному опыту человека, однако его преодоление становится возможным благодаря культурному опыту; важным средством экспликации КД в тексте является стилистический прием иронии.

Ключевые слова: художественный текст, когнитивный диссонанс, культурный опыт, внутренний конфликт, стилистические маркеры, ирония.

Обращаясь в одной из своих последних статей к обсуждению роли когнитивной лингвистики как науки, исследующей познавательную деятельность человека, и к определению ее места среди других гуманитарных наук, Е. С. Кубрякова особо отмечает что у истоков когнитивизма стояли

психолог Дж. Миллер и лингвист Н. Хомский, подчеркивая тем самым междисциплинарный характер когнитивной лингвистики, важность решения лингвистических задач в междисциплинарном ключе [Кубрякова 2012: 38–39]. Несмотря на то, что уже более полувека когнитивная лингвистика развивается как самостоятельная дисциплина, решающая свой собственный круг задач, связанных с выявлением, уточнением и описанием познавательного потенциала языка, она неизбежно обращается к данным психологии, подключая ее инструментарий и понятийный аппарат, с одной стороны, и предоставляя в ее распоряжение новые эмпирические данные, с другой стороны.

В данной статье мы обращаемся к теории когнитивного диссонанса (КД), предложенной в середине прошлого века американским психологом Л. Фестингером и оказавшей заметное влияние на дальнейшее развитие не только психологии, но также лингвистики. В связи с тем, что КД неизбежно проявляется в коммуникативном поведении человека, и присутствие КД практически всегда распознается через язык, более полное изучение данного явления с позиций лингвистики представляется не только оправданным, но и необходимым.

В отечественной лингвистике проблема когнитивного диссонанса была рассмотрена с разных позиций и в разных аспектах. В частности, В. З. Демьянков предпринял попытку привлечь идею Л. Фестингера о необходимости преодоления КД для описания процесса понимания массмедийных текстов и с этой целью выделил девять модулей понимания, каждый из которых, по мнению лингвиста, отвечает за решение конкретной задачи (например, за понимание языка, текста, реконструкцию намерения автора, т. д.). Исходя из постулата герменевтики о том, что постоянное непонимание, скорее, правило, чем исключение, В. З. Демьянков, вместе с тем, демонстрирует на конкретных примерах, что полное непонимание случается достаточно редко, поскольку хотя бы одна из девяти задач, соответствующих девяти выделенным модулям, оказывается полностью или частично решенной [Демьянков 2011]. Данное наблюдение представляется нам исключительно важным, поскольку в нем заложена идея о возможности создания моделей восполнения недостающих смысловых фрагментов и частичного решения проблемы непонимания, например, в переводческой деятельности, в практике межкультурной коммуникации или при работе с разными текстами.

Безусловно перспективным, главным образом, в плане практического применения, является изучение когнитивного диссонанса, вызванного столкновением разных языков, о чем пишет в своем докторском иссле-

довании Г. Д. Воскобойник. Наиболее интересным представляется развиваемое им положение о том, что у переводчика КД возникает по мере того, как он пытается подбирать языковые эквиваленты, понимая, что различия между языками по сути непреодолимы, а также предложенное определение когнитивного диссонанса как области фиксации различий между двумя языками [Воскобойник 2004]. Понимание чисто психологического явления как области столкновения языковых значений может быть полезным не только при разработке практических рекомендаций для переводчиков, но также в практике преподавания иностранных языков, особенно на начальном этапе обучения.

О. А. Леонтович анализирует КД с позиции теории межкультурной коммуникации, называя в качестве причин его возникновения характерные для языковой личности особенности концептуализации и категоризации действительности и отмечая, что когнитивный диссонанс может быть вызван как недостаточным знанием языка, так и особенностями невербального поведения представителей разных культур [Leontovich 2015]. Возможность изучения невербального поведения коммуникантов в ситуации межкультурного взаимодействия с точки зрения теории КД также представляется нам перспективной и открывающей широкие возможности практического применения.

Не менее интересны исследования феномена когнитивного диссонанса на материале поэтических текстов, как стихотворных [Ирисханова 2014], так и прозаических [Дроздова 2011]. В данном отношении подчеркнем, что, по нашему мнению, художественный текст является достаточно надежным источником социокультурных знаний, на основании которых возможно судить о нормах и правилах поведения в некотором обществе, об образе мышления конкретных людей, а также о причинах возникновения КД. При том, что сюжет и персонажи поэтических текстов, как правило, являются вымышленными, автор произведения художественной литературы переносит в создаваемый текст свои знания о мире, о нормах взаимодействия между людьми, используя широкий арсенал лингвостилистических средств языка для экспликации внутренних и внешних конфликтов.

Далее обратимся непосредственно к гипотезе Л. Фестингера, которая заключается в том, что наличие когнитивного диссонанса приводит к психологическому дискомфорту и вынуждает человека, во-первых, искать способы уменьшения диссонанса, во-вторых, избегать любых ситуаций, которые могут привести к его возрастанию. Причинами КД, согласно теории Л. Фестингера, являются ситуации, в которых наблюдается логиче-

ская несовместимость элементов, нарушаются культурные нормы, имеет место несоответствие прошлого опыта человека той ситуации, в которой он оказывается, а также случаи, когда мнение человека по определению входит в состав общего мнения (мнения социальной группы), но при этом сам человек, вынужденный делать то, что принято в рамках данной социальной группы, этого мнения не разделяет [Фестингер 1985]. Иными словами, человек испытывает психологический дискомфорт, если нарушается привычный для него порядок, либо если он вынужден следовать правилам, противоречащим его личным убеждениям.

Основной задачей нашей статьи является рассмотреть отрывки из книги А. Беннета «Необычный читатель» (A. Bennett "The Uncommon Reader") сквозь призму теории Л. Фестингера и акцентировать два существенных, на наш взгляд, момента: 1. в случаях, когда КД вызван недопониманием между людьми, принадлежащими к одной культуре, его причины кроются в разном социальном опыте, однако его преодоление происходит благодаря наличию у людей общих культурных знаний; 2. в художественной прозе средства вербализации КД стилистически маркированы, например, посредством иронии.

Главным персонажем анализируемого в данной статье произведения является английская королева, которая неожиданно для себя обнаруживает передвижную библиотеку в окрестностях Букингемского дворца, становится пользователем этой библиотеки, увлекается чтением и в конце концов отрекается от престола. В начале романа автор отмечает, что, будучи начитанным человеком, королева никогда не интересовалась литературой настолько, чтобы отдавать предпочтение этому занятию: у нее вообще не было пристрастий, поскольку в ее обязанности входило проявлять интерес, а не интересоваться чем-то. Кроме того, как иронично замечает автор, чтение несовместимо с активной деятельностью, а королева была человеком дела:

She read, of course, as one did, but liking books was something she left to other people. <…> ***her job was to take an interest, not to be interested*** herself. And besides reading wasn't doing. She was a doer [Bennette 2007: 6].

Жизненная позиция королевы отчасти противоречит принятым в ее культуре нормам, данное противоречие проявляется на протяжении всего романа и становится причиной когнитивного диссонанса как у самой королевы, так и других персонажей.

По сюжету, в окрестностях Букингемского дворца остановилась передвижная библиотека, которой управлял мистер Хатчинг и у которой был один единственный читатель – работавший на королевской кухне

молодой человек по имени Норман Сикинз. В отличие от королевы, которая практически ничего не читала, низкородный молодой человек брал в библиотеке много книг и проводил все свободное время за чтением. Данное противопоставление персонажей нарушает логику вещей, однако противоречие преодолевается благодаря культурному знанию о том, что хороший государственный деятель – это человек, который занимается государственными делами и не тратит время на увлечения.

При первой же встрече с молодым читателем королева признается, что у нее нет времени на чтение и тем не менее замечает, что, раз уж она оказалась рядом с библиотекой, то, по всей видимости, должна взять книгу:

'Do you have much time for reading?'

'Not really, ma'am'.

'I'm the same. Though ***now that one is here I suppose one ought to borrow a book***' [Bennette 2007: 6].

Иными словами, состояние психологического дискомфорта, вызванное отсутствием желания читать и необходимостью взять книгу, нейтрализуется тем, что королева принимает решение, которое предписано негласными культурными нормами. Обратим внимание на использование неопределенно-личного местоимения *one*, которое относится конкретно к королеве, и в сочетании с модальным глаголом *ought to* создает иронический эффект.

Далее обратимся к эпизоду, в котором мистер Хатчинг объявляет, что королева может взять до шести книг. Социокультурный опыт управляющего библиотекой подсказывает, что образованные люди много читают и будут рады такому щедрому предложению, однако королеву это предложение приводит в полное замешательство, что реализуется в использовании простых односоставных предложений – вопросительного и восклицательного – и создает комический эффект.

'Ma'am can borrow up to six books?'

'***Six***? ***Heavens***!' [Bennette 2007: 7].

Наибольший интерес представляют фрагменты разговора королевы с молодым человеком и с управляющим библиотекой, из которых следует, что в своих оценках произведений художественной литературы глава государства исходит исключительно из того, знакома она с автором лично или нет.

'Oh. Cecil Beaton. ***Did you know him***?'

'No. ma'am' <…>

'Ivy Compton-Burnett! I can read that!' <…>

'Oh. The last time it was taken out was in 1989'

‘She was not a popular author, ma’am.’

‘Why, I wonder? ***I made her a dame***.’

Mr Hutchings refrained from saying that this wasn’t necessarily the road to the public heart [Bennette 2007: 7–8].

Приведенный пример описывает ситуацию, в которой королева заметила на полке достаточно старое издание со знакомым именем на обложке и решила взять именно эту книгу, несмотря на то что книга не была популярной и в последний раз ее брали около 20 лет назад. Ремарка «Я даровала ей титул» свидетельствует о переживаемом королевой когнитивной диссонансе, который вызван непониманием того, как оказанная ею милость может идти вразрез с читательскими предпочтениями ее подданных. Мистер Хатчинг также испытывает когнитивный диссонанс, поскольку привык ценить содержание книг, а не статус писателя. Наличие психологического дискомфорта у персонажей могло привести к возникновению внешнего конфликта, однако библиотекарь, полагаясь на свой культурный опыт, воздержался от комментариев, тем самым сглаживая внешние противоречия и нивелируя свой внутренний конфликт.

Поведение королевы удивляет также ее личного секретаря, не понимающего, зачем ее Величеству нужна передвижная библиотека, когда у нее есть несколько собственных постоянных библиотек. Наличие у молодого человека когнитивного диссонанса выражено косвенной речью и авторской иронией, основанной на противопоставлении стереотипного образа жителя Новой Зеландии добросовестному секретарю, на которого возлагали большие надежды. Отметим, что в тексте нет указаний на то, что внутренний конфликт секретаря как-то сглаживается, возможно, по причине его принадлежности к другой культуре.

Her private secretary, Sir Kevin Scatchard, ***an over-conscientious new Zelander of whom great things were expected***, was left to gather up his papers and wonder why ma’am needed a travelling library when she had several of the stationary kind of her own [Bennette 2007: 10–11].

Спустя неделю королева возвращается на то же место, где вновь обнаруживает передвижную библиотеку и ее единственного пользователя Нормана Сикинза. Поинтересовавшись, насколько королеве понравилась книга, мистер Хатчинг, признается, что сам так и не дочитал ее до конца. Королева в свою очередь замечает, что никогда не оставляет начатое дело, независимо от его содержания. Авторская ирония выражена в данном случае тем, что в ответ на вопрос о книге королева говорит о писательнице:

‘***How did you find it*** ma’am?’ Asked Mr Hutchings.

‘***Dame Ivy***? A little dry. And everybody talks the same way, did you notice that?’

‘To tell you the truth ma’am, I never got through more than a few pages. How far did your Majesty get?’

‘Oh, to the end. ***Once I start a book I finish it***. That was the way one was brought up’ [Bennette 2007: 11].

В свой повторный визит королева, как и прежде, не намеревалась пользоваться библиотекой, однако, движимая правилами хорошего тона, выбрала роман писательницы, семью которой хорошо знала. Наличие внутреннего конфликта, вызванного отсутствием желания брать книгу и необходимостью сделать это, сглаживается осознанием королевой того, что роман написан дамой с положением в обществе. Авторская ирония проявляется также в выражении «роман с хорошими связями»:

Novels seldom came as well connected as this and the Queen ***felt correspondingly reassured***, so it was with the confidence that she gave the book to Mr Hutching to be stamped [Bennette 2007: 13].

Проведенный анализ показал, что когнитивный диссонанс, вызванный несоответствием личного опыта некоторой ситуации, может иметь глубокие социальные корни, но в рамках одной культуры нивелироваться благодаря культурному опыту человека. В художественном тексте внутренний конфликт может актуализироваться посредством стилистического приема иронии, основанного на противопоставлении персонажей или на экспликации их внутренних противоречий.

В целом, важно подчеркнуть, что психологическая теория Л. Фестингера имеет значительный эвристический потенциал и может быть применена как для изучения процессов концептуализации и категоризации мира человеком и для более глубокого исследования процессов распознавания информации и ее истолкования, так и для решения вопросов межличностной и межкультурной коммуникации, в том числе при работе с текстами.

Литература

Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2004.

Демьянков В.З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 33–40.

Ирисханова К.М. Когнитивный диссонанс в англоязычном поэтическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Выпуск 17 (703). С. 7–14.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса: пер. с англ. СПб.: Речь, 2000.

Bennett A. The Uncommon Reader. London: Faber and Faber: Profile Books, 2008.

Leontovich O. A. Cognitive Dissonance from the Intercultural Communication Perspective // Russian Journal of Linguistics, Vestnik RUDN. 2015. Vol. 15. P. 49–56.

E. F. Kosichenko *(Moscow, Russia)*
Moscow State Linguistic University

IRONY AS A MARKER OF COGNITIVE DISSONANCE (an Analysis of English Prose)

The article analyzes fragments of English prose in terms of the psychological theory of cognitive dissonance. It is argued that although within one's native culture cognitive dissonance is triggered by inconsistency between one's personal experience and the surroundings, it is eliminated due to cultural experience. An important means of representing cognitive dissonance in prose is the stylistic device of irony.

Key words: literary prose, cognitive dissonance, cultural experience, inner conflict, stylistic markers, irony.

О. В. Куликова *(Москва, Россия)*
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России
ок517@ yandex.ru

КАТЕГОРИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СПОНТАННОГО РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (на материале дебатов в британском парламенте)

В статье рассмотрены особенности дискурсивной реализации категории интенциональности в спонтанном речевом взаимодействии, к которым относятся: открытый и гибкий характер интенциональной структуры, контекстуально-ситуативная обусловленность и вариативность ее состава, наличие явных и скрытых интенций.

Ключевые слова: категория интенциональности, спонтанное речевое взаимодействие, интенциональная информация, ментальное состояние; интенциональная структура.

Понятие интенциональности, представляющее собой традиционный предмет изучения в философии сознания и, в частности, в феноменологии Э. Гуссерля, признается «сущностной структурой сознания» и означает «предметную направленность переживаний сознания, его соотнесенность с предметами опыта» [Словарь философских терминов 2005: 214]. Такое понимание интенциональности оказывается приемлемым и для исследований в области философии языка, особенно в части теории речевых актов, базовым понятием которой является целеполагание, обусловленное ментальными состояниями субъекта речевой деятельности. В широкой трактовке Дж. Серля, интенциональность выступает как система, включающая цели, намерения, убеждения, взгляды, желания, надежды коммуникантов [Серль 2004: 52], при этом центральная роль отводится понятиям цели и намерений, составляющим ядро данной системы. Находясь в центре внимания многих современных лингвистических исследований, категория интенциональности соотносится в них с теми аспектами содержания высказывания, «которые обусловлены определенной направленностью сознания говорящего на отображаемый высказыванием фрагмент действительности» [Кобозева 2007, URL]. Рассмотрение интенциональности в когнитивно-коммуникативном аспекте как категории дискурса подразумевает формирование интенциональной системы высказывания индивида на основе его системы убеждений, оценок, ценностей, желаний и мнений. Таким образом, развертывание дискурса опирается на процесс передачи интенциональной информации, необходимой для понимания интенциональных состояний участников и, соответственно, успешного осуществления коммуникации. Информация об интенциональных состояниях коммуникантов служит пополнению риторического знания, подразумевающего знание о ценностных установках, взглядах и, что особенно важно, намерениях аудитории, без чего невозможно достижение коммуникативного эффекта высказывания. Риторическое знание служит основой для создаваемого в процессе дискурсивного взаимодействия участников единого когнитивного пространства, позволяющего прогнозирование вероятной реакции адресата, что, в свою очередь, обусловливает выбор вербальных средств, наиболее адекватно воплощающих в дискурсе интенции говорящего и вместе с тем, позволяющих модифицировать ситуативные модели, строящиеся на основе ментальных репрезентаций, в сознании реципиента.

При этом реципиент, как участник того же коммуникативного процесса, обладает определенным знанием об особенностях интенциональной системы говорящего, что позволяет ему «настроиться на волну» собесед-

ника и на основе процедуры прогнозирования предугадать возможные аргументы говорящего и таким образом подготовиться к ответу на них. Во время текущего диалогического общения устанавливается обратная связь, позволяющая адресанту адекватно оценивать ментальные состояния партнера по коммуникации и своевременно вносить необходимые коррективы [Куликова 2007]. Вместе с тем, в ходе спонтанной коммуникации происходит формирование нового знания [Скнар 2013: 259], которым участники развертывающегося речевого взаимодействия не всегда могут воспользоваться немедленно, так как процесс осознания новой информации и включение ее в собственную ситуативную модель требует определенных когнитивных и временных затрат. Таким образом, в условиях спонтанного общения велика доля неопределенности, что подразумевает возможные изменения в интенциональной структуре высказываний участников коммуникативного процесса: привнесение дополнительных интенций и модификацию интенций первоначального ряда, что обусловливается изменением ментальных состояний коммуникантов. При этом может наблюдаться не полная трансформация, но качественное изменение первоначальных установок, например, интенсификация, что объясняется целым рядом причин, в частности, личностными характеристиками коммуниканта. Кроме того, в спонтанном общении интенциональная структура редко бывает линейной, представляющей собой простую последовательность дискурсивно воплощенных интенций. Из-за столкновения мнений, недосказанности и пр. линия может закольцовываться, принимать зигзагообразную форму и т. п.

Интенциональные структуры дискурса участников коммуникации составляют основу ***персуазивной коммуникации*** [Reed, Long 1996], где архетипической коммуникативной установкой, на которую ориентированы все участники, выступает ***убеждение***, что связано с привнесением изменений в ментальное состояние собеседника, в результате чего в сознании реципиента создается новая ситуативная модель, отражающая обсуждаемую проблему с точки зрения участника *vis-a-vis*.

Рассмотрение в качестве образца персуазивной коммуникации дискурса парламентских дебатов, позволяет выявить ***иерархию интенций***, реализуемых участниками коммуникативного процесса. Состав иерархии интенций ***ситуативно обусловлен***: в зависимости от целого ряда обстоятельств, характер интенций может разниться. При этом коммуникант выстраивает высказывание таким образом, чтобы ***реализовать интенции и быть понятым***, то есть достичь необходимого коммуникативного эффекта. Считается, что интенции, предназначенные для распознавания,

обычно представлены общими дискурсивными целеустановками, а также целеустановками дискурсивных сегментов. Если распознавание дискурсивной установки прошло успешно, о чем можно судить по ответным репликам участников дискурса, то коммуникация может быть признана состоявшейся [Куликова 2007]. Вместе с тем, наряду с намерениями, подлежащими распознаванию, в интенциональной структуре говорящего могут содержаться скрытые намерения, распознавание которых затруднено и невозможно без дополнительных когнитивных усилий со стороны реципиента.

Траектория развертывания спонтанной диалогической коммуникации зависит от глубинной интенциональной структуры, которая кодируется языковыми средствами и репрезентируется в дискурсе высказываниями, представляющими поверхностный вербальный уровень дискурса.

Анализ дискурса парламентских дебатов, послужившего эмпирической основой настоящего исследования, подтверждает сказанное выше. Кратко остановимся на фрагменте обсуждения в британском парламенте скандала, связанного с утерей документов министерства обороны Великобритании и утечкой секретной информации. Явная и превалирующая интенция министра обороны – дать краткий отчет о том, что произошло и какие меры принимаются для предотвращения последствий происшедшего:

As the House will be aware, a number of Ministry of Defence classified documents were lost by a senior official early last week. Upon realising the loss of documents, the individual self-reported on Tuesday 22 June. The documents lost included a paper that was marked "Secret UK Eyes Only". The documents were found by a member of the public at a bus stop in Kent. The member of the public then handed the papers to the BBC. The Ministry of Defence has launched a full investigation. The papers have now been recovered from the BBC and are being assessed as I speak to check that all documents missing have been recovered and what mitigation actions might be necessary. The investigation will look at the actions of individuals, including the printing of the papers through to the management of the reported incident, and at the underlying processes for printing and carriage of papers in Defence. The investigation is expected to complete shortly. While the investigation is being conducted, the individual's access to sensitive material has been suspended. It would be inappropriate to comment on the findings of the investigation while it is still under way [https://hansard.parliament.uk/commons/2021–06–28/debates/95AB5E0B-D666–4341-B687-D9AF333C5F4/LossOfSecretDocuments].

Документы найдены и начато расследование – это та информация, которую министр хочет донести до членов парламента и широкой общественности. Очевидность интенции обнаруживается в повторе соответствующих лексических единиц: *the papers / documents have been recovered; a full investigation… launched; the investigation will look at…; the investigation is expected to complete shortly; the investigation is being conducted; the findings of the investigation.* Вместе с тем, в выступлении министра обороны присутствует и скрытая интенция – нежелание делать информацию об утечке публичной и широко обсуждаемой. Подтверждение этому «читается» в двух последних фразах, по сути, ничего не добавляющих к отчету: *While the investigation is being conducted, the individual's access to sensitive material has been suspended. It would be inappropriate to comment on the findings of the investigation while it is still under way.* Включение в выступление информации о секретности материалов расследования (*sensitive material*), закрытом доступе к материалам для частных лиц (*the individual's access to sensitive material has been suspended)* и нецелесообразности комментировать результаты, пока расследование не завершено (*It would be inappropriate to comment on the findings of the investigation while it is still under way*), говорит о намерении министра свести к минимуму обсуждение данного инцидента и его нежелании подробно останавливаться на этом вопросе.

В реакции члена парламента Джона Хили (*John Healey*) на краткий отчет министра обороны также прослеживается иерархия интенций:

John Healey

That sensitive MOD documents were found strewn behind a bus stop in Kent last Tuesday morning is certainly embarrassing for Ministers, but it is deeply worrying for those concerned with our national security, so I thank you, Mr Speaker, for granting this urgent question. This is not the first time that there have been known leaks based on classified documents from the MOD that have found their way beyond the MOD. <…> Are the military police involved in this investigation?

I am glad that the Minister has confirmed that the investigation will look at how and why these highly classified documents were copied and then carried out of the Department. When will it report, and will he publish the findings? He needs to do more to reassure us about the risks involved in the leak. Will he confirm the level of "UK Eyes Only" classification that the document had? Has the inquiry yet ruled out espionage? Were our allies informed immediately, and at what appropriate level?

The Minister mentions ongoing operations. Our frontline forces on HMS Defender were totally professional in dealing with aggressive Russian actions in the Black Sea last week, but they must be asking, "What about our back-up at the MOD?" when top secret documents about their mission, ahead of their mission, found their way to the back of this bus stop in Kent. Finally, Ministers need to do more to reassure the public and our forces personnel that they have a grip of their Department, and have taken actions to stop the series of security breaches at the Department [https://hansard.parliament.uk/commons/2021–06–28/debates/95AB5E0B-D666–4341-B687-D9AF333C5F4/LossOfSecretDocuments].

Данный фрагмент демонстрирует сложную интенциональную структуру, которая в основном задается предыдущим выступлением министра обороны. Реплика парламентария создает впечатление, что главная целеустановка его выступления завуалирована и состоит в том, чтобы показать своему электорату, что избранный ими кандидат оправдывает их доверие, проявляя заинтересованность в делах, касающихся национальной безопасности. Прежде всего, данная интенция вербально выражена серией вопросов (*When will it report…, etc.?*). С этой интенцией тесно связана другая, призванная отразить ментальное состояние оратора, включая его эмоции и систему ценностей, на которую он ориентирован. В контексте анализируемого выступления это значит: заявить о своей озабоченности по поводу случившегося (*certainly embarrassing for Ministers, but it is deeply worrying for those concerned with our national security*), о своем отношении, выражающемся в открытом осуждении (*sensitive MOD documents were found strewn behind a bus stop in Kent)* и обвинении, адресованном министру обороны (*This is not the first time that there have been known leaks based on classified documents from the MOD that have found their way beyond the MOD*), и, наконец, указать министрам на их должностные приоритеты (*Ministers need to do more to reassure the public and our forces personnel that they have a grip of their Department, and have taken actions to stop the series of security breaches at the Department*). Представляется, что из-за чрезмерной эмоциональности говорящего происходит смещение акцента с пропозиционального содержания высказывания на его эмотивный компонент – это заставляет думать, что выступающий делает все возможное, чтобы продемонстрировать электорату свое рвение и небезразличие к делам государственной важности.

Анализ ответной реплики министра обороны показывает обусловленность интенциональной структуры его выступления предыдущим высказыванием парламентария.

I will take all those points in turn. I share the right hon. Gentleman's concern over the incident. We take the loss of all data and documents very seriously. In direct answer to his question, the MOD police are involved as part of this investigation. On the timing, I have said "shortly". I hope that it will be in very short order. I hope that it will be as little as a week, but I cannot commit to that in case the investigation finds more stuff that they need to go into. I would hope that it will be a very short process indeed, and that we will be able to inform the House in Defence questions next week, but forgive me, Mr Speaker, if the investigation needs to take longer. We will explain that on Monday if so. <…> The investigation will be appropriately conducted, and we will see what we can learn to improve our procedures for the future [https://hansard.parliament.uk/commons/2021-06-28/debates/95AB5E0B-D666-4341-B687-1D9AF333C5F4/LossOfSecretDocuments].

Если в начале дебатов целью сообщения министра обороны было проинформировать парламент о принятых мерах, то отвечая оппоненту, он вынужден защищаться, то есть первоначальная интенциональная структура его выступления включает новые компоненты, а дискурс меняет траекторию развертывания. В ходе защиты министру приходится: присоединиться к точке зрения оппонента и признать его критику (*I share the right hon. Gentleman's concern over the incident. We take the loss of all data and documents very seriously*); подстраховаться на тот случай, если расследование не будет завершено в короткий срок (*I hope that it will be as little as a week, but I cannot commit to that in case the investigation finds more stuff that they need to go into; but forgive me, Mr Speaker, if the investigation needs to take longer*); обещать провести расследование должным образом и быть более осмотрительными в будущем (*The investigation will be appropriately conducted, and we will see what we can learn to improve our procedures for the future*). О неуверенности выступающего как доминанте его интенционального состояния на данный момент свидетельствует неоднократное употребления глагола *"to hope"*, выражающего надежду на возможность, но не твердую уверенность в успешном и быстром проведении расследования ("*I cannot commit to that"*) и преждевременное извинение за возможную задержку расследования (*forgive me*, Mr Speaker…).

Распознавание интенций служит основой понимания собеседника, его намерений – не только выраженных, но и скрытых, чего может не быть в подготовленной речи, даже той, что симулирует живое общение (например, интервью), но что важно в ***спонтанной коммуникации***, т.к. позволяет адекватно реагировать и ***сменить траекторию дискуссии*** через привнесение новых интенций в свой дискурс. Таким образом, в рамках

спонтанной коммуникации набор интенций, составляющих интенциональную структуру высказывания коммуниканта, ***контекстуально обусловлен и вариативен***. То есть, спонтанное взаимодействие подразумевает ***открытый и гибкий характер интенциональной структуры*** дискурса коммуниканта, допускающий изменения, что обеспечивает динамику общего дискурса дебатов.

Литература

Кобозева И.М. Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2007. URL: https://textarchive.ru/c-2253239-pall.html (дата обращения: 30.06.2021).

Куликова О.В. Интенциональность как мотивационная основа риторической аргументации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. Ч.I. Профессиональное общение: когнитивно-функциональный аспект. Серия Лингвистика. Вып. 519. С. 3–6.

Серль Дж. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Клодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Скнар Г.Д. Спонтанное диалогическое общение: тема и новая информация как реляционные концепты // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 258–263.

Словарь философских терминов / научная редакция В.Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005.

Reed Ch., Long D. Argumentation as Intention-laden Persuasive Communication // Working Notes of Computational Dialectics Workshop at FAPR96. Bonn, 1996. URL: http://babbage.computing.dundee.ac.uk/chris/ publications/1996/fapr 96 ws. htm (дата обращения: 30.06.2021).

O. V. Kulikova *(Moscow, Russia)*
MGIMO University

THE CATEGORY OF INTENTIONALITY IN SPONTANEOUS SPEECH INTERACTION (Featuring the Debates in British Parliament)

The article deals with the peculiarities of intentionality discursive realization in spontaneous speech interaction, namely: openness and flexibility of the intentionality structure, its variability and context dependence as well as both obvious and hidden intentions present in the intentionality structure.

Key words: intentionality category, spontaneous speech interaction, mental state, intentionality structure.

А. Э. Левицкий, Т. Н. Никульшина *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
andrelev@list.ru

ОТТЕНОЧНЫЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
(на материале русского и английского сказочных дискурсов)

Статья посвящена рассмотрению вербализации оттенков цвета в русском и английском сказочных дискурсах. Авторы подходят к анализу выявленных единиц номинации с позиций прототипической семантики, что позволяет рассмотреть данные лексемы как результат отклонения от базового цвета в сознании носителей языков. Оттенки могут восприниматься в сознании носителей языка регулярно, что приводит к появлению новой номинативной единицы.

Ключевые слова: категоризация, прототипическая семантика, вербализация, цветообозначения, сказочный дискурс.

Постановка проблемы и степень ее разработанности. Вопросы категоризации информации об окружающем мире относятся к наиболее актуальным в когнитивной лингвистике начала XXI века [Болдырев 2018; Василевич 2007; Кудря 2015; Харченко 2009]. Перспективным представляется анализ цветообозначений с позиций прототипической семантики, что позволяет рассмотреть цветономинации как результат от прототипического цвета.

Цель исследования заключается в выявлении отклонений от прототипического представления об определенном цвете в сказочном английском и русском дискурсе. Ключевой задачей является сформировать корпус оттеночных цветообозначений в английских и русских сказках и выявить их семантические и структурные особенности.

Объектом исследования избраны лексические единицы, обозначающие оттенки определенного цвета, в английских и русских сказках; **предметом** – их семантические, структурные и лингвокультурные особенности как результат категоризации информации о сказочном (вымышленном) мире.

Материалом исследования послужили по 200 английских и русских народных сказок, которые были изучены с помощью семантического и структурного анализа на основе **метода** прототипической семантики.

Цветообозначения играют важную роль в создании сказочного дискурса, учитывая фактор адресата – детскую аудиторию, для которой очень важно многогранное, разноцветное представление мира. Поскольку

сказочный дискурс является вымышленным, основанным на обыденном, зачастую наивном восприятии окружающего мира, который даёт основание для фантазии. Так, на основе реальности появляются *Змей Горыныч, ковёр-самолёт* и другие нереальные живые и неживые персонажи, предметы и явления. Речь идёт о комбинировании реальных и нереальных свойств, что приводит к поглощению первого из них вторым. Итак, фантазия в сказочном мире практически безбрежна, хотя всё же мы можем, с одной стороны, найти прототипы мира реального, а, с другой, создать прототипы нереального.

Цвет же в сказочном дискурсе не относится к сфере нереального, но его использование позволяет нам четко отличить одного персонажа, носящего одежды тёмного цвета, от другого, предпочитающего светлые тоны. Однако анализ семантики цветообозначений допускает взаимодействие разных элементов цветовой гаммы. Случаи комбинации базовых расцветок приводят к фиксации нового цвета (*красный + коричневый = бордовый*). Появление таких номинаций приводит к размыванию прототипов красного и желтого, что приводит к развитию новой категории – оранжевого цвета, пограничного между красным и желтым.

Прототип, имеющийся в сознании носителей языка, может параллельно существовать с новым прототипом, появившимся на его основе. Так, *бурый* определяется как «серовато-коричневый или серовато-рыжий» [ТСО]. Речь идет о двух вариантах его восприятия: *серый + коричневый и серый + рыжий*. Кроме того, *серый* представлен не в его прототипическом варианте, а в оттеночном (*сероватый*). Итак, прототип «цвет пепла и дыма» (серого) [ТСО] может взаимодействовать с прототипом «буро-желтого (цветом жареного кофе, спелого желудя)», т.е. коричневым [ТСО] или с прототипом «цвета меди, красно-желтый», т.е. рыжего [ТСО]. В первом варианте упоминание *коричневого* влечет за собой задействование желтого как «цвета яичного желтка» [ТСО], а во втором ещё и красного.

Как и наличие единиц *сероватый* как оттенка *серый*, с помощью аффиксации от номинации *желтого* появляется новая единица *желтизна*, определяемая как «желтый цвет, оттенок» [ТСО]. Параллельно язык допускает отсутствие новой номинации для нового качества, в данном случае – цвета (*темно-серый* или *желто-горячий*). Это ведет к фиксации оттенка цвета в его вербализации, к примеру, *light blue, dark blue, светло-зеленый, ярко-красный*.

Классический подход в теории прототипической семантики, предложенный Э. Рош, позволяет нам выявить наиболее характерных представителей определенного класса и проводить категоризацию, исходя

из его параметров (объём, форма, поведение, контакты, среда обитания, географическая зона и ряд других) [Rosch 1975].

Однако, данный подход, хоть и оставляет право за непрототипическими членами определенной категории считаться её составляющими, не фокусирует внимание на внешнем и / или внутреннем сходстве с представителями других категорий. Мы понимаем, что пингвин является птицей из-за наличия крыльев и перьев, а также кладки яиц. Вместе с тем, неспособность летать и возможность плавать дают основание сравнить его с другими живыми существами. Именно эта возможность интерпретировать свойства непрототипических членов категории приводит к появлению ошибочных умозаключений о его месте в мире живого. Так, для наивного, обыденного сознания пингвин представляется зачастую рыбой или млекопитающим. Такую же игру с обыденным сознанием провоцирует арбуз, являющийся ягодой.

С оттеночными цветообозначениями ситуация проще, так как они не могут покинуть свою категорию (*rich blue* всё равно определяется как *blue* и даже *багровый* понимается как *красный*). Однако их градация на шкале всё же будет периферийной, так как наличие атрибута, не говоря уже о другой номинативной единице, доказывает отклонение оттеночной номинации от прототипа.

Именно в рамках прототипической семантики была постулирована необходимость обращения к обыденному сознанию человека, к мотивированности его простейших поступков и решений при классификации явлений окружающей действительности. Рассматриваемые примеры объяснимы с точки зрения здравого смысла. Методы прототипической, фреймовой и композиционной семантики, наряду с традиционными методами структурной лингвистики, находят применение в попытках интерпретации и концептуализации мира человеком.

Э. Рош поставила вопрос о том, воспринимают ли люди принадлежность к категории как вопрос, решаемый однозначно, или же зависящий от степени соответствия определенной категории. К примеру, рассматриваются страусы, с одной стороны, как птицы или не-птицы, а, с другой, рассматривают ли они как птицы в некой степени приближения к прототипическим птицам [Rosch 1973].

Её подход к выявлению природы и сущности категорий известен как «теория прототипов и категорий базисного уровня», которая включает теорию прототипов, объясняющую устройство категорий, и теорию категорий базового уровня. Изучив такие категории, как мебель, птица, игрушка, одежда, Э. Рош пришла к выводу, что члены одной и той же категории

имеют разный статус в сознании человека. Среди них выделяются более или менее типичные представители [Rosch et al 1976].

Так, в алгоритме системного описания цветономинаций *серый* определяется как смешение черного и белого "*the colour that is a mixture of black and white*" [DC]. Кроме того, акцентируем внимание, что, хотя цветообозначение *pink* 'розовый', согласно подходу Б. Берлина и П. Кэя, относится к базовому [Berlin, Kay 1969], мы рассматриваем его как оттеночное, поскольку цветовое значение *pink* 'розовый' не является первичным и определяется относительно других базовых цветов: "*pink – the colour between red and white*" [CD]. Кроме семантических особенностей данного цветообозначения, отмечаем фрагментарность его употребления на фоне обширного эмпирического материала.

Трактовка в лексикографических источниках *голубого* посредством *синего* цвета и единичные примеры голубого цвета по сравнению с синим в русском сказочном дискурсе ставят под сомнение его статус как базового цвета в наивном подходе к пониманию мира [ТСВД, ТСО, ТСРЯ]. Добавим, что в английском языке нет отдельной лексемы для номинации *голубого*, он определяется лишь как оттенок *синего* (*light blue*). С точки зрения смысла *голубой* рассматриваем как оттенок *синего* (*голубой = светло-синий*) [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2005: 42] и анализируем его как оттеночное цветообозначение с семантикой синего цвета. При этом, согласно отмеченному выше подходу Э. Рош, речь может идти о разных уровнях реализации прототипичности. Отметим трактовку прототипичности как ядерной структуры, где периферию формируют оттеночные номинации. При этом ряд их может быть интерпретирован как элементы ближней и дальней периферии, в зависимости от сохранения доминантности ядерной (прототипической) семантики.

В целом, палитра оттенков в английском и русском сказочных дискурсах вербализируется посредством 68 и 51 номинации соответственно, с доминирующей позицией ядерного оттеночного цветообозначения с семантикой красного цвета как для англичан (*red* 'рыжий', *dark red* 'темно-красный', *bright red* 'ярко-красный', *the reddest* 'насыщенно-красный', *so red* 'насыщенно-красный', *pink* 'розовый', *rosy (rose)* 'розовый', *blushing* 'румяный', *scarlet* 'алый', *bloody* 'кровавый', *blood-red* 'кроваво-красный', *as red as blood* 'кроваво-красный', *as red as June roses* 'красный как июньские розы', *crimson* 'малиновый', *cherry-coloured* 'вишневого цвета', *cherry* 'вишневого цвета', *like cherries* 'вишневого цвета', *red rosy* 'насыщенно-розовый', *the reddest of ripe* 'самые красные из спелых', *as red as a turkey-cook* 'покраснеть как индюк'), так и для русских (*алый; багровый; румяна(ый) 1; зарумяниться как маков цвет; кровавый; лазоревый 1; малиновый; рыжий; черемный*). Красный цвет обладает большим

потенциалом, что объясняет наличие самой многочисленной группы оттеночных номинаций в языке английских и русских сказок.

Для носителей английского языка периферийная зона формируется оттеночными цветономинациями с семантикой *белого* (*white 1* ‘бледный’, *white 2* ‘седой’, *Milky-white* ‘молочно-белый’, *milk-white* ‘молочно-белый’, *white-milk* ‘молочно-белый’, *snow-white* ‘белоснежный’, *so white* ‘очень белый’, *white-haired* ‘седой’, *as white as milk* ‘белый как молоко’, *as white as snow* ‘белоснежный’, *as white as marble* ‘белый как мрамор’, *translucent alabaster* ‘полупрозрачный алебастр (алебастр – мелкозернистый гипс белого цвета)’) и черного (*black* ‘темнокожий’, *black-coal* ‘угольно-черный’, *as black as coal* ‘черный как уголь’, *black as night* ‘черный как ночь’, *as black as soot* ‘черный как сажа’, *as black as a crow* ‘черный как ворон’, *the blackest night* ‘самая темная ночь’, *the blackest black* ‘самое-самое черное’, *raven* ‘вороной’); для носителей русского языка – с семантикой *коричневого* (*буланый, бурый, гнедой, карий, румяный2, (а)ржаной, русый*), серого (*сед, седой, седой как лунь, сизый*, *сивый*) и черного (брови *черного соболя*; *вороной*).

Ближняя периферия оттеночного цветового сказочного пространства в английском языке моделируется лексемами, эксплицирующими оттенки желтого (*amber-colour* ‘янтарный цвет’, *blond* ‘цвета блонд’, *dirty yellow* ‘грязно-желтый’, *golden* ‘цвет золота’, *red gold* ‘цвет красного золота’, *golden-coloured* ‘цвет золота’, *sandy-coloured* ‘цвет песка’), для носителей русского языка – это оттеночные цветономинации с семантикой белого (*белый* ‘бледный’, Снегурка *как снежинка белая*, *белы как платочки, белее полотна*) и желтого (*золотой*).

Дальняя периферия цветового сказочного пространства в английском языке формируется оттеночными цветономинациями с семантикой коричневого (*bronzed* ‘бронзовый, загорелый’, *dark oak* ‘цвет темного дуба’, *hazel* ‘светло-карий; цвет лесного ореха’), серого (*silver* ‘серебристый’, *silvery* ‘серебристый’, *silvered* ‘серебристый’, *pale grey* ‘бледно-серый’, *silvery grey* ‘серебристо-седой’), синего (*light blue* ‘светло-синий, голубой’, *deep blue* ‘темно-синий’, *as blue as two forget-me-nots* ‘синие как незабудки’) и зеленого (*sea-green* ‘цвета морской волны’, *as green as grass* ‘цвета травы’, *so green* ‘насыщенно-зеленый’); русских – с семантикой *синего* (*голубой, голубенький, лазоревый2*).

К сложным цветообозначениям в языке английских сказок относятся следующие конструкции: 1) базовое цветообозначение + оттеночное цветообозначение – *red gold* ‘цвет красного золота’; 2) оттеночное цветообозначение + базовое цветообозначение – *silvery grey* ‘серебристо-серый’; 3) референт + базовое цветообозначение – *snow-white* ‘белоснежный’;

4) референт + лексема *coloured* | *colour* – *sandy-coloured* ‘цвет песка’, *amber-colour* ‘янтарный цвет’; 5) сравнительный оборот «as + базовое цветообозначение + as + референт» – *as white as snow, as black as a crow* ‘черный как ворон’, *as green as grass* ‘цвета травы’; 6) базовое цветообозначение в превосходной степени сравнения + базовое цветообозначение в положительной степени сравнения – *the blackest black* ‘самое черное’; 7) наречие степени + базовое цветообозначение – *so white* ‘очень белый’; 8) базовое цветообозначение в превосходной степени сравнения + объект с качественным признаком – *the reddest of ripe apples* ‘самые красные из спелых яблок’; 9) форманты светло-, темно-, ярко-, уточняющие интенсивность оттенка + базовое цветообозначение – *light blue* ‘голубой’, *deep blue* ‘темно-синий’, *dark oak* ‘цвет темного дуба’, *bright red* ‘ярко-красный’; 10) like + референт – *like cherries* ‘вишневого цвета’.

В русском сказочном дискурсе оттеночная семантика с помощью сложных конструкций представлена следующим образом: 1) оттеночное цветообозначение + как + референт – *румяна как маков цвет, седой как лунь*; 2) базовое цветообозначение в сравнительной степени + референт – *белее полотна*.

Выводы. Проведенное исследование доказало, что оттеночные цветономинации с позиций прототипической семантики могут быть выявлены как в описании действительности, так и вымышленных событий. Данные лексические единицы возможно представить в качестве ядерной структуры, где единицы прототипической семантики находятся в ядре, а периферию (ближнюю и дальнюю) формируют оттеночные цветономинации.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005.

Василевич А. П. Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007.

Кудря О. А. Вторичные цветообозначения в словаре и художественном тексте (на материале английского и украинского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2015.

ТСВД – Толковый словарь Владимира Даля. URL: https://slovar.cc/rus/dal

ТСО – Толковый словарь Ожегова. URL: https://slovarozhegova.ru

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: https://slovar.cc/rus/ushakov

Харченко В. К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское: свыше 4000 слов в 8000 контекстах. М.: Изд-во Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2009.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1969.

CD – Collin's Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com

Rosch E. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973. № 4 (3). P. 328–50.

Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. № 104 (3). P. 192–233.

Rosch E. H., Mervis C. B., Gray W. D., Johnson D. M., Boyes-Braem P. Basic Objects in Natural Categories // Cognitive Psychology. 1976. № 8 (3). P. 382–439.

A. E. Levitsky, T. N. Nikulshina *(Moscow, Russia)*
Moscow Lomonosov State University

SHADES OF COLOUR DESIGNATION VIEWED THROUGH THE PRISM OF PROTOTYPE SEMANTICS IN RUSSIAN AND ENGLISH FAIRY TALE DISCOURSE

The article deals with the shades of colours verbalization in Russian and English fairy tale discourse. The authors' approach to the lexemes analyzed is grounded upon prototype semantics to treat them as deviation of the basic colour in the minds of speakers. Regular appearance of shades leads to their designation by new lexemes.

Key words: categorization, prototype semantics, verbalization, colour names, fairy tale discourse.

О. В. Ломакина, И. В. Моклецова *(Москва, Россия),*
К. Б. Уразаева *(Нур-Султан, Казахстан)*
Московский педагогический государственный университет,
Российский университет дружбы народов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
rusoturisto07@mail.ru; irvasmok@mail.ru; kuralay_uraz@mail.ru

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Статья посвящена изучению текста художественной литературы с позиций когнитивной лингвистики. Показано, как формируется аксиологическая направленность в рассказах А. П. Чехова на примере концептов СМИРЕНИЕ и СМИРЕННОМУДРИЕ. Представлены лексические и фразеологические способы репрезентации концептов, благодаря чему создаётся пародийный текст.

Ключевые слова: концепт, СМИРЕНИЕ, СМИРЕННОМУДРИЕ, художественный текст, А. П. Чехов.

Изучение индивидуального стиля писателя связано с описанием его концептосферы, которое «подразумевает последовательное рассмотрение отдельных концептов в контексте всего творческого наследия писателя» [Ломакина 2019: 781]. Толкование концептов в лингвистической литературе, как правило, начинается с определения, данного в лексикографических источниках, чаще – толковых словарях. Е. С. Кубрякова отмечает, что «дефиниция слова в словаре <…> есть нечто усреднённое и устанавливаемое лексикографом» [Кубрякова 2009: 71], что может привести к неточным выводам. Характеристика когнитивной структуры, несмотря на субъективный характер конкретной языковой личности, отражается в концептуальной структуре знака [Кубрякова 2009: 72].

Применение когнитивного анализа к произведениям художественной литературы, запечатлевающей авторские интенции, позволяет понять наполнение концептов и охарактеризовать концептосферу писателя – «языковую систему, преломлённую через призму как общекультурных, так и индивидуально-авторских концептов» [Амелина, Ломакина 2018: 3].

Православные концепты СМИРЕНИЕ и СМИРЕННОМУДРИЕ составляют фрагмент концептосферы А. П. Чехова, для интерпретации которых в системе ценностных доминант Чехова особое значение обретают библейские истоки трактовки. Вслед за Евангелием концепт СМИРЕНИЕ является одним из определяющих православное сознание. В словах Христа, обращенных и ко всему миру, и к каждому отдельному человеку: «Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11: 28–30), заключена основная идея вероисповедания.

Религиозно-семантическая концепция смирения и смиренномудрия получила воплощение в русской паремиологии. Так, в примерах, приведённых В. И. Далем, подчеркнута важность благословления Богом и противопоставление гордости: *Смиренье – Богу угожденье, уму просвещенье, душе спасенье, дому благословенье и людям утешенье; Смирение паче гордости* [ТСД: 288]. В. И. Даль определяет смирение как ‘сознание слабостей своих и недостатков, чувство сокрушенья, униженья, раскаянья, скромность в разных степенях». *Смиренномудрие* показано как религиозная лексема: ‘стяжите… <…>, соединяя мудрость со смирением, поборов всякое кичение духа’» [ТСД: 288]. Лексикографические источники XIX в. фиксируют роль смирения как одной из ценностных доминант православного общества, а смиренномудрие – как следующий этап духовной жизни, связанный с обретением мудрости.

Современное восприятие и толкование концепта СМИРЕНИЕ претерпело значительное влияние идеологем, что обусловило отрицательную коннотацию аксиологически маркированных вариантов лексемы. Толковый словарь считается основным типом лексикографии, где находит отражение лексический ресурс языка определённого периода, соответственно, ограничения «Толкового словаря русского языка», коснувшиеся трактовки *смирения*: ‘отсутствие гордости, готовность подчиняться чужой воле, показное’ [СОШ: 725] – стали результатом влияния экстралингвистических факторов. Несмотря на представление семантики лексемы *смирение* через антоним *гордость*, как и в дореволюционное время, Бог – часть дихотомии «своё – чужое» и обозначался эвфемистически (‘чужая воля’).

Зафиксированные в современных словарях значения фразеологизмов, включающих религиозные лексемы, в том числе *смирение* и *смиренномудрие*, отражают обытовление аксиологических понятий, двоеверного контекста их толкования. Широкую распространенность такого явления подтверждает изучение констант мировой культуры (Ю. С. Степанов).

Лингвопрагматический аспект изучения аксиологически маркированных единиц позволяет утверждать, что смысловое единство художественного произведения достигается за счёт выверенного в соответствии с контекстом значения слова, его «обертонов смысла» (Б. А. Ларин).

Изучение аксиологии Чехова способствует установлению в его поэтике лексем, обладающих манипулятивным потенциалом. Обнаружение риторической функции аксиологического словаря в рассказах писателя обусловлено способностью концепта вносить «изменения в накопленное нацией, культурой или конкретным человеком» [Ломакина 2006: 19]. Трактовка концептосферы писателя содержит интересные перспективы для исследования мировоззренческих и эстетических координат художественного мира. В этом отношении исследование способов репрезентации концептов СМИРЕНИЕ и СМИРЕННОМУДРИЕ в рассказах А. П. Чехова 1885 г. – «Злоумышленник» и «Капитанский мундир» как аксиологических дескриптов чеховской системы мировоззрения и обытовления аксиологии как источника пародийного текста – позволяет охарактеризовать источники и своеобразие пародии, выявив признаки аксиологически маркированного текста как черты идиостиля писателя.

В рассказе «Злоумышленник» вплоть до развязки автор строит сюжет как комическое непонимание Денисом Григорьевым сути обвинения, оценки дела, ставшего привычным и для него, и всей деревни, как преступления. Конфликт между предсказуемым наказанием и неосознаваемой

героем виной, вписанный в риторику оправдания, определяет центральную роль в композиции рассказа диалога героя с судебным следователем. Комическое напряжение создается риторической модальностью – назидания – с позиций двух некоррелирующих правд: официальной, которую защищает следователь, и народной – климовских мужиков.

Преступление и наказание – фабульная схема рассказа – трансформируется в сюжет неразрешимого столкновения двух правд. На сюжетном уровне драматические последствия промышленной революции для русского крестьянства создают формулу «без вины виноватого». Искреннее недоумение Дениса Григорьева и его назидательный тон, уверенность в невиновности подкрепляются апелляцией, вербализованной фразеологизмами с компонентом *Господи*: *избави господи, слава те господи* и под.– обладает значением двойного пародирования. С одной стороны, это сознание зависимости и бесправности, с другой – апелляция к Богу выражает ритуализованную форму упования на милость свыше, надежду на прощение. Это пример корреляции смирения со смиренномудрием, поскольку герой не видит вины в поступке. Денис мыслит обобщенными категориями, а принадлежность к родовому сознанию обладает для него искупительной силой.

Анонимность следователя, персонифицирующего правосудие, противопоставлена выразительной номинации климовских персонажей: это железнодорожный сторож Иван Семенов Акинфов; Игнашка, сын кривого Семена; братья Дениса, Кузьма и Егор. Антропонимика формирует рецептивные ожидания при помощи знаковых комплексов, типичных для смеховой культуры и приобретает пародийное звучание. Опознание человека по внешним особенностям в коннотациях, омонимично построенных на переносе из быта: *кривой* вместо *косоглазый, колченогий* вместо *хромой* и др. становятся источником языковой игры со стертыми источниками вторичной семантики. Пародийный стиль является воспроизведением комического в стилистической организации текста, когда фразеологизмы и просторечная лексика выявляют двойную функцию языкового сообщения с денотативным и коннотативным значениями концепта.

Лексико-семантический уровень пародирования придает особую экспрессию речевому поведению героя. Самооправдание героя облечено в демонстративно-уничижительное осознание своего социального неравенства: *Мы люди темные… нешто мы понимаем?*. Интересны способы психологической мотивации *вины / безвинности*: *Было б за что, пошел бы, а то так… здорово живешь… За что?*. Тяжкое в православном аксиологическом смысле понятие греховности, переданное посредством фразеологизма *креста нет* (‘о бессердечном, бессовестном человеке’

[ФСРЯТ: 122]): ***Креста*** *на нем* ***нет****, на старосте-то* – иллюстрирует обытовление религиозных ценностей и «сердечного» знания народом Христа.

Риторика оправдания «маленького человека» структурируется фразеологическими единицами: *Хоть и высеки, но чтоб* ***за дело, по совести*** (‘по заслугам, не напрасно’ [ФСРЯТ: 64]; ‘правильно справедливо’ [ФСРЯТ: 268]). Чехов прибегает к сочетанию в пределах минимального контекста различных устойчивых единиц, благодаря чему создаётся фразеологическая конфигурация, которая усиливает экспрессию высказывания, ряд из которых служат репрезентантами рассматриваемых концептов: ***Дураком*** *каким* ***прикидывается****!* ***Точно вчера родился*** *или* ***с неба упал****. Разве ты не понимаешь,* ***глупая голова****, к чему ведет это отвинчивание? Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты людей убил бы! –* ***Избави господи****,* ***ваше благородие****! Зачем убивать? Нешто мы некрещеные или злодеи какие?* ***Слава те господи****,* ***господин хороший****,* ***век*** *свой* ***прожили*** *и не токмо что убивать, но и* ***мыслей*** *таких в голове* ***не было****…* ***Спаси и помилуй****,* ***царица небесная****… Что вы-с!*

Обычно повороты сюжета связываются с коллизиями и психологической мотивировкой действий героя. Авторская реплика вводит в рассказ мотив прозрения и предчувствия Дениса перед неотвратимостью наказания: *Денис переминается с ноги на ногу, глядит на стол с зеленым сукном и усиленно мигает глазами, словно видит перед собой не сукно, а солнце. Герой мигает, словно ослепленный солнцем*. Обезличенная правота следователя контрастирует со скрытой, опосредованной коннотацией смиренномудрия героя, опирающегося в сознании правоты на высшую для него правду, связанную с народом и высшей силой.

В рассказе «Капитанский мундир» концепт СМИРЕННОМУДРИЕ обрастает признаками социальной маркированности и психологической конкретности. Целостность чеховского пародийного текста обусловлена спецификой хронотопа – созданием профанного пространства (*в кабаке дяди Рылкина),* где пространные рассуждения Меркулова о социальном разделении сопровождаются снисходительным авторским: *все трое были выпивши* – и делегируют герою мнимую инициативу. Развязка истории также приходится на профанное пространство: около трактира «Веселие» обстоятельства сводят Меркулова с капитаном Урчаевым в новом и неоплаченном мундире: *Новый мундир его был весь в мелу, одна погона глядела в сторону.*

Социально-речевые портреты героев создают лексический пласт пародийного текста. Широкое присутствие разговорной лексики (*mane-*

рича, таперя, завсегда, окромя) объясняется языковой репрезентацией портного Меркулова. Особой экспрессией аргументативности обладают выражения Меркулова: *ну-с, это самое, ан нет, Да нешто впервóй мне это самое? Размахнулись и – трах!*, которые обладают двойной событийностью. С одной стороны, это рассказ наблюдательного мастерового, своеобразно классифицирующего чины гражданского и военного сословия и подмечающего их различия с точки зрения расходов на ткани и фурнитуру при пошиве мундира; с другой – выразительный в риторическом отношении рассказ «маленького человека». Формулы *дозволите* и *поди-кась угоди* иллюстрируют риторику подчинения как выражение смирения героя.

Полисемантичность мундира расширяется созданием писателем окказиональных вариантов: таково пародийное именование Меркуловым дьячка *длиннополой кутьей* (в духе простонародной этимологии). Вместе с тем степень сравнения: *Мундир – не подходи!* – обладает афористичностью. Пародирование Чеховым риторики чувств героя продолжает своего рода амплификацию мундира в его знаковой сущности. Пародийный стиль Чехова включает прием амплификации и такого плана. *Со спины Меркулова посыпался уголь, из глаз – искры, из рук выпала шапка* – здесь импликация фразеологизма *искры из глаз посыпались* [ФСРЯТ: 100] выявляет смирение героя в ответ на грубость капитана.

Комическая антропонимика вплетается в структуру пародийного текста нарративной природой. Прозвище городового – *Жратва* – актуализирует аксиологическую оценочность (чревоугодничество) и типологизирует его действия. Бранная лексика (*остолоп, дура*), употребляемая Меркуловым по отношению к равным ему в социальном плане людям и жене Аксинье, пародируется как риторическая модальность со стертой экспрессией. Вместе с тем герой способен демонстрировать смиренномудрие. Таково его обращение к Аксинье с просьбой занять денег: *Ваше благородие* и *братец ты мой.*

Широкий и выразительный диапазон средств языкового поведения мастерового передается и в пародийном превосходстве человека, владеющего подлинной правдой. Убежденность в своей правоте отражает опору на фразеоресурсы языка: *утрет нос* (‘превзойти кого-либо в чём-либо’ [ФСРЯТ: 173]). Для речи Меркулова характерны выражения со сниженной стилистической, вульгарной окраской: ***белены*** *баба* ***объелась*** (‘обезумел, одурел’ [ФСРЯТ: 16]), обытовленной формой божбы, клятвы: *побей меня бог* (здесь в значении: *не верится*). Стертость и вторичная семантика в речи портного очевидны на фоне просторечия капитана Урчаева: *гони*

в шею! (‘грубо выгонять’, [ФСРЯТ: 50]); *убираться к чёрту* (‘пожелание уйти прочь тому, кто надоел, от кого хотят избавиться’, [ФСРЯТ: 320]), *тля* (обращенное к Меркулову).

Профанированной и подвергшейся испытанию правде Меркулова противопоставлено антропонимическое «поведение» Аксиньи, правда которой поддержана библейской этимологией: она называет мужа *анафемой*, *идолом*. Фразеологизм *будет тебе дома* ***на орехи****!* (‘о наказании, ожидающем кого-либо’ [ФСРЯТ: 182]) отражает присутствие духа и рассудительность. Двойственной природой обладает удивляющие Аксинью *блаженная улыбка, на смеющихся глазах блестели слезы*. Доверие «маленького человека» освященности действий вышестоящим чином обусловлено аксиологически – смирением и смиренномудрием: *Настоящие господа ежели шьют, то не смей их беспокоить. Снял мерку и шей, а* ***ходить примеривать да прифасониваться никак невозможно. Ежели ты стоющий портной, то сразу по мерке сделай****… С колокольни спрыгни, в сапоги попади – во как!*.

Итак, аксиология Чехова формируется концептосферой, включающей фразеологические средства, наивно-стихийное обытовление религиозных установлений и православно-аксиологического словаря. Пародия, созданная писателем, реализована риторически ритуализованными стратегиями-концептами *СМИРЕНИЕ* и *СМИРЕННОМУДРИЕ*. Когнитивный анализ позволяет представить не только концептосферу писателя, но и аксиосферу с выявлением системы ценностных координат.

Литература

Амелина Н. В., Ломакина О. В. Роль фразеологических средств в создании концепта «вера» (на материале текстов Л. Н. Толстого) // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 3–6. Т. 1.

Кубрякова Е. С. О концептах, схваченных знаком // Studia Linguistica XVIII. Актуальные проблемы современного языкознания. СПб: Политехника-сервис, 2009. С. 35–39.

Ломакина О. В. Фразеологические средства вербализации концепта «смерть» в творчестве Л. Н. Толстого // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 780–785.

Ломакина О. В. Фразеология народных драм Л. Н. Толстого: состав и особенности употребления: дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2006.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Русский язык, 1995.

ТСД – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: ТЕРРА, 1998. Т. 4.

ФСРЯТ – Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. М.: Русский язык, 2003.

O. V. Lomakina, I. V. Mokletsova *(Moscow, Russia),*
K. B. Urazaeva *(Nur-Sultan, Kazakhstan)*
Moscow State Pedagogical University,
Peoples' Friendship University of Russia;
Lomonosov Moscow State University;
L. N. Gumilyov Eurasian National University

ANALYSIS OF ARTISTIC TEXT IN THE PERSPECTIVE OF COGNITIVE LINGUISTICS

The article deals with the study of the text of fiction from the standpoint of cognitive linguistics. It shows how the axiological orientation is formed in the stories by A. P. Chekhov, taking the concepts of HUMILITY and HUMBLENESS as an example. The lexical and phraseological ways of representing concepts are presented due to which a parody text is created.

Key words: concept, humility, humbleness, literary text, A. P. Chekhov.

А. С. Макарова *(Москва, Россия)*
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова;
Высшая школа печати и медиаиндустрии
Московского политехнического университета
aleste_63@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ *РАЙ – АД* В СЕКУЛЯРНОМ И ПРАВОСЛАВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье предпринимается попытка сопоставления употребления концептов РАЙ – АД в секулярном и православном медиадискурсе. Функционально-когнитивный анализ позволяет выявить различия в употреблении доминантной концептуальной оппозиции РАЙ – АД и обозначить причины данного феномена.

Ключевые слова: секулярный, православный медиадискурс, концептуальная оппозиция РАЙ – АД.

Проблема взаимовлияния и взаимопроникновения языка и культуры находится в центре внимания современного языкознания. Фундаментальные понятия, лежащие в основе культуры, во многом определяются картиной мира, носителем которой является народ. Религия оказывает влияние на восприятие и понимание новыми поколениями уже сформировавшейся картины мира, а язык позволяет выявить и определить эти особенности. «Религиозность является одной из отличительных черт славянских народов, что дает основание говорить о существовании религиозной картины мира как фрагмента языковой картины мира» [Ломакина, Мокиенко 2019: 55].

С принятием христианства на Руси меняется не только общественная жизнь, но и язык, в котором появляются новые понятия, непосредственно связанные с библейскими текстами. Религиозный дискурс отличается особой концептосферой, «которая выделяет его среди прочих типов институционального общения (научного, экономического, политического и пр.). Например, вся система ценностей религиозного дискурса может быть представлена как системные оппозиции, так как практически все понятия, относящиеся к разряду ценностей, имеют свою противоположность или «антиценность»: истина-ложь, земное-божественное, добро-зло, жизнь-смерть» [Макарова 2019: 227]. Таким образом концепты РАЙ – АД являются частью языковой православной картины мира и могут вступать в отношения бинарной оппозиции.

Изучение религиозных концептов привлекает внимание лингвистов, культурологов, теологов, философов, религиоведов, историков, анализ религиозных и секулярных текстов позволяет достичь адекватного восприятия заложенной в них информации и отследить тенденции функционирования религиозных концептов. Сегодня в научном дискурсе наметилась тенденция к анализу взаимодействия института церкви с массмедиа, в том числе вектор научных исследований направлен на религиозное медиаречетворчество, на язык религиозного медиадискурса. Наш научный интерес лежит в сфере анализа функционально-когнитивного потенциала концептуальной оппозиции РАЙ – АД. Поэтому в качестве эмпирического материала мы остановили свой выбор на текстах секулярной и православной журналистики. При этом «<…> мы придерживаемся мнения, что православная журналистика представляет собой профессиональную деятельность в СМИ, которая освещает актуальную повестку дня, но также говорит о вечных истинах» [Макарова 2019: 225].

Методология исследования базируется на функционально-когнитивном методе, используемом для выявления языковых средств, с помощью которых передаются тематические и прагматические идеи медиатек-

стов, сопоставительно-аналитическом методе, позволяющем определить особенности употребления и функционирования концептов в отобранных медиатекстах светской и православной тематики, концептуальном анализе, который помогает изучить и определить семантическую сочетаемость и наполняемость религиозных концептов. При отборе эмпирического материала на сайте Национального корпуса русского языка и публикаций православного журнала «Фома» использовался приём сплошной выборки.

Отметим, что религиозный дискурс и его субдискурсы, в данном случае православный медиадискурс [Макарова 2018], основывается на определённой системе архетипов и концептов, которые реализуются в дискурсивной практике через свойственное именно этому дискурсу семантическое наполнение, так как «<…> православный религиозный дискурс выделяется среди прочих типов институционального общения особой миссией, связанной с восстановлением частично утраченной концептосферы, в связи с чем представляет собой лакуну в языковой картине мира современного россиянина» [Макарова 2019: 107].

Концепт как ментальная единица обладает сложным строением, где имеется центр и периферия, которые дополняют и развивают сам концепт. Концептуальный центр рая и ада представляется универсальным для большинства христианских культур. В словаре русского языка (МАС) лексема *рай* – «1. Во многих религиях: место, где души умерших праведников ведут блаженное существование; 2. Сад, где, по библейскому сказанию, жили Адам и Ева до грехопадения; 3. перен. (часто в сочетании с прил. „земной“). Красивое место, доставляющее удовольствие, наслаждение» [МАС 3: 637]; лексема *ад* – «1. Во многих религиях: место, где души умерших «грешников» подвергаются вечным мукам; 2. Обстановка, условия, пребывание в которых мучительно, невыносимо. 3. О нравственных страданиях, душевных муках, испытываемых кем-л.» [МАС 1: 25].

Вначале рассмотрим представление о рае и аде в статье под названием «Рай и ад. Что знает о них христианин?», опубликованной в № 3 журнала «Фома» за 2014 г. Автор данного медиатекста православный публицист С. Худиев поясняет, что говорить о рае трудно, так как рай выходит за пределы человеческого опыта. Однако «рай абсолютно реален, по́длинен, несомненен – более реален, чем тот мир, в котором мы живем сейчас – но мы можем говорить о нем только иносказательно. Различные метафоры могут быть полезны потому, что <…> когда речь идет о духовных реальностях, язык неизбежно становится образным, метафорическим; и Писание говорит о рае, используя знакомые нам образы», а именно Дом, Сад, Город, Царство, Брачный Пир [«Фома» № 3 2014].

Перейдём к анализу контекстов, иллюстрирующих образность концепта рай в православном медиатексте, ряд из которых представляет собой авторскую дефиницию, т.е. снабжены метаязыковым комментарием.

«***Рай – это наш родной дом**; мы предназначены для него, а он – для нас. Мы не уходим в далекую страну; напротив, **мы возвращаемся домой***».

«***Писание называет рай городом – небесным Иерусалимом***».

«***Другой образ рая – это сад**. Персидское слово "**парадиз**", вошедшее во многие языки для обозначения **рая**, первоначально и означало "**огороженный со всех сторон сад**". **Сад** – образ, говорящий о природе. <…> Природа – это **огромный собор**, и когда мы входим под своды зимнего леса, мы понимаем, что мы – **в храме***».

«*Другой образ **рая** – это образ **Царства**. В наше время "царство" часто понимают как "страну", "территорию". В Евангельские времена речь шла о другом – о владычестве. Мы принадлежим к **Царству Божию**, если **наш Царь – Христос**. Как говорит Он сам, **Царствие Божие** внутрь вас есть (Лк 17: 21)*».

«***Христос говорит о рае как о свадебном пире**. <…> **В Раю** будет утолена глубочайшая жажда человеческого сердца – мы придем к самому **Источнику** всякого добра, красоты и истины, чтобы никогда больше не покинуть Его*».

Расширение концепта обнаруживается в следующем толковании: «***Рай – место утешения**; **Лазарь**, тяжко страдавший в земной жизни, **утешается в раю**; **Господь** обещает утешение плачущим, а **Откровение Иоанна** говорит, что отрет **Бог** всякую слезу с очей их (Откр 21: 4)***».

Итак, в православном медиадискурсе представлено шесть образов концепта РАЙ, которые лишь частично пересекаются со смыслами, предложенными толковым словарём современного русского языка (МАС).

Рассуждения публициста об аде концептуально и прагматически отличаются от контекста, посвященного раю. Здесь лишь одна, характеризующая ад метафора: «*если мы откажемся войти в дверь, мы останемся за дверью* (дверь Рая – *прим. А. С.*), ***во тьме внешней***». Главной мыслью публициста является мысль о свободе человеческого выбора, подаренной Творцом, а не запугивание муками ада. «*Двери **Рая** широко распахнуты; нас всех настойчиво приглашают. И **Писание**, и **Предание** постоянно уверяют нас, что любой человек, каким бы грешным он ни был, может покаяться, уверовать и спастись. Первым в **рай** попал разбойник, распятый по правую руку от **Господа***» [«Фома» № 3 2014]. По мнению автора, разговор о рае и аде не является теоретизированием, а христианская жизнь – это не страх ожидания ада в конце земного пути, потому что

христианин верит, что Спаситель может и хочет избавить нас от страшной участи. В связи с этим логичным представляется завершение статьи словами о вере, которая означает новую жизнь для нас, и когда «*свет, исходящий из* ***рая****, освещает наш путь, мы понимаем, как мало на самом деле от нас требуют, и как много мы обретем*» [«Фома» № 3 2014].

Главной чертой употребления лексем *рай* и *ад* в православном медиатексте, помимо приёма метафоризации, является постоянные отсылки к священным текстам (*Писание, Предание, Откровение Иоанна*) и использование библейских прецедентных имён и топонимов (*Иерусалим, Христос, Лазарь* и т. д.) для придания авторитетности публикации. Прагматику статьи усиливает значительное количество употреблений лексемы *рай* включая её синонимы *Царствие Божие* и *парадиз,* имеющие книжную стилистическую окраску.

В примерах из секулярной журналистики концептуальная оппозиция РАЙ – АД выглядит вполне предсказуемо, подтверждая мнение Е. В. Бобыревой, что есть «концепты, первоначально возникнувшие в рамках религиозного дискурса, а затем вышедшие за указанные рамки и функционирующие одинаково в религиозном дискурсе и сфере, далекой от религии: ад, рай <…>» [Бобырева 2008: 165].

В первом примере рай и ад представлены как локативы, т.е. в первом значении – ‘место для умерших’:

«Многие мои ровесники до сих пор не определились, куда они хотят попасть – ***в рай или в ад, какие духовные ценности им ближе – христианские, буддистские или мусульманские****»* [lenta.ru, 2016.10.11].

Несколько контекстов содержат локатив – значение ‘место’, где красиво (рай) и невыносимо (ад):

«Лаконичный и при этом изобилующий метафорами роман колумбийского писателя о том, как ***война превратила страну из гипотетического рая во вполне реалистичный ад****»* [lenta.ru, 2019.03.07].

*«****По сравнению с прежним домашним адом у Кати был просто рай****»* [lenta.ru, 2019.03.04].

*«****А для нас придуман какой-то отдельный рай, мало чем отличающийся от ада****»* [Новая газета, 2018.08.04]. О России

*«Скандал начался после того, как в газете «Московский комсомолец» была опубликована статья члена «Общественной наблюдательной комиссии» Евы Меркачевой с названием «****Ад в “Матросской тишине” соседствует с “пятизвездочным” раем для богатых****»* [Коммерсант, 2018.01.12].

*«****Россия превращена либералами в налоговый рай для миллиардеров и ад для всех остальных****»* [Московский комсомолец, 2017.05.12].

«Это и есть путь европейской социал-демократии, и, думаю, только он смог ***превратить капиталистический ад в некое подобие рая всеобщего благосостояния»*** [Известия, 2012.06.18].

«Это лишнее доказательство того, что не все с благими целями брали наших детей и что свои проблемы надо решать самим, а не полагаться, что придут добрые родители из Америки и ***обеспечат нашим детям рай, который порой превращался вот в такой ад****», – заявил Астахов* [gazeta.ru, 2016.03.11].

«Крымчане, с кем я разговаривала, отлично понимают: ***они не едут в рай– но они точно знают, что избежали ада****»* [Известия, 2014.03.16].

Отметим, что в большинстве примеров авторы употребляют лексемы *рай* и *ад* в составе атрибутивных словосочетаний, что объясняется как тематикой публикации, так и ее прагматикой (*домашний ад*; *отдельный рай, мало чем отличающийся от ада*; *"пятизвездочный" рай*; *капиталистический ад; рай всеобщего благосостояния* и т.д.).

Употребление лексем *рай* в значении 'красивое место, доставляющее удовольствие, наслаждение' и *ад* – 'нравственные страдания, душевные муки' обнаружено в следующих контекстах:

«Все остальное – их собственное дело, ***внутренний рай и ад****»* [Новая газета, 2017.12.20].

«Пьеса фиксирует ***способ их миграции от ада к раю, от хаоса – к гармонии, от жизни – к исчезновению, от состояния "живой мертвец" – к состоянию "живая душа"»*** [Новая газета, 2015.09.09].

«После этого ада земного, видимо, все что угодно покажется раем» [Комсомольская правда, 2007.08.07].

*«О случившемся Мари-Жозеф написал книгу "****Из ада в рай: 10 лет ожирения****"»* [Труд-7, 2003.06.19].

«А может быть, он ***вечный ученик, терзаемый раем и адом режиссерской профессии****, который утверждает, что "если изучаешь профессию и владеешь ею в совершенстве, то всегда находишься в пограничной ситуации"»* [Труд-7, 2002.05.14].

«Весь этот природный рай и человеческий ад перемешиваются между собой» [Труд-7, 2001.02.20].

В рассмотренных выше примерах также имеется употребление атрибутивных словосочетаний (*внутренний рай и ад; ад земной; природный рай и человеческий ад* и т.д.), антонимических градаций (*от ада к раю, от хаоса – к гармонии, от жизни – к исчезновению, от состояния "живой мертвец" – к состоянию "живая душа"*).

Главной отличительной чертой функционирования лексем *рай* и *ад* в секулярном медиадискурсе является их бинарное употребление во всех представленных контекстах.

Функционально-когнитивный анализ православных и секулярных медиатекстов, репрезентирующих концепты РАЙ и АД, позволил прийти к выводу, что они находятся в бинарной оппозиции. Следует отметить, что в секулярном медиадискурсе контекстное окружение концептов лексемами, вербализующими их смыслы, подчеркивают и дополняют содержание двух концептов, что характерно для данного типа дискурса. Православный медиатекст отличает наличие отсылок на священные тексты, большое количество метафор и библейских прецедентных феноменов, подтверждающих авторитетность мнения автора публикации.

Литература

Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности и жанры // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2008. № 1. С. 162–167.

Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Концептуальная дихотомия «Бог» – «Дьявол» в русинской фразеологии и паремиологии (на славянском фоне) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 55–62.

Макарова А. С. Православный публицистический дискурс: общая характеристика и основные направления развития // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Материалы III Международной научно-практической конференции. Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2018. С. 366–370.

Макарова А. С. Православная картина мира в религиозном медиадискурсе: к постановке проблемы // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists // Scientific Journal “West-East”. Vol. 2/1 № 1 (October, 2019) Tbilisi. 2019: Publishing House “Universal” P. 104–108. DOI: https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-104-108 (дата обращения: 23.06.2021).

Макарова А. С. Православный публицистический дискурс в современной гуманитарной парадигме: отличительные черты // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2019. № 4. С. 223–230.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Т. 1. А–Й. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

МАС – Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. В 4-х т. Т. 3. П–Р. М.: Русский язык, 1984.

Национальный корпус русского языка URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 23.06.2021).

Православный журнал «Фома». 2014. № 3 URL: https://foma.ru/raj-i-ad.html (дата обращения: 23.06.2021).

A. S. Makarova *(Moscow, Russia)*
St. Tikhon's Orthodox University, Plekhanov Russian University of Economics, Graduate School of Press and Media Industry of Moscow Polytechnic University

CONCEPTUAL OPPOSITION *HEAVEN – HELL* IN SECULAR AND ORTHODOX MEDIA DISCOURSE: FUNCTIONAL–COGNITIVE ANALYSIS

The article attempts to compare the use of the concepts of HEAVEN – HELL in secular and Orthodox media discourse. Functional-cognitive analysis allows us to identify the differences in the use of the dominant conceptual opposition HEAVEN – HELL and identify the reasons for this phenomenon.

Key words: secular, Orthodox media discourse, conceptual opposition HEAVEN – HELL.

А. П. Миньяр-Белоручева *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ostvera@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

Дискурсивные практики истории как процесса интерпретации и репрезентации знания об историческом прошлом в историческом дискурсе находятся в фокусе данной работы, цель которой заключается в анализе языковых средств, конструирующих мир канувших в Лето веков.

Ключевые слова: дискурсивная практика, исторический дискурс, эпоха.

Согласно Е. С. Кубряковой, новая реальность языка, которая является «очень сложной и очень богатой по своему содержанию» [Кубрякова 2012: 124], непосредственно связана с разнообразными дискурсивными практиками, характерными для коммуникативной среды как настоящего, так и прошлого. Понятие «дискурсивные практики», введенное в научный оборот Мишелем Фуко, определяется как «совокупность анонимных исторических правил, устанавливающих условия выполнения функций высказывания в данную эпоху и для данного социального, лингвистического, экономического или географического пространства. Эти правила, или дискурсивные практики, всегда являются определёнными во времени

и пространстве» [Фуко 1994]. В данном исчерпывающем определении акцентируется внимание на темпорально-пространственном аспекте дискурсивных практик, что является весьма актуальным для анализа исторического дискурса, под которым понимается совокупность концептуально связанных текстов, относящихся к области истории. Посредством дискурсивных практик историки конструируют мир исторического прошлого с высоты эпистемы – формы познания, характерного для каждой отдельно взятой исторической эпохи, образующей свой уровень «культурного знания» [Фуко 1994]. Дискурсивные практики, относящиеся к одной из базисных категорий теории дискурса, выполняют ту же функцию, что и эпистема [Фуко 1994], которая, будучи динамической структурой, обусловливает систему мышления, выражающую образ мыслей посредством языковых средств, характерных для конкретного исторического периода, что приводит к моделированию новых коммуникативных практик, создающих аппарат производства знания [Фуко 1994]. При этом, считают ученые, специфика дискурса определяется контекстом знаний [Болдырев, Дубровская, 2016] его создателей. Дискурсивные практики, соотносящиеся со способами репрезентации различных мнений в историческом дискурсе формируют мир исторического прошлого.

Изучение дискурсивной практики как «процесса воспроизводства и потребления текста» [Йоргенсен, Филлипс 2008: 120] связано не только с именем М. Фуко, но с именами Ж. Дерриды и Ю. Кристевой, теоретически обосновавших означенное понятие, Н. Фэркло, изучавшим сопряжение дискурсивной практики и недискурсивной (физической) практики, ван Дейка, разработавшего идеологическую составляющую дискурсивных практик, М. В. Йоргенсен и Л. Филлипс, рассмотревших дискурсивные практики с позиций разных методологических школ. Отечественные ученые Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, П. А. Чудинов, О. С. Иссерс, А. Н. Баранов, О. Г. Дубровская, научные произведения которых послужили методологической основой данной статьи, внесли существенный вклад в разработку такого сложного феномена как «дискурсивные практики».

В задачи настоящей работы входит краткий обзор дискурсивных практик историков, язык которых структурирован в соответствии с эпистемой, обусловившей их паттерны, и которые, несмотря на стремление к объективности, не могут сконструировать нейтральный мир исторического прошлого. Исторический дискурс отражает представление историков о канувших в Лето веках. В дискурсивных практиках истории воспроизводится характерное для конкретной эпохи речевое поведение историков, отражающее не только официальную идеологию государства, но и их личные убеждения,

поскольку «дискурсивные практики отображают индивидуальные способы языковой интерпретации мира» [Дубровская 2015: 14].

Историю часто воспринимают как политику прошлого, что позволяет экстраполировать на нее высказывания, касающиеся дискурсивных практик политической лингвистики, для которой свойственны «тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определённого смысла», которые способствуют не только «идентификации участников политического дискурса» [Баранов 2001: 245–246], но и исторического дискурса также. Выявление специфики мировосприятия историков происходит посредством анализа их дискурсивных практик.

Языковые средства выражения являются не только ключом к мышлению историка, но также позволяют узнать о состоянии страны и общества времени создания исторического произведения. Неперцептивная история и недискурсивные (физические) практики [Fairclough 1992: 64] истории, состоящие из битв, восстаний, эпидемий, освобождения или заселения новых территорий, получают свое дискурсивное воплощение века спустя, чтобы, реализовавшись в дискурсивных практиках последующих эпох, способствовать решению актуальных задач, стоящих как перед историками, так и политиками. Так, вторжение англосаксов на Британские острова в V веке, которое можно рассматривать как недискурсивную практику, получило свое дискурсивное воплощение три века спустя в истории Англии “Historia ecclesiastica gentis Anglorum” Беды Достопочтенного, которое, воспринятое историком и богословом как предначертанное свыше благословение, до сих пор не получило однозначной оценки в дискурсивных практиках исторического дискурса.

Изучение дискурсивных практик истории позволяет выявить отношение историка к описываемым событиям и фактам, репрезентация которых обусловлена его мировоззрением и отчетливо проявляется в используемых им паттернах – индикаторах его идеологии и мировоззрения.

История – наука об обществе; как любая социальная наука, она не может быть беспристрастной к предмету своего исследования и предполагает изучение общества с определенных идеологических позиций [Жуков 1980: 19]. Это находит непосредственное выражение в ее дискурсивной практике, позволяющей узнать о состоянии конкретного общества в конкретный исторический период его развития. Так, меровингские хроники, написанные на варварской латыни с ее бедным лексическим составом, свидетельствовали об упадке античной культуры в данном регионе [Gay 1974: 16]. Дискурсивные практики, способствующие выявлению культурных, социальных и идеологических предпочтений историков,

конструируют исторический мир, который мог быть далек от исторической реальности, свидетельствуя о степени интереса историков к данной проблеме. В частности, Тацит, описывая один из многочисленных мятежей, сопровождавших последние века существования Римской империи, вкладывает в уста одного из повстанцев напыщенные речи, украшенные риторическими приемами, которые были свойственны только прекрасно обученным ораторам его эпохи. Данным приемом древнеримский историк демонстрирует свое непонимание представителей определенного социального класса, оказываясь неспособным заглянуть в суть явления [Gay 1974: 16]. Однако влияние Тацита на историков последующих веков было чрезвычайно велико.

Для Эдуарда Гиббона, британского историка конца XVIII в. высокохудожественные произведения Тацита, созданные на латыни, и его материалистическое понимание истории стали определяющими. Исследование языковых особенностей произведения Э. Гиббона "The Decline and Fall of the Roman Empire" непосредственно связано с анализом дискурсивных практик, позволяющих составить когнитивный портрет историка, отличавшегося скептицизмом, который как истинный материалист отрицал провиденциализм и божественное вмешательство в ход исторического развития. Как известно, язык структурирован в соответствии с паттернами, которые обусловливают высказывания [Йоргенсен, Филлипс 2008: 17] вообще, и высказывания историков в частности. Созданный Э. Гиббоном и «рассеянный» по всем страницам его главного труда паттерн "artful" в дискурсивной практике претерпевает сложные преобразования, становясь основным идентификатором иронического отношения историка к истинным мотивам и действиям правительств, политических деятелей и исторических личностей [Gibbon 1955].

Анализ дискурсивных практик Томаса Карлейля, выявил языковые средства, использованные историком при описании исторических событий и деятельности великих личностей, которые свидетельствуют о его мистицизме и идеализме в восприятии истории. При описании Мартина Лютера: "As a participant and dispenser of divine influence, he shows himself among human affairs a true connecting medium and visible Messenger between Heaven and Earth" [Carlyle 1993: 77], Т. Карлейль использует насыщенные мистицизмом и провиденциализмом паттерны, которые за пределами данного дискурса позволяют понять основной посыл историка.

С позиций когнитологии дискурсивная практика как способ осмысления, интерпретации и репрезентации жизни [Баранов 2001, 2004; Чудинов 2001] человеческого общества в прошлом позволяет выявить

миропонимание Т. Б. Маколея, который считается непревзойденным мастером слова. Рассматривая исторический процесс как бесконечные дилеммы и споры о храбрости и трусости, совести и беспринципности, протестантах и католиках, кавалерах и круглоголовых, вигах и тори, пассивном повиновении и мужественном протесте, Т. Б. Маколей полагал, что только антитеза, излюбленный прием античных историков, способна передать амбивалентный характер развития человеческого общества. Т. Б. Маколей излагает историю Англии как противоречивую цепь битв, политических интриг, смен династий. На страницах "History of England" встречаются образы героев разных исторических эпох, которым автор дал неоднозначную оценку. Представляется, что в данном случае антитезу можно воспринимать как паттерн, характеризующий дискурс историка.

Реконструируя битву при Ландене, которая с точки зрения дискурсологии является недисукрсивной практикой для Т. Б. Маколей, историк, вместо того чтобы сообщить о специфике ведения войны Нового времени и изложить требования, предъявляемые эпохой к главнокомандующим, сосредотачивается на описании силы, личной храбрости и отваги мифологических, античных и средневековых героев, которые составляли основу их подвигов и побед: "Never, perhaps, was the change which the progress of civilisation has produced in the art of the war more strikingly illustrated than on that day. Ajax beating down the Trojan leader with a rock which two ordinary men could scarcely lift, Horatius defending the bridge against an army, Richard the Lionhearted spurring along the whole Saracen line without finding an enemy to stand his assault, Robert Bruce crushing with one blow the helmet and head of sir Henry Bohun in sign of the whole array of England and Scotland, such are the heroes of a dark age. In such an age bodily vigour is the most indispensable quality of a warrior" [Macalay 1864: 32]. С высоты XIX века, перечисляя физические достоинства таких героев древности и средневековья, как Аякс, Гораций, Ричард Львиное Сердце и Роберт Брюс, Т. Б. Маколей противопоставляет их физически слабым главнокомандующим Нового времени, которые, тем не менее, являлись душой своих армий. Таким приемом в продуцируемом им произведении историк имплицитно повышает престиж и авторитет главнокомандующих своей эпохи, подчеркивая их когнитивные способности, необходимые для ведения войны нового типа, когда для победы требуется не физическая сила, а гибкость и подвижность ума: "At Landed two poor sickly beings, who, in a rude state of society, would have been regarded as too puny to bear any part in combats, were the souls of two great armies" [Macalay 1864: 33]. Мимоходом Т. Б. Маколей сообщает, что в древности в языческих странах

из-за физической слабости их бы лишили жизни еще в младенчестве: “In some heathen countries they would have been exposed while infants” [Macalay 1864: 33], а в средневековой Европе их бы отправили в монастырь: “In Christendom they would, six hundred years before, have been sent to some quite cloister” [Macalay 1864: 33]. Однако в Новое время они стали героями, поскольку исход сражения во многом решали их когнитивные способности. Приводимые историком сравнения необходимы для того, чтобы продемонстрировать специфику войны Нового времени: “But their lot had fallen on a time when men had discovered that the strength of the muscles is far inferior in value to the strength of the mind” [Macalay 1864: 32–33]. Анализ языкового материала Т. Б. Маколея в рамках дискурсивной практики, с одной стороны, отражает речевое поведение и мышление, свойственное представителям его класса, стоявшему у руля государства, «а с другой – формирует новые формы коммуникации в данной социально-культурной реальности» [Иссерс 2012: 73].

Во время становления исторического дискурса в Великобритании в XIX веке каждый историк стремился дискурсивно отразить свою приверженность к конкретному историческому направлению. Однако Т. Б. Маколей выделялся среди них способом концептуализации и репрезентации мира исторического прошлого. В одной фразе историк создает целую эпоху. Так, замок, увитый плющом, символизирует упадок старого и зарождение нового дворянства: “Of the old baronial keeps many had been shattered by the cannon of Fairfax and Cromwell, and lay in heaps of ruin, overgrown with ivy. These which remained had lost their martial character, and were now rural palaces of the aristocracy. The moats were turned into preserves of carp and pike. The mounds were planted with fragrant shrubs, through which spiral walks ran up to the summer houses adorned with mirrors and paintings” [Macalay 1864: 86]. В контексте данного дискурса, выходящего за его пределы, заключено мировосприятие историка, идеология которого вплетена в сложную когнитивную систему формирования мнений и оценок [ван Дейк 2013: 54]

Подводя итог, следует отметить, что дискурсивные практики истории как неотъемлемая составляющая коммуникативных средств профессионально ориентированного языкового сообщества, отражают мировоззрение историков на конкретном этапе развития человечества в конкретном лингвокультурном пространстве. При создании исторического дискурса историки, сторонники разных направлений восприятия, интерпретации и репрезентации знаний о мире исторического прошлого, используют свойственные им языковые средства, маркирующие дискурсивные прак-

тики исторической науки. Анализ дискурсивных практик исторической науки, берущих начало в речевой деятельности историков предшествующих веков, свидетельствует о том, что данные практики конструируют репрезентацию мира исторического прошлого, выходя за институционные рамки исторического дискурса. Проблема анализа дискурсивных практик исторического дискурса является емкой, многомерной и многогранной и требует дальнейшего детального исследования.

Литература

Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63, № 1. С. 33–43.

Болдырев Н. Н., Дубровская О. Г. Социокультурный контекст интерпретации мира и формирование дискурса // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Том 75. № 1. С. 29–39.

ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

Дубровская О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. … д-ра филол. наук. Тамбов, 2015.

Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980.

Иссерс О. С. Люди говорят… Дискурсивные практики нашего времени: монография. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2012.

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: пер. с фр. СПб.: A-cad: АОЗТ “Талисман”, 1994.

Carlyle T. On Heroes, Hero Warship & Heroic History. Berkley: University of California Press, 1993.

Gay P. Style in History. New York: Basic Books, 1974.

Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Gibbon E. History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Chicago: Encyclopaedia Britannica, 1955.

Macalay Th. The History of England. From the Accession of James the Second. London: Longman, Green, Longman, Roberts & Green, 1864.

A. P. Minyar-Beloroucheva *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

DISCURSIVE PRACTICES OF CONSTRUCTING THE HISTORICAL PAST

The discursive practices of history as a process of interpretation and representation of knowledge on the historical past in the historical discourse are the focus of this paper. The main objective of this article is the analysis of the linguistic means that construct the world of the historical past.

Key words: discursive practice, historical discourse, epoch.

С. А. Панкратова *(Санкт-Петербург, Россия)*
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
svetpankrat@yandex.ru

РОЛЬ ОБРАЗНОСТИ В ЭВРИСТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ (на примере дискурса киногероев научно-фантастического фильма «Робот по имени Чаппи»)

Задача изучения процесса эвристического озарения может быть решена на примере дискурса киногероев на примере текста киносценариев. Кинотекст уникален тем, что сочетает вербальный и иконический компоненты, помогающие нахождению ответа на заложенную в фабуле проблему. Языковой портрет героев позволяет донести до зрителя идею фильма, вместе решить заложенную в фабуле задачу благодаря эвристическому потенциалу образности.

Ключевые слова: образность, эвристичность, образная схема, кинотекст, дискурс.

Когнитивный подход позволяет шире расставить акценты в решении проблемы языковой личности в системе кинообразности, включив в нее самого человека как прообраз героя и носителя культурного кода с его психофизиологическими свойствами. В связи с этим особенно важен вопрос вовлеченности языковой личности в языковую картину мира. Согласно современным представлениям, человеческая когниция опирается на «предданную» гипотезу о мире [Ушаков 2009: 6], в качестве которой выступает

коллективное знание о мире, воплощенное в языковой картине мира, включая опыт взаимодействия с миром, а также способность к оценочно-эмоциональному восприятию. Тем не менее, несмотря на всепроникающий императив индивидуального, следует отметить, что языковая личность обладает как индивидуальными, так и стереотипическими чертами. Это происходит потому, что на выбор языковых средств влияют как частноличностные впечатления и опыт, так и коллективные представления, и архетипы. Так, Дж. Лакофф называл поле существования совместных для человечества структур знания «распределенный модус» (от англ.: shared distributed knowledge), который трансформируется в структуру индивидуального, живого знания [Лакофф 2011]. Это база знания образует основу мышления личности и составлена из концептов языка и формирует концептосферу национального языка и образ мира как совокупность представлений о мире (рациональные суждения и чувственно-наглядные образы). Итак, коллективное знание императивно, оно обладает социальной принудительной силой, воспринимается автоматически в готовом виде и «навязывается» личности с самого раннего детства в неизменном виде, передаваясь из поколения в поколение [Леви-Брюль 1930]. Относясь к области архетипического, по М. Осборну, подобное знание «…применяется чаще, чем свежее, одинаково во все периоды и у всех культур, базируется на человеческом опыте, коррелирует с ведущими человеческими потребностями, влияет на большинство аудитории, встречается в центральных, наиболее значимых частях посланий» [Osborn 1977]. Речевое мышление базируется на стереотипизации, склонности человека избегать углубленного анализа, ориентации на стереотипы, шаблоны и клише.

Нам представляется возможным восстановить творческую деятельность личности по нахождению эвристических решений на материале эвристического образного осмысления техносферы в кино. Предполагается, что в выборе образных схем имеет место варьирование обыденного знания и специального, невероятный запас средств из ряда параллельных способов образной номинации и недостаточная реализованность словесного потенциала в результате стереотипизации выражения, а значимым фактором является социальное искажение, т.е. склонность конструировать природные сущности в человеческой системе координат.

В качестве анализируемого материала нами выбран сценарий фильма «Робот по имени Чаппи» (Chappie). Это фантастическая драма, вышедшая на экраны в 2015 году, она поставлена режиссером Нилом Бломкампом, в главных ролях снялись Шарльто Копли, Хью Джекман и Дев Патель. По сюжету гений робототехники Деон Вильсон впервые создает искусствен-

ный интеллект и помещает его в тело полицейского андроида Чаппи. Как и любой другой ребенок, Чаппи попадает под влияние своего окружения, и только его сердце и душа помогут ему отличить добро от зла. Следует оговорить специфику сценария как источника материала для анализа. Сценарий (от итал. scenario, от лат. scaena) есть литературное произведение, предназначенное для воплощения на экране с помощью выразительных средств киноискусства. Метраж фильма ограничивает стандартный сценарий 90–120-ю страницами текста. Помимо литературного различают сценарий режиссерский или постановочный. Это «…детальный творческий план постановки фильма с точной разбивкой на кадры и указанием планов, музыкального и изобразительного решения» [Кинодиалог 2014: 25–26]. Киноспецифика сценария состоит в отсутствии тщательной литературной обработки, сведении к минимуму описаний действия и характеристик персонажей, отсечении психологических отступлений. Особенность сценария в его прерывистой природе, динамизме, свободном оперировании временем и пространством, более действенном развитии конфликта.

В сценарии Гила Бломкампа [scripts.com] есть ряд моментов, характеризующих языковую личность главного героя робота Чаппи и его создателя Деона Вилсона, а также главного антагониста по прозвищу Америка. Это 1) детская речь, 2) родительская речь, 3) педагогическая речь и 4) образность в сниженном речевом регистре.

Поговорим о примерах детской речи, в которой особый интерес представляют грамматико-лексические особенности (малочисленность конструкций, неологизмы типа «копатка», «помаза» и т. д.), связанные с развитием концептуализации и языковой способности. В нижеприведенном примере мы встречаем лексическую перестановку (f*… mother вместо motherf*…er), обусловленную грамматической гиперкоррекцией и несоответствие лица предиката (be, promise вместо is, promises) в силу недостаточного для своего детского уровня знания грамматики. Детская речь характеризует главного героя, Чаппи, как находящегося на дошкольном уровне развития лингвистически, что входит в противоречие с его мощью боевого робота. На этом построена коллизия сценария кинофильма.

DEON: You can't break a promise, Chappie. CHAPPIE: Chappie promise. (ДЕОН: Ты не можешь нарушить обещание, Чаппи. ЧАППИ: Чаппи обещать.) [scripts.com]

Далее, в сценарии Гила Бломкампа есть примеры родительского отношения Деона Вилсона к своему подопечному. Примеры родительской речи включают как отдельные номинативные единицы (Mommy, little one), так и поощрительные и порицательные реплики (Watch your mouth,

get yourself shanked). Реплики дают начальные понятия о правилах жизни и призывают ребенка к порядку, что в ситуации с роботом-ребенком, который на порядок сильнее человека, выглядит комично.

CHAPPIE: It's a car, Mommy. (ЧАППИ: Это машина, мама.) [scripts.com]

DEON: Chappie is painting. Yeah! Chappie, I'm so proud of you! Good boy! (ДЕОН: Чаппи рисует. Да! Чаппи, я так тобой горжусь! Молодец!) [scripts.com].

Затем отметим, что в сценарии Гила Бломкампа присутствует и педагогическая риторика, которая нацелена на то, чтобы педагогическими методами целенаправленно и систематически обучить и воспитать всесторонне развитого человека, формируя его мировоззрение, умственный, нравственный, трудовой, эстетический и физический облик. Многие единицы из педагогической речи (mind, abilities, potential, creativity) и романтические образовательные идеалы (develop, nurture) не находят отклика в сознании робота Чаппи, оставаясь пустыми словами без наполненной интенсиональной составляющей.

DEON: Listen, Chappie, in life, lots of people will try to tell you what you can't do. And you must never listen. If you wanna paint, you can. You can do anything in your life. …Don't let people take away your potential. (ДЕОН: Послушай, Чаппи, в жизни люди будут говорить тебе о том, что делать нельзя. Не слушай их. Хочешь рисовать – рисуй. В жизни можно попробовать все. Не дай людям загубить твой потенциал.) [scripts.com].

Несмотря на все увещевания, подопечный Деона Вилсона остается глух к педагогическому напору своего воспитателя. Доказательством тому служит та компания уличных головорезов, в которой Чапии оказывается впоследствии, в ходе развития сюжета.

И наконец, обратимся к комплексной метафоре в киносценарии фильма «Робот по имен Чаппи». Комплексная метафора есть сложный когнитивный инструмент целостного осмысления проблемных ситуаций и сценариев в противоположность разовой, точечной, фрагментарной, частной, разрозненной, «пульсирующей» метафоре, не обладающей системными ассоциативными связями. В сценарии Гила Бломкампа наличествует ряд технических образов, обнаружено всего 7 единиц из образной схемы «ЧЕЛОВЕК > МЕХАНИЗМ». Образная схема – способ структурирования и толкования содержания когнитивной области. Это ряд лексических единиц. 1) a remote (пульт управления) = управление Чаппи; 2) energy (энергия) = сознание робота Чаппи; 3) reset (перезагружать) = помириться с Чаппи; 4,5) battery dies (севшие батарейки) = Чаппи погибнет; 6,7) copy data (копировать данные) = сохранить сознание Чаппи.

Сила образа чрезвычайно важна, ибо именно благодаря многочисленности состава «метафорических коннекций» [Мангова 2016: 335] происходит развитие заложенного в образе потенциала в сторону более выпуклой, детализированной, завершенно-целостной картины. Главные герои применяют образность как ценный когнитивный ресурс в достижении понимания. Этот ресурс основан на механизме вторичной номинации неизвестного через известное и способствует стремительному достижению понимания на контрасте с отвлеченным педагогическим общением от создателя робота по имени Деон. Очевидно, что образность, а не педагогико-родительское общение, является тем ключом, который сближает робота Чаппи и гангстера по кличке Америка, который благодаря техническим образам находит общий язык с роботом.

AMERICA: We know you have some kind of TV remote thing to switch those robots off. DEON: Excuse me? AMERICA: It's a machine. It's got an on-off switch. (АМЕРИКА: Мы знаем у тебя есть какой-то пульт, чтоб выключить этих роботов. ДЕОН: Не понял. АМЕРИКА: Это машина. У нее есть выключатель.) [scripts.com]

Проанализируем яркий пример, в котором антагонист по имени Америка пытается найти выключатель для роботов (kind of TV remote thing to switch those robots off). Здесь образность обеспечивает реализацию творческой функции сознания, а творческая установка описания фантастического мира осложняется существованием лакун для «возможных» или несуществующих еще концептов, которым нет пока языкового выражения. Именно поэтому помимо вторичного именования заполнение лакун осуществляется словами широкого значения, такими, как "thing". Широкозначные слова, называемые еще «эмболы» или слова-губки, абстрактны, соотносятся с понятием широкого объема и помогают компенсировать недостаток лексем. Образный способ передачи проблемных концептов способствует сближению в случае разлада, когда конфликт робота и антагониста разрешается в терминах «перезагрузки», более понятной роботу Чаппи, чем морально-этическое понятие примирения.

AMERICA: Sometimes, people make mistakes. I'm really, really, really sorry, Chappie. Do you forgive me? CHAPPIE: Forgive? – AMERICA: Come here. Come, Chappie. Let's you and me reset. – CHAPPIE: Reset? Forgive? (АМЕРИКА: Иногда люди ошибаются. Мне очень, очень жаль, Чаппи. Ты простишь меня? ЧАППИ: Простишь? АМЕРИКА: Ну вот, Чаппи. Давай ты и я перезагрузимся. ЧАППИ: Перезагрузимся? Простим?) [scripts.com]

Итак, отвечая на вышепоставленные вопросы, выскажем аргументированное примерами убеждение, что анализ языковых портретов главных

героев сценария фильма «Робот по имени Чаппи» позволяет установить ряд существенных для их характеристики моментов. Главные герои используют образность для концептуализации непостижимых понятий и явлений. К примеру, сознание робота аналогически сравнивается с энергией (energy), командный механизм отключения – с пультом управления (remote), примирение с роботом это перезапуск (reset), а смерть робота – всего лишь севшие батарейки (battery dies). Сюжет сценария научно-фантастического фильма удивительно гармоничен, ибо как сама канва, так и образы (пульт, выключатель, энергия, перезагрузка) находятся в одной технической плоскости. Плотность освоения проблемной ситуации статистически высока, 7 единиц достаточны для детализации образной схемы «МЕХАНИЗМ > ЧЕЛОВЕК». По сравнению с иными сферами коэффициент образности равен семи единицам, а экспланаторный потенциал этих элементов позволяет объяснить ключевые моменты сценария, связанные с жизненно важной задачей – отключить роботов-убийц. Амплификация образов двухвекторна, есть как антропоцентрические (retarded robot), так и технические образы. Синтаксическая валентность включает актанты в формулу вторичной номинации (Let's you and me reset), что говорит об освоенности образа антагонистом. Касательно градации можно говорить о способности к вариативности в образной номинации в пределах единой техносферы, когда гангстер Америка так настойчиво искомый неизвестный доселе механизм-«отключатель» роботов первоначально именует как нечто бытовое (TV remote thing), а затем детализирует как нечто техническое (on-off switch). Техническая образность в фильме о технике делает его целостным, холистичным, честным по отношению к зрителю. Когнитивные процессы сопровождаются автонимической рефлексией персонажей. Так, к примеру, появлению образа «перезагрузки» предшествует монолог антагониста по имени Америка (Sometimes, people make mistakes. I'm really, really, really sorry, Chappie. Do you forgive me?), в котором он, извиняясь, приходит к мысли заменить незнакомое роботу слово прощения на иное, технически близкое «перезагрузка». Автонимность гармонирует с неподготовленностью речи героя, в его фрагментированной речи показательна сбивчивость и сиюминутность процесса порождения мысли ad hoc, «здесь и сейчас». Эту особенность когнитивисты называют порождающим временным хаосом, «…неким сбоем в уже выстроенных ранее когнитивных цепях» [Козлова 2015: 135]. Характерно, что именно противоречивость толкает героя к объяснению, ибо противоречия и недоговоренность максимально проявляют себя в «революционных» теориях и положениях [Демьянков 2015: 13]. Итак,

в образном арсенале киносценария имеет место эвристическое открытие в случае с использованием слова «перезагрузка» ассоциативный багаж робота Чаппи пополняется, он узнает новые понятия и это эвристически ценный ресурс, который помогает двум героям – гангстеру Америке и роботу Чаппи выйти из затруднения, примириться.

Литература

Демьянков В. З. О языковых техниках «трансфера знаний» в гуманитарных науках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4 (045). С. 3–15.

Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: коллективная монография / В. Е. Горшкова, Е. А. Колодина, Е. А. Кремнев, И. П. Федотова, Е. О. Фирсова; под общ. ред. В. Е. Горшковой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. URL: scripts.com/script/chappie_5307 (дата обращения: 13.10.2020).

Козлова Е. А. Файловое устройство концептуального пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4 (045). С. 134–145.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2011.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930.

Мангова О. В. Развернутая метафора как средство репрезентации операционных концептов // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 334–336.

Ушаков Д. В. Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования: проблема развития: сборник научных трудов. Вып. 3. М.: Изд-во института психологии РАН, 2009. С. 5–14.

Osborn M. The Evolution of Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63. P. 54–59.

S. A. Pankratova *(St.-Petersburg, Russia)*
St.-Petersburg State Institute of Film and Television

THE ROLE OF IMAGERY IN HEURISTIC PRACTICES (Based on the Example of Heroes' Discourse of the Sci-Fi Film "Chappie")

The task of studying the process of heuristic insight can be solved using film characters' discourse as an example of texts of film scripts. The film script is a unique source of study since it combines verbal and iconic components, aiding the discovery of the answer for the problem embedded in the film's plot. The linguistic portrait of film characters helps to disclose the film's idea for the viewer thanks to the heuristic potential of the imagery.

Key words: imagery, heuristic potential, image scheme, script, discourse.

О. В. Раевская *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ЭГО-МЕТАТЕКСТ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается авторский метатекст во французской историографии девятнадцатого века. Показано, как эго-метатекст, т.е. прямая речь автора от первого лица, участвует в формировании модуса и диктума историографического дискурса.

Ключевые слова: метатекст, историографический дискурс.

Процитируем сразу Елену Самойловну Кубрякову, считая это остенсивным определением *эго-метатекста:* «В этой статье **я не излагаю** ИСТОРИЮ термина, – **я лишь стремлюсь продемонстрировать** некоторый диапазон его современного употребления, а также **исключить** как “неправильные” те случаи использования, которые **мне представляются** недостаточно оправданными»; «Читатель**, надеюсь,** поймет правильно тот факт, что, обращаясь к оценкам когнитивной лингвистики, **я не использую своих собственных работ** или работ **моих соавторов** по составлению «Краткого словаря когнитивных терминов» [Кубрякова 2009: 7 (*здесь и далее выделено мною – О. Р.*)]; «**Не считаю себя вправе судить** о том, во что лингвистика не должна превращаться, или **вступать в полемику** о том, частью какой науки она является…» [Кубрякова 2012: 26].

Голос автора нечасто звучит в научных трудах, глагол в первом – авторском – лице не свойствен научной литературе. Тем более значимо формально выраженное (грамматически и лексически) присутствие автора в научном тексте. В отличие от автора–рассказчика, вошедшего в литературоведческий канон («Онегин, добрый мой приятель, … / Там некогда гулял и я: / Но вреден север для меня»), автор-ученый предстает малоизученной фигурой. Об авторе как элементе семиотики исторического дискурса писал Р. Барт [Barthes 1967]; примечательно, что в это же время он опубликовал свое знаменитое эссе «О смерти автора». В рамках когнитивного подхода ставится вопрос о «воплощении в научном тексте мыслительных действий познающего субъекта» [Рябцева 1992: 12]. При этом *эго* автора в тексте, его «человеческий голос» обычно не попадает в фокус научного взгляда.

Настоящая статья представляет собой попытку смены оптики (или акустики?), её перенастройки «на автора». Лучше всего для этого подходит та часть текста, которая обозначается формантом *мета.* О «мета»-голосе говорит, в частности, в своей работе «Метатекст в тексте» А. Вежбицка [Вежбицка 1978: 404]. Метатекстовые операторы типа «*Иными словами»,* «*Не могу не вспомнить о*», «*Начну с*» создают, по её словам, «двухголосный текст» – не диалог, а «двухголосье» [там же]. Обращает на себя внимание чередование перцептивных подходов, или каналов восприятия: А. Вежбицка то слышит в высказывании «двухголосье» с «мета»-голосом, то видит «двутекст» с «метатестовыми нитями», создающими «семантический узор» основного текста.

Количественный и качественный «вклад» авторского метатекста в текст может быть разным: от «нулевой степени», или безличности, до ярко выраженного авторского присутствия в виде эго-метатекста, то есть прямой речи от первого лица.

Высокой степенью репрезентативности с этой точки зрения характеризуется французский историографический дискурс девятнадцатого века в лице одного из его наиболее выдающихся представителей – Жюля Мишле. «Отец-основатель французской историографии», «величайший из историков Франции», «гениальный историк и писатель», «человек история», «исторический памятник» и т.п., автор семнадцати томов «Истории Франции», семи томов «Истории французской революции» и еще более двух десятков книг, он отличается от собратьев по цеху наиболее сильным звучанием авторского «мета»-голоса в своих трудах. Эго-метатекст Мишле колоссален по объему, разнообразен по содержанию и единообразен по форме.

Начнем с формы. Эго-метатекст – это, как правило, текст от первого лица единственного числа: “Du reste, **j’accuse** moins Richelieu que son temps, sa fatalité monarchique”. Намного реже Мишле пишет о себе в первом лице множественного числа (так называемое *nous de modestie*): “**Nous avons écrit** cette histoire **dans un point de vue bien sévère,** point de vue italien, européen, plus que français; voilà ce qu’on **nous** reprochera”. *Nous* может обозначать собственно автора, будучи эквивалентным первому лицу единственного числа (как в приведенном примере), или множество лиц, к которому автор на том или ином основании (географическом, идеологическом и т.п.) относится. Ср.: “Dans l’ardeur de l’invective, ce violent prêtre aborde hardiment mille choses que **nous autres laïques** nous craindrions d’expliquer”. К эго-метатексту можно отнести и случаи императива, поскольку он может исходить только от автора: “Qui dit cela? **Soyez-en sûr**, nul autre que Fouquet la Varenne”.

Теперь о разнообразии содержания. Эго-метатексты Мишле делятся на две неравные группы. В одной, гораздо более многочисленной, *эго* относится к модусу (метатекстовые операторы, по А. Вежбицкой): “**Je sais bien** que César fut regretté des Romagnols” – здесь Мишле говорит об истории. В другой *эго* является частью диктума: “**J’ai suivi attentivement** le martyrologue de Crespin pour trouver et dater les premières missions protestantes” – здесь Мишле говорит не об истории, а о себе.

Приступим к эго-модусу. Метатекстовыми операторами у Мишле выступают около двух десятков глаголов, подавляющее большинство которых представляют ментальный модус (их еще называют ментальными перформативами [Рябцева 1992]): dire, croire, voir, savoir, trouver, douter, s’étonner, expliquer и др.

Самый частотный глагол – *dire*, метаорганизатор высказывания par excellence, вводящий придаточное – диктум, т.е. основной текст (“**Disons** ici que ce restaurateur admirable de la fortune publique avait une attention extreme à la sienna”). *Dire* может быть и диктумом: “J’ajouterai une chose triste, qu’il faut dire; **je** la **dirai** crûment”. Диктум, вводимый модусным *dire*, может содержательно совпадать с модусом – ментальным перформативом: “**Je dirai** ailleurs tout au long ce que **je pense** du Parlement, comme cour de Justice”. Два последних примера свидетельствуют о том, что автор–субъект модуса может становиться объектом диктума: Мишле пишет о себе, пишущем об истории Франции.

Второй по частотности глагол модуса – *croire* с двумя значениями: «верить» (“Qu’un tel homme ait dit ce mot sérieusement, **je ne le croirai jamais**”) и «полагать, считать» (“Cette lettre était-elle perfide? **Je ne le crois pas**”). Второй вариант предстает в разном модальном обрамлении: je croirais aisément, je veux bien croire, je ne suis pas loin de croire, je serais porté à croire, j’ai de la peine à croire и т.п. Эго-метатекст может быть и предельно лаконичным: “Henri IV vit, **je crois,** dès lors plus clair dans la situation”.

Глагол *voir* представлен в двух значениях: «считать, полагать» (синонимично *croire*) (“**Je ne vois point que** les Anglais se soient réconciliés”), и «видеть» в диапазоне от конкретного зрительного восприятия (“Et, en y regardant de près, **je vois**, en effet, qu’il ne pleure pas”) до воображаемого (“**Je ne vois** au dix-septième siècle que deux hommes gais, Galilée et Gustave-Adolphe”).

Глагол *savoir* Мишле употребляет преимущественно в отрицательной форме: “**Je ne sais** au reste s’il y avait moyen d’agir autrement”, “Etait-il dupe? **Je ne sais**”.

Отметим и другие ментальные перформативы: “**Nous avons indiqué**, **mais non expliqué** l’outrage personnel que Guise croyait avoir reçu des gens de Vassy”, “Mais **je vous assure** qu’il y a plus de soleil maintenant dans cette cave que sur la place de Florence”, “**Je ne doute pas** que le conseil vigoureux de l’abdication ne soit venu de Marguerite”, “**J’affirme sans hésiter** que la bonne reine en aura fait une sorte de compliment au roi” и т. п.

Мишле – яркий представитель романтической историографии с сильным эмоциональным звучанием. И модус в его тексте может быть не только ментальным, но и эмотивным. Ср.: “Quant aux monuments d’art, **que je pleure** autant que personne…”, “**Je suis fâché** de voir que les historiens se soient trompés sur ces États de 1484…”, “**J’ai pitié** de la tête qui doit contenir tout ceci” и т. п.

Теперь – об эго-диктуме, т. е. о присутствии автора в основном тексте, когда Мишле рассказывает не столько об истории Франции, сколько о себе. Часто это воспоминания о тех или иных «местах памяти». Вот, рассказывая о Реформе, он вспоминает, как бывал в Женеве в местах, связанных с Кальвином: “Quand **j’entre** dans le vieux collège de Calvin et de Bèze, quand **je m’assois** sous les ormes antiques, quand **je visite** l’académie et l’église, où Calvin, faible, exténué, parfois soutenu sur les bras de ses auditeurs, enseignait et prêchait à mort, **je sens bien** que le grand souffle de la Révolution a passé là”. Вот пространно описывает типографию – священное для него место (он родился в типографии отца): “Nul lieu, ni temple, ni école, ni assemblée de nations, n’a jamais porté à mon coeur la religieuse **émotion que j’éprouve quand j’entre** dans une imprimerie”. Таких лирических отступлений у Мишле немало.

Тома «Истории Франции» выходили без иллюстраций, их отсутствие историк восполнял словесным описанием живописных или скульптурных портретов исторических личностей, при этом порой позволяя себе довольно рискованные оценки. Так, описывая известную скульптуру Гужона «Диана с оленем», сделанную по заказу Дианы де Пуатье, он замечает, что олень, рога которого удостоены эпитета *superbe,* кажется ему похожим на Генриха II: “Est-ce une bête royale, ou un roi tout à fait? **Je lui trouve** un air d’Henri II”. Маленьким литературным шедевром Мишле является его описание портрета Ришельё кисти Филиппа де Шампаня в Лувре. Поделившись зрительными впечатлениями от картины (доминирование серого) и оценкой исторической роли кардинала (“notre vaine balance européenne”), Мишле «оживляет» его: кардинал идет навстречу читателю, который становится зрителем: “**Il vient à vous**. On n’est pas

rassuré. Ce personnage-là a bien les allures de la vie. Mais, vraiment, est-ce un homme? Un esprit? … S'il faisait quelques pas de plus, **nous serions face à face. Je ne m'en soucie point**".

Словесные портреты на страницах трудов Мишле свидетельствуют о выдающемся литературном даре историка-писателя. Обе эти ипостаси автора отражены в эго-метатекстах.

Мишле-историк часто высказывается об истории и историках, делится подробностями своей работы, подчеркивая роль архивов, в отсутствие сносок уточняет порой количество страниц в том или ином историческом источнике и может неожиданно добавить нечто не совсем уместное о превратностях труда историографа. Ср.: "Je n'ai pas le courage de reproduire la longue harangue par laquelle Jean Petit entreprit de justifier le meurtre. …Cet épouvantable fatras n'a pas moins de quatre-vingt-trois pages dans Monstrelet. Le copier, **ce serait à en vomir**".

Мишле декларирует пристрастность своего исторического труда: "**Je le déclare**, cette histoire **n'est point impartiale**". Он не скрывает своих симпатий или антипатий к историческим личностям, о которых пишет. Так, рассказывая о Жанне д'Арк, он в тексте просит у целомудренной девы прощения за то, что вынужден погрузиться в низость нравов того времени: "il faut, quelque choquant que puisse être le contraste, placer enregard du trop sublime idéal, …en face de la Pucelle, les basses réalités de l'époque; il faut **(j'en demande pardon à la chaste fille** qui fait le sujet de ce récit**)** descendre au fond de ce monde de convoitise et de concupiscence". Этот эго-метатекст – один из ярких примеров присутствия автора в тексте, «человеческий голос» историка.

Открыто пристрастный Мишле призывает и коллег избавиться от «ложной и несправедливой» беспристрастности: "Et que l'histoire sorte donc de la **fausse et injuste impartialité** où elle s'est tenue jusqu'ici".

Выбирая между правилами исторического и литературного нарратива, Мишле определенно делает ставку на историю: "Selon la méthode ordinaire, je dois, dès ce moment**,** entamer le récit de l'imbroglio politique… Le puis-je, en vérité? L'histoire me le défend, et elle parle plus haut que tout art littéraire". При этом он не просто профессионально внимателен к слову – он о нём пишет, делает его темой высказывания: "**Le mot m'a échappé**, et je ne l'effacerai pas, mais je m'arrêterai". Почти как у Мандельштама: «Я слово позабыл…» (даже ритмически совпадает). Для выделения определенного слова Мишле говорит *tranchons le mot* – что-то вроде *скажем прямо*: "Nos historiens ont été si honnêtes, tranchons le mot, si innocents, que tous ont pris au sérieux Catherine de Médicis". Так эго-метатекст Мишле стано-

вится металингвистическим, или, по Р. Барту, текстом «второй ступени» [Барт 2002: 36].

В историографии девятнадцатого века тексты Мишле отличаются ярко выраженным авторским присутствием, однако он не единственный открыто выражает свои мысли и чувства от первого лица. Ср.: "**J'ai décrit** la première crise qui en a préparé les éléments en Europe; **je l'ai fait sans haine**, **plaignant** l'erreur, **révérant** la vertu, **admirant** la grandeur…" (A. Thiers); "**Je ne saurais m'empêcher de plaindre** un roi auquel on demande chaque jour l'impossible…" (E. Quinet); "**J'ai lu** les vingt volumes de leurs procès-verbaux: on ne peut voir de meilleurs citoyens…" (H. Taine). Франсуа Гизо вообще считает, что историк «обязан отдавать публике отчет о своей личности; он ручается за достоверность тех фактов, которые он нам рассказывает; нам нужно знать, какую цену имеет это ручательство, а опорой для такой необходимой гарантии служит не только нравственный характер историка и доверие, возбуждаемое его правдивостью, но также обычный склад его ума, мнения, на сторону которых он всего охотнее склоняется, и чувства, которыми он всего легче увлекается, т.к. из этого-то и слагается та атмосфера, которая окрашивает в его глазах описываемые им факты» [цит. по: Иконников 1891: 248].

Многие историки того времени так и поступают, «отчетом о своей личности» ручаясь за «достоверность фактов». При этом постепенно складывается новый modus scribendi. История, становящаяся «царицей гуманитарных наук, матрицей всякого научного мышления, занимающегося человеком и обществом» [Зенкин 2003], формирует правила своего нарратива – историографический канон, в котором свое место – вроде бы не почетное, внизу страницы, но тем не менее обязательное, занимают сноски. Они становятся неотъемлемой частью этого канона, своего рода «знаком качества» исторического труда: теперь именно они, а не «отчет о личности», подтверждают достоверность сообщаемого историком. По мнению Э. Графтона, посвятившего истории сносок увлекательное исследование [Grafton 1999], они свидетельствуют о новом – современном – этапе развития исторической науки.

Французская историография внедряла сноски постепенно: так, у Мишле много эго-метатекста и почти нет сносок, Л. Блан, не пишущий от первого лица, систематически использует сноски, у И. Тэна есть и то и другое. К середине двадцатого века «институционализация» сносок состоялась. И объявленная Р. Бартом «смерть автора» (1967), относившаяся к художественной литературе, совпала по времени с отказом от «отчета о личности». Фактор автора «Анналы» заменили фактором человека. Как

писал Марк Блок, «Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиной, там, он знает, его ждет добыча» [Блок 1973: 18]

Сегодня история не пишется от первого лица. Но «автор»-историк не умер, он перешел в другой формат: в блог. Как, например, один из самых авторитетных современных историков Французской революции Жан-Клеман Мартен: https://blogs.mediapart.fr/jean-clement-martin/blog. И автор Мишле по-прежнему востребован. Его многотомная «История Франции», неоднократно переизданная, выходит в этом году очередным переизданием.

Литература

Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Ad Marginem: Сталкер, 2002.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: «Наука», 1973.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8. С. 402–421.

Зенкин С. Н. Критика нарративного разума // НЛО. 2003. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/kritika-narrativnogo-razuma.html (дата обращения: 02.06.21).

Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 1. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1891.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Вып. 1. С. 4–10.

Рябцева Н. К. Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 12–28.

Barthes R. Le discours de l'histoire // Recherches en sémiotique. 1967. Vol. 6. Issue 4. P. 63–75.

Grafton A. The Footnote. A Curious History. Cambridge. Mass.: Harvard University Press, 1999.

O. V. Raevskaya *(Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

EGO-METATEXT IN THE FRENCH HISTORIOGRAPHY

The article deals with the author's metatext of the French historiography of the nineteenth century. It shows how ego-metatext, i.e. the author's speech in the first person, can play different roles in formation of modus and dictum of the scientific text.

Key words: metatext, historiography discourse.

О. В. Соколова, Е. В. Захаркив *(Москва, Россия)*
Институт языкознания РАН
olga.sokolova@iling-ran.ru, zakharkiv@iling-ran.ru

НЕУЗУАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ[1]

В статье исследуется лингвокреативное функционирование дискурсивных слов (маркеров) в поэтическом дискурсе в русле когнитивно-прагматического подхода. На основании анализа корпуса современной поэзии предлагается классификация дискурсивных слов и подробно рассматриваются маркеры со значением неопределенности.

Ключевые слова: лингвокреативность, поэтический дискурс, поэтическая прагматика, когнитивно-прагматический подход.

Анализ прагматики поэтического дискурса опирается на концепцию трех измерений языка и «философию и поэтику эгоцентрических слов» Ю. С. Степанова [1985]. Первые подступы к поэтической прагматике были сделаны в теории шифтеров Р. О. Якобсона [1972], который выявил формы грамматического выражения прагматических функций языковых единиц. Далее он развил эту идею в концепции языковых функций, выделив в т. ч. поэтическую функцию [Якобсон 1975]. Доминирование поэтической функции, определяющее специфику поэтического дискурса, формирует такие его поэзии, как автореференциальность, авторефлексивность (У. Эко) и «автокоммуникативность» (Ю. М. Лотман), или «интраперсональную» коммуникацию (Р. О. Якобсон). Для анализа поэтического дискурса важно также исследование немецкого лингвиста и семиотика Р. Познера, акцентировавшего особый режим «поэтического использования языка», при котором «элементы знакового материала <…> несут функцию средств передачи информации» [Познер 2015: 164].

На основании отмеченных подходов мы выделяем следующие макродискурсивные признаки **поэтического дискурса**: (1) отношения языковых элементов обусловлены нелинейной композиционной струк-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

турой поэтического текста, которая создается с учетом намеренного выбора и расположения автором слов, что формирует «процедурное» смыслообразование; (2) «двунаправленная» поэтическая референция ориентирована на связь не с внешней действительностью, а с планом выражения поэтического текста (автореференция) и с художественной коммуникативной ситуацией (контекстуальная референция); (3) поэтический дейксис характеризуется особой формой поэтического «Я» (автокоммуникация, автоадресация), когда «наблюдатель» в форме третьего лица, участвующий в организации «вторичного» дейксиса[1], выражен формой первого лица; для поэзии характерно использование дейктических сдвигов; (4) в современной поэзии (прежде всего, в связи с влиянием новых медиа) формируются специальные коммуникативные стратегии субъективации и адресации, или интеракции, в актуальном режиме интерпретации.

Таким образом, можно определить **поэтический дискурс (ПД)** как совокупность поэтических высказываний (текстов), которые характеризуются специфической (авто)референцией к плану выражения и к художественному контексту, особой формой поэтического «Я», комплексными стратегиями субъективации и адресации. Отношения между элементами высказывания обусловлены нелинейной композиционной структурой художественного текста, представленной вертикальным членением и намеренным выбором и расположением автором слов, что влияет на смыслообразование текста и формирует неузуальные парадигматические, синтагматические и семантические отношения.

На современном этапе развития лингвистического знания важным является применение когнитивного подхода к анализу прагматики поэтического дискурса. Следуя теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, а также концепции «процедурного» значения (*procedural meaning*) Д. Блэкмор, подчеркнем когнитивно-прагматическую специфику поэтического высказывания: «Чем шире диапазон потенциальных импликатур и чем выше ответственность слушателя за их конструирование, тем более поэтичен эффект, тем более креативна метафора» [Sperber, Wilson 1995: 236].

Соответственно, в русле когнитивно-прагматического подхода, поэтический текст функционирует не только как высказывание, направленное само на себя (по Р. О. Якобсону), т. е. обладающее эстетическим эффектом, но и направленное на адресата с целью стимулирования широкого

[1] В терминологии Ю. Д. Апресяна.

диапазона интерпретативных процедур по конструированию значения. При этом, учитывая невозможность однозначной интерпретации поэтического текста, количество этих процедур не может быть ограничено, или алгоритмизировано.

Такое понимание окончательной невыводимости процедурного значения поэтического высказывания соответствует концепции языковой креативности как «лингвокреативного потенциала мышления» и «эвристической деятельности» дискурса О. К. Ирисхановой [Ирисханова 2004: 50]. При этом важно отметить разграничение видов лингвокреативности, характерных для художественного и нехудожественного дискурсов, предложенное В. В. Фещенко: эстетическая лингвокреативность, или лингвоэстетика, характерна для художественного дискурса, а эвристическая лингвокреативность, или лингвоэвристика, характерна для научного дискурса [Фещенко 2020: 103]. Отметим также оппозицию «дискурсивной» и «языковой» креативности и такое свойство лингвокреативности, как скалярность, т. е. возможность реализации от большей степени к меньшей степени внутри отдельных дискурсов [Соколова 2020]. Различные подходы к пониманию лингвокреативности также представлены в разграничении «языкового творчества» и «речевой креативности» в работе В. З. Демьянкова [2009], креативности, реализуемой «коллективной личностью (социумом, народом)» и «индивидуальной личностью» в исследовании И. В. Зыковой [2017], вслед за [Hoffmann 2020] предлагает разделять F-креативность и E-креативность как продуктивное использование существующих в языке паттернов и порождение новых коммуникативных паттернов М. И. Киосе [2021].

Поскольку процедурное значение, значимое для анализа поэтического текста, выявляется посредством анализа прежде всего прагматических маркеров [Blakemore 2002: 80], обратимся к анализу дискурсивных единиц в поэтическом дискурсе[1]. С точки зрения теории релевантности, подчеркивается значимость дискурсивных слов как способов импликации информации и как организаторов процесса интерпретации; они выступают наводящими знаками при поиске «оптимальной референции» сообщения [Blakemore 2002; Andersen 2001]. Развивая когнитивный подход к изучению продуцирования и восприятия речи в ее динамике, исследователи

[1] Учитывая, что терминология в этой области не устоялась и варьируется в зависимости от национальной традиции («mots de discourse», «discourse markers», «pragmatic markers», «дискурсивные слова», «дискурсивные маркеры», «дискурсивные единицы» и др.), мы будем использовать термин «дискурсивные слова» (ДС).

противопоставляют лексическому, или референциальному, значению дискурсивных единиц процедурное значение, когда эти единицы выступают в роли «указателей» (*signpost, instructions*) «как и где интегрировать последующую единицу речи в текущем дискурсе» [Aijmer 2002: 11].

Под **дискурсивными словами (маркерами)** мы понимаем класс единиц, возникших в языке в результате перехода из знаменательных и служебных частей речи в функциональный класс речевых единиц, выражающих интенции, эмоциональную и дискурсивную стратегию участника коммуникации (в т.ч. поэтической автокоммуникации). Для данных единиц характерны грамматическая неизменяемость, ослабление синтаксических связей и денотативного значения.

Настоящее исследование проводится на **материале** «новейшей» поэзии, включающей период 1990–2010-х годов, что связано с т.н. «перформативным поворотом», произошедшим во второй половине XX века как в лингвистике, так и в поэзии. Под «новейшей» поэзией мы, вслед за Р.О. Якобсоном, понимаем современную поэзию, отражающую актуальные, «новые факты» языка в синхроническом срезе. Повышение роли прагматики в поэтическом высказывании восходит к концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна и актуализируется в современном контексте в связи с паттернизацией коммуникации, повышением роли медиа-канала[1] и формированием нового коммуникативного интерфейса в интернет-пространстве.

Типология ДС в поэтическом (и художественном) дискурсе

Современные классификации ДС опираются на две основные интенции говорящего: регулирование интеракции и организацию внутренней структуры высказывания. Двунаправленность модальных значений соответствует основным видам референции, по М. Халлидею – Р. Хасан, «экзофорической», или «ситуационной» референции к «контексту», и «эндофорической», или «текстуальной» референции, структурированной грамматически [Halliday, Hassan 1976].

Учитывая автореференциальность поэтического высказывания, можно выделить следующие **функционально-семантические группы ДС**: 1) метатекстовые, 2) контекстуальные (или относящиеся к художественной коммуникативной ситуации) и 3) интра-/ интерперсональные.

Рассмотрим подробнее **контекстуальные ДС**, поскольку эта группа важна для выявления специфики поэтической референции. Выше мы говорили об автореференциальности поэтического дискурса как

[1] Согласно классическому высказыванию М. Маклюэна “medium is the message”.

о направленности сообщения на само себя на макро- и микроуровнях. При выделении контекстуальной группы мы включаем в нее единицы, указывающие на поэтическую коммуникацию.

К группе контекстуальных ДС относятся единицы с прагматическим значением референции к художественной коммуникативной ситуации: выражение определённости/неопределённости (*-то, -нибудь, -либо*); характеристика ситуации во времени (*еще, уже, бывало; yet, already; già, per poco*); характеристика ситуации в пространстве (*вон, вот, это; there, over there; ecco (la), e così*). В данном исследовании мы подробнее рассмотрим русскоязычную единицу *-то*, поскольку примеры с этой единицей выявляют важное свойство поэтического дискурса – сигнализируют неопределенность описываемой художественной ситуации[1].

Употребление:

АПК (авторский поэтический корпус): 1229: 665 739

НКРЯ: 172 176: 321 712 061

Лексикографическое описание (значение):

В сочетании с предшествующим относительным местоимением или наречием образует местоимения или наречия с общим значением неопределенности, на основе чего, в зависимости от производящего слова, формируются частные значения при подчеркивании или выделении слова, к которому оно относится [Морковкин 2003: 346].

Конвенциональное функционирование (пример из НКРЯ)

*Какой**-то** непонятный словесный блуд, из которого, к сожалению, совершенно потерялся смысл… (([Дмитрий Лызлов, nick] [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)].*

Функционирование в поэтическом дискурсе (примеры из АПК)

1) *Добро*
если и существует
то существует только
*в **каких-то** сомнительных вертящихся несуразных … воплощениях …*
*в **каких-то** дремучих блуждающих нестабильных / местах …*
*в виде **каких-то** больных уродов*
*в виде **каких-то** маленьких ушастых злых*
детей (К. Медведев)

---

[1] Разработанный для анализа ДС комплексный алгоритм включает дистрибутивный и статистический анализ корпусных данных, лексикографическое описание единиц, сопоставление обыденного и поэтического функционирования.

2) *Если б я мог объяснить, не словами, фигурами,*
я не знаю, ромбами там, треугольниками, кружками,
***какой-то** абстрактной белибердой, но и это не то всё* (В. Нугатов)

В приведенном фрагменте (1) задействована негативно-оценочная функция неопределенного местоимения, выражение пренебрежения, презрения – причем последнее отмечается и по отношению к разговорному употреблению [Ушаков 2004]. Согласно В. Ю. Апресян, имплицитная агрессия выражается при помощи различных маргинальных, периферийных средств языка, таких как гиперболы, псевдо-императивы, частицы в сочетании с синтаксическими конструкциями и др. [Апресян 2003: 5]. Также посредством анализируемого ДС в данном фрагменте осуществляется интенция резкого упрека или разочарования, направленная на неопределенную этическую концепцию, условно обозначаемую как «добро». Выражение критического отношения через негативно-оценочное суждение исходит из двух категорий «добра», противостояние которых связано с различными интерпретациями: первая относится к аксиологической сфере (ценностные суждения), а вторая – к деонтологической (нормативные суждения). Так, норматив, понимаемый как среднестатистический стандарт, отраженный в традиционной формулировке «добро существует в …» (ср. с «что такое хорошо?»), сталкивается с релятивностью (неопределенное местоимение) субъективной негативной оценки (о ней свидетельствуют контекстуальная лексика с отрицательными коннотациями). Кроме того, можно предположить, что на неопределённость референта накладывается дополнительная интенция (помимо интенции критики), связанная со стремлением активировать внимание адресата, «деавтоматизировать» его (термин В. В. Шкловского), стимулировать адресата к размышлению о неизвестном/несформулированном.

При этом особые контекстуально-семантические отношения моделируют поэтическую коммуникативную ситуацию при помощи нарушения норм семантической сочетаемости. В тексте концептуализируется контекстуальный переход экзистенциального глагола *существовать* (*добро существует*) в группу глаголов с пространственной семантикой. Осмысление этого перехода осуществляется через последовательное добавление новых валентностей *существует* (где?) *в каких-то вертящихся воплощениях <…> / в каких-то дремучих блуждающих местах*; *существует* (как?) *в виде каких-то больных уродов / в виде каких-то ушастых злых детей.* Нарушение логико-семантических связей между

новыми компонентами и повтор конструкций с неопределенным местоимением обнажает неопределенность этической категории как таковой и невозможность сформулировать ее в конкретных словах. В результате осуществления множественных импликатур читатель не приходит к однозначной интерпретации текста. Одним из компонентов процедурного значения текста является то, что внутренние механизмы языка проецируются на относительность экзистенции, онтологии и деонтологии. Коммуникативная цель текста – это фокусирование на бесконечности интерпретаций и активизация мыслительной деятельности читателя.

В примере (2) местоимение *какой-то* вносит добавочный оттенок пренебрежения к последующей оценке, тем самым вводя функцию, сопоставимую с функцией дискурсивных слов. В этом случае интересным представляется реализация автореференциальной критики поэтического высказывания, и шире – высказывания как коммуникативного акта. Таким образом, в тексте осуществляется двойная функция апелляции одновременно к речи как способу передачи информации (*объяснения*) и к конкретному авторскому поэтическому тексту.

Толкование в ПД:

Неопределенность, выражаемая единицей ***-то,*** в ПД обладает негативными коннотациями, осуществляя двойную функцию критики внеязыковой действительности и способа ее обозначения. Данное ДС в частных случаях может указывать на относительность онтологических / этических категорий как таковых, невозможность определения которых в языке проблематизирует сам факт их релевантности / возможности выражения вне языка. В том числе единица участвует в реализации автореференциальной критики поэтического высказывания и речевого акта объяснения, а также активизирует читательское внимание.

Таким образом, исследование функционирования дискурсивных слов в поэтическом дискурсе позволяет сделать вывод о том, что языковая креативность является фундаментальным качеством поэтического дискурса. В русле когнитивно-прагматического подхода, с точки зрения оппозиции «сильной» и «слабой» коммуникации, отметим, что отравитель в других типах (не поэтической) коммуникации ориентирован на ограничение возможностей интерпретации своего высказывания и понижение ответственности слушающего при выборе значения, что приводит к формированию «сильной коммуникации». При этом в поэтической (авто)коммуникации отравитель (поэт) ориентирован на расширение вариантов интерпретации высказывания, когда ответственность

читателя при выборе значения оказывается максимально высока. Как отмечает Д. Блэкмор, «чем выше ответственность слушателя за выбор контекстуальных допущений и эффектов, тем слабее коммуникация» [Blakemore 1992: 157]. Соответственно, поэтическая функция языка имеет как свойство автореферентности, направленности на само высказывание, так и свойство процедурности, множественности интерпретаций, расширения диапазона потенциальных импликатур и способов конструирования объекта.

Литература

Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. конф. «Диалог-2003». М.: Наука, 2003. С. 32–35.

Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2004.

Демьянков В. З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством. М.: Азбуковник, 2009. С. 11–19.

Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Киосе М. И. «Метод восхождения» Ю. С. Степанова и когнитивно-семиотические измерения оптимальной лингвокреативности // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 107–126.

Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В. В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2013.

Познер Р. Рациональный дискурс и поэтическая коммуникация: методы лингвистического, литературного и философского анализа. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2015.

Соколова О. В. Дискурс-«логофаг»: границы лингвокреативности и стереотипности в рекламе // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 114–142.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.

Фещенко В. В. От лингвоэстетики к лингвоэвристике: словотворчество в художественном и научном дискурсах // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 92–113.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–231.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

Aijmer K. English Discourse Particles: Evidence from a Corpus. Philadelphia: John Benjamins, 2002.

Andersen G. Pragmatic Markers and Sociolinguistic Variation. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001.

Blakemore D. Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Blakemore D. Understanding Utterances. Oxford: Oxford University, 1992.

Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. Longman Group Ltd., 1976.

Hoffmann T. Construction Grammar and Creativity: Evolution, Psychology, and Cognitive Science // Cognitive Semiotics. 2020. 1. P. 1–11.

O. V. Sokolova, E. V. Zakharkiv *(Moscow, Russia)*
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

UNUSUAL FUNCTIONING OF AMBIGUITY DISCOURSE MARKERS IN CONTEMPORARY POETRY

The paper undertakes cognitive-pragmatic analysis of discourse markers functioning in poetic discourse in terms of linguistic creativity. Based on the corpus of contemporary poetry, the research offers the classification of discourse markers and dwells upon the ambiguity ("contextual") discourse markers.

Key words: linguistic creativity, poetic discourse, poetic pragmatics, cognitive-pragmatic approach.

А. Г. Фомин, Н. С. Карачева *(Кемерово, Россия)*
Кемеровский государственный университет
andfomin67@mail.ru, ns_karacheva@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ *ВАВИЛОН*

В статье проводится лингвокогнитивный анализ библейского понятия «Вавилон», трансформации концептуального поля его значения. Предпринимается попытка проследить и описать механизм обретения метафорического компонента и его ментальной репрезентации.

Ключевые слова: лингвокогнитивный анализ, ментальная репрезентация, религиозный дискурс, метафора.

Религиозный дискурс и, в частности, тексты священных писаний, долгое время служили источником обогащения, а иногда и формирования литературных вариантов некоторых языков. Многие понятия и образы вошли в обращение, зачастую впоследствии потеряв связь с первоисточником. Некоторые явления постепенно приобретали метафорический компонент. Так, например, Вавилон из реально существовавшего в древности города трансформировался в метафору для чего-то непристойного и непотребного, а история о Вавилонской башне в русском ментальном пространстве превратилась в метафору «вавилонское столпотворение» и прочно закрепилась в корпусе современного русского языка. Так, например, Василий Шукшин не менее десяти раз сравнивает Москву с Вавилоном:

«Пишу вам из Москвы. Нас здесь захватил водоворот событий. Да, это Вавилон! Я бы даже сказал, это больше. Мы живём у профессора» (Шукшин В. Печки-лавочки. 1970–1972).

«Ответа не будет. И правильно, и резонно. Если отвечать всяким, получится «вавилонское столпотворение». Но все это никуда не годится. Потому что «в самое время отчаяния по счастью позвонил мне генеральный секретарь» (Савинов 2012: 38).

«В Чиланзаре, где жили и строители из Челябинска, многоязычный говор, вавилонское столпотворение» (Моргулес 2002: 73).

Понятие Вавилон далеко не всегда имело метафорическую окраску даже в христианской лингвокультуре. Изначально Вавилон или Вавилония являлась столицей Вавилонской монархии в южной части Месопотамии, древнейшим центром культурной и политической жизни с богатой и многообразной историей [Брокгауз 1907]. В каноническом тексте Синодальной Библии слово Вавилон и производные от него встречаются примерно 306 раз, что представлено в таблице 1.

Таблица 1

Данные Синодальной Библии

Синодальная Библия	**Ветхий Завет**	**Новый Завет**	**Всего**
Вавилон и его производные	295	11	306

В англоязычной версии Библии (King James Version) это понятие представлено в двух вариантах – Babylon и Babylonians и встречается в тексте примерно 264 раза (табл. 2)

Таблица 2
Данные англоязычной версии Библии

Holy Bible (KJV)	Old Testament	New Testament	Total
Babylon	249	11	260
Babylonians	4	0	4
Total	253	11	264

Небольшое расхождение в количестве упоминаний между русским и английским текстами обусловлено различиями строения русского и английского языков и незначительным отличием нумерации Синодального перевода и версии Короля Якова. В исламской традиции, несмотря на большое количество похожих историй и перекрестных понятий, Вавилон упоминается только один раз без какого-либо метафорического компонента как реальное место, где происходили некоторые события [Священный Коран 2: 102]. Это связано с тем, что в картине мира еврейского народа Вавилон занимает более значительное место.

Впервые Вавилон упоминается в Первой книге канонической Библии – в Бытии. В десятой главе приводится родословие Ноя и пределы его владений, частью которых был тогда еще небольшой город Вавилон. В одиннадцатой главе описывается история о Вавилонской башне, согласно которой, именно на этом месте Бог смешал все языки и расселил народы по всей земле:

«Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле».

Бытие 11: 9

Слово «вавилон» происходит от еврейского «бабель», что означает «путаница, смешение, хаос» [Этимологический словарь].

Далее большая часть вхождений слова «Вавилон» и его производных связана с периодом истории еврейского народа, известным историкам как Вавилонское пленение. Согласно документам, насильственное переселение части еврейского народа происходило в период с 597 по 539 год до н. э. В истории еврейского народа особое место всегда занимали пророки, предупреждающие о грядущих событиях. В это время о вавилонском пленении говорили пророки Иеремия и Иезекииль, поэтому огромное количество упоминаний Вавилона на-

ходится в их пророчествах. Все эти события описаны в Ветхом Завете Библии и их необходимо понимать буквально. Однако Вавилонское царство вскоре было разрушено до основания, евреи верили, что это своего рода наказание от Бога за все злодеяния, которые происходили в Вавилоне. Об этом говорили и пророки:

*«Я (Бог) накажу мир за зло, и нечестивых – за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей; И **Вавилон**, краса царств, гордость Халдеев, будет ниспровержен Богом, как Содом и Гоморра»*

Исаия 13: 11, 19

*«И **Вавилон** будет грудою развалин, жилищем шакалов, ужасом и посмеянием, без жителей»*

Иеремия 51: 37

Далее в Новом Завете в Откровении Иоанна Богослова Вавилон приобретает новое значение. Интерпретаторы Священного Писания выделяют два семантических поля. Первое – новозаветный Вавилон – это олицетворение господствующей в те времена Римской Империи, которую согласно пророчествам, постигнет та же участь, что и некогда великий древний Вавилон. Второе значение апокалиптическое. Вавилонская блудница противопоставляется невесте Агнца, Церкви последнего времени, собирательному образу всех христиан, добросовестно чтущих повеления их Бога, а Вавилон становится собирательным образом всех грешников, которых Бог будет судить в конце времен:

«И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства её; и на челе её написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых, и, видя её, дивился удивлением великим»

Откровение Иоанна 17

Язык – явление социальное, он живо реагирует на исторические события и любые изменения в обществе, отражая их в ментальном пространстве говорящих на нем. Именно поэтому язык необходимо рассматривать не изолированно, а в коммуникативном акте, «в соотнесении явлений языка с мышлением, а также, что не менее важно, в понимании структуры и характера человеческой деятельности» [Кубрякова 1986: 13].

Изменение значения понятия Вавилон обусловлено этническим, хронологическим, метафорическим и религиозным контекстами, в связи с этим концептуальное интегрированное значения понятия Вавилон трансформировалось в сложный лингвокогнитивный и культурно-семиотический знак, требующий особой интерпретации.

На схеме изображены семантические поля понятия Вавилон (Схема 1):

Схема 1. Семантические поля понятия Вавилон

Итак, непосредственно «Вавилон», как единица номинации уже несет в себе определенную коннотацию хаоса, что сделало возможным порождение и репрезентацию других концептуальных конструктов. «Задача номинативного компонента и заключается в организации такой системы номинативных средств, почерпнутых из разных уровней и подсистем языка, которая обеспечила бы оперативную и моделируемую по определенным законам деятельность по извлечению готовых единиц номинации из памяти или же по их созданию» [Кубрякова 1986: 45].

Анализ показал, что семантические поля 2 и 3 являются этнически окрашенными и актуализируются более активно в сознании еврейского (позднее израильского) народа, так как представляют собой часть реальной истории, поэтому не имеют сильного метафорического компонента. Семантические поля 1 и 5 являются понятиями общечеловеческими, метафорически закрепленными в сознании большого количества людей безотносительно этнической или исторической принадлежности.

Это своего рода концептуальные метафоры, тесно связанные и репрезентированные в культурном концептуальном поле, о которых говорил Дж. Лакофф: “The most fundamental values in a culture will be coherent with the metaphorical structure of the most fundamental concepts in the culture” [Lakoff 2003: 23]. Семантическое поле 4 является сложной метафорой, особым знаком, значение которого актуализируется в сознании отдельной группы людей, ментально-когнитивный словарь которых наполнен образами и символами христианской религиозной традиции. Данное поле представляет собой некоторую подсистему, в системе присущих этому понятию концептуальных значений оно менее выделенное (не фокусное), но не менее значимое и к тому же самое сложное для интерпретации, потому что требует гораздо большей подготовленности и более глубоких коммуникативных усилий.

Таким образом, понятие Вавилон – это семантически сложное многослойное ментальное образование и «континуальный характер отношений между фокусными и нефокусными (фоновыми) элементами показывают, что границы между фокусом, фоном и задним планом (background) установить довольно сложно…значения слова не должны и не могут быть «конечными», они развиваются, они зависят от процессов концептуализации и категоризации» [Кубрякова 2012: 192]. Разные когнитивные пространства актуализируются в сознании индивида в зависимости от его лингвокультурной принадлежности, когнитивного багажа и наполненности ментального словаря.

Литература

Библия (Синодальный перевод). М.: Издание Московской Патриархии, 1988.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. URL: https: //gufo.me/dict/brockhaus (дата обращения: 17.06.2021).

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования / Ин-т. языкознания РАН. М.: Знак, 2012.

Моргулес И. И. Записки обжоры // Уральская новь. 2002. № 12.

Савинов А. Машина власти и Михаил Булгаков // Знание – сила. 2012. № 1. С. 105–110.

Священный Коран. URL: https://quran-online.ru (дата обращения: 12.06.2021).

Этимологический словарь. URL: https:|//lexicography.online/etymology] (дата обращения: 14.06.2021).

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

A. G. Fomin, N. S. Karacheva *(Kemerovo, Russian Federation)*
Kemerovo State University

COGNITIVE LINGUISTIC TRANSFORMATION OF BABYLON

The article describes the process of cognitive linguistic transformation of Biblical Babylon, its cultural and historical development from the real ancient city to a conceptual metaphor. The empirical analysis is an attempt to build a linguo-cognitive model of the conceptual meaning and its mental representation.

Key words: linguo-cognitive analysis, mental representation, religious discourse, metaphor.

А. А. Шарапкова *(Москва, Россия)*
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
warapkova@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТ С МИФОМ В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: КРЕАТИВНОСТЬ ИЛИ ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ?[1]

Данная статья описывает результаты ассоциативного эксперимента в сравнении с ранее проведенным концептуальным анализом и анализом реально существующей рекламной продукции, где использованы элементы мифа о короле Артуре. Показано, что в рамках эксперимента, чаще реализуются нетривиальные характеристики и образуются более сложные интегрированные ментальные пространства.

Ключевые слова: миф о короле Артуре, ассоциативны эксперимент, концепт.

Исследования таких явлений человеческой культуры как «миф», «мифология» и «мифологическое сознание» на протяжении столетий привели к выявлению важнейших особенностей мифа как важного элемента национального самосознания. Восприятие мифа может служить

[1] Работа поддержана грантом Российского научного фонда № 18-78-00128 «Метаморфозы знака и значения в мифе XX–XXI веков».

своеобразным «барометром» для изучения развития популярности тех или иных сюжетов и показывает реализацию разнообразных возможностей художественного мира. Миф в данном случае – материал, всегда связанный с человеческим сознанием, культурой и языком; он всегда производится, передается человеком, он легко участвует в диалоге множества индивидов. Объектом данного исследования является миф о короле Артуре как прекрасный пример и хороший «модельный объект» для изучения восприятия мифа широкой публикой в двух разных культурах: русской и англосаксонской. Все элементы данного мифа можно изучить как отдельные, но взаимосвязанные концепты, имеющие неизменные ядерные признаки и вариативные признаки ближней и дальней периферии. Концепт представляет собой единицу «оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [Кубрякова 1996: 13] или «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 43].

Одним из интересных воплощений и обращений к мифу в современном мире является рекламный дискурс, в котором происходит не только десакрализация и демократизация мифа, но одновременно и его сохранение, и модернизация. Некоторые исследователи образно называют «рекламу прапра…внучкой древней мифологии» [Притчин, Теременко 2002: 149]. Миф о короле Артуре был прекрасно использован в рекламном дискурсе для воплощения идей элитарного, особенно качественного продукта. Было показано, что при этом происходит формирование нового, интегрированного ментального пространства – бленда из характеристик концепта и товара [Шарапкова, Яковлева 2020]. Интересно, что в целом для формирования данного бленда выбираются легко декодируемые, ядерные характеристики определенных концептов, которые опираются на такие понятия, как пространство и время, а те характеристики, которые находятся на периферии, используются значительно реже. Однако переосмысление именно последних характеристик открывает в перспективе менее тривиальные, чаще индивидуальные и более сложные преобразования. Поэтому предметом нашего анализа были свободные ассоциации на ключевые образы и артефакты, данные американцами и англичанами. Реципиентам задавался вопрос, какие ассоциации вызывает у них король Артур. Также мы просили их указать, если бы они назвали свой бизнес персонажем или артефактом, связанным с мифом о короле Артуре, то каким и почему. Всего было получено 60 реакций англичан и американцев. Все опрошенные имели высшее образование.

Идея данного эксперимента исходит из двух теоретических положений. В первую очередь, это лингвистические и психолингвистические работы по изучению ментальных репрезентаций на основе изучения ассоциативного эксперимента. Н. Н. Болдырев указывал [Болдырев 2001], что в структуре концепта существуют конкретные признаки, которые различаются по степени абстрактности и по степени актуальности для того или иного культурно-исторического периода. При этом, художественные или культурно специфические концепты обладают более сложной структурой, в которой выделяется ядро, ближняя и дальняя периферия [Комова 2005]. При этом, наиболее изменчивы и подвержены влиянию экстралингвистических факторов ассоциации на периферии, с течением времени, они могут входить в ядро, а ближняя периферия может, окончательно, утратив актуальность вытесняться на периферию.

Во вторую очередь это исследования в области языковой креативности и ментальных интеграций, которые теснейшим образом взаимосвязаны и эмоционально насыщены. В. И. Заботкина подчеркивает необходимость изучения лингвокреативности в триаде язык-креативность-когниция [Заботкина 2019: 210]. Полагая, что креативность основана на процессе девиации или отклонения, она показывает, что концептуальная структура накладывает наиболее значимые ограничения по креативности, например, при развитии значения слова. Известно, что новое знание или понимание часто зарождается на стыке нескольких старых элементов, будь это слова, концепты или концептуальные поля. Развивая данную мысль, можно предположить, что при намеренной попытке образовать бленд происходит адаптация и расширение границ исходного концепта или перераспределение исходных признаков с точки зрения центральности и инферентного потенциала, а также чаще используются перефирийные элементы концепта.

Проведенный ассоциативный эксперимент среди представителей английской и американской культуры (60 ответов) подтвердил большую часть ассоциаций, выделенных ранее путем анализа лексикографических источников [Шарапкова, Яковлева 2020]. Это объясняется тем, что часть ассоциаций универсальна и характерна для большей части членов языкового сообщества, а часть высоко индивидуальна. Однако есть и та часть, которая характеризует определенные социальные группы. Под ассоциациями понимают «способ непроизвольного, то есть неподконтрольного волевому импульсу, выражения человеком актуальных для него корреляций между образами или идеями» [Еленевская, Овчинникова 2016: 70].

Достаточно частотными при ответах англоязычных респондентов были ассоциации с авторами и героями наиболее популярных произведений и ожидаемые характеристиками образа короля Артура (*noble, just, brave, cool, masculine, honour, royalty, king, power*), так и совершено неожиданные: *naïve*, *tired, trying to make peace, the greatest king but still troubled, why we can't have nice things, what we aspire to be, tragic, tragedy, suffering, a good guy but stupid, fall from grace, Icarus syndrome, a hero from my childhood, shining armor*. Все это указывает на осознаваемое противоречие между героическими характеристиками и личностными слабостями, характерными в большей мере для современной культуры, чем для мифологического героя.

Необходимо отметить, что все данные ассоциации были в достаточной мере своеобразными и большая часть респондентов ответила, дав совершенно новые, не известные ранее примеры возможных компаний. Возможно потому, что восприняли данный эксперимент как игру, а это несомненно провоцирует более креативное отношение к потенциальному продукту. Многие отмечали в отзывах, что не ожидали таких вопросов (*I wasn't expecting those questions*) или что им очень понравилось (*Обожаю короля Артура, это было весело*).

Несомненно, часть предложений достаточно предсказуема поскольку опирается на характеристики, входящие в ядро концепта КОРОЛЬ АРТУР Это связь данного мифа с литературой и определенная дискурсивность существования самого героя. Так, были предложены: 1*) Arthurian bookshop; 2) Merlin's Library. Short fiction online magazine; 3) Camelot. Ideal name for a library specialized on medieval literature and fantasy.* В обоих случаях происходит выделение одной концептуальной характеристики и поиск объекта, позволяющего быть названным таким образом, например, библиотека; при этом не важно, является ли данная библиотека реальной или онлайн-библиотекой. Есть и более развернутые ответы, объединяющие несколько ассоциативно связных героев: 1) *Lunete and the Lion's Library, which would be a bookstore/bakery/coffee shop named after my favorite characters from Yvain. It would be one of those bookstores that have cats, because I love cats and think it would go with the lion theme.* Здесь автор предлагает создать не просто библиотеку, но кафе, где можно было бы читать книги, и в котором жил бы кот. Данное предложение связано с известным средневековым романом Кретьена Де Труа "Yvain, the Knight of the Lion" К похожему типу можно отнести и такой ответ: *Merlin's bookstrore (he is clever and a druid),* который, тем не менее, использует и характеристику одного из самых популярных персонажей короля Артура – Мерлина.

Другими достаточно предсказуемыми ассоциациями была связь со Средними веками, что очевидно из примера с наименованием библиотеки "Camelot", а также *A medieval or Arthurian themed restaurant named Camelot*. Более того, как показало наше раннее исследование, такой ресторан существует во множестве вариантов, а артуровская тема для заведений питания с соответствующей тематикой достаточно популярна. Так, был предложен *Lancelot: medieval costumes; Camelot-role-play accessories*. Более творческой связью со средними веками является ассоциация с другим неоднозначным персонажем артуровского мифа, Феи Морганой: *After Morgan le Fay, probably a jewelry store, with handmade items, maybe influenced by medieval beliefs about gems,* что также связано и с образом Морганы как волшебницы и красивой женщины.

Очевидно, что любые пространственные решения (отель, зал для торжеств, бизнес-центр) могут носить название Камелот. Так один из респондентов предложил назвать риелторский бизнес *A real estate business called Camelot.* Другой – жилой квартал элитной недвижимости: *something really cool for the king*. Не менее прямолинейной ассоциацией является и создание кузницы в честь Эскалибура, меча короля Артура, с использованием названия известного многим мультфильма У. Диснея: *I would create a forge called "The Sword in the Stone", since it would imply solidity, greatness, and an inherent right to rule Britain, so it is always nice.* Связь с оружием прослеживается и с в другом ответе: *It would be a shop that sells protective armor/swords called Arthur's Armor.*

Другие ассоциации можно причислить к далеко не тривиальным, где очевидно соединение двух пространств: пространства представлений о мифе и его героях, которые структурированы в виде концептов и пространства современности со своими объектами и реалиями и их характеристиками. В таких предложениях задействуются характеристики периферии. Часть ассоциаций работает с элементами сюжета и персонажами, которые оказали значительное влияние на артуриану или имели конкретную функцию, но не имели четкого образа или закрепившейся в массовом сознании идеи. Например, *Sir Ector de Maris – incubator of greatness and steady reliability* определяется его ролью в воспитании короля Артура или школа верховой езды: *riding school, Llamrei*. Среди респондентов встречались и знатоки второстепенных персонажей: *I'll make a gym and would name it "Gornemant de Gohort training center", referring to the training made by this character to Perceval on Arthurian literature.*

Более частотными были примеры, указывающие на характеристики концепта, который связан с тем или иным персонажем. В большинстве случаев это были главные персонажи, но не сам Артур. Например, Мерлин, имеющий неоднозначный образ в массовом сознании, волшебник и друид, играет амбивалентную роль в артуровском цикле и ассоциируется с мудростью, целительством, но, в то же время, с опасностью. В реакциях, в основном, переосмысляются положительные черты: *Merlin. I am not sure what kind of business but I hope it can help people so it might be a charity*; *Merlin's pharmacy* Связь с магией проявляется и в другом ответе *Merlin's magical mystery tour – The escape room.* Интересна реакция, выделяющая роль Мерлина в появлении (зачатии) самого короля Артура, ведь как известно, он при помощи магии позволил Утеру Пендрагону прийти к Игрейне. *Merlin's Matchmaking Business* – фирма по подбору пары. В этом частично заключена и ирония, ведь Мерлин также помог Артуру и Гвиневере быть вместе, впрочем, понимая и предвидя ее роль в крахе королевства.

Гвиневера и Элейна оказались популярными персонажами для образования гипотетических бизнесов. Первая в определенной мере является воплощением женственности, поэтому *The Three Guineveres. Something beauty or wellness related I suppose.* У Элейны более сложный и трагический образ в артуриане, но запоминается читателям она обычно тем, что она самоотверженно ухаживает за раненым Ланселотом. Прекрасная Дева из Астолата мудра, смела, поскольку первая признается в любви Ланселоту, но получив отказ, умирает от тоски. Варианты истории Элейны появляются во многих средневековых романах, например в «Смерти Артура» Томаса Мэлори и в «Королевских идиллиях» Альфреда Теннисона. История Элейны также вдохновила Теннисона на создание поэмы «Волшебница Шалот» (ср. *Elaine's Cooking Supplies; Weavings by Elaine – we can create anything; Elaine Counseling, a mentorship and counseling organization for women. Several supporting characters in Arthurian romance are named Elaine and they all have varying levels of influence that pale in comparison to other characters. Elaine management would help women become their best to shine and make themselves distinct).* В современном мире магия не имеет той мифологический, сакральной силы, но может быть переосмыслена как профессионализм, высокая скорость и качество работы. *It would be an event planning business named Morgana's Magic; Merlin's magic – a bioinformatic agency helping to find the right drug for chemotherapy patients; Vivien's design agency.*

Отдельную группу составляют предложения, которые связаны с важнейшей составляющей рыцарских путешествий, квестов: *Sir Lancelot. It would be an interactive quest for the Holy Grail, similar to an escape room. I would call it Questing with Lancelot; Merlin's magical mystery tour – The escape room; Perceval – maintenance de metro.* А также особенно неожиданные предложения были связаны с водой и ее ролью: *It would be named after bedivere and would be some sort of plumbing company due to his connection with the lake that excalibur was thrown into. Loose connection but I like the idea!; 'the lady in the lake' & it sells swimming costumes for ladies.*

Таким образом, в результате проведения ассоциативного эксперимента были выявлены как сходства с проведенным ранее концептуальным анализом в плане большей частотности ядерных характеристик, так и различия, указывающие на индивидуальное восприятие и общие тенденции в переосмыслении артуровского мифа. Постоянное обращение к мифологии в рекламных целях подпитывает его, устанавливает двунаправленные связи, дает ему развиваться, не исчезнуть в рациональной современности, но остаться живым. Вторая часть эксперимента «индуцированной креативности» выявила большее разнообразие используемых концептуальных характеристик, по сравнению с реально существующими и проанализированными ранее рекламными объявлениями, а также заметный интерес к переосмыслению характеристик, находящихся на периферии и образование сложных интегрированных пространств.

Литература

Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова //Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 25–36.

Еленевская М. Н., Овчинникова И. Г. Хранение и описание вербальных ассоциаций: словари и тезаурусы // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 69–93.

Заботкина В. И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 208–216.

Комова Т. А. Концепты языка в контексте истории и культуры: курс лекций. 2-е изд., с доп. М.: МАКС Пресс, 2005.

Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 90–93.

Притчин А. Н., Теременко Б. С. Миф и реклама // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 149–163.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.

Шарапкова А. А., Яковлева Ю. С. Семиотика преобразований мифа в XXI в. (на примере рекламного дискурса) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 22–42.

***A. A. Sharapkova** (Moscow, Russia)*
Lomonosov Moscow State University

EXPERIMENT WITH MYTH IN ENGLISH CULTURE: CREATIVE OR PREDICTABLE?

The article describes the results of an associative experiment as the basis for conceptual analysis and analysis of existing advertisements exploiting elements of the myth about King Arthur. It is revealed that within the framework of the experiment, non-trivial characteristics are more often realized, and more complex integrated mental spaces are formed.

Key words: myth about King Arthur, associative experiment, concept.

Научное издание

16+

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 4 (47)

МЕТОДЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ГОРДОСТЬ ИЛИ ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ?

Материалы Круглого стола

29 октября 2021 года

Главный редактор
Болдырев Николай Николаевич

Главный редактор выпуска
Ирисханова Ольга Камалудиновна

Компьютерная верстка *Т. О. Прокофьевой*

ISBN 978-5-00078-496-9

Подписано в печать 01.10.2021 г. Дата выхода в свет 28.10.2021 г. Формат 60×84/16.
Физ. печ. л. 39,25. Тираж 500 экз. Заказ 21231. Цена свободная

Учредители:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»

Отпечатано в Издательском доме «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г

Когнитивные исследования языка

Книги, вышедшие в научной серии «КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА», представляют интерес для студентов, аспирантов, преподавателей, ученых, занимающихся исследованиями в области когнитивной лингвистики

Вып. I: Концептуальный анализ языка: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2009.

Вып. II: Проблемы репрезентации в языке: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2009.

Вып. III: Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2008.

Вып. IV: Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2009.

Вып. V: Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2009.

Вып. VI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2010.

Вып. VII: Типы категорий в языке: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2010.

Вып. VIII: Проблемы языкового сознания: материалы Международной научной конференции 15–17 сентября 2011 г. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2011.

Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2011.

Вып. X: Категоризация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2012.

Вып. XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике 10–12 октября 2012 года: сб. материалов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2012.

Вып. XII: Теоретические аспекты языковой репрезентации: сб. материалов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2012.

Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2013.

Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции 11–12 апреля 2013 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2013.

Вып. XV: Механизмы языковой когниции: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2013.

Вып. XVI: Языковое сознание и когнитивное моделирование: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2014.

Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2014.

Вып. XVIII: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике 22–24 мая 2014 года / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов; Челябинск, 2014.

Вып. XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2014.

Вып. XX: От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2015.

Вып XXI: Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 25–26 июня 20015 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2015.

Вып XXII: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике 30 сентября – 2 октября 2015 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов; СПб, 2015.

Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2015.

Вып. XXIV: Личность. Язык. Сознание: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2016.

Вып. XXV: Язык и человек: проблемы когниции и коммуникации: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 16 мая 2016 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2016.

Вып. XXVI: Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике: материалы Международной научной конференции 22–24 сентября 2016 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов; Тюмень, 2016.

Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2016.

Вып. XXVIII: Антропоцентрический характер языка: коллектив. моногр. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2017.

Вып. XXIX: Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2017.

Вып. XXX: Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 20–22 сентября 2017 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов; Белгород, 2017.

Вып. XXXI: Когнитивно-функциональная грамматика: тенденции и перспективы: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2017.

Вып. XXXII: В поисках смыслов языка: сб. науч. тр. в честь 90-летия Е. С. Кубряковой / отв. ред. выпуска О. К. Ирисханова. М.; Тамбов, 2018.

Вып. XXXIII: Когнитивные исследования в гуманитарных науках: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 17–18 мая 2018 г. / отв. ред. вып. Л. В. Бабина. М.; Тамбов, 2018.

Вып. XXXIV: Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10–12 октября 2018 г. / отв. ред. вып. Л. А. Манерко. М., 2018.

Вып. XXXV: Взгляд в будущее: новые перспективы когнитивных исследований языка: материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 2 ноября 2018 года / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов, 2018.

Вып. XXXVI: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сборник научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова / отв. ред. выпуска М. Л. Ковшова. Тамбов, 2019.

Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. / отв. ред. вып. Т. В. Романова. Нижний Новгород, 2019.

Вып. XXXVIII: Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка: материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 1 ноября 2019 года / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов, 2019.

Вып. XXXIX: Репрезентация специальных знаний в языке: сборник научных трудов / гл. ред. вып. Т. А. Клепикова. Тамбов, 2019.

Вып. № 1 (40): Гуманитарное знание и ответы на вызовы XXI века: когнитивно-дискурсивные стратегии: материалы Международной научной конференции. Российский государственный гуманитарный университет. 21–22 марта 2019 года / гл. ред. вып. В. И. Заботкина. М., 2020.

Вып. № 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования: материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 17–20 сентября 2020 г. / отв. ред. вып. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2020.

Вып. № 3 (42): Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. г. Тамбов. 9 октября 2020 года / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. Тамбов, 2020.

Вып. № 4 (43): Когнитивные доминанты языкового сознания: коллектив. моногр. / отв. ред. вып. С. Г. Виноградова. Тамбов, 2020.

Вып. № 1 (44): Когнитивные исследования естественной коммуникации: Qs&As: материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 29 октября 2020 года / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов, 2021.

Вып. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвященный памятному юбилею Вероники Николаевны Телия / отв. ред. вып. М. Л. Ковшова. Тамбов, 2021.

Вып. № 3 (46): Язык и мышление в эпоху глобальных перемен: материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике. 2–4 июня 2021 г. / отв. ред. вып. А. В. Иванов. Москва, 2021.

Вопросы когнитивной лингвистики

Журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» индексируется в Международной базе данных SCOPUS и включен в Международную базу журналов ERIH PLUS.

Журнал **«Вопросы когнитивной лингвистики»** и серия книг **«Когнитивные исследования языка»** входят в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Научную литературу можно приобрести через

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ЦЕНТР ЗАКАЗОВ

www.ralk.info

поможет Вам легко и быстро:

- оформить заказ на приобретение научной литературы;
- оформить заказ на любой номер журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» (2004–2021 гг.);
- получить бланк с реквизитами для оплаты членского взноса.

Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»
392000, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.
E-mail: sekretar@ralk.info, ralk@tsu.tmb.ru